

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

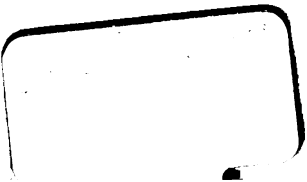
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per. 278975 d. 80

175

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1868

№ 7 І Ю Л Ъ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. БРАВСКАГО (Литейная, № 38)

I. — ДРЕВНЕ-АНГЛИЙСКІЯ И ШОТЛАНДСКІЯ СТИХОТВОРЕНІЯ (I. Эдвардъ, II. Вильгельмъ и Маргарита, III. Джонъ О'Беднинъ) П. И. Вейнберга.	1
II. — ОЧЕРКЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. (Статья третья и послѣдняя). С. В. Ешевскаго	9
III. — ОСТАНОВКА. Разказъ Глѣба Успенскаго . . .	63
IV. — РАЗКАЗЫ ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ. Періодъ первый. 1816—1830. Испанія и ея колонія, Португалія и Бразилія. Великобританія и Ирландія. В. И. Пожровскаго . . .	93
V. — ГДѢ ЛУЧШЕ? Романъ. Часть первая. (IX—XIV) О. М. Рѣшетникова	121
VI. — ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ. Стих. Ольги Лешко . . .	179
VII. — ДВА ЖЕНСКІЕ ХАРАКТЕРА. (LES DEUX FILLES DE M. RYSON, par André Léo).	183
VIII. — СѢВЕРО - АМЕРИКАНСКОЕ СЕКТАТОРСТВО. (Статья третья)	269
XI. — ПѢСНЯ ПОРТУГАЛЬСКАГО ПЕРЕСЕЛЕНЦА (изъ Ленау). Стих. Ив. Г. — М.	319
X. — ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ МАЛЕНЬКАГО ОБОРВЫША. Романъ Джемса Гринвуда (продолженіе.	304

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

XI. — ОЧЕРКИ ШВЕЙЦАРСКОЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ. II. Въ горахъ. Э. Д.	1
XII. — КРИТИКА. — ПРОТИВОПОЛОЖНАЯ КРАЙНОСТЬ. (Сочиненія Марко-Вовчка. Т. I. Разказы въ украинскаго быта) А. М. Окабичевскаго . . .	19

(См. страницу 3-ю).

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ СЛХХІХ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского (Литонія № 38).

1868.

C-XXXVI-473

ДРЕВНЕ-АНГЛІЙСКІЯ И ШОТЛАНДСКІЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ *.

I.

ЭДВАРДЪ.

— Твое оружіе въ крови,
Эдвардъ, Эдвардъ!
Твое оружіе въ крови...
Какъ страшно мраченъ ты, мой сынъ!
— Мой добрый соколъ мной убить,
О мать, о мать!
Мой добрый соколъ мной убить —
А у меня онъ былъ одинъ!

— Кровь сокола не такъ красна,
Эдвардъ! Эдвардъ!
Кровь сокола не такъ красна...
Мой сынъ, откройся мнѣ скорѣй!

---

* Изъ приводимыхъ здѣсь стихотвореній первыя два принадлежатъ къ чисто-народной поэзіи; имена авторовъ ихъ неизвѣстны и сочинены они въ глубокой древности. Я переводилъ почти слово въ слово, чтобъ сохранить главное свойство ихъ — простоту, принимающую иногда, какъ, напримѣръ, въ разговорной балладѣ «Эдвардъ» (одной изъ знаменитѣйшихъ въ шотландской литературѣ), ужасающій характеръ. Третье стихотвореніе написано во 2-й половинѣ XVIII столѣтія шотландцемъ Сквиннеромъ, весьма популярно въ народѣ и занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи народной шотландской поэзіи.

Перев.

— Коня убилъ я своего,
 О мать, о мать!
 Коня убилъ я своего, —
 А въ свѣтѣ нѣтъ такихъ коней!

— Онъ былъ и старъ, и не одинъ,
 Эдвардъ, Эдвардъ!
 Онъ былъ и старъ, и не одинъ...
 Нѣтъ, тутъ другая есть печаль!
 — Отца роднаго я убилъ,
 О мать, о мать!
 Отца роднаго я убилъ...
 Ахъ, какъ убилаго мнѣ жалко!

— А чѣмъ искупишь ты свой грѣхъ,
 Эдвардъ, Эдвардъ?
 А чѣмъ искупишь ты свой грѣхъ?
 Спиши мнѣ это объяснить...

— Вонъ въ ту ладью усядусь я,
 О мать, о мать!
 Вонъ въ ту ладью усядусь я,
 Чтобъ съ нею за море уплыть!

— А замокъ нашъ? Что дѣлать съ нимъ?
 Эдвардъ, Эдвардъ!
 А замокъ нашъ? Что дѣлать съ нимъ?
 Кто станетъ править имъ тогда?

— Пускай себѣ стойтъ одинъ,
 О мать, о мать!
 Пускай себѣ стойтъ одинъ,
 А я — уѣду навсегда!

— А какъ же дѣтямъ быть, женѣ?
 Эдвардъ, Эдвардъ!
 А какъ же дѣтямъ быть, женѣ,
 Когда покинешь ты однихъ?
 — Они пусть по миру идутъ,
 О мать, о мать!
 Они пусть по миру идутъ, —
 Я не увижу больше ихъ!

— Чтò жь будетъ съ матерью твоей?
 Эдвардъ, Эдвардъ!
 Чтò жь будетъ съ матерью твоей?
 Скажи, чтò дѣлать ей одной?
 — Носи проклятiе мое,
 О мать, о мать!
 Носи проклятiе мое —
 Вѣдь ты была учитель мой!

II.

Вильгельмъ и Маргарита.

Въ лѣтнiй день Вильгельмъ и Маргарита
 Въ лѣсъ пошли и сѣли тамъ подъ тѣнь,
 И никакъ они наговориться
 Не могли за цѣлый лѣтнiй день.

— «Ты во мнѣ не видишь недостатковъ,
 Я въ тебѣ не вижу тоже ихъ:
 Въ семь часовъ проѣдутъ завтра, Гретхенъ,
 Предъ тобой невѣста и женихъ!»

Волоса чесала золотые
 Утромъ Гретхенъ въ комнатѣ своей, —
 И Вильгельмъ возлюбленный съ невѣстой
 Въ семь часовъ проѣхалъ передъ ней.

Тутъ она гребенку отложила,
 Волоса въ двѣ косы заплела
 И ушла изъ комнаты живою —
 Но живой назадъ ужь не пришла.

А какъ день минулъ и ночь настала
 И вездѣ всѣ погрузились въ сонъ,
 Гретхенъ духъ пришелъ къ Вильгельму въ спальню,
 У постели сталъ тихонько онъ.

— «Милый другъ, ты спишь теперь иль слышишь,
 Что стою я здѣсь передъ тобой?»

Богъ спаси тебя на брачномъ ложѣ,
А меня — въ землѣ моей сирой».

А какъ день насталъ и ночь минула,
И вездѣ возстали всѣ отъ сна,
Говорить Вильгельмъ своей супругѣ:
— «Горько мнѣ, любезная жена!

«Снилось мнѣ сегодня, — сны такіе
Не къ добру, — что будто въ спальнѣ здѣсь
Вижу я свиней пунцовыхъ много
И въ крови мой брачный пологъ весь».

— «Этотъ сонъ, мой мужъ и повелитель,
Не къ добру, конечно, если здѣсь
Видѣлъ ты свиней пунцовыхъ много
И въ крови твой брачный пологъ весь».

Вѣрныхъ слугъ Вильгельмъ къ себѣ сзываетъ,
Одного, двоихъ, троицъ: «Друзья!
Я иду къ прекрасной Гретхенъ, — это
И жена позволила моя».

Вотъ пришелъ онъ въ домъ прекрасной Гретхенъ,
Стукнулъ тутъ у двери онъ кольцемъ,
И ея семь братьевъ, отворивши
Эту дверь, его впустили въ домъ.

Онъ тотчасъ покровъ ея откинулъ:
— «Я хочу взглянуть на мертвеца...
Какъ она блѣдна и посинѣла!
Алый цвѣтъ совсѣмъ пропалъ съ лица!

«Для тебя готовъ я сдѣлать больше,
Милый другъ, чѣмъ вся родня твоя:
Синій трупъ я въ губы подаю,
Хоть не жду отъ нихъ улыбки я!»

Громко тутъ заплакали семь братьевъ
И ему отвѣтили тотчасъ:
— «Ты цалуй твою жену-смуглянку,
А сестру не трогай ты у насъ!»

— «Коль жену-смуглянку я цалую,
Это долгъ мой только... Но ни въ чемъ
Трупу я несчастному не влялся —
Никогда, ни ночью и ни днемъ.

«Пополамъ дѣлите эти вина,
Яства эти — тоже пополамъ:
Часть раздать у ней на погребенъи,
Часть сберечь къ моимъ похоронамъ».

Нынче Гретхенъ, бѣдная, скончалась,
Черезъ день къ Вильгельму смерть пришла;
Отъ любви святой погибла Гретхенъ,
Грусть-тоска Вильгельма унесла.

И ее на верхнихъ хорахъ церкви,
А его на нижнихъ погребли;
У нея изъ груди вышла роза,
У него — терновникъ. И пошли

Вверхъ роста. Подъ самый куполь церкви
Забрались; исходу дальше нѣтъ —
Тутъ сплелись они узломъ любовнымъ;
Это чудо долго видѣлъ свѣтъ.

Но одинъ священникъ неискусный —
(Въ этомъ ты словамъ моимъ повѣрь) —
Срѣзалъ ихъ нечаянно; иначе
Тамъ росли они бы и теперь.

III.

Джонъ о'Бидиннъ*.

Когда я въ возрастъ ужъ пришелъ
И ступнуло мнѣ двадцать лѣтъ,
Считалъ себя красавцемъ я
И захотѣлъ увидѣть свѣтъ.

---

* Названіе старой шкотовой пѣсни.

И франтомъ я пустился въ путь,
 Лишенъ заботъ и свѣжъ умомъ;
 Куда бы я ни приходилъ,
 Мнѣ все казалось майскимъ днемъ.
 Безъ усталы, безопасно, я
 Вездѣ бродилъ по цѣлымъ днямъ
 И слылъ звѣваю у всѣхъ,
 По городамъ и деревнямъ.
 Не зналъ я скуки никогда —
 Ни въ многлюдствѣ, ни одинъ, —
 И пѣлъ себѣ на всѣ лады:
 «Джонъ о'Беднинъ!»

Но вотъ я сталъ себѣ искать
 Подругу жизни: вѣдь любовь
 Облагороживаетъ духъ
 И очищаетъ плоть и кровь.
 На Лизу, волею судьбы, я
 Упалъ мой взглядъ, — и въ душу мнѣ
 Проникъ блескъ прелестей ея,
 И я отдался ей вполне.
 Молитвы пылкія мои
 Всечасно слышалъ Купидонъ;
 Я клялся, пѣлъ, плясалъ, вдыхалъ,
 Ну, такъ какъ всякій, кто влюбленъ.
 Но ахъ! огонь моей души
 Не растопилъ холодныхъ льдинъ...
 Я бросилъ Лизу и запѣлъ:
 «Джонъ о'Беднинъ!»

Разочарованный въ любви
 И издѣваясь надъ ней,
 Я чувство дружбы предпочелъ
 И сталъ искать себѣ друзей.
 И скоро друга я нашелъ —
 Богоподобнаго вполне;
 Хорошій другъ — великій кладъ,
 И кладъ такой достался мнѣ.
 Теперь я счастливъ былъ; я зналъ:
 Какую бь страшную бѣду

Ни встрѣтилъ я — есть человѣкъ,
Въ которомъ друга я найду.
Бѣда пришла — я къ другу: ахъ!
Отвѣтомъ былъ мнѣ смѣхъ одинъ...
Мы разошлись — и я запѣлъ:
«Джонъ о'Беднинъ!»

Ну — думалъ я — теперь за умъ
Пора приняться мнѣ — и вотъ,
Забывъ про дружбу и любовь,
Я сталъ горячій патриотъ.
Моихъ славнѣйшихъ земляковъ
Избралъ себѣ я образцомъ;
Такъ звучны были рѣчи ихъ,
Такъ чудно взоръ сверкалъ огнемъ!
Прошло два мѣсяца — и я
Узналъ, что это все обманъ;
Одинъ былъ интриганъ пустой,
Другой — нахальный шарлатанъ.
И честь и совѣсть они продавать
Готовы оба за алтынъ...
Я злобно плюнулъ и запѣлъ:
«Джонъ о'Беднинъ!»

Ну, что жъ теперь? подумалъ я —
И скоро выбралъ новый путь:
Въ науку бросился — хотѣлъ
Я въ ней всю мудрость почерпнуть.
Я книги горами скупалъ,
Сидѣлъ надъ ними день и ночь,
Отъ докторовъ, профессоровъ
Не отходилъ ни шагу прочь.
Казалось мнѣ, что наша жизнь
Наукой красится одной;
Въ несмѣтныхъ кипахъ разныхъ книгъ
Искалъ я истины святой.
Я строилъ тысячи системъ,
Стремился къ корню всѣхъ причинъ
И... послѣ бросилъ все, запѣвъ:
«Джонъ о'Беднинъ!»

Вотъ такъ-то, юноши мои!
На этомъ жизненномъ пути
Вамъ счастья, правды — вѣрьте мнѣ —
Не посчастливится найти.
Да, вѣрьте мнѣ, фальшивый блескъ
Во всемъ, что васъ прельщаетъ такъ;
Любовь, наука, слава, другъ —
Все одинаковый пустякъ.
Примите жь мой совѣтъ, хотя
Не папа я, не кардиналъ,
И поступайте точно такъ,
Какъ старый другъ вашъ поступалъ:
Держите сердце далеко
Отъ тревоженій и гручинъ
И пойте весело себѣ:
«Джонъ о'Беднинъ!»

П. Вейнбергъ.

О Ч Е Р К Ъ

ЦАРСТВОВАНІЯ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ.

Статья третья и последняя.

Царствованіе Елизаветы Петровны не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя оставляютъ по себѣ долгую память во внутреннемъ строѣ государства. Двадцать лѣтъ ея правленія не ознаменовались важными измѣненіями въ государственныхъ учрежденіяхъ, не смотря на то, что эти измѣненія повидимому вызывались необходимостію. Мы напрасно будемъ искать въ правительственныхъ распоряженіяхъ какой нибудь системы, какого нибудь общаго плана. Въ этомъ отношеніи царствованіе Елизаветы представляетъ продолженіе предыдущихъ правленій. Какъ въ дѣлахъ виѣшной политики, здѣсь, можетъ быть, еще съ большею ясностію представляется господство личныхъ побужденій, случайности и отсутствіе всякаго опредѣленнаго принципа. Тѣмъ не менѣе въ царствованіе Елизаветы Петровны сдѣлано было довольно такого, на чемъ останавливается вниманіе историка, и останавливается съ полною благодарностію. Въ основаніи московскаго университета, въ колонизаціи Южной Россіи Елизавета имѣетъ право на признательность потомства. Въ эти 20 лѣтъ нравы много потеряли своей прежней грубости. Достаточно сличить манифестъ о навазаніи Миниха, Остермана и другихъ или манифестъ о Лопухинскомъ заговорѣ съ тѣмъ, которымъ объявлено народу о дѣйствительныхъ преступленіяхъ Бестужева, чтобы наглядно убѣдиться въ быстромъ смягченіи нравовъ, совершившемся въ ея правленіе. И должно сказать, что въ этомъ смягченіи много участвовалъ личный характеръ императрицы. Въ памяти народа изъ ея нравственнаго облика удержалось только, какъ главная отличительная черта, кротость и привѣливость дочери Петра Великаго. Какъ ни трудно представить картину общественнаго и ум-

ственного состоянія Россіи въ это время, такое изображеніе необходимо какъ естественное дополненіе вѣдѣній исторіи. Отрывочность и неполнота не должны насъ останавливать. Отсутствіе общаго плана, бессистемность, случайность точно такой же характеристическій признакъ вѣдѣній царствованій, какъ ясная сознательная дѣятельность, отличающая другія. Многое учрежденное при Елизаветѣ, явилось безъ всякаго отношенія къ прошедшему, исчезло безъ слѣда съ ея кончиной, но самые факты любопытны, потому что они имѣли сильное вліяніе на современность. Притомъ развитіе общества, исключая разумѣется нисшіе слои его, оставшіяся вѣдѣнія, никогда не совершалось съ такою быстротою, какъ въ XVIII вѣкѣ. Каждое 25-лѣтіе составляетъ какъ бы особый періодъ.

Мы начнемъ съ вѣдѣній, административной и матеріальной стороны общества, чтобы перейти потомъ къ его внутренней, нравственной жизни.

Россія дѣлилась при Елизаветѣ на 16 губерній, изъ которыхъ нѣкоторыя подраздѣлялись на провинціи. Это были 1) Московская съ 9 провинціями, 2) Новгородская съ 4-мя, 3) Бѣлгородская съ 2-мя, 4) Воронежская съ 4-мя, 5) Смоленская безъ провинцій, 6) Архангелогородская съ тремя, 7) Казанская съ 5-ю, 8) Нижегородская съ 2-мя, 9) Астраханская и 10) Кіевская безъ провинцій, 11) Оренбургская и 12) Сибирская каждая съ 2-мя, 13) Рижская, 14) Ревельская, 15) Выборгская и 16) Петербургская безъ провинцій. Всѣ эти губерніи, за исключеніемъ Выборгской, существовали прежде, и вообще при Елизаветѣ не сдѣлано было въ этомъ отношеніи измѣненій. Выборгская же образована по высочайше утвержденному 14 января 1744 года доводу сената изъ вновь завоеванныхъ отъ шведовъ областей съ присовокупленіемъ прежнихъ Выборгской и Кексгольмской провинцій. Этими 16 губерніями не ограничивались, впрочемъ, владѣнія имперіи. Въ вѣденіи коллегіи иностранныхъ дѣлъ находились Малороссія и степи Южной Россіи. Въ этихъ южныхъ предѣлахъ имперіи совершены важныя перемѣны въ царствованіе Елизаветы Петровны. Начнемъ съ Малороссіи. Послѣ смерти Данила Апостола въ 1734 году, не было гетмана въ Малороссіи. Она была отдана въ управленіе 6-ти членамъ, составлявшимъ малороссійское правленіе. Половина изъ членовъ была великоруссы, половина малороссы. Они управляли на основаніи статей, данныхъ Апостолу. Главные начальники смѣнялись одинъ другаго очень скоро. За кн. Барятинскимъ слѣдовалъ Румянцевъ, получившій титулъ украинскаго статгальтера. Послѣ Румянцова Кейтъ, оставившій по себѣ добрую память въ народѣ; за нимъ Леонтьевъ, потомъ Неллюевъ.

Всѣ эти перемѣны были между 1737 и 1741 г. Малороссіянамъ сильно не по сердцу было отмѣненіе гетманщины и правленіе великорусскихъ членовъ, при Леонтьевѣ получившихъ перевѣсъ надъ ихъ малороссійскими товарищами. Министерская канцелярія осталась на долго памятной своими дѣйствіями. Въ Исторіи Русовъ Конисскаго высказалась вполнѣ народная ненависть. «Преданіе общее и достовѣрное, говоритъ онъ (238), повѣствуетъ о самомъ мѣстѣ, гдѣ была министерская канцелярія, что ежели бы перстомъ руки Божіей изрыть частицу земли на мѣстѣ томъ, то ударила бы изъ него фонтаномъ кровь человѣческая, пролитая министерскою канцеляріею». Конисскій приводитъ одинъ примѣръ употребленія слова и дѣла, которому трудно повѣрить въ наше время. Яркими красками описываетъ архіепископъ бѣлорусскій правленіе курляндскаго герцога. «Всякъ вѣруй въ Бирона и творяй волю его, спасенъ и прославленъ, а не вѣруй въ него и противяйся ему осужденъ есть и погибшій». Присутствіе въ Стародубѣ брата Биронова, позволявшаго себѣ, по словамъ Конисскаго, самыя возмущающія душу насилія, давало особенно чувствовать малороссамъ тяжесть зависимости отъ Россіи. Все измѣнилось со вступленіемъ на престолъ Елизаветы. Передъ окончательнымъ уничтоженіемъ своего мѣстнаго, исключительнаго существованія, Малороссія суждено было не на долго воротиться къ ея гетманщинѣ, повѣрить на минуту возможности возврата прошлаго. Перемѣна въ отношеніяхъ почувствовалась немедленно. Зная приближенныхъ къ императрицѣ, не трудно угадать, кто внушалъ ей милостивое расположеніе къ Малороссіи, кто заставилъ ее полюбить этотъ народъ. Малороссійскіе члены правленія получили равенство правъ съ великорусскими, нарушенное Леонтьевымъ. Въ 1744 г. сама императрица прибыла въ Кіевъ. Конисскій рассказываетъ, что однажды Елизавета, окруженная безчисленнымъ народомъ, громко сказала: «Возлюби меня Боже такъ въ царствіи небесномъ, какъ я люблю сей благонравный и незлобивый народъ». Въ Кіевѣ подана была ей просьба о восстановленіи гетманства. Императрица приказала прислать депутатовъ въ Петербургъ ко дню бракосочетанія великаго князя Петра Федоровича съ Екатериною Алексѣевной. Депутаты воротились обласканные и одаренные дворомъ и привезли грамоту, обѣщавшую скорое избраніе гетмана. Когда въ 1748 году пожары и голодъ опустошали Малороссію, правительство приняло мѣры для облегченія тяжелой участи народа. Изъ Украйны выведены были 7-мь русскихъ полковъ, квартировавшихъ тамъ, розданы деньги въ пособіе и т. п. Депутаты малороссійскіе, отправленные въ Москву въ 1745 году, воротились только въ

декабрь 1749 г. Они привезли вѣсть, что скоро прибудеть гр. Гендриковъ для того, чтобы присутствовать при избраніи новаго гетмана вольными голосами. Причина медленности въ удовлетвореніи желанія малороссовъ заключалась въ томъ, что Кирила Разумовскій, которому предназначалось гетманство, еще путешествовалъ за границей. 22-го февраля 1750 года въ Глуховѣ съ необычной торжественностью, въ присутствіи уполномоченнаго императрицы, совершилось избраніе. На вопросъ Гендрикова, кого желаютъ имѣть гетманомъ, раздалось имя гр. Кирилы Разумовскаго. Депутація была отправлена въ С.-Петербургъ съ извѣстіемъ о результатѣ избранія и для полученія утвержденія императрицы. 24-го апрѣля, въ торжественной аудіенціи, государственный канцлеръ Бестужевъ объявилъ подтвержденіе императрицею сдѣланнаго избранія, и 22-лѣтній Разумовскій произведенъ былъ въ генераль-фельдмаршалы. Именнымъ указомъ 5-го іюня 1750 года, даны были на урядъ новому гетману многія имѣнія, приказано было отставить всѣхъ великорусскихъ членовъ изъ войсковой и министерской канцелярій, изъ генеральнаго суда, изъ комиссій экономіи, счетной и объ обідахъ. Самыя комиссіи и министерская канцелярія были уничтожены. 24-го іюля того же года разрѣшено было возстановить городъ Батуринъ и сдѣлать его по прежнему гетманской резиденціей. Другимъ указомъ того же числа повелѣно было отдать Разумовскому всѣ доходы съ гетманскихъ имѣній, которые собиралась съ 1734 года, то-есть со смерти Давида Апостола деньгами, хлѣбомъ, виномъ и другими припасами. Указомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ 25-го іюля того же года сказано: «Всемилоствѣннѣе подтвержденный отъ насъ гетманъ гр. Кирила Разумовскій, предъ всѣми другими гетманами имѣя ту отличность, что онъ нашей имперіи графъ, мы же высочайше имѣя къ его персонѣ особливую довѣренность и благоволеніе, соизволеніе наше есть, чтобы въ отправленныхъ къ нему изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ грамотахъ, даваяъ ему былъ предикать: *высоко и блаоурожденнаю, намъ любезно-вѣрнаю подданнаю*». Указомъ сенату отъ 19-го октября 1750 года повелѣно было подчинить малороссійскому гетману Запорожскую Сѣчь, бывшую до тѣхъ поръ въ вѣденіи кievскаго губернатора. Правленіе гетмана Разумовскаго памятно малороссамъ по многимъ льготамъ. Такъ указомъ 2-го мая 1754 года дозволено провозить изъ Малороссіи въ Россію и обратно хлѣбъ. Указомъ 15-го мая 1755 года разрѣшенъ безпониженный въ Малороссію привозъ иностранныхъ товаровъ. Еще нѣсколько прежде именнымъ указомъ 15-го іюля 1754 г. отмѣненъ индуктный сборъ, а февраля 17-го слѣдующаго года

разрѣшенъ безошлинный ввозъ въ Малороссію пеньки, воска, конопли, масла, кофе и хлѣба. Чрезвычайно важенъ былъ указъ 2-го апрѣля 1755 года, по которому Малороссія освобождалась не только отъ индукты и еветы, но и уничтожены были всѣ многочисленныя внутренніе сборы, заведенныя прежними гетманами подъ именами *покуховнаго* и *скатнаго* (съ продажи вина и дегтю), *ярмонковаго* и *поковшеваго*, *размѣроваго* (съ мельницъ) и *покозаницы* (съ винокуренныхъ котловъ) и т. п., которыми стѣснялась мѣстная промышленность, но которые доставляли войсковому скарбу 48,147 р. ежегодно. Въ замѣнъ этихъ сборовъ въ скарбъ войсковой повелѣно было отпускать изъ государственной казны опредѣленную сумму. Указомъ 17-го января 1756 года, перенесены были малороссійскія дѣла изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, въ вѣденіи которой они состояли, въ сенатъ, гдѣ учреждена была поэтому особая экспедиція, причемъ, однакоже, удержана прежняя форма сношеній съ гетманами. Это измѣненіе, сдѣланное по просьбѣ Раумовскаго, имѣло важныя послѣдствія: имъ вводилась Малороссія въ общій составъ русскаго государства, и послѣдній гетманъ, по всей вѣроятности, безсознательно или для личныхъ своихъ выгодъ, содѣйствовалъ уничтоженію исключительнаго положенія Малороссіи. Въ 1761 году взятъ Кіевъ изъ вѣдомства гетманскаго и непосредственно подчиненъ сенату. Во внутреннемъ устройствѣ Малороссіи замѣчательнъ гетманскій универсалъ 17-го ноября 1759 года, которымъ онъ далъ большее значеніе генеральному суду, приказавъ присутствовать въ немъ депутатамъ отъ 10 малороссійскихъ полковъ и освободивъ его отъ апелляціи въ генеральную канцелярію. Казаки принимали участіе въ семилѣтней войнѣ, кромѣ того ихъ отряды наряжали для работъ въ крѣпостяхъ, для прикрытія новыхъ поселеній, въ погонщики въ армію и т. д. Возвращеніе званія гетманскаго не воротило Малороссіи прежняго времени. Гетманщина въ самомъ своемъ устройствѣ носила условія своей недолговѣчности. Обстоятельства измѣнились, а съ ними становилось ненужнымъ особое, исключительное положеніе Малороссіи, дѣлалось необходимымъ слитіе съ областями великой Россіи. Самъ Раумовскій, несмотря на свою силу при дворѣ, не обольщался надеждами, не вѣрилъ въ возможность возврата къ старинѣ. Мазепу называлъ онъ послѣднимъ гетманомъ еще въ то время, когда онъ не предчувствовалъ, что достанется ему заключить своимъ именемъ списокъ малороссійскихъ гетмановъ.

Явленія высокой важности происходили въ степяхъ, прилегавшихъ къ низовью Днѣпра и владѣніямъ крымскихъ и нагайскихъ ордъ. Тамъ доживалъ свое послѣднее время кошъ запорожскій,

съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе показывавшій свою несовмѣстимость съ государственнымъ порядкомъ; также полагалось начало колонизаціи, начало Новороссійскаго края.

Извѣстно, какое участіе приняли запорожцы въ измѣнѣ Мазепы. Почти вся старшина и 8 т. запорожцевъ передались шведамъ, вмѣстѣ съ гетманомъ. 14 мая 1709 г. полковникъ Явонлевъ взялъ приступомъ Сѣчь и разрушилъ ее до основанія. Манифестомъ 26 мая 1709 г. разгнѣванный Петръ объявилъ мѣсть запорожцамъ. Напрасно въ 1710 г. они пытались-было основать кошь при впаденіи рѣчки Каменки въ Днѣпръ (въ Херсон. уѣздѣ Херсонской губ.). Гетманъ Скоропадскій и генералъ Бутурлинъ разорили ихъ поселеніе. Запорожцы передались Крымскому хану. Въ 1711 г. они основали кошь въ урочищѣ Алешвахъ, на берегу нижняго Днѣпра, среди песковъ и тонкихъ камышей. Запорожье оставалось одинокимъ представителемъ стараго казачества. Время не коснулось древняго устройства этой военной общины. Оно только все рѣзче и рѣзче выставляло различіе между запорожскимъ кошемъ съ остальною Малороссією, быть которой измѣнился уже во многомъ. Сами запорожцы чуждались гетманщины, называя ее городовымъ казачествомъ, презирая ея, и вотъ теперь пришла пора наказанія за это добровольное отчужденіе отъ всѣхъ успѣховъ гражданственности. Подъ верховною властью крымскаго хана, искони врага православія Руси, невыносимо было положеніе бойцовъ за вѣру и Русь. Казачьи пѣсни говорятъ о пребываніи въ Алешкахъ, какъ о времени бѣдствія. «Ой Олешки, будемъ васъ знать, и той лихой день и ту лихую годину», поютъ украинскіе бандуристы. Гордѣенко умеръ въ этомъ изгнаніи. Орликъ и другіе приверженцы Мазепы не могли подавить общаго желанія запорожцевъ воротиться въ подданство русскаго царя. Но дѣло было трудное. Трагическомъ 5-го апрѣля 1712 г. Петръ отказался отъ всѣхъ правъ на Сѣчь запорожскую. Въ 1728 году Данилъ Апостолъ доносилъ верховному тайному совѣту, что запорожцы, забравъ войсковые клейноты, хотятъ возвратиться въ старую Сѣчь и вступить въ подданство Россіи. Императоръ Петръ II отвѣчалъ на это приказомъ отбивать ихъ съ оружіемъ въ рукахъ отъ нашихъ границъ, если они будутъ пытаться войти въ нихъ. Позволено было принимать только отдѣльныхъ безоружныхъ выходцевъ. Только въ 1734 г. удалось запорожскому кошу исполнить свое первое желаніе, выйти изъ неестественнаго и невыносимаго подчиненія крымскаго хана. При Аннѣ Ивововнѣ, указомъ 25-го іюня 1731 года, генералу графу Вейсбаху повелѣно основать въ степи линію вѣрностей и редутовъ для прикрытія нашихъ границъ. Эта линія, извѣстная подъ име-

немъ Старой или Украинской, должна была вытянуться отъ Днѣпра, отъ Богородицкаго ретраншемента до Сѣвернаго Донца у границъ Изюмской провинціи. Вейсбахъ, въ виду постоянной опасности отъ крымскихъ набѣдовъ и польскаго безначалія, задумалъ плавъ возвратитъ запорожцевъ, исконныхъ враговъ и Крыма и Польши. Съ августа 1731 года начались тайныя сношенія между имъ и кошею. Въ 1734 году онъ сообщилъ имъ копія съ простительной грамоты, подписанной императрицей Анной 31-го августа 1733 года. Въ этомъ же году кончилось ихъ бѣдованіе въ Алешкахъ, гдѣ они жили съ татарами, по ихъ выраженію, въ такомъ согласіи, *въ якомъ собака съ котомъ живе*. 27-го марта кошевой Милашевичъ донесъ Вейсбаху, что онъ съ стараго мѣста *увернулся* и сталъ новымъ кошевымъ въ русскихъ предѣлахъ, на правомъ берегу Днѣпра на рѣчкѣ Подпольной (въ 8 верстахъ отъ старой Сѣчи). Здѣсь на полуостровѣ, образуемомъ глубокою Подпольной, оставался 4-й и послѣдній кошь запорожскій, основана была съ благословенія архіепископа кіевскаго и Сѣчева церковь. 7-го сентября 1734 года получила запорожская старшина въ Бѣлой церквѣ подлинную грамоту императрицы и денежное жалованье и принесла присягу на вѣрность. Тутъ же получила она и войсковыя клеймоты. Началось внутреннее устройство по старымъ, неизмѣннымъ правиламъ. Всѣ земли и рѣчки раздѣлены по *резулт казачкой* на курени, въ остальныхъ позволено селиться подданству войсковому и *поженившемуся* казачеству. Эти села составили двѣ *Товчи* или вѣдомства, управляемыя *паланками*, т.-е. полковою старшиною. Поставлены были посты для защиты границъ и рыболовства, возобновлены перевозы, доставлявшіе значительный доходъ войску. Наконецъ, положено было ежегодно отправлять ко двору команду *столничниковъ* за хлѣбнымъ и денежнымъ жалованьемъ. Кошь организовался окончательно. Въ войнѣ съ турками запорожцы принимали дѣятельное участіе. Особенно памятенъ для нихъ по трудности остался днѣстровый походъ 1738 года. Бѣлградскимъ миромъ (18-го сент. 1739 г.) Сѣчь запорожская признана за Россію. Артикуломъ дополнительной Нисской конвенціи опредѣлилась южная граница Россіи съ турецкими владѣніями прямою линіею отъ источниковъ рѣки Конскія воды, впадающей въ Днѣпръ, до источниковъ рѣки Берды, вливающейся въ Азовское море (нынѣшняя межа между Таврической и Еватеринославской губерніями). Этимъ разграниченіемъ всѣ владѣнія запорожцевъ, за исключеніемъ одного *Гарда** на Бугѣ, вошли въ составъ непосредственныхъ владѣній

* *Гардъ* въ южной Украинѣ значилъ мѣсто для рыбной ловли. *Скальковскій*: Ист. Нов. Сѣч. 1, 62.

Русской имперіи, которая такимъ образомъ могла распорядиться Запорожемъ, какъ собственностью, и уничтожить Сѣчь по первому желанію. Вскорѣ потомъ обозначена была граница Запорожья со стороны Польши; эта граница соотвѣтствуетъ теперешней межѣ между Херсонской, Подольской и Кіевской губерніями. Это размежеваніе было необходимо. Между Польшей и казаками была непримиримая ненависть. Наѣзды гайдамаковъ влекли за собою крайне жестокія мѣры со стороны польскихъ начальствъ. Дикое варварство среднихъ вѣковъ обнаруживалось въ этихъ столкновеніяхъ. Царствованіе императрицы Елизаветы Петровны было лучшимъ временемъ новой Сѣчи Запорожской, хотя въ это царствованіе кругомъ Запорожья положено было начало тому поясу укрѣпленій, который потомъ задушилъ этотъ послѣдній остатокъ вольнаго казачества. Тотчасъ послѣ присяги на вѣрность, кошъ отправилъ для поздравленія императрицы своего бывшаго кошеваго Милашевича, вмѣстѣ съ просьбою 1) болѣе точнаго разграниченія со стороны Польши и разбора жалобъ, 2) разграниченія съ донскими казаками и 3) болѣе положительнаго закона о хлѣбномъ и денежномъ жалованьѣ. О разграниченіи со стороны Польши мы уже упомянули. Разборъ взаимныхъ жалобъ коша и Крыма тянулся чрезвычайно долго. Онъ кончился только на сѣздѣ русскихъ и крымскихъ депутатовъ, въ 1749 году, въ Сѣчѣ, хотя не могъ прекратить вполнѣ всѣхъ поводовъ къ столкновеніямъ. Споры за рѣчки и уголья, за рыболовство по берегамъ и косамъ Азовскаго моря съ донцами были также едва кончены послѣ изслѣдованія на мѣстѣ, начавшагося въ 1743 г. и приведеннаго къ окончанію не прежде 1746 г. Рѣка Калміусъ или Калка назначена была границею между запорожцами и донцами. Но и послѣ того рыболовство запорожцевъ на кубанской сторонѣ подавало поводъ къ непрерывнымъ распрямъ. Относительно льготъ запорожцамъ просьба ихъ была удовлетворена вполнѣ. Указомъ 1-го августа 1742 г. повелѣно было отпускать запорожскому товариществу серебряною монетою по 4,660 рублей въ годъ, да по 1,000 четвертей муки съ пропорціею крупъ. Грамотою 16-го сентября 1742 года приказано было пропускать черезъ форпосты въ Малую Россію запорожцевъ безъ платежа *мостоваго* и *позребельнаго* (гребля — плотина) сбора, съ товаровъ же брать пошлину на общій правыхъ. Запорожье было единственнымъ путемъ заграничной черноморской торговли. Потому подобное разрѣшеніе весьма важно. Указомъ 20-го сентября 1743 года это разрѣшеніе распространено и на людей не торговыхъ, на чумаковъ и идущихъ на работы. Войску пожалованы были клейноты, т.-е. инвенти-

тура всѣхъ ихъ вольностей. Въ 1745 году миргородскій полковникъ Капнисть и инженеръ де-Боскетъ сняли, по приказу императрицы, карту За-днѣпровья и запорожскихъ владѣній. Указомъ 19-го октября 1750 года повелѣно было запорожскому войску состоять въ вѣденіи малороссійскаго гетмана, а не кievскаго генералъ-губернатора, какъ это было прежде. Эта перемѣна, впрочемъ, мало значила для Запорожья, сохраняяшаго всю независимость своего внутренняго управленія. Военныя поселенія стѣснили приволье запорожцевъ и повели къ нескончаемымъ спорамъ. Уже кабинетнымъ указомъ Анны Ивановны въ 1741 году дозволено было русскимъ и малороссійскимъ бѣглецамъ, скрывавшимся въ Крыму, Молдавіи и Польшѣ, возвращаться въ Россію и селиться въ заднѣпровскихъ степяхъ. Изъ этихъ выходцевъ образовались села на запорожскихъ земляхъ, причисленныя къ Малороссіи, къ миргородскому и полтавскому полкамъ. Въ 1743 г. полковникъ миргородскій Капнисть началъ, по приказу императрицы, строить шанцы Новоархангельскій на Синюхѣ, и Орловскій на Бугѣ, у самой польской границы. Съ 1750 года поселеніе приняло большіе размѣры. Въ 1750 году нѣсколько сербскихъ офицеровъ явились въ Вѣнѣ къ русскому послу и просили позволенія поселиться въ Россію, обѣщая за земли составить гусарскіе и пандурскіе полки. Русскому посланнику хорошо извѣстна была польза австрійской военной границы. Подвиги пандуровъ въ войнѣ за австрійское наслѣдство были у всѣхъ въ свѣжей памяти. Начались переговоры съ Австрією. Указомъ, даннымъ 13-го іюля 1751 года Бестужеву-Рюмину, нашему послу въ Вѣнѣ, приказано было объявить полковнику Хорвату, «что не тоѣмо онъ и другіе офицеры, но и сколько бы изъ ихъ сербскаго народа въ нашу имперію перейти похотѣло, всѣ оныя яко единовѣрные съ нами въ службу и подданство наше приняты будутъ, и что намъ обѣщанное имъ Хорватомъ набраніе гусарскаго и пандурскаго полковъ угодно, и что для поселенія ихъ сербовъ, не тоѣмо въ Украинѣ, но и въ другихъ нѣкоторыхъ мѣстахъ нашей имперіи, кои не меньше для житія человѣческаго выгодны, пространныя и плодоносныя земли даны будутъ». 10-го октября полковникъ Хорватъ отъ Куртичь былъ уже въ Кіевѣ съ 218-ю чел. обоѣго пола, и получилъ чинъ генералъ-майора нашей службы. Прошеніемъ своимъ Хорватъ объявилъ, что онъ желаетъ учредить 4 полка регулярныхъ, 2 гусарскіе и 2 пандурскіе, каждый полкъ въ 4,000 человекъ. Для этихъ полковъ установлено равенство по командѣ съ прочими драгунскими и пѣхотными полками русскаго войска. Гусарскіе полки получаютъ жалованье, равное съ гусарскими полками русскими, а

пандурскіе полки третью меньше, вмѣсто же порціоновъ и раціоновъ дается земля. Въ мирное время имѣтъ этимъ поселеннымъ полкамъ свободную торговлю во внутреннихъ областяхъ имперіи, въ Крыму, Молдавіи и Польшѣ. Каждая гусарская рота одна отъ другой по 8 верстъ разстоянія имѣла, а въ степи 30 верстъ; пандурская — 6 верстъ, а въ степи 25. Каждый полкъ будетъ состоять изъ 20 ротъ. Какъ гусарамъ, такъ и пандурамъ дается на первый разъ изъ казны все оружіе. Для строенія крѣпостей нарядить рабочихъ. Просилъ исходатайствовать отъ Австріи для него набрать въ ихъ владѣніяхъ публичнымъ вербункомъ отъ 500 до 1,000 человекъ, а если этого нельзя, то разрѣшить вербовку, хотя бы то тихимъ и тайнымъ образомъ. Именнымъ указомъ 24-го декабря 1751 года сообщено было сенату о принятіи въ подданство сербовъ и сообщенъ экстрактъ изъ донесенія русскаго посла въ Вѣнѣ, которымъ доказана польза военной границы, а также и прошеніе Хорвата. 29-го декабря того же года состоялся сенатскій указъ, утвердившій поселеніе сербовъ и представленіе Хорвата. Сербамъ Хорвата отведены были земли въ сѣверо-западной части Запорожья, почти незанятой, но принадлежавшей кошу. Земли начинались отъ рѣки Кагарлика (въ Бобринецкомъ уѣздѣ Херсонской губерніи), оканчивались у впаденія рѣки Омельника въ Днѣпръ (въ Александрійскомъ уѣздѣ). Это поселеніе названо Новою Сербіею. Въ 1753 году основана была крѣпость св. Елизаветы на вершинахъ рѣки Ингула. Января 11 1752 года дана была жалованная грамота генераль-майору Хорвату, которой подтверждались права поселенныхъ сербовъ, поручалось ему вызывать въ Россію выходцевъ изъ православнаго сербскаго, македонскаго, болгарскаго и валахскаго народовъ, для формированія изъ нихъ гусарскихъ и пандурскихъ полковъ, давалось право ему, а по смерти его, одному изъ дѣтей быть непосредственнымъ полковникомъ одного изъ гусарскихъ полковъ, поселеніе сербовъ получало названіе Новой Сербіи. Въ крѣпости св. Елизаветы положено было содержать гарнизонъ изъ ландмилицкихъ полковъ, подъ начальствомъ коменданта бригадирскаго ранга по назначенію военной коллегіи и т. д. Указомъ 20-го января 1752 года, приказано было малороссійскому герману отправить для строенія крѣпости св. Елизаветы 2,000 казаковъ, но Разумовскій послалъ въ 1754 году не болѣе 600 рабочихъ людей. Построеніе крѣпости возбуждало подозрѣніе запорожцевъ и самой Турціи. Послѣдніе приверженцы Мазепы, жившіе въ Крыму, указывали запорожскимъ посланнымъ на грозившую имъ опасность. Они говорили имъ, въ 1755 году: «Россіяне нынѣ уже войско запорожское въ конецъ истребить

хотятъ, для чего и вновь по сей сторонѣ Днѣпра города яко то Елизаветъ и прочіе надѣланы и уже войско запорожское все въ мѣшокъ убрано, только жъ еще, чтобъ якъ тотъ мѣшокъ завязати, россияне способу не избрали. Порта даже отправила особаго чиновника въ Новую Сербію, чтобы удостовѣриться въ справедливости слуховъ. По ея настоянію постройка укрѣпленія въ крѣпости св. Елизаветы была приостановлена. Опасенія Запорожья и Порты не были лишены основанія. Впослѣдствіи времени русскіе избрѣли способъ завязать въ этотъ мѣшокъ не одно Запорожье, но и самый Крымъ. Поселеніе шло дѣятельно. 3-го февраля 1752 года, дана была инструкція генералъ-майору Глѣбову объ отводѣ земель сербамъ Хорвата и о водвореніи ихъ. Опредѣлено было выдавать земли въ той пропорціи, какъ и ландмилиціи, т.-е. капитану 100, поручику 80, подпоручику 70, прапорщнику 50, рядовому отъ 25 до 30 четвертей на семью. На содержаніе и жалованье 4 гусарскимъ и пандурскимъ полкамъ и штабу положено было выдавать въ военное время по 524,590 р. 11 к., въ мирное время по 124,957 р. 95 к. въ годъ, да единовременно на изготовленіе оружія и амуниціи 109,053 р. 60 к. Судъ и расправа отдавались Хорвату и Глѣбову, которые должны были дѣйствовать по военному уставу и существующимъ постановленіямъ. Указомъ 24 апрѣля 1752 года разрѣшено было Хорвату принимать выходцевъ сербскаго, болгарскаго, молдавскаго и валахскаго происхожденія изъ Турціи и польскихъ владѣній и пропускать ихъ черезъ границу безъ паспортовъ, не принимая только поляковъ и преступниковъ. 29-го мая того же года разрѣшено принимать и тѣхъ православныхъ иностранцевъ, которые отставлены изъ русскихъ гусарскихъ полковъ. Указомъ 27-го іюня снята пошлина съ припасовъ, привозимыхъ въ Новую Сербію изъ Польши. Скоро явились и другіе охотники на переселеніе. Полковники Иванъ Шевичъ и Райко Прерадовичъ изъявили желаніе перейти въ русское подданство. Оба они произведены въ генералъ-майоры; но ихъ предложеніе относительно мѣста для поселенія не было уважено. Въ именномъ указѣ сенату отъ 20-го ноября 1752 года, о выводѣ изъ Новой Сербіи малорусскихъ выходцевъ высказана, между прочимъ, мысль, что въ случаѣ выхода въ Россію многого числа сербовъ, устраивать таevъ, чтобы они не всѣ въ одномъ мѣстѣ были, но между бы русскіими подданными въ поселеніи состояли. Потому сенатскимъ указомъ 29-го мая 1753 года Шевичу и Прерадовичу для поселенія отведены были уже мѣста на сѣверо-восточной границѣ Запорожья, именно между сѣвернымъ Донцомъ и рѣчками Бахмутомъ и Луганью (въ Славяно-сербскомъ и Бахмутскомъ

уѣздахъ Еваторинославской губерніи). Это второе поселеніе получило названіе Славяно-Сербіи. Организация его была та же самая, что и Новой Сербіи. Водвореніе было поручено инженеръ-полковнику Бибикову, а Славяно-Сербіи состоятъ въ вѣденіи военной коллегіи, а не сената, какъ хорватовскому поселенію. Крѣпость св. Елизаветы была уже за чертою Новой Сербіи, да-дѣе внутрь запорожскихъ владѣній. Кругомъ нея селились малорусскіе выходцы изъ Польши, русскіе раскольники и молдаване. Это новое поселеніе получило названіе Новослободскаго казачьяго поселенія, въ отличіе отъ слободскихъ полковъ, основанныхъ въ нынѣшней Харьковской губерніи гораздо прежде. Правительство запрещало поселеніе малороссіянъ въ собственныхъ земляхъ Новой Сербіи, старалось, напротивъ, заселить русскими поселенцами окрестности крѣпости св. Елизаветы. Въ сенатскомъ указѣ 5-го іюня 1761 года, мы находимъ любопытныя подробности. Ротмистру Попову поручено было вызывать изъ Польши бѣглыхъ російскихъ людей для поселенія ихъ въ порожнихъ околовъ крѣпости св. Елизаветы мѣстахъ. Имъ определено было давать льготу на 6 лѣтъ, не опредѣлять въ казаки, а селить ихъ на землѣ при крѣпости, опредѣляя на хлѣбопашество и въ мѣщанство и равняя ихъ по овладу съ стародубскими раскольниками, когда кончится льготное время. Ротмистра Попова обнадеживали, что если онъ выведетъ изъ Польши 2,000 семей, то онъ не оставленъ будетъ безъ награжденія отъ правительствующаго сената. Какъ много должно было являться изъ Польши русскихъ выходцевъ, видно изъ сенатскаго указа 15 февраля 1761 года, объ учиненіи въ малороссійскихъ раскольничьихъ слободахъ новой переписи, въ которомъ помѣщено донесеніе поручика Халкидонскаго, бывшаго управителемъ въ двухъ такихъ слободахъ. Халкидонскій доносилъ, что живущіе тамъ раскольники, яко при самой польской границѣ, не имѣя (за отдаленіемъ волостнаго правленія) никакого сграха, російскихъ бѣглыхъ драгунъ, солдатъ и другихъ всякаго званія людей и крестьянъ цѣлыми селеніями проводятъ потаеннымъ образомъ за границу въ Польшу, проживши тамъ малое время, возвращаются къ границѣ, по милостивымъ указамъ для опредѣленія въ раскольничьи слободы; которые-де никогда раскольниками не бывали, но только для единой вольности, укрываясь отъ помѣщиковъ, въ раскольническія слободы записываются. Свободное поселеніе въ новослободскомъ поселеніи, разрѣшенное уже послѣ донесенія Халкидонскаго, должно было дать еще большіе размѣры этому бѣгству въ Польшу и выходу оттуда къ крѣпости Елизаветы. Новослободское поселеніе разрасталось такимъ обра-

зомъ. Въ вѣрѣности образовалось довольно многочисленное торговое и мѣщанское населеніе. На сѣверной границѣ Новой Сербіи устроено было полковникомъ Капнистомъ поселеніе близъ самой польской границы на рѣкѣ Вислѣ, названное Ново-Миргородомъ и населенное болгарами, молдаванами, сербами и т. п. Болгаре, селившіеся также въ Новосербскихъ ротахъ, вышли между 1752—1754 изъ польскихъ владѣній, куда было они пришли въ числѣ 620 семей изъ Турціи, но не нашли въ Польшѣ свободнаго хлѣбопашества. Молдаване начали съ 1753 года селиться въ значительномъ числѣ на земляхъ Новослободскаго казачьяго поселенія. Полковникъ Василій Звѣревъ, называвшійся прежде Лупуломъ, и Штеричъ вывели въ теченіе 10 лѣтъ около 1,800 семей заднѣпровскихъ молдаванъ, формируя изъ нихъ военно-земледѣльческія роты. Полковникъ Адабашъ первый далъ этимъ поселенцамъ правильное казачье устройство. Вскорѣ изъ нихъ образовалось до 23 ротъ или укрѣпленныхъ селъ. Сверхъ русскихъ и малороссійскихъ выходцевъ изъ Польши, указомъ 7 октября 1757 года позволено было принимать въ учреждавшійся слободскій гусарскій полкъ и самыхъ поляковъ, если они только примутъ православіе. Новослободское поселеніе растягивалось все далѣе по сѣверо-западнымъ границамъ Запорожья и соединило наконецъ Новую Сербію съ Славяно-Сербіею или весь такъ называемый Ново-Сербскій корпусъ. Января 30-го 1760 года поручено было полковнику Солчипскому произвести первый инспектскій смотръ всѣмъ ново-сербскимъ поселеніямъ. 14 августа того же года сенатъ выдалъ дополнительныя правила для казачьихъ поселеній за рубежомъ Новой-Сербіи. Такимъ образомъ на всей сѣверной границѣ Запорожья отъ Синюхи до Лугани, впадающей въ Сѣверный Донецъ, и до земель донскаго казачества, протянулась новая линія разноплеменныхъ поселеній. Съ запорожскими зимовниками на близкомъ разстояніи почти перемѣшивались сербскія роты съ ретраншеентами и нѣмецкимъ устройствомъ военныхъ поселеній, болгарскія, молдавскія и воложскія села, малорусскіе хутора и раскольничьи русскія деревни. Разноязычные и разноплеменные поселенцы сталкивались между собою. Общаго было только предпримчивость и своеволие. Эта пестрая смѣсь жителей, независимое почти существованіе сербскихъ владѣльцевъ, жившихъ со своими дружинами какъ они жили на родинѣ, и только номинально подчинявшихся правильной организаціи военныхъ поселеній, хорошо схвачены въ романѣ Кулиша «Михайло Чернышенко», довольно рѣдкою. Безпреставные споры были неминуемымъ слѣдствіемъ поселенія на запорожскихъ земляхъ, тѣмъ болѣе, что трудно было удержать буйныхъ поселен-

цевъ въ предѣлахъ отведенныхъ имъ земель. Своими хуторами и выселками они распространялись далѣе въ степь Запорожья. Такъ со стороны Бахмута поселенцы Славяно-Сербіи своими заведеніями доходили до самарскаго вѣдомства, лучшей части Запорожья. Ново-слободскіе поселенцы захватывали земли вблизи великаго и малаго Ингула. Правленіе крѣпости св. Елизаветы безпрестанно выдавало открытыя листы новымъ осадчимъ, или основателямъ поселеній, которые такимъ образомъ вытѣсняли запорожскіе зимовники. Безпрестанно происходили враждебныя столкновенія. Въ 1755 году Запорожскій кошъ рѣшился отправить депутацію въ Петербургъ. Главными пунктами данной депутатамъ инструкціи велѣно было просить высочайшей грамоты кошу на владѣніе землями, прибавки денежнаго и хлѣбнаго жалованья и разрѣшенія безошлиннаго привоза изъ Малороссіи различныхъ припасовъ и необходимыхъ предметовъ и такого же вывоза изъ Запорожья соли, шкуръ, лошадей и т. п. Изъ представленія запорожскаго войска и переписки съ кошемъ депутатовъ, мы узнаемъ нѣкоторыя интересныя статистическія показанія, между прочимъ то, что въ это время въ Запорожьѣ было 13,000 служащаго товариства и 15,000 другихъ жителей степи; тамъ же находимъ любопытныя указанія на нравы русскаго чиновничества и на способъ хожденія по дѣламъ, указанія, которыми мы воспользуемся впоследствии. Послѣ продолжительныхъ хлопотъ, запорожскіе депутаты выѣхали изъ Петербурга въ іюль 1756 года, получивъ только разрѣшеніе на безошлинный привозъ и вывозъ изъ Малороссіи товаровъ, за исключеніемъ впрочемъ соли и другихъ заграничныхъ товаровъ. Грамота не была дана и приказано было прежде составить описаніе и карту всѣмъ запорожскимъ землямъ и угодьямъ. Для этого описанія должны были съѣхаться депутаты изъ Малороссіи и Запорожья и отъ сербскихъ и слободскихъ поселеній, но начальству Ново-Сербіи было невыгодно точное размежеваніе, и оно не состоялось, а въ 1758 году поѣхала снова ко двору запорожская депутація, везя съ собою подарки императорской фамиліи и важнымъ лицамъ. Хотя на этотъ разъ ихъ просьбы объ неотводѣ земель подъ военныя поселенія остались безуспѣшны, но по крайней мѣрѣ другія требованія были удовлетворены. Указомъ 25 января 1760 года, разрѣшенъ былъ свободный провозъ изъ Малороссіи всѣхъ предметовъ, также вывозъ изъ Запорожья товаровъ, за исключеніемъ соли, за которую взималась пошлина; позволено запорожцамъ ѣздить съ паспортами отъ кошевыхъ атамановъ. Грамотой 10 мая 1759 года на имя Разумовскаго прибавлено кошу денежнаго жалованья по 2,000 рублей въ годъ къ преж-

нимъ 1,660 рублямъ и подарено три пушки. Когда Сѣча была опустошена пожаромъ, императрица приказала выдать войску 1,000 пудъ желѣза и 1,000 бревенъ изъ заповѣдныхъ лѣсовъ. Но грамоты на земли запорожцы все-таки не получили. Страшное для нихъ описаніе, которое казалось имъ отложеннымъ, должно было возобновиться. Подробности его чрезвычайно любопытны для характеристики положенія управленія въ тѣхъ мѣстахъ. Въ Петербургѣ были чрезвычайно недовольны старыми обычаями запорожцевъ при выборѣ и смѣнѣ чиновниковъ, особенно когда при выборѣ кошевого въ 1759 году дѣло дошло до рукопашной схватки, но не менѣе произвола было и со стороны русскихъ чиновниковъ. Бригадиръ Муравьевъ, комендантъ крѣпости св. Елизаветы, на запросъ запорожскихъ депутатовъ объ указѣ относительно поселенныхъ земель, отвѣчалъ: «Я самъ указъ». Въ приведеніи въ исполненіе описанія, начальство слободскихъ и ново-сербскихъ поселеній старалось внести всевозможныя затрудненія, а между тѣмъ новослобожане своевольно захватывали земли и овладѣли почти всѣмъ нынѣшнимъ Верхнеднѣпровскимъ уѣздомъ. Правильнаго размежеванія, а слѣдовательно и грамоты на владѣніе, не могли получить запорожцы въ царствованіе Елизаветы, а при Екатеринѣ, какъ мы увидимъ, ихъ дѣла приняли другой оборотъ.

Малороссія и Запорожье оставались во все царствованіе императрицы Елизаветы Петровны со своимъ особеннымъ устройствомъ. Первая съ 10 полками съ гетманомъ, генеральнымъ судомъ и генеральною канцеляріею, съ генеральною полковою и сотенною старшиною. Последнее съ раздѣленіемъ на курени, на холостое товариство и на подданство, съ выборнымъ кошевымъ, съ демократическимъ устройствомъ, которое заставляло воиновъ подозрительно смотрѣть даже на депутатовъ, облеченныхъ довѣренностью товариства, съ раздѣленіемъ на паланки и т. п. Хотя указомъ 17 января 1756 года перенесеніе малороссійскихъ дѣлъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ вѣдомство сената, вслѣдствіе чего туда начали поступать апелляціи на рѣшенія гетманскаго правленія, и положено начало уничтоженію особнаго существованія Малороссіи, однако при Елизаветѣ Петровнѣ перемѣна была пока нечувствительна, и внутреннее устройство Малороссіи и Запорожья оставалось на своихъ старыхъ основаніяхъ.

Кромѣ малороссійскаго и запорожскаго казачества, на юго-восточныхъ границахъ Россіи мы находимъ еще много казачьихъ поселеній подъ названіями: Азовскихъ, Астраханскихъ, Волж-

скихъ, Гребенскихъ, Донскихъ, Терскихъ, Бахмутскихъ, Оренбургскихъ, Сибирскихъ, Торскихъ, Моладскихъ, Яицкихъ, Хоперскихъ и т. п. Говорить о ихъ положеніи въ царствованіе Елизаветы Петровны, было бы весьма затруднительно, какъ по отсутствію статистическихъ свѣдѣній за это время, такъ и потому, что въ это царствованіе они оставались большею частью на прежнемъ основаніи, слѣдовательно пришлось бы обращаться къ мѣрамъ предшествовавшихъ государей, а это завлекло бы слишкомъ далеко. О нѣкоторыхъ промышленныхъ и торговыхъ мѣрахъ, относительно казаковъ, намъ придется говорить при обзорѣ торговаго и промышленнаго состоянія Россіи при Елизаветѣ, тѣмъ болѣе, что всѣ эти поселенія, сохраняя свое устройство, входили уже въ составъ Астраханской, Оренбургской и Сибирской губерній. Здѣсь замѣтимъ только нѣкоторыя постановленія. Такъ, 10-го марта 1746 года дана была Елизаветой жалованная грамота Войску Донскому въ замѣнъ грамоты 1706 года, сгорѣвшей вмѣстѣ съ войсковыми клейнодами, пожалованными Петромъ-Великимъ. Этою грамотою подтверждалась прежняя, данная Петромъ, за вѣрность Донскаго Войска, обнаруженную во время астраханскаго бунта 1705 году. Указомъ 27-го октября 1748 года велѣно было соединить бахмутскихъ, торскихъ и моладскихъ казаковъ въ одно и сформировать изъ нихъ трехсотенный бахмутскій казачій полкъ. Указомъ 23-го іюля 1746 года соединены были семейные терские казаки съ гребенскими подъ названіемъ гребенскаго войска, а опредѣленіемъ военной коллегіи отъ 31-го іюля 1755 года снова раздѣлены. Есть еще нѣсколько указовъ о жалованьѣ, о раздатѣ въ вѣнчательные дни вина и т. п.

Обращаясь къ губерніямъ, на которыя раздѣлялась Россійская имперія, насъ всего болѣе поражаетъ несоразмѣрность ихъ между собою. Сибирская губернія, простиравшаяся отъ Урала до Восточнаго Океана, поставлена на ряду съ чрезвычайно малыми Рижской и Ревельской губерніями. Такое же различіе должно было существовать и въ степени власти главныхъ правителей, различіе разумѣется чисто фактическое, потому что всѣ губернаторы руководствовались одними и тѣми же инструкціями и постановленіями. Вдали отъ центра государственнаго управленія, власть губернатора принимала, разумѣется, иные размѣры, нежели въ областяхъ ближайшихъ. Въ Сибири, на примѣръ, долго ходила въ народѣ пословица: «на небѣ Богъ, а въ Иркутскѣ Кохъ», объ одномъ изъ правителей.

Въ юго-восточной части Россіи и въ Сибири продолжалось важное дѣло колонизаціи великорусскаго населенія среди ино-

родцевъ, а вмѣстѣ съ ними распространенія христіанства и цивилизаціи. Если въ настоящее время въ Оренбургской губерніи считается $\frac{1}{3}$, а въ Астраханской $\frac{2}{3}$ инородческаго населенія, несмотря на многочисленныя переселенія изъ внутреннихъ областей имперіи, на развитіе въ этомъ краѣ хлѣбопашества и промышленности, можно себѣ представить, что было тамъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ тому назадъ. Постепенное развитіе русской колонизаціи, вліяніе ея на измѣненіе въ нравахъ и образѣ жизни инородцевъ, отношеніе русскихъ поселенцевъ среди разноязычнаго, разноплеменнаго, по большей части кочеваго населенія, представляетъ высокій историческій интересъ. Къ сожалѣнію, за исключеніемъ Полнаго Собранія Законовъ, мы мало найдемъ официальныхъ или частныхъ извѣстій, а такъ-какъ власть губернаторовъ нигдѣ не была такъ велика, какъ на этихъ украиннахъ русскаго государства, то постановленія, исходящія отъ центральной власти, далеко не могутъ дать настоящаго понятія о положеніи страны. На такомъ разстояніи правительство не могло вмѣшиваться въ подробности внутренняго управленія, предоставляя его на отвѣтственность губернаторовъ. Только одной Оренбургской губерніи посчастливилось въ этомъ отношеніи. Въ запискахъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ивана Ивановича Неплюева, бывшаго тамъ губернаторомъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, въ Исторіи Оренбургскаго края и въ Топографіи оренбургской, составленныхъ Петромъ Рычковымъ (последняя издана отъ академіи наукъ въ 1762 году), наконецъ въ Журналѣ или дневныхъ запискахъ капитана Николая Рычкова, веденномъ во время путешествія его по нынѣшнимъ Казанской, Сямбирской, Самарской и Оренбургской губерніямъ въ 1769 и 1770 годахъ и изданномъ въ 1770 году, мы находимъ любопытныя подробности о состояніи Оренбургскаго края, объ управленіи, о положеніи русскихъ поселенцевъ и т. п. По нимъ мы можемъ составить нѣкоторое понятіе и вообще о положеніи всего восточнаго края Русской имперіи. Оренбургскій край, до учрежденія губерніи, извѣстенъ былъ подъ именемъ Оренбургской Экспедиціи; потомъ, съ назначеніемъ туда правителемъ извѣстнаго историка Татищева, состоялъ въ вѣденіи оренбургской комиссіи. Указомъ 15-го марта 1744 года онъ образованъ былъ въ Оренбургскую губернію, и первымъ губернаторомъ назначенъ Неплюевъ, находившійся тамъ въ званіи командира оренбургской комиссіи уже съ 1742 года. Къ новой губерніи причислена была Исетская провинція съ зауральскими башкирцами, а также и Уфимская провинція со всѣми башкирскими дѣлами. Впоследствии туда же причисленъ городокъ Гурьевъ, а также и Ставро-

польское вѣдомство, принадлежащее къ Симбирской провинціи Казанской губерніи, было подчинено во многомъ оренбургскому губернатору. Населеніе губерніи было самое разнородное. Кромѣ азіатскихъ выходцевъ, бухарцевъ, хивинцевъ, персіянъ и т. п., въ небольшомъ числѣ живущихъ въ пограничныхъ городахъ, постоянными жителями были татары, башкирцы, мешеряки, киргизы, каракалпаки, мордва, черемисы, чуваша и вотяки. Предѣлы Оренбургской губерніи къ востоку простирались за Аральское море. Русскихъ поселенцевъ, по показанію Рычкова, было не болѣе 200,000 обоего пола, считая въ томъ числѣ и около 20,000 служилыхъ людей, шесть полковъ гарнизонныхъ, четыре ландмилицкихъ, казаковъ, драгуновъ и т. п. Нѣсколько линій укрѣпленій и крѣпостей съ постояннымъ гарнизономъ изъ армейскихъ и драгунскихъ полковъ и приписныхъ казаковъ, сдерживали въ повиновеніи инородческое население и охраняли разсѣянныхъ русскихъ поселенцевъ. Горные заводы частныхъ владѣльцевъ были укрѣплены стѣнами и пушками. О заводѣ Троицкомъ, на рѣчкѣ Клдашѣ, принадлежавшемъ Осокину, капитанъ Рычковъ говоритъ, что онъ укрѣпленіями превосходитъ многіе уѣздные города; сверхъ стѣны съ башнями, внѣ заводскаго строенія подѣланы батареи. Иначе и быть не могло въ краѣ, еще не совершенно подчиненномъ, населенномъ племенами, помнящими свою независимость. Предшественники Неплюева жили обыкновенно въ Самарѣ, а въ Оренбургскую крѣпость, окруженную заборомъ изъ плетня, осыпаннымъ землею и дерномъ, ѣзжали разъ въ годъ съ многочисленнымъ конвоемъ, а вьюмою и всякое сообщеніе съ Япцкою линіею прекращалось. Неплюевъ, осмотрѣвъ Оренбургъ и найдя мѣстоположеніе его неудобнымъ по низменности и безлѣсности мѣста и по небезопасности каравановъ отъ хищныхъ киргизовъ, переименовалъ его въ Орскую крѣпость, и заложилъ новый городъ верстахъ въ 200 слишкомъ отъ прежняго внизъ по Яику, гдѣ онъ и теперь находится, и первый изъ начальниковъ края тамъ поселился. Это было чрезвычайно важно для страны, населенной буйными племенами. Башкирскіе бунты были въ свѣжей памяти. Третій изъ нихъ продолжался цѣлые шесть лѣтъ, отъ 1735 по 1741 года, и былъ усмирень послѣ сильнаго кровопролитія. По показанію Петра Рычкова, убито въ сраженіяхъ, послано въ ссылку въ остзейскія губерніи, роздано разнымъ лицамъ для поселенія внутри Россіи по рапортамъ и канцелярскимъ запискамъ 28,491 душа башкирцевъ, не считая побитыхъ въ малыхъ стычкахъ и вольницей, разбѣжавшихся и т. п. При самомъ Неплюевѣ башкирское возмущеніе грозило-было принять большіе размѣры и

было укрошено только благодаря ловкимъ мѣрамъ губернатора. Въ 1755 году башкирцы Исетской провинціи, возмущенные фанатикомъ Батыршею, перерѣзали всѣхъ русскихъ промышленниковъ, отыскивавшихъ глину, годную для фарфора, каменщиковъ, сожгли заводъ Шувалова и т. п. Возстаніе имѣло релігіозный характеръ. Батырша разослалъ воззваніе къ татарамъ Казанской губерніи, къ киргизамъ и другимъ магометанскимъ племенамъ. Киргизы не замедлили отозваться на воззваніе набѣгами. Военныхъ силъ, находившихся въ губерніи, было недостаточно для подавленія возстанія. Неплюевъ собственною властью послалъ призываніе къ четыремъ армейскимъ полкамъ, стоявшимъ въ Казанской губерніи, немедленно явиться къ нему на помощь, вытребовалъ точно также казаковъ съ Дона и калмыковъ изъ Астраханской губерніи, обнаруживъ, несмотря на свою болѣзнь, необыкновенную дѣятельность. Еще дѣйствительнѣе и важнѣе по своему вліянію на будущее, были другія мѣры стараго губернатора. Возстаніе было подавлено оружіемъ, но башкирцы начали перебираться за Яикъ къ киргизамъ. Уже около 50,000 душъ переправилось въ зауральскія степи. Неплюевъ прибѣгнулъ къ той же политикѣ, къ которой не разъ или лучше сказать постоянно прибѣгали европейцы въ Индіи. Недовольный тѣмъ, что уговорилъ оренбургское магометанское духовенство писать обличенія и опроверженія противъ фанатическихъ воззваній Батырши, Неплюевъ хотѣлъ возбудить вѣчную ненависть между магометанскими племенами, и это вполнѣ удалось ему. Съ одной стороны онъ поднималъ противъ башкирцевъ тептарей и мещераковъ, на которыхъ башкирцы смотрѣли, какъ на племена имъ подчиненныя. Неплюевъ посланіями указалъ имъ на постыдную для нихъ подчиненность, затронулъ гордость и сдѣлалъ то, что мещераки неутомимо преслѣдовали возставшихъ башкирцевъ и самъ Батырша былъ захваченъ и выданъ мещерацкимъ старшиною. Съ другой стороны онъ съумѣлъ посѣять кровавую вражду между башкирцами и киргизами. Своими письмами онъ льстилъ киргизамъ; несмотря на ихъ вторженія, онъ показывалъ видъ, что разсчитываетъ на ихъ вѣрность къ Россіи, и когда башкиры во множествѣ перекочевали за Уралъ, Неплюевъ написалъ къ киргизамъ, что русское правительство въ награду за вѣрность позволяетъ имъ захватить женъ и дочерей измѣнниковъ башкирцевъ съ однимъ условіемъ, чтобы мужчины были изгнаны. Киргизы не устояли противъ этой приманки. Черезъ нѣсколько времени бѣжавшіе башкирцы явились по сю сторону Яика или Урала, принося повинную, требуя только позволенія отмстить киргизамъ за кровную обиду, за отнятіе семействъ.

Официально имъ запретили мщеніе, но подъ рукой дали знать, что губернаторъ будетъ смотрѣть на это сквозь пальцы. Страшный наездъ разъяренныхъ башкирцевъ на киргизскіе аулы, рѣзня неожиданнаго нападенія киргизовъ положили начало племенной ненависти и кровомщенію. Оренбургскому губернатору оставалось только поддерживать эту вражду. Башкирцы, тѣснимые русскими, ненавидимые мещеравами и киргизами, должны были смириться. Съ тѣхъ поръ прекратились ихъ общія возстанія. Только собственными силами они уже не могли бороться съ русскимъ населеніемъ. Во времена пугачевщины они дѣйствовали, но уже не во имя религіознаго фанатизма, не за независимость, а за одно съ заводскими крестьянами и яицкими казаками. Неплюева должно почитать организаторомъ Оренбургскаго края. Уже одно перенесеніе центра управленія изъ Самары въ Оренбургъ, слѣдовательно по ту сторону башкирскихъ земель, между ними и Киргизской степью, имѣло важное вліяніе, но этимъ далеко не ограничилась его дѣятельность. Онъ основалъ множество укрѣпленій, увеличилъ число войскъ вдвое, заложилъ внутри Башкиріи Зелаирскую крѣпость, гдѣ постоянно находились драгунская и пѣхотная роты. Башкирцы были привлечены кроткими мѣрами. Неплюевъ всѣми силами старался о привлеченіи новыхъ поселенцевъ въ Оренбургскій край. Такъ онъ разными льготами переманилъ купцовъ изъ Самары въ новопостроенный Оренбургъ. Необходимость русскихъ поселеній среди инородцевъ была признана давно уже, и часто подавала поводъ въ довольно крутымъ мѣрамъ. Такъ напримѣръ, при Аннѣ Ивановнѣ, указомъ 31 іюля 1739 года, велѣно было произвести наборъ съ крестьянъ Сибирской губерніи съ 200 душъ по человѣку для поселенія ихъ въ оренбургскихъ крѣпостяхъ по Яику. При Аннѣ Ивановнѣ и въ правленіе Анны Леопольдовны приняты были мѣры для поселенія въ Оренбургскомъ краю выходцевъ изъ Малороссіи, и поселено было 209 семей, изъ которыхъ 849 человѣкъ записаны въ дѣйствительные казаки; но положеніе малороссійскихъ поселенцевъ было весьма незавидно. Они поддерживались казеннымъ хлѣбомъ и жалованьемъ, не заводились хозяйствомъ и просились назадъ въ Малороссію. Вслѣдствіе представленія Неплюева, желающимъ разрѣшено возвратиться на родину, а остальнымъ отведены были земли по ихъ желанію. Гораздо дѣйствительнѣе были другія мѣры. Указомъ 8-го марта 1744 года, приказано было селить въ крѣпостяхъ закамской линіи отставныхъ унтеръ-офицеровъ, солдатъ и драгунъ. Неплюевъ представилъ о желаніи защиточныхъ казанскихъ татаръ переселиться въ Оренбургъ. Сенатъ указомъ того же 8-го марта 1774 года разрѣшилъ по-

селить, не болѣе впрочемъ 200 семей. Главнымъ впрочемъ источникомъ для заселенія Оренбургскаго края были бѣглецы вѣрстляне. Въ донесеніи сенату Неплюевъ говоритъ, что по дѣламъ видно, что за 50 лѣтъ передъ тѣмъ въ Исетской провинціи ни единыя души не было изъ русскихъ; а въ вѣдомости 1741 года показано въ крѣпостяхъ оренбургскихъ сходцевъ, записанныхъ въ регулярныя и нерегулярныя службы, дворцовыхъ, синодальныхъ, монастырскихъ, помѣщичьихъ и разночинцевъ 5,154 души мужскаго полу. Неплюевъ указывалъ на то, что въ случаѣ возвращенія прежнимъ владѣльцамъ этихъ поселенцевъ, слободы Исетской провинціи запустѣютъ. Въслѣдствіе этого сенатъ въ докладѣ, высочайше утвержденномъ 27 іюня 1744 года, положилъ: 1) бѣжавшихъ до реввіи 1719 года оставить въ оренбургскихъ крѣпостяхъ и не отдавать прежнимъ владѣльцамъ; 2) бѣглыхъ вѣрстлянь, записанныхъ въ подушный окладъ по реввіи 1719 года въ другихъ мѣстахъ и поселившихся въ Оренбургскомъ краю уже послѣ реввіи, вывести на прежнія жилища; 3) которые же бѣглецы записаны въ новопостроенныхъ по линіи въ Оренбургу крѣпостяхъ въ казаки и тамъ уже обсадились и дѣйствительно службы служатъ, тѣхъ всѣхъ для представленныхъ отъ тайнаго совѣтника Неплюева резоновъ оттуда не высылать, а быть имъ какъ оныя нынѣ есть въ казакахъ; а помѣщикамъ и другимъ владѣтелямъ, кромѣ разночинцевъ, зачесть въ будущій наборъ въ рекруты. Такимъ образомъ 3-й пунктъ значительно ослаблялъ или почти уничтожалъ дѣйствіе 2-го пункта. Какъ много было бѣглыхъ, видно изъ указа 24 мая 1748 года, гдѣ говорится, что въ сентябрѣ 1747 года непомятыхъ родства и помѣщичьихъ и опредѣленныхъ къ поселенію въ Оренбургскомъ краю оказалось 711 человекъ мужскаго пола. Бѣглецы вѣрстляне и поселенные отставные солдаты и драгуны постоянно увеличивали число русскаго населенія, находившаго въ плодородныхъ земляхъ Уфимской провинціи, въ развитіи горной промышленности, требовавшей много руды, всѣ условія для матеріальнаго благосостоянія, а главное большій просторъ, чѣмъ во внутреннихъ областяхъ Россіи. Довольно важнымъ фактъ въ исторіи Оренбургскаго края представляетъ также поселеніе крещеныхъ калмыковъ. Уже съ конца XVII вѣка началось обращеніе нѣкоторыхъ изъ калмыковъ въ христіанство. Съ 1724 по 1736 годъ, какъ значится по свѣдѣніямъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, вышло къ городамъ Астраханской губерніи и крещено 1,448 кибитокъ, въ которыхъ было 5,282 души, а послѣ число обращенныхъ увеличилось. Въ числѣ крещеныхъ былъ и владѣлецъ Петръ Тайшинъ. Уже въ царствованіе Анны Ивановны приняты были мѣры для поселенія креще-

ныхъ калмыковъ, которыхъ старались отдѣлить отъ некрещенныхъ. Послѣ разныхъ плановъ о мѣстѣ, ихъ рѣшено было въ 1737 г. водворить близъ Волги и выстроить для нихъ городъ Ставрополь. Рычковъ приводитъ рапортъ ставропольской канцеляріи, по которому въ іюнѣ 1754 года показано ихъ 8,693 души обоюга пола. Елизавета, весьма ревностная въ религіозномъ отношеніи, сильно заботилась о распространеніи христіанства между иновѣрцами. Эта ревность выразилась во многихъ указахъ, стѣснительныхъ для магометанъ; на примѣръ: калмыкамъ, желавшимъ принять крещеніе, выдавалось денежное награжденіе; запрещено было обращать ихъ въ другія христіанскія вѣроисповѣданія кромѣ греко-россійскаго. Ставропольское поселеніе отдано было сенатскимъ указомъ 18 апрѣля 1744 года въ вѣдомство Оренбургской губерніи, и однимъ изъ лучшихъ доказательствъ полезной дѣятельности Неплюева служатъ его распоряженія и представленія относительно этого поселенія. Особенно замѣчательно огромное его донесеніе въ сенатъ отъ 8 ноября 1744 года въ 31 пунктѣ, занимающее слишкомъ 16 страницъ Полнаго Собранія Законовъ (№ 9110). Здѣсь съ необыкновенною внимательностью обсуждено настоящее положеніе новыхъ поселенцевъ и указаны мѣры къ достиженію главной цѣли ихъ поселенія. Ограничена власть и своеволеніе зайсанговъ, опредѣлено по смерти зайсанга спрашивать у улусныхъ калмыковъ, хотятъ ли они находиться въ вѣдомствѣ у его наследника, хотя въ то же время смотрѣть, чтобы чрезъ то лучшія и заслуженныя фамиліи въ презрѣніе и уничтоженіе не приходили. Предписано строго наблюдать за тѣмъ, чтобы владѣлецъ не наказывалъ произвольно смертію или отобраніемъ имущества. Для управленія учредить въ Ставрополѣ калмыцкій судъ изъ лучшихъ людей калмыцкаго народа; главному командиру исподоволь вводить русскія постановленія. Русскія селенія, находившіяся внутри земель, отведенныхъ калмыкамъ и назначенныя къ своду въ другія мѣста, Неплюевъ совѣтовалъ оставить, «ибо сходитѣ когда калмыки будутъ между тавими людьми пребывать, которые домами живутъ и пашни производятъ, къ чему и сами они время отъ времени иногда будутъ привыкать». Въ Ставрополь должно стараться привлечь купцовъ и ремесленниковъ, «ибо чрезъ нихъ крещенные калмыки къ торговлѣ, промысламъ, а слѣдовательно и къ основательному селенію всегда и наилучше приохочиваны быть могутъ». За лѣсами, находящимися около Ставрополя, должно имѣть особенное смотрѣніе. Особенно Неплюевъ заботился, «чтобы оныя всѣ крещенные калмыки по должности христіанской пребывали.... а особливо бы никакихъ прежнихъ ихъ идололаторскихъ забобонъ, и всего того, что православно-христіанской вѣрѣ предосудительно, ме-

жду ними не было»; для достиженія этой цѣли Неплюевъ наставлялъ на необходимости имѣть тамъ ученыхъ и добросостоятельныхъ священниковъ, особливо знающихъ калмыцкій языкъ. Частый объѣздъ священниками улусовъ, увеличеніе заведенной для калмыцкихъ дѣтей школы, переводъ на калмыцкій языкъ молитвъ и нужнѣйшихъ священныхъ книгъ и т. д. Въ донесеніи отъ 4 марта 1746 года Неплюевъ увѣдомляетъ объ успѣшномъ дѣйствіи этихъ мѣръ, о томъ напр., что въ пріѣздъ его въ Ставрополь нѣкоторые изъ лучшихъ калмыковъ охотно отпустили съ нимъ своихъ дѣтей въ Оренбургъ, чтобы тамъ удобнѣе научиться руссійскимъ обыкновеніямъ, что другіе дѣтей своихъ русской грамотѣ и письму охотно обучаютъ и уже нѣсколько изъ оныхъ говорить, читать и писать нарочито обученныхъ есть. Къ сожалѣнію, просвѣщенная дѣятельность Неплюева, кончившаяся въ 1758 году, не нашла себѣ достойныхъ подражателей. Съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся на его распоряженіяхъ, потому что всѣ они одушевлены желаніемъ блага для страны, имъ управляемой. Въ его запискахъ превосходное объясненіе этихъ мѣръ. Многое онъ сдѣлалъ для Оренбургскаго края; еще болѣе онъ хотѣлъ сдѣлать, но не успѣлъ или не могъ. Замѣчательнъ во многомъ его довлдъ отъ 4 марта 1746 года. Въ какихъ нибудь три года послѣ основанія, въ Оренбургѣ было уже 628 дворовъ, 4 церкви, 44 лавки въ гостиномъ дворѣ, 131 лавка въ мѣновомъ, сдѣлана большая часть укрѣпленій и т. д. Множество вѣрпостей и редутовъ были вновь выстроены или исправлены. Особое стараніе прилагалъ онъ объ увеличеніи торговли съ Азією. Съ одной стороны онъ писалъ во всѣ русскіе городовые магистраты, указывая на выгоду азіатской торговли, съ другой разосланными черезъ оренбургскихъ татаръ приглашеніями онъ старался привлечь торгующихъ бухарцевъ, хивинцевъ и другихъ жителей средней Азіи. Слѣдствіемъ этого было то, что съ 1745 года начался уже довольно важный торгъ въ новопостроенномъ Оренбургѣ, такъ что вмѣсто 4,799 руб. сбора, получившагося въ 1742 году при началѣ управленія Неплюева, въ 1754 году, слѣдовательно черезъ 12 лѣтъ, сборовъ было уже 65,912 рублей, изъ нихъ болѣе 50 т. таможеннаго сбора, несмотря на льготы, данныя для привлеченія азіатскихъ купцовъ. Главнымъ предметомъ привоза было золото и серебро. По показанію Петра Рычкова, отъ 1748 года по 1755 годъ ввезено въ Россію золота до 50, серебра до 4,000 пудовъ, не считая того, что провезено безъ явки. При маломъ развитіи добыванія у насъ золота въ то время, понятно какъ важна была оренбургская торговля. Въ 1750 году ѣздилъ Неплюевъ ко двору, чтобы пред-

ставить свой планъ о заведеніи торговли съ Индією. Къ сома-
дѣнію, его представленіе не имѣло успѣха въ Петербургѣ. Изъ
всего сказаннаго можно видѣть, какое отрадное явленіе во внут-
ренней исторіи Россіи представляетъ дѣятельность Неплюева.
Должно замѣтить, что онъ принадлежалъ къ числу молодыхъ
людей, посланныхъ Петромъ Великимъ за границу, и образовался
подъ его сильнымъ вліаніемъ. До глубокой старости онъ честно
служилъ идеямъ великаго преобразователя. Его преемникамъ
оставалось только продолжать начатое. Но многое изъ мѣръ
Неплюева осталось безъ исполненія или оставлено послѣ.

Относительно управленія Сибирью, мы имѣемъ довольно боль-
шое число указовъ въ Полномъ Собраніи Законовъ, но эти мѣры
правительства въ царствованіе Елизаветы Петровны не пред-
ставляютъ собою ничего общаго, состоятъ изъ отрывочныхъ распо-
ряженій, и потому за отсутствіемъ частныхъ извѣстій, которыя
бы, подобно труду Рычкова и запискамъ Неплюева, дополняли
бы и поясняли недостающее въ правительственныхъ актахъ,
трудно составить себѣ сколько нибудь отчетливое понятіе о со-
стояніи страны въ это время. Поэтому замѣтимъ только нѣ-
которыя мѣры. Указомъ 15-го февраля 1758 года приняты нѣ-
которыя мѣры для увеличенія въ Нерчинскомъ уѣздѣ казенной
десятинной пашни. Указомъ 12-го сентября 1760 года заведена
казенная пашня въ Селенгинскомъ уѣздѣ. Указомъ 7-го іюля
1759 года разрѣшено приписывать въ Иркутскѣ и Нерчинскѣ
черносошныхъ крестьянъ, зашедшихъ туда изъ другихъ губерній,
но подтверждено не принимать помѣщичьихъ, дворцовыхъ и
монастырскихъ крестьянъ. Указомъ 17-го октября 1760 года
предписано было сибирскому губернатору Соимонову, для без-
опасности нашихъ границъ со стороны китайскихъ владѣній и
зынгаровъ, занять мѣста отъ Усть-каменогорской крѣпости до
Телецкаго озера, построить крѣпости и поселить по рѣкамъ и
рѣчкамъ до 2,000 семей русскихъ людей, набирая ихъ изъ
охотниковъ самой Сибири и изъ государственныхъ крестьянъ
Архангельской губерніи, Устюжской и Вятской провинцій, нахо-
дящихся въ Сибири по промысламъ. Изъ указа отъ 2-го декабря
1760 года видно, какъ трудно было правительству принудить
крестьянъ къ обязанному хлѣбопашеству. Въ нѣкоторыхъ слобо-
дахъ Ялutorовскаго уѣзда дѣло дошло до открытаго возмущенія.
А между тѣмъ распространеніе хлѣбопашества было необходимо,
особенно для содержанія военныхъ силъ тамошняго края. Въ
томъ же 1760 году иркутская канцелярія доносила, что въ
командахъ, находящихся по дальнимъ острогамъ, умерло съ го-
лodu больше 40 человекъ, а остальные ѣдятъ кожаныя сумы и

ремни. Для увеличенія числа рабочихъ рукъ правительство обнародовало указъ 13-го декабря 1760 года, которымъ вызывало помещиковъ отправлять въ Сибирь на поселеніе своихъ крестьянъ, принимая взрослыхъ мужчинъ за рекрутъ, а ихъ семействамъ плата по установленной таксѣ, именно за мужескъ полъ 5 лѣтъ по 10 рублей, а отъ 5 до 15—20 рублей, за женщину вполонину. Тотъ же самый вызовъ обращенъ былъ къ дворцовымъ, синодальнымъ, архіерейскимъ, монастырскимъ крестьянамъ. Находимъ также распоряженіе о припискѣ крестьянъ къ заводамъ; такъ къ Колывано-вскресенскимъ заводамъ приписано слишкомъ 12 т. душъ крестьянъ. Къ Нарчинскимъ приписаны крестьяне, находящіеся въ Томскомъ и другихъ уѣздахъ. Любопытны мѣры, ограничивавшія злоупотребленія. Губернатори присвоили себѣ власть жаловать въ дворяне и дѣти боярскіе. Указомъ 6-го февраля 1746 года вновь запрещено это самоуправство и приказано обратитъ новопожалованныхъ снова въ податное состояніе. Въ 1745 году отправленъ былъ нарочно въ Сибирь полковникъ Вульфъ, для защиты инородцевъ отъ притѣсненій мѣстныхъ начальниковъ, которые брали себѣ въ забаду новокрещенныхъ и некрещенныхъ инородцевъ. Въ 1761 году сенаторъ Воронцовъ донесъ сенату о дѣйствіяхъ тобольской митрополичьей консисторіи и раскольничьей комиссіи, которыя, командами въѣзжая въ крестьянскія деревни, грабятъ дома и все имѣніе, а крестьянъ бьютъ и мучатъ немилосердо и сажаютъ въ цѣпяхъ подъ караулъ.

О торговыхъ и промышленныхъ мѣрахъ мы скажемъ въ общемъ обзорѣнн.

Въ государственныхъ и губернскихъ учрежденіяхъ мы малое найдемъ измѣненіе въ царствованіе императрицы Елизаветы, а если и находимъ, то измѣненія частныя, состояція большею частію въ возвращеніи къ постановленіямъ Петра Великаго и въ отмѣненіи перемѣнъ, произведенныхъ въ предшествовавшія царствованія. Того организующаго направленія, которымъ отличена дѣятельность Екатерины Великой, нечего искать въ правленіи Елизаветы. Мы упоминали уже о возстановленіи власти сената, которымъ почти началось царствованіе дочера Петра Великаго. Кабинетъ министровъ былъ уничтоженъ, но почти тотчасъ же его мѣсто заняла конференція при высочайшемъ дворѣ, гдѣ рѣшались важнѣйшіе вопросы, особенно по дѣламъ внѣшней политики. Она была уничтожена Петромъ III. Въ запискахъ Шаховскаго мы найдемъ любопытныя подробности о порядкѣ дѣлъ и о характерѣ этой конференціи, а также и о сенатѣ. Одно, что ясно въ этихъ подробностяхъ — это огромная власть лицъ, пользовавшихся довѣріемъ императрицы. Особенно интересны въ

записках кн. Шаховскаго отношенія Шувалова (П. Ив.) въ сенату, имѣвшему право общаго контроля. Относительно синода замѣчательны постановленія о монастырскихъ и духовныхъ имуществвахъ. Указомъ 15-го іюля 1744 г. уничтожена была коллегія экономіи, завѣдывавшая архіерейскими и монастырскими имѣніями и судомъ между духовныхъ и состоявшая подъ вѣденіемъ и контролемъ сената. Теперь всѣ церковныя вотчины передавались въ непосредственное вѣдомство и управленіе синода со всѣми приходами, за исключеніемъ только Законоохраннаго училищнаго монастыря съ его доходами, который будетъ содержаться на особой суммѣ. Іюня 4-го 1745 г. переименована была коллегія экономіи въ канцелярію синодальнаго экономическаго правленія. Эта важная перемѣна объясняется набожностію Елизаветы Петровны, находившейся, по словамъ Шаховскаго, подъ сильнымъ вліяніемъ духовника и гр. Ал. Разумовскаго, которые оба дѣйствовали въ интересахъ духовенства. Какою властію пользовался духовникъ, мы видимъ изъ записокъ Шаховскаго, а также и изъ переписки запорожскихъ депутатовъ съ Кошемъ. Изъ послѣдняго источника узнаемъ, что вліяніе духовника не ограничивалось одними духовными дѣлами. 22-го декабря 1755 г. писали депутаты въ Кошъ: «Его высокопреподобіе г. духовникъ е. и. в. о. Павелъ просилъ насъ запорожской низовой шуки зимней-просольной изъ Коши, какъ возможно выписать и притомъ приказавъ свое святое благословеніе вельможности вашей и всему войску написать». Депутаты просили выслать на подводахъ двѣ бочки просольной шуки, чтобы одною кланяться гр. Разумовскому, а другою духовнику. Въ концѣ письма они прибавляютъ: «А такіа обѣ высокія и сильныя персоны, что по нихъ большихъ нивого нѣтъ, и ежели такимъ не услужить, то негдѣ намъ и милости искать». При такой помощи управленіе церковными имѣніями, разумѣется, было совершенно въ рукахъ синода, старавшагося избавиться отъ всякаго контроля относительно употребленія доходовъ съ имѣній. Когда кн. Шаховскій, бывшій прокуроромъ синода, представилъ о необходимости составить вѣдомость о состояніи монастырскихъ и другихъ церковныхъ имѣній и точное опредѣленіе доходовъ съ нихъ для употребленія ихъ по смыслу постановленій Петра Великаго, члены синода согласились и разослали о томъ указъ, но потомъ онъ узналъ, «что по большей части властители съ тѣхъ деревень себѣ получать, а не въ казну умножать доходы желающіе, черезъ непримѣтныя между собою сообщенія согласились, чтобы такихъ вѣдомостей въ св. синодъ не присылать, и хотя я о томъ ея величеству объяснительно представлялъ и по ея же благоволенію

и наставленію многія старанія и домогательства употреблялъ, но не возмогъ одѣлать къ тому полнаго успѣха». Результатомъ настойчивости кн. Шаховскаго была борьба между нимъ и членами синода, которой подробности находятся въ 1-й части записокъ Шаховскаго. Указомъ 7-го апрѣля 1742 г. восстановлены были въ прежнемъ своемъ составѣ бергъ-коллегія и мануфактуръ-коллегія, которыя въ 1731 г. соединены были съ коммерцъ-коллегіею. Вслѣдствіе чего съ 1736 г. учрежденъ былъ генераль-бергъ-директоріумъ, уничтоженный тѣмъ же указомъ, которымъ восстановились бергъ и мануфактуръ-коллегіи. Указомъ 21-го мая 1748 г. восстановленъ главный и прочіе магистраты, уничтоженные-было въ 1727 г. по представленію кн. Ал. Долгорукаго *для лучшаго посадскихъ охраненія*. Этими ограничивались измѣненія въ государственныхъ учрежденіяхъ. Точно также мало найдемъ измѣненій и въ губернскихъ и уѣздныхъ. Относительно губернаторовъ мы находимъ нѣсколько указовъ объ отвѣтственности ихъ за нерадѣніе въ сборѣ подушныхъ денегъ и казенныхъ взиманій, за несодѣйствіе ревизіи и за неисполненіе указовъ военной коллегіи. Любопытенъ только указъ 11-го октября 1745 г. по дѣлу Клинскаго воеводы, взятаго по нѣкоторому секретному дѣлу въ контору канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ. Этими указомъ приказано было «ежели впредь изъ котораго мѣста губернаторъ или воевода въ канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ или оной въ контору взять будетъ, то той канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, не объявляя о дѣлахъ ихъ, того же числа, котораго взяты будутъ, въ пр. сенатъ или въ сенатскую контору рапортовать, дабы на ихъ мѣсто (нева они безъ стражи свободны будутъ) другіе въ скорости опредѣлены быть могли, чтобы въ тѣхъ мѣстностяхъ остановки быть не могло». Замѣчательнъ указъ 12-го окт. 1760 г., которымъ приказано было государственными крестьянамъ въ защиту отъ притѣсненій, поборовъ и взятковъ со стороны воеводъ, управителей и проч. также для ходатайствъ по крестьянскимъ дѣламъ и надсматриваніи имѣть особыхъ выборныхъ, которыхъ запрещено было вытребовать или забирать по дѣламъ изъ волостей въ города, дабы «тотъ безгласный народъ, сказано въ дополн. указѣ 19-го марта 1761 г., ни подъ какимъ видомъ излишними поборами и несправедливыми положеніями притѣсняемъ и въ отягощеніе приводимъ не былъ».

Должно замѣтить мѣры, относящіяся къ кодификаціи. Составленіе новаго уложенія, сводъ и приведеніе въ единству многочисленныхъ постановленій, часто забытыхъ или противорѣчащихъ другъ съ другомъ, было признано необходимымъ еще въ

предшествовавшия царствованія, но всё мѣри къ составленію уложенія оставались безплодными. Царствованію Елизаветы также не суждено было рѣшить этотъ вопросъ, не рѣшенный и знаменитой комиссіей для составленія новаго уложенія, собранной при Екатеринѣ II. Тѣмъ не менѣе, нельзя оставить безъ вниманія этихъ попытокъ, тѣмъ болѣе, что ихъ повтореніе доказываетъ великость зла отъ отсутствія общаго свода законовъ; а ихъ безплодность знаменательна для опредѣленія настоящаго характера и правительства и общества. 11-го марта 1754 г. состоялось высочайшее повелѣніе о сочиненіи ясныхъ и понятныхъ законовъ по обстоятельству нынѣшнихъ временъ, въ примѣненіи обычаевъ и правовъ; въ исполненіе этого повелѣнія и образована была при сенатѣ комиссія, а 24-го августа того же года сенатъ опредѣлилъ для членовъ распредѣленіе занятій и утвердилъ планъ къ сочиненію новаго уложенія. Это уложеніе должно было состоять изъ 4-хъ частей: I-я (въ 50 главахъ) содержитъ въ себѣ все то, что надлежитъ до суда и судебныхъ мѣстъ, и въ какихъ случаяхъ письменные и словесные суды производить и по нихъ рѣшеніе чинить. Часть II (въ 21 гл.) гласитъ о тавихъ правахъ, которыя подданнымъ въ государствѣ, по разному ихъ состоянію, персонально принадлежатъ. Часть III (въ 23 гл.) содержитъ въ себѣ все то, что до движимаго и недвижимаго имѣнія и до раздѣленія онаго принадлежитъ, и по какимъ вѣрностямъ и случаямъ она въ кому и какимъ образомъ вѣрныя быть должны. Часть IV (въ 65 гл.) показываетъ, какимъ порядкомъ и въ какихъ случаяхъ розыскъ и пытки производить и какія за разныя преступленія казни, наказанія и штрафы положены. О своихъ трудахъ комиссія должна представлять сенату ежемѣсячные рапорты. 29-го сентября 1761 г. состоялся указъ сената, въ которомъ говорилось о планѣ Петра Великаго составить уложеніе, о неудачныхъ мѣрахъ къ тому же Екаторины I, Петра II и Анны Ивановны, далѣе о трудахъ комиссіи, учрежденной императрицею Елизаветою, и о томъ, что двѣ части новаго уложенія, судная и криминальная, уже готовы и потому «какъ оное сочиненіе уложенія, для исправленія всего государства гражданскихъ дѣлъ весьма нужно, слѣдственно всего общества и трудъ въ совѣтахъ быть къ нему потребенъ, предпринималось къ слушанію того уложенія изъ всякой провинціи (кромѣ новозавоеванныхъ, также Сибирской, Астраханской и Киевской губерній) прислать съ каждой провинціи изъ дворянства по 2 человѣка за выборомъ всего тѣхъ городовъ шляхетства, также изъ купечества по одному человѣку». Губернаторамъ предписано было объявить объ этомъ дворянамъ о произведеніи выборовъ и выслать депутатовъ

въ 1 янв. 1762 г., но самнѣ губернаторамъ и воеводамъ въ выборы никакъ не вступаться, также губернаторамъ, воеводамъ и магистратамъ не вступаться въ выборы купечества. Св. синоду также было сообщено о присылкѣ своихъ депутатовъ. сколько св. пр. синодъ соизволитъ. Указомъ 8-го декабря 1761 года, приказано было выслать депутатовъ изъ провинцій, а также отъ тобольскаго, иркутскаго, кievскаго, иѣжинскаго и оренбургскаго купечества по два же человѣка, къ 1 марта 1762 г. Изъ Иркутска, впрочемъ, нашлись въ Петербургѣ два купца, поэтому и велѣно было ихъ употребить для слушанія, не выслая новыхъ депутатовъ отъ этого города. Кромѣ того, еще въ прежнее правленіе была составлена коммиссія для составленія ливонскаго уложенія, а указомъ 31-го августа 1761 г. сенатъ поручилъ мадороссійскому гетману рассмотретьъ статутъ литовскій черезъ особо опредѣленныхъ для того людей, какіе являлись въ немъ недостатки оные пополнить, напротивъ того, лишншіи исключить, также и въ Кіевѣ тѣ законы, по коимъ тамошніе граждане, мѣщанство, посполитные и другаго званія люди судомъ и прочимъ распоряженіямъ содержатся, рассмотретьъ же, и если домыслъ какими коммиссіями чего къ тому не сочинено или сочиняемо было, да неокончено, то все оное сочинить за надлежащимъ объясненіемъ и единственнымъ положеніемъ, какъ чему быть и оное все съ депутатомъ, который бы могъ дать о всемъ потребное изъясненіе, прислать въ сенатъ. Коммиссіи и депутаты не удалось начать своихъ трудовъ при Елизаветѣ. Екатерина II, указомъ 13-го января 1763 г., распустила по домамъ собранныхъ депутатовъ, потому что предварительныя работы не были еще окончены.

Трудно было правительству знать нужды и потребности народа, когда оно не знало ни государственной территоріи, ни народонаселенія. Собираніе географическихъ свѣдѣній, народныя переписки представляютъ очевидное доказательство неестественнаго положенія дѣлъ. Многое, чему положили начало великій преобразователь, осталось пренебрежено и забыто его недостойными преемниками. Екатерина II должна была начать съизнова. При академіи наукъ былъ профессоръ географіи (Винсгеймъ, † 1753) и географическій департаментъ, издавшій въ 1745 г. атласъ Россійской имперіи въ 19-ти картахъ, причемъ, по замѣчанію Ломоносова, далеко не воспользовались всѣми матеріалами, находившимися подъ рукою. Ломоносовъ сильно заботился объ исправленіи атласа. Онъ требовалъ снаряженія астрономической экспедиціи для опредѣленія широтъ и долготъ важнѣйшихъ мѣстъ въ Россіи, безъ чего нельзя сочинить исправнаго атласа. Проектъ

Ломоносова опредѣлялъ время, нужное для исполненія этой экспедиціи, въ 1 годъ и 16 недѣль. Экспедиція должна была раздѣлиться на три части. Одна осматрѣла бы западную и юго-западную Россію, другая—юго-восточную, третья—сѣверную и часть средней Россіи. Планъ не былъ приведенъ въ исполненіе по разнымъ причинамъ. Нѣсколько полезнѣе было другое средство для полученія географическихъ извѣстій, хотя замѣтимъ, что планъ Ломоносова, неисполненный тотчасъ, неслужилъ однако же основаніемъ для астрономическихъ трудовъ академіи при Екатеринѣ Великой. Въ 1759 г., по требованію Ломоносова, академія предложила сенату потребовать для составленія новаго атласа свѣдѣній со всей имперіи. Въ январѣ 1760 г. разсланы были во всѣ мѣста вопросы академіи съ сенатскимъ указомъ. Этихъ вопросовъ было 30. Они касались положенія мѣстностей, названія городовъ и селеній, состоянія ихъ промышленности, ярмарокъ и т. п. Указомъ предписывалось во всѣхъ городахъ, по полученіи этихъ вопросовъ, оиросить знающихъ городскихъ жителей и крестьянъ, чего не можно узнать черезъ расспросы, для узнаванія посылать нарочныхъ, взмѣрять расстояніе. Отвѣчать по мѣрѣ того, какъ будутъ собираться свѣдѣнія и т. п. Планъ Ломоносова и въ этомъ отношеніи былъ очень обширный; онъ хотѣлъ составить карты промышленности сверхъ картъ географическихъ. Кроме того, академія просила св. синодъ доставить свѣдѣнія о монастыряхъ, церквяхъ и имѣніяхъ. Хотя на первое требованіе академіи синодъ отвѣчалъ-было, что и самъ не имѣетъ о томъ извѣстія, однако же скоро начали получаться отвѣты. Это побудило Миллера, сдѣлавшагося инспекторомъ классовъ шляхетскаго корпуса, чрезъ правленіе корпуса разслать также 30 вопросовъ съ тою же цѣлію и также съ сенатскимъ указомъ отъ 19-го декабря 1760 г. Въ теченіе 7-ми лѣтъ въ академіи накопилось большое число отвѣтовъ, хотя на многіе вопросы и изъ многихъ мѣстъ не было прислано никакихъ извѣстій. При Елизаветѣ академія еще не могла воспользоваться этими отвѣтами, потому что разсылка вопросовъ была только за годъ съ небольшимъ до ея кончины. Только въ 1771 г. на основаніи полученныхъ свѣдѣній, топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Россійской имперіи. Изданы были 4 книжки, 1 томъ, содержащій въ себѣ описаніе Московской губерніи. Въ нихъ находимъ ми нѣсколько довольно любопытныхъ данныхъ и для царствованія Елизаветы, потому что часть отвѣтовъ относится къ ея времени. Состояніе географическихъ извѣстій о Россіи всего лучше характеризуется словами Бакмейстера, издателя Топографиче-

свѣхъ извѣстій (см. предисл. стр. 3). Мы видѣли, какъ трудно было снять карту и описаніе Запорожья, несмотря на повтореніе распоряженій объ этомъ и несмотря на то, что карта Дебо-скета была довольно удачнымъ опытомъ. Кромѣ Рычкова Топографіи Оренбургскаго края, мы не находимъ никакихъ сколько-нибудь систематическихъ описаній частей Россіи. Не менѣе сбивчивы и неточны были свѣдѣнія правительства и о числѣ народонаселенія. Лучшимъ и единственнымъ средствомъ была, разумѣется, ревизія; но способы произведенія ея были самые несовершенныя. Сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній нельзя было получать, несмотря на всѣ усилія правительства, которое и само было еще весьма неопытно въ этомъ отношеніи. Сверхъ того не всѣ жители государства входили въ ревизію, имѣвшую цѣлю собраніе подушнаго, а дополнить показаніе ревизіи другими не было возможности. Нѣкоторымъ оправданіемъ можетъ служить развѣ неточность собираемыхъ свѣдѣній и въ наше время. Чтобы показать, чего мы въ правѣ требовать отъ правительства за 100 лѣтъ тому назадъ, я приведу любопытный примѣръ официальныхъ свѣдѣній нашего времени. Въ Матеріалахъ для статистики Россійской Имперіи, изд. статистическимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ по донесеніямъ епархіальныхъ начальствъ за 1835 г., число разночинцевъ въ имперіи показано 3.507,772 об. пол. прав. испов. Въ свѣдѣніяхъ, изданныхъ министерствомъ финансовъ и относящихся къ 1836 г., разночинцевъ всѣхъ вѣроисповѣданій было всего 138,651. Послѣ этого легко можно представить себѣ, какая точность могла быть при Елизаветѣ Петровнѣ, къ царствованію которой мы и вернемся. Въ высшей степени замѣчательнъ докладъ сената отъ 17 сентября 1742 г. Тамъ высказано полное сознаніе невѣдѣнія правительства о настоящемъ состояніи государства и о немнѣннѣ нужныхъ свѣдѣній. Во время сильной нужды правительства въ деньгахъ оно не имѣло средствъ собрать подати. Сверхъ огромныхъ недоимокъ, многія волости и деревни отказывались платить что-нибудь за пустотю, а повѣрить ихъ не было возможности. По одному уѣзду Переяслава-Залѣскаго показано въ сенатъ пустошь въ 68 помѣщичьихъ деревняхъ. Правительству оставалось обращаться за свѣдѣніями къ духовенству, имѣвшему болѣе всего средствъ доставить точныя мѣстныя свѣдѣнія, но и тутъ не нашли помощи. На запросъ въ синодъ о вѣдомостяхъ полученъ отвѣтъ, что и въ присылкѣ такія вѣдомости не изъ всѣхъ епархій, да и тѣ разныхъ годовъ. Если сенатъ, по свидѣтельству Шаховскаго, не могъ истребовать вѣдомостей изъ подвѣдомственной ему комиссіи, находившейся въ самомъ Петербургѣ,

когда въ интересахъ этой комиссіи было избѣжать контроля, понятно какъ должны были отбиваться отъ показаній мѣста отдаленныя. Докладъ говорить: «многія души приписываемы въ городахъ разныхъ чиновъ людей къ городскимъ ихъ дворамъ, за которыми деревень нѣтъ, и послѣ того оныя люди, за кѣмъ души написаны, померли и въ другія безвѣстныя мѣста отбыли и дворы ихъ — запустили и только мѣста остались... наслѣдниковъ кто послѣ тѣхъ людей, за кѣмъ души написаны остались ли неизвѣстно, и гдѣ тѣ за ними написаны души невѣдомо». Далѣе: «между оными есть такіе, за кѣмъ души написаны къ домамъ, и дворовъ ихъ, гдѣ они жили, не отыскано». Далѣе: «а нѣкоторые помѣщики и съ людьми своими выѣхали, а куда неизвѣстно; земли ихъ лежатъ впустѣ, и никто ими не владѣеть; а между тѣмъ есть и такіе помѣщики, за которыми записаны души, что и владѣнія ихъ въ тѣхъ мѣстахъ въ дачахъ не бывало, и гдѣ тѣ помѣщики никто не вѣдаетъ». То же самое о стрѣльцахъ, разночинцахъ, мушкетерахъ и т. п. Сборъ податей останавливался за *пустотою* и незнаніемъ, гдѣ находятся тѣ, которые подлежатъ подати и сколько ихъ. Собрать болѣе точныя свѣдѣнія необходимо было для финансовыхъ дѣлей. Сенатъ требовалъ генеральной переписи и періодическаго ея повторенія черезъ извѣстное число лѣтъ (15). Вслѣдствіе этого состоялся извѣстный указъ 16 декабря 1743 г. о произведеніи генеральной переписи во всемъ государствѣ мужеска полу душамъ. Изъ переписи исключены были завоеванныя города, астраханскіе и уфимскіе татары, башкирцы и сибирскіе ясачные иноземцы. Въ каждую губернію посланъ былъ одинъ изъ генералитета. Того же 16 декабря 1743 г. была подписана инструкція ревизорамъ, напечатанная въ январѣ (6) слѣдующаго года. Ревизорамъ предписано было брать значительные штрафы за утайку ревизіи подлежащихъ людей и за тѣхъ, которые явятся безъ паспортовъ. Послѣ многихъ дополнительныхъ указовъ, опредѣлявшихъ подробности и сомнительные случаи въ производствѣ ревизіи, а также и мѣры для предупрежденія и наказанія умышленному утаенію подлежащихъ подати душъ, 2-я ревизія была окончена и съ 1747 г., на основаніи ея, начали сборъ податей. Подробныхъ свѣдѣній о результатѣ ревизіи мы не имѣемъ. Извѣстно только показаніе или перечневая вѣдомость о числѣ жителей Архангелогородской губерніи, помѣщенная въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1841 г. (Т. III отд. геогр. и стат. Россіи стр. 283). Изъ нея узнаемъ мы, что ревизія окончена въ февралѣ 1749 г. и продолжалась 5 лѣтъ. Сверхъ того извѣстно валовое показаніе, именно по 2-й ревизіи мужеска пола оказалось въ Россіи 6.643,395 д. подат-

ныхъ сословіи. 25 ноября 1761 г. обнародованъ былъ указъ о произведеніи новой ревизіи. На этотъ разъ не было послѣдомо особыхъ ревизоровъ, а собраніе свѣдѣній возложено на мѣстное управленіе. Срогъ окончательной подачи вѣдомостей назначенъ въ декабрѣ 1762 года. Результатомъ было 7.363,848 д. мужскаго пола, хотя и привязано было прежнимъ еще распоряженіемъ подавать свѣдѣнія и о числѣ женскаго пола. Разумѣется, показанія 2-й и 3-й ревизіи не дадутъ точнаго понятія о настоящей величинѣ народонаселенія. Въ предѣлахъ Имперіи Россійской далеко не всѣ жители вошли въ перепись. Много инородцевъ, напримѣръ, осталось не перечисленными. Въ Малороссіи первая перепись сдѣлана уже при Екаторинѣ Великой, именно въ 1764 г. Нужно читать у Конисскаго, какъ она производилась въ Малороссіи; а по актамъ П. С. З., которые свидѣтельствуютъ объ упорной утайкѣ душъ въ областяхъ Россіи; можно догадываться, что ревизоры 2-й переписи дѣйствовали въ томъ же духѣ, какъ и при произведеніи переписи въ Малороссіи, тѣмъ болѣе что при 3-й ревизиі правительство отиѣнило посылку особыхъ ревизоровъ. По показанію Шафонскаго (37) перепись 1764 г. показала въ Малороссіи 1.024,028 д. муж. пола. Относительно Запорожья правительство должно было удовольствоваться свѣдѣніемъ, доставленнымъ самимъ Копшемъ и о которомъ мы уже говорили. Важность ревизіи состояла преимущественно въ болѣе точномъ опредѣленіи подушныхъ сборовъ и въ прикрѣпленіи лицъ, неизмѣннихъ опредѣленнаго состоянія и мѣста жительства.

Намъ слѣдуетъ перейти къ изображенію промышленнаго и торговаго состоянія Россіи, но прежде считаю необходимымъ остановиться на одномъ явленіи болѣе важности, не оставшемся безъ вліянія и на развитіе нашего промышленнаго быта. Одною изъ цѣлей ревизіи было опредѣленіе сословныхъ правъ и мѣста жительства множества лицъ, подлежащихъ подушной подати и между тѣмъ стѣбывавшихъ отъ нея, равно какъ и отъ всѣхъ другихъ обязательствъ. Нивогда, можетъ быть, бѣгство крестьянъ не являлось въ такихъ огромныхъ размѣрахъ. Въ самыхъ правительственныхъ актахъ, сверхъ общихъ распоряженій, мы находимъ драгоцѣнныя числовыя показанія, которыхъ напрасно бы стали искать въ другихъ источникахъ. Числовыя показанія правительства, при несовершенствѣ собранія свѣдѣній, и при безсиліи центральнаго контроля, часто даже и мѣстнаго, очевидно должны быть не совсѣмъ точны; но эта неточность можетъ быть лишь въ одну сторону. Числа могутъ быть меньше дѣйствительности, но не могутъ быть ея больше. Слѣдовательно, мы должны

принимать их за минимума; но и этого минимума слишком довольно, чтобы показать всю великость зла. Бѣгство крестьянъ было вѣчнымъ протестомъ противъ этого состоянія, въ которое еще въ прошлыхъ столѣтіяхъ обратиле свободныхъ земледѣльцевъ правительство. Пока будетъ существовать это ненормальное состояніе, протестъ естествененъ, но будетъ продолжаться въ большей или меньшей степени. Но были и еще причины, которыя дѣлали бѣгство особенно сильнымъ и общимъ въ первой половинѣ XVIII вѣка. Первая общая ревизія, произведенная при Петрѣ I, окончательно сгладила еще существовавшее различіе между разноправными обработывателями помѣщичьихъ и другихъ земель: всѣ они были признаны крѣпостными. Такимъ образомъ первой ревизіей произведено было окончательное послѣднее опредѣленіе. Подобное же стремленіе объединять подъ общимъ именемъ и правами крѣпостныхъ и тѣхъ немногихъ лицъ, которыя еще жили на чужихъ земляхъ, не подпада подъ этотъ общій уровень, замѣтно и въ распоряженіяхъ относительно второй общей ревизіи, то-есть при Елизаветѣ. Очевидно, это еще болѣе увеличивало число бѣглецовъ, а средства къ безнаказанному бѣгству были самыя легкія во время безурядицы отъ смерти Петра до вступленія Елизаветы, а также и при слабомъ, безхарактерномъ правленіи этой государыни. Прибавимъ къ этому бироновщину, самоуправство большихъ и малыхъ временщиковъ, слабость центрального управленія и т. п., и огромное число бѣглыхъ станетъ вполне естественно. Бѣгство было всеобщимъ, а не мѣстнымъ явленіемъ. Только сѣверная полоса Россіи представляетъ исключеніе; но тамъ сохранялись подъ именемъ чернососныхъ крестьянъ послѣдніе остатки свободныхъ земледѣльческихъ общинъ, сохранившихся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже до нашего времени. Изъ средней и южной Россіи, гдѣ эти общины были задавлены крѣпостнымъ правомъ, во всѣ стороны стремились бѣглецы. Желаніе воли было такъ сильно, что его не могли остановить никакія пожертвованія. Передъ этою настоячивою потребностью умоляла врожденная русскому человѣку антипатія къ нѣмецкому племени. Нужно было въ статьяхъ мирнаго трактата съ Швеціею помѣстить требованіе о взаимной выдачѣ бѣглыхъ, хотя тутъ полной взаимности не могло быть. Еще въ 1740 году была учреждена особая коммиссія для отысканія и разбора русскихъ бѣглецовъ въ Лифляндіи и Эстляндіи и лифляндскихъ бѣглыхъ въ Россіи (№ 9023 и 9300). Указомъ 6-го октября 1753 г. (№ 10139) учреждена была эта коммиссія, потому что «ожидаемаго успѣха чрезъ тѣ коммиссіи и посылкѣ не получено». Изъ Лифляндіи и Эстляндіи выслано бѣглыхъ только 1,125

душъ и «хотѣ, сказано въ указѣ, по присланнымъ изъ реченныхъ комиссіей вѣдомостямъ оныхъ бѣглыхъ въ Лифляндіи и Эстляндіи еще остается немалое число, однакожь отъ тѣхъ губерній въ невзысканіи бѣглыхъ въ отговорки представлено, что за неровнымъ возвращеніемъ бѣглыхъ (въ Лифляндію изъ Россіи выслано всего 45 душъ обоего пола, а въ Эстляндію 104 души) тамошнимъ публичнымъ и частнымъ мнѣніемъ причинится великое развореніе». Главное стремленіе бѣглецовъ было, впрочемъ, не на западъ. Обѣтованной землей для русскихъ крестьянъ были южныя степи Запорожья и Малороссіи, польская граница, Пермь, Оренбургъ, Астрахань и наконецъ вся Сибирь. Тамъ былъ престоуръ для предприимчивости, гарантіи въ безопасности отъ поисковъ и преслѣдованій прежнихъ владѣльцевъ. Чтобы понять, какъ много должно было бѣжать изъ нѣмѣній, достаточно указать, что въ двухъ губерніяхъ, Бѣлогородской и Воронежской, однодворцевъ и другихъ служилыхъ людей, изъ которыхъ ландмилиція содержитсѣ, показано въ бѣгахъ 10,423 человекъ (см. № 8836 инструкція посланная для виновъ учиненія ревизіи 16-го декабря 1743 г.). На польской границѣ были устроены въ черниговскихъ раскольниковыхъ слободахъ сборныя мѣста для бѣглецовъ въ Польшу. Цѣлыми семьями проводились тайно за границу. Бывшій управитель двухъ черниговскихъ слободъ, Халкидонскій, доноситъ сенату, «что крестьяне для перехода въ Польшу только малое пребываніе въ оныхъ слободахъ имѣють», но и не всѣ изъ нихъ оставались въ Польшѣ. Часть, побывши тамъ нѣсколько времени, выходила обратно на границу, пользуясь не разъ повтореннымъ вызовомъ нашего правительства, обѣщавшаго выходцамъ изъ Польши прощеніе и льготы. Одни изъ этихъ выходцевъ «для единой вольности, по словамъ Халкидонскаго (т. XV, № 11208), укрывавсь отъ помѣщиковъ, въ раскольниковскія слободы записываются», не будучи, впрочемъ, раскольниками; другіе селились въ новой Сербіи или около крѣпости св. Елизаветы въ Новослободскомъ поселеніи. Донесеніе Халкидонскаго вполне оправдывается докладомъ сената отъ 16-го сентября 1749 г., гдѣ сенатъ, требуя генеральной ревизіи, говоритъ, что «Смоленской губерніи многое число за рубежъ въ Польшу вышло и вывезено не только числомъ людей, но и цѣлыми деревнями». Запорожье по своему характеру могло наполниться только бѣглецами и выходцами, искавшими прежде всего личной свободы. Здѣсь правительство не могло предпринять ничего для остановки бѣглецовъ; ихъ находимъ также въ казачьихъ донскихъ городахъ (т. XIII, № 9632). Бѣглецами наполнялись степи Астраханской и Оренбургской

губерній и пермскіе заводы. Особенно любопытно показаніе объ Астрахани. «Увѣдомилсь мнѣ, сказано въ именномъ указѣ сенату отъ 14-го марта 1745 г. (№ 9125), при ревизіи въ Астрахань явились многіе изъ подданныхъ, объявляющіе о себѣ, что не знаютъ своихъ помѣщиковъ, ни того, гдѣ родились, которыхъ по указамъ о ревизіи высылать отсюда велѣно въ Петербургъ на поселеніе, а оние подлые люди по привычкѣ жить кругомъ Астрахани, отъ той высылки бѣгутъ въ Пермь и бусурманятся; также въ степи на Кубанскую сторону на р. Куму и на бухарскую сторону за Яягъ, и тамъ промысломъ звѣринымъ питаются, звѣрски въ отчаяніи живутъ». Ничто не можетъ лучше характеризовать этой жажды воли. Бѣглецы русскіе и въ Остзейскихъ провинціяхъ, въ Польшѣ, въ Пруссіи, даже въ Турціи оставались вѣрны религіи отцовъ; надобно было, чтобъ положеніе ихъ было слишкомъ отчаянное, когда они рѣшились лучше бусурманиться, чѣмъ воротиться къ помѣщикамъ. Правительство должно было отступить отъ своихъ распоряженій, и въ томъ же именномъ указѣ императрица предлагаетъ: «не лучшее ли будетъ записать ихъ въ перепись и поселить по р. Волгѣ на пустыхъ мѣстахъ, которыя никакой пользы будучи пустыни не приносятъ, а поселеніе во всякомъ случаѣ потребно». Астрахань привлекала къ себѣ значительную часть бѣглыхъ. Въ 1757 г. въ Тамбовскомъ и Козловскомъ уѣздахъ обнаружилось волненіе между крестьянами. Они бѣжали забирая пожитки и лошадей. За Волгой устроены были землянки и поселившіеся тамъ бѣглецы объявляли, что будутъ принимать у себя всякихъ прихожихъ людей. Здѣсь, слѣдовательно, начинало образовываться такое же общество, какъ и въ Черниговскихъ слободахъ. Между крестьянами пущенъ былъ слухъ, что въ Царицынѣ и въ Камышинѣ велѣно принимать всѣхъ бѣглыхъ для приписки къ казенному шелковому заводу, что для принятія бѣглыхъ опредѣленъ майоръ Парубучъ и крестьяне явно шли туда. Правительство должно было разосланнымъ повсюду сенатскимъ указомъ отъ 13 янв. 1758 г. (№ 10791) объявить лживость этихъ слуховъ и приказать ловить разглашателей этихъ слуховъ, которые ласкаютъ вольностію простой народъ, и подвергать ихъ строгому наказанію. Важно также оффиціальное показаніе о числѣ бѣглыхъ на горныхъ заводахъ. Горнымъ заводчикамъ постановленіемъ Анны Ивановны было опредѣлено: сколько должно было приписывать къ заводамъ крестьянъ, именно на каждую доменную печь сто дворовъ, да къ двумъ молотамъ по 30 дворовъ, итого 160 дворовъ, полагая по 4 души мужскаго пола на дворъ. Въ мѣдныхъ заводахъ на каждыя 1000 пуд. выплаваемой чи-

стой мѣди положено имѣть по 50 дворовъ или по 200 душъ м. п. Въ 1753 г. оказалось (т. XIII, № 10131), что по этому разсчету при заводахъ Сибирской и Казанской губерній должно было быть только 8,362 д., между тѣмъ какъ ихъ было въ личности 25,627 д., слѣдовательно 17,265 д. лишняго противъ дозволенной пропорціи; изъ нихъ 8,377 душъ пришлыхъ, въ томъ числѣ на 7 заводахъ Акинфія Демидова, пришлыхъ и непомнящихъ родства 4,124 сверхъ приписанныхъ вѣчно въ 1763 г., пришлыхъ же 2,604 д. Бергъ-коллегія, донося о томъ сенату, требовала приписанія излишнихъ противъ пропорціи крестьянъ къ казеннымъ заводамъ, которые терпѣли недостатокъ въ рабочихъ, и въ этомъ смыслѣ и состоялся сенатскій указъ 12 авг. 1753 г. Еще знаменательнѣе сенатскій указъ 30 дек. 1755 г. Тамъ сказано, что на заводахъ Акинфія Демидова пришлыхъ изъ разныхъ губерній послѣ ревизіи 1724 г. показано 6,852 д. Сенатъ опредѣлилъ: съ казенныхъ сибирскихъ заводовъ пришлыхъ послѣ ревизіи 1724 г. по вѣдомостямъ и по 2-й общей ревизіи показано 2,357 душъ; ихъ не высylать. Съ партикулярныхъ сибирскихъ и пермскихъ заводовъ Акинфія и Никиты Демидовыхъ, Барона Строгонова, Петра и Гаврилы Осовинныхъ такихъ же пришлыхъ 4,493 души, также не высylать. Причины выставлены слѣдующія. Такое число бѣглыхъ трудно высylать на мѣсто ихъ жительства безъ огромныхъ конвоевъ; они разоблутся по лѣсамъ, или уйдутъ за границу. Примѣръ оставленія бѣглыхъ поданъ уже въ Астрахани, гдѣ по объявленіи, что правительство оставляетъ ихъ въ Астрахани, тотчасъ же 3,000 бѣглецовъ явились и всѣ самохотно объявились платить 40-алтынный подушный окладъ. Бѣглецы, живши на заводахъ, отставъ уже отъ пашни, и не уживутся, и уйдутъ опять сами въ Сибирь, да еще подговорять съ собой и другихъ, а въ Сибири могутъ быть безъ платежа подушныхъ. Кроме того, сенатъ принялъ еще въ соображеніе, что Сибирская губернія, которую сенатъ считаетъ между прочимъ *не весьма-великой обширности* (XIV, стр. 795), требуетъ заселенія пустыхъ мѣстъ, что заводы приносятъ большую пользу государству, а высylкой пришлыхъ людей «распространенные только заводы въ опустошеніе приведены быть могутъ». Вслѣдствіе этого и позволено было окончательно оставить при заводахъ всѣхъ бѣглыхъ, запретивъ только строго принимать новыхъ.

О бѣглыхъ въ Оренбургской губерніи мы уже говорили. Для полноты картины не будетъ, однако же, лишнимъ напомнить сказанное; въ докладѣ своемъ сенату (Т. XII № 3006) Неплюевъ пишетъ: «Всѣ крестьяне, что ихъ ни есть въ Исетской провинціи, не суть тамошніе природные, но сходцы изъ разныхъ

мѣсть; ибо при строеніи сибирскихъ слободъ, по указамъ изъ тобольской приказной палаты, велѣно было тѣ слободы населять изъ вольныхъ, прихожихъ и гулящихъ людей, почему всѣ тѣ по большей части или едва не всѣ помѣщичьи населены». Въ 1741 г. по вѣдомостямъ оказалось такихъ сходцевъ въ Оренбургскихъ крѣпостяхъ записанныхъ въ службѣ 5,154 ч. По осмотру въ сентябрѣ 1747 г. (№ 9501) вновь присланныхъ, оказалось не помѣщичьихъ родства и помѣщиковъ 711, подлежащихъ точно въ подушный окладъ, за исключеніемъ малолѣтнихъ и драхлыхъ. Подобно бергъ-коллегіи, Неплюевъ требовалъ, чтобы позволено было не выдавать прежнимъ владѣльцамъ этихъ бѣглецовъ, уже давнимъ давно поселившимся въ Оренбургскомъ краѣ. Точно также онъ указывалъ, что въ случаѣ ихъ высылки слободы опустѣютъ, «также и казенныхъ, для Оренбургской губерніи столь нужныхъ отправленій исполнить будетъ невѣмъ; ибо въ нихъ, какъ выше упомянуто, большая часть бѣглыхъ наберется». Правительство должно было уважить представленіе Неплюева. Въ отдаленныхъ областяхъ Сибири не было возможно знать хотя приблизительно число бѣглецовъ. Мы не находимъ въ современныхъ актахъ общаго числа бѣглецовъ. Для сравненія можно привести только справку, сдѣланную въ 1742 г. сенатомъ съ вѣдомостями военной коллегіи. Должно замѣтить, что податные люди приписаны были къ арміи и сборъ съ нихъ шелъ на содержаніе войска (Т. XI № 8619). По показанію военной коллегіи, въ 1729 г. въ теченіе времени отъ 1719 по 1727 г. бѣглыхъ было 198,876 м. п. Число огромное, особенно если предположить, какъ и слѣдуетъ, что неточность могла быть въ уменьшеніи, а не въ увеличеніи дѣйствительнаго числа бѣглыхъ. Съ 1727 г. нѣсколько не измѣнились главныя обстоятельства, способствовавшія побѣгамъ, а слѣдовательно, трудно предполагать значительное уменьшеніе числа бѣглецовъ. Разсматривая современные правительственные акты, нельзя не замѣтить нѣкоторыхъ выгодъ отъ этихъ побѣговъ. Бѣглецами населились угаины Россіи, чрезъ нихъ колонизація русскаго племени проникала далеко среди инородцевъ и должна была могущественно дѣйствовать на распространеніе между ними первыхъ началъ промысловъ и хлѣбопашества. Бѣглецами держались наши заводы въ сѣверо-восточномъ углу Россіи и въ Сибири. Не забудемъ, что эти новые колонисты, была самая энергическая, предприимчивая часть сельскаго населенія Россіи. Малодушный и слабый духомъ покорно склонялся подъ условіе крѣпостнаго права, смѣлый уходилъ въ астраханскія степи или въ лѣса Сибири. Говоря о бѣглецахъ, мы беремъ только одну часть, оставляя въ сторонѣ бѣглыхъ расколь-

никогь, хотя собственно говоря, между ними была тѣсная связь, что мы могли уже замѣтить въ донесеніи Халкидовскаго. Въ полномъ свѣтѣ связь между этими двумя протестами высказалась въ Пугачевщинѣ, гдѣ дикія страсти разыгрались на просторѣ, гдѣ на объявленіе, что самозванецъ жалуетъ бороною и вольностью, отозвалось почти все населеніе восточной Россіи. Говоря о бѣглыхъ въ царствованіе Елизаветы Петровны, мы должны заключить, что далеко не всѣ бѣглецы стремились искать на русскихъ украиняхъ новыхъ мѣстъ для поселеній. Естественно часть ихъ должна была остаться по близости прежнихъ мѣстъ; одни, какъ мы знаемъ изъ правительственныхъ распоряженій по ревизіи, искали вольной работы на фабрикахъ и заводахъ внутри Россіи, иногда въ самомъ Петербургѣ или въ Москвѣ. Другіе разрывали всѣ связи съ обществомъ, становились разбойниками. Разбой были необходимымъ слѣдствіемъ такого повсемѣстнаго общаго явленія, каково было бѣгство крестьянъ; и средствъ къ заведенію тайныхъ притоновъ, въ укрывательству отъ поисковъ было много. Назадъ тому 100 лѣтъ самыя природныя условія страны были не совсѣмъ тѣ же, что теперь, когда болѣе скатое населеніе, сильное развитіе земледѣльческой и фабричной промышленности во многомъ совершенно измѣнило ихъ. Правда, и въ царствованіе Елизаветы мы находимъ нѣсколько указовъ, запрещающихъ востребовать лѣса, особенно около большихъ городовъ, но въ то же время въ топографическихъ извѣстіяхъ, основанныхъ на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ или въ самомъ концѣ ея царствованія или нѣсколько позже, мы находимъ, напримѣръ, что въ Клинскомъ уѣздѣ Московской провинціи встрѣчались еще олени и дикія козы (Т. I стр. 36), что въ Муромскихъ лѣсахъ Владимирской провинціи водились еще лоси (стр. 135). При такихъ условіяхъ разбой должны были являться въ большихъ размѣрахъ. И дѣйствительно, въ официальныхъ актахъ мы находимъ замѣчательныя извѣстія. Не съ однимъ ножомъ или кистенемъ разбойничалъ по большимъ дорогамъ бѣглый крестьянинъ или солдатъ, не въ одиночку или малыми шайками отправляли они свое кровавое ремесло (Т. XII № 9020). Въ 1744 г. доносилъ директоръ китайскаго каравана Лобратовскій, ѣхавшій видно изъ Москвы въ Сибирь, что на него до самой Казани чинимы были нападенія отъ разбойниковъ и что онъ едва пушками могъ спасти свое судно, что во время плаванія по Окѣ онъ встрѣтилъ на дорогѣ болѣе 50 разбитыхъ и пограбленныхъ судовъ, на которыхъ людей имѣлось человекъ по 60 и многое число наѣзжалъ раненыхъ. До самаго Вышняго Волочка являлись разбойничьи партіи. 7 сентября 1744 г. состоялся именной указъ сенату объ

искорененіи воровъ и разбойниковъ; во всѣ губерніи отправлены особые сыщики съ военными командами: по рѣкамъ иѣшіе отряды на судахъ, конные разѣзды по дорогамъ, должны были ловить злодѣевъ. Того же числа подписана подробная инструкція сыщикамъ (Т. XII № 9025, 9026 и 9027). Въ тотъ же день подписана и инструкція штабъ-офицерамъ, посланнымъ по губерніямъ для производства слѣдствій надъ прежними сыщиками. Въ 1756 г. доносилъ съ Волги майоръ Бражниковъ, что имѣлъ онъ бой съ разбойниками, въ которомъ убито изъ его команды 27 человекъ, а ранено 5, а изъ разбойниковъ убито до смерти эсаулъ и еще до 5 человекъ, а живыхъ получить не могъ, ибо при нихъ находились пушки и весьма вооружены; да казанскій сыщикъ майоръ Ермолаевъ поймалъ въ Чебоксарахъ одного разбойника, который неважалъ съ пытки, что одна разбойничья партія ниже Чебоксаръ на Волгѣ на 2 лодкахъ съ 6 пушками и 50 человекъ должна была въ ночь на 28 мая сухимъ путемъ и водою явиться въ Чебоксары, а онъ съ 2 товарищами посланъ былъ заечь городъ, что другая также вооруженная партія стоитъ на 2 лодкахъ въ Окѣ выше Нижнего. Что всѣ партіи должны были соединиться въ Нижнемъ Усколѣ и идти до Астрахани, дѣйствуя общими силами (Т. XIV, № 10571). Для разбойниковъ мало было явиться въ многолюдныя селенія кн. Хованскаго или Шереметева (въ Сузд. уѣздѣ), перебить тѣхъ, кто пытался сопротивляться, смечь строенія, забрать помѣщичьи оброчныя деньги и крѣпости на крестьянъ, какъ они это сдѣлали въ 1744 г. (Т. XII, № 9026 § 9). Въ 1756 г. доносила Алатырская провинціальная канцеларія, при которой находилось 39 человекъ солдатъ, правда безъ ружей съ одними конями-ротатинами, что въ ночь на 3 марта вошелъ въ Алатырь разбойникъ, разбилъ провинціальнаго магистратъ и ввезъ соланаго сбора денежной казны 946 р., что по р. Сурѣ весной они разбиваютъ и грабятъ казенныя и частныя суда, чиня многія смертныя убійства и грабительства, что часто подаются явочныя прошенія въ разбоить и пожарамъ. Ахтырская канцеларія требовала прислать 100 ружей, пинагъ и пороху для вооруженія находящихся при ней солдатъ, потому что въ Алатырѣ не было крѣпости, а они боялись новаго нападенія (Т. XIV, № 10612). Не въ одной восточной половинѣ Россіи разбой принимали такой опасный характеръ, хотя тамъ Волга съ ея притоками, дремучіе лѣса и отдаленность правительственнаго центра, разумѣется, должны были особенно благоприятствовать безнаказанности. Мы видѣли, что въ 1744 г. партіи разбойниковъ доходили водою до Вашняго Волооча. Въ именномъ указѣ 22 октября 1759 г. сказано:

«Извѣстно вамъ, что во многихъ провинціяхъ, а особенно въ Московскои и оного Новгорода, великіе разбои завелись и ужасныи грабительства, какъ проживающимъ, такъ и живущимъ по деревнямъ помѣщикамъ чинятся» (т. XV, № 11001). Сенатъ увазомъ 11 октября 1761 г. приказалъ главному синицку Новгородской и Смоленской губерній, полковнику Колтеву командировать комманду роту въ Новгородъ, да и самому съ командой расположиться ближе къ этому городу, чтобы прекратить разбои. Правительство усилило отрядъ Бражниковъ на Волгѣ. Кромѣ синицеговъ и штаб-офицеровъ для слѣдствія надъ старыми синицками, были еще разосланы другіе штабъ и оберъ-офицеры для отысканія бѣглыхъ солдатъ, матросовъ, рекрутъ, которые исполнили собою разныя шайки. Уже изъ самыхъ показаній правительства, изъ строгихъ мѣръ, принимаемыхъ имъ, можно видѣть, какъ велико было зло. Въ то же время можно замѣтить, какъ мало имѣло правительство силъ для его прекращенія. Разбои, какъ уже замѣчено, составляютъ естественное дополненіе бѣдства крестьянъ. Бѣглецы дѣлились. Одни шли въ степи и въ дальнія мѣста добывать себѣ вольнымъ трудомъ кусокъ хлѣба; приписывались къ заводамъ, поселялись въ рыболовныя ватаги, или селились на земляхъ, отведенныхъ правительствомъ, и принимали служебныя и подушныя повинности, стараясь только уничтожить возможность возврата къ прежнимъ владѣльцамъ. Другіе остались около природныхъ жилищъ и кроваво мстили обществу за лишеніе воли.

Перейдемъ къ промышленному и торговому состоянію Россіи. Здѣсь мы найдемъ лучшее доказательство того, что движеніе, приданное развитію Петромъ Великимъ, шло впередъ, несмотря на всѣ препятствія. Въ самомъ дѣлѣ, если безпрестанно измѣнявшіяся постановленія правительства сегодня запрещали то, что было позволено вчера, но что будетъ запрещено опять завтра, если монополіи и запретительныя мѣры въ интересахъ сильныхъ временщиковъ, если отсутствіе внутренней безопасности и удобныхъ путей сообщенія, отсутствіе общественныхъ гарантій, не загубили только что зародившуюся промышленность, значитъ она успѣла пустить глубокіе корни въ почву. Мы видимъ медленный, сдерживаемый, но постоянный прогрессъ. Чтобы показать, какъ велики были монополіи, я остановлюсь на привилегіяхъ, данныхъ Петру Ивановичу Шувалову и другимъ, также на нѣкоторыхъ общихъ распоряженіяхъ относительно различныхъ отраслей промышленности. Въ іюнѣ 1742 г. состоялось высочайше утвержденное опредѣленіе сената объ отобраніи у барона Шемберга рудныхъ мѣстъ въ Лапландіи и Гороблагодатныхъ заводовъ, также сальныхъ и витоловныхъ промысловъ, которыми

онъ пользовался, какъ монополистъ, на привилегіяхъ, данныхъ ему еще при Петрѣ Великомъ. Въ этомъ сенатскомъ постановленіи подробно доказано, что Шембергъ не исполнилъ кондицій, что отъ тѣхъ казенныхъ, отданныхъ ему заводовъ вмѣсто прибыли оказался казѣ не малый убытокъ, и уже заводы содержать стало нечѣмъ; а съ вышенисаныхъ отданныхъ ему Гороблагодатныхъ и Лапландскихъ заводовъ, по обязательству своему ничего въ казну не платилъ, да и въ плавкѣ мѣди на Лапландскихъ заводахъ не было, а съ салныхъ и рыбныхъ промысловъ, что надлежало въ казну платить ли, того и неизвѣстно и сверхъ того казенныхъ денегъ не малую сумму за срокомъ не платить. Вслѣдствіе этого, заводы были взяты въ казенное вѣдомство до тѣхъ поръ, пока въ содержаніе охочимъ къ тому надежнымъ людямъ съ приращеніемъ казенной прибыли отданы будутъ. Скоро, впрочемъ, всѣ эти заводы перешли въ руки самовластнаго временщика, который, болѣе чѣмъ баронъ Шембергъ могъ дѣйствовать безнаказанно своекорыстно. 6-го іюля 1748 г. именнымъ указомъ отданы были имѣющіеся у города Архангельска и въ Кола салные промыслы, для лучшаго тѣхъ промысловъ произведенія и приращенія казеннаго интереса, графу П. Шувалову и женѣ его и наслѣдникамъ на 20 лѣтъ. Затраченныя изъ казны на заготовленіе сала и моржовой кожи на 6,000 р. были пожалованы ему за вѣрныя службы (т. XII, № 9515). Для Шувалова сдѣлана была и другая льгота: «а понеже при тѣхъ промыслахъ содержаны были Грунландскіе китоловные промыслы, которые сначала во все время не только пользу приносили, но и не малый казенный убытокъ причинили, а для того оные Грунландскіе промыслы отъ вышеупомянутыхъ... исключаются, развѣ онъ, графъ Шуваловъ, самъ пожелаетъ ихъ производить». Отдача этихъ промысловъ Шувалову не была еще стѣснительна для промысловъ Бѣловодскихъ, но за первымъ указомъ слѣдовали другіе. П. И. Шуваловъ былъ дѣятелемъ въ изысканіи способовъ къ увеличенію своего богатства, а довѣріе императрицы позволяло ему забирать въ свои руки монополію на счетъ свободной промышленности. Указомъ 14-го января 1750 г., (т. XIII, № 9701) было запрещено брать съ товаровъ, для Бѣломорской компаніи Шувалова, всякія другія пошлины, кромѣ положенныхъ 5 коп. съ рубля. Февраля 1-го, того же 1750 г. (т. XIII, № 9705) состоялся стѣснительный для промышленниковъ указъ, которымъ объявлялось въ Архангельской и Новгородской губерніяхъ, что сало, ворвань и кожи провозятся и продаются вольными промышленниками помимо компаніи графа Шувалова; отвоза ихъ въ разныя мѣста, между прочимъ въ Остзейскіе порты и хотя

«черезъ то имъ такая же плата и прочее удовольствіе чинится, однако, для распространенія вышечисленныхъ салыныхъ промысловъ и приращенія высокаго е. и. в. интереса» запрещается, подъ опасеніемъ конфискаціи товаровъ, продавать сало и кожи постороннимъ, помимо прикащиковъ гр. Шувалова. Буде же промышленники за дальностію къ Архангельскому и по немѣвнью у нихъ способныхъ къ тому судовъ везти тѣхъ своихъ товаровъ не пожелаютъ, то для лучшаго ихъ удовольствія въ тамошнія мѣста изъ конторы его имѣютъ быть посланы съ готовыми деньгами для покупки оныхъ товаровъ прикащики. 23-го марта 1750 же года, по донесенію гр. Шувалова, что и продажа трески вольными промышленниками по морскому берегу также мѣшается дѣйствіямъ его компаніи, а отъ того и интересу ея императорскаго величества въ сборѣ таможенныхъ пошлинъ, уповательно есть умаленіе, сенатъ призналъ невыгоды вольныхъ промысловъ и вольной продажи и «указомъ запретили продажу трески помимо конторы Шувалова и его приказа» (№ 9723).

Въ то время, когда строго запрещалось провозить соль даже изъ Запорожья и Малороссіи, Бѣломорской компаніи гр. Шувалова разрѣшено было выписывать изъ-за моря для соленія трески отъ 300 до 500 пудовъ испанской и французской соли (указъ 4-го сентября 1750 г. № 9,796). Указомъ 11-го марта 1753 г. (т. XIII, № 10,176) объявлено, что въ Ригу прибыло судно съ полнымъ грузомъ трески, ловленной въ Колѣ (слѣдовательно, доставленной изъ Бѣломорской компаніи Шувалова), которая добротой превосходитъ привозимой понинѣ изъ Бергена трески жъ, коя частію здѣсь расходитъ, частію же въ сосѣдственныя мѣста покупается, и потому ежели бы привозъ изъ Бергена и изъ другихъ иностранныхъ мѣстъ этой трески запрещенъ, а напротивъ того, одну только ловленную въ Колѣ треску жъ привозить позволено было, чтобъ оттого высочайшему ея императорскому величеству интересу не малое приращеніе и коммерціи быть, потому что не токмо деньги за такой изъ чужестранныхъ мѣстъ привозимый товаръ уже здѣсь въ землѣ останутся, но и пошлина за ту привозимую изъ Колы рыбу равномернѣо жъ платима будетъ и тѣмъ внутренней торгъ извѣстно увеличится». Сенатъ запретилъ привозъ иностранной трески и интересы многочисленныхъ потребителей были пожертвованы корыстолюбію Шувалова. Указомъ 6-го октября 1750 г., запрещено было прибылымъ промышленникамъ Ладожскаго озера продавать ворвань сало кому бы то ни было кромѣ прикащиковъ графа Шувалова. Марта 26-го 1753 г. разрѣшено для прикащиковъ Бѣломорской компаніи Шувалова ѣздить на судахъ въ Карское море, въ Обскій и Тазов-

скій заливы, строить магазины и вести торгъ съ инородческими племенами; для огражденія купечества запрещено было только прикащикамъ Шувалова ѣздить внутрь земли далѣе 25-ти верстъ отъ морскаго берега, хотя устройство по берегамъ магазинновъ съ хлѣбомъ, котлами, топорами, однимъ словомъ, всѣми товарами, удовлетворяющими неприхотливому требованію инородцевъ, дѣлало эти ограниченія почти лишними (№ 10083). Указомъ марта 6-го 1751 г., отданъ Шувалову тюлений промыслъ въ Астрахани и на всемъ Каспійскомъ морѣ, съ запрещеніемъ вольнымъ промышленникамъ продавать свою добычу помимо его конторы.

Это были прямыя стѣсненія со стороны знатныхъ монополистовъ, а сколько было косвенныхъ, которыхъ разгадку надобно искать не въ официальныхъ актахъ, а въ частныхъ запискахъ и извѣстіяхъ. Отъ личнаго произвола, отъ своекористія временщиковъ зависѣла участь той или другой отрасли народной промышленности: укажу на записки Шаховскаго, гдѣ объяснены поступки Шувалова. Приведу разсказъ Шаховскаго о производствѣ суконъ (1.186). И большая часть мѣръ были вызваны подобными же побужденіями. Было бы слишкомъ долго останавливаться на разныхъ распоряженіяхъ, изъ которыхъ многія мѣнялись частію совершенно въ противоположномъ смыслѣ. Приведемъ общія мѣры и нѣкоторыя частныя. Указомъ 13-го марта 1744 г., предписано было русскимъ фабрикантамъ бархатовъ и прочихъ матерій клеймить свои произведенія для обозначенія, въ какомъ городѣ и въ какой именно фабрикѣ они дѣланы. То же подтверждено указомъ 12-го августа 1753 г., подъ опасеніемъ штрафа за неисполненіе этого указа. 27-го іюля 1744 г. состоялся высочайше утвержденный докладъ сената о возобновленіи права фабрикантамъ покупать деревни къ фабрикамъ. 12-го марта 1752 г. указомъ сената опредѣлено, сколько дозволяется имѣть прикупныхъ крестьянъ при фабрикахъ и заводахъ. Я уже имѣлъ случай замѣтить, по поводу бѣглыхъ на горныхъ заводахъ, какъ превышало число наличныхъ заводскихъ крестьянъ противъ указанной пропорціи. Указъ 12-го марта вызванъ подобной же несообразностію, оказавшейся на игольной фабрикѣ Рюминыхъ, гдѣ излишнихъ крестьянъ оказалось около 2 т. (1,982). Постановленіе о числѣ душъ, положенныхъ при желѣзныхъ и мѣдныхъ заводахъ, намъ уже извѣстно. На другихъ заводахъ и фабрикахъ вазенная пропорція опредѣлена слѣдующая (№ 9954): къ каждому стану бархатныхъ, штофныхъ и т. п. матерій съ переборами, приписываются по 16 душъ мужскаго пола; къ станамъ для матерій безъ переборовъ по 12 душъ, къ суконнымъ по 42, къ каразейнымъ по 15 (въ указѣ № 10,147 положено по 30), къ полотна-

нимъ по 12, къ шляпному лучку по 30 душъ, а женскаго пола сколько при мужьяхъ обрѣтаться будетъ. Изъ нихъ предписывалось употреблять на дѣйствительную фабричную работу на шелковыхъ фабрикахъ $\frac{1}{4}$ часть, на суконныхъ, полотняныхъ и прочихъ фабрикахъ $\frac{1}{2}$ часть, а прочихъ оставлять при крестьянскихъ работахъ. Бергъ и мануфактуръ-коллегіи обязаны были вѣрное смотрѣніе имѣть, дабы они, заводчики и фабриканты, излишними крестьянами, яко по ихъ званію, непринадлежащимъ интересомъ, подъ видомъ заводовъ и фабрикъ пользоваться случая не имѣли. Указомъ 5-го ноября 1753 г. разрѣшлось покупать фабрикантамъ крестьянъ безъ земли въ число указной пропорціи (№ 10147). 22-го декабря 1758 г., сенатъ, по представленію князя Трубецкаго, потребовалъ у мануфактуръ-коллегіи и ея конторы и у главнаго магистрата общаго ихъ мнѣнія, что должно почитать за фабрику и мануфактуру, и что за одно руководѣіе и мастерство, потому что отъ смѣшенія этихъ понятій происходили многія злоупотребленія и стѣсненія для простаго народа, на примѣръ, привилегированные фабриканты запрещали всякую вольную выдѣлку, на примѣръ, набоекъ низшаго сорта, шляпъ, мужицкихъ и т. п. (№ 10910). Присланное еще въ 1753 г. мнѣніе мануфактуръ-коллегіи было такое, что «всякія мастерства, по болѣе части почитаются за фабрики, черезъ что у мастеровыхъ, какъ крестьянъ, такъ и прочихъ промышленяющихъ тѣмъ людей, пропитаніе отнято быть можетъ». Есть запрещеніе учреждать огнедѣйствующіе заводы въ разстояніи меньше 200 верстъ отъ Москвы, въ видахъ сбереженія лѣсовъ. Съ тою же цѣлію воспрещено было устроить фабрики и заводы вблизи С.-Петербурга. Сенатскимъ указомъ 13-го декабря 1761 приказано было предоставить самимъ фабрикантамъ вызовъ изъ-за границы иностранныхъ мастеровъ, которые прежде нанимались черезъ русскія посольства въ Парижъ, Лондонъ и другихъ столицахъ Европы. Указомъ 27-го іюля 1760 г. предписано было, приписанныхъ къ частнымъ заводамъ и фабрикамъ государственныхъ черносошныхъ крестьянъ не считать вѣчною собственностію тѣхъ заводовъ. Указомъ 15-го октября 1751 г. опредѣлено, чтобы никто безъ дозволенія мануфактуръ-коллегіи никакихъ фабрикъ заводить и производить и тѣмъ настоящимъ фабрикантамъ, въ размноженіи ихъ фабрикъ помѣшательства чинить и производить не дерзали; а кто какую фабрику завестъ и производить пожелаетъ, тѣмъ просить позволенія отъ мануфактуръ-коллегіи».

Относительно горныхъ заводовъ замѣтитъ слѣдуетъ постановленіе 16-го апрѣля 1744 г.: по представленію губернатора Неплюева и бригадира Аксакова, сенатъ разрѣшилъ отдать нахо-

дившіяся въ Уфимской провинці казенный негодный Табынскій мѣдный заводъ сибирскому купцу Ив. Твердышеву, несмотря на то, что соискателями его явились дѣйств. ст. сов. Акинфій Демидовъ, знаменитый въ исторіи нашей горнозаводской промышленности, а также богатый промышленникъ Петръ Осокинъ (т. XII, № 8921). Неплюевъ настоялъ на отдачу завода Твердышеву, и не ошибся въ своемъ выборѣ. Въ Топографіи Оренбургскаго края Рычкова, напечатанной въ 1762 г., показано въ Оренбургской губерніи 5 мѣдныхъ и 2 желѣзныхъ завода, принадлежащихъ компанейщикамъ Ив. Твердышеву и Ив. Мясникову, находившихся въ полномъ ходу въ 1760 г., и два желѣзныхъ вновь устроенныхъ завода. Тамъ же найдемъ мы и характеристику дѣятельности Твердышева, *начинателя* этого дѣла, какъ называетъ его Рычковъ. Табынскій казенный заводъ былъ перенесенъ на другое мѣсто и получилъ названіе Воскресенскаго въ 90 верстахъ отъ прежняго мѣста на р. Торговѣ въ Бѣлую. Поселеніе русскихъ промышленниковъ и заведеніе заводовъ среди башкирскаго населенія встрѣчало большія препятствія. Твердышевъ съ братьями и съ Мечниковымъ, не жалѣя ни труда, ни изживенія, повелъ дѣло такъ ловко и честно, что башкирцы, считавшіе поселеніе на своихъ земляхъ какъ нарушеніе вѣковыхъ правъ собственности, полюбили ихъ, считали ихъ хозяевами и не только никакихъ помѣшательствъ и препятствій ни въ чемъ имъ не чинили, но и сами, узнавъ свойство руды, ихъ находженіе имъ объявлять стали; а многіе изъ платы и возкою на заводъ руды промышленлять вознамѣрились (11,226). Какъ въ Сибири, такъ и въ Оренбургскомъ краѣ русскіе заводчики дѣйствовали по указамъ старинныхъ копей, носившихъ у простаго народа названія Чудскихъ, памятникомъ какой-то погибшей цивилизаціи неизвѣстнаго народа, не оставившаго въ исторіи ничего, кромѣ могилъ и этихъ копей. Октября 13-го 1753 г. состоялся весьма замѣчательный указъ относительно горныхъ заводовъ Оренбургской губерніи (т. XIII, №10141). По свидѣтельству посланнаго горнаго чиновника и мѣстнаго начальства, нельзя было не убѣдиться въ процвѣтаніи частныхъ заводовъ и въ ихъ превосходствѣ надъ казенными, находившимися въ завѣдываніи своекорыстныхъ чиновниковъ. Правительство должно было придти къ этому сознанію и высказало его въ этомъ указѣ. «Башкирцы, сказано тамъ, съ оними партикулярными заводчиками, такъ уже хорошо обошлись, что сами руды сыскиваемы приносятъ и возкою на ихъ заводы съ рудниковъ разработанныхъ рудъ и отдачей имъ въ оброки своихъ земель и угодій, охотно промышленлютъ и пользуются, а нѣкоторые и продажею къ тѣмъ заводамъ изъ

своихъ вотчинъ земель и угодьями по добровольнымъ договорамъ способствуютъ.... и такъ оное порядочно происходитъ, что отъ башкирцовъ никакихъ жалобъ и отъ заводчиковъ неудовольствія не бывало; напротивъ того, оный же башкирскій народъ, по смежности его съ Екатеринбургскимъ вѣдомствомъ, довольно знаетъ, на какомъ основаніи тамошніе казенные заводы содержатся». Сенатъ приказалъ, во всей Оренбургской губерніи казенныхъ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ не заводить, а крайнее стараніе прилагать размножать такіе заводы партикулярнымъ людямъ». Вслѣдъ за Твердышевымъ явились дворяне Демидовъ, Строгоновъ, Шуваловы (Ал. и Пет.) и др. Всего въ Оренбургской губерніи, въ 1760 г., было уже 28 желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ. Даже возстаніе Батырши не уничтожило этой промышленности. 25-го мая 1754 г. обнародованъ былъ сенатскій указъ (т. XIV, № 10243) во всеобщее свѣдѣніе, которымъ вызывались желающіе въ Сибирской губерніи и Иркутской провинціи искать руды и каменія; тѣмъ позволялось во всѣхъ тамошнихъ мѣстахъ, какъ на собственныхъ, такъ и на чужихъ земляхъ искать, копать, плавить и чистить всякіе металлы, сирѣчь: золото, серебро, мѣдь, олово, свинецъ и желѣзо, тако жъ и минераловъ яко селитра, сѣра, купоросъ, квасцы и всякихъ красокъ и каменія». Намедшимъ предписывалось только испрашивать позволенія на постройку заводовъ. Того же дня публикованъ указъ бергъ-коллегіи, разрѣшающій подобные поиски и въ Оренбургской губерніи. Къ сожалѣнію, мѣры правительства не всегда отличались послѣдовательностію. Какъ скоро замѣшивался интересъ вліятельнаго лица, дѣло принимало другой оборотъ. Такъ, въ 1753 г., правительство созналось въ превосходствѣ частныхъ заводовъ передъ казенными, въ большей отъ нихъ выгоды для государства, и запретило заводить казенные мѣдные заводы во всей Оренбургской губерніи. Черезъ годъ съ нѣсколькими мѣсяцами мы находимъ мѣру о запрещеніи вывоза мѣди за границу и объ умноженіи казенныхъ мѣдныхъ заводовъ. Причина заключалась въ томъ, что гр. П. И. Шуваловъ, начальникъ комиссіи для передѣлки мѣдной монеты, извлекавшій изъ этого огромныя денежныя выгоды и недававшій отчета сенату, находилъ для себя несравненно выгоднѣе имѣть дѣло съ казенными заводами, нежели съ частными промышленниками. Въ 1747 г. отобраны были въ казну Кольчане-Воскресенскіе, Барнаульскій и Шульбинскій заводы умершаго Акинфія Демидова. Въ 1757 г. ноября 14-го (т. XIIV, № 10779), мы находимъ новый замѣчательный указъ сената, а въ приложеніи еще болѣе любопытное донесеніе главнаго судьи монетной канцеларіи *Шлаттера*. Шлаттеръ пишетъ о Нерчинскихъ серебро и золото

-содержащих заводовъ, что серебряныя руды «казеннымъ коштомъ» прискивать и добывать не столь способно, какъ партикулярными людьми, которые для себя гораздо проворнѣе и прилежнѣе поступаютъ и больше рудъ находятъ и добываютъ, ибо за казенными рудоискателями надлежало смотрѣніе имѣть никакъ невозможно, и не много сыщется такихъ рачительныхъ собственною своею совѣстью, чтобы безъ крайняго, такъ вѣрнаго, какъ хованскаго за ними наблюденія, всеми по пустымъ мѣстамъ въ горахъ и въ лѣсахъ прискивая руду, трудится». Шлаттеръ приводитъ въ примѣръ пермскіе заводы казенные. «Пока при оныхъ — говоритъ онъ — рудопрмышленниковъ учреждено и приохочено не было, по то время жѣдныхъ рудъ про одинъ малый заводъ недовольно было казенными рудоискателями и горными служителями, сколько о томъ не старались находить не могли, да и жители около тѣхъ Пермскихъ заводовъ руднаго промысла боялись и ненавидѣли слышать о рудахъ, и смертная опасность тогда представляла подлымъ людямъ говорить про руду, чтобы ихъ не убили; но когда партикулярный рудный промыселъ учрежденъ, и люди къ тому приохочены и въ обычай оное дѣло вошло, то безчисленное множество рудъ жѣдныхъ найдено, и всѣ жители около тѣхъ Пермскихъ заводовъ съ перехваткою другъ отъ друга въ тотъ рудный промыселъ обратились, и столько на заводы навожею руду рудопрмышленничьимъ партикулярнымъ коштомъ, что нынѣ уже на 5-ти заводахъ и съ прибавленными на нихъ плавильными печами переплавлять не успѣваютъ, а казенная руда добыта оставлена вовсе; а горные служители изъ Перми переведены и употреблены къ Сибирскимъ золотымъ промысламъ». Шлаттеръ предлагалъ на всѣхъ серебряныхъ и золотыхъ прискахъ употреблять вольныхъ прмышленниковъ, ссужая ихъ изъ казны деньгами и вслѣдствіи поощряя. Сенатъ призналъ представленіе Шлаттера совершенно основательнымъ и издалъ указъ, по которому опредѣлялъ производство поисковъ черезъ вольныхъ прмышленниковъ и всѣ серебряныя заводы отчислить отъ вѣдомства бергъ-коллегіи. Представленіе Шлаттера замѣчательно, какъ чрезвычайно умное и основательное соображеніе всѣхъ невыгодъ существовавшего тогда управленія. 4-го октября 1760 г. опредѣлено было бергъ-коллегію перевести въ Петербургъ, а Пермскимъ и Екатеринбургскимъ серебрянымъ и золотымъ заводамъ, а также и Воицкому золотому руднику (открытому въ нѣдѣшней Олонецкой губерніи въ 1745 и разрабатывавшемся до 1794 г.) быть опять въ вѣдомствѣ бергъ-коллегіи.

Относительно фабрикъ льняныхъ и бумажныхъ издѣлій замѣ-

тимъ указъ 29-го ноября 1743 г., которымъ строго подтверждался петровскій указъ, запрещавшій выдѣлку узкихъ полотенъ и предписывавшій извѣстную ширину для холста, съ цѣлью болѣе успѣшнаго сбыта нашихъ издѣлій за границу. Въ 1745 г. новымъ указомъ было отмѣнено это запрещеніе и предоставлена была свобода въ изготовленіи полотенъ всякой мѣры. Правительство поняло, что стѣсненіе такой важной промышленности, какова льняная, вредно, и что контроль невозможенъ, потому что приготовленіе полотенъ производилось не на фабрикахъ, а на домахъ. Въ 1757 г. выдана была привиллегія иностранкѣ Терези изъ Брюсселя для основанія въ Петербургѣ или Москвѣ фабрики нитяныхъ кружевъ, добротой противъ брабантскихъ. Ей позволено было купить у помѣщиковъ до 500 душъ жен. пола и до 200 м., дано было заимообразно 20,000 р. безъ процентовъ на 10 лѣтъ и въ теченіе того же времени запрещено заводить другія такого же рода фабрики. «Что же слѣдуетъ до дѣланія въ домахъ, также и въ монастыряхъ, въ томъ запрещенія не чинить, а можетъ она то преодолевать добротой дѣланныхъ на ея мануфактурѣ» (№ 10,759, т. XIV). Распоряженіе, вызванное стѣснительными для частной промышленности притязаніями шляпныхъ и ситцевыхъ фабрикантовъ, о которыхъ было уже упомянуто (№ 10,910); относительно химическихъ, мыловаренныхъ, оружейныхъ и литейныхъ заводовъ въ царствованіе Елизаветы Петровны нѣтъ почти никакихъ постановленій и свѣдѣній. Находимъ только инструкцію 1751 г. для отливанія въ Олонецкомъ и Кончозерскомъ заводѣ чугунныхъ досокъ для дворца и Воскресенскаго дѣвичьяго монастыря, а также для варенья купороса. Вообще въ царствованіе Елизаветы Петровны болѣе находимъ поощрительныхъ мѣръ для фабрикъ, удовлетворявшихъ искусственнымъ потребностямъ роскоши и моды, нежели для болѣе скромныхъ, но несравненно болѣе полезныхъ отраслей народной промышленности. Въ этомъ отношеніи прямая противоположность съ дѣятельностію великаго Петра. Только изрѣдка встрѣтишь нѣкоторыя мѣры, почти вынужденныя или прежними подобными же мѣрами или необходимостію, или чисто случайныя. Яснаго взгляда на развитіе народной промышленности не было у государственныхъ людей того времени. Взглядъ ихъ съ необыкновенною ясностію и пронизательностію видѣлъ только ихъ личную выгоду, чему примѣръ мы видѣли въ дѣятельности П. И. Шувалова. Кому было заботиться о невидныхъ основахъ народнаго благосостоянія? — Въ 1742 г. приказано было присутственнымъ мѣстамъ брать писчую бумагу съ русскихъ фабрикъ, у тѣхъ фабрикантовъ, которые будутъ ставить и дешевле и лучше, нежели старый фабри-

кантъ Затрапезный, пользовавшійся привиллегією. Въ 1743 г. дана была привиллегія купцу Поставалову на основаніе въ Воронежѣ бумажной фабрики. Есть нѣсколько постановленій о смольчужныхъ и селитряныхъ заводахъ. Въ 1757 г. устроены въ Малоросіи казенные смольчужные заводы (№ 10,709). Въ 1744 г. запрещено было заводить селитряные заводы за линією укрьпленной малоросійской границы, въ видахъ безопасности отъ татаръ. Въ 1750 г. отданы были астраханскіе селитряные заводы, основанные при Петрѣ Великомъ майоромъ Молоствовымъ, въ вѣчное содержаніе купцу Кобякову. Производство мѣдныхъ и желѣзныхъ издѣлій находилось большею частію при самихъ горныхъ заводахъ, оттого въ 1755 г. и приказано было, по случаю возникшаго сомнѣнія, считать эти фабрики, находящіяся при заводахъ, въ вѣдомствѣ бергъ, а не мануфактуръ-коллегіи. Многие заводы особенно занимались выдѣлкою изъ собственной руды разныхъ издѣлій. Въ 1756 г. сдѣлано было распоряженіе о размноженіи въ Россіи стальныхъ и желѣзныхъ фабрикъ по примѣру находящихся въ Сиріи. Мы не знаемъ, были ли какія нибудь слѣдствія отъ этого распоряженія. Въ слѣдующемъ царствованіи находимъ новыя указы о томъ же. Нѣсколько болѣе распоряженій относительно стеклянныхъ заводовъ. Въ 1747 г. приказано было уничтожить такіе заводы на разстояніи отъ Москвы менѣе 300 верстъ въ мѣстахъ, неимѣющихъ водной коммуникаціи. Въ 1755 г. переведены стеклянные заводы изъ Петербурга въ Ямбургъ. Оба распоряженія сдѣланы были въ видахъ сбереженія лѣсовъ около обѣихъ столицъ. Въ 1752 г. дано было позволеніе и вспоможеніе знаменитому Ломоносову на основаніе фабрики мозаическихъ вещей, бисеру, стеклярусу и т. п. Въ 1760 г. была основана извѣстная и до сихъ поръ стеклянная и хрустальная фабрика Мальцова. Болѣе всего мѣръ находимъ относительно суконной и шелковой промышленности. Въ 1743 году воронежскій купецъ Поставаловъ получилъ привиллегію на основаніе въ Воронежѣ суконной фабрики. Стараніями князя Шаховскаго, бывшаго въ то время крѣгсъ-коммисаромъ, поставка суконъ на русскую армію, бывшая до того времени въ рукахъ англичанина Вульфа, закупившаго въ свою пользу русскихъ вельможъ, отдана была русскимъ фабрикантамъ, а это много содѣйствовало развитію нашей суконной промышленности. Въ 1745 году сенатскимъ указомъ предписано было мануфактуръ-коллегіи наблюдать за усовершенствованіемъ суконныхъ издѣлій, потому что первая поставка русскихъ суконъ въ казну оказалась не совсѣмъ удовлетворительною. Въ 1752 году отдана была въ вѣчное владѣніе купцу Матвѣеву казенная суконная Путиловская фабрика съ обязатель-

ствомъ, что эта фабрика «въ пользу государственную размѣжена была сильную рукою» и что Матвѣевъ будетъ ставить въ первые же три года по 3,000 аршинъ сукна въ годъ, и потомъ по 50,000 въ казну. 20-го апрѣля 1759 г. состоялся весьма важный для суконныхъ фабрикантовъ указъ сената, по которому предписывалось брать у нихъ деньги изъ суммъ, слѣдующихъ имъ изъ казны, вмѣсто рекрутъ съ приписныхъ въ фабрикамъ крестьянъ. Рекрутскій наборъ иногда лишалъ фабрикантовъ лучшихъ мастеровыхъ, а сверхъ того влекъ за собою всякаго рода притѣсненія со стороны губернскаго начальства, взысканія, личное задержаніе и т. п., не говоря уже о взяткахъ. Для шелковой промышленности важно уже было постановленіе 13 апр. 1744 г. (№ 8919), которымъ разрѣшалось армянамъ, индійцамъ и бухарцамъ безпрепятственно заводить въ Астрахани фабрики и заводы, свободно отправлять свое богослуженіе и судиться по ихъ прежнимъ законамъ... Но вромѣ того были и другія поощренія. Въ 1742 г. подтверждена привилегія, данная армянину Ширванову съ товарищами на заведеніе въ Астрахани и въ Кизлярѣ шелководства, сѣянiе сарачинскаго пшена и хлопчатой бумаги и на устроеніе фабрики шелковыхъ матерій. Въ 1744 г. мануфактуръ-коллегіи предписано было заботиться объ усовершенствованіи шелковыхъ издѣлій, и какъ одно изъ средствъ предписывалось клейменіе фабричною печатью каждаго куска матеріи. Въ 1747 г. даны были нѣкоторыя преимущества армянину Макарову, содержателю шелковыхъ мануфактуръ и заводовъ и принято му въ русское подданство. Въ 1758 дано было позволеніе и надежда на вспоможеніе 30 т. р. иностранцу Миллеру, для заведенія въ С.-Петербургѣ фабрики шелковыхъ чулокъ. Шелковне фабриканты получали разнаго рода облегченія и поощренія. Торговля шелкомъ покровительствовалась. Купцы, продававшіе шелкъ на фабрики, не платили пошлинъ. Иногда само правительство закупало шелкъ для нашихъ фабрикантовъ. Содержатели шелковыхъ фабрикъ получили право вызывать изъ за границы рисовальныхъ и красильныхъ мастеровъ. Черезъ таможи пропускали безъ пошлины итальянскій и персидскій шелки, выписывали фабрикантовъ и т. д. Въ 1760 г. состоялось дозволеніе Шемякину о беспошлинномъ ввозѣ и вывозѣ изъ Россіи всѣхъ сортовъ шва и другихъ товаровъ, нужныхъ для шелковыхъ фабрикъ. Покровительствомъ правительства пользовались также и шляпныя и шпалерныя фабрики. Въ 1744 году, сданъ былъ вольнымъ компанейщикамъ казенный шляпный заводъ Московской губерніи, находившійся въ совершенномъ разстройствѣ, и заключенъ былъ съ ними договоръ на поставку шляпъ для арміи.

Въ 1747 г. для покровительства шляпной фабрикъ московскихъ фабрикантовъ Черникова и Сафьянщикова, запрещено вывозить изъ Россіи бобровый пухъ, привозить въ Россію иностранныя шляпы и дѣлать въ Москвѣ и въ Московскомъ уѣздѣ шляпы кромѣ какъ на ихъ фабрикахъ. Потомъ дамы были привилегіи петербургскимъ шляпнымъ компанейщикамъ Сокольникову и Боткину. Вслѣдствіи правительство, въ видахъ защиты низшаго класса производителей и потребителей со стороны шляпныхъ фабрикантовъ, принуждено было запретить заводитъ фабрики привилегированныя для шляпъ низкой доброты, и предоставить выдѣлу ихъ каждому желающему. Относительно шпалерныхъ фабрикъ находимъ мѣры объ управленіи казенною шпалерною фабрикою, привилегіи англичанину Ботлеру, и потомъ еще иностранцу Лешану и т. п. Шпалерныя фабрики удовлетворяли требованіямъ двора и знатнѣйшихъ вельможъ*.

Мы говорили о домашнемъ воспитаніи въ половинѣ XVIII в., объ иностранцахъ гувернерахъ и дядькахъ, о частныхъ пансіонахъ и т. д. Крайняя недостаточность частныхъ средствъ для образованія должна была обратить на себя вниманіе правительства, и вызвать умноженіе государственныхъ заведеній для образованія. Царствованіе Елизаветы исполнило планы Петра-Великаго, основаніемъ Московскаго университета, Московской и Казанской гимназій составило эпоху въ исторіи русскаго просвѣщенія. Прежде, впрочемъ, чѣмъ перейти къ этому событію, рассмотримъ другія мѣры правительства и состояніе другихъ заведеній, хотя всѣ другія правительственныя распоряженія совершенно теряются въ виду указа объ основаніи университета. Относительно образованія низшихъ классовъ народонаселенія замѣтимъ указъ іюля 1742 объ учрежденіи школъ въ Казанской губерніи въ разныхъ мѣстахъ для обученія нововрещенныхъ ино-вѣрческихъ дѣтей. 18 ноября 1748 года состоялся указъ объ учрежденіи въ Оренбургѣ, подъ вѣденіемъ губернской канцеляріи, особой школы для обученія и содержанія прижитыхъ ссыльными; 29 дек. 1751 объ учрежденіи школъ въ поселеніяхъ сербскаго народа; 15 апр. 1752 объ учрежденіи на украинской линіи школъ для обученія однодворческихъ и ландшляхетскихъ малолѣтнихъ дѣтей. Сюда же относится и указъ 26 окт. 1744 г. о соединеніи въ губерніяхъ и провинціяхъ арифметическихъ и гарнизонныхъ школъ въ одно мѣсто и обученія въ нихъ всякаго чина людей, о бытіи тѣмъ школамъ въ вѣдомствѣ коменданта п о жалованьѣ учителямъ. Еще раньше, именно въ мартѣ 1743 г., состоялся указъ сената, которымъ предписывалось разослать по-

* Здѣсь въ рукописи пропускъ одной лекціи, которая, вѣроятно, была прочтана безъ конспекта: рукопись, какъ мы уже сказали, составилась изъ лекцій, то болѣе подробныхъ, то краткихъ, смотря по тому, сколько времени было у автора для приготовленія къ чтенію,—этимъ объясняются неровности изложенія.

всюду буквари и катихизисы, внушить приходскимъ священникамъ, чтобы оные наблюдали за обученіемъ катихизиса въ своихъ приходяхъ, и наконецъ брать штрафъ съ тѣхъ, кто не будетъ обучать своихъ дѣтей катихизису. Штрафъ положенъ за каждымъ человѣка съ шляхетства по 10, а съ прочихъ по 2 рубля. О томъ указъ состоялся вслѣдствіе замѣчанія, что русскіе дворяне обучаютъ своихъ дѣтей только часослову и псалтырю. Къ этимъ же мѣрамъ принадлежатъ основаніе семинарій для духовенства (напр. съ 1748 семинарія въ Тобольскѣ при архіерейскомъ домѣ), надзоръ за этими духовными училищами и требованіе отъ нихъ вѣдомостей. Другія мѣры имѣли цѣлю удовлетвореніе правительственныхъ потребностей, образованіе специальныхъ людей на службу. Такъ при сенатѣ была школа, гдѣ обучались коллегія юнкера и дворяне, освобождавшіеся потому отъ дежурства на службѣ. Въ 1753 г. (мар. 16) приказано было помѣщать въ артиллерійскую школу малопомѣстныхъ дворянъ въ комплектъ преимущественно передъ тѣми, которые могутъ быть на собственномъ иждивеніи. Въ 1755 г. велѣно было находящихся при камеръ-коллегіи юнкеровъ обучать французскому и нѣмецкому языку въ академіи наукъ. Въ 1753 предписано было въ бергъ-коллегіи обучать горной наукѣ дворянскихъ дѣтей изъ школъ артиллерійской и инженерной. Главнымъ заведеніемъ военнымъ былъ сухопутный шляхетскій корпусъ, основанный по плану Миниха (см. ук. 1735 г.). Отсюда выходили армейскіе и гвардейскіе офицеры, здѣсь получили образованіе нѣкоторые изъ лучшихъ нашихъ полководцевъ: Румянцовъ, Каменскій, Ферзенъ и т. д. Кадеты, обучавшіеся фортификаціи, переходили въ инженерное вѣдомство. Тѣхъ же, которыхъ готовили къ гражданской службѣ, велѣно было при Елизаветѣ Петровнѣ обучать юриспруденціи и ариметикѣ и освобождать отъ экзерциціи и наукъ собственно военныхъ. Въ 1752 г. составленъ штатъ морскаго кадетскаго корпуса. Сдѣлано было также довольно много для образованія медиковъ. Въ 1754 г. вызваны были изъ духовнаго вѣдомства студенты для обученія въ казенныхъ госпиталяхъ медикохирургіи и фармаціи. Находимъ указъ объ отправленіи за границу для усовершенствованія въ медицинскихъ наукахъ. Всѣ эти мѣры, очевидно, клонились къ образованію людей, нужныхъ государству для практическихъ цѣлей. Представителями науки въ ея высшемъ значеніи были двѣ академіи: духовная или славено-греко-латинская въ Москвѣ и академія наукъ въ Спб. Остановимся нѣсколько на нихъ. Славено-греко-латинская, основанная при Θεодорѣ Алексѣевичѣ и получившая во второй четверти XVIII в. титулъ императорской, представляла въ это время не одно только чисто богословское заведеніе. Здѣсь получали образованіе не одни дѣти духовенства, или лица готовившіеся къ поступленію въ духовное званіе. Въ 1736 г. въ нее, напримѣръ, разомъ поступило 158 дѣтей дворянскихъ, между которыми были дѣти знаменитѣйшихъ фамилій въ государствѣ. Здѣсь были, кромѣ того, подъяческіе,

канцелярскіе, солдатскіе дѣти и т. д. Она представляла собою слѣдовательно науку въ возможной ея полнотѣ, хотя, разумѣется, съ преобладаніемъ богословскаго направленія. Подъ властію ректора, архимандрита, назначаемого св. синодомъ находились 9 классовъ, начиная отъ славяно-русской школы, гдѣ обучали начальному чтенію и письму и восходя до богословія. Названія классовъ были фара, инфима, грамматика, синтаксима, пѣтика, историка, философія и богословія. Классъ богословія занималъ 4 года, философія и реторика по 2 года, пѣтика и синтаксима по 1. Весьма немногіе могли въ 12 или 15 лѣтъ пребывания въ академіи окончить курсы. Для многихъ курсъ продолжался лѣтъ до 30. Бывали примѣры, что ученики въ классѣ синтаксими просиживали 10 лѣтъ. Временемъ вѣшнаго процвѣтанія былъ 1725, когда 629 учениковъ сходилось въ академію. При Елизаветѣ Петровнѣ ихъ было отъ 200 до 280. Почти всѣ они не жили въ зданіяхъ академіи, а получали жалованье. Въ 1745 приказано было по новому штату отпустить изъ соляной конторы на содержаніе академіи по 4,450 р. Ученики академіи получали по 3 коп. въ день, студенты философіи и богословія по 4. Ученикъ русской школы вмѣсто денегъ получалъ печеный хлѣбъ изъ хлѣбни, заведенной при синодальномъ домѣ. Ученый составъ академіи заключался въ ректорѣ, читавшемъ и богословію: это была верховная власть академіи, въ префектѣ или инспекторѣ, на которомъ лежала обязанность надзора за учениками; онъ же обыкновенно читалъ и философію: Духовный регламентъ требовалъ, чтобы префектъ былъ и не весьма свирѣпый и не меланхоликъ; въ двухъ проповѣдникахъ, говорившихъ поученія каждый воскресный и праздничный день въ церкви Заиконоспасскаго монастыря, и въ 6 или 7 учителяхъ. Собственно академическое ученіе начиналось съ фара, гдѣ учили читать и писать по латынѣ; въ инфимѣ преподавали грамматическія правила славяно-русскаго и латинскаго языковъ. Въ грамматикѣ первую часть латинской грамматики и всю славянскую. Тутъ же давали нѣкоторые свѣдѣнія историческія и географическія, начинали катихизисъ и арифметику. Синтаксима была высшимъ грамматическимъ классомъ; здѣсь же продолжалось ученіе катихизиса, арифметики, исторіи и географіи. Въ пѣтикѣ стихотворное ученіе русское и латинское; въ риторикѣ краснорѣчіе. Въ классѣ философіи префектъ преподавалъ логику, физику, метафизику и политику. Въ классѣ богословія ректоръ читалъ 4-хъ годичный курсъ богословія. Лекціи были на латинскомъ языкѣ. Схоластика царяла въ академіи...

С. В. Ешевскій.

О С Т А Н О В К А.

(РАЗСКАЗЪ ПРОЪЗЖАГО).

...Шестая недѣля великаго поста была на исходѣ...

Изъ столицъ и губернскихъ городовъ, по желѣзнымъ дорогамъ, въ ямскихъ тарантасахъ, на перекладныхъ тройкахъ, — неслись толпы народа въ деревню, въ глушь, домой... Все это, взмученное зимнимъ сезономъ, утомленное долгою черной работой — торопилось отдохнуть, оттаять, поспѣть домой къ празднику... Весеннее солнце было до такой степени живительно, что весь этотъ полубольной народъ съ его громкимъ говоромъ, раздававшимся въ вагонахъ, въ вокзалахъ, на постоялыхъ дворахъ и въ толпахъ пѣшеходовъ, — почему-то казался очень веселымъ...

Длижансь, въ которомъ я выѣхалъ изъ Москвы, былъ тоже въ достаточной степени зараженъ всеобщимъ веселымъ расположеніемъ духа. Всѣ пассажиры какъ-то необыкновенно скоро перезнакомились другъ съ другомъ еще въ почтовой конторѣ, и въ теченіе пяти или десяти минутъ были закадычными друзьями. Какая-то очень молодая дама, подъ влияніемъ всеобщаго веселья, съ восторгомъ объяснила какому-то молодому человѣку о томъ, что супругъ ея только-что получилъ повышение и награду... «съ отопленіемъ... дрова... вода... свѣчи...» лепетали ея розовыя уста, и восторженные взоры почти съ благоговѣніемъ устремлялись на счастливаца мужа. Счастливецъ — мужъ отвѣчалъ супругѣ подалумъ, супруга обворожительно взглядывала на молодого человѣка; молодой человѣкъ, отвѣчая сразу внимательности нѣсколькихъ лицъ, принужденъ былъ сдѣлать изъ собственной физиономіи улыбающуюся луну, какою

иногда рисуютъ ее на картинкахъ. Словомъ, все было прекрасно и весело.

Потокъ весенняго веселья охватывалъ длинжансь вплоть до облучка. Я сидѣлъ въ наружномъ мѣстѣ кареты, глядѣлъ на оттаившія, дымящіяся поля, сверкавшія повсюду воды, шумные потоки, несшіеся въ глинистыхъ оврагахъ, и слушалъ какъ кондукторъ, маленькій и ёживоватый человѣчекъ, предъявлялъ моему сосѣду купцу тѣ же самыя веселыя вѣсти и мысли. Высунувъ изъ своей конурки красное, обрадованное лицо, съ какою-то страдальчески напряженною жимлою поперекъ потнаго лба, онъ самоувѣренно говорилъ моему сосѣду:

— Какъ же!... Разрѣшено-сь! Дано знать по телеграфу.

— Дай Богъ, что жъ? говорилъ купецъ.

— Да-а-сь!... Миѣ товарищъ сказывалъ. Митрополита спрашивали.

— Благословенія?

— Да-а-сь! Потому силъ никакихъ нѣтъ... У меня шесть человѣкъ дѣтей, — позвольте васъ спросить, — долженъ я имъ дать пропитаніе? Какъ вы думаете?...

— Нельзя безъ этаго... Это ужъ что жъ.

— Нѣтъ; вы сдѣлайте ваше одолженіе, какъ вы полагаете — долженъ я прокормить шесть человѣкъ ребятъ, а?... Пить? Ёсть? Отецъ я имъ?...

Кондукторъ нѣсколько минутъ упорно смотрѣлъ на моего сосѣда, по всей вѣроятности не съ цѣлію получить отвѣтъ, который былъ ясенъ для всѣхъ, но съ цѣлію рассмотреть, есть ли въ лицѣ посторонняго человѣка хоть капли пониманія той муки, которая скрывается въ словахъ «пить», «ёсть», «шесть человѣкъ», и которая, кромѣ того, вытянула эту страдальчески напряженную жилу на лбу кондуктора.

Должно быть, онъ увидѣлъ въ лицѣ купца то, что ему нужно было видѣть, ибо вслѣдъ затѣмъ онъ почти съ гордостію произнесъ:

— Но есть вѣрнѣйшіе слухи... То-есть ужъ вотъ какъ извѣстно! Разрѣшено!... Телеграфическая депеша была.

— Слава Богу! повторилъ сосѣдъ.

— Телеграмма! шепнулъ кондукторъ, подмигнувъ и вслѣдъ затѣмъ долго шепталъ разныя веселыя слова «съ отопленіемъ... годовою оладь... по сту цѣлковыхъ на ребѣнка...» и проч. Купецъ все говорилъ: «слава Богу!» и радовался.

Потокъ весенняго веселья, какъ уже сказано, прекращался на облучкѣ; стѣны кафтанъ ямщива, иногда смѣнявшійся чернымъ

армякомъ или изодраннымъ полупшубкомъ, не предъявлялъ телеграфическихъ депешъ или другихъ радостныхъ извѣстій, въ которыхъ бы можно было усмотрѣть надлежащее отощленіе или освѣщеніе. Владѣлецъ этого полупшуба хоть и мѣнялся на каждой станціи, но неуклонно сохранялъ свою молчаливость, угрюмость и необщительность. Онъ имѣлъ дѣло только съ лошадьми, возжами и вкutomъ, подергивалъ, постегивалъ, — и дилижансъ нашъ ровно катился по мокрой дорогѣ; кое-гдѣ колеса его шумѣли въ мокрой и рыхлой массѣ снѣга, кое-гдѣ жужжали по обнаженному щебню; осторожно и какъ-то бокомъ дилижансъ спускался съ горы, приятно покачивался на гладкой поверхности моста и опростетью влеталъ съ моста на крутую гору. Долго ѣхали мы. Подошелъ вечеръ, стало темно, морозно и железно; чувствовалась потребность надвинуть шапку на самыя уши, потеплѣе закутаться и закутать колѣни, ноги, руки. Обаяніе весны исчезло само собою. Заслышавъ всеобщую перешѣну расположенія духа, и можетъ быть усумнившись въ свойствахъ телеграммъ, кондукторъ обратился было снова къ купцу и сообщилъ ему, что на каждого ребѣнка общано по годовому овладу жалованья, — но это извѣстіе не произвело надлежащаго дѣйствія.

— Больно жирно! прошепталъ купецъ про себя, и обратился къ кондуктору съ разговорами другаго рода.

— Ты вотъ что, другъ! сказалъ онъ: — какъ бы на Окѣ-тѣ задержки не вышло, остановки бы не было?... Какъ бы, поди, ледъ не тронулся...

— Не должно быть-съ! Не было депеши... Коли ежели чуть какое безпокойство проѣзжающимъ, — мы даемъ депешъ... къ министру.

— Да вѣдь депешъ, депешъ! Тоже дуромъ депешъ гонять проку мало! серьезно проговорилъ сосѣдъ. — Коли ледъ тронулся, тутъ ужъ неизчего господина министра безпокоить... Тутъ сиди да жди.

— Это вы дѣйствительно говорите! Ну, позвольте васъ спросить, должны мы проѣзжающимъ угождать или нѣтъ? Мы откуда получаемъ свое пропитаніе?...

— Ну, да вѣдь это... Ишь какъ отъѣда наносятъ... Должно пошелъ!... сказалъ купецъ, прервавъ рѣчь кондуктора и закутался въ мердущей воронникъ.

Кондукторъ скрылся въ свою келью, и слышно было, какъ онъ сдержанно кашлянулъ тамъ, рѣшившись не безпокоить проѣзжающихъ.

Холодные порывы вѣтра усиливались по мѣрѣ приближенія

нашего къ селу *** , стоявшему на Окѣ. Ямщикъ началъ особенно громко и почти непрерывно кричать форрейтору; форрейторъ, почти не переставая, свисталъ и звонкимъ дѣтскимъ голосомъ кричалъ: «сва-арра-чивай!...», «съ да-арроги!...» Желая угодить проѣзжающимъ, кондукторъ принялся трубить въ грубу; рѣзкій и хриплый звукъ его диломаннаго инструмента почему-то напоминалъ шесть человѣкъ дѣтей, которымъ надо петь и ѣсть... Несмотря на это гиканье и гарканье ямщика, форрейтора и кондуктора, дорога дѣлалась труднѣе съ каждымъ шагомъ. Фонарь, мерцавшій съ одного боку кареты (свѣчку другаго фонаря кондукторъ везъ семейству), освѣщаль мужицкія дровни, троечнныя телеги, толпы людей, двигавшихся къ селу ***; вотъ мелькаетъ какая-то окутанная рогожами карета; вонъ худенькая фигурка жеребѣнна отскочила отъ дилижанса, зацѣпивъ ногой за постромку и зазвонивъ колокольчикомъ. Дорога становится все труднѣе и тѣснѣе.

— Ай нѣтъ проѣзду? оглушительно громко кричитъ купецъ прохожимъ.

— Нѣту!... доносится издалека.

— Эхъ шутъ-тѣ... Кондукторъ! Нѣту проѣзду-то!

— Телеграммы не было, робко говоритъ кондукторъ.

— Что ты телеграфъ, телеграфъ! Вамъ деньги только съ проѣзжающаго взять... Дешень! Въ Москву бы дешену-то дали... Лежъ-тѣ, поди, дни два тронулся... Только бы деньги взять... Эхъ-ма!...

Кондукторъ безмолвствовалъ.

Купецъ безпрестанно обращался къ прохожимъ съ вопросами, получалъ отвѣтъ, что нѣту перевозу — и сердился.

Карета ѣдетъ почти шагомъ. Тѣснота отъ экипажей и людей, запрудившихъ улицы села, страшная. Вотъ какія-то освѣщенныя окна; какіе-то люди двигаются съ фонарями между каретъ и дымящихся лошадей...

— Станція! говоритъ кондукторъ, и соскочивъ, принимается откидывать подножки у дверей кареты.

— Перевозу нѣтъ! говоритъ какой-то человѣкъ, невидимый въ темнотѣ.

— Какъ нѣтъ перевозу? Я по казенной надобности! грозно доносится изнутри кареты.

— Это что за новости, пищить обворожительная дама:—мы по казенной надобности.

— Больше ничего, — что нѣту перевозу! Пожалуйте на подворье, на Гвоздевое; на станція мѣстовъ нѣту.

Невидимый человекъ произноситъ все это весьма вѣско и уходитъ.

— Какъ на подворье?

— Это что за новости? Мы министру...

Отвѣта на эти вопли не получается, и всѣ мы волсъ-неволей отправляемся на Гвоздевское подворье, пѣшкомъ и по грязи.

— Въ Москву бы дешшу-то дать! Э-эхъ мма!... верчить купецъ.

Гвоздевское подворье, на которое пришли мы, своимъ видомъ и устройствомъ напоминало съ одной стороны постоялый дворъ, съ другой гостинницу изъ числа тѣхъ, которыя любятъ называть себя какимъ-нибудь интереснымъ прозвищемъ — «Барнаулъ», «Тифлисъ»... Эти два рода качествъ, заимствованныхъ отъ гостинницы и постоялаго двора, и соединенныхъ воедино для удобства господъ проѣзжающихъ, характеризуютъ вообще всякое подворье. Грязный дворъ, обнесенный навѣсомъ, колодезь съ желѣзной бадей, громыхающей на желѣзной цѣпи; хозяинъ съ почтительными и тихими манерами, успокоительно дѣйствующими на проѣзжаго; жирная баба солдатка, охотница до подсолнуховъ, висейныхъ фартуховъ и поѣзжихъ молодцовъ, отъ которыхъ она, впрочемъ, любить увернуться, выскочивъ со звонкимъ смѣхомъ изъ жаркой кухни въ широкія сѣнцы подворья — вотъ, главнымъ образомъ, качества, напоминающія постоялый дворъ. Качества, заимствованныя отъ гостинницы Барнаулъ, гораздо замѣтнѣе и многочисленнѣе. Впервыхъ, проѣзжему для ночлега отводятъ на подворьѣ, какъ и въ гостинницѣ, — номеръ, а не кладутъ его, какъ на постояломъ дворѣ, рядомъ съ богомольцемъ или богомолкой, близъ кровати молодого хозяйскаго сына съ супругой. Правда, въ корридорѣ, по которому проѣзжающій идетъ въ номеръ, носятъ синія волны самоварнаго дыма; обстановка номера съ темными стѣнами, самодвигающеюся и самопадающею мебелью, производитъ на него грустное впечатлѣнiе, — но для успокоенiя его существуетъ хозяинъ: онъ такъ искусно подтолкнетъ колѣномъ разрушенную кровать въ стѣнѣ, такъ незамѣтно сколупнетъ ногтемъ наросты сала со стола, съ окна и дивана, такъ солидно скажетъ: «будьте покойны», «не извольте беспокоиться», что проѣзжающій дѣйствительно успокоится и примирится со всѣмъ. Кромѣ того, водворяя проѣзжаго въ номерѣ, хозяинъ объявляетъ ему, «что, въ случаѣ, ежели что

потребуется, — человекъ клините, — онъ завсегда тутъ... не отходить отъ буфету». Следовательно, проѣзжему, пожелавшему съѣсть или выпить, ненужно, какъ на постояломъ дворѣ, шататься по пустыннымъ сѣнямъ, влѣзать въ чуланы, наткаться на кадки и бочки, отсыивая человекъ, который бы принялъ въ немъ участіе. Следовательно на подворьѣ можно видѣть и буфетъ и человекъ. Буфетъ состоитъ изъ темно-краснаго двухъ-этажнаго шкафа, съ тусклыми стеклами, дающими, впрочемъ, возможность видѣть, что въ шкафу находится салфетка, вилка, пробка и синяя съ рисунками тарелка. Тутъ же можно видѣть и человекъ: онъ обыкновенно помѣщается противъ шкафа, на рукѣ его всегда надѣтъ чей-нибудь сапогъ, на конникѣ всегда видѣется черепокъ съ ваксой; человекъ этотъ любитъ говорить: «сцію минуту», «подаю-съ!» Любитъ рассказать проѣзжему, снявъ съ него сапоги, о томъ, что у одного барина украли шубу въ триста дѣлковыхъ, что недавно «у насъ» оставалась генеральша съ двумя дочерьми и очень была благодарна; любитъ онъ также на вопросъ проѣзжаго на счетъ обѣда, вытаскивать изъ бокового кармана писаную карту кушаній, переминаясь съ ноги на ногу слушать, какъ баринъ перебираетъ эти «бекштесы», «волованъ аля мушкадъ», «...скнелъ» и проч., и вдругъ сообщать, что ничего этого нѣту, не готовили, потому не требуется, а есть одна солонина; но въ особенности любитъ онъ забраться къ барину въ нумеръ, перерыть въ чемоданахъ, выпить изъ бутылокъ съ крѣпкими напитками все, что въ нихъ содержится, и растаянута поперекъ коридора... Все это онъ сдѣлаетъ съ человекѣмъ, непонимающимъ, что такое на подворьѣ буфетъ, нумера и проч. «Настоящій» посѣтитель подворья—мелкій уѣздный чиновникъ, проѣзжающій къ Троицъ-Сергію съ женой и ребенкомъ, уѣздный купецъ, захватившій въ городъ, чтобы посоветоваться съ привазнымъ, сельскій священникъ, — чтобы посѣтить консисторію, — всѣ они всегда будутъ довольны подворьемъ; имъ не нужно ни буфета, ни карточки кушаній. Истинный проѣзжающій прямо требуетъ солонину; онъ невзыскателенъ на счетъ грязи нумеровъ, чашекъ, тарелокъ, все это ему знакомо у себя, дома; онъ, напротивъ, здѣсь на подворьѣ чувствуетъ себя какъ дома — ему всѣ давно знакомы, всѣ друзья-пріатели; онъ любитъ спросить, разузнать, зайти въ кухню, тронуть жирную работницу за жирную спину и спросить:

— Ну, что же, Авдотья, какъ безъ мужа-то? Скучно... а?...

Хорошо ему живется здѣсь. Къ нему привыкла прислуга и хозяинъ и знаютъ, какъ угождать ему.

Проѣзжающіе, наполнившіе нумера и общую комнату Гвоздевскаго подворья въ тотъ день, о которомъ идетъ рѣчь, — большею частію были не «настоящіе» проѣзжающіе, что поставило хозяина и буфетъ и человѣка въ весьма неопредѣленное положеніе, почти равномѣрное тому, которое испытывали и проѣзжіе, укладываемые на голыя доски кроватей; практической умъ хозяина и «пенатіе» человѣка выручили ихъ изъ бѣды; видя, что въ подворье наѣхалъ народъ благородный, хозяинъ порѣшилъ прежде всего заламывать за всякую бездѣлицу самыя несообразныя цѣны; человѣкъ сообразилъ, что тутъ надо бросить мужицкія привычки и дѣйствовать посредствомъ порцій; припомнилъ онъ также слова: «по ганбургски», «попрожаристѣй», «съ гарниромъ», выпрямился, вскинулъ салфетку на плечо и принялся дѣйствовать, такъ что въ короткое время всѣ проѣзжіе единогласно вопіяли о какомъ-то будто бы дневномъ грабѣжѣ, происходящемъ здѣсь...

Между тѣмъ къ крыльцу подкатывали поминутно новыя тройки и пары; въ корридоръ и нумера подворья, набитые биткомъ тучками, чмоданами, людьми, входили какія-то новыя лица, въ черескныхъ шапкахъ, въ остроконечныхъ башмакахъ и громко требовали:

— Лошадей!

— Перевозу нѣту, вашескобродіе! въ миллионный разъ отвѣчалъ мокрый и запотѣвшій староста.

— Какъ нѣтъ перевозу? У меня казенная подорожная... Запрягать...

— Какъ угодно я запрягу, только что нѣту перевозу... Проѣзду нѣту. Ледъ...

— Какъ ледъ? У меня казенная подорожная... Я по казенной надобности.

— Извольте, я запрягу... Только что вода... Какъ угодно.

— Что такое вода, вода? Я по казенной надобности.

И такъ далѣе. Всякій новый проѣзжающій вносилъ своимъ появленіемъ новый элементъ, нѣсколько разнообразившій валую бесѣду проѣзжаго общества. Общество это, несмотря на фактическія доказательства невозможности ѣхать далѣе, продолжало размышлять на тѣ же вопросы: «Какъ нѣтъ перевозу!» «Что такое ледъ, ледъ?» Появленіе новаго лица, его разспросы, почему нѣтъ проѣзду, и проч. давали нѣкоторое право на продолженіе этихъ тлетворныхъ разговоровъ, но едва новый проѣзжіи подымалъ человѣка, и приказывалъ принести себѣ чего нибудь съѣсть, какъ весь интересъ новаго лица исчезалъ въ немъ, потому что и онъ внезапно начиналъ толковать о какомъ-то, будто бы, днев-

номъ грабежѣ, происходящемъ здѣсь, то-есть становился въ разрядъ обыкновенныхъ проѣзжающихъ, рѣшившихъ уже этотъ вопросъ.

Быть участникомъ такого времяпровожденія дѣлалось, наконецъ, совершенно невозможнымъ, невыносимымъ; нѣкоторые изъ проѣзжихъ торопились лечь спать; мы съ купцомъ выхлопотали себѣ коморку, гдѣ-то подъ лѣстницей на чердакъ, которая почти загоразивала наше окно, и принялись пить чай. Во время этого занятія шли у насъ разговоры о разныхъ, имѣющихъ болѣе или менѣе практическій интересъ, вещахъ; наконецъ, мы попробовали спать, но въ комнатѣ было жарко, а съ дороги дѣлалось просто душно. Кромѣ того, въ корридорѣ и въ сосѣднихъ номерахъ шла ходьба, безпрестанные разговоры и ходьба, отъ которой въ нашемъ номерѣ шевелилась мебель и на самоварѣ дрожала крышка.

— Ужъ и блохъ, я вамъ доложу!... шенталь купецъ, ворочаясь на диванѣ подѣ своей мерлушкой... Они свѣжее мясо зачуяли... Ишь! Какъ собаки деруть шкуру-то...

Духота, соединенная съ непроницаемою тьмою, была вдвойнѣ невыносима. Я зажегъ свѣчку и сталъ курить.

Въ это время, развинтившаяся ручка двери зашевелилась, и въ комнату высунулась голова... Эта голова принадлежала кондуктору.

— Обезпокоилъ? какъ-то вяло проговорилъ маленький человѣкъ.

— Нѣтъ, мы не спимъ...

Кондукторъ былъ въ коротенькомъ и тѣсномъ казенномъ сюртукѣ, съ свѣтлыми пуговицами; лицо его было усиленно-красно и потно, и страдальческая жила на лбу вылегалась еще примѣтнѣе и трогательнѣе. Очевидно, его угостилъ станціонный смотритель. Медленно сѣлъ онъ на стулъ у двери, молча посмотрѣлъ на насъ и проговорилъ:

— Покойно вамъ въ экипажѣ, молодой человѣкъ?

— Очень покойно...

— Н-ну... покорнѣйше васъ благодарю!... Я — всей душой... Я жизни своей не дорежу для господъ пассажировъ. Ну, чтó вамъ угодно? Прикажете услужить...

— Намъ ничего не надо.

— Нѣтъ, сдѣлайте милость, прикажите; я готовъ въ огонь... Я обязанъ угодить, потому ѣсть мнѣ надо... Такъ ли?... Г. купецъ!... Почиваетъ онъ?

— Нѣтъ, я не сплю.

— А вы на меня осерчали... за депешу...

— Есть объ чемъ толковать...

— Нѣтъ, г. купецъ, позвольте, что я вамъ объясню... Я имѣю шесть человѣкъ дѣтей; жена, свояченица... Извольте видѣть!... Я долженъ жить, получать свое продовольствіе... Стало быть, я долженъ услуживать, угождать... И я готовъ передъ Богомъ!... Ну, чѣмъ я могу услужить? Г. купецъ! Позвольте вамъ сказать, нечѣмъ мнѣ проѣзжающему угодить, нечѣмъ, нечѣмъ...

— Коли ежели кто желаетъ оказать услугу, онъ всегда можетъ это, проговорилъ купецъ.

— Ахъ-съ! Господинъ купецъ! Разорваться готовъ... Нѣту мнѣ никакой возможности! Я ужъ думалъ-съ. Да вы извольте взять: карета. Проѣзжающій самъ садится, самъ выльзаетъ, за все платитъ въ конторѣ... Я кондукторъ, смотрю какъ бы не было несчастія... Проѣзжающій этого не ставитъ въ заслугу, онъ за это платитъ... Чѣмъ же я могу угодить? Ради Господа Бога, позвольте васъ спросить?

Купецъ поворочался на диванѣ.

— Нечѣмъ-съ! Нечѣмъ мнѣ старанія выказать. У меня на всемъ свѣтѣ одинъ уголокъ; въ каретѣ — келья моя. Меня никто не видитъ и не замѣчаетъ. А вы думаете, что кондукторъ спитъ тамъ, въ кельѣ-то? Кондукторъ въ собачій воротникъ морду свою завернулъ; стало быть, онъ храпитъ? Кондукторъ — ни дня, ни ночи покою не имѣетъ, господинъ купецъ! Кондукторъ-то два раза въ годъ семью видитъ свою, а семья-то растетъ — есть о чемъ подумать. Какъ я сына своего старшаго водилъ въ гимназію на экзамень — угодно ли вамъ знать, легко это мнѣ было? Позвольте васъ спросить, сколько я не спалъ ночей?

Мы молчали.

— Я можетъ вотъ эдакъ-то, вотъ колотился, когда господа учителя начали его испытывать: «Скелеть!» «Что такое рыба?» «Что такое корова?» Извольте видѣть! Какъ вамъ, легко ли будетъ, коли ежели вы желаете вашему ребенку благополучія и вдругъ ему — «Скелеть?» Легко вамъ, господинъ купецъ? Особливо коли ежели скелеть-то, чортъ его знаетъ, что такое?... Господинъ купецъ! Что такое корова? позвольте узнать? (Кондукторъ помолчалъ). Ну, можно ребенка объ этомъ спрашивать? Что же можетъ сказать ребенокъ? — Тпружи! больше ничего! А замѣсто того, когда насъ не удостоили на экзаментѣ, такъ мы ровно ребята слезами заливались, какъ домой шли...

Разскащикъ остановился и отеръ рукавомъ глазъ.

— А почему мы не знаемъ скелетовъ? Потому, что намъ ѣсть нечего! Надо купить книжку, книжка рубъ серебромъ. Гдѣ я возьму? Позвольте узнать, ежели я изъ жалованья возьму — то вѣдь скелеть-то я узнаю, ну, за то и семья моя тоже превратится въ

скелеть, потому ѣсть нечего... Слѣдственно я долженъ угождать... Кому я долженъ угождать? Проѣзжающимъ господамъ... Господи! Царь небесный! Царица небесная! Нечѣмъ, нечѣмъ мнѣ угодить! Нечѣмъ! И подножки и застежки, — все отъ казны; все само собой подставляется подъ ногу и застегивается... Чтѣ же мнѣ дѣлать? Чтѣ же долженъ кондукторъ, бѣдный нищій человѣкъ, дѣлать? Вотъ кондукторъ и начинаетъ трубить въ трубу... Кондукторъ думаетъ — пусть видятъ мое стараніе. Трубить онъ во всю мочь, что есть духу... «Замолчи, оселъ!» кричатъ ему. Кондукторъ прекращаетъ... Онъ думаетъ, авось этимъ угодить проѣзжающимъ, и молчитъ въ своей конурѣ... морду свою въ собачій воротникъ уткнулъ. А какъ да въ воротникѣ-то этомъ вспомнить онъ, какъ это, напримѣръ, скелеть, да какъ изъ-за коровы человѣкъ въ слезахъ идетъ, и начнетъ онъ соваться къ проѣзжему. «Угодно вамъ депешу? угодно вамъ телеграмму?» Господа! Господи! купецъ, сдѣлайте милость, прикажите услужить бѣдному человѣку!... Господи! купецъ, угодно я вуда прикажете загну депешу?

— Зачѣмъ она мнѣ?

— Нѣтъ! дозвольте! Ну, дозвольте загнать телеграфъ въ вашей супругѣ. Прикажите! Дайте хлѣбъ бѣдному человѣку.

— Ивановъ! произнесло какое-то новое лицо, высовываясь въ дверь. — Будетъ тебѣ! Пойдемъ!

— Сію минуту!

Взволнованный своими несчастіями кондукторъ, при видѣ появившагося человѣка, притихъ.

— Это я такъ, съ господами. Спокойной ночи, господа!

Онъ всталъ, помялся, что-то хотѣлъ сказать, опять сказалъ: «покойной ночи» и вышелъ къ товарищу въ какомъ-то раздумѣ.

Долго еще шумѣли вокругъ насъ, долго дрожала самоварная крыша. Наконецъ, все успокоилось...

Сельцо N стояло на крутомъ берегу Оки, окаймленное со всѣхъ сторонъ глухимъ лѣсомъ, который видѣлся намъ съ каждаго перекрестка, когда я и какой-то студентъ, на другой день поутру, направлялись къ рѣкѣ. Село было большое, торговое. По сторонамъ улицы видѣлись трактиры, постоянныя дворы съ растворенными воротами; у однихъ воротъ былъ нарисованъ на заборѣ мужикъ, одной рукой онъ сналъ шляпу, а другой указывалъ на ворота, приглашая проѣзжающихъ пожаловать туда. Вездѣ, и на улицахъ и на постоянныхъ дворахъ, было множество народу. Повсюду котомки, узелки, возвышающіеся на крыльцахъ лавокъ, на ступеняхъ кабаковъ, вмѣстѣ съ разнымъ проходящимъ народомъ. Тутъ плотники, богомольцы, маляры, у которыхъ еще

не сошли съ сапогъ и шапки признаки мѣлу и известки, солдаты съ растегнутыми нагрудниками и съ трубками въ зубахъ. Особенно много было народу у самой рѣки, гдѣ, на вязкомъ и топкомъ берегу, были сложены кучи досокъ и камня, для строящагося черезъ рѣку моста; здѣсь же видѣлись колья, обмотанныя толстымъ паромнымъ канатомъ, который лежалъ тутъ же на берегу, свернутый большими кольцами... Мутныя волны широкой рѣки плескали только у береговъ, подбрасывая какія-то мокрые плоты и почти наполненныя водою лодки. Вся поверхность рѣки была застлана льдинами; едва колебалась то въ ту, то въ другую сторону, танулись эти сѣрыя, иногда рыхлыя и синеватныя глыбы безконечною цѣпью, медленно всползая на острые, окованные желѣзомъ ледорѣзы и разламываясь на нихъ; у самой воды, при началѣ строящагося моста, стоялъ какой-то военный, съ подвязаннымъ воротникомъ и кричалъ на кого-то... Кто-то, очевидно, былъ виноватъ; но кто именно, нельзя было понять, потому что на берегу былъ сильный и рѣзкій вѣтеръ, къ которому присоединялся еще шумъ разрушавшихся на ледорѣзахъ льдинъ. Около военнаго, имѣвшаго здѣсь, повидимому, власть, толпилось нѣсколько проѣзжающихъ благороднаго званія, которые объ чемъ-то очень серьезно разсуждали съ нимъ, озабоченно поглядывая на воду, но что они разсуждали — неизвѣстно. На этихъ основаніяхъ мы съ товарищемъ ушли отсюда, и отправились бродить по селу.

Въ одномъ изъ переулковъ, недалеко отъ старинной церкви съ массивной, разсѣвшеяся оградой, мы увидѣли домикъ съ вывѣской «школа». На крыльцѣ этого домика сидѣлъ худенькій старикъ, въ полусубѣтѣ, крытомъ синимъ ластикомъ; на сѣдяхъ, бѣлыхъ какъ лунь, волосахъ его былъ надѣтъ картузъ съ широкимъ козырькомъ; въ рукахъ у него была палка. Старикъ сидѣлъ задомъ къ солнцу, и видимо хотѣлъ погрѣть свою болную спину. Въ переулкѣ, защищенномъ домами, не было вѣтру, и мы захотѣли здѣсь присѣсть.

— Можно на крыльцѣ у васъ отдохнуть? спросилъ я старика.

Старикъ пристально обвелъ насъ тусклыми глазами, туго поворачивая свою дрожавшую голову, помалю и ничего не сказалъ. Суровый видъ и угрюмость, которые какими-то насильственно-проведенными чертами лежали на его лицѣ, вовсе не шли къ этимъ тихимъ сѣдинамъ его; несмотря на то, что онъ не отвѣтилъ намъ, мы вошли на крыльцо, сѣли на лавочкѣ и стали курить. Старикъ, кряхтя, повернулъ дрожавшую голову въ сторону, и не глядѣлъ на насъ; суровость и грозность поминутно набѣгали на его, почти дремавшее лицо. Несмотря

на его преклонныя лѣта, суровость эта весьма была похожа на ту лакейскую гордость, которую любят или любили выказывать дворецкіе, и другіе вѣрные рабы барина, любящіе потреблять фразы: «нашъ баринъ», «мы...», «наше имѣніе»... Въ древнія времена, какъ оказалось впоследствии, онъ состоялъ, дѣйствительно, въ важныхъ чинахъ, возможныхъ для раба; когда же надобность въ немъ миновалась, его отправили караулить школу. Про старика забыли, бросили его; но тѣ черты, которыя наложили на его лицо борзые времена и нравы, не могла изгладить даже старость...

Молча сидѣли мы и курили. Внутри запертой шволы будахали чьи-то куры. Старикъ молчалъ, шепталъ что-то; палка постоянно шевелилась въ его худыхъ дрожавшихъ пальцахъ, словно онъ собирался замахнуться ею на кого-нибудь. И дѣйствительно, когда мимо шволы прошелъ какой-то мальчикъ, старикъ схватилъ палку, и стуча ею въ полъ крыльца, крикнулъ:

— Я тебѣ дамъ слоны слонять... Куд-да бѣжишь-то пострѣль! Вотъ я...

Мальчикъ, смѣясь, глядѣлъ на старика и на насъ, и не спѣша прошелъ мимо; видно было, что угроза эта была знакома ему.

Вслѣдъ за мальчикомъ подошла къ крыльцу курица, и на нее старикъ ополчился:

— Кшъ ш-шельма... Эшь шатаются анаемы, своего дому не знаютъ! Хозяевъ бы за это бить надо... Управы на нихъ нѣту, разбойники. .

— Что ворчишь, старикъ! что шумишь! панибратски проговорилъ какой-то человекъ, напоминавшій сельскаго писаря, и вошелъ на крыльцо. — Добраго здоровья, господа! Иду, слышу, старикъ шумить, думаю, кто это старичку вредъ сдѣлалъ? Тебя кто обидѣлъ?...

— А-а... ты куды хвостъ-то дерешь? какъ-то особенно гнѣвно проговорилъ старикъ, быстро повернувъ къ писарю свою сильно дрожавшую голову... Куды тебя тотъ-то несетъ...

— Гуляю.

— Гул-ляешь?... Да ты что за гуляльщикъ такой?... Э?... Ты къ чему приставленъ? Къ дѣлу приставленъ али къ гуляню?... Э?... Н-нѣтъ упрравы на васъ... Н-нѣту! Кабы при покойникѣ баринѣ, царство ему небесное... т-тэкъ онъ бы тебя... Т-тэкъ ужъ онъ бы...

— Что жъ бы онъ мнѣ сдѣлалъ?

Старикъ какъ будто задохнулся отъ негодованія; голова его тряслась еще сильнѣе; онъ жадно и гнѣвно смотрѣлъ въ смѣющееся лицо писаря, и вдругъ произнесъ:

— А кнутевъ? а? Чтѣ-бы-ш?... А кнутивовъ горячихъ ты сячки двѣ поболѣ... Э? Любо?... Не х-хочешь?

Писарь тихо улыбался, покачивая ногой.

— За чтѣ жь это кнутевъ-то? сказалъ онъ.

— Вотъ тѣ и за чтѣ!... За то вотъ, что... ременьникъ бы тебѣ вожгли... У него, у барина-то, можетъ, цѣлый полкъ съ кнутьями-то былъ... Завсегда при немъ... Ъдетъ. Мужикъ попадаетъ. Грязь на дворѣ, а у мужиковой лошади хвостъ не подвязанъ. — «Почему хвостъ не подвязанъ?» (Тутъ старикъ помолчалъ). «Кнутевъ!» Ъдетъ въ сухую погоду, видитъ у мужиковой лошади хвостъ подвязанъ: — «Почему хвостъ подвязанъ?— Кн-нутевъ!...» Т-эъ онъ бы тебя... Почему ты шатаешься?...

— Усталъ. Отдыхаю.

— Кнутевъ! Засыпать ему... до смерти его запороты!

— Больно много! сказалъ писарь, переставъ улыбаться.

Старикъ долго еще горячился и выкрикивалъ слова: «задрать», «горячихъ» и проч., замахиваясь и стуча палкой; но мало-помалу онъ успокоился, хотя руки его не переставали сжимать палку, и голова все еще тряслась отъ гнѣва.

— Нынче это превращаютъ! сказалъ наконецъ писарь. — Нынче на этотъ счетъ очень сокращено душегубство...

— Хуже! рѣзко и рѣшительно сказалъ старикъ.

— Почему такъ?

— Много хуже!

— Да чѣмъ хуже-то? Хуже, хуже, чѣмъ хуже?

— И-и... и даже много-много хуже... Облюдѣло!

— Чего это?

— Облюдѣло! Слышишь, ай нѣтъ? Мѣста мало, народу нивѣсть сколько... Богъ прогнѣвался... Цвѣтовъ, травъ — нѣту... Сгасли!... Бывало, какіе цвѣты-то — нѣту теперче ни одного... Богъ прогнѣвался... Въ старое время бросишь палку на голую землю, къ утру она вся въ травѣ. — Эво какая трава была... Нѣту ничего... Хуже, и совсѣмъ ничего не стоитъ.

— Ну, это ты пустое говоришь!

Старикъ опять началъ сердиться.

— Я свое дѣло говорю!... Я, братъ, восьмой десятокъ живу, а не пустое!... Ну, чтѣ же, хорошо это, вдругъ оживляясь заговорилъ онъ: — мать за сына въ темной сидить? видано это когда?

— Не дерись! нонче братъ строго.

— И не можетъ мать своего сына сатану учить?...

И опять старикъ пристально уставилъ на писаря гнѣвные глаза.

— Не въ томъ вещь, коротко сказалъ писарь, отъ котораго мы съ любопытствомъ ждали объясненія этого факта, такъ возмущившаго старика: — ты старичокъ синю грѣшь, много не смыслишь.

— Ды-ть, родная она ему чать, ай нѣтъ? звѣри вы!

— Я говорю, не торопись... Прожилъ ты много, а не все вызналъ. Чутьочку тебѣ еще вызнать осталось.

— Тѣфу, чтобъ вамъ...

И старикъ болѣе не говорилъ. Писарь обратился исключительно къ намъ.

— Многие не понимаютъ порядковъ-съ!... Такъ вотъ иной шумить-шумить, а что такое? Дѣло точно что было, посадили одну женщину въ темную, ну только это на томъ основаніи, что самовольно она его изуродовала... Нонче этого нельзя. Первымъ долгомъ, въ настоящее время, надо подавать жалобу... Коли, ежели бы она пришла къ господамъ судьямъ, да попросила бы ихъ: «позвольте, молъ, мнѣ солдатъ казенныхъ, я женщина слабая, не могу сына моего выучить... удержать, напимѣръ, не въ силахъ», ни слова бы ей никто не сказалъ! Надобно первымъ долгомъ доложить, спроситься... А то эва, начала его трепать самовольно... надо спроситься...

— Нѣтъ, кабы барринъ... Он-нъ бы тѣ... ворчалъ старикъ.

— Н-ну, нѣтъ, братъ; нонче барину твоему тоже вышла бы какая слѣдуетъ статья... по положенію... самодовольно проговорилъ писарь, закладывая ногу на ногу. — Довольно, братъ!... Нонче, братъ, Европу стараются водворить... а не по свински... Сначала поди-ко доложи, да успросись... а потомъ бей! Да и то оглядывайся, какъ бы самого не чесанули... Такъ-то!

Старикъ не отвѣчалъ, но гнѣвно смотрѣлъ въ сторону, ища бѣгавшими глазами какогонибудь предмета, на который бы можно было ополчиться. Писарь очевидно стоялъ за современность и Европу, и былъ видимо доволенъ.

Не успѣли мы познакомиться съ консервативнымъ и либеральнымъ элементами села N., предъявленными намъ въ лицѣ старика и писаря, какъ намъ пришлось познакомиться съ новою личностію. Съ крыльца довольно чистенькаго дома, находившагося противъ школы, спустилась какая-то фигура, безъ шапки, и торопливо стала приближаться къ намъ.

— Наставникъ! сказалъ писарь.

Наставникъ шелъ вмѣстѣ съ маленькой дѣвочкой, держа руки въ карманахъ своего костюма. При появленіи его у крыльца писарь почтительно раскланялся, а старикъ, вряхтя и опираясь

на крылечныя перилы, поднялся съ своего сидѣнья и снялъ шапку.

— Наврывайся, покрывайся, старикъ! мягкимъ, жирнымъ дискантомъ проговорилъ наставникъ.—Здорово, Андрей Ильичъ! сказалъ онъ писарю и пристально поглядѣлъ на насъ, тѣмъ взглядомъ провинціала, который является у него только при появленіи новаго лица и въ которомъ ясно видно бореніе двухъ вопросовъ: «не ревизоръ ли это новое лицо» и «не покровитель ли оно, не благодѣтель ли». Завидѣвъ этотъ взглядъ, мы тоже поклонились наставнику.

— Кто такіе будете? тихо и осторожно спросилъ онъ, и въ голосѣ его ясно слышался вопросъ самому себѣ: «какъ бы не влетѣть...»

— Проѣзжающіе...

— Да-да-да! Полая вода... перевозу нѣтъ... да-да-да... Откуда выводите?

— Изъ Петербурга.

— Да-да-да.

«Какъ бы не влетѣть», еще явственнѣе вылегло на полномъ лицѣ наставника, напоминавшемъ лицо жирной бабы. Да и вообще въ фигурѣ его, тѣлосложеніи и манерахъ было много того, что напоминало «бабу».

— Что же это вы тутъ?... Со старичкомъ?

— Да вотъ, сидимъ, слушаемъ.

— Ветхъ старецъ-то! Ветхъ!

Наставникъ помолчалъ, подержалъ руку на темени, въ которое било солнце.

— Такъ со старичкомъ болѣе? сказалъ онъ. — А у меня въ школѣ-то, признаться, не порядокъ... Такъ я и думаю, не насчетъ-ли школы вы...

— Нѣтъ-съ, мы такъ... гуляли...

— Да... Школа-то у насъ въ порядкѣ, только что средствъ недостаточно... Вы по какому министерству?

— Я учитель.

— По народному просвѣщенію... Очень пріятно. Да не пожалуете ли въ горницу... Что же вамъ на вѣтру.

Мы согласились съ удовольствіемъ.

Вмѣстѣ съ нами отправился и писарь.

— Очень пріятно!.. говорилъ наставникъ, идя впереди насъ.— Настя! Скажи-ко матери; пусть тамъ... сказалъ онъ дѣвочкѣ, бывшей съ нимъ.

Та бѣгомъ побѣжала впередъ.

Несмотря на то, что званіе наше, объявленное нами настав-

нику, не могло быть ни вреднымъ ни полезнымъ для него, тѣмъ не менѣе, мысль, что «авось пригодятся» или «ну-ко да что нибудь...» повидимому, не оставляла его. Мнѣ часто приходилось встрѣчать въ глуши это настроеніе и этотъ взоръ, ожидающій или Ивана царевича, который придетъ въ видѣ нищаго къ бѣдному мужику и обогатитъ его; или ревизора, который сначала будетъ поддакивать провинціалу, закусывать у него, да вдругъ и турнетъ въ шею. По всей вѣроятности, только такого рода соображеніями руководствовался наставникъ, приглашая насъ къ себѣ; а онъ видимо былъ изъ числа тѣхъ ожидающихъ, которые боятся ревизора.

Мы вошли въ чистенькую комнату, обставленную самымъ обыкновеннымъ образомъ. Надъ окномъ чиркалъ чижъ; на подоконникахъ стояли какіе-то цвѣты, изъ которыхъ иные сохранялись подъ опрокинутыми стаканами, на стѣнѣ—картинки: Серафимъ, Саровскій пустынникъ, стоящій подъ елью на камнѣ; Осипъ Иванычъ Коммисаровъ-Костромской съ надписью: «а ныне дворянинъ»; на трехугольномъ столикѣ въ углу—требникъ, вѣстный календарь, какіе-то книжки свѣтскаго содержанія, какихъ обыкновенно не встрѣчаешь нигдѣ, напр. «Политическая экономія для служащихъ», «Поученіе въ сырную седмицу господамъ офицерамъ ...сваго пѣхотнаго полка о чревоураженіи» и проч. Словомъ, обстановка, знакомая всякому русскому, даже и столичному человѣку.

— Прошу пожаловать! сказалъ наставникъ, введя насъ въ горницу.—Андрей Ильичъ, свазалъ онъ писарю, который, поглядывая на свои ноги, мялся въ двери:—что же ты? Сію минуту-съ! На минуточку! прибавилъ наставникъ, спихнулъ кошку со стула и удалился въ сосѣднюю комнату. Рядомъ съ писаремъ сѣлъ на стулѣ сынъ наставника, мальчикъ лѣтъ 12-ти; востомъ его—сюртукъ, жилетъ и даже манишка напоминали разодрѣвагося лакея. Разговоры между имъ и писаремъ происходили шопотомъ:

— Ты что за шапку далъ? спрашивалъ мальчикъ.

— Рубъ!

— Хочешь я за гривенникъ куплю... Не вѣришь?.. Давай объ закладъ!.. Ну?..

— Ну тебя!..

— Нѣтъ! Давай объ чемъ?

— Что это вы изволите? ласково спросилъ онъ, подходя къ моему товарищу, который перелистывалъ какую-то книгу. — Календарь любопытствуете? хе-хе... Вретъ!... Весьма фальшиво показывается.

— Не утрафишь на всѣхъ-то! сказалъ писарь.

— И то пожалуй... Кому какъ. И то справедливо... День на день не приходитъ.

Отвѣчать было нечего. Наставникъ вынулъ платокъ, табакерку, медленно принялся раскрывать ее, похлопывая пальцемъ по крышкѣ и смотря въ верхъ почему-то со вздохомъ, говорилъ:

— Не приходится день въ день.

Тема, предложенная на всеобщее обсужденіе, была весьма не плодovitая. Наставникъ тотчасъ же понялъ это, и такъ-какъ онъ былъ «на всякъ часъ готовъ»—то и перенесъ сужденія свои на другой предметъ.

— Такъ со старичкомъ болѣе? необыкновенно ласково обратился онъ къ намъ.

— Да-съ!.. посидѣли...

— Ветхъ! Ветхъ деньми старецъ...

— Серчаеть на новые порядки, сказалъ писарь.

— Серчаеть?.. хе-хе... Ну, да вѣдь и года его... Да вѣдь и и въ самомъ дѣлѣ, порядки порядки, а какъ угодно... тяжело-ватые порядки... Это дѣйствительно, надо правду сказать, что... тово они... порядки-то...

— Строгое время стоитъ! сказалъ писарь.

— То-то и есть, другъ, время-то строговатое!.. Время-то, братецъ ты мой, не любезное!.. Все не такъ; не въ ладъ... Вонъ по нонешнему времени-то, ужъ чтѣ такое курица? а я долженъ за семью замками держать; да замокъ-то купи, — да человѣка найми... Все изъ кармана! Вотъ то-то! Курица курица,—а тоже, поди-во, подумай...

Наставникъ энергически расправилъ платокъ, такъ же энергически скомкалъ его и тронулъ имъ носъ съ одной и съ другой стороны...

— Нѣтъ, въ прежнее время простѣй было, продолжалъ онъ.— Довѣріе было... Признательнѣе былъ народъ... Нонче, братъ, ежели къ тебѣ на дворъ забѣжалъ цыпленокъ,—ты ему и головы свернуть не успѣешь,—а ужъ за нимъ сто человѣкъ бѣгутъ... Да къ мировому неугодно-ли прогуляться.

— Какъ же это чужому цыпленку голову свернуть? спросилъ мой товарищъ.

— Да я почомъ знаю, чей онъ? Онъ на моемъ дворѣ или нѣтъ?.. Коли ты птицу держишь—гляди за ней... И мой забѣжитъ — и моему свернуть голову.

Сожалѣніе о золотомъ времени взаимнаго свертыванія головъ, не представляло для меня надлежащаго ужаса, на томъ основаніи,

что мнѣ приходилось слышать вещи болѣе эффектныя и до того невѣроятныя, что имъ никто не повѣритъ. На этихъ основаніяхъ я не считъ нужнымъ входить въ разговоръ, будучи вполне увѣренъ, что наставникъ предъявить кое-что еще, нѣсколько крупнѣе изъ своей нравственной философіи.

— Н-да! произнесъ писарь, качнувъ головою: — въ нонѣшнее время дѣйствительно, что курица дороже человѣка.

— Д-дорроже! Много!.. Да что такое человѣкъ? Ну, что такое я, напримѣръ? Жиль-жиль, — народилъ дѣтей... Умри — оставить нечего!.. Передъ Богомъ!.. Можетъ быть, тамъ что-нибудь и есть — ну, да что это? пустяки!.. А вѣдь обязанности-то изволите видѣть такія. Вотъ у меня двѣ дочери... Обязанъ я ихъ пристроить?.. Теперь сынъ, — сертучишко, сапожишки, шапочку, надобно ему?.. Такъ или нѣтъ-съ?

Мы сказали, что такъ.

— То-то и оно-съ!.. Н-нѣтъ, какъ можно!.. А вы вотъ, господя, научите насъ простыхъ людей, какъ тутъ быть... Мы вамъ спасибо скажемъ.

Научить мы не могли и отказались. Наставникъ засмѣялся и смѣгнулся.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, сказала онъ: — вотъ вы изъ Петербурга, все авось что-нибудь посоветуете... Хочу я, признаться, о воспособленіи попросить. Комитетъ, изволите видѣть, учрежденъ подъ предсѣдательствомъ генеральши Громыхаловой... И назначаютъ, милостивые государи, вспомошествованія или воспособленія учащимъ, въ видѣ единовременной выдачи. Какъ вы посоветуете?..

— Прошеніе подать надобно, сказала писарь.

— То-то прошеніе ли? обратился наставникъ къ намъ недоумѣвая.

— Должно быть.

— Гм... Да. Прошеніе... Ну, а въ томъ случаѣ, ежели рвеніе мое не будетъ уважено воспособленіемъ, могу ли я, безъ опасности, помощника попросить? Дескать, десять лѣтъ состою на должности, но силъ моихъ нѣту...

— А много у васъ учениковъ? спросилъ мой товарищъ.

— Да это учениковъ-то найдемъ какънибудь... Не Богъ-вѣсть... Это мы какънибудь... Я веду рѣчь въ тому, что неизвѣстно ли вамъ, не слыхали ли какъ-нибудь въ столицѣ-то, какое количество учащихся потреби дабы выдано было воспособленіе... Или бы на помощника?

— Нѣтъ, не слыхали.

— Гм! Были слухи, быто бы комплектъ двѣсти учащихся. Ну,

предположимъ, я до патисоть младенцевъ обозначаю, могу ли я въ то время претендовать безъ опасности? Даже, предположимъ, я и до шестисоть обозначаю младенцевъ?

— Зачѣмъ вамъ помощника-то? Вѣдь учениковъ не Богъ-вѣсть? сказалъ мой товарищъ.

— Не въ томъ!... Помощника не помощника, а все бы я охотнѣе пятьдесятъ-то цѣлковыхъ въ карманъ положилъ... Годится!... Вотъ расчетъ въ чемъ... Такъ какъ же, господа, насчетъ воспособленіевъ-то? Не присовѣтуете?

Мы ничего не могли присовѣтовать.

— Не знаете? Гм...

— Первымъ долгомъ прошеніе! повторилъ писарь.

Наставникъ думливо поглядѣлъ на него съ боку, придерживая рукою подбородокъ.

— Прошеніе? повторишь онъ. — Ну, предположимъ, и прошеніе. Превосходно, а ну-то, да вридерутся? Вѣдь нынѣшній народъ-то лужавъ и преогорчавшій.

— Придраться могутъ. Время строгое! сказалъ писарь.

— Вотъ то-то вотъ! Ну-ко, да намылать шею-то... Прошеніе, что такое? Подать можно; отчего не подать. А ну-ко, да вцѣплятся?... То-то брать!... Миѣ и самому частенько-таки въ голову забредаетъ—семъ, молъ, куда нибудь прошеніе... попрошу... авось... Иной разъ даже и очень тебя буровить: «подай! подай!» Ну, боюсь! Время лютое. Кажется, и ничего бы, а боишься... Кажется, и резоны есть, и законныя основанія, а подумаешь... и не ловко... Возьмемъ, наприимѣръ, хоть бы школу эту... Первое дѣло — староста дровъ жалѣетъ, слѣдовательно, есть предлогъ не пойти. Резонное дѣло. Второй пунктъ — училище есть дѣло благотворенія—хочу иду, хочу нѣтъ. Можно, стало быть, и совсѣмъ не утруждаться. Кажется, чего бы лучше? Какіе еще могутъ быть резоны? Хорошо. Вотъ и думаю я: семъ я помощника попрошу?... Селеніе многочисленное, и слѣдовательно, всѣ права я имѣю на помощника. И главнѣе имѣю въ расчетъ-то, что деньгами выдаютъ на помощника. Ну, и затѣешь прозбицу... все цѣлковыхъ тридцать, думаю себѣ; и затѣешь терминку... черничокъ, да вдругъ какъ влетитъ въ голову-то «придерутся», и сядешь! Что будешь дѣлать! Времена тяжкія! Все не въ ладъ.

Наставникъ со вздохомъ обвелъ насъ грустнымъ взоромъ, тревожно потеръ ладонями колѣна и присовокупилъ:

— А что это вы говорите, прошеніе, то дѣйствительно: иное время не знаешь, куда дѣться, такъ тебя и суетъ: «подай ко
Т. СLXXIX. — Отд. I.

владнѣ, подай въ земство, подай совѣту». Такъ тебя ровно кто по головѣ молотить, да приговариваетъ, потому, есть резони. Н-ну робогъ! Кажется, и не съ чего, а пугаюсь... Время не то!

И наставникъ глубоко задумался.

Все это онъ говорилъ необыкновенно нѣжнымъ дисантомъ, достаточно смигченнымъ въ глубинѣ жирнаго и короткаго горла. При помощи этого умилительнаго голоса и обворожительныхъ манеръ, напоминавшихъ, какъ уже сказано, «бабу», наставникъ предъявилъ публикѣ еще нѣсколько подобнаго рода сужденій, отъ которыхъ «свѣжій человекъ» легко могъ бы задумать о самоубійствѣ, еслибы принялъ въ расчетъ, что сужденія эти высказываются при постороннихъ, въ которыхъ, быть можетъ, скрываются ревизоры. Чтѣ же, стало-быть, хранится въ тайныхъ души этого наставника? какаго свойства тѣ соображенія, которыя высказываются въ семьѣ съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей?... Наслушавшись такихъ соображеній, мы вѣзлись-было въ шапки, какъ наставникъ торопливо подбѣжалъ къ окну, заведѣвъ кого-то на улицѣ, и почти съ благоговѣйнымъ испугомъ проназешь:

— Иванъ Абрамичъ! управляющій... нашей барыни... генеральши...

Писарь кашлянулъ и выпрямился, выказавъ попытку къ бѣгству, но наставникъ сказалъ ему:

— Куда ты?... ничего!...

— Разбойникъ первой степени! шепнулъ онъ намъ, торопливо оправляясь, и превративъ свое испуганное и, за минуту, грустное лицо въ умиленную улыбку, посиѣвши къ дверямъ, чтобы встрѣтить «разбойника».

Управляющій былъ человекъ лѣтъ сорока-пяти и обладалъ манерами, въ которыхъ видѣлась кака-то умышленная утѣсительность, желаніе вести себя погенеральски, то-есть многозначительно наклонять голову, снисходительно благодарить за предложенную попроску и въ то же время внушать собесѣднику страхъ. Завидѣвъ чужихъ людей, управляющій вопросительно взглянулъ на наставника, который тотчасъ же весьма кротко признась: «изъ Петербурга», кашлянулъ и взглянулъ вверхъ. Осанка и манеры управляющаго достаточно свидѣтельствовали о его пониманіи свѣта и людей; поэтому читателю будетъ ясно, что фраза «изъ Петербурга», подвергнутая вліанію этого пониманія, заставила управляющаго показать себя передъ нами въ полномъ блескѣ, во весь ростъ. Вслѣдствіе этого и были предъявлены публикѣ нижеслѣдующія слова и мысли.

Послѣ всѣвозвѣныхъ аматинскихъ фразъ: о здоровѣ супруговъ и дѣтокъ, о покаянствѣ, разговоръ перешелъ на настоящее время; управляющій поднявъ высоко голову, и поглядывая заискивающими глазами на слушателей, какъ это дѣлають профессора, довольно мелодическимъ голосомъ промолвилъ:

— По моему разумѣнію, я такъ полагаю, старинные порядки надоть шваркнуть объ уголь. Слѣдовательно, въ дребезги! Не такъ ли?

Управляющій посмотрѣлъ на слушателей, сидѣвшихъ справа и потомъ на сидѣвшихъ слѣва.

— Не такъ ли? прибавилъ онъ.

Всѣ изъявили полное согласіе.

— Объя уг-годь! закрывая глаза и встрахивая головою, сказалъ наставникъ.

— На томъ основаніи, продолжалъ управляющій: — что по-несреду пошелъ новый духъ и форматъ. Для того, намъ требуется, чтобы все, какъ бы сказать, вывернуть противъ прежняго. Будемъ говорить такъ: я погновалъ двѣсти пудовъ сѣна, предположить. Зная науку, я не долженъ этого опасаться, потому, въ то же время я получаю удобреніе. Справедливо ли?

— Да ужъ... Это дѣйствительно что... вполне! соглашался, пробормоталъ наставникъ.

— Слѣдовательно, я долженъ вводить новый порядокъ, фасонъ... Телеги у меня будутъ ѣздить въ поле съ флагами... Далѣе: устроивается деревянная башня для обзору; имѣемъ намѣреніе, съ теченіемъ времени, провести телеграфъ съ башни на колокольню и въ контору, дабы давать взаимные сигналы. Равно и для набатовъ. Еще-съ: теперь, даже сію минуту, поспѣвають моего изобрѣтенія грабли съ паровымъ краномъ... Извольте видѣть?

— Истинно хорошо! сказалъ наставникъ въ удивленіи. — До чего дивно, такъ это даже и... и... Водочка не угодно ли?

— Благодарю. Слѣдовательно, мы уже не можемъ оставаться при старыхъ порядкахъ; тѣмъ болѣе, что я съ работникомъ моего могу стребовать самую послѣднюю вахлю; ибо, коли ежели да при реформахъ... такъ вѣдь я его, шельму...

Но тутъ управляющій остановился; профессорское выраженіе его лица, умягченное притомъ сознаніемъ собственнаго достоинства, вдругъ, почти мгновенно, измѣнилось самымъ неожиданнымъ образомъ: скулы лица какъ-то перекосились и слово «шельма» едва пролѣзло между слатыми зубами. У оратора на

мгновение захватило дыханіе; онъ мгновенно опустился на диванъ и алчными глазами смотрѣлъ на дѣву и на наставника.

Въ комнатѣ настала минута оцѣпененія. И наставникъ, и писарь, и мы нѣкоторое время какъ-то тупо смотрѣли по разнымъ угламъ, испытывая надъ собою что-то весьма неопредѣленное и очень тяжелое.

Управляющій молча курилъ гитару, довольный каталепсіей слушателей, произведенной его рѣчами.

— Какъ вы полагаете, обратился онъ къ наставнику: — какого бы цвѣта флаги?

— Да ужъ зеленые, я думаю.

— Да такъ ли?... Ловко ли будетъ?

— Превосходно, что-есть ужъ... И къ тому же, казна предпочитаетъ.

— Казна? Гм...

Поговоривъ еще минуточку нять въ этомъ родѣ, управляющій величественно поднялся съ дивана, почтительно раскланялся съ молчавшимъ обществомъ и удалился. Мы собрались тоже уходить, ожидая возвращенія наставника, который почти на цѣноткахъ провожалъ своего гостя, бормоча необыкновенно заискивающимъ голосомъ: «приступочекъ... гѣсенка... ножку! Будьте здоровы! Дай Богъ вамъ!»

— Злодѣи! разбойникъ! какимъ-то зловѣщимъ шопотомъ заговорилъ наставникъ, торопливо возвращаясь въ горницу и оглядываясь на дверь. — Разорилъ, всѣхъ разорилъ! и баринню-то оплетаетъ! и ее по міру пустить... Этакого злодѣя, этакого змѣя...

Наставникъ въ волненіи ходилъ по горницѣ.

— Что же вы баринѣ не скажете? спросилъ мой товарищъ.

— Сохрани васъ царца небесная! З-защити васъ Богъ!... Чтѣ вы? Да онъ меня и со всей семьей-то въ гробъ вгонить... Что вы это!... Какъ это можно... Этакого игемона, этакого душегуба...

— Вамъ же хуже!

— Мнѣ? Я его другимъ манеромъ свергну... Онъ мнѣ за много сдѣлалъ... много! Ну, и я ему poradѣю... Я напрямикъ не пойду, а мы набросаемъ терминку-письмецо въ Тифлисъ генеральшѣ Палиловой... она нашей баринѣ родня; а она тайными путями дастъ знать въ Першь въ родной сестрѣ нашей-то владѣтельницы, а та ужъ ей... Такъ оно какъ будто бы и невѣдомо мнѣ... Ужъ я ему... А напрямикъ, нѣтъ: онъ злодѣй, зло-

дѣй, а все пригодится... У меня семейство... Мнѣ слѣдуетъ не ко вреду его поступать, но къ пользѣ.

Наставникъ до того увлекся планами сверженія управляющаго въ пользу собственнаго семейства, что не удерживалъ насъ, когда мы окончательно собрались уходить.

— Куда же вы-съ? спросилъ онъ какъ-то вяло, и въ глазахъ его видѣлась посторонняя мысль. — Ну, счастливаго пути... Дай Богъ вамъ!... Поѣдете обратно, милости прошу!... присту-почекъ... Ваня! проводи господъ отъ собакъ.

Франтовитый мальчикъ лѣниво пошелъ рядомъ съ нами.

— Вы въ семинаріи учитесь? спросилъ мой товарищъ.

— Да.

— Что же у васъ, какъ теперь тамъ?

— Обыкновенно. Что же можетъ быть тутъ интереснаго?

— Очень много. Напримѣръ, чѣмъ вы занимаетесь?

— Что же можетъ быть тутъ интереснаго? Обыкновенно...

Вы эту палку гдѣ купили?

— Въ Петербургѣ.

— Много ли дали?

— Полтора цѣлковыхъ.

— Э-эхъ вы! укоризненно сказалъ мальчикъ. — А еще изъ Петербурга. Хотите, я вамъ такую палку за гривенникъ куплю? Угодно вамъ? Вы не вѣрите... Не угодно ли объ закладъ. Съ васъ двадцать копеекъ. Угодно?

— Нѣтъ, зачѣмъ же.

— Ну, хорошо. Если я вамъ такую палку куплю за гривенникъ, вы свою мнѣ отдадите?

— У меня вѣдь есть палка. Зачѣмъ же мнѣ?

— Да вы передали. Я ихъ — всѣхъ лавочниковъ знаю.

Копейки и гривенники сыпались изъ дѣтскихъ устъ довольно долгое время, но мы уже не слушали этого пріятнаго лепета и не замѣтили, какъ проводникъ нашъ отсталъ.

На крыльцѣ школы по-прежнему сидѣлъ старикъ и замахи-зался надкой на какую-то деревенскую бабу, которая съ ребенкомъ на рукахъ тихо шла мимо него. Баба была неряшливая, грязная; грубый ходетъ ее костюма и трапки, въ которыя былъ завернутъ ребенокъ, были до того грязны, что казались вымазанными сажей. Баба даже не улыбнулась на угрозу старика; по лицу ее видно было, что она едва-ли и слышала ту угрозу — она тихо и задумчиво шла босыми ногами по сырой тропинкѣ, укачивая ребенка и на голосъ: «выростишь велика, будешь въ золотѣ ходить» — тихо пѣла пѣсню:

Дурень, дурень мой кисель
Дурень, жарень — дя хоронь...

— Ба-а-а!

Я поставила кисель
На вчерашней на водѣ...
Какъ вчерашняя вода
Незакрытая была:
Тарелки надоели
Сверчки ножки полоскали...
Накрывала полотномъ
Назавечочкой худой...
Назавечочка худая
Подъ ребеночкомъ лежала,
Ровно три года гнила...

— О, да спи, пропасти на тебя нѣтъ!.. раздраженно закричала она, перешибирывая ребенка съ одной руки на другую.

Баба долго шла за нами и долго пѣла эту пѣсню, въ которой воспѣвалась доброкачественность отечественнаго киселя; единственное существо, рассказывала пѣсня, которое, не задумываясь, принялось за эту пищу—была «косорылая» свинья; но и та, отвѣдавъ киселя, отправилась «гулять, свое рѣло замывать...» Далѣе рассказывалось, что «она рѣла же вымгла, только воду возмутила». Свойства киселя произвели глубокое негодование даже въ рыбахъ...

Одна рыба ушла
Въ Тулу просьбу подала...

Въ Тулѣ первымъ долгомъ задаютъ ей вопросъ: «За что ее бить? за что колотить?» и пѣсня оканчивается.

Больше намъ незначѣмъ было ходить по селу. Мы случайно познакомились со всѣми партіями общества села N. Кромѣ весьма живучей партіи тухлаго киселя, видѣли мы ретроградъ, одиноко умиравшихъ въ одинокомъ уголкѣ, съ сожалѣніями о ременныхъ кнутяхъ покойника барина; видѣли болѣе молодыхъ представителей этого направленія, имѣющихъ видъ «на воспособленіе» своимъ поощрять въ безотвѣтному захвату чужихъ курь, ожидающихъ даже признательности отъ помочниковъ тухлаго киселя. Видѣли либераловъ, рекомендующихъ сначала спроситься, а потомъ ужъ оторвать голову чужой курицы. Видѣли даже промечныхъ подростковъ, которые, проворостая подъ охраною всѣхъ внешневозможныхъ направленій и взглядовъ, дажно превосходить своихъ учителей, ибо чуть не съ дѣтскаго возраста знаютъ ужъ, гдѣ можно кунить коронную палку...

«Больше намъ ничего было видѣть, и мы пошли домой...»

Между проезжающими, собравшимися на Гвоздевскомъ подворьѣ, было замѣтно сильное уныніе, даже нѣкоторое отвращеніе другъ къ другу. Тотъ человѣкъ, который называется попутчикъ, — хорошъ, даже незамѣнимъ нѣкимъ другомъ, если сходишься съ нимъ на минутку, на полчаса, за чайнымъ столомъ на одинокой почтовой станціи; дорога, барушанъ проезжаго человѣка нодъ свою занцту, помѣщающая его между тѣми безобразіями, отъ которыхъ бѣжить человѣкъ, и тѣми, къ которымъ онъ стремится, властительно освобождаетъ его душу отъ этихъ безобразій; обставляетъ его далекими полями, глубокими снѣгами, лѣсами, и густятъ въ сердцѣ его все, что уплыло въ немъ своего, дорогого, все что осталось въ немъ послѣ расцлаты съ тѣмъ, отъ чего бѣжить онъ... Ни съ кѣмъ изъ соотечественниковъ монкъ — ни съ мужикомъ, ни съ купцомъ, ни съ чиновникомъ — нельзя ближе сойтись, ближе узнать его и большею частію полюбить его, какъ въ дорогѣ. Попутчикъ терлетъ всю свою прелесть, какъ только, доѣхавъ до мѣста, разстанешься съ нимъ и на другой день увидишь его идущимъ съ портфелемъ въ палату или сидящимъ въ лабазѣ. Не узнаешь его въ эти минуты, и не хочется какъ-то узнать его. Пріятныя отношенія попутчиковъ коротки и скоропреходящи, на томъ основаніи, что «за расцлатою», у нихъ остается очень немного, — мелочь, которая пріятно расходуется на первомъ постояломъ дворѣ за самоваромъ, и потомъ уже ничего не остается; остается, правда, возможность предьявлять тѣ мысли и сужденія, какія предьявилъ намъ управляющій, наставникъ, старикъ и проч. Но не всякому охота дѣлится этими мыслями, особенно въ дорогѣ.

Поэтому-то на Гвоздевскомъ подворьѣ и царствовало всеобщее уныніе. Общество, собравшееся здѣсь, хотъ и могло выражаться нѣсколько грамотнѣе наставниковъ и управляющихъ, но будучи еще такъ недавно связано пріятными отношеніями попутчиковъ, не хотѣло портить этихъ отношеній заявленіями, собственными откровенности простыхъ необразованныхъ людей; все же, что было *своею* — все это было переговорено нѣсколько разъ и надобно. Интересы общества снова было направилась къ разрѣшенію вопросовъ: «Почему нѣтъ перевозовъ?» — «Такъ нѣтъ перевозовъ-то?», но и это опротивѣло. Настало какое-то отвращеніе другъ къ другу, апатія, которая какъ эпидемія охватила, ~~нѣтъ~~ съ проезжающими, и коренныхъ обывателей подворья староста уже не дрожалъ передъ проезжимъ, громко кричавшимъ, что у него важная подорожная; онъ развалился въ корридорѣ

на полу и спать, отряписто и небрежно стелился съ пресеновъ; «Нѣтъ проѣзду; больше ничего». «Человѣкъ», выказавшій вчера столько энергій, дремалъ стоя у буфета и обкладывая какую-то вѣсть, несмотря на то, что изъ разныхъ пунктовъ раздаются возгласы: «Когда же это наконецъ? Человѣкъ!.. Что же это такое?..»

— «Подождешь!» говорилъ онъ, обкладывая вѣсть, и легъ на конный свѣтъ. Точно такъ же поступала и другая прислуга, стараяшаяся болѣе забраться на печку и отдохнуть, нежели угождать...

Духъ корыстолюбія, овладѣвшій вчера хозяиномъ Гвоздеваго подворья, теперь исчезъ подъ влияніемъ довольства и всеобщей апатіи. Пожилой хозяинъ съ румяными щеками вслѣдствіе пріятельской выпивки, сидѣлъ въ своихъ покояхъ, съ нѣсколькими пріятелями, и притворялся слушать соловья, котораго только что принесъ какой-то чорный и худой человѣкъ.

— Ну-ка! Ваня! говорилъ хозяинъ:— тронь вилочкой-то.

Ваня дергалъ вилкой объ столовый ножикъ...

Соловей копошился внутри влѣтки... Слушатели сперва безмолвствовали.

— Ну-ся... еще!.. задохнувшись шепталъ хозяинъ.

— Господинъ хозяинъ! кричалъ проѣзжающій, вбѣгая: — сдѣлайте одолженіе... Что это такое?.. Никого не дозовешься...

— Будьте покойны!.. Пожалуйте въ горницу... Сію минуту пришлемъ...

— Пожалуйста, что это... Это чортъ знаетъ...

— Не извольте беспокоиться... Пожалуйте... Ваня! тронь!..

— Принесло лѣшаго!.. говорили слушатели... Совсѣмъ-было соловей-то задумался... Чтобъ ему...

— Ваня! тронь... Шерманку тронь... разздорь...

Раздаются послѣдніе звуки маленькой жармаки.

— Вилочкой! Илья... возьми вилку-то...

— Это чортъ знаетъ что такое! влѣтаетъ новый проѣзжій.

— Будьте покойны!.. пришлемъ..

Итакъ далѣе. Апатія всѣхъ ко всѣмъ увеличилась по мѣрѣ приближенія къ вечеру, до того, что никто не хотѣлъ ни идти, ни звать, ни услуживать, ни сердиться... Всѣ осовѣли и легли спать... Но и спать никто не могъ и не хотѣлъ...

Наконецъ, на слѣдующій день, рано утромъ, по корридору подворья шелъ какой-то человѣкъ и громко говорилъ:

— Господа! пожалуйста! Перевозъ открытъ! Рѣка очистилась!..

Началась возня и суматоха. Всѣ проѣзжающіе, давя другъ друга, бросились съ мѣшками и чемоданами изъ своихъ нумеровъ; на дворѣ звенѣли бубенцы и звякали колокольцы подъ дугами, вскидываемыми на лошадей.

Погода была пасмурная. Мелкій дождь моросилъ не переставая. Поверхность рѣки очистилась, но на срединѣ ея все еще видѣлась узенькая, словно пѣна, полоска мелкихъ льдинъ. На берегу была грязь, достаточно взмѣшенная лошадьми, колесами и людьми. Народъ толпами валилъ съ берега въ большія лодки, въ которыхъ начальство распорядилось перевозить проѣзжихъ.

— Осторожнѣй, господа! Сдѣлайте милость, не вдругъ!.. кричалъ кто-то съ берега, но его не слушали.

Шумъ и гамъ были значительны.

— Отваливай!.. Съ Богомъ! слышалось наконецъ.

Одинъ изъ гребцовъ, натуживаясь, отпихнулся отъ берега; лодка наша какъ будто осѣла къ низу и поплыла.

Весла работали неутомно; проѣзжающіе большею частію стояли и молча смотрѣли на воду... Дно лодки было завалено тюками, чемоданами, шляпными футлярами, зонтиками. По всѣмъ этимъ предметамъ, весьма нетвердыми ногами, похаживалъ какой-то мастеровой и звалъ какого-то Сеню...

— Сень! шепталъ онъ, проваливаясь между чемоданами.

— Ты, братъ, поосторожнѣй! говорили ему.

— Будте покойны. Сень...

— Оставь! Не угомонился!.. сказалъ ему трезвый мастеровой, должно быть Сень:—ты шатаешься изъ угла въ уголь.

— Чтѣ сважу-то! Другъ! Милчѣвъ! Послушно-сь, чтѣ сважу-то?

— Ну?

— Сватался!.. Чуешь? Эшь и дѣвица, братъ ты мой!.. Но не дѣвица, н-но ангелъ!.. Не пошла!.. Братъ! Слышь, ай нѣтъ?..

— Слышу.

— Ну, не пошла: потому черезъ сапоги... Топокъ опоекъ попался... Больше ничего!.. Московскій!.. Пон-нимаешь?.. Сва-тался;—авгурать въ крещенье... Мррозъ!.. Чулокъ тонкій, са-могъ тонкій... Повада дошоль — окоченѣлъ. Н-ну, и грѣлся... Больше ничего!

— Ну?..

— Ну, по кабакамъ грѣлся-то... И догрѣлся, повѣта ровно полѣно... Понимаешь?.. Тыкъ она ахнула... невѣста-то!.. Какже! Благороднѣйшая дѣвица, потому ни руками, ни ногами своего владѣнія не имѣлъ... Больше ничего!..

Мастеровой помолчать, сметри вопросительно въ глаза товарища, и, покачываясь на какомъ-то чемоданѣ, проговорилъ:

— Он-ни, савожи-те и приахтительныи вышли... в-ну жидки!.. Товаръ попался шаферскій — мексовскій. Не вошла! Кабы мнѣ вытяжнова зацѣпты!..

Въ это время нога его соскочила съ чемодана и онъ грушею шлепнулся.

— Послушайте, что же это наконецъ? сердце проговорило нѣсколько голосовъ.—Вѣдь это чортъ знаетъ что такое... Вѣдь этакъ можно перевернуть лодку...

— Будте спокойни!... слышалось изъ глубины чемодановъ, гдѣ ворочался мастеровой...

— Лѣжи! сказала ему Сеня:—на шевелись!...

— Пам-милуйте!...

— Лѣжи, говорю!...

— Никто не сметрять!... обиженно говорилъ какой-то господинъ въ клеенчатомъ картузѣ, съ вспитымъ, хотя и не старымъ лицомъ... Ни одинъ шагъ вашъ не обезпеченъ такъ, чтобы вы могли быть покойны за свою жизнь...

— Дѣйствительно! отвѣчали ему.—Богъ знаетъ, что такое!... Вѣдь онъ насъ могъ всёхъ опрокинуть!..

— И кромѣ того, самъ народъ положительно лишонъ какого-нибудь пониманія... Не говорю о вѣжливости... Тутъ, какъ хочешь, невольно предпочтень сторониться отъ всего русскаго...

Отвѣта на это не послѣдовало. Молодой человекъ въ клеенчатомъ картузѣ былъ слегка взволнованъ.

— Я объѣхалъ всю Европу, сказалъ онъ, не обращаясь собственно ни къ кому: — и рѣшительно не припомню ни одного столкновенія, даже съ грубою массою, которое бы не оставило во мнѣ болѣе или менѣе пріятное впечатлѣніе... Однако, вдругъ обрывая рѣчь, быстро проговорилъ онъ: — посмотрите, на томъ берегу только двѣ кареты... А насъ, пассажировъ, на шесть дилижансовъ...

— Какъ-нибудь, тамъ... навѣрное, сказалъ-было кто-то, не тотчасъ же прибавилъ:—кондукторъ! Послушайте,—куда же насъ дѣнуть? тамъ двѣ кареты...

— Должна быть депеша! робко произнесъ кондукторъ, находившійся здѣсь же.—Мы даемъ телеграмму... телеграфируемъ...

— Должно быть, тамъ депеша! заговорили въ толпѣ. Клеенчатый картузъ пріятально смотрѣлъ на ничтожное количество дилижансовъ, видѣвшихся на берегу.

Потому мы желаемъ угодить проезжающимъ! шепталъ кондукторъ... Намъ тоже хлѣбъ надо...

Но мѣръ приближенія къ полоскѣ льда, тянувшейся по срединѣ рѣки, и обмывавшейся довольно широкою, гребцы дружице работали веслами, лодка неслась и съ шумомъ, на всемъ ходу, перервала эту цѣпь льданъ, карапавшихъ ея бока.

— Слава Богу! сказали всѣ.

Скоро мы были на берегу. Дешечи никакой не оказалось. Дилижансовъ было только два, — а съ той стороны перевезти не было возможности. Какой-то приващикъ отъ конторы почтовыхъ каретъ держалъ съ бумажной и карандашемъ въ рукѣ, говорилъ — «будьте покойны», подходилъ къ каретамъ, опять говорилъ «не извольте беспокоиться»... и опять шелъ куда-то. Очевидно, онъ отыскивалъ смыслъ въ собственныхъ своихъ поступкахъ; но такъ-какъ усадить тридцать-шесть человѣкъ въ двѣ кареты было невозможно, то весьма ясно было видно, что смысла въ своихъ поступкахъ отыскать ему трудно, даже невозможно. Не желая долѣе оставаться въ области безтолковщины, и имѣя въ виду тотъ резонъ, что мы, то-есть купецъ, я и другіе пассажиры нашего дилижанса ждемъ перевоза почти два дня, т.-е. болѣе другихъ дилижансовъ и пассажировъ, пріѣхавшихъ послѣ насъ, — мы заняли свои мѣста въ первомъ попавшемся дилижансѣ, и ожидая ямщика, слушали, какая идетъ перепалка изъ-за мѣстъ между тридцатью остальными пассажирами.

Вдругъ съ боку нашей кареты появилась фигура въ клеенчатой шапкѣ, объѣхавшая Европу. Господинъ этотъ посмотрѣлъ сначала на меня, потомъ на купца и говорилъ:

— Г. купецъ, я бы васъ попросилъ уступить мнѣ мѣсто.

— Самимъ требуется...

— Что же это наконецъ? Требуется! Я деньги заплатилъ за внутреннее мѣсто, должны же дать мнѣ хоть наружное-то...

— Мы тоже не задаромъ ѣдемъ.... Ты иди къ своему мѣсту...

— Я съ тобой вѣжливо говорю...

— Ды-тъ и мы тебѣ отвѣчаемъ вѣжливо! Кто ты такой — я не знаю... Говорю, деньги заплачены... Ищи своего мѣста... Я на своемъ сажу...

— Я уступилъ дамѣ! понимаешь ли ты, невѣжа! Слышишь или нѣтъ! Женщинѣ уступилъ, свинья ты этакая.

— Понимаемъ, — да ты небольшо ори-то!... Я не погляжу, что ты баринъ-то... мы деньги...

— Кондукторы! Кондукторы! вавоцьць баринь.—Г-нъ Кондукторы!...

— «Скандалъ!» подумалъ я, и почувствовалъ, что даже такое ничтожное дѣло, какъ наша дорожная остановка, — окончено достойнымъ образомъ. Это совершенно успокоило меня, и я уже не слушалъ или не вслушивался въ дальнѣйшій ходъ исторіи; но дорогой, когда мы снова выѣхали на шоссе, среди пріятной дремоты, въ головѣ моей иногда шевелилась мысль, что должно быть за границей лучше... какъ объ этомъ говорилъ клеенчатый картузь.

Глава Успинской.

Р А З С К А З Ы

ИЗЪ ИСТОРИИ ПОСЛѢДНЯГО ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЯ (1816—1866).

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ *

1816—1830.

3. Испанія и ея колоніи. Португалія и Бразилія.

Конституція 1812 года. Характеръ короля Фердинанда. Отмѣна конституціи (4-го мая 1814). Камарилья. Возстаніе въ Испаніи въ теченіе втораго десятилѣтія XIX вѣка. Революція начинается возстаніемъ Ріего (1-го января 1820). Побѣда либераловъ въ Мадридѣ и во всей Испаніи. Провозглашается конституція 1812. Продажа церковныхъ имуществъ; владычество радикаловъ. Фердинандъ взываетъ къ Франціи о помощи. Веронскій конгрессъ (1822, октябрь). Вопросъ о вмѣшательствѣ Франціи рѣшенъ. Кортесы удаляются въ Андалузію. Герцогъ Ангунемскій покоряетъ Испанію. Торжество реакціи. Донъ-Карлосъ и апостолическая партія. Отмѣна салическаго закона о престолонаслѣдіи. Марія-Христина и королева Изабелла. Освобожденіе американскихъ колоній Испаніи. Португалія подъ властію лорда Бересфорда. Революція въ Португаліи и Бразиліи. Король Іоаннъ присягаетъ конституціи. Реакціонныя стремленія королевы Карлотты и Донъ-Мигуэля. Отпаденіе Бразиліи отъ Португаліи. Королева Марія да-Глорія. Тираннія Мигуэля. Борьба приверженцевъ конституціи съ Донъ-Мигуэлемъ. Торжество Донъ-Педро. Возстановленіе конституціи.

Испанцы со славою выдержали борьбу съ Наполеономъ Но, свергнувъ чужеземное иго, они не хотѣли подчиниться старому, туземному гнету: силы народа и сознаніе собственнаго значенія возросли въ долгіе годы тяжкой, но героической борьбы; люди, нещадившіе своей жизни для защиты своей родины, считали себя въправѣ принять участіе въ управленіи страной. Такихъ людей было много, но все же они составляли меньшинство съ сравненіемъ съ массами, которыя были вѣрны преданіямъ старины.

Впрочемъ, еще во время борьбы съ французами, именно въ 1812 году, образованному меньшинству удалось выработать и

* См. «Отеч. Зал.» 1868, № 5.

провести въ жизнь націи конституціонное государственное устройство. Кортесы, собравшись, по приглашенію центральной ювты, въ Кадиксъ, обнародовали (18 марта 1812 года) конституцію, которая, какъ мы видѣли, нашла себѣ сочувствіе въ Неаполѣ и Пиемонтѣ. Считаемо не лишнимъ передать сущность этой знаменитой конституціи въ краткихъ словахъ.

1) Дворянство удерживаетъ всѣ свои титулы, но теряетъ привилегіи, какъ надпримѣръ, право суда, соединенное прежде съ обладаніемъ крупною поземельною собственностію.

2) Католичество признается государственною религіей, но инквизиція прекращаетъ свое существованіе; число монастырей уменьшается; часть церковныхъ имуществъ поступаетъ, какъ собственность націи, въ распоряженіе государства; десятина въ пользу духовенства отмиается.

3) Парламентъ (по испански *кортесы*) долженъ собираться ежегодно и не раздѣляться на верхнюю и нижнюю палаты, а составлять одну камеру представителей народа.

4) Гласность парламентскихъ преній и свобода печати должны быть незыблемы.

5) Монархическая власть остается, но ограничивается парламентомъ, котораго король не имѣетъ права ни распустить, ни отсрочить. Безъ согласія парламента не можетъ состояться ни одно королевское рѣшеніе по вопросу внѣшней политики. Кортесы опредѣляютъ, сколько войскъ должно содержать государство, какіе взимать налоги. Кортесы же имѣютъ право вѣтовать и издавать законы. Троекратное рѣшеніе кортесовъ имѣетъ силу закона.

6) Кортесы наблюдаютъ за сохраненіемъ этой конституціи и имѣютъ право предавать министровъ суду за ея нарушеніе.

7) Въ теченіе восьми лѣтъ конституція должна оставаться безъ всякихъ измѣненій.

Такое-то государственное устройство существовало въ Испаніи въ то время, когда изъ французскаго плѣна возвратился на родину король Фердинандъ. Фердинандъ VII былъ человѣкъ весьма ненадежный. Чуждый всякихъ высшихъ человѣческихъ интересовъ, недовѣрчивый ко всѣмъ, сколько нибудь сильнѣйшимъ людямъ, трусливый до раболѣпія предъ личностями, отъ которыхъ сколько нибудь зависѣлъ, жестокой до безчувственности тамъ, гдѣ не было ему сопротивленія, этотъ король принадлежалъ къ самому низшему сорту Бурбоновъ. Въ мартѣ 1814 г., онъ, послѣ долгаго отсутствія, увидѣлъ родную землю. Имѣя причины не спѣшить въ Мадридъ, король остановился въ Валенсіи и здѣсь издалъ рядъ указовъ въ реакціонномъ духѣ.

Манифестомъ 4-го мая 1814 года король объявилъ конституцію 1812 года отиѣженною, парламентъ распущеннымъ и обѣщалъ, вмѣстѣ того, возстановить старинную конституцію, а также хранить безопасность личности и собственности гражданъ и свободу печата. Несмотря, однако, на всѣ эти обѣщанїя, генераль Эгіа, прибывшій въ Мадридъ ночью 10-го мая, арестовалъ всѣхъ членовъ регентства, четверыхъ министровъ, многихъ членовъ парламента и другихъ, пользовавшихся хорошею извѣстностію людей, числомъ около сэмидесяти. Впослѣдствїи нѣкоторые изъ нихъ были осуждены на продолжительное тюремное заключенїе, нѣкоторые же — на изгнанїе. Одинъ дерзкій журналъ, «Atalaya» требовалъ «висѣльницъ безъ допроса и суда для всѣхъ либераловъ». Народъ оставался, повидимому, равнодушнымъ ко всѣмъ новымъ распоряженїямъ короля, мало тогда встрѣтилъ его съ восторгомъ въ Аранжуэцѣ, а при вѣздѣ короля въ Мадридъ толпа отпрягла королевскихъ лошадей и повезла на себѣ Фердинандову коляску.

Король, несмотря на свое обѣщанїе, не думалъ о созванїи старинныхъ кортесовъ, которые своею уступчивостїю и работѣнїемъ превзошли бы палаты господъ и прелатовъ въ сѣверной Германїи. Онъ былъ въ рукахъ придворныхъ, большею частїю, совершенно невѣжественныхъ, которые въ соединенїи съ нѣкоторыми дамами, составили такъ-называемую «гамарилью», правительство льстецовъ и прислужниковъ. Изъ этой-то атмосферы исходили тѣ реставраціонные эдикты, которыми вводилась строжайшая цензура и узаконивалось освобожденїе дворянства и духовенства отъ налоговъ. Немедленно возстановленъ былъ королевъ иезуитскїй орденъ, введена вновь инквизиція съ ея пытками, возвращены царьки проданныя церковныя имущества безъ вознагражденїя лицамъ, купившимъ ихъ. Преслѣдованїе подозрительныхъ людей продолжалось. Такіе люди, какъ Кальво де-Розасъ, принадлежавшій къ самымъ мужественнымъ защитникамъ Сарагоссы, многіе генералы, выказавшіе, во времена войнъ за освобожденїе, чудеса храбрости, были заключены въ тюрьму. Всякій, кто принадлежалъ къ конституціонной партїи и къ «жозефиносамъ», то-есть приверженцамъ короля Іосифа Бонапарте, ни на минуту не былъ увѣренъ въ собственной безопасности, между тѣмъ какъ работѣнныя, «Serviles» торжествовали. Шесть лѣтъ продолжалось такое владчество произвола, и въ эти шесть лѣтъ упало земледѣліе, обѣднѣла промышленность, и казна оскудѣла до такой степени, что нищенство, воровство и грабежъ сдѣлались весьма распространенными ремеслами: не-обутые офицеры просили милостыни, а въ портовомъ городѣ

Феррогъ два моряка умерли съ голоду. И въ это самое время правительство снаряжало экспедициѣ съ цѣлю вновь поработить отпавшія отъ Испаніи южно-американскіи колоніи. Но та самая Испанія, которая въ XVI столѣтіи владѣствовала надъ морями, теперь не имѣла уже флота и должна была обратиться къ императору Александру съ просьбою — продать ей два обветшавшихъ корабля. Уже одно жалкое финансовое положеніе страны, долгъ которой увеличился въ пять лѣтъ на два милліарда реаловъ, должно было, по отзыву англійскаго посланника, непременно вызвать революцію. Но при всемъ этомъ, правительство продолжало держаться системы устрашенія и не переставало заключать въ тюрьму и казнить людей подозрительныхъ. Уже въ 1816 г. въ Испаніи было болѣе 50,000 человекъ; заключенныхъ въ тюрьмы за политическіе проступки.

Люди, много послужившіе отечеству въ 1812 г., не могли равнодушно переносить бѣдственное положеніе и униженіе Испаніи. Ихъ недовольство выразилось въ теченіе шести лѣтъ (1814 — 1819) девятью возстаніями, которыя, не имѣя между собою связи, легко были подавлены. Такъ въ 1814 году въ Пампелонѣ поднялъ знамя возстанія знаменитый предводитель гверильсовъ, Мина, но долженъ былъ бѣжать во Францію. Въ слѣдующемъ году Діацъ Порлье, въ обильной монахами Галиціи, сталъ принимать народъ къ свободѣ, но долженъ былъ заплатить за свою смѣлость на висѣлицѣ. Въ 1817 году, генералъ Ласи возсталъ противъ правительства въ Каталоніи, но былъ схваченъ, отправленъ на островъ Майорку и тамъ разстрѣлянъ. Полковникъ Видалъ, въ концѣ 1818 года, составилъ заговоръ въ Валенсіи, но попался въ руки Эліо, который велѣлъ его вмѣстѣ съ 12 соумышленниками предать казни; одна заподозрѣнная въ заговорѣ женщина, только что разрѣшившаяся отъ бремени, была запытана до смерти.

Но возстанія, подобно головамъ Медузы, несмотря на пытки, аресты и казни, поднимались снова, благодаря усиліямъ масоновъ. Благопріятною для новаго возмущенія мѣстностію казался Кадыксъ. Здѣсь давно уже собранъ былъ экспедиціонный корпусъ, назначенный къ отправленію въ Буэносъ-Айресъ. Общее недовольство американскими экспедиціями и моровая язва, свирѣпствовавшая въ назначенномъ къ отплытію войскъ, давали заговорщикамъ поводъ начать возстаніе. Графъ Абисбаль, начальствовавшій надъ экспедиціоннымъ корпусомъ и игравшій роль то слуги правительства, то заговорщика, наконецъ прервалъ всѣ связи съ заговорщиками и арестовалъ своихъ собственныхъ офицеровъ. Тѣмъ скорѣе хотѣло правительство отпра-

вить подальше ненадежныя войска. Послѣдовало высочайшее повелѣніе. Солдаты, убѣжденные въ невозможности поработить американскія колонїи, считали себя обреченными на вѣрную смерть, а имъ очень не хотѣлось умирать безъ всякой пользы.

Начальникъ батальйона, которому прежде другихъ надлежало отплыть въ Америку, Рафаэль Ріего, въ 8 часовъ утра новаго (1820) года, провозгласилъ въ присутствїи солдатъ конституцію 1812 года, быстро напалъ на новаго начальника, графа Кальдерона, захватилъ всю его главную квартиру и съ четырьмя батальйонами направился къ Кадиксу. Благодаря недостатку энергіи у полковника Квируги, печальное нападеніе инсургентовъ на Кадиксъ было безуспѣшно. Дальнѣйшія попытки овладѣть Кадиксомъ также не удались, благодаря осмотрительности коменданта Фрейре, и нетерпѣливый Ріего рѣшился съ 1,500 человекъ поднять Андалузію. Преслѣдуемый королевскимъ генераломъ О'Доннелемъ, равнодушно встрѣчаемый народомъ, онъ долженъ былъ бѣжать въ Сьерра-Морену, гдѣ небольшой отрядъ его приверженцевъ разбрелся окончательно. Въ Кадиксѣ дѣло инсургентовъ казалось совершенно потеряннымъ. Постыдное вѣроломство генерала Фрейре, который обѣщалъ жителямъ этого города конституцію 1812 года, но потомъ выпустилъ на обрадованную этимъ обѣщаніемъ толпу свое войско, положило конецъ надеждамъ приверженцевъ конституціи, и притомъ въ ту самую минуту, когда въ Мадридѣ дѣло либераловъ совершенно удалось.

При извѣстїи о возстанїи Ріего, генералъ Мина воротился изъ Франціи, прибылъ въ Новару и былъ съ восторгомъ принятъ войсками. Королевскіе генералы нигдѣ не могли рассчитывать на вѣрность своихъ войскъ. Графъ Абисбаль, въ Ованнѣ, отстоящей на три часа пути отъ Аранжуэца, призвалъ батальйонъ своего брата къ борьбѣ за конституцію и сталъ во главѣ возмущившихся солдатъ. Какъ скоро возстаніе подошло такъ близко къ Мадриду, правительство потеряло всякое присутствїе духа. Народъ сильно волновался. Фердинандъ готовъ былъ уже на уступки и (6-го марта) обѣщалъ созвать парламентъ по старому обычаю; но всѣ знали, что онъ то же самое обѣщалъ 4-го мая 1814 года и не сдержалъ своего слова. Тронъ Фердинанда былъ въ опасности; чтобы спасти его, было необходимо вполнѣ уступить народнымъ требованїямъ. И вотъ, 7-го сентября, король объявляетъ свою рѣшимость присягнуть конституціи 1812 года, и уже 9-го числа того же мѣсяца, въ присутствїи городского совѣта и ворвавшихся во дворецъ вождей народнаго движенія, даетъ эту присягу. Королю такъ мало довѣряли, что сочли необходимымъ, для наблюденія за его дѣйствїями, учредить юнту,

впредь до открытія парламента. Эта юнта немедленно разогнала всю камарилью, выпустила на волю всѣхъ политическихъ арестантовъ, возстановила свободу печати, заставила войско присягнуть конституціи, и такимъ образомъ взяла въ свои руки почти всю государственную власть. 12-го марта праздновалось возстановленіе конституціи; процессіямъ, иллюминаціямъ, боямъ быковъ, казалось, конца не будетъ.

Немедленно, всѣ высшія правительственныя, всѣ министерскія мѣста заняты были приверженцами конституціи, частію людьми, только что освободившимися отъ тюремнаго заключенія или воротившимися изъ ссылки. 9 іюля король открылъ парламентъ и во второй разъ присягнулъ конституціи.

Въ странѣ, гдѣ образованіе коснулось лишь высшихъ слоевъ общества, гдѣ народъ до такой степени какъ въ Испаніи привыкъ ходить на помочахъ, задача парламента была трудна въ высшей степени. Всего затруднительнѣе было ввести порядокъ и экономію въ финансы. Чтобы сколько нибудь улучшить финансовое хозяйство должно было прибѣгнуть къ продажѣ церковныхъ имуществъ, а потому скоро многіе монастыри были упразднены, многіе монашескіе ордена уничтожены; орденъ іезуитовъ долженъ былъ прекратить свою открытую дѣятельность въ Испаніи, имущество упраздненныхъ монастырей объявлено было достояніемъ народнымъ, подлежащимъ продажѣ. Это возбудило недовольство духовныхъ лицъ, особенно епископовъ. Самъ папа, въ особомъ письмѣ къ королю, защищалъ дѣло іезуитовъ и духовенства; король протестовалъ противъ продажи церковныхъ имуществъ; но кортесы не уважили ни папскаго ходатайства, ни королевскаго протеста. Мало того, Фердинандъ долженъ былъ удалить отъ себя своего духовника, заявить парламенту, что назначеніе мадридскимъ комендантомъ Карвахала было однимъ лишь недоразумѣніемъ и возвратиться изъ Эскуриала въ Мадридъ. На этотъ разъ, пріемъ, оказанный Фердинанду столичнымъ населеніемъ, былъ холоденъ, даже враждебенъ. Съ балкона своего дворца король могъ видѣть, какъ нѣкоторые изъ толпы брали на руки сына разстрѣляннаго Ласи и слышать, какъ многіе кричали: «да здравствуетъ мститель за смерть отца!» Король, который находился въ положеніи Людовика XVI, возвращавшагося въ послѣдній разъ изъ Версаля въ Парижъ, пылалъ гнѣвомъ на своихъ оскорбителей и обращалъ взоры свои за предѣлы Испаніи. «Армія вѣры», предводимая священникомъ Мерино, не была на столько сильна, чтобы защитить короля; не помогло ему и учрежденіе временнаго правительства, «регента на время Фердинандова плѣна»; истреблена была и королевская

стража, рѣшившаяся, 6 іюля, смѣлымъ и неожиданнымъ ударомъ доставить «плѣнному» королю прежнюю власть. Не задолго предъ седьмымъ іюлемъ, Фердинанду съ великимъ трудомъ удалось уговорить краснорѣчиваго вождя умѣренныхъ (moderados), Мартинеса дела-Розу, стать во главѣ министерства; но послѣ неудавшагося возстанія стражи, король долженъ былъ утвердить министерство крайнихъ (exaltados); зачинщика же всего возстанія, Ріего, пригласить въ свой дворецъ и сыграть съ нимъ комедію примиренія. Вскорѣ затѣмъ, въ Валенсіи присужденъ былъ къ смертной казни генераль Діего, единственная кровавая жертва, избранная революціей. Противъ возстанія на пиренейской границѣ, поддерживаемаго армією вѣры и регентствомъ, во главѣ котораго сталъ маркизь Матафлорида, приняты были энергическія мѣры. Искусный генераль Мина, назначенный главнымъ начальникомъ конституціонной арміи, пошелъ съ нею въ Каталонію, гдѣ весьма строго обошелся съ приверженцами короля, взялъ въ осаду Ургель, въ которой заперся было регентъ, и прогналъ все регентство совсѣмъ его приверженцами, за французскую границу. Такъ обманула короля послѣдняя слабая надежда на вѣрныхъ подданныхъ. Оставалось ждать отвѣта на письмо, отправленное къ французскому королю 22 іюля (1822).

Но французскій король Людовикъ и его министръ Виллель не думали спѣшить исполненіемъ просьбы Фердинанда. Конечно, распространеніе либеральныхъ идей въ такой недалекой отъ Франціи странѣ казалось весьма опаснымъ; борьба за законную власть, и притомъ за власть короля изъ дома Бурбоновъ, совершенно соответствовала видамъ тогдашняго французскаго правительства; но на войну нужны были деньги, а казна истощилась. Притомъ же, подавляя революцію въ Испаніи, можно было перенести ее во Францію. Вѣрность солдатъ была сомнительна; исходъ борьбы невѣренъ—вѣдь умѣли же испанцы геройски бороться съ Наполеономъ,—вотъ почему Виллель счелъ за лучшее ждать, пока вулканъ спокойно, самъ собою выгоритъ. Роялисты во Франціи не были довольны такимъ рѣшеніемъ и говорили, что для Бурбоновъ нѣтъ ничего выгоднѣе войны, что война поможетъ имъ привязать къ себѣ войско и покажетъ, какія блистательныя побѣды и безъ Наполеона могутъ одерживать сыны Франціи.

Въ такомъ положеніи находились испанскія дѣла, когда, въ половинѣ октября 1822 года, собрался въ Веронѣ конгрессъ, на составленіе котораго государи рѣшились еще въ 1821 году въ Лайбахѣ, и цѣлію котораго было испытать дѣйствительность мѣръ, уже принятыхъ противъ революціи и, въ случаѣ нужды, принять новыя мѣры. Императоры русскій и австрійскій, король

прусскій, герцогъ Велингтонъ, французскій министръ Монморанси присутствовали на этомъ конгрессѣ. Короли неаполитанскій и сардинскій, множество другихъ государей и дипломатовъ составляли многочисленный и блестящій дворъ вокругъ монарховъ и государственныхъ людей великихъ державъ. Въ перемежку съ продолжительными празднествами, въ Веронѣ происходили совѣщанія о различныхъ политическихъ вопросахъ, и между прочимъ, о дѣлахъ Испаніи.

Совершенно вопреки инструкціямъ французскаго правительства, нежелавшаго безъ толку рѣшиться на войну съ Испаніей, Монморанси, настроенный Меттернихомъ въ Вѣнѣ, тотчасъ же по открытіи конгресса, сталъ на путь насильственныхъ мѣръ противъ Испаніи, и нашелъ себѣ сочувствіе въ представителяхъ великихъ державъ, вромѣ одной Англии. Герцогъ Велингтонъ возвысилъ голосъ свой въ пользу политическаго самоопредѣленія Испаніи, и объявилъ, что его правительство никогда не согласится на вооруженное вмѣшательство во внутреннія дѣла Испаніи. Англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Каннингъ грозилъ даже признать независимость южно-американскихъ государствъ (прежнихъ испанскихъ колоній), но его представленія не были уважены конгрессомъ.

Замѣнившій Матвѣя Монморанси, на веронскомъ конгрессѣ, Шатобрианъ, такъ же, какъ и его предшественникъ, не оправдалъ ожиданій Виллеля. Въмѣсто того, чтобы склонять государей великихъ державъ къ миролюбивому рѣшенію, этотъ поэтъ-министръ въ своихъ конфиденціальныхъ разговорахъ съ ними раздувалъ пламя войны и ненависти противъ испанской революціи.

Рѣшеніемъ послать испанскому правительству грозную ноту, закончились работы веронскаго конгресса. Англійскій уполномоченный отказался подписать протоколъ этого рѣшенія и оставилъ Верону раньше прочихъ дипломатовъ, чтобы помѣшать въ Парижѣ исполненію намѣреній трехъ великихъ державъ; но было уже поздно. Вскорѣ по прибытіи Велингтона, въ Парижѣ получено извѣстіе, что три сѣверныя великія державы уже отправили въ Мадридъ грозныя ноты, которыя должны были имѣть слѣдствіемъ отозваніе ихъ посланниковъ изъ Мадрида.

Война была неизбежна, и отправленіе въ Мадридъ французской ноты было одною лишь формальностію. Уже 28-го января 1823 года, Людовикъ въ своей тронной рѣчи заявилъ, что «100,000 французовъ, подъ начальствомъ принца королевскаго дома, готовы защитить испанскій тронъ потомка Генриха IV, спасти Испанію отъ гибели и примирить ее съ Европой».

Великая опасность предстояла испанскому народу. Съ просьбою о помощи обратились кортесы къ Англіи, съ примирительными предложеніями къ Франціи. И то и другое было напрасно: французское правительство зашло уже слишкомъ далеко; Англія же не хотѣла изъ-за Испаніи отваживаться на войну съ цѣлымъ материкомъ Европы. Оставленные всѣми европейскими державами, даже прежними своими защитниками, стѣсненные безнадежнымъ финансовымъ положеніемъ страны, кортесы рѣшились вести съ французами гверильясскую войну, точно такъ же, какъ во времена Наполеона, оставить Мадридъ и перебраться въ Севилью. Несмотря на все свое сопротивленіе, несмотря на ревматизмъ, засвидѣтельствованный королевскими лейбъ-медиками, Фердинандъ долженъ былъ вмѣстѣ съ кортесами выѣхать изъ Мадрида (20-го марта).

7-го апрѣля 1823 г., герцогъ Ангулемскій съ 95,000 войскомъ, въ числѣ котораго было 21,000 конницы, перешелъ пограничную рѣку Бидасоа. Въ странѣ, бѣдной деньгами, онъ не щадилъ французскаго золота, привлекалъ на свою сторону предводителей и солдатъ подарками, населеніе же страны добросовѣстною уплатой за съѣстные припасы. Генерала Молитора послалъ онъ противъ Балестеро, который долженъ былъ защищать Аррагонію, но не умѣлъ защитить ее. Сарагосса, такъ славно боровшаяся съ Наполеоновыми солдатами, 26-го апрѣля сдалась Молитору. Генералъ Монсей долженъ былъ прогнать Мину изъ Каталоніи; самъ же герцогъ Ангулемскій направился къ Мадриду.

Обѣ дороги къ столицѣ были заняты, по отступленіи Балестероса, двумя корпусами генераловъ Абисбала и Морильо, имѣвшихъ у себя около 40,000 человекъ. Абисбаль, уже нѣсколько разъ измѣнявшій своимъ политическимъ сообщникамъ, и на этотъ разъ, подкупленный звонкою монетою, перешелъ на сторону абсолютизма. Его измѣна совершенно разрушила силы приверженцевъ конституціи. Морильо отступилъ передъ французами въ Астурію и Галицію, а корпусъ Абисбала, заставившій своего генерала отказаться отъ командованія, потянулся къ Севильѣ.

Герцогъ Ангулемскій, простоявъ три недѣли въ Витторіи, безостановочно подвигался къ Мадриду. Въ свитѣ его находилась временная жнта, которую онъ облекъ правительственною властію на все время «королевскаго плѣна». Отъ 20 до 30,000 убѣжавшихъ во Францію абсолютистовъ, болѣею частію солдатъ «арміи вѣрны», присоединились къ французскимъ корпусамъ.

Какъ на строго герцогъ поддерживалъ дисциплину въ своихъ войскахъ, приверженцы безусловной монархической власти, при

появленіи французскихъ войскъ, предавались грубымъ насиліямъ противъ личности и собственности людей, преданныхъ конституціи. Но больше всѣхъ другихъ городовъ роялистическій и католическій фанатизмъ угрожалъ Мадриду. И дѣйствительно, реакція выказала здѣсь крайнюю нетерпимость. Временная правительственная юнта, вступившая во всѣ права короля, немедленно призвала всѣхъ министровъ, которыхъ имѣлъ Фердинандъ до начала революціи, отиѣнила всѣ распоряженія и законы, изданные съ начала 1820 года, признала недѣйствительнымъ заемъ, заключенный конституціоннымъ правительствомъ. Должностныя лица, поставленныя парламентомъ, объявлены лишенными права занимать какія бы то ни было должности. Но всѣ эти мѣры превзошелъ декретъ правительственной юнты, согласно которому генералъ Зайясъ, солдаты и національные гвардейцы, отражавшіе (26-го мая) нападеніе французовъ на столицу, объявлены пзмѣнниками и мятежниками и преданы военному суду.

На пути изъ Мадрида въ Андалузію, французы встрѣтили весьма мало сопротивленія. 21-го іюня они достигли Севильи, отбуда кортесы, послѣ долгихъ и бесплодныхъ совѣщаній, перенбрались, вмѣстѣ съ королемъ, въ Кадиксъ. 23-го іюня французы были уже у Кадикса и обложили его съ суши и съ моря. Положеніе защитниковъ конституціи стало безвыходно: денегъ нѣтъ, войска мало; вромѣ Каталоніи и Кадикса, все въ рукахъ французовъ; ихъ сторону держитъ ббольшая часть всего испанскаго населенія. Какъ ни мужественно отстаивали Кадиксъ защитники конституціи (къ которымъ, чтобъ загладить все прошлое, присоединился знакомый уже намъ принцъ Карль-Альбертъ Кариньянскій), кортесы должны были уступить и дать королю свободу. Но, предъ отправленіемъ своимъ во французскій лагерь, король подписалъ заявленіе о томъ, что онъ, по своей доброй волѣ, и за ручательствомъ честнаго своего слова, общаетъ всеобщую амнистію, свободную конституцію и признаніе государственныхъ долговъ.

Послѣ Кадикса должны были сдаться на капитуляцію и другія укрѣпленныя мѣста. Самое сильное сопротивленіе французамъ оказано было въ Каталоніи, благодаря мужеству генерала Минь. Цѣлыхъ два мѣсяца велъ здѣсь этотъ генералъ гверильясскую войну съ двадцатидевяти тысячнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ французовъ и испанскихъ роялистовъ; наконецъ, тяжело раненый, заперся онъ въ Барселонѣ, отбивался здѣсь отъ французовъ цѣлыхъ четыре мѣсяца, и только 1-го ноября заключилъ съ генераломъ Монсеемъ догворъ, которымъ сохранены были честь, свобода и собственность жителей Барселоны и войска,

находившагося подъ начальствомъ Минны. Затѣмъ, генераль удалился въ Англію, гдѣ, подобно ему, наши убѣжище многіе другіе генералы и члены испанскаго парламента.

Трудно было ждать великодушія отъ торжествовавшихъ побѣдителей. Большинство дворянства и духовенства, значительная часть простаго народа соединились, чтобы заключить въ тюрьму и возвести на эшафотъ тысячи приверженцевъ конституціи, «негросовъ», какъ ихъ называли. Въ Мадридѣ, Сарагоссѣ и Севильѣ, въ глазахъ французовъ, множество народа ограблено и заключено въ тюрьму. Ріего, подавшій сигналъ къ возстанію, былъ одною изъ первыхъ жертвъ. Взятый въ плѣнъ, обремененный цѣпами, онъ брошенъ былъ въ ужасную тюрьму и, полумертвый, преданъ казни.

Первый, подписанный Фердинандомъ декретъ, возвѣщалъ испанцамъ, что всѣ постановленія конституціоннаго правительства, какъ-то: упраздненіе монастырей, уничтоженіе инквизиціи и іезуитскаго ордена, продажа церковныхъ имуществъ, считаются недействительными, всѣ же дѣйствія временной реакціонной юнты — справедливыми и законными. Даже герцогъ Ангулемскій нашель этотъ декретъ несправедливымъ, высказалъ; по поводу его, королю свое неудовольствіе и поспѣшилъ за Пиренеи, чтобы совершить, 2-го декабря, свое торжественное вшествіе въ Парижъ. Французскія войска остались въ Испаніи, и пять лѣтъ содержались на ея счетъ.

Дорого обошелся этотъ славный походъ французскому народу; двѣсти миліоновъ франковъ было на него затрачено; но Франція ничего не выиграла. Всѣ совѣты Людовика королю испанскому оставлены были безъ вниманія, и Шатобрианъ, надѣявшійся дать Испаніи конституцію, которая соотвѣтствовала бы потребностямъ народа, уже отказывался отъ всякой солидарности съ глупостію и фанатизмомъ короля, который присягнулъ на вѣрность конституціи, чтобы измѣнить ей, который все королевство свое былъ способенъ сжечь, какъ сигару.

Немедленно по возвращеніи своемъ въ Мадридъ, король Фердинандъ назначилъ духовника своего, Виктора Санца, первымъ министромъ, приказалъ казнить 112 человекъ, какъ заговорщиковъ (несмотря на данное въ Кадиксѣ обѣщаніе амнистіи), и цѣлымъ рядомъ жестокихъ декретовъ привелъ въ трепеть всѣхъ, нежелающихъ служить его абсолютизму. Всего этого, впрочемъ, не было достаточно для «апостолической» партіи, которая спасеніе Испаніи видѣла въ полномъ господствѣ церкви, монашества и инквизиціи. Общество «Ангела смерти» распространяло сочиненіе о необходимости возвести на престоль инфанта Донъ-

Карлоса. Въ Каталоніи происходили беспорядки; толпы народа, возбуждаемыя «апостолическою» партіей, нерѣдко возставали противъ правительства во имя Донъ-Карлоса, монаховъ и святой инквизиціи. Только строгими, кровавыми мѣрами король могъ подавлять эти возстанія.

На Донъ-Карлоса, королевскаго брата, апостолическая партія, весьма сильная въ то время, возлагала всѣ свои надежды. Король былъ бездѣтенъ, и Донъ-Карлосъ могъ считать себя наслѣдникомъ престола. Но въ 1829 году умерла третья супруга короля Фердинанда, и въ томъ же году онъ женился на Христинѣ, дочери неаполитанскаго короля Франциска. Въ угоду молодой женѣ, Фердинандъ отмѣнилъ существовавшій съ 1713 года законъ, ограничивавшій право женщинъ на престолонаслѣдіе, и восстановилъ кастилійскій законъ, по которому дочери и внуки, при рѣшеніи вопроса о наслѣдованіи престола, предпочитаютъ братьямъ и племянникамъ короля.

Скоро представился случай практически примѣнить это новое постановленіе. Въ 1830 году у короля родилась дочь Изабелла, и она-то въ 1833 году, по смерти Фердинанда VII, назначена была наслѣдницей королевской власти, подъ опекою матери. Волей-неволей, вдовствующая королева должна была принять сторону либераловъ, такъ-какъ противная имъ партія не признавала новаго закона о престолонаслѣдіи и держалась Донъ-Карлоса. Легко можно было предвидѣть, что приверженцы принца не уступятъ безъ борьбы друзьямъ Христины, и что возгорится новая междоусобная война между «карлистами» и «христиносами», представителями двухъ совершенно противоположныхъ началъ.

Остается сказать еще объ одномъ замѣчательномъ событіи, совпадающемъ со временемъ царствованія Фердинанда: объ отпаденіи американскихъ колоній Испанія отъ своей метрополіи. Къ этимъ колоніямъ принадлежали замѣчательнѣйшія по своимъ естественнымъ богатствамъ страны: Мексика, центральная Америка и цѣлый рядъ обширныхъ и прекрасныхъ областей въ Южной Америкѣ, всего около 250,000 квадратныхъ миль съ 17-ти милліонами жителей. Въ теченіе трехъ вѣковъ прикованныя къ Испаніи, эти колоніи и въ девятнадцатомъ столѣтіи управлялись почти такъ же, какъ и во времена Филиппа втораго и герцога Альбы. Иезуиты и инквизиція безгранично властвовали надъ школами и церковью; торговля, которая могла бы въ этихъ необитаемыхъ природою странахъ достигнуть высочайшей степени развитія, была стѣснена уже тѣмъ, что только испанскіе товары могли быть привозимы въ нихъ, и только испанцамъ

должны были онѣ продавать свои товары. Государственныя и церковныя должности предоставляемы были только тѣмъ испанцамъ, которые родились въ метрополіи; креолы же, а тѣмъ болѣе люди смѣшанной крови, составлявшіе большинство населенія, не удостоивались этого права. Вице-короли, которыхъ испанское правительство отправляло въ Америку, генераль-капитаны со всею жадною толпой крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ, позволяли себѣ всевозможныя насилія и угнетенія, напоминавшія собою подвиги римскихъ проконсуловъ. Требованіе Наполеона признать верховную власть брата его Иосифа, не было исполнено въ испанскихъ колоніяхъ. Всюду составлялись юнты, правившія именемъ Фердинанда. Такимъ путемъ заатлантическія провинціи Испаніи убѣдились въ возможности, законности и необходимости самоуправленія. Поработить ихъ вновь казалося дѣломъ совершенно невозможнымъ. Испанія должна была или дать своимъ колоніямъ равноправность съ метрополіей, или ежеминутно быть готовою къ отпаденію ихъ. Ни либеральныя кортесы 1812 года, ни возвращенный испанскому трону Фердинандъ VII, не уважила справедливыхъ требованій американцевъ, и колоніи окончательно освободились.

Въ Мексикѣ, гдѣ уже въ 1810 году священникъ Гидальго и другіе вожди собирали подъ свои знамена многочисленныя толпы инсургентовъ, въ 1821 году Итурбиде, потомокъ древней императорской мексиканской фамиліи, провозгласилъ независимость страны, и такъ-какъ Фердинандъ не хотѣлъ принять императорской короны, то самъ вступилъ на престолъ подъ именемъ Августина I. Республиканское возстаніе низвергло его съ престола и генераль Санта-Анна провозгласилъ въ Вера-Круцѣ республику. Итурбиде долженъ былъ бѣжать въ Европу, но, по возвращеніи на родину въ 1824 году, былъ разстрѣлянъ.

Въ 1821 году выработала себѣ самостоятельность и Гватемала.

Освобожденіе южно-американскихъ колоній, въ которыхъ еще съ 1810 года происходили возстанія, тѣсно связано съ именемъ богатаго креола Боливара, долгое время жившаго въ Европѣ и получившаго основательное образованіе. Послѣ продолжительной войны, въ которой счастье нерѣдко измѣняло южно-американцамъ, совершилось (1819) соединеніе Венесуэлы и Гранады. Въ 1822 году къ нимъ присоединился Эквадоръ. Въ Буэносъ-Айресѣ уже въ 1810 году былъ прогнанъ вице-король и основана Аргентинская республика. Почти въ то же время принялъ республиканское устройство Парагуай (находившійся такъ долго въ полнѣйшей зависимости отъ іезуитовъ) и Уругуай. Всего долѣе боролась за свою независимость Перуанская колонія, гдѣ, несмо-

три на помощь аргентинскаго генерала Санъ-Мартина и чилийскаго адмирала Кохрена, лишь въ 1824 году, благодаря дѣятельному вмѣшательству Боливара, народъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ испанцами (при Аяхуко) и провозгласилъ республику. Этимъ и закончилось отпаденіе американскихъ колоній отъ метрополіи.

Три великія державы, поставившія себѣ задачей преслѣдованіе и подавленіе всесвѣтной революціи, не имѣли желанія возстановить владычество Испаніи по ту сторону океана. Безъ содѣйствія Англіи это было бы и невозможно. Англія же извлекала изъ независимости испанскихъ колоній значительныя выгоды для своей торговли, а потому заявила, что будетъ всячески препятствовать вмѣшательству другихъ державъ въ дѣла новыхъ заатлантическихъ государствъ. Франція охотно образовала бы въ Америкѣ нѣсколько бурбонскихъ королевствъ, какъ въ наши дни основала, впрочемъ ненадолго, вассальную имперію, но исполненіе этого плана нашло бы себѣ сильное препятствіе въ зависти и соперничествѣ другихъ державъ. Чтобы сохранить монархическій принципъ и избѣжать скандала, священный союзъ предлагалъ Англіи большія выгоды, если она приметъ на себя трудъ усмиренія испанскихъ колоній; но 1-го января 1825 года, по инициативѣ Каннинга, англійское министерство провозгласило независимость освободившихся отъ Испаніи американскихъ республикъ.

Священный союзъ былъ вознагражденъ за эту неудачу успѣхами въ другихъ государствахъ.

Въ Португаліи, такъ же какъ и въ Испаніи, либеральныя стремленія вели упорную борьбу съ абсолютизмомъ. Въ 1807 году, когда наполеоновскій маршалъ Жуно занялъ страну, королевская португальская фамилія отплыла въ Бразилію. Послѣ паденія Наполеона, въ Португаліи довольно долго имѣлъ весьма сильное вліяніе на государственныя дѣла англійскій генералъ, лордъ Бересфордъ, прославившійся въ пиренейской войнѣ. Какъ главнокомандующій португальской арміи, Бересфордъ приобрѣлъ незавидную извѣстность. Военный бюджетъ поглощалъ при немъ двѣ трети государственныхъ доходовъ, и изъ офицерскихъ мѣстъ цѣлая треть занята была англичанами. Все это, а также гордость и властолюбіе генерала возбудило противъ него негодованіе народа. Еще въ XVIII столѣтіи Англія привыкла считать своимъ достоинствомъ, по крайней-мѣрѣ въ торговомъ отношеніи, эту страну, обѣднѣвшую, благодаря вліянію иезуитовъ; но всю тяжесть чужеземнаго владычества португальцы почувствовали во

время военной диктатуры Бересфорда. Къ этому присоединились еще династическія распри.

По смерти королевы Маріи, въ 1816 году, на престолъ Португаліи и Бразиліи вступилъ сынъ ея Іоаннъ VI. Вся королевская семья продолжала проживать въ Бразиліи, но народъ желалъ, чтобы она воротилась въ Лиссабонъ. Король, настроиваемый своими придворными, медлилъ и даже приглашалъ изъ Португаліи въ Бразилію знатнѣйшихъ дворянъ и купцовъ, намѣреваясь на португальскія деньги предпринять завоеваніе Уругвая. Всѣ эти обстоятельства были причиной заговора (1817 г.), стоившаго жизни мужественному генералу Фрейре и 11 его приверженцамъ. Вслѣдствіе этого ненависть къ генералу Бересфорду усилилась, и въ то время, какъ революціонное пламя, охватившее Испанію, готово было вспыхнуть и въ Португаліи, англійскій генералъ рѣшился отплыть въ Бразилію, чтобы лично переговорить съ королемъ о мѣрахъ, которыя слѣдовало принять противъ революціи. Черезъ четыре мѣсяца по его отплытіи, 24 августа 1820 года, возсталъ противъ правительства городъ Оporto и образовалъ временную верховную юнту, которая должна была править государствомъ до созванія кортесовъ. Движеніе скоро охватило всю Португалію, которая, такъ же какъ и Испанія, была подготовлена къ перевороту обществомъ свободныхъ каменщиковъ или масоновъ. Примѣру Оporto послѣдовалъ Лиссабонъ, гдѣ, правившее вмѣсто короля, регентство должно было сложить съ себя власть, и созваны были кортесы, для того, чтобы испанскую конституцію примѣнить къ потребностямъ португальскаго народа. Характеристическою чертою португальскихъ общественныхъ отношеній можетъ служить то обстоятельство, что пятую часть собранія кортесовъ составило духовенство, президентомъ же всего собранія избранъ былъ архіепископъ Багін. Между тѣмъ лордъ Бересфордъ возвратился изъ Бразиліи въ Европу. Прибывъ въ лиссабонскую гавань, онъ хотѣлъ высадиться на берегъ, но юнта рѣшительно запретила ему это. Бересфордъ долженъ былъ удалиться въ Англію, куда вмѣстѣ съ нимъ отпущены были англійскіе офицеры, служившіе въ португальской арміи.

Добродушный король Іоаннъ легко помирился съ совершившимся фактомъ и общалъ воротиться въ Португалію, если рѣшенія кортесовъ совпадаютъ съ его собственными интересами. Отъѣздъ короля былъ ускоренъ тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Бразиліи замѣтны были слѣды португальскаго движенія. И въ Ріо-Жанейро образовалась юнта; на вѣрность португальской конституціи, еще не составленной окончательно, дана присяга, и

король, убѣждаемый сыномъ своимъ Донъ-Педро и войскомъ, долженъ былъ отправиться въ Лиссабонъ, оставивъ сына своего, того же Донъ-Педро, вице-королемъ Бразиліи.

3-го іюля 1821 года Іоаннъ прибылъ въ Португалію. Еще прежде высадки своей на берегъ, онъ долженъ былъ подписать конституцію, въ демократическомъ духѣ, еще не совершенно оконченную. Когда же конституція эта была вполнѣ готова, то король (1-го октября 1822) присягнулъ на вѣрность ей, принудилъ къ тому же младшаго сына своего Мигуэля и потребовалъ такой же присяги отъ Педро. Но со стороны супруги своей, сестры испанскаго короля, онъ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе. Королева Карлотта рѣшилась, во что бы то ни стало, погубить дѣло конституціи, находившее себѣ уже недоброжелателей въ средѣ духовенства и въ низшихъ классахъ народа. Домъ королевы былъ сборнымъ мѣстомъ реакціонеровъ, или, какъ ихъ здѣсь называли, «низкопоклонныхъ»; сынъ же ея, Донъ-Мигуэль, во всемъ на нее похожій, былъ самымъ послушнымъ ея орудіемъ. Вслѣдствіе отказа принять присягу конституціи, королева должна была удалиться изъ страны, но — что болѣзнь, дѣйствительной или мнимой — помѣщена въ увеселительномъ замкѣ Ромальо, гдѣ и жила подъ строгимъ надзоромъ.

Но плановъ своихъ королева не оставляла, и французское вмѣшательство въ дѣла Испаніи подавало ей надежду осуществить эти планы. Въ маѣ 1823 года, Донъ-Мигуэль привлекъ на свою сторону большую часть лиссабонскаго гарнизона, и принудилъ парламентъ разойтись. Конституція была отмѣнена, королева Карлотта возвратилась въ Лиссабонъ и Донъ-Мигуэль назначенъ главнокомандующимъ арміи. Но такъ-какъ Іоаннъ не могъ, ради жены, измѣнить своимъ убѣжденіямъ, и приблизилъ къ себѣ людей, непринадлежавшихъ къ ея партіи, какъ, напримѣръ, графовъ Пальмеллу и Субсерруи и маркиза Луле, то, въ наказаніе ему, маркизъ Луле былъ убитъ въ передней комнатѣ королевскаго дворца. Когда оказалось, что этого предостереженія было недостаточно, то недоброжелателями короля составленъ былъ планъ его умерщвленія и возведенія на престолъ Дона-Мигуэля. Этотъ послѣдній, 30 апрѣля 1824 года, сталъ во главѣ войска, взялъ въ плѣнъ своего отца и принудилъ его назначить на министерскія должности реакціонеровъ. Англійскій посланникъ и его товарищи, точно такъ же, какъ и нѣкоторые военные лица, протестовали противъ этого насилія. Король успѣлъ уплыть изъ Лиссабона на одномъ англійскомъ кораблѣ и сообщилъ своимъ подданнымъ о всѣхъ козняхъ Дона-Мигуэля и Карлотты. Неразумный сынъ, потерпѣвъ неудачу, долженъ былъ просить у отца

прощенья и сосланъ въ Вѣну. Карлотта спаслась болѣзненнымъ припадкомъ, но все же подчинена была правительственному надзору.

Вскорѣ затѣмъ были установлены правильныя отношенія между Португаліей и Бразиліей. Торговые интересы Англии и выгоды бразилійцевъ требовали отдѣленія колоніи отъ метрополи. При посредствѣ Англии, между Португалією и Бразиліей былъ (15-го ноября 1825) заключенъ договоръ, которымъ король Іоаннъ признавалъ независимость Бразиліи, а сына своего Дона-Педро ея императоромъ; но титулъ императорскій онъ удерживалъ за собою до своей смерти. Тайною статьею этого договора было постановлено, чтобы никогда верховная власть надъ обѣими странами не соединялась въ одномъ лицѣ.

Смерть Іоанна, послѣдовавшая 10 марта 1826, вызвала новыя затрудненія. Король ничего не постановилъ относительно престолонаслѣдія, но назначилъ дочь свою, инфанту Изабеллу, правительницей. Она примкнула къ конституціонной партіи и признала Педро королемъ Португаліи, между тѣмъ, какъ реакціонеры старались предоставить престолъ Дону-Мигуэлю. Но Педро, который на основаніи тайной статьи договора, не могъ владѣть Португаліей, объявилъ королевой дочь свою Марію да-Глоріа, далъ Португаліи либеральную конституцію, призналъ брата своего Мигуэля регентомъ или, собственно говоря, намістникомъ, съ обязанностію править страной, на основаніи конституціи. Новая конституція была провозглашена въ Лиссабонѣ, и даже Донъ-Мигуэль, находившійся еще въ Вѣнѣ, присягнулъ ей. Въ то же время, поддерживаемые испанскою апостолическою юнтой, возстали старинные борцы за реакцію Амаранте и Абрантесъ, но потерпѣли рѣшительное пораженіе. Англійскій министръ Каннингъ, къ которому обратилось стѣсненное португальское правительство за помощью, настоялъ на томъ, чтобы англійскій кабинетъ отпривилъ въ Португалію 10 линейныхъ кораблей и угрозами принудилъ испанскихъ реакціонеровъ отказаться отъ всякихъ враждебныхъ дѣйствій противъ сосѣдней страны.

Дорого заплатился Донъ-Педро за свою недалковидность и за довѣріе къ брату. Этотъ невѣжественный и коварный принцъ нашелъ себѣ покровительство у Меттерниха, который укрѣпилъ въ немъ рѣшимость, несмотря на присягу, испровергнуть конституцію и сдѣлаться самодержавнымъ государемъ Португаліи. Въ Мигуэль австрійскій канцлеръ нашелъ «самыя благородныя чувствованія» и увѣрялъ, что полученныя въ Вѣнѣ наставленія подѣйствовали на юнаго принца какъ нельзя лучше. Предъ отъѣдомъ своимъ въ Лиссабонъ, Донъ-Мигуэль съѣзжалъ на богомолье

въ Маріацелль, чтобы укрѣпить себя на совершеніе задуманнаго дѣла. Полный признанія собственнаго достоинства, принцъ мечталъ уже о томъ, какъ потребуеть онъ всѣхъ либераловъ на строгій свой судъ. Прибывъ, 22-го февраля 1828 года, въ Лиссабонъ, Мигуэль немедленно далъ, въ присутствіи кортесовъ, присягу на вѣрность конституціи и на подданство ихъ величествамъ Донъ-Педро и Маріи, но такъ, что никто изъ присутствовавшихъ ничего не разслышалъ въ этой присягѣ. Мать овладѣла имъ окончательно. Говорятъ, что угрозой разгласить неприятную для Мигуэля тайну его рожденія (отъ одного изъ любимцевъ королевы), Карлотта могла склонить этого принца на всякое дурное дѣло: впрочемъ, едва-ли ей нужно было прибѣгать къ угрозамъ. Всѣ приверженцы конституціи были отставлены отъ государственныхъ должностей, все министерство составлено изъ «низкопоклонныхъ»; кортесы распущены, друзья Донъ-Педро объявлены франмасонами, создано старинное собраніе государственныхъ чиновъ, и оно-то провозгласило Донъ-Мигуэля португальскимъ королемъ. Военное возстаніе, начавшееся въ Опорто и распространившееся по всей Португаліи, не удалось вслѣдствіе того, что у инсургентовъ не было искуснаго вождя. Когда возстаніе было подавлено, инсургенты спѣшили спастись бѣгствомъ въ Англію; кто не успѣлъ бѣжать, подвергался самому безжалостному суду. Въ теченіе одного мѣсяца арестовано было около 16,000 человекъ, и почти всѣ они принадлежали къ высшимъ классамъ общества. Имущество арестованныхъ и бѣжавшихъ было конфисковано. Когда въ тюрьмахъ уже не оставалось мѣста для новыхъ арестантовъ, Мигуэля спросили: «Что дѣлать?» а онъ въ отвѣтъ: «казнить, казнить смертію; остальныхъ же ссылатъ въ Африку. Еще нужны въ тюрьмахъ мѣста для многихъ преступниковъ». Тюрьмы же эти, полныя грязи и насѣкомыхъ, способны были убить самое крѣпкое здоровье. Король Мигуэль наслаждался зрѣлищемъ этихъ мѣстъ заключенія, а нерѣдко и зрѣлищемъ казней. Онъ не щадилъ и родныхъ своихъ. Рассказываютъ, что одинъ разъ онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ правительницу Изабеллу, которая продолжала еще имѣть переписку съ Донъ-Педро, но не попалъ въ сестру, а ранилъ другую личность.

Дону-Мигуэлю не нравилось присутствіе въ Португаліи англійскихъ войскъ, и онъ настаивалъ на ихъ удаленіи. Не Каннингъ стоялъ тогда во главѣ министерства, а герцогъ Велингтонъ, не считавшій нужнымъ уважить просьбу находившихся въ Португаліи англійскихъ торговцевъ, которые желали, чтобы англійскія войска постояли въ Португаліи подольше. Когда, передъ отплытіемъ въ Англію, генераль Клинтонъ пригласилъ Донъ-

Мигуэля на смотръ войскъ, то король сказалъ ему на прощаньи: «вы и солдаты ваши можете убраться къ чорту». Донъ-Педро, не находя себѣ поддержки въ Бразиліи и вынужденный быть зрителемъ всей этой узурпаціи, въ іюлѣ 1828 года отправилъ дочь свою, юную королеву Марію, въ Европу. Въ Гибралтарѣ, провожавшій ее маркизъ Барбасена узналъ о вступленіи на престолъ Дона-Мигуэля и повезъ ее уже не въ Вѣну, какъ было условлено, а въ Англію. Здѣсь приняли ее какъ королеву, но не приняли ея пословъ. Когда генераль Сальданья, отправлявшійся въ Англію, хотѣлъ войти въ гавань острова Терсейры (одного изъ Асорскихъ острововъ), то стоявшій тамъ англійскій капитанъ отогналъ его прочь пушечными выстрѣлами — поступокъ, котораго не одобрила Европа и за который Веллингтонъ названъ былъ прислужникомъ Мигуэля. Впрочемъ, другіе бѣглецы нашли себѣ убѣжище на Терсейрѣ, гдѣ собралось 3,000 человекъ подъ начальствомъ генерала Виллафлора. Терсейра сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ педристовъ и операціоннымъ базисомъ нападений ихъ на похитителя престола. Въ 1831 году уже всѣ Асорскіе острова были заняты ими.

Королева Марія возвратилась въ 1829 году въ Бразилію. Тамъ Донъ-Педро разошелся съ либеральною партіей, отказался отъ короны въ пользу пятилѣтняго сына своего, Педро II, и отплылъ съ супругою и дочерью въ Европу. Здѣсь посѣтилъ онъ Парижъ и Лондонъ, и въ обѣихъ столицахъ принятъ былъ очень хорошо: ибо Мигуэль своимъ позорнымъ обращеніемъ съ французскими и англійскими подданными истощилъ все терпѣніе и всю списходительность обонхъ правительствъ, хотя Мигуэль «вовсе еще не былъ такъ дурень», по выраженію прусской государственной газеты. Дону-Педро помогли заключить заемъ и снарядить флотъ. Съ 12,000 десантнаго войска флотъ, вышедшій изъ Терсейры, вступилъ въ гавань Оporto (7-го іюля 1832 г.), и Донъ-Педро овладѣлъ городомъ. Напрасны были всѣ старанія Мигуэля отнять у брата этотъ важный пунктъ.

Но Донъ-Педро не нашелъ въ странѣ той поддержки, которой ждалъ; исходъ борьбы былъ еще сомнителенъ. Въ это-то время поступилъ къ нему на службу англійскій капитанъ Чарльзъ Нэпиръ. Этотъ искусный морякъ, вмѣстѣ съ генераломъ Виллафлоромъ, предпринялъ экспедицію на югъ Португаліи, въ Альгарвию, разбилъ флотъ Мигуэля, призвалъ народъ къ оружію. За тѣмъ оба вождя двинулись къ Лиссабону, обложили его (Нэпиръ съ моря, Виллафлоръ съ суши), принудили Мигуэлево войско къ отступленію, и уже 24-го іюля 1833 года вошли въ столицу при громкихъ вликахъ народа, который уже отворилъ

турьмы и провозгласилъ донну Марію да-Глоріа королевой. Нападеніе мигуэлиста Бурмона было отражено. Самъ же Мигуэль укрѣпился въ Сантаремѣ, къ сѣверу отъ Лиссабона, но когда между Англіей, Франціей, Испаніей и Дономъ-Педро образовался четверной союзъ противъ Донъ-Мигуэля и испанскаго претендента Донъ-Карлоса, то испанскій генераль Родиль вступилъ въ Португалію и разбилъ бывшаго португальскаго короля при Томарѣ. По договору 18-го мая 1834 г., Донъ-Мигуэль отказался отъ португальской короны, обѣщалъ тотчасъ же оставить страну и никогда въ нее не возвращаться. Но прибывъ въ Италію, онъ протестовалъ противъ этого договора, за что и лишился положеннаго ему ежегоднаго жалованья (375,000 франковъ).

Донъ-Педро, вѣрный своему обѣщанію, возстановилъ конституцію, открылъ 15-го августа 1834 г. парламентъ, и былъ назначенъ, до совершеннолѣтія дочери, правителемъ государства. Всѣ монашескіе ордена прекратили свое официальное существованіе; монастыри упразднены, ихъ имущества объявлены собственностію государства; конфискованныя имущества возвращены прежнимъ владѣльцамъ; отставленныя Мигуэлемъ должностныя лица возвратились къ своимъ обязанностямъ. Но Донъ-Педро скоро умеръ, и въ томъ же, 1834 году, 24-го сентября, донна Марія объявлена была совершеннолѣтнею. Отъ втораго ея супружества съ принцемъ Кобургскимъ родился нынѣ царствующій король Людвигъ.

А. Великобританія и Ирландія.

Преимущество Англіи предъ континентальными государствами. Темныя стороны англійской жизни. Безправность большинства. Пауперизмъ. Необходимость парламентской реформы. Лордъ Кесльри. Манчестерская кровавая баня. Жестокости реакціи. Заговоръ Тистъвуда. Самоубійство Кесльри. Дѣятельность Каннинга и ранняя его смерть. Веллингтонъ. Рѣшеніе ирландскаго и католическаго вопроса. «Великій агитаторъ».

Ни одна страна не представляла священному союзу такихъ неблагопріятныхъ условій для вмѣшательства, какъ Англія. Здѣсь не чувствовалось надобности спасать династію; ибо англійскій государь весьма спокойно сидѣлъ на своемъ тронѣ. Не было надобности испровергать конституцію: въ теченіе многихъ столѣтій англійскій народъ такъ сжился съ своимъ государственнымъ устройствомъ и съ своимъ парламентомъ, что никакому политическому Геркулесу и не удалось бы это испроверженіе. Не было надобности подавлять какую бы то ни было революцію: чувство законности было слишкомъ развито во всѣхъ классахъ общества; средства, которыми можно было достигнуть мирнымъ путемъ новыхъ вольностей, и придать этой аристократической рес-

ду блага, возмущенной души чужой монархии, все болле и болле демократическаго характера, были слащею просты и многоуспешны, чтобы народу пришлось на мѣсяць вернуться на демократический и опасный путь революціи.

Безъ всякихъ потрясеній, съ сравнительно небольшими потерями вникла Англія въ двадцатилѣтнюю борьбу съ Наполеономъ; какъ прежде, такъ и теперь на знамени Вильгельма Оранскаго красовалась надпись: «протестантская религія и вольность Англіи». Парламентъ продолжалъ имѣть прежнюю силу, печать была свободна, и могущество англичанъ на морѣ, по истребленіи въѣхъ другихъ большихъ флотовъ, достигло небывалой степени. Вредъ, который причинила Англіи континентальная система Наполеона, былъ вознагражденъ завоеваніемъ французскихъ колоній. Занятіе ГанOVERA и Хельголанда обезпечили на Англіи владычество на Бѣломомъ морѣ; Гибралтаръ, Мальта и Ионическіе острова обезпечивали ей господство на Средиземномъ морѣ.

Но все же и Англія много потеряла во время войны. Государственный долгъ ея возросъ до 814 мил. фунтовъ стерлинговъ, а ежегодные государственные расходы — до 114 мил. (1815 г.). Слѣдствіемъ всего этого было необыкновенное возвышеніе налоговъ, которые къ тому же распредѣлялись такимъ образомъ, что средніе и низшіе классы народонаселенія платили всего болше. А и безъ того имъ приходилось платить очень много, такъ какъ самый необходимый для существованія предметъ, хлѣбъ, чрезвычайно поднялся въ цѣнѣ, благодаря жестокосердію и корыстолюбію поземельныхъ собственниковъ, т.-е. аристократовъ. Ибо, имѣя перевѣсъ въ парламентѣ, они успѣли провести законъ, по которому привозъ хлѣба изъ чужихъ краевъ былъ запрещенъ, или, правильнѣе, затрудненъ такими пошлинами, при которыхъ этотъ заграничный хлѣбъ могъ соперничать съ англійскимъ только въ случаѣ сильнаго неурожая или голода. Вслѣдствіе такихъ искусственныхъ мѣръ, цѣна квартера пшеницы рѣдко падала ниже 80 шиллинговъ, между тѣмъ какъ съ 1849 года, при свободѣ хлѣбной торговли, она рѣдко поднимается выше 50-ти шиллинговъ. Благодаря этимъ, такъ-называемымъ, хлѣбнымъ законамъ, отношенія между богатыми и бѣдными сдѣлались еще болше ненормальными; какъ въ земледѣліи, такъ и въ промышленности бѣдность и зависимость рабочихъ классовъ отъ собственниковъ обнаруживались все болше и болше. Почти вся по-

1. Все нарощеніе долга государственнаго во время войны съ Наполеономъ 801,600,348 фунтовъ стерлинговъ.

земельная собственность попрежнему была въ рукахъ немногихъ фамилій, которыя отдавали свои огромныя помѣстья въ аренду небольшимъ участкамъ; людямъ же недостаточнымъ оставалось лишь наниматься въ поденщики или въ фабричныя работники. Несмотря на умноженіе обширныхъ фабрикъ, постепенно вытѣснявшихъ мелкія мастерскія, требованіе на рабочія руки не увеличивалось, а часто уменьшалось, заработная плата не возвышалась, ибо какъ въ фабричной, такъ, отчасти, и въ земледѣльческой промышленности, машины вытѣсняли работниковъ, особенно взрослыхъ, и замѣняли ихъ женщинами и дѣтьми. Тяжело было положеніе большинства англійскаго народа: люди свободные, но неимѣвшіе ни знатныхъ предковъ, ни капитала, находились въ положеніи едва ли лучшемъ, чѣмъ римскіе плебеи въ первыя времена республики.

Положеніе Англій того времени болѣе выяснится, если мы обратимъ вниманіе на организацію ея парламента. Изъ двухъ палатъ англійскаго парламента, верхняя безспорно была достояніемъ высшей аристократіи; даже и въ нижней палатѣ аристократія имѣла преобладающее вліяніе. Такое ненормальное явленіе происходило вслѣдствіе слѣдующихъ причинъ: 1) тогда существовалъ еще избирательный законъ, по которому, въ уваженіе къ историческому преданію и праву, старинныя, но малолюдныя селенія (гнилыя мѣстечки), имѣвшія какую-нибудь дюжину избирателей, обладали правомъ посылать депутата въ палату общинъ, между тѣмъ, какъ фабричныя города съ населеніемъ во сто тысячъ человѣкъ вовсе не имѣли въ ней представителей; 2) тогда существовалъ еще весьма высокій цензъ, ограничивавшій число избирателей и превышавшій средства огромнаго большинства населенія; 3) тогда существовалъ еще безстыдный обычай подкупа, которымъ «благородные» пользовались для того, чтобы привлекать на свою сторону избирателей «гнилыхъ мѣстечекъ». По всѣмъ этимъ причинамъ громкія жалобы на несправедливость «хлѣбныхъ законовъ» и на чрезмѣрно высокіе налоги были безплодны: народъ могъ жаловаться только самой аристократіи, которая владычествовала въ парламентѣ и здѣсь издавала законы. До тѣхъ поръ, пока такая организація парламента оставалась безъ всякихъ измѣненій, нечего было и думать о какомъ-либо существенномъ улучшеніи въ быту народа. Правда, въ палатѣ общинъ всегда находилась цѣлая фаланга почтенныхъ мужей оппозиціи, но ихъ основныя принципы были одинаковы съ принципами большинства палаты и министерства, и спорила оппозиція съ правительствомъ не столько о расширеніи избирательныхъ правъ и тому подобныхъ вопросахъ, сколько о преобладаніи въ

парламентѣ, о примѣненіи извѣстной поговорки: *ôte toi de là, que je m'y mette.*

Но отъ этого народъ выигрывалъ не много. Требованіе парламентской реформы, общей и притомъ тайной подачи голосовъ на выборахъ, уничтоженія бесполезныхъ, но хорошо оплачиваемыхъ должностей (синекуръ), дѣлалось все громче и настоятельнѣе. Парламентъ долженъ былъ удовлетворить этимъ требованіямъ народа, въ противномъ случаѣ могла всплхнуть революція, которая точно также насильственно уничтожила бы привилегіи дворянства, какъ французскій переворотъ 1789 года. Къ счастью, англійская аристократія была на столько образована, такъ понимала знаменія времени, что въ средѣ ея всегда могли найтись личности, способныя вывести государство изъ затруднительнаго положенія.

Во главѣ министерства съ 1812 года стоялъ лордъ Ливерпуль, человекъ весьма почтенный, но не особенно даровитый. Душою кабинета былъ при немъ министръ иностранныхъ дѣлъ, лордъ Кесльри, желавшій провести, на сколько это было возможно, реакціонную систему Меттерниха въ Англии. Надменный, властолюбивый, онъ до такой степени былъ непопуляренъ, что день погребенія его былъ для народа торжественнымъ праздникомъ. Въ принцѣ-регентѣ, который давно уже правилъ государствомъ вмѣсто душевно больнаго своего отца, Георга III, Кесльри находилъ полное сочувствіе своимъ совѣтамъ и предложеніямъ; тотъ же, съ своей стороны, видѣлъ въ немъ самое послушное орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Такъ-какъ принцъ-регентъ, подобно современнымъ ему континентальнымъ государямъ, былъ большой охотникъ до военныхъ смотровъ и маневровъ, то, въ угоду ему, въ Англии въ мирное время содержалось болѣе *ста тысячъ* войска, которое, въ случаѣ нужды, конечно, могло оказать услуги и противъ народныхъ восстаній. Ни въ этой, ни въ какой-либо другой отрасли государственнаго хозяйства не было дѣлаемо сбереженій, и налоги достигли весьма высокой и стѣснительной для народа цифры. Когда же, вслѣдствіе всего этого, въ 1815 и 1816 годахъ застои торговли, недостатокъ работы и дороговизна достигли страшныхъ размѣровъ, недовольство правительствомъ проникло въ самые низшіе классы народа. Всюду собирались митинги, народъ толпами сходилъ слушать рѣчи Гонта и Коббета, толковавшихъ и о дурномъ правительствѣ и о парламентской реформѣ. Не было недостатка въ восстаніяхъ, убійствахъ; нерѣдко правительство должно было дѣйствовать противъ толпы военною силою. Раздраженіе народныхъ массъ дошло до такой степени, что 28-го января 1817 года толпа за-

бробала грабью и маленьким взросту возвращающегося, но отирати парламента, принца-регента и проводила его криками: «не надо принца-регента! давай министров!»

Вместо того, чтобы признать существующія злоупотребленія и несовершенство въ государственномъ устройствѣ и, по возможности, устранять ихъ, министерство прибѣгло къ мѣрамъ крайней строгости и на дѣлѣй годъ приостановило дѣйствіе закона о личной неприкосновенности (*Habeas corpus act*), закона, составляющаго краеугольный камень гражданской свободы Англїи. Немедленно задержано было множество подозрительныхъ личностей и безъ всякаго суда заключено въ тюрьму; ограничена свобода сборищъ и стѣснена свобода печати. Оппозиціоннымъ писателямъ заткнули, но выраженію Коббета, если не шеп, то, по крайней мѣрѣ, руки. Но волненіе не утихло. Въ Манчестерѣ, 16-го августа 1819 года, собралась сходка въ 80,000 человѣкъ, несмотря на то, что правительство запретило подобныя многочисленныя сборища. Съ развѣвающимися знаменами выступали одна за другою толпы народа, и на знаменахъ можно было прочесть: «отмена хлѣбныхъ законовъ! свобода и братство!» «равное для всѣхъ представительство — или смерть!» Даже женщины участвовали въ демонстраціи и, окруживъ шавпсъ около желтоваго знамени, заявили требованіе реформы. Но только что привѣтствуемый громами криками: «ура!» началъ Гонтъ говорить къ народу, въ толпу ворвались, съ саблями на-голо, гусары и произвели всеобщее «sauve qui peut». Многие изъ народа были убиты, сотни людей тяжело ранены; Гонтъ былъ отведенъ подъ стражу, но скоро правительство вынуждено было выпустить его на поруки. Эта манчестерская кровавая баня вызвала общее негодованіе противъ министровъ, но они не уклонились отъ избраннаго пути. Министерство успѣло провести въ парламентѣ шесть реакціонныхъ биллей, которыми праву сборищъ и свободѣ печати нанесенъ былъ такой же ударъ, какой обрушился на нѣмецкіе универзитеты и нѣмецкую печать вслѣдствіе карлсбадскихъ совѣщаній.

Неудивительно поэтому, что, при всеобщемъ народномъ возбужденіи, люди крайне либеральныя не останавливались предъ самыми смѣлыми рѣшеніями. Старинный революціонеръ Артуръ Тистльвудъ организовалъ заговоръ и, какъ новый Катиллина, вознамѣрился убить всѣхъ министровъ, зажечь казармы и провозгласить временное правительство. Но замыселъ былъ открытъ; самъ зачинщикъ съ четырьмя соумышленниками повѣшенъ, остальные же участвники въ заговорѣ сосланы.

29-го января 1829 г. скончался слабоумный король Георгъ III, и на престолѣ вступилъ принцъ-регентъ, подъ именемъ Георга IV. Въ молодости этотъ принцъ, весьма даровитый и притомъ хорошо, классически, образованный, велъ самую безпутную жизнь; предавался игрѣ, пьянствовать, велъ дружбу съ женщинами самой сомнительной нравственности, и еще 23-лѣтнимъ юношей,

женится (разумѣется, тайно) на католичкѣ, но скоро похищутъ ее, чтобы вступить (1795 г.) въ бракъ съ Каролиной, принцессой Брауншвейгской. Не уже въ слѣдующемъ, 1796 году, когда королева родила ему дочь Шарлотту, принца напосылъ Каролинѣ вѣдливо-холодное письмо, въ которомъ требовалъ, чтобы она оставила его дома, и крѣпко надсежда. Съ 1796 по 1814 годъ королева жила въ Англии, но потому, не будучи въ силахъ сносить обиды и оскорбленія, постоянно ей надоевшие, удалялась къ вентененгъ. Правительство послало слѣдить за ней цѣлую комиссію и чрезъ козуплашныя оуть узнало негнратства и несправдоподобныя вещи.

По смерти Георга III, королева Каролина, въ великому неудовольствію своего супруга, возвратилась въ Лондонъ. Уже 5-го іюля король обвинилъ ее чрезъ верхнюю палату и требовалъ, чтобы, за свою нежѣрность мужу, Каролина была разведена съ нимъ, лишена титула королевы и навсегда оставила Англію. Процессъ, во время котораго самые краснорѣчивые адвокаты говорили въ защиту королевы, развернулъ передъ публикой бесконечный рядъ такнхъ скандальныхъ исторій о королевѣ, а главнѣйшнмъ образомъ, о самомъ королѣ, ванія выслушать могли только люди, съ далеко не слабыми нервами. И несмотря на то, ни одно имя въ Англіи не было популярнѣ имени королевы: такъ глубоко презиралъ народъ Георга IV. У Блюхера, когда онъ въ 1814 году гостилъ въ Лондонѣ, не было столько посѣтителей, сколько теперь у королевы; адресамъ, всевозможнымъ заявлениямъ сочувствія «страдальцѣ», не было конца. Каково же было торжество народа, когда 2-го ноября 1820 г., послѣ третьяго чтенія, билль противъ королевы принятъ былъ большинствомъ только девяти голосамъ, такъ что лордъ Ливерпуль не осмѣлился предложить его палатѣ общинъ и ввалъ его назадъ.

Но всѣ эти неудачи не смутили Георга. 16-го іюля 1821 г. онъ короновался со всею средневѣковою пышностію. Королева отогнана была отъ самыхъ дверей вестминстерскаго аббатства и вскорѣ (7-го августа) умерла, вслѣдствіе сильныхъ нравственныхъ потрясеній. Король не хотѣлъ оставить умершую въ покоѣ. Въ день, когда отпѣвалось тѣло ея, безконечная вереница лицъ, желавшихъ почтить усопшую, имѣла столкновение съ королевскою конною гвардіей; но несмотря на сопротивление послѣдней, процессія прошла чрезъ Сити подъ предводительствомъ лорда-мера.

Только что король оправился отъ этого удара, какъ лордъ Кесльри лишилъ себя жизни (12-го августа 1822 г.). Человѣкъ, который, идя рука объ руку съ Георгомъ IV, желалъ ввести Меттернихову систему управленія (на сколько было это возможно) въ Англіи и готовъ былъ вызвать въ этой странѣ революцію, перерѣзалъ себя, въ припадкѣ сумасшествія, перочиннымъ ножомъ, шейную артерію. Это событіе, сдѣлавшееся поворотнымъ пунктомъ въ англійской политикѣ, обрадовало народъ въ высшей степени, и много нельзя было разувѣрять, что не сумасшествіе,

а фурии пробудившейся совѣсти вложили ножъ въ руку министру.

Министромъ иностранныхъ дѣлъ назначенъ былъ Каннингъ, какъ ни сердился на него король, какъ ни мало сочувствовало новому своему товарищу большинство кабинета. Но благодаря своему характеру и талантамъ, особенно же краснорѣчю, Каннингъ слишкомъ высоко стоялъ надъ всѣми знаменитостями, чтобы можно было обойти его въ этомъ случаѣ. Вѣнскія и внутреннія отношенія Англіи были такъ запутаны, что на трудный постъ министра иностранныхъ дѣлъ нельзя было найти человека болѣе способнаго и достойнаго. Программа его была проста: величіе и свобода Англіи; отдаленіе отъ священнаго союза, который всеюду, гдѣ ни обнаруживалъ свое вліяніе, вводилъ тягостныя для народовъ государственныя и общественныя отношенія. Англія, низшедшая во времена Кесльри до степени префектуры священнаго союза, должна была, по возрѣнію Каннинга, стать въ независимое положеніе, быть первою державою въ Европѣ, и, опираясь на либеральныя элементы въ составѣ другихъ народностей, противопоставить священному союзу свои громадныя морскія силы и свое богатство. Каннингъ былъ врагъ всякаго чужеземнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла какой либо страны: онъ былъ убѣжденъ, что каждый народъ имѣетъ право устроить свои внутреннія отношенія по своему сердцу и по своему крайнему разумію. Но при существовавшихъ тогда въ Европѣ политическихъ отношеніяхъ, онъ не всегда могъ удерживаться отъ вмѣшательства: угнетенія, которыя испытывали въ то время греки, не могли не вызвать въ немъ сочувствія къ угнетеннымъ. Каннингъ старался всячески содѣйствовать правому дѣлу освобожденія грековъ; онъ не дождался до наваринской побѣды, но приготовилъ ее. То же чувство справедливости, соединенное съ желаніемъ содѣйствовать матеріальнымъ меркантильнымъ интересамъ страны, побудило его отправить (1826 г.) вспомогательный корпусъ въ Португалію, на защиту народа отъ тиранніи узурпатора.

И во внутреннемъ управленіи, которое не составляло прямой задачи Каннинга, повѣяло при немъ новымъ, свѣжимъ духомъ. Обременительныя хлѣбныя законы были, по его предложенію, измѣнены въ лучшему; относительно невольничества въ англійскихъ колоніяхъ было постановлено, что негры въ умственномъ и нравственномъ отношеніи созрѣли для свободы и что торговля неграми должна считаться такимъ же преступленіемъ, какъ морской разбой и называться смертію.

При рѣшеніи вопроса, который, послѣ парламентской реформы, былъ самымъ жгучимъ въ теченіе третьяго десятилѣтія нашего вѣка и, въ случаѣ справедливаго рѣшенія, долженъ былъ повести за собой и самую парламентскую реформу, Каннингъ встрѣтилъ сильное сопротивленіе дворянства и духовенства: исполненіе задушевныхъ своихъ желаній онъ долженъ былъ предоставить

своимъ пресмникамъ. Мы говоримъ объ освобожденїи католиковъ и о равноправности ирландцевъ съ великобританцами.

Не суждено было Каннингу совершить все, имъ задуманное. Въ апрѣлѣ 1827 года, по смерти Ливерпуля, онъ назначенъ былъ первымъ министромъ, составилъ министерство по своему выбору; 6-го іюля подписалъ договоръ, давшій рѣшительное направление дѣлу освобожденїя Грещи, но не дожидъ до окончанїя этого дѣла: 8-го августа 1827 года Каннингъ, къ великому огорченїю подлума, скончался.

За кратковременною переходною порой слѣдовало строго торійское министерство Веллингтона, нерадовавшееся наваринской побѣдѣ и равнодушное къ страданїямъ Португалїи подъ владычествомъ Донъ-Мигуэли. Но даже этотъ «железный» герцогъ долженъ былъ дѣйствовать по справедливости въ вопросѣ о католикахъ и сколько нибудь вникнуть въ положенїе Ирландїи. Въ теченїе многихъ столѣтїй Ирландїя была нелюбимой падчерицей Британїи и испытывала всѣ бѣдствїя завоеванной страны. Еще въ высшей степени, чѣмъ въ Англіи, были ненормальны здѣсь общественныя отношенїя. Вся земля сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ протестантскихъ англїйскихъ фамилїй; арендаторами же или поденщиками этихъ владѣльцевъ были почти всѣ остальные туземные жители-католики. Богатя имущества и права католическаго духовенства перешли, по волѣ Англіи, въ руки англїканской церкви, чуждой большинству ирландцевъ. Такимъ образомъ ирландецъ долженъ былъ платить десятину духовенству чуждаго ему вѣроисповѣданїя и кромѣ того содержать свою, католическую церковь. Это и другїя подобныя ненормальныя явленїя, тѣсно связанныя съ различїемъ расы, не могли быть устранены до тѣхъ поръ, пока существовалъ законъ, исключавшїй всѣхъ католиковъ изъ парламента. Не имѣя ни малѣйшей возможности заявить свое бѣдственное положенїе и улучшить его законнымъ путемъ, не имѣя представителей, которые бы отстаивали въ англїйскомъ парламентѣ интересы разоренной, голодной, въ теченїе столѣтїихъ вѣковъ обижаемой и угнетаемой страны, ирландцы дѣйствовали незаконными путями. Въ Ирландїи возникали тайныя общества, вспыхивали пожары, совершались убїйства. Для всѣхъ сколько-нибудь мыслившихъ людей было ясно, что англїйское общество и правительство должны были вникнуть въ положенїе Ирландїи и найти средства загладить многовѣковую несправедливость свою къ этой несчастной странѣ. Ограничиваться одними строгими мѣрами противъ незаконныхъ проявленїй недовольства народнаго, значило искоренять слѣдствїе, а не причину зла.

Первымъ шагомъ въ рѣшенїи ирландскаго и католическаго вопроса было отмѣненїе введеннаго еще при Карлѣ II закона, такъ-называемаго, *testact'a*. Законъ этотъ требовалъ отъ каждаго, кто вступаетъ на какую-либо государственную должность, присяги въ томъ, что догмать о пресушествленїи хлѣба и вина

въ тѣло и кровь въ тѣлѣхъ Ирландіи оны помнятъ согласно учению антиквизной церкви. Законъ этотъ, дающій полтора столѣтніа составивше спротивленіе, въ 1828 году оказался неисполнимъ противъ воли челоука, и потому отмененъ.

Движеніе въ пользу эманципации католиковъ уже началось, когда ирландскій адвокатъ Оконнелль, прославившійся своимъ краснорѣчивіемъ и своею горячею преданностію народному дѣлу, сталъ во главѣ этого движенія, поирять страну сѣтью католическихъ обществъ. Желая практически рѣшить ирландскій вопросъ, онъ успѣлъ встопить на томъ, чтобы его предпочли на выборахъ протестантскому кандидату Финчерианду и выбрали въ члены нижней палаты, куда, по закону, онъ не имѣлъ доступа, какъ католикъ. Это происходило въ графствѣ Кларъ, 5-го іюля 1828 года. Радости, испытанной ирландцами въ это время, соотвѣтствовало уваженіе, которое внушалъ въ Англии Оконнелль своею нравственною силою и своими услугами. Веллингтонъ видѣлъ, что необходимо или уступить движенію, или начать съ ирландцами междоусобную войну. Какъ хорошій полководецъ, онъ предпочелъ уступить.

13-го апрѣля 1829 года, билль, предложенный Веллингтономъ и принятый въ обѣихъ палатахъ, былъ подписанъ королемъ, противившимся дѣлу освобожденія католиковъ до послѣдней крайности. Католики получили право занимать всякую должность, за исключеніемъ немногихъ высшихъ государственныхъ постовъ, и имѣть доступъ въ обѣ палаты парламента.

Могучій трибунъ народный, великій агитаторъ, какъ его называли англичане, теперь могъ уже лично высказывать угнетателямъ Ирландіи жалобы на ея бѣдственную участь. Немедленно до вступленія своемъ въ нижнюю палату, Оконнелль выступилъ съ радикальнымъ предложеніемъ общей и тайной подачи голосовъ и уже толковалъ, что для Ирландіи необходимо имѣть свой особенный парламентъ и свое собственное законодательство, словомъ, находится въ такихъ же отношеніяхъ къ Велиибританіи, въ какихъ желала быть Сицилія къ Неаполю.

Вѣсть о тѣхъ въ Англии и Ирландіи нецѣлились новыя вопросы и требованія, и главнымъ образомъ требованіе парламентской реформы. Благодаря эманципации католиковъ, общественное мнѣніе убѣдилось въ необходимости измѣнить, въ пользу диссидентовъ, прежнюю систему выборовъ. Но этого было недостаточно: слѣдовало измѣнить ее и въ социальномъ отношеніи. Ни король, ни парламентъ не высказывались въ пользу подобныхъ преобразованій. Но мы увидимъ, какъ совершатся важныя событія, вслѣдствіе которыхъ новыя личности выступить на политическое поприще и положить начало парламентской реформѣ.

В. Покровский.

Г Д Ъ Л У Ч Ш Е ?

РОМАНЪ.

Часть первая.

ВЪ ПРОВИНЦІИ.

ІХ.

ПРИЗНАНІЕ ЛИЗАВЕТЫ ЕЛИЗАРОВНЫ.

Со времени отъѣзда Ульянова и Горюнова, Пелагея Прохорова съ каждымъ днемъ все больше и больше сближалась съ Лизаветой Елизаровной. Пока еще былъ здѣсь дядя, она могла гордиться имъ, человѣкомъ понавшимъ въ уставщики, значить имѣющимъ кое-какое значеніе на промыслахъ; но теперь, когда дядя исчезъ, она очутилась совершенно одна съ братьями. Но что ей братья? Братья хотятъ жить сами для себя и отъ нихъ не жди помощи. Вонъ даже когда дядя подарилъ ей пять рублей, Григорій сталъ уворять ее въ томъ, что ее больше любить, и деньги слѣдовало бы дать не ей, а имъ. Чтобы отвязаться отъ братьевъ, она отдала эти деньги Григорію, который ей за это и спасибо не сказалъ. Отдала она деньги и стала горевать, ругая себя глупою. «Вѣдь мнѣ съ этими деньгами можно бы было пойти до города!», думала она на первыхъ порахъ. Но какъ она пойдетъ въ городъ одна, не зная дороги? Еще нападуть на нее, ограбятъ и Богъ-знаетъ что сдѣлаютъ съ ней. Другое дѣло, еслибы она была пожилая женщина. Но и не это еще удерживало ее въ селѣ: она дожидалась извѣстія отъ Короваева. Уйди она изъ села,—и не узнаетъ ничего о Короваевѣ, о которомъ она думала теперь больше прежняго, зная что онъ любитъ ее и не хочетъ жениться на ней зря.

Сознавая, что она здѣсь чужая, она рада была поговорить съ

къмъ нибудь отъ души. Но говорить было не съ кѣмъ, кромѣ Лизаветы Елизаровны. Лизавета Елизаровна тоже рада была своей сосѣдкѣ и старалась раскрыть передъ ней свои тайны, надѣясь на то, что она ее не выдастъ, потому что Пелагея Прохоровна не имѣетъ знакомства съ другими женщинами и вообще женщина молчаливая. И онѣ скоро сошлись, понравились другъ другу и стали пріятельницами. Хотя Пелагея Прохоровна и много страннаго находила въ поведеніи своей подруги, но приходила къ тому заключенію, что здѣшняя жизнь не похожа на заводскую въ томъ отношеніи, что тамъ дѣвушки до выхода замужъ большею частію живутъ дома, и если знакомятся съ парнями, то въ церкви, на гуляньяхъ и на вечеряхъ,—здѣсь же онѣ рано становятся съ мужчинами и парнями на промыслахъ. По промысловымъ понятіямъ ничего не было страннаго въ томъ, если пары заходили слишкомъ далеко и дѣвушка дѣлалась беременною, потому что скоро послѣ беременности она выходила замужъ. Но Лизавета Елизаровна не говорила о своей беременности. Однакоже, Пелагея Прохоровна стала замѣчать, что Лизавета Елизаровна дуется на одного парня, который любезничаетъ съ черноволосой невысокой дѣвицей и носить за ней соль, и при этомъ парень старается оказывать большія ласки Григорію Прохорычу, который отъ парня получаетъ насмѣшки и угрозы. Ясно казалось Пелагеѣ Прохоровнѣ, что или парень разобидѣлъ кѣмъ-нибудь Лизавету Елизаровну, или Лизавета Елизаровна разобидѣла парня. Пелагеѣ Прохоровнѣ со своей ственной женщинамъ любовнательностію хотѣлось разспросить свою подругу объ этомъ, но было неловко начинать прямо, и она только намекала на парня, но та или сердилась, или отмалчивалась.

Дѣло въ томъ, что Лизавета Елизаровна была гордая дѣвушка. Она требовала, чтобы тотъ, который любитъ ее, исполнялъ малѣйшіе ея капризы: напр., уронить она съ лѣстницы платокъ, Ванька Зубаревъ долженъ сходить за нимъ; нужны ей къ празднику сережки—Ванька Зубаревъ долженъ купить ихъ, хотя бы и въ десять коп. Ванька Зубаревъ хороводился съ ней полтора года и цѣлый годъ угождалъ ей безпрекословно. Сперва, конечно, поломается, поогрызется, но все-таки исполнитъ приказъ Лизаветы Елизаровны. Никто такъ не могъ угодить Лизаветѣ Елизаровнѣ, какъ онъ, и за то какъ было хорошо и весело съ нимъ, особенно лѣтомъ! Хотя Зубаревы и жили въ Демьяновѣ, только Иванъ Демьянычъ работалъ на Моргуновскихъ промыслахъ, потому что на нихъ было больше требованія на рабочихъ и плату давали больше цѣлыхъ на десять копеекъ противъ Притыкинскихъ промысловъ. У него была своя

лодка, въ которой онъ каждый лѣтній день перендывалъ два раза рѣчку Улью и въ которой послѣ работы каталъ и Лизавету Елизаровну. Очень любилъ Зубаревъ Лизу Ульянову, и та любила его какъ только можетъ любить шестнадцатилѣтняя промышленная дѣвушка, дочь бѣдныхъ родителей. Бывало, сидятъ они ночью въ лодкѣ обнявшись, а лодка плыветъ какъ поплаво по теченію, и далеко такъ уплынуть они; случалось вороваться имъ домой версты изъ-за ватнацати, и тогда Зубаревъ или *маломался* на веслахъ, или шелъ бичевой, а Лизавета Елизаровна правила на кормѣ весломъ, подсмѣиваясь надъ возлюбленнымъ. Случалось возвращаться имъ и въ грозу, и тогда Лизавета Елизаровна, сидя на берегу съ Зубаревымъ подъ опрокинутой ледкой, отъ страха молила всѣхъ угодниковъ, нылась въ грѣхахъ и вѣялась, что она въ послѣдній разъ плаваетъ съ Зубаревымъ. На промыслахъ, конечно, всѣ знали про связь Лизаветы Елизаровны съ Иваномъ Зубаревымъ и не обращали вниманія на нихъ, потому что у каждаго или у каждой были любовницы или любовники; мать тоже знала, что Зубаревъ ухаживаетъ за ея дочерью, и думая по себѣ, что онъ на ней женится, не очень бранила ее за поздня возвращенія домой; отецъ же, живя на кардонѣ, конечно, ничего не зналъ, а если и замѣчалъ отсутствіе дочери, то удовлетворялся какинъ-нибудь отвѣтомъ своей жены. Все шло хорошо около года, а потомъ Лизавета Елизаровна стала замѣчать, что Иванъ Зубаревъ сталъ холоднѣе съ нею, меньше исполняетъ ея прихоти и капризы. И случилось это съ нимъ съ тѣхъ поръ, какъ они были въ чашѣ лѣса, гдѣ провели всю ночь въ полномъ блаженствѣ. Правда, послѣ этого Лизавета Елизаровна сильно привязалась къ Ивану Зубареву и въ первое время изъ гордой дѣвушки сдѣлалась до того кроткой, что позволяла прикринивать на нее Зубареву, исполняла его приказанія, но потомъ замѣтила, что Зубаревъ нетолько взялъ надъ ней верхъ, но и обращеніе его съ нею стало уже не то: точно она ему надоѣла. И вотъ стала она замѣчать, что Зубаревъ рѣже показывается на промыслахъ, а если и придетъ, такъ дожидается, чтобы она его изъ милости попросила поносить соль. Наконецъ, онъ ее весьма оскорбилъ: снесъ два мѣшка соли и ушелъ, а немного погода сталъ носить соль за другую дѣвицу.

У Лизаветы Елизаровны, какъ она увидала это, чуть мѣшокъ съ солью не свалился съ плечъ и она сама не помнитъ, какъ она доносила до вечера соль, получила расчетъ и пришла домой раньше обыкновеннаго, такъ что мать ея, не носившая въ этотъ день соли по нездоровью, удивилась и спросила:

— Али Зубаревъ не былъ?

Но Лизавета Елизаровна ничего не сказала. Она никакъ не могла понять поведенія Ивана Зубарева. Этотъ человѣкъ такъ любилъ ее, такъ много обѣщалъ ей впереди хорошаго, обѣщавъ послѣ рождества жениться на ней, и какъ прошелъ Благовѣстный день, вдругъ выдвигается съ нею такую штуку. Это что-нибудь да значить. Хотѣлось ей переговорить съ Зубаревымъ, но онъ цѣлую недѣлю не являлся на работу, а на другой недѣлѣ во всѣхъ промыслахъ не было работы для женщинъ. На третей недѣлѣ, объ этомъ шуртѣ замѣтила Лизаветѣ Елизаровнѣ Пелагея Прохорова. Тогда Лизавета Елизаровна думала, что Зубаревъ подойдетъ къ ней, возьметъ ее мѣшокъ, но онъ, какъ будто самъ хотѣлъ, чтобы Лизавета Елизаровна пожелала ему. Когда Григорій Прохоричъ повесъ за нее соль, хотѣлось Лизаветѣ Елизаровнѣ поговорить съ нимъ, высказать ему, что она беременна — но не время было, а вызвать Зубарева въ другое мѣсто во время рабочее неприлично, потому что такихъ примѣровъ еще не бывало на промыслахъ.

Григорій Прохоричъ видалъ дѣвушекъ и поврасивѣе Лизаветы Елизаровны; онъ уже два раза былъ влюбленъ, и въ послѣдній разъ даже хотѣлъ жениться на любовницѣ приващана, у котораго онъ былъ лавесомъ; но вмѣсто женитьбы угодилъ въ острогъ по обвиненію его въ крадѣ вещей, а его невѣста задалась не отъ любви къ нему, а не желая болѣе переносить каторжную жизнь. Острогъ его не испортилъ, такъ-какъ онъ изъ него скоро былъ выпущенъ по преслѣбѣ приващана, имѣвшаго обыкновеніе прощать всѣхъ своихъ враговъ въ свои иманья, но научилъ смотрѣть на жизнь болѣе практически, чѣмъ прежде. Еще бывши въ острогѣ, онъ покаялся не увлекаться *омаками*, не слушать ихнихъ любезностей, но встрѣтившись съ Лизаветой Елизаровной, онъ не могъ устоять. Она съ перваго же дня огорошила его, задѣвъ его самолюбіе пустякомъ — неумѣиємъ расколоть сучковатое полѣно. Столкнувшись на промыслахъ съ женщинами, онъ, какъ молодой человѣкъ, не могъ не вглядываться въ нихъ и не вслушиваться въ ихъ слова. Какъ онъ ни крѣпился, ни заключалъ по своему, что всѣ эти бабы и дѣвки отчаянныя, но кровь въ немъ волновалась и ему нравилось употреблять въ дѣло щипки. Не зная никакихъ отношеній между дѣвицею Ульяновою и парнемъ, погрозившимся обломать ему ноги, онъ думалъ, что Лизавета Елизаровна легко ему достанется. Но не такъ вышло на самомъ дѣлѣ. Еще въ воскресенье передъ отъѣздомъ дяди, онъ очень развѣтрался съ Лизаветой Елизаровной, и когда она вышла зачѣмъ-то въ сѣни, то

догналъ ее, обнялъ, но получилъ за это такую пощетину, что ему долго было совѣстно показаться на глаза марадѣ Лизаветой Елизаровной, да и она сама, замки его во дворѣ, отвращивалась отъ него и уходила скорее домой.

Наступило рождество, и прошло весьма скучно въ чобокъ семейства. Лизавета Елизаровна очень рѣдко заезжала въ Горюновымъ, и то въ такое время, когда Григорья Прокхорича не было дома, а Пелагея Прокхорова, узнавшая, что братъ ее сдѣлать глухость, и не настаивала на томъ, чтобы она ходила при братѣ. Прошли и святки скучно. Прежде, бывало, у Ульяновича передъ крещеньемъ всегда вечера устроивается, а нынче нѣтъ. Прежде отбоя нѣтъ отъ дѣвицъ: приходи ради Христа на вечерку, — нынче только развѣ на улицѣ пошевеливаетъ Лизаветѣ Елизаровнѣ дѣвушка и спроситъ: а нѣтъ это ты не была на вечеркѣ? И тутъ же прибавила: а Ваньку Зубаровакаго не видала? Братья, впрочемъ, ходили на вечерки, ходили и плясали на вечеркахъ и Григорій Прокхоричъ, только къ нему не благоволила ни одна дѣвица, такъ-какъ у каждой былъ свой кавалеръ, и каждый изъ этихъ кавалеровъ старался разругать дѣвицу Ульянову для того, чтобы выжить изъ компаніи Гривашку Горюнова какъ артиста. Не весело было Григорью Прокхоричу на этихъ вечеркахъ, чужой онъ былъ на нихъ, неприятно ему было слышать, какъ конфузятъ и обзываютъ дѣвицу Ульянову, говоря даже про нее, что почему-де у нее въ димѣ, въ *придѣлѣ* (въ новой половинѣ, гдѣ жилъ Григорій Прокхоричъ) нѣтъ вечерки, что Лизка брюхата и любовникъ ее бросилъ, потому что она горда не кстати и съ порокомъ, но обо всемъ слышанномъ тамъ онъ ничего не говорилъ сестрѣ.

Въ крещенскій сочельникъ обѣ женщины гадали въ новой половинѣ. Пришелъ Григорій Прокхоричъ, гаданье прекратили.

— Погадайте на меня, сказалъ онъ, подойдя къ гадальщицамъ.

— Не стойшь, сказала Лизавета Елизаровна.

— Тебя што ли просать? Палагешка, погадай!

— Какой ты сегодня тасковий сдѣлался!... Гадай самъ, сказала Пелагея Прокхорова, отдавая поварешку брату и обратилась къ Лизаветѣ Елизаровнѣ: — пойдемъ къ тебѣ.

— И я съ вами.

— Очень нужно, сказала Лизавета Елизаровна.

— Важна ужъ што-то больно стала не кстати!... Послушала бы ты, што говорятъ-то про тебя!

— Ну, дакъ што? Языкъ-то вѣдь безъ костей.

Подруги подошли къ двери.

— Что мнѣ; околѣвать што-ли здѣсь!

Подруги захохотали и ушли.

Григорій Прохорычъ бросилъ поварешку подъ лавку, потушилъ лучину и легъ на печь. Брата дома не было: онъ со Степаномъ Ульяновымъ еще не приходилъ изъ села. Спать ему не хотѣлось и онъ сталъ думать, можетъ быть, въ тысячный разъ о томъ, какъ бы ему хорошо было найти гдѣ нибудь владѣ и потомъ жениться... жениться на Лизѣ. Чѣмъ больше думалъ онъ о дѣвицѣ Ульяновой, тѣмъ больше она ему нравилась. Нравилась ему въ ней ея гордость, ея рѣчи, трудъ, и онъ ставилъ ее выше первыхъ двухъ своихъ любовницъ, изъ которыхъ первая ничего не умѣла дѣлать, а только хныкала; вторая, живя у привашика, сдѣлалась барышней и едва-ли бы перенесла съ нимъ тяжелую жизнь. А на Лизѣ жениться хорошо: она будетъ работать и онъ тоже, да и дома строить не нужно. Тутъ мысли его приняли другой оборотъ: онъ находилъ себя ничтожнымъ человѣкомъ въ сравненіи съ Лизаветой Елизаровной; халатишко у него худое, починить его нечѣмъ да и не стоитъ: станеть затягивать нитку — такъ рвется; полушубка нѣтъ; сапоги оборвались, подошвы на нихъ отпадывають; новые купить не на что, потому что сестрины деньги онъ издержалъ по пустякамъ. Вотъ сегодня у одного сапожника укралъ шило и драгту выпросилъ, завтра надо будетъ починить какъ нибудь. Опять кожи нѣтъ. Кабы было лѣто, можно бы гдѣ нибудь найти въ грязи или въ назъму кусокъ кожи...

Вдругъ онъ услышалъ стукъ по стѣнѣ къ хозяевамъ. Сталъ слушать. Еще застучали, и кажется сестра произнесла его имя.

— Не пойду! Самъ хотѣлъ — обругали. А теперь не пойду. Не смѣйся горохъ, не лучше бобовъ! проговорилъ самъ съ собой Григорій Прохорычъ.

Его такъ и порывало идти къ хозяевамъ, но и не хотѣлось ему уступить. «Брюхо толще, такъ губа тоньше», сказалъ самъ себѣ Григорій Прохорычъ и рѣшилъ не идти, хотя бы они тамъ всѣ кулаки объ стѣну отбили. Однако онъ не утерпѣлъ, слѣзъ съ печи, и подошедши къ стѣнѣ, наставилъ лѣвое ухо, чтобы услышать оттуда что нибудь, но стѣна была бревенчатая; онъ слышалъ, что кто-то говорилъ и вдругъ захохотали, сперва Ульянова дѣвица, потомъ его сестра.

— Это онѣ надо мной смѣются.

Опять тѣхъ.

— А чортъ съ ними!... Нечего мнѣ тамъ дѣлать...

И Григорій Прохорычъ легъ на печь, но лежать было скучно,

хотѣлось идти; онъ элился и на себя и на Лизавету Елизаровну и на сестру.

Пришла сестра.

— Ты што же не пришелъ? спросила она брата.

— Очень нужно.

— Ну, брюхо толще, тагъ губа тоньше.

— Послушай Палагея, што это она надо мной надѣвается?

— Кто?

— Кто?! Лиза!

— Да и какъ не надѣваться надъ дуракомъ. Зачѣмъ ты ее въ снѣгахъ-то обхватилъ?

Григорій Прохоричъ замолчалъ. Теперь ему стало понятно, что сестра его стала пріятельницей Лизаветы Елизаровны.

— А што, Палагея, какъ ты думаешь, пойдеть она за мена? спросилъ вдругъ братъ сестру, когда та уже стала засыпать.

— Видумывай.

— Нѣтъ, въ самъ-дѣлѣ!

— Спи-ко лучше. Скоро утро.

— Палагея... сказалъ братъ, немного погоди, обвиняя спящую сестру, которая отъ этого пробудилась и съ испугомъ вскрикнула.

— Сестрица... Посватай ты за мена Лизу...

— А штобъ тѣ околѣтъ! Какъ испугалъ, глѣшій!

— Посватаешь?

— Ну! Убирайся.

Григорью Прохоричу было легко послѣ этого. Утромъ братъ и сестра молчали: братъ стыдился сестры, сестра что-то обдумывала. Григорій Прохоричъ усѣлся за сапогъ около огня, повертѣлъ его: починить безъ кожи нельзя: какъ ни верти, а нужна заплатка.

— Поговоришь? сказалъ вдругъ дрожащимъ голосомъ братъ сестрѣ. Щеки его покраснѣли.

— И што ты это выдумалъ, братъ! Какая она тебѣ ровня?

— А тебѣ што за ровня?

— Я другое дѣло... Говори самъ... Это твое дѣло.

— Какъ я буду говорить, коли она такая фря...

Послѣ обѣда Палагея Прохоровна завала къ себѣ Лизавету Елизаровну. Лизаветѣ Елизаровнѣ, вѣроятно, уже было извѣстно о намѣреніи Григорія Прохорича, потому что она поклонилась ему неловко, щеки покраснѣли болѣе обыкновеннаго и голосъ ея былъ неровный.

Стали играть въ карты. Всѣ молчали. Каждый хотѣлъ что-то начать, но что-то удерживало.

Наконецъ первая начала Лизавета Елизаровна.

— Какіе нищі женихи-то молчаливце... предвориде она, сдавая карты, какъ бы про себя.

Григорій Прохорычъ покраснѣлъ, какъ ракъ, и медлилъ, что ему дѣлать: сидѣть или бѣжать?

Минуть пять никто не промолвилъ слова.

— Женишокъ? Што же ты молчишь? сказала вдругъ Лизавета Елизаровна.

— Я... сказала Григорій Прохорычъ, вздрогнувъ.

Обѣ женщины захохотали.

— Хорошо же ты будешь муженекъ, нечего сказать... Однако, Григорій Прохорычъ, позвольте васъ спросить: какіе вы имѣете на меня видя? сказала уже серьезно Лизавета Елизаровна.

— Лизавета Елизаровна...

— Убирайся!

И Лизавета Елизаровна, бросивъ карты, ушла отъ Палаген Прохоровна.

— Поди къ ней, пока матери хѣтъ дома, сказала сестра брату.

Братъ послушался сестры.

Когда онъ пришелъ къ Ульяшовымъ, Лизавета Елизаровна, сидя у плиты, плакала и назаносъ же намѣтила пощедшаро Горюнова, который остановился въ дверяхъ и не смѣлъ тронуться дальше.

— Лиза! сказалъ онъ.

Лизавета Елизаровна вздрогнула.

— Зачѣмъ ты пришелъ? крикнула она.

— Лизавета Елизаровна... Я люблю тебя...

Лизавета Елизаровна захохотала.

Григорій Прохорычъ подошелъ къ ней, лобнялъ ее и медловалъ. Она не сопротивлялась, но плакала.

— Голубчикъ Гриша! Ты мнѣ нравишься... Но...

— Лизанька!... говорилъ Горюновъ, прижимая Лизавету Елизаровну.

— Гриша!... Я не хочу тебя обманывать... говорила рыдая Лизавета Елизаровна.

— У! Дура! Не жалуйся, а она плачетъ! Лиза, не смѣй плавать! говорилъ шутилъ Григорій Прохорычъ, утирая слезы съ глазъ и щекъ Лизаветы Прохоровны.

Лизавета Елизаровна боролась сама съ собой, наконецъ встала и сказала:

— Подумалъ ли ты о томъ, што про меня говорить на промислахъ и на вечерахъ?

— Што?

— Ты вѣришь тому, што говорить про меня?

— Нѣтъ.

— Такъ я тебѣ скажу: што про меня говорятъ—вѣрно... Я говорю тебѣ потому, штобы ты зналъ и послѣ не кажался, што я обманула тебя... Одна голова не бѣдна!... Я себя съ ребенкомъ прокормлю какъ-нибудь, за то меня никто не укорить.

Григорій Прохорычъ стоялъ, какъ оплеванный. Онъ не зналъ, шутить съ нимъ Лизавета Елизаровна или говорить правду.

— Али ты не вѣришь моимъ словамъ? Поди спроси свою-то сестру, мнѣ отъ нее нечего тайть, да и тебя я не боюсь. Подумай-во лучше о томъ, хорошо ли жениться на дѣвушкѣ съ нагладомъ?... Хорошо ли получить въ приданое ребенка?

Григорій Прохорычъ стоялъ пораженный, не зная, что сказать.

Лизавета Елизаровна сѣла за палцы, нагнулась и закрыла лицо руками. Съ четверть часа она сидѣла въ такомъ положеніи, и когда открыла лицо, то увидала, что Григорій Прохорычъ все еще стоялъ, разглядывая свою фуражку.

— Не вѣришь? спросила Лизавета Елизаровна.

— Обманула ты меня... Тяжко ты меня обманула! сказалъ онъ со вздохомъ.

— Я тебя не завлекала; ты добровольно носилъ за меня соль.

Григорій Прохорычъ вышелъ. Пришедши домой, онъ швырнулъ въ уголь фуражку и сказалъ сестрѣ:

— И тебѣ не стыдно?... Будто я патилѣтній ребенокъ, штобы меня такъ дурачить. Свинья!

— Што, вѣрно губа-то не дура!

— Молчи! Убью!

— Дуракъ!... Только вы мужчины и хороши. Припомни-во, не лебезилъ ли ты около Горбуновой...

— У-у!! Змѣ-я!... проговорилъ со злостію Григорій Прохорычъ, и отыскавъ фуражку вышелъ изъ избы.

Х.

Промысловый судъ.

Григорія Прохорыча ужасно разобидѣло то обстоятельство, что онъ влюбился въ такую дѣвушку, которая уже беременна. «Двухъ дѣвокъ я любилъ, и такой штуки со мной не случалось... Хорошо еще, что она сама сказала»... думалъ онъ. Онъ теперь цѣлыя сутки терся на промыслахъ и терпѣливо сносилъ насмѣшки молодыхъ рабочихъ, которые смѣялись надъ тѣмъ, что пришедецъ Гришка Горюновъ хочетъ жениться на бывшей любовницѣ

Т. СLXXIX. — Отд. I.

Ваньки Зубарева, и когда уж его выводили изъ терпѣнія, онъ кричалъ, что они напрасно чешутъ языки, потому что онъ не дуракъ и даже не живетъ въ Ульяновскомъ домѣ. Рабочіе, видя, что Горюновъ живетъ безвыходно на промыслахъ, даже на рынокъ не ходитъ, а покупаетъ хлѣбъ у торговцевъ, приносящихъ хлѣбъ на промысла, удивлялись его терпѣнію и въ то же время говорили, что Горюнова вѣроятно отщелкала Лизка Ульянова. Словомъ, Горюнову казалось, что рабочіе всячески старались разбѣсить его. Все шло въ такомъ порядкѣ дѣлю недѣлю до тѣхъ поръ, пока не открылось на варницахъ соле-ношеніе. Къ этому времени рѣдкій холостой рабочій не зналъ о порокахъ Лизаветы Ульяновой, а знали всѣ объ этомъ отъ Марьи Оглоблиной.

Явились на промысла женщины, по обыкновенію явились и мужчины для того, чтобы или пошалить, или самимъ попасть въ работу съ женщинами. Всѣ голосили о семействѣ Ульяновыхъ, и теперь было меньше спора о томъ, чтобы мужчины не работали съ женщинами, потому что каждой хотѣлось узнать дѣло во всей подробности и выслушать мнѣніе мужчинъ и за тѣмъ поругать мужчинъ за нанесенное женскому полу оскорбленіе.

Говоры шли разные по этому дѣлу.

— Я давно замѣчала, што Лиза беременна, да молчала,—по-тому не мое дѣло.

— Потому, молъ, сама беременна...

— Сука дакъ сука и есть!...

— Неправду што ли говорю! Скрывать-то, матушка, нечего. Ты знаешь пословицу: отецъ да мать не знаютъ, а весь міръ знаетъ. Вотъ што! А вотъ это надо разсудить, што Лизка теперь?

— Не впадать ее. Поди не явится.

— Стыдно.

— Ну, она не такая!

— Слышала? заводской Гришка за нее сватался?

— Слышала, да што-то онъ, говорятъ, все здѣсь жветъ. Должно быть, какъ узналъ въ чемъ дѣло, то и на попятный.

— Смотрите, бабы и дѣвки, заводскаго Гришку Горюнова въ компанью не принимать.

— Тебѣ не надо, не примай.

— Отсохъ бы у тѣ языкъ-то. Говорятъ, Гришка этотъ Зубаревскому примѣру послѣдовалъ.

— Сама первая, смотри, не бросься ему на шею.

— Слава-Богу, еще въ разсудкѣ.

— Васъ слушать надо уши зажавши. Правду говорить по слову: «двѣ бабы — рынокъ, а три — какъ армонка».

— Извѣстно: «много голку, да мало толку!»

— Не суй перста въ ротъ, пожалуй, откусивъ. А вы вотъ што скажите, умныя головы: дѣло ли это обмануть дѣвку?

— Штò жъ такое? Мы примѣръ съ баръ беремъ. Коли бара обманываютъ, намъ и подавно можно.

— Не слушайте его, дурака. Отъ него никогда не дождемся добраго слова.

— Зачѣмъ не дожждаться. Кричать-то только не для чего: извѣстно, немного попѣто, да на вѣгъ надѣто.

— Хорошо. Теперь ты скажи: не обидно ли дѣвкѣ, если ее обманываютъ?

— А какъ же мужья-то умпрають?

— Штò съ дуракомъ и говорить!... Осель такъ осель и есть. Ты бы то подумаль: штò бы ты свазаль, еслибы твоя дочь родила?

— Я бы ее въ зашей!

— То-то и есть, чужое страхомъ огорожено; въ чужихъ рукахъ ломоть великъ... Охъ вы! Ну, не мужское ли это дѣло пристать за бабъ? Вѣдь вы съ начальствомъ-то хороводитесь, а не бабы.

— Поди сунься, такъ двадцать-пять и запросить.

Пришла Лизавета Елизаровна съ Пелагеей Прохоровной. Всѣ, какъ увидали ее, смолкли.

— Штò-то не видать тебя давно, Елизаровна? Съ новой подругой спозналась, насъ и знать не хочешь? Али замужъ скоро выходишь? кричали ближнія женщины.

— Это ужъ мое дѣло. Лучше дома спдѣтъ, чѣмъ слушать выкомурь.

— То-то ты женишка-то новаго и подсылала подслушивать...

— Какого женишка?

— А Гришку-то.

— Съ чего вы взяли, што онъ мнѣ женихъ? И не стыдно вамъ говорить-то!... По себѣ, видно, судите...

— Хотѣла, видно, обмануть молодца, да не на таковского напала.

— Хоть бы не ты говорила, Офшма!... Не тебя ли стыдили въ прошломъ годѣ... Я молчу. И какое вамъ дѣло, бабы, до меня? Экая важность, што я беременна! Будто ужъ дѣвкѣ и родить нельзя! Будто и за вами нѣтъ грѣховъ... Я знаю, штò дѣлаю.

— Безстыдница такъ безстыдница и есть! Ты бы мужичья-то постыдилась.

— Нечего мнѣ ихъ бояться. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ же на мнѣ жениться, недалше, какъ въ вращенье въ ногахъ у меня валялся, а какъ я сказала ему, што я... ну, онъ и драго.

Женщины молчали.

— Это не заводской ли Гришва? спросилъ мужчина.

— Ну, хоть бы и онъ, такъ вамъ-то што?

— Славно онъ нарѣзлся.

Женщины вооружились противъ мужичья; мужчины доказывали, что никому не охота жениться на беременной и стояли больше за свою братью. Теперь всѣ были вооружены противъ Ивана Зубарева. Всѣ грозилась, какъ только онъ поважеться на промыслахъ, свернуть ему голову; но Лизавета Елизаровна упростила не дѣлать ему никакого вреда, потому что не стоитъ изъ-за него быть въ отвѣтъ, а лучше сказать ему, чтобы онъ не смѣлъ больше показываться на промыслахъ; приневоливать же его жениться на ней не надо, потому что онъ ей теперь противенъ.

Тѣмъ разговоры и кончились. Начали носить соль и объ утреннемъ разговорѣ никто не заводилъ рѣчи, даже не говорили и о томъ, что Горюновъ, при входѣ женщинъ въ варницу, ушелъ, не поклонившись ни сестрѣ, ни Лизаветѣ Елизаровнѣ. Хотя же сестра и спросила Панфила, куда ушелъ братъ, но онъ ничего не могъ сказать положительнаго. Григорій Прохорычъ ушелъ въ другія варницы. Онъ далъ себѣ слово всячески стараться избѣгать встрѣчи съ Лизаветой Елизаровной, которую онъ любилъ, обнималъ и которая такъ жестоко оскорбила его.

Въ полдень показался на промыслахъ Иванъ Зубаревъ. Онъ нерѣшительно шелъ къ варницѣ, то и дѣло оглядываясь и озираясь по сторонамъ, какъ будто боялся, чтобы его не зашибли откуда нибудь полѣномъ. Онъ дошелъ благополучно до варницы, вошелъ въ нее, постоялъ немного и подошелъ къ одной дѣвицѣ, за которую онъ въ послѣднее время носилъ соль.

Та обругала его, упрекнула Ульяновой.

— Не хочешь ли ты и со мной такую же штуку сдѣлать, какъ съ ней? сказала она и ушла.

— Глядите, бабы, Зубаревъ! начала Лизавета Елизаровна: — стоитъ какъ оплеванный! На него никто и вниманія не обращаетъ, а онъ стоитъ... Спросите, чево ему надо еще?

Бабы заголосили, парни приняли угрожающій видъ.

— Лучше уходи добромъ въ свое село. Намъ ты теперь, послѣ твоихъ пакостей, не товарищъ, сказала одна дѣвица.

Парни окружили Зубарева.

— Не троньте его!... Я больше васъ имѣю право бить его, да не хочу рукъ марать объ этукую гадину... Посмотримъ, удастся ли ему еще надуть такую дуру, какъ я, проговорила Лизавета Елизаровна.

— Посмотримъ: кто возьметъ тебя замужъ! крикнулъ Зубаревъ.

Всѣ заголосили, парни начали бить Зубарева, но Лизавета Елизаровна уняла ихъ. Зубаревъ ушелъ освищенный и обручанный.

— Теперь ужъ онъ и близко не подойдетъ къ нашимъ промысламъ, говорили женщины, довольныя своею храбростью.

— Ну, и нашимъ на Демьяновскомъ не совсѣмъ ловко будетъ теперь, проговорили парни.

О Зубаревѣ можно сказать не много. Онъ былъ сынъ бѣдныхъ родителей. Сперва онъ увлекся и полюбилъ дѣвушку искренно. Но когда онъ замѣтилъ, что она беременна, онъ ужаснулся своего поступка, думая, что его заставятъ жениться на Ульяновой, а отецъ выгонитъ его изъ дома. Онъ очень хорошо зналъ правила промысловыхъ обычаевъ, что давшій обѣщаніе дѣвушкѣ жениться на ней, долженъ былъ исполнить его, если она беременна отъ него. Отговорки не принимались. Лизавету Елизаровну онъ зналъ хорошо, но ему было неловко сказать ей, что ему не нравится ея беременность, и онъ сталъ думать, нельзя ли какъ-нибудь выпутаться изъ этого дѣла. Объяснилъ онъ это дѣло своей замужней сестрѣ, сказавъ ей, что его невѣста беременна, но, можетъ быть, и не отъ него. Та посовѣтовала ему ходить порѣже на моргуновскіе промысла, ревновать невѣсту къ кому-нибудь. И по ея совѣту дѣйствовалъ Зубаревъ. Послѣ двухнедѣльнаго отсутствія, онъ замѣтилъ, что за Лизавету Елизаровну носить соль другой мужчина, и этого было достаточно ему, чтобы заподозрить ее въ невѣрности. Онъ не взялся помогать Лизаветѣ Елизаровнѣ, и даже не поговорилъ съ ней. Но онъ любилъ ее, ему жалко было ее, ему хотѣлось поговорить съ ней; но гордость и подозрѣніе, что она, дѣйствительно, можетъ быть, промѣняла его на заводскаго парня, удерживала его, да онъ и радовался, что на мѣсто его подвернулся другой парень. Въ этотъ день онъ шелъ на Моргуновскіе промысла за тѣмъ, чтобы сказать Лизаветѣ Елизаровнѣ, что онъ давно слѣдилъ за ней, и узналъ, что она вѣтренная, и поэтому онъ съ ней не хочетъ быть больше знакомъ.

XI.

МАТЕРИНЪ СЫНЪ.

Послѣ этого событія случилось то, что домъ Ульяновыхъ перешелъ во владѣніе припаснаго Онуфріева, который до той поры не имѣлъ своего дома. Его нельзя было никакъ уговорить, чтобы онъ поощрялъ немного въѣзжать въ домъ. Онъ ничего не хотѣлъ слушать и очень скоро перетащился со своимъ семействомъ, состоявшимъ изъ жены, сестры и пятерыхъ дѣтей, въ старую половину, т.-е. въ ту, гдѣ жили Ульяновы, потому что она была помѣстительнѣе новой, такъ-какъ въ ней была изба и комната. Новую половину онъ отдалъ въ распоряженіе Ульяновыхъ съ платою ему въ мѣсяцъ пятнадцать коп. и съ тѣмъ, чтобы Ульяновы таскали на семейство Онуфріевыхъ воду. И такъ Ульяновы помѣстились въ новой половинѣ съ Пелагеей Прохоровной и ея братомъ Панфиломъ.

Теперь все хозяйство осталось на рукахъ Лизаветы Елизаровны, которая никакъ не хотѣла, чтобы Палагея Прохоровна считала себя хозяйкою. Степанида Власовна теперь совсѣмъ перемѣнилась. Раньше она была строгою хозяйкою, требовала чтобы у нее все было исправно, чисто, все лежало на своемъ мѣстѣ; прежде рано исталивалась печь, рано выпекались хлѣбы и остальное время было занято или пряжею, или вязаньемъ, или тканьемъ. Теперь же, считая себя болѣе прежняго обиженною и оскорбленною, она и въ дочери, и въ сыновьяхъ, и въ маленькой дѣвочкѣ подозрѣвала враговъ. Вставала она рано, будила всѣхъ рано и начинала ворчать, что ее всѣ обидѣли, ни отъ кого ей нѣтъ почету, никто ее не хочетъ слушать.

— Да кто тебя, мамонька, не слушаетъ? Всѣ мы тебя любимъ, скажетъ Лизавета Елизаровна.

— Это и видно. Я што говорила: не топи печь — дровъ нѣтъ...

— Это ужъ не твое дѣло. Не ты заботишься о дровахъ-то.

— Ну, вотъ! Я стала теперь не хозяйка въ своемъ домѣ?... То, бишь, выгнали... И начинала она разводить исторію о томъ, какъ она, по милости злыхъ людей и неповиновенія дѣтей, дошла до такой бѣдности.

Выйдетъ Лизавета Елизаровна къ коровѣ. Корова тощая, ѣсть хочетъ, а сѣна нѣтъ, купить неначто, украсть совѣстно, потому что и такъ уже сколько дней пробавлялись чужимъ сѣномъ. Просто мука съ одной этой коровой!... Кабы она молока

не давала—Господь бы съ ней... И ночь-то спокойно не заснешь; проснешься, корова на умѣ: «какъ бы ее прокормить сегодня, какъ бы украсть гдѣ сѣна»... Думаетъ, думаетъ Лизавета Елизаровна и полѣзетъ на поломанную телегу къ сосѣднему сараю, засунетъ въ щелку руку, пошарить—пошарить,—труха одна. И хорошо еще, что никого сегодня нѣтъ тамъ во дворѣ, а то ей не одинъ разъ уже приводилось слышать: «и какой это чортъ сѣно воруетъ? Сколько было сѣна — одна труха только теперь. Ужь поймаю же я кого-нибудь изъ Ульяновыхъ, штобъ у нихъ отсохли руки!»...

— Мамонька! Ужь продать бы што ли корову-то! Нечего ей ѣсть-то.

— Ну, вотъ! все я виновата во всемъ... Нѣтъ ужъ, поколѣю я, а корову не продамъ.

Дѣлать нечего, пойдетъ Лизавета Елизаровна къ сосѣдямъ, кои подобрѣе, кои прежде побирались у Ульяновыхъ. И чего-чего только она ни выслушаетъ отъ нихъ? Отъ однихъ словъ убѣжалъ бы человекъ... Но не поколѣвать же коровѣ изъ-за людскихъ неприятностей: «пусть говорятъ, что хотять, пусть ковфузять и страмятъ насъ какъ хочуть—все снесу, только бы дали сѣна»... За то какъ рада, съ какимъ восторгомъ несетъ домой Лизавета Елизаровна охапку сѣна, точно она несетъ не смѣтныя сокровища... За то во всемъ околодѣ про нее стали говорить: ни у кого нѣтъ такого безстыдства, какъ у Лизки Ульяновой. Извѣстно, отпѣтая... Вѣдь знаетъ, что у насъ не горы золота, а лѣзетъ. И только ужъ по человѣчеству жалко и животинку: потому, чѣмъ бѣдная коровенка виновата, что ее морять голодомъ»...

А Степанида Власовна не понимала всего этого. И много-много было такихъ недостатковъ, черезъ которые почти на каждомъ шагу приводилось получать Лизаветѣ Елизаровнѣ неприятности. Мать же, если и сидѣла иногда цѣлый день дома за пражей или тканьемъ, то отъ нея житья не было: все ворчать и говорить вздоръ, а уйдти некуда; да и когда мать дома, нужно больше хлѣба; мать требуетъ щей, а если Лизавета Елизаровна говоритъ ей, что у нихъ семья большая, дай бы Богъ чтобы на всѣхъ до лѣта картофеля да свеклы хватило, такъ она начинаетъ укорять ее женихомъ.

— Небось брюхо нажила, а женишку поблажку дала!.. Нѣтъ, мы не такъ прежде дѣлывали.

— Хоть бы ты этого-то не говорила, мать! взѣстся Лизавета Елизаровна.

— Какъ я тебя начну щепать! Ты развѣ не моя дочь? Не я

тебя вспоила, вскормила, на ноги поставила? Ну, дура же я была, што не швырнула съ полатей тебя... Только бросить, мокренько бы стало.

— Мамонька! Да чѣмъ же я виновата?

— А! Теперь дакъ чѣмъ виновата. Нѣтъ, матушка, волн кататься любишь, люби и савочки возить... Изволь теперь кормить меня.

«Мать права», подумаетъ Лизавета Елизаровна. «Чѣмъ въ самомъ дѣлѣ она виновата, што я беременна? Какая мать въ состояніи уберечь свою дочь на промыслахъ?... Вотъ теперь я знаю, што отъ такого баловства можно нажить горе на всю жизнь, а тогда я и вѣрить этому не хотѣла, потому что молода еще очень была... Если мать и ругала меня, я думала, она зла мнѣ желаетъ. А все же и она виновата: отчего бы матери лаской да съ любовью не научить дѣвчонку какъ дѣйствовать, если парень умасливаетъ дѣвку? Отчего не сказать: бойся, моль, мила дочка, парней и до тѣхъ поръ какъ парень не женится на тебѣ, не спи съ нимъ... Чѣмъ виновата мать, что у насъ такая бѣдность? Вѣдь знаетъ она, што ни я, ни Степанъ не сидимъ безъ дѣла, и все-таки нашихъ денегъ не хватаетъ на недѣлю. Чѣмъ и отецъ виноватъ былъ, если у него доходовъ не стало... И зачѣмъ она всю вину теперь на меня сваливаетъ, зачѣмъ сама объ своихъ дѣтяхъ не заботится?».

Семейство отдохало, когда Степаниды Власовны не было дома. Но и въ это время у Лизаветы Елизаровны щемило сердце. «Лучше бы она не ходила, меньше бы говорили про насъ». И дѣйствительно, Степанида Власовна ходила не за дѣломъ, не для работы, а такъ, Богъ-знаетъ зачѣмъ. На нее нашла апатія; дѣлать ей ничего не хотѣлось; при видѣ знакомыхъ она горячилась, подозрѣвая ихъ въ отравленіи ея, мужа ея и ея семейства... На улицѣ, въ домахъ, куда ее принимали изъ жалости, она не могла найти себѣ покоя. Дома ей было душно; ея семейство давило ее. И вотъ она стала попивать водку, и такъ крѣпко, что на нее уже нечего было надѣяться.

Панфилъ жилъ очень дружно съ Степаномъ. Хотя же они и ссорились часто, потому что во многомъ не сходились другъ съ другомъ, и дрались частенько изъ-за того, что который-нибудь въ нихъ воровалъ у друга кусокъ хлѣба, надѣвалъ ботинки или фуражку, но если не было дома одного, другой скучалъ.

Степанъ работалъ на вороту, т.-е. погонялъ лошадей, и за это получалъ платы за день десять коп. Случалось, что онъ отъ усталка сваливался и сладко засыпалъ, но за это его колодили безъ пощады, не считая еще его за человѣка. Такая работа, впрочемъ, не всегда бывала, да и она мальчугу очень надоѣдала, и поэтому онъ съ охотою шелъ въ варницы, и если тамъ за броску дровъ въ печь, за складку дровъ въ полѣнницу или очистку снѣга откуда-нибудь на промыслахъ ничего не давали, то онъ все-таки днемъ не шелъ домой, потому что ему дома бывало скучно, онъ отвыкалъ уже мало по малу отъ дома и считалъ себя большимъ человѣкомъ, почему и не любилъ чтобы его дома ругали. Поэтому часто случалось, что или Степанъ прибѣжить къ Панфилу покурить табачку, погрѣться, или Панфилъ въ Степану убѣжить отъ рабочихъ, которые за что-нибудь хотять бить его, или просто поговаривать со скуки. А у Панфила новостей или рассказовъ было больше, потому что онъ терся съ людьми, а Степанъ только около лошадей.

Разъ Панфилъ приходитъ къ Степану, который, отъ нечего дѣлать, изощрылся попасть хворостиной въ глаза которой-нибудь изъ пяти лошадей. Увидя Панфила, Степанъ бросилъ хворостинку и подошелъ къ нему. Лошади стали.

— Слышь, Степа, што мужики говорятъ: мы напрасно деньги-то отдаемъ дома.

— А имъ што за дѣло?

— Вы, говорятъ, дураки, ужъ не маленькіе теперь. Сколько, говорятъ, вы не принесите, все возьмутъ, а вамъ ничего не отдадутъ. Не надо, говорятъ, отдавать деньги. Лучше, говорятъ, на сапоги копить.

— Дурень! какъ не отдать-то?

— А ты возьми и не отдай—не дали, молъ... Я дакъ не отдамъ, потому сестра сама большая. Сама замужемъ была, и я ей больше не помощникъ. Вонъ Гриша тоже не живетъ съ нами. А мы, Степа, на квартиру пойдемъ.

Степанъ ничего не связалъ. Онъ задумался. Слова Панфила его точно ошпарили; онъ вытараща глаза смотрѣлъ на метелку, и долго простоялъ въ такомъ положеніи, до тѣхъ поръ, пока не вывела его изъ оцѣпенѣнія одна лошадь, начавшая чихать. Панфила уже не было въ насосѣ.

Степанъ былъ совсѣмъ сбитъ съ толку своимъ пріателемъ. Находясь постоянно среди рабочихъ и считая себя тоже рабочимъ, только еще небольшимъ, онъ понималъ все, что творилось вокругъ него; но онъ былъ въ такомъ возрас-

тѣ, въ которомъ легко подчиняются вліанію товарищей и взрослыхъ. Свое ничтожество передъ взрослыми онъ сознавалъ изъ того, что онъ не имѣлъ такой силы, какъ взрослые; взрослый легко могъ стиснуть ему руку такъ, что онъ чувствовалъ сильнѣйшую боль; на многія слова онъ не могъ ничего отвѣчать; не могъ многого сдѣлать такъ, какъ дѣлаютъ взрослые; взрослые ругали его мальчишкою, не позволяли ему дотрогиваться до такихъ вещей, до которыхъ ему не слѣдовало дотрогиваться, умѣряли его любопытство, толкали его оттуда, гдѣ ему, по его лѣтамъ, быть не слѣдовало, теребили за уши, если онъ забирался въ вабакъ и тянулъ изъ рюмки водку. Поэтому отстраняемый всюду, даже въ церкви, на задній планъ, онъ всачески старался добиться того, отъ чего его отстраняли, и старался во всемъ подражать взрослымъ для того, чтобы его не считали мальчишкою. Вообще ему, промысловому мальчику, приходилось переносить много, и надо удивляться живучести его натуры.

Въ отцѣ Степанъ видѣлъ домохозяина, главу, но онъ его нисколько не боялся, потому что его не боялась мать, которая, какъ онъ понималъ, держала отца въ ежовыхъ рукавицахъ. Отъ рабочихъ онъ слышалъ, что его отецъ *мокрая курица*, которую мать его можетъ загнать куда угодно. Кромѣ этого, онъ слышалъ отъ брата, что онъ незаконный сынъ, что отецъ его другой, и поэтому онъ не имѣлъ особенной любви къ отцу, относясь къ нему какъ къ хозяину. Мать была для него не то: онъ ее всегда видѣлъ дома, мать одѣвала его, давала ѣсть, кричала на него и колотила его, когда онъ ее не слушался. Степанъ не боялся постороннихъ людей, которые его бранили и били; а мать скажетъ слово—онъ боится, чтобы она его не ударила, а станеть огрызаться, ему же достанется. Изъ ея разговоровъ онъ понималъ, что мать если работаетъ на промыслахъ, прядеть куделю, ходитъ куда нибудь, то все это она дѣлаетъ для дѣтей. Но видя, какъ рабочіе обращаются съ пожилыми женщинами на промыслахъ, онъ все-таки сознавалъ, что женщина не мужчина, ея власть надъ нимъ неидеть дальше ея дома, и что поэтому мать его только въ своемъ семействѣ имѣетъ верхъ надъ дѣтьми, но на промыслахъ существо довольно слабое, ничѣмъ не рознящаяся отъ другихъ женщинъ, съ которыми кто хочетъ тотъ и заигрываетъ, которыхъ кто хочетъ тотъ и обругаетъ. Все-таки онъ свою мать уважалъ, и если кто при немъ говорилъ про нее нехорошо, или ругалъ ее, онъ заступался за нее, что очень смѣшило молодыхъ рабочихъ. И сосѣди говорили, что у Ульяновыхъ изъ дѣтей только одинъ Степа покорный, который совсѣхъ ногъ бѣжитъ туда, куда пошлетъ его мать, и относили это къ тому, что онъ былъ лю-

бимецъ Степаниды Власовны. Знакомые Степаниды Власовны говорили, что Степанъ походить лицомъ и манерами на нее. И дѣйствительно, Степанъ, вымывшись въ банѣ и принарядившись, казался очень красивымъ мальчикомъ. Въ характерѣ его было много женственности и онъ былъ мальчикъ, какъ говорили дѣвушки, *завидующій*. Но однакъ, несмотря на то, что зависть свою онъ проявлялъ передъ всѣми родными и любилъ поѣсть сладкаго, онъ каждую копейку отдавалъ матери, и если покупалъ пряникъ, то не зналъ что ему соврать матери, которая знала, сколько Степанъ получаетъ заработка. Такъ было до отъѣзда отца. При прощаніи, въ его голову врѣзались непонятныя слова родителей и сестры; онъ замѣтилъ, что въ семействѣ что-то отъ него скрываютъ. Онъ долго думалъ объ этой сценѣ и ничего не могъ выдумать, а пришелъ только къ тому заключенію, что его отецъ человекъ нехорошій, сестра тоже нехорошая, потому что она что-то сдѣлала нехорошее, коли плавала. Но отчего, спрашивается, ушелъ отецъ? Отчего онъ его не взялъ съ собой, если на золотыхъ хорошо? Отчего отецъ плакалъ и всѣ плакали, когда прощались съ нимъ?.. Ужъ не обидѣлъ ли кто его отца? Думалъ Степанъ и старался подслушать, что про него говорятъ рабочіе. Изъ этихъ подслушываній онъ узналъ, что его мать ругаютъ всѣ мужчины за то, что она сама не умѣла беречь деньги, когда отецъ имѣлъ большіе доходы; что не трать она деньги на угощенія своихъ любовниковъ, Елизаръ Матвеечъ не сидѣлъ бы понапрасно три года въ лѣсу безъ дѣла, а могъ бы заняться торговлей; что отъ такой сварливой жены поневолѣ побѣжишь куда нибудь. И много-много Степанъ слышалъ отъ рабочихъ. Горько ему было, плакалъ онъ, что обижаютъ его мать, и при первомъ же случаѣ хотѣлъ пожаловаться ей, но въ первые дни мать была очень сердита, къ ней нельзя было и подступиться, ругала его, гнала вонъ, говоря, что теперь ей и самой нечего жрать, не только что еще кормить такую ораву.

— А, мамонька, мои деньги... сказалъ Степанъ, думая что онъ этимъ угодить матери.

— Ты што меня коришь своими-то деньгами? Ахъ ты, мерзавецъ! Онъ только што въ работу поступилъ, а ужъ началъ укорять меня, што я на его деньги живу.

Долго ругалась мать, и даже побила Степана въ этотъ день. Степана это разобидѣло. Ему думалось, что матери не жалко его. Она не понимаетъ того, какъ ему тяжело на работѣ.

Мать день ото дня становилась сердитѣе; если сынъ отдавалъ ей деньги, она ругала его, зачѣмъ онъ мало принесъ, что онъ вѣрятно сошелся съ мошенниками, которые обираютъ

его. Станетъ возражать Степанъ, мать такъ крикнетъ на него, что онъ вздрогнетъ и не найдетъ, что сказать.

Крѣпко сталъ Степанъ подумывать о томъ, какъ бы угодить матери. Прежде мать по головѣ его гладила, когда отдавалъ онъ ей недѣльный заработокъ; кормила его до сыта; если что пекла сладкое, то сама не попребуетъ, а дастъ ему; теперь бьетъ за то, что онъ мало носить денегъ, хотя онъ теперь цѣлыми двумя копейками получаетъ больше прежняго, сладкаго ничего нѣтъ, да и хлѣбъ даже покупаютъ съ рынка. Прежде мать заботилась: нѣтъ ли на халатишкѣ дыры, цѣлы ли у него ботинки; теперь все разваливается, мать не спрашиваетъ, а поди-ко сунься въ ней, когда она все ворчитъ. Хорошо еще, что сестра кое-какъ заштопаетъ. О Лизаветѣ Елизаровнѣ онъ тоже былъ дурнаго мнѣнія, но она въ послѣднее время стала ему больше нравиться, потому что она съ нимъ разговаривала, играла съ нимъ въ карты, спрашивала его, кормила и заштопывала дыры на халатишкѣ и на ботинкахъ; когда сестры и Палагеи Прохоровны не было дома, туда хоть не показывайся: ни корки оглоданной не найдешь нигдѣ. Кромя этого ему нравилось то, что она отказалась быть женою Григорія Прохорыча, котораго онъ терпѣть не могъ за его хвастовство и надменность.

Степану мало приводилось работать съ рабочими. Онъ больше находился въ насосѣ около лошадей одинъ или съ какимъ нибудь рабочимъ, который больше молчалъ. Въ такомъ уединеніи у него много было времени думать, къ тому же онъ не былъ охотникомъ пѣть одинъ пѣсни. И онъ думалъ много. Но главною его думою ежедневно было о томъ, что будетъ изъ него, когда онъ сдѣлается богачемъ и какимъ образомъ ему достигъ до того, чтобы сдѣлаться богатымъ человекомъ? Все это онъ развивалъ на разные лады; каждый новый предметъ давалъ ему тему для новыхъ думъ. Лѣтомъ онъ думалъ, что найдетъ деньги подъ лодвой, въ которой онъ или кто нибудь перевозилъ состоятельнаго человѣка черезъ рѣку; на эти деньги онъ завелъ бы нѣсколько лодокъ, на которыхъ его семейство стало бы перевозить веснами людей черезъ рѣку дешевле, чѣмъ берутъ на перевозѣ, и такимъ образомъ нажилъ бы много денегъ и изъ нихъ половину бралъ бы себѣ, а половину отдавалъ матери и т. д. Зимой онъ думалъ: хорошо бы заработать деньги на лошадь, которую бы можно было запретъ въ ворота, и тогда онъ сталъ бы получать платы по четвертаку въ день, по праздникамъ бы сталъ на этой лошади возить дрова на варницы и мало-по-малу разжился бы и т. д. И чѣмъ больше казалась ему невыносим-

мою брань, тѣмъ больше онъ проводилъ время въ думахъ о богатствѣ и даже мало спалъ по ночамъ. А тутъ еще новое горе: промысловая Варька, пятнадцатилѣтняя дѣвушка, съ которой онъ съ трехлѣтнаго возраста игралъ вмѣстѣ, стала ему нравится болѣе прежняго. Варьку онъ сталъ почему-то бояться, и при мысли о ней по всему тѣлу чувствуется что-то приятное: такъ вотъ и хочется видѣть ее, сидѣть съ ней и смотрѣть на нее. Ужъ онъ ее разъ обнялъ въ чуланѣ, да она его такъ оттолкнула, что онъ лѣвый локоть сильно ушибъ объ косякъ. А какъ разъ обнялъ, да получилъ тодчоекъ, захотѣлось и въ другой разъ, только она сказала:

— Не стойшь! Подари мнѣ платокъ съ картинкой, такъ я тебѣ позволю обнимать меня часто. Тогда и я тебѣ варежки подарю.

Задумался Степанъ рѣпко надъ словами своего пріятеля. «Въ самомъ дѣлѣ, думалъ онъ, если я не стану отдавать денегъ матери или сестрѣ, я накоплю денегъ. Куплю себѣ ботинки, Варькѣ платокъ; Варька мнѣ подаритъ варежки и чулки». Но какъ это сдѣлать? Чтѣ сказать матери, куда деньги спрятать?

По окончаніи работы онъ зашелъ за Горюновымъ въ варницю, тотъ уже спалъ. Ульяновъ разбудилъ его.

— Не пойду. Гришка вонъ тоже не ходитъ, и я не пойду. Не ходи и ты, коли хочешь быть мнѣ товарищемъ, сказалъ Степанъ Панфилу.

Въ первый разъ пришлось Степану ночевать въ варницѣ. Случалось ему спать и въ шалащѣ у отца, и въ лѣсу, и на берегу рѣки, за то онъ спалъ тамъ въ виду матери или съ разрѣшенія ея; теперь же ему пришлось повидать мать и сестру по своему капризу. Но отстать отъ Панфила ему не хотѣлось, рабочіе говорили: гдѣ Степкѣ спать въ варницѣ, онъ ни на шагъ не можетъ отойти отъ матери и спать на перинѣ. Степанъ легъ къ Панфилу, но долго ворочался съ боку на бокъ, и еслибы не ночь, то давно убѣжалъ бы домой.

На другой день ему было очень скучно объ матери и онъ боялся теперь показаться ей. Чѣмъ больше онъ думалъ о своемъ поступкѣ, тѣмъ больше находилъ себя неправымъ, потому что никто, кромѣ матери, такъ не любилъ его раньше. А если теперь она не любитъ, то, можетъ быть, это недолго будетъ продолжаться. Вечеромъ Степанъ направился домой, но Панфилъ попался ему на встрѣчу. Онъ несъ на веревочкѣ двухъ налимовъ.

— Степка! Иди уху хлебать!.. Славная будетъ уха съ лукомъ, съ перцемъ... Славно будетъ! Гулай, Степка!

У Степки слюни текли отъ желанія похлебать ухи; ему слышался запахъ рыбьяго навара. Онъ уже съ Покрова не ѣдалъ рыбы. Тогда мать пекла пирогъ съ сигаами, а объ налимахъ онъ только слыхалъ, что они хороши. И онъ пошелъ за Степаномъ.

Панфилъ Горюновъ справлялъ сегодня свое вступленіе въ товарищество рабочихъ. Хотя рабочіе и не считали его за большаго рабочаго, но такъ-какъ онъ работалъ наравнѣ съ ними то же, что и они, то они и не гнушались съ нимъ водить компанію, обѣдать вмѣстѣ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже *затыкались* имъ, т. е. проспali его, въ случаѣ отсутствія товарища, замѣнить того, за что онъ, кромѣ спасибо, ничего не получалъ пока. Товарищество состояло въ томъ, чтобы работать вмѣстѣ, въ случаѣ утайки кѣмъ-нибудь какой-нибудь промысловой вещи всѣмъ молчать, хотя бы при этой утайкѣ не было произведено между товарищами никаго дѣлежа, не выдавать товарища, если онъ почему-нибудь ушелъ изъ варницы съ полъ-дня или съ полъ-ночи, а требовать чтобы ему была положена плата какъ и всѣмъ за полное число урочнаго времени. Товарищество составляли большею частью друзья, и поэтому въ компанію къ нимъ попасть было нелегко. Панфилъ же попалъ потому, что онъ былъ мальчикъ бойкій, *вострый* на словахъ, умѣлъ угодить всѣмъ, раза два уже обругалъ зрителя и тотъ ничего не сдѣлалъ за это мальчишкѣ, потому что не нашелъ, чѣмъ возразить на его рѣзкія замѣчанія. Особенно же рабочимъ нравилось то въ Горюновѣ, что онъ отказался жить съ сестрой и стало быть будетъ имѣть деньги, которыми легко можно будетъ имъ позаймствоваться отъ него. Рыбу же Панфилъ досталъ довольно смѣло. Напротивъ амбара, недалеко отъ берега, онъ замѣтилъ утромъ какого-то мужчину, вытаскивающаго изъ маленькой проруби палку, потомъ какую-то плетушку. Это его заняло. Онъ подошелъ къ нему и узналъ, что мужчина ставитъ морды и снасти, которыми ловить рыбу. Вотъ вечеромъ Панфилъ и пошелъ ловить рыбу. Морду онъ не могъ поднять, а бичевка съ верхковыми крючками была такъ велика, что онъ ее едва на четверть вытаскилъ изъ дыры и могъ только снять съ крючковъ двухъ налимовъ. И тутъ съ нимъ чуть не случилась бѣда: одинъ крючокъ зацѣпилъ за халатъ, его стало тянуть къ дырѣ, ладно, что онъ ножикъ взялъ съ собой и обрѣзалъ бичевку и потомъ схватилъ бичевку съ налимами, пустился бѣгомъ къ варницамъ, потому что услышалъ недалеко отъ себя крикъ рыболова, который хотѣлъ его побить. На промыслахъ онъ былъ въ безопасности, потому что туда рыболовъ идти побоялся бы.

Уху хвалили всѣ, несмотря на то, что къ ней недоставало

водки. Степанъ ѣлъ съ жадностію, и послѣ ужина у него прошла охота идти домой.

Такъ прошло до субботы. Въ субботу ребята задумались: гдѣ имъ выпариться и гдѣ провести воскресенье. Утромъ Панфилъ высказалъ это затрудненіе товарищамъ. Тѣ тоже призадумались.

— Въ банѣ выпариться безпремѣнно надо и рубаху надо тоже попарить, да вымыть надо... У насъ-то нѣту бань, сами паримся гдѣ попало, а вамъ ребятншвамъ и подавно негдѣ... Мы пожалуй съ собою возьмемъ, только куды послѣ бани вамъ дѣваться? Вѣдь не все же на промыслахъ быть? Вѣдь бываетъ же и свиныхъ праздникъ.

Такъ рабочіе вопросъ о томъ: гдѣ провести ребятамъ праздникъ, ничѣмъ не рѣшили.

Въ субботу была работа и женщинамъ на промыслахъ. Какъ водится, тамъ были Лизавета Елизаровна съ матерью и Пелагея Прохоровна. Степанѣда Власовна поработала немного и пошла розыскивать сына.

— Варвары! Въ добрую землю видно вошелъ! кричала она на Степана.

Степанъ молчалъ.

— Съ этакихъ лѣтъ отъ дому сталъ лыгать (бѣгать). Гдѣ ты былъ?

— Здѣсь!

— Врешь! Не повѣрю!

— Я, мамонька, не пойду больше домой. Мнѣ и здѣсь хорошо.

Мать разразилась ругательствомъ, но на нее приверкнулъ рабочій.

— Што кричешь-то! Только парня-то отъ дѣла отнимаешь. И такъ уже чуть не всѣ жилы изъ него вытянула, проговорилъ онъ вслухъ и оттолкнулъ ее отъ носа.

Степанѣда Власовна пошла жаловаться на рабочихъ смотрителю, что она совсѣмъ развратили Степку, и просила его заступиться за нее, то-есть отодрать его хорошенько сейчасъ же при ней, какъ это было прежде.

— Не могу. На то есть полиція.

Степанѣда Власовна заплакала и поклонилась смотрителю въ ноги, прося его выдать ей заработокъ за Степана.

— Ты, матушка, сама въ состояніи робить! Отъ тебя и теперь разпъ водкой.

И смотритель вытолкалъ отъ себя Степанѣду Власовну.

Степанѣда Власовна не унялась, а пошла къ полицейскому на-

чальству, которое отказалось наказать розгами ея сына, но дало ей бумагу, чтобы заработную плату сына ея Степана выдавали ей.

Смотритель позвалъ къ себѣ Степана и объявилъ ему о прѣдѣлѣхъ его матери. Степанъ стоялъ блѣдный, молчалъ.

— Не ты первый... Эти пьяныя бабы меня всѣмъ сбили съ толку, и я не знаю, какъ помочь тебѣ... Если я всѣмъ стану помогать, самому придется голодомъ сидѣть! А супротивъ полиціи я ничего не могу сдѣлать, потому наши порядки съ ея порядками не сходятся.

Вечеромъ Степанида Власовна получила за Степана деньги за всю недѣлю, такъ-какъ Степанъ работалъ всю недѣлю на одномъ мѣстѣ. Рабочіе ее стыдили; уговаривала ее и Лизавета Елизаровна не брать деньги, если Степанъ не хочетъ ихъ отдавать имъ для хозяйства; плакалъ Степанъ, — ничто не помогло. Степанида Власовна ушла съ деньгами.

— А вѣдь, ребята, съ ней ничего не сдѣлаешь. Она мать! говорили рабочіе.

— Да парню-то отъ этого не легче!... Надо бы его пристроить куда-нибудь.

— Кто станетъ даромъ кормить?... Слушай, Степка... Твоя мать беретъ за тебя деньги, значитъ, полиція думаетъ, што она живетъ на твой счетъ и семью кормить... а всѣмъ теперь, послѣ Елизара, извѣстно, што кормитесь вы Лизкой. И дуракъ ты будешь, если не станешь требовать свое... Ступай домой хозяиномъ. Знать, молъ, не хочу; давай мнѣ мое; одѣвай, обувай меня, проговорилъ одинъ рабочій.

— Хоть бы кормпла, и то ладно, замѣтилъ кто-то въ толпѣ.

Настроенный такимъ образомъ рабочими, Степанъ пошелъ домой съ сестрою, Панфиломъ и Пелагеею Прохоровною, которая говорила, что хорошо онъ дѣлаетъ, что не живетъ дома, потому что ее и такъ корятъ Степанида Власовна угломъ. И еслибы она, Пелагея Прохоровна, имѣла больше заработка, то ушла бы на другую квартиру, да и теперь живетъ только потому, что ей веселѣе съ Лизаветой Елизаровной.

Степаниды Власовны дома не было. Она пришла уже въ то время, когда всѣ выпарились въ банѣ, и пришла пьяная, но ворчала недолго и, свалившись на полъ, скоро заснула. Лизавета Елизаровна пощупала карманъ въ сарафанѣ Степаниды Власовны, ничто не брало.

— Какъ есть всѣ уходила! сказала она съ горестью.

Вскорѣ легли спать всѣ обитатели этой квартиры, и черезъ полчаса, какъ погасили лучину, въ избѣ настала тишина, пре-

рываемая храпомъ Степаниды Власовны. Не спали только Пелагея Прохоровна и Степанъ, но оба они, занятые своими мыслями, думали, что спать всё.

Вдругъ Пелагея Прохоровна, спавшая на кровати рядомъ съ Лизаветой Елизаровной, услышала, что кто-то слѣзъ съ печки и подошелъ къ Степанидѣ Власовнѣ. Немного погодя что-то стукнуло подъ лавкой. Пелагея Прохоровна задрожала, встала и легонько подошла къ столу, на которомъ она ущупала спички. Она чиркнула спичкой, спичка зажглась и въ этотъ моментъ она увидѣла Степана, поднявшаго руки вверху съ топоромъ. Въ тотъ моментъ, какъ освѣтило избу, топоръ выпалъ у Степана назадъ его и попалъ на голую ногу Пелагеи Прохоровны, но къ счастью не остріемъ, а обухомъ.

Пелагея Прохоровна схватила за руки Степана.

— Што ты дѣлаешь, разбойникъ! крикнула она въ испугѣ.

— Ничего... Пусти... боролся Степанъ.

— Лиза! Помоги мнѣ.

— Што такое? проговорила въ испугѣ Лизавета Елизаровна.

— Братчикъ-то твой...

Лизавета Елизаровна вскочила, зажгла огня за лучину и увидела: Пелагея Прохоровна борется съ Степаномъ, который старался вырвать свои руки изъ рукъ Мокроносовой, а ртомъ старался достать или локоть, или плечо ея, чтобы укусить.

Увидя топоръ, Лизавета Елизаровна крикнула и съ ней сдѣлалось дурно.

Въ это время проснулся Панфиль и открыла глаза Степанида Власовна.

Степанъ вырвался и выбѣжалъ изъ избы.

Пелагея Прохоровна подняла топоръ.

Степанида Власовна присѣла, оглядѣлась, потомъ выбѣжала на дворъ и закричала:

— Караулъ!.. рѣжутъ!..

На ея крикъ сбѣжались хозяева, и узнавъ отъ нее, въ чемъ дѣло, хотѣли идти спать, потому что на нее не стоило обращать вниманія, но вышла Пелагея Прохоровна и стала звать хозяйку на помощь Лизаветѣ Елизаровнѣ, которой съ испугу сдѣлалось дурно.

Хозяинъ, узнавъ о покушеніи на жизнь матери Степансмъ, никакъ не хотѣлъ прекратить это дѣло, и какъ его ни упрашивали Мокроносова, Горюновъ и Лизавета Елизаровна не разглашать о немъ, онъ, для своей безопасности, созвалъ двухъ сосѣдей въ квартиру своихъ жильцовъ и утромъ заявилъ полиціи.

Лизавета Елизаровна къ утру выкинула мертвого ребенка. Къ утру же розыскали Степана и посадили въ полицію, гдѣ онъ сказалъ, что хотѣлъ убить мать за то, что она отняла у него заработокъ.

ХІІ.

Голодные дни.

Степанида Власовна два дня ходила по селу, какъ ошалѣлая. На первыхъ порахъ ей такъ и казалось, что весь свѣтъ вооружился противъ нея. Ужъ если ея родной сынъ, ея любимецъ, поднялъ на нее руку, что можно ждать ей отъ чужихъ? Она не хотѣла себѣ вѣрить, что она сама своими глазами видѣла сына! Но его держала за руки ея жиличка, Пелагея Прохоровна; дочь ея выкинула отъ испуга; сынъ въ глаза сознался ей въ преступленіи. Много слезъ пролила Степанида Власовна наединѣ и при людяхъ, жалуся на то, что она самая несчастная въ селѣ женщина. Поступокъ Оглоблиной въ сраненіи съ поступкомъ ея сына, по заключенію Степаниды Власовны, былъ капля въ морѣ: Оглоблиной она могла сдѣлать вредъ, могла ее срамить какъ ей хотѣлось, но сынъ... сынъ, котораго она любила, на котораго возлагала большія надежды, ея родной сынъ поднялъ на нее руку... Слыханное-ли дѣло въ селѣ? Она никакъ не могла понять, что за причина, что сынъ поднялъ на нее руку? Что бы онъ выигралъ, убивъ мать свою? Ужъ ему острога не миновать, какъ онъ ни срывайся. Развѣ ему жизнь надоѣла въ селѣ? «Я не держала; види хоть на всѣ четыре стороны; я бы держать не стала... Отчего бы ему не сказать мнѣ: я, молъ, не хочу отдавать тебѣ деньги, и я бы ничего... Стала бы собирать Христа-ради и прокормила бы какъ нибудь ребятишекъ...» Такъ говорила Степанида Власовна всѣмъ спрашивавшимъ ее съ удивленіемъ объ сынѣ, стараясь услышать отъ нихъ сочувствіе, жалость къ ней, всѣми обиженной. Но они говорили одно: сама, матушка, виновата; ты сама довела до того сына, што онъ поднялъ на тебя руку. Отчего наши дѣти не поднимаютъ на насъ руку? А вѣдь и наше-то житѣе не барское!

Теперь Степанида Власовна уже не ругалась дома, гдѣ она проводила бдольшую часть времени, потому что ей тяжело было показываться въ селѣ, гдѣ она какъ будто чувствовала себя ошлеванной. Напротивъ, она старалась держать себя дома хорошою хозяйкою, доброю матерью. Она теперь уже не бранила и дочь за то, что та выкинула младенца, а заботилась о томъ,

чтобы та выздоровѣла, сообщала ей результаты своихъ похороженій на счетъ продажи коровы, на счетъ слуховъ про Оглоблину, которая, какъ она узнала отъ прѣвѣжающихъ на рынокъ изъ деревень крестьянъ, торгуетъ въ городѣ калачами, пряниками и орѣхами; сдѣлалась ласкова и съ Пелагеей Прохоровной, которая спасла ее отъ смерти. Все это удивляло молодыхъ женщинъ, и онѣ не знали, къ чему отнести такую переимѣну въ Степанидѣ Власовнѣ.

Недостатки Ульяновыхъ увеличились еще болѣе. Это Степанида Власовна видѣла и особенно ощущала при наступленіи Пасхи. И она рассказывалась теперь въ томъ, что послѣ отъѣзда мужа тратила понапрасно время на нанесеніе оскорбленій Оглоблиной, пропивала почти половину заработка Степана. Хоть бы польза была изъ этого, думала она. Хотя Оглоблиной и нѣтъ теперь въ селѣ, но ей-то отъ этого нелегче. У нея нѣтъ своего дома, неначто купить даже льну, для того, чтобы изъ него извлечь какую нибудь выгоду, и стало бытъ неначто купить хлѣба. А теперь еще Никита и Марья захворали, нужно звать лекарку, ей нужно платить... Сбирать Христа-ради совѣстно, потому что у нея есть взрослая дочь, которая одна въ состояніи своими заработками прокормить цѣлое семейство. Но и дочь раскворалась. Иныя женщины такъ на третій день послѣ родовъ въ силахъ работать, а Лизавета Елизаровна вотъ уже цѣлый мѣсяцъ съ кровати не встаетъ, худѣетъ, ничего не ѣстъ. Ходила Степанида Власовна даже къ доктору посоветоваться на счетъ болѣзни дочери, да докторъ ее не принялъ. Ходила Степанида Власовна и къ начальству разному, проси его выпустить Степана, потому что она прощаетъ его поступокъ и не желаетъ, чтобы его судили, надъ ней носмѣвались и свазали ей, что теперь она надъ сыномъ не имѣетъ уже никакой власти, потому что онъ находится въ рукахъ правосудія.

Походить-походить Степанида Власовна по селу, поищеть во многихъ домахъ работы, нигдѣ нечего ей дѣлать. Куда ни придетъ—вездѣ удивляются, что она ищеть работы, тогда какъ иную женщину не скоро заманишь на работу въ какой-нибудь домъ, потому что женщины любятъ только носить соль, отчего, вѣроятно, въ богатыхъ семействахъ и выработалась поговорка: «тяжела на подъемъ какъ солонооска». Да и что ей работать на домахъ? Богатыя семейства имѣютъ прислугу большую частію изъ дѣвушекъ, которыхъ держатъ изъ-за хлѣба; бѣдныя дѣлаютъ все сами. Въ одномъ мѣстѣ ее, впрочемъ, заставили вымытъ полъ, хозяйка послѣ обѣда шаль потеряла, Степаниду Власовну свели въ полицію. Шаль нашлась, и Степаниду Вла-

совну выпустили. Въ другомъ мѣстѣ заставили бѣлье стирать, да увидала хозяйка, что Степанида Власовна не умѣетъ стирать бѣлье, прогнала ее, не заплативъ за потраченное время на копейки. Придетъ она домой усталая, задумается. Дѣти стонуть, дочь лежитъ исхудалая.

— Господи помилуй! Господи помилуй! шепчетъ съ отчаяніемъ Степанида Власовна и посмотритъ на дочь.

«Неужели она помретъ?» спрашиваетъ сама себя Ульянова.

Возьметъ прялку, на прялкѣ замртанъ влочекъ кудели, и положитъ навадь прялку.

И только одна Пелагея Прохоровна спасала эту семью отъ голодной смерти.

Пелагеѣ Прохоровнѣ давно опротивѣла здѣшняя жизнь. Не разъ приставали къ ней мужчины съ любезностями, не одинъ уже дѣлалъ ей предложенія «скоротать съ нимъ жизнь». Ото всѣхъ она отдѣлывалась или молчаніемъ или рѣзкими возраженіями, за что ее и стали всѣ звать гордячкой; а такъ-какъ она ни съ кѣмъ компаніи не вела, то преимущественно женщины стали считать ее женщиною злою, старающеюся только о своей пользѣ, и смѣялись надъ тѣмъ, какъ она цѣлый день носила соль одна; если же отъ устатка она прислонялась къ стѣнѣ или садилась, ей говорили, что она лѣзнитса, что если она своимъ усердіемъ хочетъ выслужиться передъ зрителемъ и получить какънибудь больше денегъ, то не должна присѣдать и прислоняться къ стѣнѣ. Мало этого, про нее стали говорить, что она мѣтитъ попасть въ любовницю прикащика, который постоянно на нее заглядывается и одинъ разъ даже передалъ ей лишній гривенникъ по тому поводу, какъ онъ самъ сказалъ при возвращеніи этого гривенника Пелагею Прохоровною ему, что ему угодно сдѣлать ей презентъ. Наконецъ женщины стали отталкивать Пелагею Прохоровну отъ дверей варницы для того, чтобы она не попала въ солоноски. Но Пелагея Прохоровна, къ удивленію женщинъ, все-таки понадала въ солоноски, но за то ей приводилось много выслушивать отъ нихъ и брани и насмѣшекъ. Все это тяжело было переносить Пелагеѣ Прохоровнѣ; она провинула тотъ день, въ который согласилась идти съ дядей изъ города, и давно ушла бы изъ села обратно въ городъ, еслибы не было холодно. Кромѣ холода ее удерживало то, что Коровасъ хотѣлъ извѣстить ее о своемъ житѣ въ М... заводѣ, и она дождалась чуть не каждый день вѣсти объ немъ, да и Григорій Прохоричъ, ушедшій туда же черезъ двѣ недѣли послѣ признанія Лизаветы Елизаровны, хотѣлъ написать ей подробно о тамошнемъ житѣ, и если найдетъ Короваса, то и объ немъ. Но

ни Короваевъ, ни братья ничего ей не писали; ни объ нихъ, ни объ дядѣ не было никакого извѣстія, точно они въ воду канули.

— Всѣ они обманщики: они только о себѣ заботятся. Ишь куда завели меня! Это они нарочно завели меня сюда, чтобы я имъ не мѣшала, чтобы избавиться отъ лишняго человѣка. Такъ погодите же! Дождусь я лѣта, и сама пойду искать себѣ счастья. Ужъ не волонюсь я вамъ! Мой дѣдушко тоже никому не кланялся, самъ въ люди вышелъ: съ нашимъ господиномъ въ Петербургѣ жилъ, и еслибы не набѣдукурить тамъ, не это бы было съ нами. Будете вы домогаться, чтобы я потомъ по вашей дудкѣ пѣсни пѣла, да ужъ поздно. А што Короваевъ злой человѣкъ, это изъ того видно, што онъ и дядю мово сюда затащилъ и разошелся съ нимъ на другой же день. Ужъ еслибы онъ захотѣлъ жениться на мнѣ, могъ бы съ кѣмъ нибудь грамотку послать: «хорошо ли, худо ли ему».

Такъ думала Пелагея Прохоровна, и твердо рѣшила лѣтомъ непремѣнно идти опять въ тотъ же городъ, въ которомъ она жила раньше. «Говорять, городовъ много на свѣтѣ, только въ разныхъ мѣстахъ разные порядки. А въ этомъ городѣ порядки мнѣ знакомы; у меня есть тамъ знакомые и я скоро попаду на мѣсто, и Лизаветѣ можно тамъ скорѣе найдти мѣсто. Ну, а если не понравится тамъ, накоплю денегъ и дальше пойду: не все же и тамъ злые люди живутъ».

На заработанныя деньги Пелагея Прохоровна сперва повукала муки, вруши и маса; но трудно было сводить концы съ концами, то-есть разсчитать такъ, чтобы денегъ достало до работи; и потому она стала отказывать себѣ въ мясѣ и рубль ткнула на полторы медѣли; Степанида Власовна, получивъ деньги, съ своей стороны старалась что нибудь сострапать, сварить, но Пелагея Прохоровна удерживала ее, говоря:

— Мы, Степанида Власовна, не померли же и съ рѣдьяи да хлѣба. А безъ горохова-то киселя проживемъ.

— Полно-ко толковать-то! Мнѣ развѣ не обидно, што ты насъ кормишь!

— А ты не трать деньги на кисели да на ватрушки, — глядишь, дня три и впереди.

Степанида Власовна такъ и не цекла и ничего не варила. Только тогда и варилаось щи, когда Панфилъ привосилъ самъ мяса.

Панфилъ днями жилъ на промыслахъ, заработывая отъ десяти до двадцати коп. На хлѣбъ у него выходила половина этой сумми, а если ему удавалось упрасъ рыбы, то его угощали и хлѣбомъ. Въ двѣ недѣли онъ могъ накопить очень немного де-

негъ, которыя и ушли на покупку большихъ старыхъ сапоговъ, хозяинъ которыхъ уже не нуждался въ нихъ, такъ-какъ получивши порядочный заработокъ, купилъ себѣ другіе; но и эту обнову нужно было починить, и Панфилъ опять конилъ цѣлую недѣлю денегъ на починку сапоговъ, а остатокъ употребилъ на угощеніе своей сестры въ воскресенье. Рабочіе удивлялись терпѣнію молодого Горюнова, называя его желѣзнымъ человѣкомъ, старались выпросить у него денегъ, приглашали его пить по вечерамъ въ трактирахъ чай, но Горюновъ денегъ не давалъ никому съ той поры, какъ его обманули двое рабочихъ: они обѣщали отдать ему долгъ при полученіи расчета, но тогда къ нимъ явились другіе кредиторы, которымъ они были должны давно, и не пять и не десять коп. Впрочемъ, Панфилъ не отказывался отъ посѣщенія харчевень; ему, напротивъ, нравилось бывать тамъ, гдѣ происходили оживленные споры, ссоры, а иногда и драки. Тамъ онъ садился въ уголъ и изъ угла вслушивался въ разговоры рабочихъ, которые ставили послѣднюю копейку ребромъ, хвастаясь тѣмъ, что у нихъ, благодаря Бога, руки здоровы и они впередъ могутъ заработать и больше этого. Ему нравилось слѣдить за хозяиномъ харчевни или хозяйкой или подручнымъ, какъ тѣ наливали неполныя рюмки воды, присчитывали на посѣтителей деньги. Его удивляло то, что эти семейные рабочіе почти все свободное время проводятъ въ питейныхъ домахъ, посѣщая непремѣнно одинъ какой-нибудь кабакъ или одну харчевню, пропиваютъ иногда свои халаты, сапоги, жалуются въ то же время на обманъ начальства и на судьбу, обременившую ихъ большими семействами, отъ котораго дома нѣтъ никакого покоя. Въ этихъ заведеніяхъ онъ, между прочимъ, замѣтилъ еще то, что сельскіе уроженцы хвастались передъ пришлыми своею удачею, смысленностью и какимъ-то благородствомъ; они ненавидѣли пришлыхъ за то, что тѣ отнимаютъ у нихъ заработокъ, и лишь только въ какомъ-нибудь заведеніи сойдутся пришлые съ коренными, быть дракѣ, которая впрочемъ закончивается тѣмъ, что одна которая-нибудь сторона угощаетъ другую. Мало этого; Горюновъ замѣтилъ, что и коренные не живутъ въ ладахъ. Не говоря уже о томъ, что въ кабакахъ происходятъ драки между рабочими разныхъ варницъ, принадлежащихъ разнымъ хозяевамъ,— и въ домахъ на именинахъ или въ праздники, когда рабочіе идутъ въ гости въ ту часть села или въ то село, гдѣ празднуется церковный престолъ, и тамъ дѣло безъ драки не окончивается, хотя и начинается дружно. Поэтому немудрено, что Панфила, неугодившаго никого ничѣмъ, а курившаго табакъ

на чужой счетъ и не прочь выпить на чужой счетъ пива, браги или водки, крѣпко недолюбливали рабочіе, и когда дѣло доходило до ссоры и драки, его постоянно выгоняли. Панфилъ ничего не могъ подѣлать съ пьяными; защитниковъ за него не было даже изъ среды тѣхъ, съ которыми онъ работалъ вмѣстѣ, потому что въ компаніи всѣмъ хотѣлось разбѣсить заводскаго выродка, который стихи сочиняетъ, то-есть думаетъ; но на другой день, когда рабочіе являлись на работы съ больными головами, онъ все накипѣвшее въ немъ за ночь зло старался вымѣстить на нихъ.

— Што, пьяная рожа! Болитъ голова-то. Опохмѣляться хошь! И Панфилъ показывалъ рабочему пятакъ.

Рабочій вивался глазами въ монету и чесалъ голову.

— Што, небось, пропилъ всѣ деньги! Ишь женани башмаки надѣлъ...

— Молчи!... Убью!! У! штобъ тѣ околѣты! ругался рабочій, и кидался на Горюнова; но тотъ убѣгалъ.

Немного погодя Горюновъ опять дразнилъ рабочаго:

— Хошь опохмѣляться?

Рабочій молчитъ.

— Трещитъ голова-то? И Горюновъ приготовлялся бѣжать, слѣдя за движеніемъ членовъ его врага.

— Послушай...

— А ты возьми да слушай! И Горюновъ отвертывался или бѣжалъ, смотря по тому, замахивался ли на него врагъ, или бросался къ нему.

Случалось, Панфилъ покупалъ водки косушку, разбавляя ее водой и насыпая въ посуду для крѣпости немного махорки. Въ этомъ случаѣ онъ показывалъ склянку.

— Видишь?

Рабочій подходилъ къ Горюнову и хотѣлъ вырвать склянку, но тотъ отвертывался.

— Вода! говорилъ рабочій, не вѣря мальчишкѣ.

— Понюхай!

— Да дай въ руки...

— Нѣтъ, ты изъ моихъ рукъ понюхай.

Рабочій нюхалъ.

— Доволенъ ли?

— Панфилъ Прохорычъ!... А... Дай... чуточку! И рабочій начиналъ плевать.

— А! Тутъ дакъ Панфилъ Прохорычъ!... А вчера кто меня вытолкалъ?

— Не буду. Пьянъ былъ... Все тебѣ отдамъ, — дай испить.

Но Горюнову было невыгодно отдать склянку одному рабочему. Онъ начиналъ травить двухъ или трехъ рабочихъ, и отдавъ имъ склянку, получалъ за нее хлѣба, котораго и доставало ему дня на два, на три.

Деньги онъ хранилъ въ невѣстномъ только ему одному мѣстѣ, потому что при себѣ ихъ имѣть было опасно, такъ-какъ рабочіе къ вечеру всегда приставали къ нему, а ночью нерѣдко онъ просыпался отъ производившихся къмъ нибудь обысковъ въ его одеждѣ.

Въ субботу онъ забиралъ остатки денегъ, бралъ одно или два толстыхъ полѣна, которыя обвязывалъ веревкой и несъ на плечѣ до квартиры Пелагеи Прохоровны. И если онъ шелъ рано, то заходилъ на рынокъ и покупалъ муки и мяса. Приходу его всѣ были рады не потому, что онъ былъ рѣдкій гость, но съ его приходомъ появлялись щи, и воскресенье проводилось весело. Если же и въ воскресные дни случались работы въ варницахъ, то Горюновъ не пропускалъ и этихъ дней, и тогда отдавалъ деньги сестрѣ на кушанье, и шелъ на работу, надѣясь получить за нее вдвое больше, чѣмъ въ будни.

Первые дни Пасхи Пелагея Прохоровна и Григорій Прохоричъ провели вмѣстѣ. Какъ у всѣхъ православныхъ, и у нихъ былъ сыръ и сострипанъ куличъ на заработанныя деньги Степаниды Власовны, Горюнова и Мокроносовой. Лизавета Елизаровна начала поправляться, такъ что могла ходить по избѣ, и подумывала послѣ Пасхи выйдти на промысла, но она все-таки была слаба.

На третій день Пасхи нашимъ пріятельницамъ опять-таки нечего было ѣсть. Всѣ, кромѣ Лизаветы Елизаровны, пошли искать работы, но на промыслахъ работы не было, потому что начальство только что раскучивалось. Рѣшено было общимъ совѣтомъ, во что бы то ни стало, продать корову, которая еле двигала ногами, но за нее давали мало, потому что время было такое, что ни у кого не было денегъ. Кое-какъ продали ее за пять рублей. Но когда появилось столько денегъ, Степанида Власовна, первымъ долгомъ, отправилась въ кабакъ ихватила водки, до которой она уже давно не дотрогивалась, а выпивши водки пошла на рынокъ и купила двѣ пары ботинокъ—себѣ и Лизаветѣ Прохоровнѣ и опять спрыснула эту обнову, такъ что домой пришла пьяная и принесла всего только два рубля.

Пелагея Прохоровна высказала ей свое неудовольствіе.

— Будто ты никогда не имѣла большихъ денегъ? Никитка помираетъ, а ты пьешь. Не сама ли ты жалѣла, што мы напрасно купили поросенка?... А тутъ какъ добралась до водки и напилась.

— Виновата... Мои деньги, потому и выпила.

— Придется, вѣрно, мнѣ уйдти отъ васъ.

— И съ Богомъ, матушка. Хоть сейчасъ. Эдакое вѣдь со-кровище!

И Степанида Власовна долго ворчала, высказывая то, что она сама себѣ укащикъ и очень будетъ рада, если Пелагея Прохорова уйдетъ отъ нее; что вся эта бѣдность происходитъ отъ нее, такъ-какъ раньше съ Ульяновыми еще не случилось такой напасти. Но утромъ Степанида Власовна стала извиняться передъ Пелагеей Прохоровной, прося ее забыть все то, что она наговорила пьяная, и даже отдала всѣ деньги на храненіе Пелагеѣ Прохоровнѣ.

Трудно было Пелагеѣ Прохоровнѣ придержать деньги. Степанидѣ Власовнѣ было скучно, и она къ вечеру же стала просить у нее десять коп. на куделю. Кудели не купила, а пришла домой выпивши, а такъ-какъ она не была пьяна, то ей было совѣстно передъ Пелагеей Прохоровной и она молча легла спать. На другой день она выпросила тридцать коп. на ленъ, сказавъ, что она куделю забыла у какой-то женщины. Панфилъ вызвался сестрѣ — слѣдить за Ульяновой, и часа черезъ два вернувшись домой, сказалъ, что Степанида Власовна дѣйствительно заходила въ одну лавку, но оттуда вышла безъ льна, и потомъ, купивъ два калача, отправилась въ харчевню. Домой она пришла на другой день, немного выпивши, и подавая Пелагеѣ Прохоровнѣ и Лизаветѣ Елизаровнѣ крендельки, сказала:

— А льну-то я опять не купила: попалась мнѣ Безувладникова и говорить: нынѣ богата стала, нѣтъ штобы должно отдать. Ну, я взяла и отдала.

Обѣ женщины промолчали и молили Бога, чтобы скорѣе прошли праздники.

Сосѣди тоже узнали, что у Ульяновой появились деньги, и отъ нихъ отбою не было: одна просила гривну, другая крупн чашку, третья сѣна и т. д. Тѣ, которые пришли раньше другихъ, получили немного денегъ, а отъ другихъ стали запираить двери, потому что денегъ на шестой день Пасхи осталось только двѣ копейки.

На восьмой день умеръ Никита.

XIII.

Письмо и вѣсти съ присковъ.

Смерть Никиты опечалила все семейство. Всѣ бѣгали по селу, какъ угорѣлые: Степанида Власовна хлопотала о томъ, чтобы скоронить его даромъ. Но куда она ни приходила, — всѣ отъ гробовщика до могильщика отказывались оказать какую-нибудь помощь безъ денегъ, ссылаясь на свою бѣдность и на то, что теперь мретъ мало народа. Другое дѣло, еслибы мальчишка померъ весной, когда больше мретъ взрослыхъ, тогда можно было бы отъ обрѣзковъ сколотить гробъ для мальчишки и за однимъ уже отпѣть даромъ и по пути вырыть для него яму. Пелагея Прохоровна ходила къ начальству, прося его о пособіи, но оно сказало, что мальчишка ничѣмъ не заявилъ себя такимъ, чтобы на похороны его можно было ассигновать отъ управленій какую-нибудь сумму; къ тому же мальчишка не важная особа; другое дѣло, еслибы онъ былъ сынъ какого-нибудь смотрителя или хоть писаря, тогда можно бы выдать родителямъ пособіе. Успѣшнѣе были хлопоты Панфила Прохорыча. Хотя онъ былъ и не очень краснорѣчивъ, но все-таки сумѣлъ убѣдить рабочихъ въ томъ, что Ульяновой нечѣмъ хоронить сына. Рабочіе поворчали, поворчали и все-таки отъ помощи не отказались: одинъ сколотилъ изъ старыхъ досокъ гробъ, другой вызвался ему выкопать могилу, при чемъ безъ драки съ кладбищенскимъ сторожемъ дѣло не обошлось, а на похороны пожертвовали кто сколько могъ: кто копейку, кто грошъ.

Схоронили Никиту. Въ квартирѣ точно не доставать кого стало. Давно уже въ ней никто не хохоталъ громко, а теперь и разговаривали не громко: всѣхъ словно что-то давило.

— Что это, какъ долго нѣтъ нынче работы? Ахъ, какъ бы я рада была, еслибы только поскорѣе отерлась для бабъ работа. Я бы и ледъ колоть пошла на рѣкѣ, говорила Лизавета Елизаровна.

— А я все думаю: куда бы мнѣ пристроить Марью. Ужъ я давно хожу по селу, никому не надо. Ужъ я бы даромъ отдала, говорила Степанида Власовна.

— Конечно, нужно отдать даромъ, только я бы не совѣтовала тебѣ отдавать, потому я и Лизавета пойдемъ въ городъ.

— Куда, въ городъ?

— Ужъ это мое дѣло. Въ городѣ гораздо будетъ лучше, по-

тому что тамъ, по крайней мѣрѣ, будемъ сыты и квартира будетъ теплая

— Въ самомъ дѣлѣ!... И отчего это ты мнѣ раньше не сказала? А далеко?

Пелагея Прохоровна сказала и объяснила, почему она дожидается лѣта.

— Я бы давно ушла, только подумай: могу ли я, ободранная и босая, идти... А лѣтомъ мы туда всегда найдемъ попутчиковъ... Однихъ богомольцевъ сколько ходить по большой дорогѣ, только бы выйти на нее.

— Такъ и я съ вами пойду. Только, какъ съ Марьей-то?

— Надо весны дожидаться. Вотъ, какъ будутъ грузить коломенки, тогда мы накопимъ деньги. Только ты, мамоньва, ради Христа, не пей.

— Вотъ-тѣ Христось! провалиться мнѣ, чтобы я стала пить.

— А Машу мы тамъ можемъ легко пристроить. Тамъ она можетъ мастерству обучиться.

— Дай-бы, ты, Господи!

И всѣ стали ждать тепла; даже Маша надоѣдала всѣмъ, спрашивая: а скоро ли мы пойдемъ далеко-далеко?...

Панфилъ одобрялъ эти намѣренія и рассказалъ сестрѣ, что онъ въ городъ ни за что не пойдетъ и что онъ уже надумалъ идти въ М. заводъ, и только дожидается лѣта, когда онъ можетъ даромъ доплыть дотуда съ баргами.

Пелагея Прохоровна задумалась.

Панфилъ Прохоричъ не говорилъ ей раньше о своемъ намѣреніи идти туда же, куда ушелъ Короваевъ и Григорій Прохоричъ. Она думала, что М. заводъ ничѣмъ не отличается отъ другихъ ей извѣстныхъ заводовъ, и хотя нерѣдко ей приводилось слышать похвалы о М. заводѣ, куда будто бы со всѣхъ сторонъ стекаются рабочіе, потому что тамъ производятся какія-то спѣшныя постройки, но Пелагея Прохоровна замѣчала, что тѣ, которые говорили объ этомъ, не трогались съ мѣста, а жили по прежнему въ селѣ, и ей казалось, что эти люди говорятъ объ этомъ для того, чтобы соблазнить молодежь и простыхъ людей. Пелагея Прохоровна любила Панфила за то, что онъ не грубилъ ей и всегда старался ей чѣмъ-нибудь угодить; въ городѣ онъ навѣщалъ ее чаще Григорія и иногда приносилъ даже лакомства. Здѣсь, кромѣ его, у нея не было родни, и съ нимъ ей было все-таки веселѣе, такъ-какъ они другъ друга понимали, другъ другу сочувствовали. Вдругъ ей пришла въ голову

мысль, не получилъ ли братъ письма отъ М... Стала она отъ него выпытывать объ этомъ, но тотъ божился, что онъ идти туда уже давно задумалъ, направиивался идти даже съ Григоріемъ, но Григорій его не взялъ. Онъ говорилъ, что Короваевъ не спроста ушелъ туда, и если ничего не пишетъ ей, такъ можетъ быть потому, что копить деньги.

— А мы, Палагея, пойдемъ туда вмѣстѣ.

— Нѣтъ; ужъ я туда не пойду. Лучше ужъ здѣсь остаться, чѣмъ туда идти: здѣсь, по крайней мѣрѣ, для бабъ работа есть, а въ заводѣ, подумай, какая можетъ быть бабамъ работа?

— А если Короваевъ женится на тебѣ?

— Што мнѣ на шею ему вѣшаться? Ужъ пожалуста, не говори мнѣ про него.

Такъ, братъ и сестра и не стали говорить больше ни о Короваевѣ, ни о походѣ въ разныя мѣста, но оба все-таки думали о М. заводѣ.

Стала Пелагея Прохоровна ворожить въ карты на трефоваго короля. Все выпадаютъ дороги, да печаль на сердцѣ, а письма нѣтъ...

Наконецъ прошелъ ледъ; вода на обѣихъ рѣкахъ прибывала по часамъ и заливала прибережныя сельскія улицы такъ, что въ нихъ плавали въ лодкахъ. Широко разлились рѣки, по цѣлымъ днямъ дулъ холодный вѣтеръ и бурлила вода. Погода стояла сырая; вездѣ было грязно, мрачно; за то на набережныхъ происходила дѣятельная работа. Тамъ съ утра до вечера грузили въ коноводки соль, сѣрѣплили бревна въ плоты, на плоты складывали дрова, причаливали другіе плоты съ дровами или съ камнемъ, преимущественно точильнымъ. Въ это время только одни богатые люди, сидя на балконахъ своихъ домовъ, любовались широкимъ разливомъ рѣкъ и дѣятельностію людей на пристаняхъ, рабочій же классъ старался какъ можно болѣе заработать денегъ, рѣдко останавливаясь, чтобы выправить свои члены изъ согнутаго положенія, часто бѣгая къ водѣ, чтобы напиться и находу закусывая. За то вечеромъ многіе изъ рабочихъ мужчинъ и женщинъ садились на набережныя и затягивали свои грустные пѣсни.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, Пелагея Прохоровна сидѣла съ Лизаветой Елизаровной и ея матерью отдѣльно отъ другихъ рабочихъ. Всѣ три женщины, уперши руками головы, смотрѣли на волны, высоке поднимающіяся и съ шумомъ разбивающіяся

объ набережныя. Онѣ уже въ досталь наговорились о томъ, какъ имъ лучше сдѣлать на счетъ житья. Ульяновы уговаривали теперь Пелагею Прохоровну остаться съ ними до осени, потому что лѣтомъ на промыслахъ больше работы, чѣмъ зимой, и Пелагея Прохоровна не знала, что ей дѣлать, потому что она получала заработка по тридцати коп. въ день. Но несмотря на этотъ заработокъ, у всѣхъ было тяжело на душѣ, всѣмъ чего-то хотѣлось, но чего—онѣ не могли себѣ объяснить. Имъ хорошо казалось сидѣть здѣсь, хотя вѣтеръ и дулъ прямо въ лицо. Недалеко отъ нихъ рабочіе мужчины и женщины голосовъ въ двѣсти поютъ — тянутъ промысловую пѣсню, словъ которой вдали почти невозможно понять. Сердце надрывается отъ этой пѣсни, хочется другой жизни; въ этомъ плескѣ волнъ какъ будто слышится отзывъ, что лучшая жизнь есть. Не гдѣ она?

— Нѣтъ, ужъ я пойду въ городъ, подумала Пелагея Прохоровна, и ей такъ сдѣлалось горько, что изъ глазъ закапали горячія слезы, но она постаралась поскорѣе вытереть ихъ.

— Палагея! Гляди, што-то бабы и мужчины въ кучу собрались, сказала ей Лизавета Елизаровна, тронувъ ее за плечо.

Никто не пѣлъ. Рабочіе столпились въ одну кучу и галдили. Приятельницы подошли туда.

— Ишь ловокъ! Пѣсни наши, говорить, нравятся... Спой ты ему веселую?! галдили рабочіе.

— Небось даромъ хочеть? кричали женщины.

Скоро мужчины и женщины разошлись, разсуждая о томъ, какъ управляющій егорьевскими промыслами подошелъ къ рабочимъ и сталъ просить ихъ спѣть веселую пѣсню и тѣмъ нарушилъ ихній покой, потому что они пѣли отъ души. А пѣть на заказъ никому не хотѣлось даромъ, да и что за пѣнье на заказъ, когда на душѣ невесело.

Дома Ульяновы застали Панфила Прохорыча съ какимъ-то пожимымъ человѣкомъ, сидѣвшимъ за столомъ въ ситцевой рубахѣ и молча куривимъ изъ трубки махорку.

Гость наклонился вошедшимъ и сказать:

— Елизаръ Матвѣичъ приказалъ кланяться.

Начались разспрашиванья.

Оказалось, что мужчина пришелъ сюда нарочно изъ удойкинскихъ присковъ, на которыхъ работали Ульяновъ и Горюновъ. Ульяновы очень обрадовались ему. Обрадовалась и Пелагея Прохоровна.

— А дядю нашего выдаешь? спросила она.

— Какъ не видать. Вмѣстѣ робили, только онъ нонѣ все больше особо отъ Ульянова.

— Хорошо ли тамъ? спрашивали гостя.

— Ничего, жить можно. Только глушь! Съ одной стороны кержаки, съ другой дѣсь да горы, да звѣри... Всякъ себѣ хозяинъ, потому хотъ и есть начальство, только мы на него и вниманія не обращаемъ.

— Такъ ты неужели нарочно пришелъ? спросила Степанида Власовна, совсѣмъ растерявшись и утирая глаза. Она уже успѣла поблагодарить Бога, что мужъ ея здоровъ и ему тамъ можно жить.

— Даль слово, такъ надо исполнить. Итакъ врюкъ почитай двѣсти верстъ даль.

Хозяйка не знала, съ чего и начать разспрашивать гостя, да и ее предупреждали остальные, которые то и дѣло спрашивали его то объ Ульяновѣ, то о Горюновѣ. Гость отвѣчалъ отрывочно. Изъ словъ его хозяева узнали, что на прискахъ хорошо и Ульянову и Горюнову, потому что они служатъ казаками, но Горюнову лучше, такъ-какъ онъ кержакъ и друженъ больше съ кержаками (то-есть раскольниками).

— А што хозяйка, угости-ко меня водочкой, да нѣтъ ли у тѣ жаренова мочалка?

Степанида Власовна начала плакаться на свою жизнь и рассказывать о томъ, какъ, по милости Машки Оглоблиной, у нее отняли домъ, но не спросила его: не видать ли Оглоблиной на прискахъ.

— Неужели у васъ ни у кого нѣту денегъ? А я вамъ грамотку привезъ отъ Ульянова.

Степанида Власовна вскрикнула отъ радости.

Гость не торопясь вытащилъ изъ-за голенища что-то завернутое въ тряпицу, не торопясь развязалъ тряпицу, развернулъ засаленую бумагу и подаль хозяйкѣ.

Дрожащими руками взяла Степанида Власовна письмо, перекрестилась и стала вертѣть его въ рукахъ.

— Што небось рада! Небось еще не такъ обрадуешься, какъ деньги получишь.

— Што ты... Деньги?

— Да. Ульяновъ велѣлъ дать тебѣ пять цалковыхъ и росписку ему представить. Умѣть ли кто грамотѣ-то?

— Да мы по дерковному... сказали Целагея Прохоровна и Панфиль Прохорычъ.

— Ну, а я только цифры и умѣю писать. Подемте къ грамотѣямъ.

Немного погода всѣ вышли во дворъ, сѣли въ лодку и под-

плыли въ одной харчевнѣ, въ которой хозяинъ, по отсутствію гостей, уже ложился спать.

Черезъ четверть часа, хозяинъ, надѣвши огромные очки въ мѣдной оправѣ, прочиталъ слѣдующее:

«Дражайшей моей супругѣ и сожительницѣ, Степанидѣ Власовнѣ свидѣтельствую мое низайшее почтеніе, съ пожеланіемъ добраго здравія и въ дѣлахъ хорошаго успѣха. Наипаче же здравія тѣлеснаго и душевнаго. Дочери моей Лизаветѣ Елизаровнѣ посылаю мое родительское благословеніе на вѣки нерушимое, каковое посылаю Степану, Нивитѣ и Маріи и всѣмъ по поклому. Съ сей вѣрной оказіей посылаю вамъ денегъ пять рублей. Прошу ихъ беречь и на меня не рассчитывать, потому мы всѣ подъ Богомъ ходимъ, а наипаче на пріискахъ того и бойся штобы черемись, али татаринъ, али какой бѣглый каторжникъ не укукошилъ тебя. Низайшее мое почтеніе и поклонъ Палагеѣ Прохоровнѣ и братцу ея родному Григорію Прохоровичу. При сей вѣрной оказіи Терентіа Иваныча здѣсь нѣтъ, а хотѣлъ написать. Живите хорошенько. Больше всего уповайте на Бога. О себѣ скажу, што мы съ Терентіемъ Иванычемъ ссоримся рѣдко и довѣренный намъ благоволитъ. Хорошо бы Степку имѣть при себѣ, да далеко. Отъ сего письма остаюсь живъ и здоровъ.

«Ульяновъ».

Слушая это письмо, Степанида Власовна плакала, прочіе смотрѣли на лицо читающаго. Когда хозяинъ кончилъ чтеніе и свернулъ бумагу, Степанида Власовна попросила его повторить, но хозяинъ отказался отъ повторенія, потому что его интересовала пріисковая жизнь, и онъ, наливъ принесшему письмо стаканъ водки, сталъ его разспрашивать о пріискахъ.

Степанида Власовна взяла у хозяина полштофъ водки и кусокъ семги въ домъ. Она хотѣла угостить дома, да и самой ей хотѣлось выпить, въ харчевнѣ же никто не хотѣлъ оставаться, потому что отъ нее до квартиры нужно было плыть въ лодкѣ, которую между тѣмъ могли украсть.

За водкой гость разговорился съ хозяйкой и, между прочимъ, высказалъ, какъ ближе идти на пріискъ, потому что Степанида Власовна, узнавая, что на пріискахъ очень мало бабъ, изъявила желаніе идти на пріискъ, и это желаніе гость одобрилъ. Панфилъ Прохорычъ сидѣлъ недалеко отъ нихъ молча; его весьма занимали слова гостя, который рисовалъ пріисковую жизнь съ хорошей стороны и ему захотѣлось во что бы то ни стало идти туда скорѣе.

Гость вынулъ изъ-за пазухи рубашки бумажникъ, завернутый въ тряпку, и вынулъ изъ него пачку ассигнацій.

Степанида Власовна ахнула, увидя столько денегъ.

— Это, тетка, не мои деньги: тутъ хозяевъ много. Видишь ли, я сбывалъ крупку и получалъ деньги. Только вы смотрите— молчокъ! Потому тутъ и ваши главы имѣютъ часть.

Панфила Прохорыча трясло при видѣ такой кучи денегъ.

Гость вынулъ пятирублевую бумажку и подалъ ее хозяйкѣ.

— Дай мнѣ бумажку! сказалъ дико Панфилъ Прохорычъ.

— Да стойшь ли ты еще бумажки-то? проговорилъ смѣясь гость.

— Право, дай. Дядя заплатитъ.

— Да тебѣ на што?

— Я на приски пойду.

— А медвѣдей не боишься?

— Чего бояться? Видалъ.

Но гость не далъ денегъ Панфилу, а завязалъ ихъ крѣпко и спряталъ опять на груди, подъ рубашкой.

Всю ночь Панфилъ не могъ уснуть. Ему хотѣлось украсть у гостя бумажникъ, но гость хотя и крѣпко спалъ, а при каждомъ прикосновеніи руки Панфила переворачивался на другой бокъ и сжималъ на груди которую нибудь руку.

Рано утромъ гость распрощался съ хозяевами.

— Дядя! Возьми меня, упрашивалъ гостя Панфилъ.

— Воровать не умѣешь. Ты думаешь, што я не чувствовалъ, какъ ты ночью около меня шарился. Ну, да што объ этомъ говорить.

И гость ушелъ.

Хозяйка очень радовалась неожиданной получкѣ денегъ, и когда она явилась на промысла, тамъ уже всѣ знали о полученіи ею денегъ и приставали съ разспросами о мужѣ.

Панфилъ не пошелъ на промысла. Онъ цѣлый день ходилъ по рынку и въ харчевни, надѣясь найти присковаго рабочаго и уговорить того взять его съ собой. Къ вечеру онъ увидалъ его выходящимъ изъ одного полукаменнаго дома.

— Дядя! Возьми.

— Куда я тебя возьму?

— Я тебя поблагодарю послѣ.

— Што мнѣ твоя благодарность! Взять я тебя не могу съ собой, а коли коншь, дорогу могу указать. Согласенъ?

— Я и одинъ пойду.

— Ну, ладно, коли у тѣ есть такая охота. Пойдемъ.

Рабочій зашелъ въ питейный, рассказалъ Панфилу, какъ идти до такого-то города, изъ этого города до такого-то села, а въ

селѣ всякій знаетъ дорогу на удойкинскій пріискъ, потому что рабочіе закупаютъ въ немъ провизію.

— Есть ли у тебя деньги-то?

— Немного.

— Ну, я тебѣ дамъ, пожалуй, пять рублей подъ росписку.

Горюновъ поблагодарилъ.

Содержатель кабака написалъ росписку за Горюнова и подписался за него.

Рабочій угостилъ водкой хозяина и Горюнова, разговаривая о чемъ-то шепотомъ съ хозяиномъ.

Выпивши водки и посидѣвши съ четверть часа съ рабочимъ, Горюновъ болталъ безъ умолку, ругалъ здѣшнюю жизнь, благодарилъ рабочаго за то, что онъ указалъ ему дорогу на золотые, и хотѣлъ угостить его, но тотъ поставилъ ему еще косушку, вышелъ ненадолго на улицу и потомъ уже не являлся.

Горюновъ раскутился. Къ вечеру стали появляться рабочіе; онъ хотѣлъ угостить ихъ водкой, но хозяинъ давалъ пятирублевой его бумажкѣ цѣну только рубль, доказывая, что эта бумажка фальшивая. Горюнова вытолкали изъ кабака — до того онъ сдѣлался вазойливъ.

Утромъ онъ объявилъ сестрѣ, что идетъ къ дядѣ; сестра помѣялась надъ нимъ, думая, что онъ шутить. Горюновъ обручалъ сестру и пошелъ покупать сапоги. Купивши сапоги, онъ пошелъ купить платокъ сестрѣ; но въ лавку вошелъ хозяинъ кожевеннаго товара и крикнулъ на него:

— Ты гдѣ это научился фальшивыя бумажки стряпать?

Горюновъ поблѣднѣлъ, но не обернулся.

— Тебѣ говорятъ?

— Въ чемъ дѣло? спросилъ хозяинъ лавки.

— Да вотъ я ему продалъ сапоги за два рубля. Онъ и даетъ пятирублевую. Я со слѣпа-то не разглядѣлъ, передалъ племянницѣ, та и дала ему сдачи, а какъ ушелъ онъ, я и сталъ разглядывать, и сравнилъ со своей бумажкой. Смотри! И онъ показалъ бумажку лавочнику.

— Сс!... Фальшивая и есть! проговорилъ лавочникъ.

— Самъ накопилъ фальшивыхъ... началъ-было Панфилъ, но его ударилъ въ спину хозяинъ лавки, такъ что онъ высочилъ на улицу и пустился бѣжать.

— Держите! Ловите! кричали оба лавочника.

Горюнова остановили; около него собралась куча народа. Продавшій сапоги рассказалъ въ чемъ дѣло съ прикрасками.

- Не давалъ я ему фальшивой бумажки.
- Ахъ ты пёсь!... А сапоговъ ти тоже не покупалъ?
- Я на другіе...
- А откуда ты взялъ такую бумажку?

Толпа между тѣмъ росла.

— Э! Да это тотъ и есть, што вчера у Евстигнѣева Бориса въ кабакѣ былъ! Онъ и есть. Ведите его въ полицію! За это я отвѣчаю! Я у него вчера видѣлъ фальшивую пятирублевку.

Горюнова стали бить и отиравали въ полицію.

XIV.

Острожная жизнь.

Горюновъ рѣшительно ничего не понималъ, попавши въ полицію. Ругательства, остроты сыпались на него со всѣхъ сторонъ, такъ что онъ нивагъ не могъ обдумать, что ему сказать, зная, что онъ ни въ чемъ не виноватъ.

Стали его допрашивать; явилось много свидѣтелей, которые показывали на него различно. На первыхъ порахъ, Горюновъ хотѣлъ отдѣлаться одними словами: «ничего не знаю! Сапоговъ не покупалъ». Словомъ, Горюновъ одурѣлъ совсѣмъ, ему не давали одуматься, и только подъ рывгами заставили его сказать, что бумажку онъ получилъ отъ рабочаго съ удойинскихъ присковъ при сидѣльцѣ. Этимъ сознаниемъ и закончили первые допросы и не тревожили его больше двухъ недѣль. Хотя онъ и былъ посаженъ въ секретную, но въ этой комнатѣ вмѣстѣ съ нимъ заключалось нѣсколько мужчанъ и женщинъ, которыхъ некуда уже было посадить. Большинство его товарищей состояло изъ мелкихъ воровъ, представленныхъ сюда сельскими состоятельными людьми, изъ бродягъ и лицъ непомнящихъ родства, — такихъ людей, которымъ или нечего было ѣсть или которые искали себѣ различными способами лучшей, свободной жизни. Онъ съ перваго же дня не могъ ни въ чемъ сойтись съ ними, не могъ отличить изъ нихъ ни одного человека, съ которымъ бы можно было поговорить; но насмѣшки ихъ надъ нимъ, издѣванья надъ его простотою заставили его огрызаться съ ними, ругаться и даже драться. Короче сказать, ни Горюновъ не понималъ своихъ товарищей, ни они не понимали Горюнова.

Скука была невыносима Панфилу, среди этихъ товарищей. Онъ пролиналъ свою жизнь, дядю за то, что тотъ уговорилъ

его придти сюда. плакалъ; но все-таки, не считая себя виноватымъ, думалъ, что не долго проживеть въ этомъ адѣ, и всячески старался избѣгать товарищества, лежа то подъ лавкой, то сидя въ углу съ закрытыми ладонями лицомъ. Много ему привелось увидать тутъ различныхъ сценъ, много такого, чего онъ не видалъ до сихъ поръ, но ему некуда было дѣваться, да и его часто стальнойвали съ мѣста, и онъ очень обрадовался, когда его вывели на свѣжій воздухъ.

— Панфилушко! Што ты надѣлалъ? спрашивала сестра, увидавшая его выходящимъ подъ стражею изъ полиціи.

— Ничего не знаю, отвѣчалъ братъ.

— Правда ли, говорятъ, ты убилъ того рабочаго, который былъ у насъ?

— Врутъ.

Тѣмъ и кончилось свиданіе и разговоры брата съ сестрой, потому что Горюнова торопили къ слѣдователю. Черезъ двѣ недѣли ему, однако, удалось ночью убѣжать изъ полиціи. Зашелъ онъ къ сестрѣ, но Пелагея Прохоровна, какъ сказала Лизавета Елизаровна, уже ушла въ городъ. Панфилъ вышелъ изъ воротъ бывшаго ульяновскаго дома и задумался: куда ему идти теперь? Ни въ селѣ, ни на промыслахъ ему нельзя показаться, — тамъ его схватятъ. Оставалось одно: наняться на плоты, и онъ пошелъ туда; но плоты хотѣли пустить черезъ день, а днемъ его увидалъ одинъ промысловый рабочій и его свели обратно въ полицію. Началось новое слѣдствіе о побѣгѣ Панфила, и продолжилось съ мѣсяцъ, въ теченіе котораго онъ уже сталъ привыкать къ этой жизни. По окончаніи слѣдствія, его повели съ другими арестантами въ городъ, но дорогой онъ захворалъ, и только черезъ полтора мѣсяца пришедши въ чувство, узналъ, что находится въ тюремномъ лазаретѣ.

Жизнь въ лазаретѣ ему казалась лучше полицейской, потому что онъ лежалъ на отдѣльной койкѣ, могъ ходить по комнатамъ, сидѣть не мѣшая другимъ, насмѣхаться надъ солдатами, караулившими у дверей больныхъ арестантовъ. Въ извѣстное время ему приносили ѣсть и лекарство. Сперва его пугали труднобольные, скоро-умирающіе арестанты, за которыми уже не было никакого надзора, и которыхъ ничѣмъ не лечили; пугали операціи, докторъ, производившій эти операціи; но потомъ онъ привыкъ и скоро отличилъ фельдшера отъ лекаря, находя, что

въ фельдшерѣ больше силы, чѣмъ въ лекаря, потому что фельдшеръ можетъ выписать больнаго въ тюрьму, куда идти никому не хотѣлось. Въ палатѣ были всякіе больные, судимые и судящіеся за разные преступленія, которые часто мѣнялись новыми, такъ что Горюновъ ежедневно боялся, чтобы и его не выписали. Но въ палатѣ были такіе больные, которые лежали въ ней по годамъ. Одни изъ нихъ, дѣйствительно, были больны, другіе выписывались въ тюрьму только дня на три, и являлись въ палату со свѣжими новостями. Эти люди находились съ фельдшерами въ дружественныхъ отношеніяхъ. А такъ-какъ они почти жили постоянно въ палатѣ, то считали себя чѣмъ-то въ родѣ дядекъ, безъ умолку говорили, насмѣхаясь надъ различными болями, которыя имъ привелось испытать. Ихъ любили больные за шутки, заискивали ихъ расположенія на томъ основаніи, что они иногда держали передъ докторомъ чернильницу. Вотъ къ этимъ-то людямъ и старался поддѣлаться Горюновъ. Несмотря на то, что они казались ему смѣшными и черезчуръ хвастливыми, онъ старался угодить которому нибудь изъ стариковъ тѣмъ, что подавалъ кружку съ водой. Онъ думалъ, что эти больные большею частію состоятельные раскольники, обвиняемые въ дѣланіи фальшивыхъ серебряныхъ вещей, жившіе доселѣ въ скитахъ и отправлявшіе обряды по своему тайно отъ начальства, и что они могутъ много хорошаго сдѣлать для него. Однако, какъ онъ ни ухаживалъ за ними, сколько ни просилъ ихъ о себѣ, они, какъ онъ замѣчалъ, заботились болѣе всего о себѣ, вели себя заносчиво, а къ нему относились какъ къ ничтожному псу. Это, наконецъ, стало злить Панфила. И какова же была его радость,

гда начальникъ лазарета велѣлъ двухъ изъ нихъ непременно выписать изъ лазарета и больше не принимать, такъ-какъ онъ замѣтилъ ихъ уже давно здоровыми. И какъ же зли были эти люди на все и на всѣхъ, надѣвая арестантскія одежды и подставляя ноги для того, чтобы на нихъ надѣли кандалы!... Но послѣ нихъ вскорѣ всѣ стали чувствовать какую-то пустоту, чего-то какъ будто недоставало. И все это произошло отъ того, что какъ бы надменны ни были старики-лазаретники, при нихъ было какъ-то весело: они умѣли рассказывать разные анекдоты, развлекали больныхъ смѣшными сценами, остротами и т. п. Скучно сдѣлалось и Панфилу: больныхъ много; больные разговаривать не любятъ, выздоравливающіе разговариваютъ или играютъ въ карты, Богъ-вѣсть какимъ образомъ попавшія въ лазаретъ; подойдетъ онъ къ нимъ, они его называютъ щенкомъ и гонять прочь. Хорошо еще, что сестра, жившая въ это время ужъ въ городѣ, навѣщала его по воскреснымъ днямъ. Она при-

носила ему сдобныя кушанья, тайкомъ унесенныя отъ барыни, у которой она жила, рассказывала о своихъ господахъ или о томъ, что она уже теперь живетъ на другомъ мѣстѣ, и хотя всѣ эти рассказы и городскія новости сообщались въ теченіе четверти часа, и потомъ въ продолженіе получаса, братъ и сестра молчали, все-таки Панфилю былъ въ тысячу разъ веселѣе при сестрѣ, чѣмъ безъ нея. Но вотъ не пришла сестра въ праздникъ, не пришла и въ воскресенье. Справился онъ объ этомъ, сказали: больно она ужъ смазливая; начальство не приказываетъ пущать. Какъ ни обидно было слышать это брату, но дѣлать было нечего, — сестра ужъ больше не показывалась въ лазаретъ.

На третій день послѣ этого событія, къ Панфилю подошелъ пожилой больной. Съ этимъ больнымъ Горюновъ никогда не вступалъ въ разговоры, потому что онъ и самъ почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ. Это былъ высокій, худощавый мужчина, съ рыжими курчавыми волосами. Глаза его постоянно принимали серьезный видъ, лицо съ небритыми волосами — постоянно, когда онъ сидѣлъ задумчиво, передергивалось множествомъ складокъ. Къ этому надо еще прибавить то, что онъ свои желтныя щеки постоянно утиралъ грязнымъ платкомъ, что даже удивляло докторовъ, которые не находили нетолько на его лицѣ, но и на всемъ тѣлѣ пота. Онъ говорил басомъ, глухо.

— Ты за что сидишь? спросилъ онъ Горюнова.

Горюновъ молчалъ. Отъ этого вопроса его покорило. Въ самомъ дѣлѣ, за что онъ сидитъ? Горюновъ сознавалъ, что онъ взятъ за фальшивую бумажку и за побѣгъ изъ полиціи, но кому какое дѣло до этого?

Этотъ больной разозлилъ его, и онъ закрылъ глаза.

— Што закрываешь глаза-то! Не съѣмъ, проговорилъ задумчивый больной. Въ палатѣ сдѣлалось тихо.

— Фальшивыя бумажки дѣлаешь, сказалъ кто-то.

— Эдакой мальчишка! Ха-ха!

— Съ измалѣтства въ механику пустился! слышалось съ разныхъ косякъ въ перемежку съ хохотомъ.

Серьезный больной присѣлъ на кровать Горюнова. Тотъ не противился этому.

— Нѣтъ, однако?... Ты вѣдь Горюновъ?... Про Горюновыхъ я слышалъ, говорилъ неотвязчивый больной.

Панфилю со страхомъ глядѣлъ на него: такой у него былъ суровый видъ въ это время.

— Ты кто? спросилъ неловко Панфилъ неотвязчиваго чело-
вѣка.

— Слыхалъ про Никитинскаго письмоводителя Гусева?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ это я... А за што я сижу, про это я знаю. И
имъ не удастся меня словить! Не запугаютъ... Нѣ-ѣтъ!!.. Трехъ
управляющихъ первыхъ плутовъ провель... Нѣтъ!! И лицо Гу-
сева сдѣлалось очень страшно, на щекахъ выступили багровныя
пятна.

— Хочешь, я научу тебя писать? спросилъ вдругъ Гусевъ
Панфила.

Но Панфилъ не отвѣчалъ. Гусевъ что-то пробурлилъ и ушелъ
отъ него недовольный. Больные стали издѣваться надъ нимъ.

Съ часъ послѣ этого пролежалъ Горюновъ, сердясь съ начала
на Гусева за то, что онъ, можетъ быть, съ худымъ намѣреніемъ
выспрашивалъ про его дѣло, но потомъ, какъ обыкновенно бы-
ваетъ съ молодыми людьми, повинутыми и презираемыми даже
тѣми, преступленія коихъ, можетъ быть, тяжелѣе его, онъ сталъ
сожалѣть, что такъ грубо оттолкнулъ челоѣка, который его, не-
опытнаго въ дѣлахъ, можетъ быть, хотѣлъ научить. Ему теперь
самому хотѣлось поговорить съ Гусевымъ, но какъ заговорить
съ нимъ послѣ такого грубаго обращенія? Чтѣ скажутъ больные?
«Снюхался!» скажутъ, и станутъ насильно выпроваживать его изъ
лазарета.

Весь этотъ вечеръ Панфилъ провелъ мучительно, думая какъ
бы ему поговорить съ Гусевымъ. Да и чтѣ это за челоѣкъ та-
кой? Кромѣ того, чтѣ говорили объ немъ больные, онъ ничего объ
немъ не зналъ. Да и больные говорили объ немъ разное, потому что
онъ уже давно находится въ больницѣ. А коли давно, значитъ онъ
боится попасть въ острогъ, откуда, какъ говорятъ больные, одна
дорога: или въ каторгу или на поселеніе. Одни изъ арестантовъ
говорили, что это бывшій писецъ Никитинской заводской кон-
торы, и что онъ находился въ бѣгахъ изъ острога нѣсколько
лѣтъ, жилъ по фальшивому паспорту и самъ дѣлалъ фальшивые
паспорты. Другіе говорили, что онъ обокралъ заводскую конто-
ру и составилъ фальшивую росписку подъ руку прикащика и т.
п. Однимъ словомъ, общее мнѣніе больныхъ состояло въ томъ,
что Гусевъ хорошій мастеръ дѣлать фальшивые билеты.

Между тѣмъ, дѣло Гусева было очень простое и вмѣстѣ съ
тѣмъ нешуточное. Онъ считался при главной заводской конторѣ
писцомъ. По знанію заводскаго дѣла во всѣхъ отношеніяхъ, онъ
давно бы могъ получить должность столоначальника, но никакъ не

могъ угодить начальству, которое на должности столоначальниковъ опредѣляло или за большія деньги или свою родню. У Гусева было большое семейство; извлекать доходы онъ ни изъ чего не имѣлъ возможности, потому что сидѣлъ въ такомъ столѣ, гдѣ никакимъ образомъ не могъ получать ихъ. Вотъ онъ и выдумалъ давать рабочимъ паспорта. Бланки и печать достать ему было плевое дѣло, оставалось только сдѣлать подпись; и это не трудно, тѣмъ болѣе, что на подписи мало обращаютъ вниманія. Онъ занялся этимъ ремесломъ, и даже возбудилъ со стороны товарищей удивленіе тѣмъ, что скоро обшил свой домъ тесомъ, завелъ лошадей, и приобрѣлъ еще одну десятину покоса. Это, конечно, дошло и до начальства, которое стало допытываться до настоящей причины. И вдругъ получается въ главной конторѣ бумага отъ заводскаго исправника; при бумагѣ приложенъ билетъ отыскиваемого уже полгода рабочаго. Исправникъ проситъ донести ему, давала ли контора билетъ рабочему, и если давала, то почему она доносила ему раньше, что этотъ рабочій находится въ бѣгахъ? Въ конторѣ забѣгали, стали справляться, сличать почерки рукъ и рѣшили, что это дѣло Гусева, но по случаю имаяннѣ управляющаго его такъ и замали. Гусевъ съ этихъ поръ сталъ еще осторожнѣе, но товарищи то и дѣло корили его тѣмъ, что онъ постоянно выдаетъ фальшивые билеты и этимъ самымъ наживаетъ много денегъ. Гусеву не давали покоя, Гусева старались согнуть въ бараній рогъ; онъ все сносилъ терпѣливо, но, наконецъ, доконали его таки. Гусевъ часто ходилъ на почту за полученіемъ писемъ и посылокъ на имя конторы и управляющаго; денежныя же письма всегда получалъ, казначей. Разъ какъ-то управляющій приходитъ въ контору и спрашиваетъ: а кто получалъ въ такое-то время изъ почтовой конторы на имя мое посылку? Казначей справился и сказалъ, что посылку получалъ Гусевъ. Гусевъ струсилъ, сказавъ, что онъ не помнитъ, получалъ или нѣтъ такую посылку. Справились въ почтовой конторѣ—посылку получили, по довѣренности управляющаго, Гусевъ. Но Гусевъ призналъ почеркъ руки и росписку въ книгѣ за казначейскій. А такъ-какъ въ заводѣ всѣ писцы и должностные люди, учившіеся писать по одному почерку отъ одного учителя, за небольшими исключеніями, писали почти однимъ почеркомъ, то и заключили, что Гусевъ довѣренность на повѣстѣхъ сдѣлалъ фальшивую и посылку укралъ. Его стали судить, не принимая никакихъ оправданій, тѣмъ болѣе, что какъ началось объ немъ дѣло, главная контора Никитинскаго завода представила заводскому исправнику два фальшивыхъ билета, выданныхъ Гусевымъ двумъ рабочимъ.

Во весь вечеръ Гусевъ не подходилъ къ Горюнову, да и онъ все лежалъ, переворачиваясь часто съ боку на бокъ. Горюновъ часто смотрѣлъ на него. Онъ нѣсколько разъ намѣревался подойти къ нему, но самолюбіе удерживало его и вечеромъ и ночью, въ продолженіе которой въ арестантской палатѣ горѣла лампа. Утромъ, однако, онъ не могъ преодолѣть себя и, подъ предлогомъ выпить воды, подошелъ къ нему; Гусевъ лежалъ на спинѣ, заложивши обѣ руки подъ голову. Панфиль робко взялъ вращку, открылъ—воды не было.

— Ты говоришь... Ты писать учишь... началъ нерѣшительно Панфиль.

Гусевъ молчитъ; смотритъ сердито на Панфила.

— А можно?

— Што можно? Научиться? пробурлилъ Гусевъ.

— Ну? Научи.

— То-то... Зазнались ужъ вы больно... Предлагають, такъ чванитесь.

— А для чего учиться-то?

— Дуракъ! Ты што показывалъ-то? Помнишь ли ты, что ты показывалъ на допросахъ! Подписывалъ?

Горюновъ плохо понялъ его слова и стоялъ вытаращивши на него глаза.

— Вотъ то-то и есть. Вѣдь ты не подписывалъ?

— Нѣтъ.

— Ну. А тамъ, можетъ, такіе кривы вписаны, што тебя, можетъ, въ убійствѣ обвиняють. Дуракъ!

Панфиль Прохорычъ улыбулся бессознательно.

— Чему смѣешься? Дѣло говорю. Што ты показывалъ, помнишь ли?

Горюновъ не зналъ, что сказать. Онъ дѣйствительно не помнилъ, что показывалъ. Ему только хорошо памятли были наказы. Онъ все-таки не понималъ, къ чему это Гусевъ хочетъ учить его писать, и какая отъ этого можетъ быть ему польза.

Весь этотъ день прошелъ въ совѣтахъ Гусева о томъ, какъ онъ, Панфиль, можетъ много выиграть отъ обученія письму. Онъ на допросѣ можетъ сказать, что его даже и не спрашивали прежде, а только постоянно наказывали. А что онъ былъ наказываемъ, такъ доказательствомъ этому служить то, что онъ вскорѣ по прибытіи въ городъ попалъ въ лазаретъ. Показаній онъ никакихъ не подписывалъ. Нѣсколько больныхъ, слышавшихъ совѣты Гусева, одобрили это.

Но какъ учиться писать? Не только у Гусева, но и во всей

палатѣ не было ни куска бумаги, ни карандаша. Такъ прошло мучительно два дня, въ которые Гусевъ училъ Панфила писать его фамилію и имя углемъ на столѣ. Панфиль почти всѣ угли издержалъ изъ печки, черкался на столахъ и стѣнахъ, и на третій день удивилъ докторовъ тѣмъ, что подъ его подушкой найдено было нѣсколько углей, а столъ его весь исчерченъ. Когда Панфиль объяснилъ, что онъ учится писать, то докторъ улыбнулся. Панфиль сталъ просить у доктора бумаги и карандашъ; докторъ сказалъ, чтобы онъ обратился за этими вещами къ начальству и общался поговорить объ этомъ кому слѣдуетъ. О Панфиль, и въ особенности его занятіяхъ, заговорили всѣ въ палатѣ и нѣкоторые даже приставали къ фельдшерамъ, чтобы тѣ принесли бумаги; но они грубо отговаривались отъ этого тѣмъ, что докторъ еще *не прописалъ* для мальчишки такихъ вещей, а если не прописалъ, то и думать объ этомъ ему нечего, а нужно лежать покойнѣе до тѣхъ поръ, пока его не выпишутъ въ тюремный замокъ. Однако, къ вечеру одинъ изъ служителей досталъ гдѣ-то два листа сѣрой бумаги и карандашъ, что больнымъ стоило не дешево, такъ-какъ они всѣ гроши свои выложили для того, чтобы имъ выучиться писать. Когда была принесена бумага и карандашъ, охотниковъ учиться писать выискалось такъ много, что между ними чуть не произошла драка: подняли такой гвалтъ, что часовой, слѣдившій за больными сквозь окошечко изъ корридора, принужденъ былъ позвать начальство, а то послало солдатъ. Къ счастью, это событіе кончилось ничѣмъ, потому что при входѣ въ палату солдатъ, больные затихли и успѣли припрятать бумагу и карандашъ, а потомъ хотя нѣкоторые изъ нихъ и принялись учиться писать, но это занятіе скоро надоѣло имъ, и они, пославъ его къ чертямъ, скоро забыли о немъ и съ хладнокровіемъ смотрѣли на Панфила, выводящаго карандашемъ на бумагѣ разныя *кризулины*. Панфиль усердно занимался новымъ для него дѣломъ. Правда, онъ еще въ заводѣ учился писать и читать, но занимался шутя, отъ нечего дѣлать; потомъ, пробывши все лѣто на рудникѣ, а зиму на промыслахъ, онъ забылъ почти все. Поэтому неудивительно, что въ одну недѣлю исчертивъ два листа бумаги, онъ уже могъ разбирать печатное. И какова же была его досада, когда на другую же недѣлю ученія, его выписали изъ лазарета... Онъ плакалъ, молилъ фельдшеровъ и служителей оставить его еще на недѣлку—ничто не помогло. Пришлось разстаться съ Гусевымъ, который училъ его говорить на допросѣ слѣдующее: фальшивый билетъ далъ ему рабочій съ присковъ при хозяинѣ кабака Борисѣ Евстигнѣевѣ, который самъ и подписался на рос-

писатъ; объ этомъ рабочемъ знаютъ Ульяновы, которые получили отъ него тоже пять рублей. Изъ полиціи онъ не бѣгалъ, а ушелъ потому, что двери были не заперты на томъ основаніи, что его хотѣли выпустить изъ полиціи на свободу въ тотъ же день, но не выпустили потому, что у него не было денегъ, которые просилъ за это квартальный. Что онъ никогда не подписывалъ, никакихъ показаній, хотя и умѣлъ писать. На прощанье Гусевъ далъ ему бумагу, на которой было написано черновое прошеніе.

Въ огромной каморѣ со сводами, находящейся во второмъ этажѣ, съ двумя небольшими окнами, выходящими наружу къ поламъ, съ вѣвными рѣшетками, сдѣланы были нары, какъ у двухъ стѣнъ, направо и налево, такъ и посерединѣ каморы. Въ этой каморѣ помѣщался тридцать-одинъ арестантъ, большинство которыхъ состояло изъ воровъ, бѣглыхъ и непомнящихъ родства; были тутъ и обвиняемые въ убійствахъ, но только двое и попали они сюда, потому что въ другихъ каморахъ для нихъ уже не было мѣста. Всѣ они еще судились.

Утро. Въ каморѣ темно, сыро, душно. Хотя и полагались для арестантскихъ каморъ ночники, но они исправно уносились въ шесть часовъ вечера, тотчасъ послѣ переключки. Въ окнахъ форточекъ не имѣлось, вѣроятно, потому что начальство считало роскошью для арестантовъ чистый воздухъ. Впрочемъ, нѣкоторые арестанты имѣли свои свѣчи, и хотя строго запрещалось куреніе табаку не только въ каморахъ но и на дворѣ, однако, арестанты свободно курили, вѣроятно, потому, что само начальство курило въ каморахъ.

Въ каморѣ тихо. Только изрѣдка кто-нибудь пробурлитъ что-то; изрѣдка кто-нибудь простонетъ или кашляетъ разъ, два, три охрипло, за нимъ послѣдуетъ кашель фистулой, потомъ кашель сухой, свистящій, и вдругъ камора огласится смѣсью разныхъ кашлей, ворчаніемъ и плевыми людей, брянчаніемъ цѣпей, и немного погодя все это смолкнетъ и опять или послышится кашель или брянчанье цѣпей, или храпъ кого-нибудь... За то въ корридорѣ, за дверью, не умолкаютъ шаги часоваго и изрѣдка слышатся какіе-то возгласы.

Лунный свѣтъ глянулъ сверху оконныя стекла, и тускло осветилъ камору: въ ней образовались двѣ широкія косыя полосы съ темными черточками. Эти полосы, ложась отъ оконъ до печи

и двери, тускло освѣщали только одинъ уголь каморы: онѣ освѣщали нѣсколько головъ и кандалы, на которыхъ только блестѣли заклепки; остальное было все мрачно. Но и этотъ свѣтъ вдругъ исчезъ за густыми громадными тучами. Онѣ никого какъ будто не разбудилъ.

Но вотъ слышится: кто-то какъ будто скребетъ и скребетъ, то скоро, то сильно, то тихо, и вдругъ перестанетъ. Вдругъ что-то какъ будто треснуло, посыпалось и опять настала гробовая тишина.

Опять кто-то скребетъ.

— Какой тутъ дьяволъ?! слышится чей-то голосъ въ углубленіи каморы, почти въ самомъ углу.

Въ каморѣ тихо. Немного погода слышится скрипъ наръ, зѣвки, царапанье кожи.

Панфилъ лежитъ подъ нарами. Онѣ только третьи сутки какъ прибылъ сюда изъ лазарета, и въ это время не успѣлъ еще обзавестись своей *квартирой* въ каморѣ. Положеніе его въ тюрьмѣ весьма безповоило; вопервыхъ, онѣ не находилъ себя ни въ чемъ виновнымъ; вовторыхъ, ему было досадно, что онѣ, убѣжавши изъ полиціи, не сѣлъ въ любую лодку и не уплылъ по теченію рѣки. Но куда бы онѣ уплылъ? У него не было ни денегъ, ни хлѣба! Безъ паспорта его никто бы нигуда не принялъ, потому что въ тѣхъ мѣстахъ жители не особенно жалуютъ бѣглецъ, боясь, чтобы они ихъ не обокрали и предпочитая получить за поимку бѣглеца платы отъ казны три рубля. «И за что такая напасть мнѣ? Ну, хоть бы я укралъ что!» думалъ Панфилъ.

Общество тюремныхъ товарищей по каморѣ пугало его, потому что онѣ почти ни въ одномъ человѣкѣ не встрѣтилъ сожалѣнія къ себѣ; всѣ они ругались по острожному, называли другъ друга ворами, корили другъ друга всѣмъ; у нихъ, казалось, не было уже ни стыда ни совѣсти; они говорили такія вещи, отъ которыхъ морозъ по кожѣ Панфила подиралъ. Ложь, обманъ, нахальство, грубость царили во всей каморѣ; ни съ кѣмъ нельзя было поговориться, поговорить отъ души, потому что никто никому не только не сочувствовалъ, а ждалъ съ нетерпѣніемъ, когда когонибудь изъ товарищей, сидящихъ рядомъ и хлебающихъ прокислыя щи изъ одного ушата, поведутъ на эшафотъ и будутъ наказывать плетью. Это была любимая тема для заключенныхъ, вѣроятно, потому, что каждый думал, что и ему не миновать тяжелаго наказанія, приготовлялъ себя къ нему и тѣмъ самымъ утѣшалъ себя нѣсколько. Панфилъ считалъ это общество за адъ, ненавидѣлъ всѣхъ, и его языкъ не поворачивался говорить

съ кѣмъ-нибудь. Кромѣ этого, онъ видѣлъ, какъ грубо обращались съ его товарищами даже солдаты; какъ эти заключенные всячески старались выслужиться передъ солдатами для того, чтобы выйти во дворъ, получить лишній кусокъ хлѣба... Панфилу, непривыкшему къ такому обществу и неиспорченному еще, до того казалось оно противнымъ, что онъ провинялъ свою жизнь, грязя рукавъ своей грязной рубахи, пропитанной всякою гадостью. Ему хотѣлось даже разбить голову объ стѣну, хотѣлось повѣситься. Будь одинъ, онъ что-нибудь придумалъ бы и лучше, но при теперешнемъ положеніи онъ лучше этого ничего не могъ выдумать, и только не приводилъ своихъ мыслей въ исполненіе потому, что повѣситься—не начто, бить свою голову объ стѣну—больно; попробовалъ онъ руками давить шею—боли не вынесъ...

А вандалы на ногахъ брячатъ; ноги словно разбухли, отяжелѣли... Даже въ каморѣ онъ не нашелъ себѣ порядочнаго мѣста: на нарахъ и такъ тѣсно, да и ими владѣють люди—инне уже годъ, а инне и больше. Можетъ быть, они и уступятъ ему мѣсто, по за деньги, а денегъ у него нѣтъ ни гроша. У него уже третій день какъ болитъ желудокъ и онъ никакъ не можетъ хлебать провислыхъ щей; сухія корки ржанаго солдатскаго хлѣба опротивѣли ему... Одно его немного утѣшало въ это время—это то, что вчера ему писарь переписалъ прошеніе и сегодня онъ надѣялся подать его стряпчему.

Вдругъ слышитъ онъ, что кто-то надъ нимъ не то шепчетъ, не то сопить... И слышитъ онъ вдругъ слова: Богородица дѣво радуйся, благодатная Марія Господь съ тобою... Милосердія двери... обрадованная дѣва Матерь Божія раба своего защити и помилуй...

Стало тихо... Вдругъ кто-то зарыдалъ надъ нимъ... Рыдаетъ кто-то и долго, долго, тяжело рыдаетъ, точно вся внутренность его хочеть перевернуться.

Слушаль, слушаль Панфилъ. Грустно-тяжело ему сдѣлалось, сердце сдавило, горло точно кто обхватилъ ему... Выползъ онъ кое-какъ изъ подъ наръ, всталъ на колѣни, заплакалъ, зарыдалъ... Ничего онъ не чувствуетъ, ничего не слышитъ; стоитъ онъ понуривши голову, а слезы, жгучія слезы такъ и льются изъ глазъ.

— Господи! Господи Иисусе Христе!! вопить Панфилъ, и ничего больше не можетъ произнести отъ неудержимыхъ слезъ. Сердце давить, голова отяжелѣла, глаза не могутъ глядѣть въ темноту.

— Кто это сопить? бривнулъ кто-то вблизи Панфила.

Панфилъ вздрогнулъ, и рыданія его еще больше усилились. Онъ положилъ голову на полъ и плакалъ пуще прежняго.

— Никакъ, мальченко плачешь.

— Не трошь! Молитву творить.

— Господи спаси помилуй.

— Мальченко! А мальченко! Што воешь-то? Али поможешь горю?

— Вотъ ты, собака, никогда врестомъ образины не перекрестишь.

— Самъ хорошь, сволочь! говорили съ разныхъ сторонъ арестованные.

— И какъ вамъ, братцы, не стыдно! Али у васъ совѣсти ни на грошь нету-ка? И изъ-за чего вы это крикъ-то подняли, безстыжіе люди, прости Господи, говорилъ кто-то далеко отъ Панфила.

— Молчи!

— Гдѣ у васъ, у мерзавцевъ, Богъ-то? Еретики вы проклятые!

Въ каморѣ настала тишина. Въ это время Панфилъ уже не плакалъ, а усердно молился, прося Бога и Богородицу избавить его отъ великой напасти. Ему было теперь легче.

Раздался продолжительный звонокъ по корридору. Арестанты уже разговаривали. Разговоры вертѣлись около осторожной жизни и воспоминаній прошлаго, и все это приправлялось хохотомъ, остротами, руганью со всѣхъ сторонъ, такъ что говорили почти всѣ разомъ. Теперь уже Панфилу молитва не шла на умъ. Онъ стоялъ около наръ. Ему хотѣлось заговорить съ тѣмъ, который молился, но тотъ лежалъ неподвижно.

— Дядюшка! сказалъ онъ, дернувъ что-то понавшеся ему въ руку.

— Ахъ ты собака! Што ты теребишь, аспидъ!

— Пусти посидѣть.

— Есть васъ всякихъ. Пошелъ!!

Панфилъ удивился: этотъ человѣкъ молился недавно, и вдругъ теперь даже слова не хочетъ сказать какъ слѣдуетъ.

Осердился Панфилъ и крикнулъ:

— Съѣлъ я у тѣ мѣсто-то! Чортъ!

— Што чертыхаешься-то, щенокъ! Давно ли молился-то?

— А ты-то. Кто давѣ быкомъ-то ревлѣлъ?

Арестантъ замолчалъ и подвинулъ ноги. Панфилъ съѣлъ. Разговоры арестантовъ нисколько не интересовали его; онъ понималъ, что они все врутъ, бахвалятся. Ему хотѣлось бы прива-

затъ имъ, чтобы не кричали такъ... Ему потомъ заведно стало, что они такъ рѣвисты, скоро находятъ остроты и онъ думалъ: «куда нашимъ мастеровымъ противъ нихъ! Сто словъ на одно слово скажутъ, закидаютъ словами. И бабы наши въ подметку имъ не годятся, нужды нѣтъ что рѣвисты и куда какъ горласты»... Наконецъ ему надоѣло слушать, голодъ мучить, хочется пить.

— Ахъ убѣгчи бы! шепчетъ онъ и сжимаетъ кулаки.

— Чево! спрашиваетъ его арестантъ, лежащій около него на нарѣ.

— Убѣчь!

— Хо-хо! Молодъ, братъ.

— А ты бѣгалъ?

— Известно... Дѣло привычное. На шафотѣ пробовалъ, опять буду пробовать и опять утеку въ лѣса.

— Ты изъ лѣсу?

— Ну да.

На этомъ разговоръ и покончился.

Загремѣлъ замокъ. Отворили дверь. Паръ хлынулъ въ камору и скоро наполнилъ ее до того, что огонь на свѣчѣхъ мелькалъ тускло.

— На ноги!! крикнулъ унтеръ-офицеръ.

Арестанты заговорили. Послышались шлепки; унтеръ билъ по щекамъ арестантовъ обѣими ладонями.

— Руки отобьеты! кричатъ арестанты и хохочуть.

— Равняйсъ!! кричить унтеръ.

Арестанты ругаются, половина изъ нихъ равняется, то-есть подходитъ на середину каморы и становится передъ унтеромъ.

— А вы? а вы? а васъ! Розогъ!! кричить унтеръ на остальныхъ.

Два человѣка нейдутъ съ мѣстью. Унтеръ записываетъ ихъ и начинается перекличку. Всѣ.

За унтеромъ запирается дверь; опять гремитъ замокъ. Арестанты ругаются.

— Уступи ты мнѣ мѣстечко... Вдвоемъ будетъ же... просить Панфилъ того арестанта, который утромъ молился.

— Што дашь?

— Да што дать-то?

— Ну, и убирайся.

Идетъ Панфилъ къ другимъ, его гонять прочь. Некуда ему пріютиться. Свѣтаеть.

Опять гремитъ замокъ. Входятъ двое солдатъ съ ружьями,

унтеръ и еще двое солдатъ безъ ружей, палачъ въ красной ситцевой рубашкѣ и плисовныхъ шароварахъ и смотритель. Арестанты встають на ноги.

— Которые? кричитъ унтеру смотритель.

Унтеръ вызываетъ двухъ арестантовъ.

— Раздѣть!

— Ваше благородіе... Я... ноги отеки.

— Ра-а-здѣть!! Я вамъ покажу! Эй ты мальчишко! мальчишко?! крикнувъ вдругъ смотритель на Панфила, которій, сидя на нарахъ, смотрѣлъ съ разинутымъ ртомъ на смотрителя, котораго онъ видѣлъ еще въ первый разъ, такъ-какъ онъ являлся въ каморы только въ экстренныхъ случаяхъ.

Всѣ оглянулись на Панфила.

— Взять! кричитъ смотритель.

Одинъ изъ солдатъ подошелъ къ Панфилу и потащилъ его къ смотрителю; Панфилъ сталъ барахтаться.

— Въ секретную! кричалъ смотритель. — Ты што? шельма! разбойникъ! кричалъ смотритель.

— Розогъ! крикнувъ вдругъ неистово смотритель.

Явилось четыре солдата съ охапками розогъ. Началась секція. Наказывали двоихъ арестантовъ и Панфила. Смотритель былъ недоволенъ тѣмъ, что ихъ наказывали концами розогъ, онъ то и дѣло кричалъ:

— Комлемъ! Крѣпче! Я вамъ!

Кое-какъ Панфилъ сталъ съ полу. Онъ не понималъ, за что его наказали.

Арестанты хохочуть.

— Молодецъ, мальченко... стерпѣлъ! Вынесетъ и плети...

Панфилъ заплакалъ; надъ нимъ еще пуще стали смѣяться. Въ каморѣ дѣлается свѣтлѣе. Яснѣе и яснѣе обрисовываются лица арестантовъ, блѣдныя, исхудалыя съ различными выраженіями, съ бритыми затылками, съ черными отъ грязи холщевыми рубашками. Большинство арестантовъ копошилось на нарахъ, меньшинство или ходило или сидѣло въ различныхъ позахъ.

Опять отворили дверь. Вошли два часовыхъ, унтеръ и писарь.

— Безуладниковъ! Соловьевъ! Кузьминъ! Возьми!? кричалъ писарь, обращаясь при послѣднемъ словѣ къ солдатамъ.

— Одѣвайся! На работу! кричалъ унтеръ, и потомъ, обратясь къ писарю, сказалъ: — трехъ мало съ этой каморы. Вонъ этого мальчишку еще надо.

— Мальчишко? Чей?

— Горюновъ, сказалъ негромко Панфилъ.

— Пошелъ на работу.

Панфилъ чувствовалъ сильную боль, но не протестовалъ противъ такого распоряженія, потому что ему очень хотѣлось выйдти на свѣжій воздухъ, увидать людей. И онъ скоро вышелъ на дворъ въ сѣромъ арестантскомъ полушубкѣ, покрывавшемъ его ноги ниже колѣнъ, съ чернымъ клеймомъ на спинѣ, въ круглой сѣрой арестантской шапкѣ, тоже съ клеймомъ на верхушкѣ, и худенькихъ сапогахъ, тѣхъ самыхъ, въ которыхъ онъ былъ привезенъ изъ завода въ городъ. Тяжелые кандалы еще болѣе усиливали его страданія, онъ шелъ кое-какъ, но солдаты, шедшіи сзади его, толкали его кулакомъ въ спину.

Скоро они вышли за острожную ограду.

Хотя въ тюремномъ замкѣ и было много такихъ арестантовъ, которые уже были присуждены къ тюремному заключенію и употреблялись на городскія работы, но смотритель находилъ для себя выгоднымъ назначать въ работы еще неприсужденныхъ къ тюремному заключенію рѣшеніемъ судебныхъ мѣстъ, и назначалъ преимущественно обвиняемыхъ въ кражахъ — вопервыхъ, потому, что эти арестанты не бѣгали, а воторыхъ, онъ деньги, которыя платили имъ за работы по закону, получалъ себѣ. Впрочемъ, арестанты рады были тому, что они цѣлый день пробудутъ нѣсколько на свободѣ, не въ острогѣ, и увидать свободныхъ людей, которые дадутъ имъ хоть копейку денегъ. Такъ и Панфилъ, несмотря на то, что онъ былъ измученъ, дышалъ на улицѣ свободнѣе. И какъ ему хотѣлось не ворочаться больше въ тюрьму! Только, встрѣчая людей, ему стыдно было смотрѣть имъ въ глаза; когда товарищи его протягивали руки, прося Христа-ради подать несчастнымъ, ему совѣстно было протянуть свою руку. Но когда онъ, проходя мимо рынка, увидалъ, что товарищи его купили себѣ по копеечному калачу, у него пропалъ стыдъ и онъ сдѣлался назойливъ. Но благодѣтелей было мало.

Работа была не очень трудная: арестанты пилили дрова и могли свободно разговаривать съ крестьяниномъ, раскалывавшимъ полѣнья. Для нихъ незамѣтно прошло время до обѣда, они работали охотно и, казалось, совсѣмъ забыли про тюрьму, только солдаты съ ружьями, кандалы и арестантскіе полушубки напоминали имъ, что они опять вернутся туда, а обращеніе съ ними хозяйской прислуги, которая удѣляла имъ изъ жалости заплеснѣвшія корки хлѣба и обглоданныя кости, приводило къ тому тяжелому сознанию, что они преступники. Здѣсь не было тѣхъ

ругательствѣ, какія происходили съ утра до ночи въ тюрьмѣ, а всѣ они больше молчали, вздыхали тяжело, обдумывая прошлое и настоящее и содрогаясь о будущемъ, которое имъ рисовалось въ довольно неказистомъ видѣ. Даже солдаты были не такъ грубы съ ними и отъ скуки помогали имъ пилить дрова.

День приближался замѣтно къ концу, нужно было опять идти въ тюрьму: арестанты сдѣлались ожесточеннѣе и молчаливѣе. Одинъ только Горюновъ надоѣдалъ солдатамъ тѣмъ, что ему хочется достать бумаги и карандашъ. Въ домѣ у ховлина, у котораго работали арестанты, ни того ни другаго не оказалось. Однако, Панфилъ, выходя изъ кухни, успѣлъ стащить съ полки, находившейся въ небольшихъ сѣняхъ, булку, и сдѣлалъ это такъ ловко, что солдатъ не замѣтилъ. А сдѣлалъ это онъ безсознательно: увидаль булку, сдернулъ ее и спряталъ. И только дорогой на него напалъ такой страхъ, что онъ не зналъ, что ему сдѣлать съ кражей и куда ее дѣвать. Что скажутъ арестанты, которымъ онъ говорилъ, что онъ самъ не знаетъ, за что сидитъ? Ему нѣсколько разъ хотѣлось бросить булку, но голодъ бралъ свое, и онъ крѣпче прижималъ булку, такъ что на него обратилъ вниманіе солдатъ.

— Што ты ежишься, собака? крикнулъ солдатъ на Панфила.

— Ничего, отвѣчалъ тотъ.

— Стой-кось! —

Солдаты остановились, всѣ окружили Панфила и вдругъ всѣ захохотали.

— Ахъ воръ! Ахъ мошенникъ! говорили они, и во всю дорогу заставляли рассказывать Горюнова о кражѣ. Но въ тюремномъ коридорѣ солдаты отняли у него булку, говоря, что они берутъ ее за труды.

Нечего и говорить о томъ, что о Панфилѣ вся камера рассуждала, какъ объ молодцѣ, который въ такихъ дѣлахъ далеко уйдетъ впередъ. Теперь ужъ ему дано было названіе булочный воръ, и этимъ именемъ его всѣ называли вмѣсто фамиліи.

Ни на другой, ни на третій день Панфила не послали на работу. Камера отворялась только въ известное время, да развѣ какого-нибудь арестанта вывести изъ нее для отобранія въ судѣ допросовъ или ввести этого арестанта послѣ допроса. Скука была страшная; арестанты повторяли ежедневно все одно и то же и ругались все злѣе и злѣе. Малѣйшее происшествіе въ острогѣ, узнанное какъ-нибудь случайно, малѣйшее событіе, переданное арестантами, требовавшимися въ судѣ, и можетъ быть невѣрное— изобрѣтенное самими же арестантами, все это оживляло камеру,

двигало мозги каждого. Говорили всё, каждый старался отличиться передъ другими остротами, шутками, каждый старался доказать, опровергнуть и переспорить ругательствами. Черезъ недѣлю послѣ того, какъ Панфиль ходилъ на работу, въ камеру приходилъ прокуроръ и Панфиль подалъ ему прошеніе. Арестанты говорили, что за эту жалобу достанется Панфилу, но онъ надѣялся, что дѣло его, можетъ быть, кончится скоро, потому что сестра его, въ это время, жила у судейскаго застѣдателя. И въ самомъ дѣлѣ, черезъ недѣлю онъ былъ выпущенъ, обокралъ сестру и исчезъ неизвѣстно куда. Пелагея Прохоровна очутилась безъ денегъ и къ тому же, по неудовольствію съ хозяевами, лишилась мѣста...

ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ.

I.

Передъ толпою, на грязной панели,
Плакалъ младенецъ грудной.
Глазки ребенка толпѣ говорили:
«Всѣмъ я здѣсь въ мірѣ чужой».

Отъ сочетанья *Свободы* съ *Прогрессомъ*
Это дитя родилось.
Нѣжное, робкое было созданье,
Именемъ — *Женскій Вопросъ*.

Мать умерла у ребенка; *Прогрессъ* же,
Двигая массы идей,
Бросилъ малютку: что будетъ, то будетъ!
Свѣтъ не безъ добрыхъ людей.

II.

Кто-то младенца подниметь, возьметъ?
Вотъ собирается праздный народъ...

Передъ малюткой старуха сѣдая
Остановилась, печально вздыхая.

Кто-то кричить ей: «возьми-ка съ собой»!
— Ну его! можетъ антихристъ какой!

Крестится дряблой рукой старушонка
И, ковыляя, спѣшитъ отъ ребенка.

Мимо проходитъ чиновникъ бѣднякъ,
Тащитъ подъ мышкою кипу бумагъ.

Худенькій, блѣдненькій, съ виду мизерный,
Шляпа взмята, мундиришка скверный.

Кто-то кричитъ ему: «парня возьми!»
— Гдѣ намъ бѣднягамъ возиться съ дѣтьми,

Сами мы голодны, босы и наги;
Денегъ не выжмешь изъ писчей бумаги.—

Мимо проходитъ какой-то купчина:
«Видишь младенца? возьми вмѣсто сына!»

— Ну его въ праху! мнѣ бездна хлопотъ;
Пусть его лучше другой кто возьметъ. —

Мимо проносится дама въ коляскѣ...
Вставивъ лорнетъ въ свои томные глаза,

Смотритъ на мальчика: — «взять или нѣтъ?» —
Думаешь дама, — «осудить ли свѣтъ?»

Дернули лошади, пыль заглубили —
Дама исчезла за облакомъ пыли.

Мимо идутъ доктора медицины.
Кто-то кричитъ неотвязно имъ въ спины:

«Мальчика взяли бѣ; горланить съ утра, —
Сжальтесь надъ нимъ, господа доктора!»

— Нѣтъ, не возьмемъ. Мы вѣдь люди науки;
Онъ же навѣрное свяжетъ намъ руки.

— Мальчику слѣдуетъ морфію дать,
Пусть онъ уснетъ; ему вредно кричать.—

Долго еще пролежалъ такъ малютка.
Кто-и пройдетъ, отобразится шуткой...

Но публициста вдругъ случай нанесъ —
Имъ-то и поднять былъ женскій вопросъ.

Скоро по улицѣ шумно разбрелся
Тѣсно толпившійся людъ.

Мальчикъ свезенъ былъ самимъ публицистомъ
Въ литературный пріютъ.

III.

У литераторовъ нѣжный ребенокъ
Освободился отъ тѣсныхъ пеленокъ;

Сталъ развиваться, но ростомъ былъ малъ
И, какъ цвѣточекъ, блѣднѣлъ, увядалъ...

Спалъ онъ сначала у нихъ на рукахъ,
А какъ подростъ — въ типографскихъ станкахъ;

Былъ съ аппетитомъ одну лишь бумагу,
Пилъ же чернила, какъ вкусную брагу.

Мальчика въ баню частенько водили,
Гдѣ его стригли, чесали и мыли.

Онъ возвращался оттуда больной,
Въ кровь изцарапанный чьей-то рукой...

Такъ провело свои первые годы
Это дитя злополучной свободы.

IV.

Въ холодѣ сѣвера южный цвѣтокъ
Быстро измаялся, высохъ, поблекъ,

Жажда простора его доканала.

— Душно мнѣ! воздуху, воздуху мало! —

Мальчикъ кричалъ передъ смертью своей,
Тихо кончаясь въ объятяхъ друзей.

Скоро друзья о малютѣ забыли
И — не видать никого на могилѣ!

ОЛЬГА ЛЕПКО.

ДВА ЖЕНСКІЕ ХАРАКТЕРА.

(LES DEUX FILLES DE M. FLICHER, par André Léo).

Вилльямъ де-Монсальванъ Жильевру Валансену.

Ройянъ. 8-го іюля 1846 г.

Если тебя нѣтъ въ Парижѣ, я погибъ. Это непостижимо: я написалъ три письма, одно за другимъ, этому безсовѣстному мошеннику Фраберу, и хотѣ слово въ отвѣтъ! А я сижу безъ копѣйки и кромѣ того честию обязанъ сдѣлать немедленныя, необходимыя уплаты. Посуди самъ: я даю балъ. Но балъ какъ слѣдуетъ: жирандоли, цвѣты въ залѣ и почти полный оркестръ большаго бордосскаго театра. Ничего подобнаго отъ роду не видано въ этихъ мѣстахъ, мой милый; всѣ головы кружатся и о балѣ толкуютъ уже цѣлую недѣлю. Балъ назначенъ въ понедѣльникъ. Это будетъ мнѣ стоить больше четырехъ тысячъ франковъ, а у меня въ кассѣ всего на всего пятьдесятъ!

Еслибы у меня хватило денегъ на поѣздку въ Парижъ, я оставалъ бы туда еще вчера. Иногда мнѣ приходитъ на мысль отправиться къ какому-нибудь бацкиру въ Бордо и потребовать у него кошелекъ или жизнь; но если надежда меня не обманываетъ, ты явишься моимъ спасителемъ въ этомъ дѣлѣ. Твое послѣднее письмо я получилъ по крайней мѣрѣ три недѣли тому назадъ; ты совсѣмъ забылъ меня.

Пиши мнѣ скорѣе и скорѣе денегъ! Ты понимаешь мое положеніе. Я здѣсь герой, парижскій левъ, *графъ!* Надо слышать, какъ эти мѣщане провозносятъ слово графъ! Всѣ женскіе глаза на меня обращены — и въ томъ числѣ глаза самыя прелестныя, и самыя милыя, Жильберъ — и всѣ мужчины сохнутъ отъ ревности. Короче сказать, я не могъ бы вынести глупаго и смѣш-

наго положенія несостоятельнаго должника, когда всѣ счеты по-сыплются на меня дождемъ на другой день бала. Ты конечно угадываешь, что меня тутъ заботить не одна бессмысленная толпа всѣхъ этихъ купальщиковъ, но что главное тутъ одна особа, въ глазахъ которой я ни за что на свѣтѣ не хотѣлъ бы уронить себя.

Иди сейчасъ же къ Деляжу и, не медли ни минуты, вышли мнѣ четыре тысячи франковъ. Потомъ разузнай пожалуйста, что дѣлается съ Фраберомъ.

Жильверъ Вилльму.

Парижъ. 10-ю июля 1846 г.

Я выслалъ тебѣ, мой милѣйшій, требуемую сумму, взятую у Деляжа. Надѣюсь, что ты получишь ее во время. Я новѣдаюсь съ Фраберомъ, но Деляжъ очень беспокоенъ на его счетъ. Онъ говоритъ, что это шутъ, что ты напрасно довѣряешься ему, что со времени твоего отъѣзда онъ зажилъ на большую ногу и что, наконецъ, ты очень хорошо сдѣлаешь, если возьмешь у него назадъ свою довѣренность. Я тоже могу тебѣ сказать, что физіономія этого человѣка никогда мнѣ не нравилась. Нѣсколько дней тому назадъ онъ вдругъ явился къ Деляжу съ тѣмъ, чтобы получить принадлежащія тебѣ суммы, но Деляжъ отказалъ ему подъ различными предлогами, и совѣтуетъ тебѣ непременно свести счеты съ этимъ Фраберомъ. «Я знаю безнечность Вилльма, сказалъ онъ мнѣ, я знаю, что онъ беретъ не считая въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; это вѣрный способъ развориться очень скоро, особенно когда имѣешь дѣло съ такимъ повѣреннымъ, какого онъ себѣ выбралъ».

Деляжъ правъ, мой милый, ты всегда былъ черезчуръ безпеченъ въ денежныхъ дѣлахъ и черезчуръ великодушенъ. Я, конечно, не могу этого осуждать, однако, тебѣ надо подумать о себѣ. Перестань давать балы, повѣрь мнѣ; брось даже свою пастушескую идиллію, если она еще далека до развязки; коли ты настоящій умница, то брось даже и въ томъ случаѣ, если развязка не далека, и пріѣзжай устроить свои дѣла; Деляжъ тебѣ поможетъ.

Ты упрекаешь меня, несчастный, за то, что я три недѣли не писалъ тебѣ — ты не далъ мнѣ адреса, я не зналъ что съ тобою и куда ты дѣвался! И что ты тамъ дѣлаешь, въ этомъ крошечномъ приморскомъ мѣстечкѣ?

«Твой Жильберъ».

Вилльямъ Жильверу.

12-ю июля.

Пера было! Я сохранилъ героическое спокойствіе, но я приближался къ одному изъ тѣхъ положеній, изъ которыхъ два выхода: или какая-нибудь гениальная выдумка, или отчаянная рѣшимость Ватала. Представь себѣ, Жильберъ—я это тебѣ рассказываю для того, чтобы дать тебѣ понять, какъ я тебѣ обязанъ и признателенъ—вчера былъ балъ. Музыканты, кандидеры, садовники, общники бѣгаютъ, шумать, суетятся, сталкиваются, со всѣхъ сторонъ раздается мое имя, ко мнѣ обращается безконечное число требованій, болѣе или менѣе смиренныхъ.

Я позволяю всѣмъ имъ собраться около себя и роняю холоднымъ и небрежнымъ тономъ слѣдующія слова: «Господа, моего управляющаго здѣсь нѣтъ; я не имѣю привычки лично заниматься подобными вещами. Завтра вы составите ваши счета, какъ можно яснѣе и точнѣе и представите ихъ мнѣ. Сегодня вечеромъ я занятъ устройствомъ праздника и моимъ туалетомъ». Они удаляются отступая и низко кланаясь.

Откуда ты взялъ, что мнѣ нужно непременно богатство? Я никогда не пользовался имъ собственно для себя. У меня есть свои фантазіи, это правда, но онѣ могутъ практиковаться на самыхъ простѣйшихъ предметахъ. Я до смерти утомленъ Паржемъ и безпутною жизнію, которую хотѣлъ видѣть, хотѣлъ узнать, точно какъ же какъ я хотѣлъ смотрѣть музеумы, дворцы и чердаки. Ты знаешь, что въ этой жизни я былъ зрителемъ и что она не можетъ имѣть для меня прелести и заманчивости. Я не того ищущу; я иногда чувствую такую душевную пустоту, что хоть умирай, ложись.

Твои совѣты и совѣты Деляжа очень хороши, но я ими не воспользуюсь; я хочу побыть здѣсь еще нѣкоторое время.

Не можете ли вы съ Деляжемъ безъ меня устроить эти дѣла? На то, что мнѣ останется, я куплю себѣ усадьбу въ деревнѣ, заведу библіотеку и стану заниматься земледѣліемъ. Быть можетъ, я стану писать; мнѣ часто приходила эта охота.

Въ концѣ концовъ дѣлайте что хотите, я не оставлю Ройна...

У меня теперь передъ глазами самый прелестный типъ истинной чистоты и наивнаго невѣдѣнія. Представь себѣ дѣвушку девятнадцати лѣтъ, немного пониже средняго роста, необычайной бѣлизны, съ золотистыми волосами, съ розовыми щеками и голубыми глазами; у нея есть своего рода кокетство, но хитрить она не умѣетъ и ея предпочтеніе мнѣ, которое она воображаетъ скрыть, извѣстно всему Ройану.

Самое странное то, что родители Бланшъ, вмѣсто того, чтобы тревожиться моими ухаживаньями, кажется, находятъ все это очень милымъ. Что это, увѣренность въ дочери? Довѣріе ко мнѣ? Во мнѣ они не ошибаются, если это такъ; потому что я боготворю и чту ея чистосердечіе. Но они вѣдь не знаютъ меня. Быть можетъ, они смотрятъ на меня, какъ на партію. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы меня спросить о моихъ намѣреніяхъ. Къ счастью или къ несчастью, они меня этимъ не смущаютъ. Хоть меня убей, я не знаю самъ, какую бы будущность я себѣ пожелалъ, еслибы даже благодѣтельная фея отдала въ мое распоряженіе своей магической жезлъ. Прощай.

Жильверъ Вилльямъ.

15-го іюля.

Любезный другъ, мы наконецъ розыскали Фрабера, но онъ оказался самымъ отчаяннымъ плутомъ. Я только что возвращаюсь отъ Деляжа, гдѣ мы его продержали больше двухъ часовъ въ надеждѣ чего-нибудь отъ него добиться. Но мы не добились ничего, кромѣ мошенническихъ счетовъ, безсовѣстныхъ увѣреній и увертокъ. И при этомъ что за возмутительная наглость! Къ несчастью, Деляжъ говоритъ, что тутъ ничего нельзя сдѣлать; ты далъ ему полную довѣренность и судиться съ нимъ было бы совершенно бесполезно. Никто кромѣ тебя не можетъ провѣрить его отчеты, а я очень хорошо знаю, что ты никогда провѣрять ихъ не станешь. Онъ велъ дѣла искусно и поймать его трудно.

Послѣ я передамъ тебѣ всѣ подробности, а теперь я только скажу тебѣ, милый Вилльямъ, что ты уже не можешь считать себя богатымъ человѣкомъ и что тебѣ надо будетъ подумать о средствахъ существованія.

Я тебя жду. Пріѣзжай скорѣе.

Вилльямъ Жильверу.

Сень-Пале. 24-го іюля.

Мой другъ, человѣкъ предполагаетъ, а привычка располагаетъ. Ты знаешь, что я охотно сталъ бы носить рабочию блузу, но я не могу обойтись безъ тонкаго и чистаго бѣлья. Послѣ недѣльнаго пребыванія въ этой деревнѣ, гдѣ народонаселеніе, даже женское, увѣ лишено совершенно артистическаго чувства, я очутился въ бѣльѣ буланого цвѣта, въ бѣльѣ, измятомъ и испятнанномъ до такой степени, что ужасъ подобнаго положенія

пересилилъ всякую осторожность; я послѣдиль въ Роянъ и купилъ тамъ новыя рубашки. Возвращаясь въ Сенъ-Пале, я съ радостью совершалъ ослѣпительной бѣлизны манжетку, окаймлявшую мою рубку; вдругъ ужасная мысль мелькнула у меня въ головѣ и поразила меня какъ громомъ: завтра эта самая ослѣпительная манжетка будетъ предана въ руки красильщицъ Сенъ-Пале и я долженъ буду положить на рубашки весь остатокъ моего состоянія. Восстану, мы взаты изъ праха, и всегда бываемъ игрушкою обстоятельствъ; потеря состоянія меня измѣнила, и въ первый разъ въ жизни экономическое соображеніе разрушило мои планы. Находя невозможнымъ жить въ Сенъ-Пале, я сѣлъ при дорогѣ и сталъ разрѣшать задачу: куда же я отправлюсь?

Этотъ вопросъ такъ меня поглотилъ, что тѣнь отъ тамаринда, подъ которымъ я сидѣлъ, утонула во мглѣ вечера, и обративъ глаза на море, я увидѣлъ его точно въ огнѣ. Послышавшійся въ сторонѣ шумъ заставилъ меня обернуться, и я неясно различилъ, между небесными облаками и облаками пыли, быстро приближающуюся коляску, которая оставовилась около меня.

Г. Монсальванъ! вскричалъ женскій голосъ. Это онъ! Что вы тутъ дѣлаете?

Въ коляскѣ сидѣло семейство Плишонъ, то-есть отецъ Бланшь, ея тѣтка и она сама. Г. Плишонъ сначала встрѣтилъ меня довольно чинно, Бланшь отвернулась, желая скрыть яркій румянецъ, а тѣтка, бросивъ на нее взглядъ, попросила меня сѣсть въ коляску.

Я колебался; тогда Бланшь на меня взглянула, и взглядъ ея былъ таковъ, что я впрыгнулъ въ коляску. Я, не надѣявшійся никогда ее болѣе видѣть, я былъ подлѣ нея! Она все продолжала глядѣть въ другую сторону.

— Вы уѣзжали изъ Рояна? спросилъ меня г. Плишонъ.

Я отвѣчалъ, что неожиданное дѣло потребовало моего немедленнаго присутствія въ Парижѣ.

— Такъ что вы не успѣли ни съ кѣмъ проститься? замѣтила тѣтка тономъ ласковаго упрека.

— Да, сударыня, отвѣтилъ я такъ грустно и таинственно, что это должно было родить тысячу драматическихъ предположеній въ головѣ этой романической особы.

Надобно тебѣ сказать, что тѣтеньгѣ Клотильдѣ не больше тридцати лѣтъ; съ перваго взгляда она кажется жеманною и съ претензіями, потому что говорить черезчуръ длинными и сентиментальными фразами, но я думаю она гораздо искреннѣе, чѣмъ можно судить по ея наружности, и считаю ее такою же доброю,

какой она представляется. Она черезчуръ часто вздыхаетъ и заводитъ глаза къ небу, что не гармонируетъ вовсе съ ея нѣсколько кругленькою фигурою, но у ней нѣтъ недостатка въ привлекательности, ни въ умѣ, и суда по всему, она обожаетъ свою племянницу.

Моя поѣздка въ Парижъ дала г. Плишону поводъ сказать длиннѣйшую рѣчь о прежнемъ неудобствѣ путешествій и о быстротѣ путешествій въ настоящее время. Все это время я смотрѣлъ на Бланшъ; глаза ея были потушены и ровныя ноздри нѣсколько раздувались. Сердце у ней, должно быть, сильно билось и мнѣ казалось иногда, что я слышу его бѣшеніе. Я больше не думалъ о томъ, чтобы бѣжать отъ нея, бросить ее. Какъ она была прелестна въ своемъ гнѣвѣ! Ея лицо представляло смѣсь печали и досады, которая показывала, что эта женщина еще дѣта.

— Да, во времена моего дѣдушки, продолжалъ г. Плишонъ:— когда собирались ѣхать въ Парижъ, то писали духовное завѣщаніе передъ отправленіемъ въ дорогу, между тѣмъ какъ теперь...

— Путешествіе все-таки очень долгое! вскричалъ я, увлеченный желаніемъ утѣшить Бланшъ.—Что значить проѣхать двѣнадцать лѣтъ въ часъ, когда вамъ хочется въ одинъ мигъ перелетѣть все пространство?

Я видѣлъ, что тѣтка Клотильда украдкой толкнула ногу локоть племянницу, и что племянница слегка покраснѣла. Черезъ минуту на меня бросили взглядъ, потомъ она удостоила заговорить со мной, но съ нѣкоторою грустью.

Вечерняя свѣжесть становилась чувствительнѣе, и мадемуазель Клотильда заставила Бланшъ лучше закутаться въ шаль.

— Она хворала эти послѣдніе дни, прибавила она, глядя на меня, и очевидно желая мнѣ выставить на видъ всю великость моей вины.

Эта милая тѣтушка видимо покровительствуетъ нашей любви. Все это меня и очаровываетъ и выводитъ изъ терпѣнія въ одно и то же время, и я поддаюсь увлекающему меня очарованію, и негодую на себя, и досадою на другихъ. Иногда я себѣ говорю: тѣмъ хуже для нихъ! но вслѣдъ за тѣмъ я чувствую угрызевіе совѣсти...

Сегодня ввечеру, на балѣ, она жаловалась на духоту и безпрестанно подходила къ открытымъ окнамъ. У нея не было обычной живости; я никогда не видалъ ее такою трогательною. Я взглядомъ умолялъ добрую Клотильду пойдти съ нами въ садъ. Мы съ Бланшъ скоро ушли впередъ и очутились въ глубинѣ

аллен. Мы молчали. Сначала это молчаніе насъ смущало, но вскорѣ мы нашли въ немъ невыразимую прелесть: никакими словами невозможно было бы лучше выразить «я тебя люблю».

Вдругъ невдалекѣ послышался голосъ тѣтушки Клотильды; она звала Бланшъ, но очень тихо, какъ зоветъ снисходительная мать, которой жалко разстроить игру дорогаго ей ребенка. Я не могъ удержать восклицанія: уже! и я прижалъ руку Бланшъ къ своей груди, и увлекъ ее изъ саду на берегъ. Она не противилась, хотя говорила:—надо идти, тѣтушка зоветъ.

— Счастье длится такъ недолго! отвѣчалъ я ей.—Удержимъ его еще хоть на минуточку!

— Вы не вѣрите въ счастье? спросила она съ удивленіемъ, и въ ея взглядѣ, обращенномъ на меня, выразалось столько чистой вѣры, что у меня сердце задрожало, и я вскрикнулъ:

— О, да! Я вѣрю!

И я повторилъ эти слова, прижимая мои губы къ ея губамъ.

Она не просила у меня другихъ обѣщаній или клятвъ, милая дѣвушка! Я стыжусь самаго себя и я въ восторгѣ, я взбѣшенъ и очарованъ, однимъ словомъ я самъ не свой. Я совершенно изумленъ тѣмъ, что чувствую себя еще такимъ молодымъ, начинаю радоваться этимъ живымъ волненіямъ, стараюсь ухватиться за нихъ, и вдругъ опять являются сомнѣнія, осаждаютъ меня, и я перестаю вѣрить.

Всевозможные планы перевертываются у меня въ головѣ. То я собираюсь ѣхать въ Америку, то думаю жениться. Чѣмъ долѣе длится эта нерѣшительность и недоумѣніе, тѣмъ моя роль сомнительнѣе. Правда, надо сказать и то, что я не могу ни на что и рѣшиться, потому что прежде всего для этого надобны деньги. Если я совершенно, въ конецъ раззоренъ, тогда будь Бланшъ богата или бѣдна, все равно я не могу на ней жениться. Скоро ли ты наконецъ скажешь мнѣ, что именно у меня осталось? Отвѣчай пожалуйста съ первою почтою.

Жильевръ Вилльяму.

26-го июля.

Быть можетъ, ты дѣлаешь величайшее безуміе, но твое послѣднее письмо все-таки нѣсколько успокоило меня, мой дорогой Вилльямъ. Само собою разумѣется, что влюбленнымъ быть все-таки лучше чѣмъ быть въ отчаяніи. У тебя остается не много меньше 30,000 франковъ.

Поговоримъ пожалуйста серьезно, милый другъ. Теперь весь твой капиталъ не стоитъ прежняго годоваго дохода; ты совсѣмъ

не умѣешь экономничать, и потому необходимо не теряя времени искать какихъ-нибудь средствъ къ жизни.

Тебѣ надо разбогатѣть, Вилльямъ. Но ты ничего не смыслишь въ спекуляціяхъ, ты презираешь торговлю — значить, эти два пути въ счетъ не идутъ; ты бы могъ, пожалуй, съ твоимъ именемъ и связями, получить мѣсто гдѣ-нибудь по административной или по дипломатической части, но я опасуюсь, что и это тебѣ не подойдетъ.

Самое для тебя лучшее, это женитьба на какой-нибудь богатой дѣвушкѣ.

Я, признаюсь, не понимаю, что тебя тутъ можетъ стѣснять. Это вовсе не обманъ, это вошло въ наши нравы. Женщина, не имѣющая сама по себѣ никакой общественной силы и никакой общественной дѣятельности, приносящая съ собою только расходы и обремененіе, должна приносить и приданое, чтобы сколько нибудь облегчить эти заботы и расходы. Что касается до того, бѣденъ или богатъ женихъ, то пусть родители невѣсты объ этомъ наводятъ сами справки, это ихъ дѣло, а женихъ вовсе не обязанъ наивно признаваться имъ, раззорился онъ или нѣтъ. Я знаю, что ты вспыхнешь негодованіемъ, прочитай эти слова. Однако, мой милый, ты долженъ былъ давно понять, что мы не можемъ играть въ открытую при нашемъ положеніи общества и что невозможно быть чистосердечнымъ и откровеннымъ, когда всѣ притворяются и лукавятъ. Вѣдь ты, я полагаю, не захочешь разыграть изъ себя донъ-Кихота Ламанчсваго?

Узнай поскорѣе, какое приданое за Бланшъ. Если она безприданница, то во имя вашего общаго благополучія вамъ необходимо разстаться. Она поплачетъ немножко, и потомъ возродится для другой любви. Дай только мнѣ адресъ ея отца и я скоро буду знать, въ какомъ положеніи его дѣла. Мы найдемъ для тебя великолѣпную партію въ Парижѣ. Обдумай все хорошенько, умоляю тебя, милый Вилльямъ.

Вилльямъ Жильверу.

28-го июля.

Твое письмо еще живѣе заставило меня почувствовать неловкость моего положенія, и я рѣшился, ни минуты не медля, узнать, точно ли Бланшъ богатая невѣста и могутъ ли меня заподозрить въ корыстныхъ видахъ. Я подстерегъ въ кафѣ одного стараго судью, большаго сплетника, и вступилъ съ нимъ въ разговоры. Вѣроятно онъ тотчасъ же смекнулъ, чего мнѣ надо и

съ удовольствіемъ удовлетворилъ мое любопытство. Онъ сообщилъ мнѣ, что г. Плишонъ былъ когда-то адвокатомъ въ Пуатье, и нажилъ прекрасное состояніе; у него трое дѣтей, но говорить, что старшая дочь не пойдетъ за мужъ. Если послѣднее справедливо, то болѣе полумилліона франковъ достанется на долю Бланшь младшей дочери и ея брата.

250,000 франковъ въ отдаленномъ и сомнительномъ еще будущемъ, потому что мадемуазель Эдитъ можетъ видти замужъ, если ей придетъ охота, конечно, тебя не ослѣпять, но здѣсь это считается громаднымъ состояніемъ. Я становлюсь, значитъ, не въ положеніе молодаго человѣка, очарованнаго прелестною дѣвушкою, а въ положеніе презрѣннаго нищаго. Я рѣшился. Я собрался въ дорогу и хотѣлъ взять мѣсто въ дилижансѣ, который отсюда отходитъ въ пять часовъ утра. Только на этотъ разъ, я не хотѣлъ уѣхать не простившись съ Бланшь; я не хотѣлъ быть грубымъ и жестокимъ, я не хотѣлъ слишкомъ возмутить эту молодую душу и наполнить ее отчаяніемъ. Словесное объясненіе было черезчуръ опасно. Я ей написалъ. Не объясняя ей причину моего отъѣзда, я прощался съ нею навсегда. Я писалъ съ отчаяніемъ въ душѣ; когда пришлось отказываться отъ Бланшь, у меня пропало всякое колебаніе и я сейчасъ же съ радостью женился бы на ней, еслибы это было возможно.

Я встрѣчаюсь съ ней всякій вечеръ или въ воксалѣ или въ саду, или гдѣ-нибудь у знакомыхъ. Я отправился; я былъ несчастливъ, смущенъ, я не смѣлъ подойти къ Бланшь и слѣдилъ за нею только глазами; она ходила по террасѣ съ тѣткою в се-строю, а я велъ разговоры съ госпожею Плишонъ, сидѣвшею у открытаго окна гостиной. Госпожа Плишонъ отличная женщина и чрезвычайно мнѣ по праву и по сердцу. Не знаю, какимъ образомъ разговоръ перешелъ на подозрительность. Я сталъ говорить съ такимъ глупымъ жаромъ, что госпожа Плишонъ, останавливая на моемъ лицѣ свои умные черные глаза, спросила: что съ вами? Я отвѣтилъ ей очень неопредѣленно и пошелъ къ Бланшь. Она сидѣла на скамьѣ и притворялась, что меня не видитъ. Услыжавъ мои шаги, она вскрикнула, обращаясь къ тѣткѣ и сестрѣ:

— Не хотите ли походить?

Она вставала съ мѣста, когда я очутился передъ нею.

— А! это вы! сказала она беззаботнымъ тономъ.

Я ей не отвѣчалъ и предложилъ руку. Мы пошли; тѣтка и сестра послѣдовали за нами.

Бланшъ щебетала какъ птичка; я едва отвѣчалъ ей. Я слышалъ, что тѣтка Клотильда прошептала зади меня:

— Нашъ влюбленный загрузилъ сегодня.

На это мадемуазель Эдитъ ничего не отвѣтила сначала: это ея обычная манера вести разговоры. Однако, ей случается иногда говорить несравненно умныя и удачныя вещи; черезъ минуту она сказала тѣткѣ:

— Мы ихъ стѣсняемъ.

Онѣ отстали отъ насъ.

— Вы не всегда бываете любезны, промолвила моя прелестная спутница съ видомъ недовольной королевы.

— Я, какъ и всякій другой, моя дорогая Бланшъ, отвѣтилъ я:—когда страдаю, то перестаю смѣяться.

— Вы страдаете? вскринула она, и обхватила обѣими руками мою руку, и обернула ко мнѣ свое милое, омрачившееся и встревоженное личико.

— Вильямъ! О! чтѣ съ вами?

Мы были одни. Я отвѣтилъ ей поцалуемъ на всѣ ея разспросы. Она не поняла бы моихъ сомнѣній, она стала бы плакать, стала бы упрекать меня, быть можетъ она бы даже прибѣгла къ помощи своихъ домашнихъ, меня бы уговорили, и все это вышло бы очень малодушно и нивко. Я ее отвелъ къ остальному обществу и во все продолженіе вечера мы уже не оставались съ нею наединѣ. Она уѣхала домой въ одиннадцать часовъ и, прощаясь съ нею, я передалъ ей приготовленное письмо, потомъ, самъ не зная зачѣмъ и почему, я бросаю любимую мною дѣвушку, обратившуюся ко мнѣ съ такимъ довѣріемъ и любовію, я пришелъ домой и бросился въ постель въ ожиданіи отъѣзда.

Мною овладѣло то горестное волненіе, которое заставляетъ насъ терять сознаніе времени. Когда я услышалъ стукъ у дверей, я вообразилъ, что уже пять часовъ утра и что меня пришли будить. Я тотчасъ же всталъ и отворилъ дверь, но вмѣсто носильщика, которому я собрался отдать чемоданъ, я съ изумленіемъ увидалъ передъ собою мадемуазель Клотильду.

Я сейчасъ же угадалъ, чтѣ случилось: Бланшъ выдала себя отчаяніемъ. Я скорѣе бы понялъ визитъ отца или брата Бланшъ въ подобномъ случаѣ, но визитъ тѣтки, среди ночи, показался мнѣ очень страннымъ.

Во всякомъ случаѣ, внимательство какого бы то ни было посторонняго лица въ мои частныя дѣла было мнѣ невыносимо, и потому я сухо выразилъ мадемуазель Клотильдѣ мое изумленіе. Я не знаю, говорилъ ли я тебѣ, что, несмотря на принятое

сю на себя званіе старой дѣвушки, мадемуазель Клотильда молодая женщина и очень пріятная особа. Ея присутствіе въ моей комнатѣ, среди ночи, было, значить, очень романтично и она этого не забывала. У нея былъ трагическій видъ, и она заговорила съ героической рѣшимостью:

— Мое присутствіе въ такое время у васъ въ комнатѣ должно бы удивить васъ, еслибы совѣсть ваша не подсказала вамъ, какая причина привела меня сюда.

Въ то же время она вошла и почти упала въ кресло. Я взглянулъ на часы; былъ первый часъ.

— Г. Вильямъ, вскрикнула мадемуазель Клотильда:—я считала васъ честнымъ, хорошимъ человѣкомъ, и никогда, о, никогда! я не думала, что вы способны на такую жестокою и черную измѣну!

Подобное вступленіе окончательно раздражило меня, и я сказалъ, взявъ ее за руку:

— Я не смѣлъ надѣяться, что когда нибудь внушу вамъ такое живое участіе. Даже оскорбленія, произносимыя прелестными устами, имѣютъ цѣну. Вы въ моей комнатѣ, среди ночи, и это доказательство такого особаго участія, что...

Я покраснѣлъ, видя что она краснѣетъ. Она побѣдила однако свою боязнь и огорченіе, и вырывая свою руку, продолжала съ истиннымъ достоинствомъ:

— Вы чувствуете сами, что я не заслуживаю подобныхъ оскорбленій. Вы обманули довѣріе нашего семейства, вы переполнили отчаяніемъ молодую душу, стремившуюся любить и вѣрить. Я считаю себя виноватою, потому что по глупой неосмотрительности я потворствовала вашимъ свиданіямъ и разговорамъ. Я пришла спросить у васъ объясненія, чтобы понять причины такого страннаго и неблаговиднаго поведенія.

Тѣтка Клотильда обладаетъ нѣкоторымъ ораторскимъ талантомъ, но она ужъ черезчуръ заносится и, слушая ее, критическое чувство у меня пересилило душевное волненіе. Однако, она была такъ права, что я пересталъ шутить и издѣваться. Я стоялъ передъ нею, исполненный печали и смущенія, и не зналъ, что ей отвѣчать.

— Я не намѣренъ, сказалъ я наконецъ:—оправдываться. Быть можетъ, однако, я не такъ виноватъ, какъ вы полагаете. Быть можетъ, я не менѣе другихъ достоинъ состраданія...

— Конечно, милостивый государь, не моя племянница заговорила первая о любви?

— Это дѣло этикета, сударыня. Что до того, кто заговорилъ первый, если я зналъ, что она уже любитъ меня?

— Но почему вы ее разлюбили? Вѣдь Бланшъ ангелъ! Она не заслуживаетъ пренебреженія! Неужели всѣ мужчины безъ исключенія могутъ играть самымъ благороднымъ, самымъ чистымъ чувствомъ! (Она подняла глаза къ небу). Увы! жестовая опытность, купленная дорогою цѣною, должна бы меня сдѣлать подозрительною, но вѣрить такъ отрадно, а сомнѣваться такъ ужасно! Вы казались мнѣ, сударь, такимъ благороднымъ, такимъ искреннимъ и честнымъ!

Я поклонился.

— Я согласенъ съ вами, мадемуазель, я не долженъ былъ поддаваться очарованію, зная что я не могу имѣть надежды жениться на Бланшъ. Но тогда я не зналъ... Однимъ словомъ, ошибка сдѣлана, — ее надо теперь поправить, и я рѣшился уѣхать.

Она вскрикнула:

— Такъ это будетъ жертва? Такъ вы ее любите? Ахъ! я не сомнѣвалась въ этомъ, я надѣялась... Скажите мнѣ все, умоляю васъ. Я достойна этого довѣрія! Вы довѣрите ваши печали сердцу, которое перенесло жестока испытанія!...

Она протянула мнѣ руку; я слегка пожалъ ее.

— Позвольте мнѣ, сударыня, умолчать обо всемъ, что тутъ до меня касается.

— А! вы безжалостны! Но подумайте объ этомъ бѣдномъ ребѣнкѣ! Я ее оставила умирающею въ объятіяхъ матери. Она въ отчаяніи! Она призываетъ смерть! Она васъ любитъ! Вы ее первая любовь! Она положила въ эту любовь всю свою душу, всю вѣру, все! Если вы ее покинете, вся жизнь ее будетъ разбита! А! какъ я горько себя упребаю!

— Я въ отчаяніи, сказалъ я съ такимъ видомъ, который давалъ ей понять, что толковать дальше будетъ бесполезно.

— Нѣтъ, вы не въ отчаяніи! вскричала она:—нѣтъ, это неправда! О, гнѣвайтесь, сколько угодно, я вамъ не вѣрю! Нѣтъ, вы не въ отчаяніи; вы не любите; истинная любовь не отступаетъ при встрѣчѣ съ препятствіями, а борется съ ними! Что вамъ за дѣло до того, если вы разбили душу молодой дѣвушки, погубили ее во мнѣніи общества, подвергли ее жизнь опасности...

— Сударыня, точно ли я такъ виноватъ? Мы знакомы съ нею всего нѣсколько недѣль и...

— Развѣ въ восемнадцать лѣтъ сомнѣваются? Въ эти годы любовь (увы! я это знаю очень хорошо!) поражаетъ какъ громъ небесный, является какъ откровеніе... А! моя бѣдная Бланшъ!

Мое бѣдное дитя! Такая добрая, такая чистая, исполненная таких надеждъ на будущее!

Мадемуазель Клотильда разразилась рыданіями и закрыла себѣ лицо руками. Сердце у меня мучительно сжалось.

— Еслибъ я могъ думать, вѣрить, пробормоталъ я:—что она сумѣетъ любить...

— Вы не думаете? Не вѣрите? вскричала мадемуазель Клотильда вставая.—Вы не вѣрите? Да почему же, Господи, вы не вѣрите? Не женщины утомляются любовью, сударь. А! если вы сомнѣваетесь въ этомъ ребѣнкѣ, у котораго вы отняли душу, если у васъ нѣтъ другихъ причинъ, я васъ оставляю, вы недостойны ея. Скажите, это только васъ смущаетъ?

— Нѣтъ, не одно это.

— Такъ скажите, что же! Пойдите, быть можетъ, я угадаю. Вѣдь вы конечно не женаты?

Я, улыбаясь, сдѣлалъ отрицательный знакъ.

— Хорошо. Вы тоже ничѣмъ не обезчещены?

Я пожалъ плечами.

— Такъ это дворянская гордость васъ удерживаетъ, да?

— Вовсе у меня нѣтъ этой дворянской гордости.

— Но что же такое? Просто женитьба васъ пугаетъ?

— Нѣсколько дней тому назадъ она меня пугала. Но теперь меня только терзаетъ сожалѣніе, что я не могу жениться. Я люблю Бланшъ.

Ты угадываешь, что я уже не могъ послѣ всего этого отдѣлаться отъ тѣтушки Клотильды, и что наконецъ настоящая причина была найдена. Тѣтушка Клотильда разразилась восклицаніями:

— Какъ! Это-то? И вы можете ставить рядомъ благороднѣйшія, возвышеннѣйшія стремленія и потребности души съ презрѣнными заботами о матеріальномъ существованіи? Развѣ душа питается деньгами? и т. д.

Потомъ она сказала, что у Бланшъ прекрасное приданое и что она рада будетъ поправить несправедливость судьбы въ отношеніи меня.

— Никакой несправедливости судьбы нѣтъ, мадемуазель: я раззорился.

— Потому что вы великодушны! я увѣрена потому! Благородный молодой человекъ!

Я не могъ удержаться отъ нетерпѣливаго движенія.

— О, мадемуазель, не уничтожайте меня подобными словами, прошу васъ. Я просто раззорился потому, что я человекъ безпорядочный, беззаботный, лѣнивый и расточительный. Я теперь

въ первый разъ жалѣю о томъ, что такъ глупо велъ себя. Не принимайте меня за героя, ради Бога, иначе мнѣ придется краснѣть отъ стыда.

Этотъ отвѣтъ охладилъ немножко ея энтузіазмъ.

— Какъ бы то ни было, сказала она:—я увѣрена, что у васъ не было никакихъ постыдныхъ увлеченій. Ваше безкорыстіе и деликатность служатъ мнѣ въ томъ порукою.

— Вы видите теперь, что я былъ правъ. Вы одобряете...

— Нѣтъ! я уважаю ваше безкорыстіе и деликатность, но я съ вами несогласна... Презрѣнный металл...

— Однако, возразилъ я, снова выведенный изъ терпѣнія «презрѣннымъ металломъ»:—еслибы я согласился, то ничто не ограждаетъ меня отъ подозрѣній въ...

— Вы насъ не знаете, милостивый государь. Быть можетъ, родители Бланшъ и желали бы богатства для дочери, но прежде всего они ищутъ для нея счастья. Сестра моя женщина съ самыми возвышенными чувствами. Что касается до моего шурина... во первыхъ, онъ не знаетъ, что случилось сегодня ввечеру, и если завтра что нибудь замѣтитъ, то можно все свернуть на нездоровье, и онъ повѣритъ; вовторыхъ, Бланшъ дѣлаетъ изъ него все, что кочетъ, своими ласками. Конечно, онъ не можетъ равняться съ сестрой по чувствамъ, но онъ очень добрый человѣкъ, увѣряю васъ. Довѣрьтесь мнѣ. Я люблю Бланшъ, какъ родную дочь; я для себя самой уже не жду ничего отъ жизни, и перенесла на нее всю мою любовь.

Она говорила довѣрчиво и съ грустью, и кажется совсѣмъ забыла, который часъ и гдѣ она находится. Она уже въ третій или въ четвертый разъ намекала на какія-то свои прошедшія печали и разочарованія и во всякое другое время я бы выслушалъ ея признанія, но начинало свѣтать, и ей пора было идти домой.

— Дорогая мадемуазель Клотилда, сказалъ я, указывая ей на часовую стрѣлку, означившую уже три часа:— вы показали вашимъ приходомъ ко мнѣ такое мужество и самоотверженіе, на которое способны очень немногія женщины. Мнѣ невыносима мысль, что вы можете сдѣлаться жертвою вашей преданности. Скоро начнетъ свѣтать, а вамъ надо проходить домой черезъ самую людную улицу. Вамъ надо спѣшить домой.

— Съ условіемъ, сказала она, вставая:—что вы обѣщаете мнѣ не уѣзжать, и что я могу передать Бланшъ ваше обѣщаніе увидаться съ нею. Скажите: да или нѣтъ, безъ этого я не выйду изъ этой комнаты!

Она въ самомъ дѣлѣ снова сѣла въ кресло и повидимому собралась просидѣть въ немъ хоть цѣлую ночь.

Я никогда не уступаю насильственнымъ мѣрамъ, и въ первую минуту я хотѣлъ броситься на постель и отлечься, подобно тѣтушкѣ, рѣшительностью и твердостью. Однако, эта мысль мелькнула у меня только на мгновеніе.

— Я завтра увижусь съ мадемуазель Бланшъ, сказалъ я.

— Наслыу-то! вскричала тѣтушка Клотильда.— Вы ее увидите, и всякая жертва покажется вамъ тогда очень легка!

Опять она была тысячу разъ права. Я самъ еще не могу опомниться и сообразить, какъ это такъ сдѣлалось, что я жуюсь, но я очень счастливъ, а это самое главное.

Вильямъ.

Вильямъ Жильберу.

31-ю іюля.

Я болтливъ, какъ влюбленный, милый Жильберъ, то-есть съ нею я молчаливъ; я на нее гляжу, я ее слушаю, или мечтаю возлѣ нея, но едва остаюсь одинъ, меня одолеваетъ непобѣдимая потребность говорить съ тобой о ней.

Она такъ наивно-восторженна въ своей любви, что трогаетъ меня до глубины души. Сегодня утромъ, устремляя на меня свои влажные, сіяющіе глаза, ова мнѣ сказала: «я бы умерла!» Неужели она ошибается? Нѣтъ, ея увѣренность исходитъ изъ болѣе глубокаго источника, чѣмъ опытность. Когда я увидалъ ее на другой день послѣ моего объясненія съ тѣтушкой Клотильдой, она была похожа на майскій вѣжннй цвѣтокъ, только что выдержавшій грозу; когда я показался, она вся просіяла. Вчера, благодаря Клотильдѣ, мы остались наединѣ. Я не буду тебѣ передавать нашихъ разговоровъ, но послѣдніа безпокойства, послѣдніа возраженія холоднаго разсудка навсегда разсѣялись.

Я имѣлъ длинный разговоръ съ ея матерью. Она была взволнована, ласкова, встревожена.

— Я боюсь, что сестра моя тутъ слишкомъ увлеклась, сказала она. — Я желала бы, чтобы вы сами рѣшили, безъ всякаго посторонняго вліанія. Клотильда была права, увѣряя васъ, что богатство тутъ мало значить, но она не должна была говорить вамъ объ отчаяніи Бланшъ. Вы знали, что вы любима, и этого было довольно. Я не хотѣла бы ни за что на свѣтѣ (и Бланшъ тоже), чтобы одно состраданіе или долгъ...

— Вы хотите, чтобы дочь ваша была любима, отвѣтилъ я.— Она любима, клянусь вамъ. Еслибы я не былъ увѣренъ въ сча-

сти, еслибы я не вѣрилъ въ серьезность ея чувства, я уѣхалъ бы, несмотря ни на свое, ни на ея отчаяніе.

— Такъ значитъ, сказала она съ наивнымъ удивленіемъ: — вы смотрите на женитьбу какъ на вещь серьезную?

— Да, отвѣчалъ я съ волненіемъ. — Для меня женитьба это — любовь.

Госпожа Плишонъ взяла меня за обѣ руки.

— О, я очень счастлива, что вы такъ говорите; я вамъ вѣрю, сказала она. — Я всегда думала, что вы очень искренни, что вы не похожи на другихъ мужчинъ, и меня не беспокоило ваше вниманіе къ Бланшъ и ея расположеніе къ вамъ. Когда я нашла ваше прощальное письмо, я сейчасъ же подумала: тутъ что-нибудь скрывается; быть можетъ, ему самому не легче, чѣмъ намъ. Тогда Клотильда рѣшилась, а сначала...

— Она считала меня за чудовище, не правда ли?

Госпожа Плишонъ улыбнулась.

— Если вы въ самомъ дѣлѣ ставите любовь выше всего на свѣтѣ, сказала она: — то Бланшъ будетъ счастлива. Мы, женщины, просимъ только одного, чтобы насъ любили. О насъ нельзя судить по женщинамъ большаго свѣта: тѣ, говорятъ, кокетки, вѣтренны, непостоянны, а мы, выпадетъ ли намъ счастье, выпадетъ ли несчастье, мы остаемся вѣрны своимъ обязанностямъ... Конечно, есть исключенія, но они рѣдки. И однако наши мужья не занимаются нами. Когда пройдетъ медовый мѣсяцъ, они считаютъ, что этого съ насъ достаточно, и принимаются за свои дѣла, возобновляютъ сношенія съ старыми пріятелями, слѣдятъ за политическими или мѣстными слухами, начинаютъ снова вести отупляющую уличную жизнь. Мы остаемся одиѣ съ дѣтьми. Подобная жизнь очень печальна и тяжела!

Я поцаловалъ руку этой милой, доброй женщины, и увѣрилъ ее, что Бланшъ всегда будетъ моимъ другомъ и участникомъ во всѣхъ радостяхъ и огорченіяхъ моей жизни.

— Мой мужъ согласится, сказала она: — но надо подождать нѣсколько дней, надо приготовить его. Онъ не станетъ требовать, чтобы вы были непременно богаты, но онъ потребуетъ (и я думаю, онъ будетъ въ этомъ правъ), чтобы вы позаботились пріисвать себѣ какое-нибудь занятіе. За Бланшъ пятьдесятъ тысячъ франковъ приданого. Этого мало на то, чтобы жить свободно и воспитывать дѣтей.

— Я уже думалъ объ этомъ, сказалъ я. — При заключеніи свадебнаго контракта будетъ сказано, что она выходитъ за меня замужъ, сохраняя всѣ права на свое приданое. Я женюсь только тогда, когда получу какое-нибудь мѣсто.

— О! какъ вы горды! замѣтила она. — И какъ вы великодушны тоже! Вы теперь не будете вѣдь мотать, да?

— Развѣ вы меня считаете за эгониста? спросилъ я.

Она вмѣсто отвѣта сказала мою руку.

Я, кажется, еще не говорилъ тебѣ о сестрѣ Бланшъ, мадемуазель Эдитѣ и о братѣ ихъ Антенорѣ. Антенору двадцать-одинъ годъ, онъ вышелъ немного позднеенько изъ училища, и скоро отправляется въ Парижъ, гдѣ онъ будетъ, какъ увѣряеть, изучать право. Въ настоящую минуту предметъ его изученія я; онъ старается подражать моимъ манерамъ, моей одеждѣ съ такою рабскою точностію, что иногда меня это приводитъ въ смущеніе. Недалекъ, очень тщеславенъ, фанфаронъ, не злой малый—вотъ портретъ моего будущаго шурина.

Мадемуазель Эдитѣ двадцать-четыре года. Она высокаго роста, чрезвычайно бѣла; глаза и волосы у нея черные. Во всей ея особѣ столько сухости, и она такая молчаливая, что производитъ почти непріятное впечатлѣніе. Она произноситъ только односложныя слова, и точно чужая въ своей семьѣ; семья тоже относится къ ней безъ особой горячности. Она проводитъ бѣольшую часть дня въ своей комнатѣ, никогда не показывается на балахъ, и, кажется, только одно плаваніе доставляетъ ей удовольствіе. Плаваетъ она отлично. Я ее увидалъ въ первый разъ въ морѣ, въ двухъ стахъ саженьяхъ отъ берега. Я былъ одинъ и шелъ домой, когда плескъ воды заставилъ меня обернуться. Я увидалъ это блѣдное лицо и длинныя черныя косы; я принялъ ее за Амфитриду, потому что всѣ здѣшнія купальщицы носятъ ужасныя чепцы изъ клеенки. Для довершенія сходства, божество бросило на меня холодный взглядъ, и вдругъ погружившись въ волны, исчезла у меня изъ глазъ. Но я долженъ прибавить, что она снова появилась на нѣсколько сажень подальше. Съ этого дня я отличалъ ее всегда отъ всѣхъ другихъ купальщицъ. Она сложена великолѣпно и купальный костюмъ обрисовываетъ изящныя формы ея тѣла, но въ обыкновенномъ платьѣ она уже не та, и даже кажется слишкомъ громадною въ сравненіи съ другими тоненькими женщинами. Она, очевидно, не затагивается въ корсетъ. Одно это тебѣ показываетъ, какъ она мало заботится о томъ, замѣтить ее или нѣтъ. Отъ гордости это? Или по безвѣчности? Или она принадлежитъ къ числу тѣхъ чудачекъ, которыя ничего не дѣлаютъ полюдски, а все по своему? Когда о ней заходитъ рѣчь между ея домашними, то говорятъ или съ неудовольствіемъ, или очень сдержанно. Вчера мы поѣхали вататься.

— Кажется, мы не сказали Эдиту, что ѣдемъ, замѣтила Клотильда.

— О, она бы все равно съ нами не поѣхала, отвѣчала равнодушно Бланшъ.

— Все-таки слѣдовало предупредить ее, дитя мое, произнесъ кроткій голосъ госпожи Плишонъ.

— Ба! она отъ этого вниманія не сдѣлалась бы ничуть милѣе и любезнѣе, проворчалъ отецъ недовольнымъ голосомъ.

Кромѣ того, госпожа Плишонъ, говоря о Бланшъ, сказала мнѣ разъ: «У нея самый уживчивый и кроткій характеръ. Она отроду насъ ничѣмъ не огорчила, она вовсе не похожа на старшую сестру!» Что же эта Эдитъ, домашній бѣсъ, что ли? И почему это она не хочетъ выходить замужъ? Быть можетъ, въ ея жизни есть что-нибудь такое, что не такъ удобно разсказывать, какъ печали тѣтушки Клотильды? А, впрочемъ, мнѣ-то какое до этого дѣло?

Вилльямъ Жильберу.

9-го августа.

Вчера въ вечеру Клотильда взяла меня съ таинственнымъ видомъ подъ руку и увела въ аллею.

— Ну! сказала она: — мы съ сестрою подготовили все; вы завтра можете сдѣлать предложеніе.

— Я могу быть увѣренъ въ благопріятномъ отвѣтѣ?

— Конечно... мы не сомнѣваемся. Надо вамъ сказать, что нѣсколько дней тому назадъ господиръ Плишонъ собиралъ справки о васъ черезъ своего парижскаго нотариуса. Вчера онъ получилъ отъ него письмо, и письмо это очень въ вашу пользу.

— Ба!

— Да. Прекрасное имя, большія связи, громадное состояніе, молодость бурная, безумная, но ни чѣмъ не запятанная. Въ концѣ-концовъ великолѣпная партія во всѣхъ отношеніяхъ.

— Вы теперь видите, на сколько можно довѣрять поставщикамъ вѣрныхъ свѣдѣній!

Тѣтушка Клотильда призадумалась.

— Послушайте, сказала она, глядя мнѣ прямо въ лицо: — это правда, вы точно разорились?

Я не могъ удержаться отъ рѣзкаго движенія и покраснѣлъ отъ досады.

— Я не играю комедіи, мадемуазель, отвѣтилъ я очень сухо.

— Послушайте, продолжала она, смущаясь: — вы, можетъ быть, хотѣли испытать...

— Такъ, какъ испытываютъ въ романахъ? Я не употребляю подобныхъ ухищреній. Кромѣ того, потрудитесь припомнить то, что я не могъ предвидѣть вашего прихода, не могъ предвидѣть, что меня стануть удерживать, я собирался уѣзжать. Сказать по правдѣ, я на вашемъ мѣстѣ предпочелъ бы разорившагося человека тому, кто придумываетъ подобныя средства.

— Полноте, не сердитесь! Не мнѣ одной пришло это въ голову. Бланшъ то же подумала.

— Тѣмъ хуже; она, стало быть, обрадовалась бы, еслибы...

— Э! вовсе нѣтъ. А только такъ ей пришла такая мысль. Когда шурина прочелъ намъ это письмо, сестра сказала: «господинъ Лебренъ ошибается насчетъ состоянія: графъ де-Монсальванъ разорился; онъ самъ мнѣ это сказалъ». — Разорился! вскричалъ господинъ Плишонъ и очень огорчился. Тогда сестра сказала ему, что главный виновникъ вашего разоренія былъ повѣренный, и она обратила вниманіе мужа на вашу деликатность и откровенность. Вышелъ длинный споръ, господинъ Плишонъ не сдавался; тогда Бланшъ рыдая бросилась къ его ногамъ.

— Ну, вотъ еще эта! закричалъ онъ и ушелъ, хлопнувъ дверями. Бланшъ тоже сдѣлалось дурно.

— Я знала очень хорошо, что господинъ Плишонъ не замедлитъ возвратиться. И точно, онъ черезъ нѣсколько времени возвратился, и увидя дочь въ слезахъ, опять вспылилъ; потомъ взялъ ее за руки и сталъ журить; потомъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни. Тогда я сказала ему, что ваше имя и ваши связи стояли всякаго богатства и что вамъ очень легко получить превосходное мѣсто. Это произвело на него сильное впечатлѣніе. «Ну, тогда, это дѣло другое, вскричалъ онъ: — тогда это дѣло другое!» Теперь онъ сомнѣвается только въ вашемъ благоразуміи; онъ боится, что вы не въ состояніи будете отвыкнуть отъ мотовства и тоже...

Клотильда остановилась и поглядѣла на меня очень лукаво, потомъ опять продолжала серьезнымъ тономъ:

— Г. Плишонъ не понимаетъ, какую власть имѣетъ истинная любовь; я смотрю на твою любовь, какъ на обновленіе всего существа... Развѣ въ объятіяхъ такого ангела, какъ Бланшъ, вамъ могутъ показаться заманчивы порочныя увлеченія...

— Порочныя увлеченія? Кто же меня въ нихъ обвиняетъ? вскрикнувъ я.

— Боже великій! вы, мой другъ, вѣроятно грѣшили не больше другихъ, и теперь вы очищены, обновлены...

— Въ чемъ меня обвиняютъ? повторилъ я настоятельно.

— Но вы увезли эту актрису, знаете... ваша бурная молодость...

— Я никогда не ухаживал ни за какою актрисою, и если мою молодость поверхностные люди величают бурною, то никто не может сказать, что моя молодость запятнана чѣмъ-нибудь безчестнымъ.

— О! господинъ Лебрѣнь отдаетъ полную справедливость вашимъ высокимъ, нравственнымъ качествамъ.

Я расхохотался.

— Въ самомъ дѣлѣ? Что же онъ еще сообщаетъ обо мнѣ?

— Право, я не должна бы вамъ этого пересказывать... господинъ Лебрѣнь опасается, что у васъ есть долги, и совѣтуетъ быть осторожнымъ при заключеніи свадебнаго контракта.

— Повторимъ вкратцѣ все, сказалъ я: — огромное состояніе, большія связи, бурная молодость, порочныя увлеченія, высокія нравственныя качества, не довѣрять этому человѣку при заключеніи свадебнаго контракта. И во всемъ этомъ сборѣ разнородныхъ словъ, ни одного слова правды. Я понимаю, что г. Плишону желательно узнать меня ближе, прежде чѣмъ онъ рѣшится отдать за меня дочь, но я не позволю меня судить на основаніи подобныхъ свѣдѣній.

— Что жъ, вы станете съ нимъ ссориться? Что же дѣлать родителямъ? какъ имъ быть? Вѣдь только жениха можно принимать у себя каждый день.

— Такъ что обязательство предшествуетъ знакомству! Это, по вашему, логично?

— Господи Боже мой! конечно, вѣтъ; но что же дѣлать? Надо сообразаться съ обычаями.

— Разумѣется! Тѣмъ болѣе, что тутъ не рискуютъ ничѣмъ, кромѣ счастья своей жизни. Но принятые обычаи стоятъ того.

Когда мы спорили такимъ образомъ, господинъ и госпожа Плишонъ съ Бляшъ присоединились къ намъ. — Дамы очень скоро устроили такъ, что мы очутились наединѣ съ господиномъ Плишономъ.

Господинъ Плишонъ человѣкъ пятидесяти лѣтъ, средняго роста, свѣжій, румяный, начинающій тучнѣть; у него открытое лицо, голубые глаза на выкатѣ, круглый носъ, умѣренный ротъ, бакенбарды съ просѣдою, круглый подбородокъ, крѣпкое тѣлосложеніе. Особныя примѣты: пристрастіе къ общимъ мѣстамъ и избитымъ мыслямъ, поклоненіе классикамъ, вѣра въ Вольтера и любовь къ Беранже.

Старшій извѣстный галлъ, рубака-французъ, республиканецъ 89 года, мѣщанинъ времени Луи-Филиппа, — тысячу противорѣ-

чій уживаются въ немъ, нисколько не стѣсня другъ друга. У него нѣтъ недостатка ни въ умѣ, ни въ воображеніи; но его образованіе педагогическое, сухое, узкое, и умъ свой онъ употребляетъ на пустяки, на острофы, на двусмысленныя шутки. Несмотря на эти недостатки, въ этомъ человѣкѣ столько добродушія, искренности, отцовской нѣжности, что меня ничто въ немъ не возмущаетъ и не отталкиваетъ. Бланшъ, кажется, очень его любитъ, а онъ въ ней просто души не чааетъ.

Я съ достаточною самоувѣренностію сдѣлалъ предложеніе.

Онъ выслушалъ меня и отвѣтилъ съ волненіемъ, которое старался побѣдить:

— Милостивый государь, вы мнѣ дѣлаете честь вашимъ предложеніемъ. Вы мнѣ очень нравитесь, у васъ прекрасное имя, вы честный человѣкъ, и это главное. Однако, и этого еще недостаточно для полнаго наслажденія жизнию. Я даю за Бланшъ въ приданое 50,000 франковъ, значить, доходу будетъ съ этого капитала 2,500 франковъ въ годъ, а этимъ нельзя содержать семью. У васъ нѣтъ никакой должности; имѣете вы какое-нибудь состояніе?

Я признался, что у меня ничего нѣтъ, и сообщилъ ему свое рѣшеніе искать мѣста.

— Это хорошо, очень хорошо, сказалъ онъ мнѣ: — и по моему, даже лучше, если вы сами себѣ будете зарабатывать деньги, вмѣсто того, чтобы жить празднымъ богачемъ. Человѣку необходимо занятіе; праздность никуда не годится; и потому человѣкъ, занимающій какое-нибудь постоянное мѣсто, гораздо больше занимается женою, — нѣтъ времени думать о другихъ женщинахъ. — Но, положимъ, вы получите мѣсто, даже мѣсто въ 8 или 10,000 франковъ, вы все-таки еще не будете Крезомъ; а увѣрены вы, что въ васъ не проснется прежнее? Говорятъ, что люди расточительные не могутъ исправиться.

Я улыбнулся и ничего не отвѣтилъ.

— Ге? Ну, чтѣ же? Вы сами не знаете?

— Я думаю, что знаю, сказала я ему: — но мнѣ неприятно давать слово въ томъ, въ чемъ во мнѣ имѣютъ нѣкоторое право сомнѣваться.

— Боже мой! я готовъ вамъ вѣрить, я ничего лучше не желаю. Я ненавижу не самихъ дворянъ, а ихъ предрасудки. У васъ ихъ нѣтъ, и потому я съ удовольствіемъ приму васъ въ мою семью. Но видите, я отецъ...

— Я не только желаю, чтобы ваша дочь оставалась полною распорядительницею своего приданого, но я даже требую, чтобы это было въ условіи контракта.

— Въ самомъ дѣлѣ? вскричалъ онъ съ глубокимъ удовольствіемъ. — Вы этого хотите? Честное слово?

Я ему далъ честное слово. Онъ не могъ опомниться отъ удивленія.

— Васъ это не оскорбляетъ? Вѣдь мужчина, глава семейства, власть, авторитетъ...

— Да зачѣмъ же я буду желать власти надъ тѣмъ, что мнѣ не принадлежитъ? Мы можемъ устроить наши дѣла сообща съ женою.

Онъ еще возражалъ для формы, но принялъ очень поспѣшно это условіе.

— Дочь моя васъ любитъ, сказалъ онъ: — а я поставилъ себѣ за правило, не употреблять во зло отцовской власти. Я не буду препятствовать склонности Бланшъ. Я только боюсь, нѣтъ ли у васъ долговъ.

Когда я его увѣрилъ, что долговъ у меня нѣтъ, онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько отеческихъ увѣщаній на счетъ моей холостой жизни.

— Впрочемъ, сказалъ онъ съ снисходительною улыбкою: — я въ свое время и самъ не отличался благоразуміемъ, и понимаю подобныя вещи. Но разъ, какъ человѣкъ женатъ, онъ долженъ покончить съ разгуломъ. Къ сожалѣнію, вы еще молоды и можно опасаться, что для васъ еще не потеряли прелести всѣ эти заманчивыя безумства.

Мнѣ было противно его слушать. Всѣ почти того мнѣнія, что безпутная молодѣжь служить ручательствомъ добродѣтельной и степенной жизни въ зрѣломъ возрастѣ, и что пресыщеніе и усталость единственныя средства противъ безпутства; а сказалъ господину Плишону съ нѣкоторою живостью, что я очень счастливъ тѣмъ, что я чувствую себя молодымъ, полнымъ силъ и вѣры.

— Полнымъ вѣры? подхватилъ онъ съ безпокойствомъ. — Неужели вы, по обычаю всѣхъ дворянъ, во все вѣрите, и всему повлоняетесь?

— Бовсе нѣтъ. Я вотъ, напримѣръ, вѣрю въ любовь.

— А! то-есть у васъ разныя иллюзіи. Хорошо, хорошо, будьте влюблены сколько угодно — лишь бы это не слишкомъ скоро прошло.

— А! вы допускаете, значить, только крайности? сказалъ я.

— Я крайности! вскрикнулъ онъ съ негодованіемъ. — Совершенно напротивъ! Крайности! Крайнія мнѣнія, крайнія партіи, я всего этого берегусь какъ огня. На свѣтѣ нѣтъ ничего положительнаго, и потому мудрость состоитъ именно въ томъ, чтобы ничѣмъ не восторгаться, а держаться золотой середины.

— Однако, вы тогда только вѣрите въ мое благоразуміе, когда вы полагаете, что я утомился безуміемъ; а вы боитесь, что я перестану любить жену, потому что очень влюбленъ къ невѣсту.

— О, безъ сомнѣнія, только и встрѣчаешь, что противорѣчія на каждомъ шагу. Дѣйствіе и противодѣйствіе — въ этомъ вся исторія человѣчества. Впередъ бросаются для того только, чтобы вслѣдъ затѣмъ отступить назадъ; отступаютъ для того, чтобы перепрыгнуть подалеже: одно излишество ведетъ за собою другое. Во всемъ два противоположные элемента: добро и зло, тепло и холодъ, движеніе и застой; не такъ ли?

— Но это вовсе не борьба, какъ вы полагаете, сказалъ я ему: — а непрестанное вліяніе притивоположностей, что и составляетъ живнъ. Жизнь не беззаконная свалка, но божественный аккордъ.

Онъ этого совершенно не понималъ и пустился въ философію по поводу персидской и еврейской теодицеи, то-есть онъ проговорилъ маѣ отрывки изъ Вольтера, Дюкюа и Монтескьё. Я предоставилъ ему полную свободу говорить, и онъ наконецъ ушелъ, совершенно очарованный и мною и нашимъ разговоромъ. Я не могъ сказать этого о себѣ; онъ разстроилъ мнѣ нервы, и я поспѣшилъ къ Бланшъ, чтобы забыть близъ нея всѣ эти непріятныя впечатлѣнія.

Вилльямъ Жильверу.

5-го августа.

Ну, любезный другъ, я ѣду къ Плишонамъ въ Фужере. Бланшъ, какъ всегда, побѣдила отца. Я даже ѣду вмѣстѣ съ ними, хотя прежде и рѣшено было, что я отправлюсь одинъ. Въ концѣ концовъ, я вижу, что у нихъ есть своя манера дѣйствовать, когда ихъ стѣсняетъ какой-нибудь общепринятый обычай. Сначала они очень недовольные превлоняются передъ нимъ, потомъ начинаютъ кружиться, ища гдѣ-нибудь пролома и выхода; при маленькой изобрѣтательности препятствія устраняются. Это иезуитскій способъ дѣйствія; я на него, впрочемъ, не жалуюсь, и пользуюсь имъ въ настоящемъ случаѣ безъ всякихъ угрызений совѣсти.

Довѣренность родителей имѣеть, однако, границы. Меня связали милліонами пустыхъ обѣщаній и завалили милліонами бессмысленныхъ предосторожностей. *Я долженъ буду представляться другомъ Антенора*; мнѣ запрещено будетъ въ Фужере цаловать руку Бланшъ въ присутствіи постороннихъ, или обращать на нее исключительное вниманіе и т. д. и т. д. Конечно, такой порядокъ вещей продержится первые дни, потомъ

мало по малу всё эти эпитиміи будутъ съ меня сняты. Адресуй теперь письма въ Фужере, около Вивонъ, въ департаментъ Вьенны.

Вильямъ Жильверу.

8-го августа.

Я уже два дня нахожусь въ Фужере, мой милый Жильберъ.

Здѣсь въ первый разъ мы сошлись во вкусахъ съ мадемуазель Эдитъ. Вчера Бланшъ показала мнѣ весь домъ и завела меня въ комнату сестры, напередъ удостовѣрившись, что сестры тамъ нѣтъ.

Комната Эдитъ обтянута темными шпалерами, на которыхъ изображенъ лѣсъ, гдѣ пасутся олени. На каминной мраморной доскѣ нѣтъ ничего, кромѣ книгъ; зеркало вдѣлано очень высоко и въ него крайне неудобно смотрѣться. Стулья плетеные, съ рѣзными спинками; потомъ два кресла, швафъ изъ рѣзнаго орѣха, большое бюро, заваленное книгами и бумагами, и наконецъ, единственная новомодная мебель, кровать палисандроваго дерева подъ бѣлыми кисейными занавѣсками. Такія же занавѣски и на окнахъ. Все это вмѣстѣ имѣетъ въ себѣ что-то грустное и граціозное, и при видѣ этой комнаты мною овладѣло волненіе, котораго я не съумѣю ни понять, ни опредѣлить. Я точно когда-то во снѣ, въ мечтахъ, жилъ въ подобной комнатѣ.

Мнѣ хотѣлось пересмотрѣть заглавія нѣкоторыхъ книгъ, но моя прелестная путеводительница не позволила мнѣ этого сдѣлать и увела меня изъ комнаты.

— Такъ вы очень боитесь сестры? сказалъ я.

— Но... немножко.

— Почему?

— У нея такой странный характеръ! Она совсѣмъ не похожа на всѣхъ другихъ людей.

— Отчего же это? Что у нея, горе какое, что ли?

Въ эту минуту Бланшъ покрасѣла, но я не знаю отъ моего ли вопроса, или оттого, что я ее обнялъ. Она отворила дверь, я похитилъ у нея подадуи, и нѣсколько минутъ мы говорили, сами не зная что.

Комната Бланшъ не похожа на эту. Ея комната бѣлая съ розовымъ, въ ней безчисленное множество ненужныхъ бездѣлушекъ, которыя она мнѣ показала всё до одной, между тѣмъ, какъ я любовался на ея тонкіе пальчики и на бѣленькую шейку.

Обработываніе земель господина Плишона поручено арендатору, живущему неподалеку на фермѣ. Мнѣ случилось проходить черезъ дворъ этой фермы; съ одной стороны все мѣсто занимала навозная куча, съ другой стороны большая лужа заплесневѣлой

воды. Небольшое пространство свободной земли занято курами, утками и толпою дѣтей. Самой старшей изъ нихъ около десяти лѣтъ. Когда я спросилъ у нея, сколько ей лѣтъ, она мнѣ отвѣтила:—я не знаю; маленькому годъ и четыре мѣсяца.

Этого «маленькаго» толстаго ребенка, очень выпачканнаго, она держала на рукахъ и совершенно клонилась подъ его тяжестью.

— Развѣ «маленькій» еще не ходитъ? спросилъ я.

— О, ходитъ, сударь! Только онъ не хочетъ.

— Поставь его на землю, Мадлюшъ, сказалъ господинъ Плишонъ, который былъ тутъ же.

— О! онъ станеть кричать.

— Пусть кричитъ. Ты сдѣлаешься кривобокою, если будешь таскать такого толстяка.

Но Мадлюшъ поглядѣла на насъ искоса и еще крѣпче прижала къ себѣ ребенка.

— Гдѣ же мать этихъ дѣтей? спросилъ я.

— Она работаетъ въ полѣ, отвѣтилъ господинъ Плишонъ.

— Такъ женщины тоже работаютъ въ полѣ, какъ и мужчины?

— Да, только онъ не пашутъ.

— А кто же остается съ дѣтьми дома?

— Только первый ребенокъ удерживаетъ мать дома, а младшихъ дѣтей воспитываютъ старшіе. Вотъ посмотрите на этихъ двухъ: ихъ настоящая мать Мадлюшъ.

Я спросилъ господина Плисона, какъ можно жить среди мiazмовъ этой навозной кучи.

— Э! вскричалъ онъ:—втолгуйте-ка подите это мужикамъ! Навозная куча, это ихъ сокровище и они скорѣе согласятся помѣстить ее у себя дома, чѣмъ удалить отъ дверей.

И онъ пошелъ ратовать противъ глупости и упрямства деревенскихъ людей. Это очень хорошо, но мнѣ кажется, что онъ не слишкомъ принимаетъ къ сердцу подобный порядокъ вещей. Будь я хозяиномъ этой фермы, я бы ее иначе устроилъ.

Кажется, у меня по сосѣдству есть соперникъ Просперъ Кулино, сынъ мельника; этотъ молодой человѣкъ окончилъ курсъ наукъ и будетъ со временемъ, благодаря заработкамъ своего отца, владѣльцемъ двухсотъ тысячъ франковъ и даже болѣе. Къ счастью, Бланшъ не лѣзится на богатство; надо сказать и то, что мѣщанскіе предрасудки не дозволяютъ подобныхъ неравныхъ браковъ, и мой будущій тесть, оспная меня похвалами за то, что я не имѣю дворянскихъ предрасудковъ, лелѣетъ свои свои собственные мѣщанскіе съ величайшею любовью. Въ самый день нашего приѣзда, въ то время, какъ мы взбирались на гору, мы замѣтили высоваго малаго, въ сѣрой блузѣ, который, быстро

поклонившись намъ, исчезъ за деревьями. Бланшь отвернулась съ презрительной миною, а г. и г-жа Плишонъ и тѣтушка Клотильда улубнулись очень лукаво.

— Онъ, должно быть, хотѣлъ увѣриться, точно ли мы пріѣхали, сказала Клотильда.—Бѣдный!

— Какое несчастье его постигло? спросилъ я.

Они заставили немного просить себя, видимо желая возбудить мое любопытство, и наконецъ, объявили мнѣ, что Просперъ Кулино несчастный обожатель моей прелестной невѣсты.

— Конечно, онъ никогда не осмѣливался дѣлать формальнаго предложенія, сказалъ г. Плишонъ: — но его намѣренія очень ясны, и еслибы ему одно одобрительное слово...

Я тогда спросилъ:

— Что же онъ, такого застѣнчиваго и робкаго характера?

— А! вскрикнула Бланшь: — напротивъ! Я нахожу, что онъ чересчуръ дерзокъ, и что эта дерзость доходитъ до наглости!

Я удивился живости, съ которою произнесены были эти слова. Г-жа Плишонъ пояснила:

— Онъ очень хорошій и способный молодой человекъ. Все его несчастье въ томъ, что онъ сынъ мельника.

Я не могъ воздержаться отъ улыбки, глядя на Бланшь. Я вижу, что мнѣ придется проповѣдывать этой дорогой плебейкѣ права личнаго достоинства.

На счетъ Проспера Кулино начали потомъ отпускать остроты и шуточки, которыя мнѣ очень не понравились. Я не выношу насмѣшекъ надъ истиннымъ чувствомъ, особенно если насмѣхаются тѣ, на которыхъ чувство это обращено. Со всей своей покорной чувствительностью, Клотильда очень тщеславная женщина, и она испортила бы мнѣ Бланшь, еслибы зло могло вкорениться въ такомъ чистомъ и прелестномъ существѣ.

Вилльямъ Жильвигу

20-ю августа.

Я тебѣ пишу, потому что ты не пишешь. Вотъ уже скоро двѣ недѣли, какъ я здѣсь. Что же, дѣло мое не подвигается? Герцогъ д'Еллеренъ окаменѣлъ въ Германіи? Не написать ли мнѣ къ нему? Нѣтъ, лучше повидаться съ нимъ самому и лично попросить о мѣстѣ.

Кстати, когда я сказалъ, что герцогъ мнѣ родня, почему Бланшь покраснѣла? И почему вслѣдъ за тѣмъ ея лицо просіяло? А! мѣщанскіе предрасудки! Если они чѣмъ отличаются отъ предрасудковъ дворянства, такъ это тѣмъ, что они еще глупѣе. Мнѣ

это очень не нравится. Тщеславіе въ такомъ чистомъ ребенкѣ! Это вина тѣтушки Клотильды, и я легко это уничтожу.

Насъ почти не оставляютъ наединѣ, и это мѣшаетъ всякому серьезному разговору. Я хотѣлъ бы ее разспросить о многомъ, проникнуть въ ея мысли, высказать ей, что я думаю, во что я вѣрю. Въ присутствіи третьяго лица, хотя бы наилучшаго друга, подобныя разговоры невозможны.

Когда я гляжу на нее, когда встрѣчаю ея ангельскій взглядъ, мнѣ кажется, что она все знаетъ и все понимаетъ.

Но я ее мало знаю! а я хотѣлъ бы знать ее вполне.

Вилльямъ Жильверу.

21-го августа.

Сегодня я всталъ до свѣту и отправился гулять. Я прошелъ болѣе двухъ лѣ и осмотрѣлъ окрестности. Берега Клена, то скалистые, то покрытые лѣсомъ, очень живописны, но роскошь сельской природы не подѣляетъ нищеты и убожеству жителей. Дома ихъ похожи на скотныя дворы, и ослѣпительный блескъ и свѣжесть листьевъ кажется горькою насмѣшкою рядомъ съ грязными лохмотьями, такъ-называемаго, царя природы. Еслибы еще одна только внѣшняя бѣдность; что меня особенно возмущаетъ, это нравственное и умственное униженіе, выражающееся на всѣхъ лицахъ. Ничего возвышающаго, благороднаго, мужественнаго, ни одинаго проблеска! Черты грубы, иногда отвратительны; видишь не человекъ, а животное. Они низко вамъ кланяются при встрѣчѣ, или съ удивленно-глупымъ видомъ слѣдятъ за вами глазами, когда вы проходите мимо. Между красивыми, бодрыми ребятами, выбѣгающими на дорогу, и маленькимъ, грязнымъ и глупымъ паскухомъ, выборъ не представляетъ затрудненій, но это печально и унижительно. Скажу тебѣ потихоньку, не желая противорѣчить официальному величанію французскаго народа: мнѣ кажется, эти мужики несравненно болѣе похожи на рабовъ, чѣмъ на гражданъ.

Когда я возвращался съ прогулки, я встрѣтилъ бѣдную женщину; она шла, согнувшись подѣ связкою травы, съ серпомъ въ рукѣ; она поглядѣла на меня съ любопытствомъ, мы сказали другъ другу здравствуйте, и я спросилъ, куда она идетъ. Она возвращалась съ сосѣдняго поля и несла траву своей козѣ; вчера она дѣлала то же; то же будетъ она дѣлать завтра, и въ ея поблекшемъ лицѣ я ничего болѣе не прочиталъ. Скошенная трава, которую она несла, граціозно свѣшивала полуувядшіе стебельки, но она сама представляла только грубость, безобразіе,

искаженіе всего человѣческаго. Я попробовалъ заставить ее говорить; весь ея разговоръ былъ одною длиною жалобой: трудная жизнь, лихой мужъ, неблагодарныя дѣти; кромѣ того, все въ этомъ году не уродилось: хлѣбъ, конопля, овощи. Только коза да куры приносили кое-какой доходъ, но очень малый; и вотъ съ курами еще теперь бѣда: богатые люди (она бросила на меня искоса взглядъ) разводять виноградъ — куда жъ дѣвать теперь куръ? Бѣдные люди могутъ изъ кожи лѣзть, имъ все-таки нѣтъ ни въ чемъ удачи...

Я далъ ей денегъ, и моя щедрость удивила ее; въ ея тусклыхъ глазахъ блеснулъ лучъ радости.

Возвращаясь черезъ рошу, я началъ рвать розовый горошекъ для букета Бланшъ, когда вдругъ увидалъ ее самое въ нѣсколькихъ шагахъ. Она шла по аллеѣ, бросая вокругъ себя взгляды, какъ будто кого высматривала. Я вдругъ очутился передъ нею. Она вскрикнула и бросилась въ мои объятія. Я прижалъ ее съ восторгомъ въ груди.

— О, это нехорошо! Вы меня испугали!

Ея лицо горѣло отъ волненія, глаза были влажны и взглядъ, обращенный на меня, выражалъ робкую нѣжность.

Я посадилъ ее на скамейку, и сѣлъ самъ у ея ногъ.

— О, если насъ увидать! пробормотала она, залитая румянцемъ и смущенная.

Женщины никогда этого не забываютъ. Никогда любовь не заставляетъ ихъ совершенно отрѣшиться отъ свѣта, даже въ томъ случаѣ, если онѣ идутъ наперекоръ его законамъ и велѣніямъ, и всегда свѣтъ этотъ становится между нами и ихъ любовникомъ. Отдаются ли онѣ когданибудь вполне? Меня почти оскорбили слова Бланшъ, и я былъ неправъ; она въ этомъ не виновата; ее такъ воспитали; съ того часу, какъ она существуетъ, всякій ея шагъ, всякое ея движеніе были, такъ-сказать, отданы подъ присмотръ не только Господу Богу, но и каждому сосѣду.

— Вѣдь я вашъ женихъ, сказалъ я.

— Еще нѣтъ.

— Еще нѣтъ! вскричалъ я.—Что же мы такое въ отношеніи другъ къ другу? Чужіе?

— Но... я хочу сказать, что еще свѣтъ этого не знаетъ...

— Э? чѣмъ намъ за дѣло до свѣта, сказалъ я почти съ гнѣвомъ.—Знаетъ ли онъ, что мы любимъ другъ друга, нѣтъ ли, мы-то это знаемъ. А! не будемъ забывать этого во имя свѣта!

Она была очень изумлена и очень смущена тономъ моего голоса. Я въ самомъ дѣлѣ былъ въ ту минуту очень глупъ. Я

негодовалъ на нее, зачѣмъ она не въ такомъ возвышенномъ настроеніи, какъ я. Это вѣчная ссора всего человѣчества и въ сущности единственная. Мы всѣ неравно настроены, и диссонансы, которые приводятъ насъ въ отчаяніе, зависятъ только отъ времени нѣсколькихъ часовъ или нѣсколькихъ вѣковъ! Но любовь — вѣдь это гармонія! Ба! я требую всегда абсолютнаго, я чудакъ! А прелесть противоположностей?

Когда я у нея спросилъ: вы меня искали? она отвѣтила мнѣ почти наивно:

— Нѣтъ. Я вышла немного погулять. Я думала, что вы совсѣмъ въ другой сторонѣ роши.

Я взялъ се за руки и пристально поглядѣлъ ей въ глаза съ упрекомъ; она очень покраснѣла.

— Отчего вы боитесь меня обрадовать? спросилъ я.—Развѣ вы мнѣ не сказали, что меня любите? Надо говорить объ этомъ всегда, при всякомъ случаѣ. Въ этомъ наше счастье и въ этомъ должна быть наша гордость.

Я былъ сильно взволнованъ, одушевленъ и началъ высказывать ей мысли, пришедшія мнѣ въ голову въ это утро, по поводу видѣнной нищеты и безсмыслія. Я говорилъ, что если есть на свѣтѣ мѣста, гдѣ можно сдѣлать много хорошаго и полезнаго, такъ это именно здѣсь, къ этой деревнѣ, гдѣ и земля и умъ человѣческій одинаково запущены и бесплодны. Въ Парижѣ всегда были и будутъ люди умнѣе и ученѣе меня, но здѣсь бѣдный народъ ничего не имѣетъ, кромѣ календаря. Улучшить ихъ бытъ, сдѣлать изъ нихъ людей, гражданъ, вѣдь это значитъ создать цѣлый новый міръ...

Я остановился, видя, что Бланшъ слушаетъ меня съ удивленіемъ, почти горестнымъ.

— И какъ же это вы думаете устроить все это? спросила она съ насмѣшливою улыбкою.

Эти слова охладили мой энтузіазмъ.

— Конечно, сказалъ я, немного смущенный:—мои средства не соотвѣтствуютъ подобнымъ мечтамъ. Я высказалъ вамъ мысль, какъ она у меня явилась; это не планъ, а только стремленіе. А впрочемъ, еслибы я вмѣсто того, чтобы гоняться за мѣстомъ, употребилъ это время на изученіе сельскаго хозяйства, купилъ бы землю около Фужере, сдѣлался бы фермеромъ вашего отца, я бы вѣдь могъ... не осуществлять эти мечтанія—для этого мало цѣлой жизни одного человѣка, но положить начало ихъ осуществленію.

— Это было бы очень мило! вскрикнула она съ такою силь-

ною досадою, которую даже не могла скрыть, и которая меня удивила.

Я ей рассказалъ тоже встрѣчу свою съ бѣдной женщиной и все, что она говорила мнѣ о своей нищетѣ.

— О! сказала Бланшъ:—это, должно быть, Шолеттъ. Да, она очень бѣдна; но не надо вѣрить всему тому, что эти люди рассказываютъ, Вильямъ. Они всегда, вѣчно жалуются.

— Да чѣмъ же они могутъ похвалиться? вскричалъ я.—Есть у нихъ какія-нибудь радости? Укажите хотя на одну!

— Я почти не знаю этихъ людей. Мама иногда подаетъ имъ милостыню, и говорила, что они не заслуживаютъ даже того, чтобы ими занимались.

Спокойствіе и беззаботность этого очаровательнаго ребенка, живущаго въ роскоши посреди несчастныхъ нищихъ, жала мнѣ сердце. Я замолчалъ, но мною овладѣла непобѣдимая грусть. Она хотѣла перевести разговоръ въ тонъ нашей обычной сладкой любовной болтовни, но я едва могъ ей отвѣчать.

Она взяла меня за руку. При этомъ пожатіи, при ея нѣжномъ взглядѣ, я забылъ все. Она меня любитъ! Она можетъ ошибаться, у нея могутъ быть предрасудки, дорогое дитя, — кто же не ошибается? Но она такъ добра! и потомъ, она такъ молода! Мало по малу, современемъ, мы поймемъ другъ друга.

Ее позвали. Она не хотѣла возвращаться домой вмѣстѣ со мною, и мы явились предъ лицо родителей съ разныхъ сторонъ, но г-жа Плишонъ поглядѣла на насъ съ беспокойствомъ. Бланшъ грустна и недовольна, или сдержана весь вечеръ, я не могу разобрать. Или ее бранили? это было бы пошло и отвратительно.

Вильямъ Жильберу.

23-го августа.

Грусть и недовольство Бланшъ продолжались цѣлыхъ два дня и, наконецъ, я узналъ ихъ причину. Я спрашивалъ ее нѣсколько разъ, но она отвѣчала мнѣ: такъ, ничего; я былъ недоволенъ, потому что я не вѣрилъ ея словамъ. Другіе тоже замѣчали перемѣну въ ея расположеніи духа.

— Уже успѣли повздорить? спросилъ г. Плишонъ.

Я видѣлъ, что г-жа Плишонъ и Клотильда дѣлали разспросы Бланшъ.

Наконецъ, Бланшъ повѣрила свое огорченіе тѣткѣ, и уже отъ тѣтки я узналъ, въ чемъ дѣло. Со времени нашего разговора въ роцѣ, она боится моей склонности къ деревенской жизни; она

была бы въ отчаяніи, еслибы ей пришлось отказаться отъ Парижа.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ я немного насмѣшливо.—Какъ же Бланшъ могла думать, что я рѣшусь привести ее въ отчаяніе! Однако, я не могу положительно, навѣрно обѣщать, что мы поселимся въ Парижѣ; очень возможно, что тамъ мнѣ не дадутъ мѣста, а дадутъ гдѣ-нибудь...

— А! это было бы великимъ огорченіемъ для Бланшъ! сказала Клотильда.

— Очень обширно, должно быть, сердце, которое вмѣщаетъ въ себѣ, кромѣ любви, столько разныхъ разностей, могущихъ погрузить въ великое огорченіе! отвѣтилъ я.

— Ну, вы не придирайтесь! Бланшъ васъ обожаетъ, и потому всякое невниманіе съ вашей стороны ей очень чувствительно. Въ восемнадцать лѣтъ всякая дѣвушка мечтаетъ объ удовольствіяхъ. И потомъ, называться графиней де-Монсальванъ что-нибудь да значить. Вы, конечно, представите Бланшъ вашимъ роднымъ и введете ее въ ихъ общество?

— Я давнымъ давно не бываю въ обществѣ, пробормоталъ я.

— Какой вы странный человѣкъ! вскрикнула Клотильда.

24-ю августа.

Мы объяснились и долго говорили. Она спросила у меня съ наивнымъ удивленіемъ, какъ могу я предпочитать деревню городу?

— Въ деревнѣ живутъ настоящею жизнію, отвѣтилъ я; она удивилась еще больше.—Милое дитя мое, вы принимаете городскую суету, шумъ, гвалтъ за кипучую жизнь и дѣятельность? Мы поселимся въ городѣ, потому что вы этого желаете, но только здѣсь, моя Бланшъ, человѣкъ чувствуетъ, что онъ живетъ, только здѣсь онъ безъ помѣхи любить.

Послѣдній аргументъ подѣйствовалъ на нее сильнѣе всего предъидущаго. Она обратила на меня свои прелестные глаза и сказала со вздохомъ:

— Если вы только здѣсь, въ деревнѣ, можете быть счастливы...

— Только здѣсь! вскрикнулъ я.—Да развѣ я люблю ту или другую мѣстность? Я тебя люблю!

— Вилльямъ! пролепетала она, краснѣя.

— Бланшъ, будьте моею, вполне, нераздѣльно моею, и я буду счастливъ вездѣ, гдѣ хотите.

Она смущалась и пугалась все больше и больше, и хотѣла встать; я видѣлъ, что она меня не понимаетъ.

— Мое доброе дитя, сказалъ я ей:—отдайтесь мнѣ всею душою, вѣрьте мнѣ, не бойтесь меня. Чтобы отъ меня не была скрыта

ни одни ваша мысль, ни одно ваше чувство; сожалѣнія, удовольствія, подозрѣнія—все повѣряйте мнѣ; зовите меня когда вамъ понадобится опора; не думайте, не радуйтесь, не горюйте безъ меня и я буду счастливымъ человѣкомъ.

Она отвѣтила улыбаясь, но видимо сильно взволнованная:

— Вы хотите такъ вполне завладѣть мною, Вильямъ?

— Да, отвѣчалъ я:—взамѣнъ я отдамъ вамъ всего себя. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ понимать себя, я только и мечталъ, только и искалъ и жаждалъ встрѣтить существо, которое безраздѣльно отдалось бы мнѣ.

Я такъ живо чувствовалъ это, что слезы мои потекли на руки Бланшъ. Милая дѣвушка была этимъ тронута; на ея прелестныхъ глазахъ тоже выступили слезы. Она взяла меня за голову и прижала губы къ моему лбу.

— О, Вильямъ! какъ вы добры! И какъ я люблю васъ!

Я сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ, но уже не испугалъ этимъ. Мы теперь вѣримъ беззавѣтно другъ другу.

Вильямъ Жильверу.

25-го августа,

Вчера, въ воскресенье, дамы явились къ завтраку расфранченны въ пухъ и прахъ. Самъ г. Плишонъ былъ гладко выбритъ. Я сталъ шутить съ ними на счетъ соблюденія воскресныхъ церемоній.

— Мы ходимъ къ обѣднѣ каждое воскресенье, сказала Клотильда.—На прошлой недѣлѣ мы потому только не пошли, что чувствовали себя очень утомленными послѣ дороги и наши чемоданы не были еще распакованы.

— Мнѣ кажется, эта послѣдняя причина вполне способна перевѣсить всякое предписаніе обычая.

— Вы смѣетесь, но въ этомъ смѣхѣ упрекъ, сказала г-жа Плишонъ. — Вильямъ, вы добрый католикъ?

— Еслибы я былъ добрымъ католикомъ, вы бы это уже знали.

— Какъ же это? спросила Бланшъ.

— Я никогда не могъ понять, какъ можно вѣровать въ логину. Какъ! Адскія мученія съ одной стороны, трупы съ другой, и вы колеблетесь? И вы, въ виду смерти, повисшей надъ вашей головою, влечите среди бездѣлушекъ, суеты, земной скверны, эту мимолетную жизнь, за которою должна наступить вѣчность!

Бланшъ воскликнула:

— Какой вы мастеръ проповѣдывать, Вильямъ!

Въ то же время взглядъ Эдитъ остановился на мнѣ и удивилъ меня: въ первый разъ въ немъ выражались одобреніе и сочувствіе.

— Вы правы, мой милый, сказалъ г. Плишонъ:—надо смѣяться и жить пока живется.

— Въ добрый часъ! отвѣчалъ я.—Но по моему никогда не должно смѣяться надъ тѣмъ, что было искренно и велико.

— Слава Богу! вскрикнула Клотильда.—Вы въ тысячу разъ разсудительнѣе г. Плишона. Христіанство должны чтить даже тѣ, которые въ него не вѣрятъ. А вы не пойдете съ нами въ церковь, Вильямъ?

— Нѣтъ, мадемуазель. Я отдаю послѣдній долгъ всякому почтенному усопшему, но я не хочу впасть въ ошибку, въ которую впадаютъ въ наше время очень многіе: я не хочу противорѣчить правдамъ общественной гигиены... съ живымъ чело-вѣкомъ.

Мой милый, Эдитъ улыбнулась! Я былъ такъ пораженъ этимъ торжествомъ, что не слыжалъ восклицаній Клотильды; не зная, что ей отвѣтить, я спросилъ:

— Вы ѣдете въ Вивоннъ?

— А! вы перемѣняете разговоръ. Что жъ, не будемъ продолжать спора; мы никогда тутъ не сойдемся. Тѣ, кто имѣетъ нужду въ утѣшеніи, Вильямъ (она вздохнула), понимаютъ лучше необходимость и благотѣльное дѣйствіе религіи... Нѣтъ, мы не въ Вивоннъ ѣдемъ, а въ Санксене, въ сосѣдную деревню.

— Вы хотите ослѣпить бѣдныхъ мужиковъ вашими нарядами.

— Что жъ дѣлать, иногда надо немножко принарядиться! Блестящіе туалеты придають еще болѣе торжественности богослуженію, внушаютъ народу...

— Вы хотите внушить народу набожность нарядами? сказалъ я, смѣясь.

— Вильямъ, вы кошунствуете!

— Конечно, сказала Бланшъ:—цвѣты, фіміамъ, музыка, освѣщеніе, все это внушаетъ...

— Отрѣшеніе отъ земли? Презрѣніе къ земнымъ благамъ?

Г. Плишонъ началъ смѣяться и объявилъ, что со времени Вольтера чистый разумъ проникъ всюду, и что слѣдственно одни плуты и дураки могутъ быть ханжами...

— Леандръ! вскричала Клотильда съ достоинствомъ.

— Я не говорю о женщинахъ, возразилъ г. Плишонъ.

— Религія необходима народу и женщинамъ, объявилъ Антеноръ торжественно, кладя себѣ на тарелку половану куропатки.

— Вамъ, быть можетъ, она понадобится больше, чѣмъ кому либо, сказала г-жа Плишонъ.

Но отецъ и сынъ въ одинъ голосъ принялись ратовать противъ низкаго шарлатанства аббатовъ, противъ слѣпаго легковѣрія, противъ возмутительныхъ предрасудковъ, и разбили въ прахъ всё религіи, которыя когда либо существовали на свѣтѣ.

— Ужъ ѣхать ли намъ къ обѣднѣ? сказала смѣясь г-жа Плишонъ.— Не знаю, согласишься ли ты насъ проводить?

Однако, она позвонила и велѣла заложить лошадей.

— Жана нѣтъ дома, такъ поневолѣ придется мнѣ васъ провожать, отвѣтилъ г. Плишонъ, пожимая плечами.

Я видѣлъ, что тѣтушка Клотильда недовольна, и что Бланшъ надулась. Я хотѣлъ прервать наступившее тягостное молчаніе, и бѣсъ меня дернулъ вмѣшаться сюда мадемуазель Эдитъ. Она была не раздражена; на ней былъ широкій утренній капотъ; я спросилъ: развѣ вы тоже не ѣдете въ церковь? Она, вмѣсто всякаго отвѣта, бросила на меня холодный взглядъ, но Клотильда язвительнымъ тономъ замѣтила, что тутъ, какъ во всемъ остальномъ, Эдитъ не поступала, какъ всѣ.

Презрительная улыбка мелькнула на губахъ Эдитъ.

— Въ важныхъ и серьезныхъ вещахъ безразсудно поступать *какъ есть*, проговорила она своимъ чистымъ, звучнымъ голосомъ.

— Вы, стало быть, по недостатку убѣжденія, не слѣдуетъ примѣру вашихъ родныхъ, мадемуазель? спросилъ я.

— Напротивъ, по убѣженію, отвѣтила она, обращая на меня свои большіе черные глаза, показавшіеся мнѣ въ эту минуту неизмѣримо глубокими.

— По какой бы тамъ причинѣ ни было, сказалъ ей отецъ:— но это нехорошо. Ты не права. Безвѣріе не идетъ къ женщинѣ, непріятно въ ней, и хотя для декорума...

— Я думаю, что мнѣ все доступно, отвѣтила Эдитъ съ выраженіемъ гордости.— Что касается до *декорума*, то по моему, не ему управлять совѣстью.

— Тутъ дѣло не въ совѣсти, строго сказалъ отецъ:— вѣрь чему хочешь, думай чтó хочешь, но есть вещи, которыя должно уважать и чтить.

— А чтó же должно уважать и чтить, папá? Не то ли, чтó вы сами только что топтали ногами?

Захваченный врасплохъ въ непослѣдовательности и противорѣчій съ самимъ собою, г. Плишонъ повраснѣлъ съ досады.

— Вы видите, мой милый, вы видите! сказала Клотильда.— Вотъ плоды вашихъ разглагольствованій!

Это замѣчаніе окончательно его разсердило.

— Плоды! плоды! повторилъ онъ съ гнѣвомъ.— Я наконецъ имѣю же право говорить въ моемъ семействѣ, чтó мнѣ угодно!

Я не виноватъ, если здѣсь есть взбалмошные характеры и шальныя головы!

Я посмотрѣлъ на Эдиту; она была блѣднѣе обыкновеннаго и встала.

— Куда вы идете? закричалъ г. Плишонъ громовымъ голосомъ; онъ былъ красенъ отъ гнѣва.

— Ахъ, Боже мой! оставь ее! сказала мать.

— Вы видите, я уйду, отвѣтила Эдита съ уничтожающимъ спокойствіемъ.

— Оставайтесь, я приказываю вамъ!

— Я не могу остаться, возразила она; ея голосъ былъ твердъ и кротокъ.

— Повторяю вамъ, оставайтесь! закричалъ отецъ съ бѣшенствомъ.

— Я уйду, чтобы не нарушить въ отношеніи къ вамъ должнаго почтенія, сказала Эдита и ушла.

Взбѣшенный г. Плишонъ, забывъ всякое достоинство, побѣждалъ за нею; женѣ удалось его остановить. Наступившій затѣмъ разговоръ былъ самый щекотливый. Г-нъ и г-жа Плишонъ сваливали другъ на друга дурной характеръ дочери, и другъ друга упрекали; Клотильда расцвѣлась въ сожалѣніяхъ и грустныхъ восклицаніяхъ; Антеноръ объявлялъ, что ни за что на свѣтѣ не женился бы на подобной женщинѣ; даже Бланшъ, къ моему великому огорченію, присоединила свой нѣжный голосъ къ этому хору осужденій и проклятій. Потомъ она съѣла въ отцу на колѣни, осыпала его ласками, ублажила милыми словами, и онъ успокоился.

Послѣ ихъ отбѣзда я гулялъ по саду; проходя мимо загорода, отдѣляющей садъ отъ меня, я вдругъ увидалъ Эдиту. Она бросала превосходные абрикосы деревенскимъ дѣтямъ. Я подошелъ къ ней и выразилъ ей сожалѣніе о томъ, что своею неловкостью подалъ поводъ къ непріятному разговору между ею и отцомъ. Признаюсь, я думалъ, она отвѣтитъ мнѣ ласковѣе и сердечнѣе, но она отвѣтила холоднымъ взглядомъ и слѣдующими надменными словами:

— Вамъ не въ чемъ извиняться, милостивый государь, я требую уваженія къ своимъ правамъ, а не пощады.

Она поклонилась мнѣ и повернула въ другую аллею.

Какое странное существо! И какъ согласить съ этимъ живымъ словомъ, съ этой благородной гордостью, съ этимъ сіяющимъ взглядомъ сухую, черствую душу? А между тѣмъ она ведетъ жизнь особнякомъ: всегда одна, или, что еще хуже, чуждая всему, что ее окружаетъ. Это упорное молчаніе и замкнутость,

эта постоянная, непрерывная борьба со всеми ей близкими, утомили бы всякого, у кого есть доля доброты и чувства. Взглядъ, который она бросила на отца, выходя изъ комнаты, былъ ужасенъ; она его не любитъ и презираетъ. А эти абрикосы, что она бросала деревенскимъ дѣтямъ, что это: капризъ или другое?

Вилльямъ Жильверу.

27-го августа.

Сегодня поутру г. Плишонъ, Клотильда, Бланшъ и я были въ саду. Проходя мимо грушеваго дерева, я увидалъ великолѣпную зеленую гусеницу. Я ее тотчасъ поднялъ и сталъ показывать дамамъ, но онѣ съ ужасомъ отступили назадъ.

— Гусеница! гусеница! кричала Клотильда.

— Вилльямъ! бросьте это! воскликнула Бланшъ тѣмъ повелительнымъ тономъ, который принимаютъ въ виду смертной опасности.

Я очень удивлялся, однако, не желая перечить Бланшъ, я сорвалъ широкій листъ съ дерева и положилъ на него гусеницу.

— Почему вамъ такъ противно это насѣкомое? Мнѣ оно нравится несравненно больше той бабочки, которая изъ него выйдетъ, и которю вы будете восхищаться по примѣру поэтовъ.

— Но посмотрите, какъ оно ползетъ! вскрикнула Клотильда.

Бланшъ, желая мнѣ угодить, осторожно приблизилась; ея шейка была вытянута, руки выставлены щитомъ впередъ, глаза у нея разширились и ноздри раздулись, — она представляла очень милое олицетвореніе побѣжденнаго испуга, хотя правду говоря, пугаться было нечего.

— Да, сказала она:—хорошенькая гусеница, но вы не носите ее домой, Вилльямъ; положите ее лучше на то мѣсто, гдѣ нашли; бѣдняжка, можетъ, ползла за кормомъ своимъ дѣточкамъ!

Я не въ силахъ былъ сдержать досаду, и швырнулъ гусеницу въ траву. Я взялъ Бланшъ подъ руку, и объяснилъ ей законъ превращенія насѣкомыхъ и значеніе личинокъ.

→ А! сказала она такимъ тономъ, какъ будто ей это было рѣшительно все равно.

Клотильда выказала больше любознательности и стала увѣрять, что она очень любитъ естественную исторію. Я предложилъ давать ей и Бланшъ уроки.

— Ба! сказалъ г. Плишонъ:—вы будете давать послѣ свадьбы.

— Но, Леандръ, въ моемъ присутствіи, мнѣ кажется, Вилльямъ могъ бы давать уроки Бланшъ.

— Полноте пожалуйста! Все это только предлогъ для того, чтобы поближе подвѣсть другъ къ другу!

— Вы ошибаетесь, милостивый государь, возразилъ я.—Я хочу давать уроки серьезно, и былъ бы очень огорченъ, еслибы ихъ приняли иначе.

Бланшъ улыбалась. Я снова сталъ настаивать, и старался имъ втолковать, почему я дорожу этими уроками. Недостатокъ образованія глубоко меня огорчаетъ въ Бланшъ. Она провела четыре года въ «Sacré-Coeur», два года тому назадъ возвратилась домой и съ тѣхъ поръ, кажется, не открыла ни одной книги, кромѣ моднаго журнала и молитвенника. Именно это невѣжество и восхищаетъ ея вольтерянца-папеньку.

— Нѣтъ ничего отвратительнѣе ученой женщины-педаантки! вскрикнулъ онъ.

— Я вамъ отвѣчу на это: нѣтъ ничего привлекательнѣе образованной женщины, сказалъ я.

Я напрасно старался его убѣдить; онъ уперся на своемъ. Мнѣ это сдѣлалось наконецъ невыносимо; опасаясь, что не выдержу и скажу ему какую нибудь дерзость, я остановился, дѣлая видъ, что разсматриваю бѣжавшаго по дорожкѣ жучка. Они ушли довольно далеко впередъ, но скоро Клотильда возвратилась.

— Чего хочетъ женщина, того хочетъ самъ Богъ, шепнула она мнѣ на ухо.—Въ этомъ случаѣ и г. Плишонъ богъ. Поглядите на эту картину!

Обративъ глаза, куда она мнѣ указывала, я увидѣлъ отца и дочь въ объятіяхъ другъ друга. Она то вкрадчиво заглядывала ему въ глаза, то принимала сердитый видъ, то нѣжно къ нему прижималась; онъ уже сдался, но желая чтобы его еще попросили, старался притвориться непоколебимымъ.

Я много разъ видалъ подобную игру. Бланшъ была на это мастерица. Она брала то смѣлостью, то вкрадчивостью; призывала, молила, ублажала лестью, растрогивала ласкамн, потомъ вдругъ одерживала побѣду какою нибудь остроумною выходкою, которая заставляла его смѣяться цѣлый день.

Я видалъ это много разъ, и всегда меня это коробило, но я никогда не обращалъ на это серьезнаго вниманія, никогда въ это не вникалъ; теперь меня это глубоко возмутило.

Вилльямъ Жильверу.

31-го августа.

Сегодня нашъ урокъ шелъ отлично. Моя милая ученица была такъ внимательна, что, казалась, позабыла о женихѣ. Клотильда

намъ мѣшаетъ; очень много она говорить. Она между прочимъ требовала, чтобы я выпустилъ анатомію.

Теперь г-жа Плишонъ и Клотильда очень заняты заготовленіемъ вареній и насъ часто оставляютъ однихъ. Я не думаю во все о томъ, какъ бы похитить лишній подалуй; я стараюсь установить между нами серьезную нравственную близость. Бланшъ послушно принимаетъ всѣ мои мысли. Она черезчуръ ужъ покорна въ этомъ!

Вильямъ Жильверу.

1-ю сентября.

Мы сидѣли за урокомъ естественной исторіи подѣ тѣнью фиговаго дерева, когда Клотильдѣ подали письмо. Она тотчасъ же подѣлилась съ нами пріятною новостью: одинъ ихъ родственникъ, парижскій житель, ѣдетъ въ Фужере для поправленія здоровья, разстроеннаго чрезмѣрными трудами. Онъ увѣдомляетъ тоже, что душа его утомилась, и что онъ жаждетъ обновиться между избранными друзьями. Родственника этого зовутъ Маркъ Форжд; онъ пробудетъ здѣсь мѣсяцъ.

Сегодня кромѣ того случилось чудо: Эдитъ заговорила со мною. Когда мы выходили изъ-за стола, она ко мнѣ подошла.

— У васъ есть естественная исторія Мильна-Эдвардса? Позвольте вы мнѣ брать ее на то время, когда у васъ нѣтъ уроковъ?

— Съ удовольствіемъ, отвѣчала я ей.—Вы уже учились естественной исторіи?

— Нѣтъ.

— Вамъ будетъ трудно безъ учителя. Не угодно ли вамъ присоединиться къ нашимъ урокамъ?

— Я васъ стѣсню, сказала она.

Но Клотильда и Бланшъ, нѣсколько иронически, стали ее тоже приглашать, и она, съ своимъ обычнымъ холоднымъ и надменнымъ видомъ, приняла приглашеніе. Теперь у меня три ученицы и я себя спрашиваю, какъ это случилось, что я самъ ввелъ новое лицо въ наше общество, лицо несравненно болѣе стѣснительное, чѣмъ Клотильда. Эта странная Эдитъ внушаетъ мнѣ такое любопытство, что я не подумалъ, что дѣлаю. Наши уроки были полны поэзіи; Эдитъ, я почти увѣренъ, заморозитъ все своею ледяною холодностью.

Мы всѣ сходимся вмѣстѣ только за обѣдомъ; Эдитъ помѣщается противъ меня и я часто гляжу на эту живую загадку. Она произноситъ только самыя необходимыя слова; когда разговоръ заходитъ о чемъ нибудь серьезномъ, въ ея глазахъ какъ

будто блеснетъ огонь, но лицо неподвижно, точно мраморное. Я напрасно пытался прочесть что нибудь на этомъ мраморѣ. Когда она замѣчаетъ мой пристальный взглядъ, губы ея сжимаются, темныя брови слегка хмурятся, и она становится непроницаемѣе прежняго.

И однако, несмотря на все это, мнѣ кажется — я самъ не знаю почему — мнѣ кажется, что во всѣхъ спорахъ, которые мнѣ случалось вести, Эдитъ была на моей сторонѣ, хотя и не выразила этого ни единымъ словомъ.

Завтра я увижу, ошибся я въ этомъ или нѣтъ.

Вилльямъ Жильверу.

2-го сентября.

Сначала урокъ шелъ вяло, принужденно, но подъ конецъ чудесно. Видно, что Эдитъ искренно хочетъ учиться. Она съ такою быстротою схватываетъ общія данныя, что я спросилъ:

— Вы уже прежде кое-что знали?

— Нѣтъ, отвѣчала она. — Развѣ вы не знаете, какъ учать въ пансіонахъ? Въ Пуатъе пансіонъ не лучше, а можетъ еще хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

— А! вы были въ пансіонѣ?

— Только годъ.

— Только годъ, — почему же?

— Я прежде поступленія туда много читала и знала немного больше тамошнихъ наставниковъ.

Она сказала это съ такою простотою, которая исключала всякое тщеславіе. Она вовсе не такая сухая, какъ я думалъ.

Родственникъ пріѣхалъ. Онъ лѣтъ сорока, довольно большаго роста, смуглый, худой, нѣсколько сутуловатый; лицо у него скорѣе хитрое, чѣмъ умное; одѣвается тщательно и щеголевато и имѣетъ претензію на утонченныя манеры. Его пріѣздъ произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Г. Плишонъ разспрашиваетъ его очень почтительно и отвѣчаетъ ему очень смѣренно; дамы съ нимъ чрезвычайно предупредительны. Что касается до г. Ферждо, то онъ находитъ все это законнымъ и вчера цѣлый вечеръ, развалившись въ креслѣ, онъ повѣствовалъ намъ о себѣ, о своихъ связяхъ, о своей политической дѣятельности, своемъ безкорыстіи, своихъ талантахъ и проч. и проч.

— Вы парижанинъ, милостивый государь? спросилъ онъ, окидывая меня не очень доброжелательнымъ взглядомъ.

— Да, милостивый государь.

— А!

— Другъ Антенора, пояснилъ ему г. Клишонъ.

— А!

Кузенъ Маркъ плохо вѣрилъ дружбѣ къ Антенору. Я взглянулъ на Клотильду, а она отвѣтила мнѣ разными улыбками и многозначительными минами. Кузенъ Маркъ это замѣтилъ, и это ему повидимому сильно не понравилось.

Всѣ такъ уже привыкли къ отчужденію Эдитъ, что ее не позвали въ гостиную встрѣчать г. Форждъ. Она увидалась съ нимъ только за обѣдомъ и обошлась очень холодно. Она даже ушла изъ-за стола, не дожидаясь десерта. Въ честь пріѣзжаго гостя обѣдъ былъ очень длиненъ и число блюдъ безконечно. Г. Форждъ ни мало не былъ удивленъ поведеніемъ Эдитъ; онъ, кажется, хорошо знаетъ всѣ ихъ семейныя дѣла, но въ присутствіи Эдитъ онъ становится смпрнѣе.

Вилльямъ Жильберу.

4-ю сентября.

Сегодня, послѣ завтрака, я хотѣлъ начать, по обыкновенію, урокъ, но Клотильда и Бланшъ переглянулись и замаялись. Шелъ дождь, въ садъ было идти невозможно, надо посидѣть съ кузеномъ Маркомъ... Урокъ былъ отложенъ на завтра.

Это меня очень раздражило. Стоило бросать урокъ для того, чтобы слышать рассказы этого хвастуна!

Эдитъ ожидала конца пренія съ нѣскольکو насмѣшливымъ видомъ.

— Я не могу взять книгу? сказала она.

— Займемся урокомъ вмѣстѣ, если хотите, отвѣтилъ я, сильно раздосадованный.

Она насмѣшливо улыбнулась, поблагодарила меня, но не приняла предложенія.

Бланшъ видѣла очень хорошо мое неудовольствіе, но осталась при своемъ желаніи отправиться въ гостиную.

Этотъ Просперъ Кулиндъ, сынъ мельника, этотъ молодой человекъ, влюбленный въ Бланшъ, являлся съ визитомъ. Кто-то увидалъ, какъ онъ подходилъ къ дому, и сказалъ, что онъ идетъ. Бланшъ въ то время стояла у камина, слушая рассказы г. Форждъ. Она торопливо обернулась къ зеркалу, поправила волосы, поправила ленточку, потомъ снова стала опять противъ двери съ видомъ вротости и непорочности, который она, какъ я теперь вижу, можетъ на себя принимать, когда ей угодно. Напрасно я говорю себѣ, что всѣхъ ихъ дрессируютъ съ дѣтства, что всѣ женщины болѣе или менѣе кокетки и всегда болѣе или менѣе

позируютъ — у меня точно отравленная стрѣла засѣла въ сердцѣ.

Вильямъ Жильберу.

9-ю сентября.

Во время уроковъ у насъ иногда завязываются оживленные разговоры. Я не могу тебѣ передать, какъ поражаетъ меня иногда выраженіе лица Эдитъ. О чемъ она думаетъ? Она никогда этого не говоритъ.

Форжэ рассказываетъ намъ, потирая руки, разные парижскія сплетни: о безстыдныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, устроенихъ въ ущербъ народному благосостоянію, о возмутительныхъ биржевыхъ маневрахъ, о подкупѣ того или другаго должностнаго лица, и все это приправляетъ острымъ словомъ. Острому словцу смѣются, потомъ восклицаютъ: это безчестно! Но смѣялись, и г. Форжэ начинаетъ проповѣдывать житейскую мудрость:

— Я согласенъ съ вами, въ этомъ мало високаго и прекраснаго, но это принято. Всѣ честные люди сначала кричатъ съ непривычки: это безчестно; потомъ, вида, что дѣлать добычу безъ нихъ, начинаютъ разсуждать такъ: въ концѣ концовъ если уже нельзя этого поправить, то лучше пусть поживится честный человѣкъ, чѣмъ плутъ, лучше значить я, чѣмъ мой сосѣдъ. Съ волками жить, надо по волчьи вить. Сдѣлавшись богатымъ человекомъ, можно дать богатству самое благородное употребленіе.

Я началъ возражать противъ этихъ доводовъ, и въ моихъ возраженіяхъ, быть можетъ, высказалось болѣе негодованія, чѣмъ учтивости. Онъ съ отеческимъ видомъ сталъ увѣрять, что съ такими правилами я никогда не сдѣлаю карьеры.

Этотъ человѣкъ меня ненавидитъ и я его терпѣть не могу. Онъ просто развращаетъ всю семью. Сердце у всѣхъ доброе, но умъ слабый и необработанный, а по моему чуткая совѣсть и твердыя убѣжденія несомнѣсны съ слабымъ умомъ.

Въ этой мѣщанской средѣ, гдѣ богатство представляется главною цѣлью и лучшимъ благомъ жизни, росказни г. Форжэ возбуждаютъ тысячи желаній и мечтаній. Разбогатѣть въ одну часть, по одному слову, произнесенному на биржѣ, или по акціямъ, о которыхъ говорилъ съ восхищеніемъ Форжэ, потомъ поселиться въ Парижѣ, быть приглашенной въ большой свѣтъ, въ Тюильрійскій дворецъ, носить брилліанты, восхитительные наряды, быть окруженной толпою поклонниковъ, занять первое мѣсто, прослыть первою красавицею въ этомъ земномъ раю...

— О, все это васъ не занимаетъ? сказала она мнѣ съ горечью и опустила тотчасъ же свои длинныя рѣсницы.

Мы будем выѣзжать въ свѣтъ, это рѣшено.

Бланшь вротва, граціозна, жива и исполнена чувства. Ея уму не достаетъ только силы и возвышенности. Но эти преимущества въ женщинахъ часто подавляются возмутительной сухостью, и отсутствіемъ всякой граціи, всякой прелести, всякой доброты и мягкости. Моя Бланшь со всѣми своими ребяческими недостатками, несравненно лучше холодной и надменной Эдитъ. Лишь бы она меня любила всею душою, лишь бы любила всегда, и я долженъ буду чувствовать себя счастливымъ.

Вилльямъ Жильверу.

11-го сентября.

Уже два дня идетъ дождь, но разсказни Форждъ и вообще всѣ разговоры такъ мнѣ опротивѣли, что я ушелъ изъ дому и скрылся въ лѣсу. Дождевыя капли барабанили по листьямъ, какъ по зонтигу, и орошали меня тонкой водяной пылью. Было очень хорошо; этотъ дождь освѣжилъ землю послѣ долгой жары и все точно помолодѣло кругомъ.

Вдругъ меня заставилъ обернуться шумъ раздвигаемыхъ вѣтокъ и я очутился лицомъ къ лицу съ Эдитъ. Она шла по лѣсу, приподнявъ платье до колѣнъ; на головѣ у нея была накинута черная вуаль. Увида меня, она остановилась; я былъ очень удивленъ.

— Вы здѣсь, въ лѣсу, мадемуазель! сказала я:— въ такую непогоду?

Гармоническія ноты ея смѣха раскатились по лѣсу. Я въ первый разъ слышалъ, какъ Эдитъ смѣется.

— А вы тоже здѣсь? сказала она.

— Это правда... я очень люблю гулять.

— И я люблю гулять, отвѣтила она съ такимъ одушевленіемъ, котораго я никогда въ ней не видалъ и даже не подозревалъ.

Глаза ея сіяли, и обыкновенно блѣдныя щеки были оживлены нѣжнымъ румянцемъ.

— Чего же вы такъ удивились, встрѣтивъ меня въ лѣсу? продолжала она:—развѣ вы одни имѣете право гулять по лѣсамъ въ дождливые дни?

— Нѣтъ... Я очень радъ, что вкусы наши сходятся.

— Но главное, очень этимъ удивлены? сказала она:— вы полагали, я увѣрена, что между нами не можетъ быть ничего общаго? Что между нами антипатія?

— Антипатія! О, нѣтъ! но признаюсь...

— Что?

Я колебался.

— Признавайтесь же.

— Вы не нуждаетесь ни въ чьей привязанности, ни въ чьей дружбѣ; это чувствуется и леденить...

Она вздрогнула, бросила на меня странный взглядъ, отъ котораго сжалось у меня сердце, и, не отвѣчая ни слова, скрылась за деревьями.

Какая дикая натура! Я очень жалѣлъ, что обратилъ ее такъ скоро въ бѣгство; она, противъ обыкновенія, казалось, расположена была говорить, и ея веселость, ея живость поразили меня и ослѣпили, какъ видѣніе.

Вильямъ Жильверу.

13-ю сентября.

Вчера, поутру, я пошелъ за книгою въ библіотеку. Подходя къ дверямъ, я услышалъ смѣхъ и восклицанія; я узналъ голоса Бланшъ и Клотильды; дверь распахнулась, выбѣжала Клотильда, за нею въ догонку Бланшъ; я поймалъ Клотильду.

— Ловите, Вильямъ! сказала она: — я къ вамъ и бѣжала. Прочтите это!

Она подала мнѣ бумажку; Бланшъ было-бросилась отнимать, но я поднялъ бумажку высоко, и она никакъ не могла ее достать. Я схватилъ лѣвою рукою обѣ ея ручки и посмотрѣлъ, чтѣ написано. Бумажка была исчерчена подписью: Бланшъ де-Монсальванъ.

Первымъ моимъ движеніемъ было осыпать поцалуями Бланшъ, но меня въ ту же минуту поразили тщательность почерка и щеголевато выведенныя буквы. Она написала это не въ минуту увлеченія; нѣтъ, она примѣривала эту подпись, какъ новое платье и, дѣлая это, меньше всего думала обо мнѣ. Я возвратилъ ей бумажку улыбаясь, но нѣсколько принужденно.

Въ эту минуту вошелъ г. Плишонъ, и такъ же, какъ я, объяснилъ это дѣло. Онъ сказалъ Бланшъ:

— О, тщеславная дѣвочка! Вильямъ, если вѣрить слухамъ, не придаетъ такой важности графскому достоинству.

Потомъ онъ спросилъ у меня, правда ли, что я хотѣлъ жениться на гризеткѣ. Я не могу тебѣ выразить, какой пристыженный и страдающій видъ былъ у нихъ, когда они узнали, что я точно имѣлъ это намѣреніе. Напрасно я доказывалъ имъ,

что она была умна и привлекательна, напрасно я напоминалъ о братствѣ и равенствѣ, я, очевидно, упалъ въ ихъ глазахъ.

Слухи о моемъ намѣреніи жениться на гриветтѣ, вѣроятно, сообщилъ имъ Форжб, по расположенію ко мнѣ откопавшій этотъ фактъ, вѣроятно, черезъ какого-нибудь своего пріятеля, полицейскаго сыщика.

Сейчасъ я получилъ новое письмо. Завтра я выѣзжаю. Да, надо дѣйствовать, надо выдти изъ этого неопредѣленнаго и ложнаго положенія. Вчера я былъ въ ихъ глазахъ чужакомъ, не имѣющій никакого значенія, не могущій предложить своей невѣстѣ никакого вѣрнаго и надежнаго будущаго; сегодня твое письмо ихъ привело въ восторгъ, они сами себя не помнятъ отъ радости и смотрятъ на меня, какъ на завидную партію. Впередъ! идемъ завоевывать выгодное мѣсто!

Вилльямъ Жильберу.

Парижъ. 9-го ноября.

Очень радъ, что тебѣ хорошо живется на Гіерѣ, мой милнй Жильберъ. Я все въ Парижѣ, хлопочу о мѣстѣ.

Нѣсколько дней тому назадъ, я получилъ письмо отъ Эдитъ; посылаю тебѣ съ него копію. Ты знакомъ съ однимъ изъ главныхъ нашихъ издателей, напиши ему, пожалуйста; можетъ быть, тебѣ посчастливится больше, чѣмъ мнѣ.

Письмо Эдитъ.

«Могу ли я обратиться къ вамъ съ просьбою объ услугѣ, милостивый государь? Я думаю, что могу, и меня бы очень удивило, еслибы я ошиблась. Вы были близкимъ человѣкомъ въ моемъ семействѣ, и могли понять, что мои мысли и вкусы совершенно во всемъ противоположны мыслямъ и вкусамъ моихъ домашнихъ, и что, въ избѣжаніе безпрестанныхъ ссоръ, остается одно средство: держаться въ сторонѣ и молчать. Вы поймете тоже, что подобную жизнь нельзя выносить очень долго. Однако, сила обстоятельствъ, или лучше сказать, неразумность нашихъ обычаевъ, принуждаетъ меня оставаться въ семействѣ и видѣ семейства, не представляетъ мнѣ никакого средства существованія, никакого будущаго. Замужъ я не хочу выходить.

«Мнѣ двадцать-четыре года; я твердо рѣшилась умереть или жить, но такъ задыхаться, какъ до свхъ поръ я задыхалась, не хочу.

«Есть одно средство быть независимой: работать. Къ несчастію, общество отказываетъ въ работѣ женщинамъ моего званія.

Я не могу сдѣлаться работницей; мнѣ нуженъ досугъ для умственныхъ занятій, и кромѣ того, я не привыкла къ лишениямъ. Поэтому, я должна себѣ искать подходящей умственной работы. Я знаю нѣмецкій языкъ и англійскій, я хотѣла заняться переводами. Но хорошіе англійскіе и нѣмецкіе писатели всѣ давно переведены, или переводятся, и мнѣ пришло въ голову, попробовать перевести, на примѣръ, съ датскаго. Датскіе и шведскіе писатели у насъ совершенно неизвѣстны. Будьте такъ добры, пришлите мнѣ двѣ грамматики, шведскую и датскую, и два лексикона. Мнѣ тоже надо выбрать нѣсколько сочиненій на этихъ языкахъ; прошу васъ, выберите. Главное, мнѣ надо отыскать издателя, который бы пожелалъ этихъ переводовъ, и заказалъ ихъ мнѣ.

«Я безъ всякаго права даю вамъ эти порученія, милостивый государь. Я должна васъ предупредить, что мои родители будутъ всѣми силами удерживать меня при себѣ и мѣшать мнѣ видти на свободу; имъ было бы гораздо легче перенести, еслибъ я умерла здѣсь отъ нравственной нищеты, чѣмъ знать, что я въ двадцать пять лѣтъ устроила свою жизнь по своему вкусу. Обдумайте, прошу васъ, и потрудитесь мнѣ отвѣтить».

Что ты скажешь объ этомъ письмѣ? Оно написано очень рѣзко. И, однако, мнѣ нравится эта гордость и смѣлость, и я горжусь довѣріемъ этой странной дѣвушки.

Отчего она не хочетъ выходить замужъ? Безъ сомнѣнія, по гордости. Будь она любящая и преданная, она была бы еще лучше. Но совершенства на землѣ нѣтъ. Я ее уважаю отъ души, несмотря на это, и желалъ бы служить ей, какъ братъ.

Я ей это написалъ въ моемъ отвѣтѣ. Я послалъ ей грамматики и лексиконы, и кромѣ того, сочиненія Эленшлегера. Но съ издателями бѣда. Я видѣлъ четырехъ, и все безъ малѣйшаго успѣха. Ты знакомъ съ однимъ издателемъ; напиши ему, и постарайся получить поскорѣе отвѣтъ. Я бы очень хотѣлъ исполнить желаніе Эдитъ.

Бланшъ Вилльямъ,

Фужере, 14-го ноября.

Знаете ли вы, милостивый государь, что уже два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали? Въ Парижѣ время, конечно, такъ не тянется, какъ здѣсь; но я нахожу, что оставаться невѣсту на два мѣсяца непозволительно, ужасно. Правда, вы мнѣ пишете милыя и любезныя письма, но отправивъ ихъ, вы идете гулять, вы посѣщаете прежнихъ друзей, вы пользуетесь всѣми удовольствіями, между тѣмъ, какъ я сижу одна въ этомъ огромномъ, скучномъ, деревенскомъ домѣ, не имѣя никакого

развлеченія, кромѣ того, что подражаю папашу, поговорю съ тётенькой Клотильдой о васъ, и послушаю кузена Марка, который мнѣ надобѣль. Я не скажу этого при тётенькѣ Клотильдѣ, потому что ей все кажется хорошо, что дѣлаетъ или говорить кузень Маркъ. Кузень Маркъ говоритъ ей гораздо больше любовностей, чѣмъ мнѣ, и если вы не перемѣнили мнѣнія, то найдете, что онъ тутъ несправедливъ; но очень возможно, что вы перемѣнили уже мнѣніе, потому что все возможно въ Парижѣ, увѣряетъ кузень Маркъ. Знаете, тётенька Клотильда сказала ему, что вы меня любите, а не ее, и кузень Маркъ, кажется, былъ этимъ чрезвычайно доволенъ, и съ тѣхъ поръ сталъ относиться о васъ гораздо благосклоннѣе. Это наводитъ меня на кое-какія подозрѣнія; гмъ! что вы скажете? Я, однако, никогда не думала, чтобы тётенька Клотильда, при своей привязанности къ намъ... И въ ея лѣта! Это будетъ до крайности смѣшно!

Вы сердитесь, что я не отвѣчаю вамъ на всѣ ваши вопросы, и спрашиваете меня все объ одномъ и томъ же: люблю ли я васъ? Позвольте вамъ сказать, милостивый государь, что папѣ запретилъ мнѣ писать вамъ черезчуръ много иѣжностей, и кромѣ того, я не совсѣмъ довольна вами. Мнѣ кажется, вы очень мало заботитесь о томъ, что вы называете своимъ счастьемъ. Вы гораздо больше заняты вашими идеями, чѣмъ дѣломъ; вамъ противно, говорите вы, влнаться! Увѣряете, что любите меня такъ сильно, а ничего для меня не хотите дѣлать. Если дѣла пойдутъ такимъ образомъ, я, право, не знаю, когда намъ возможно будетъ перевѣнчаться; а между тѣмъ, ваше долгое пребываніе у насъ въ Фужере возбудило толки; стали полозрѣвать, и г-жи Мартенъ не разъ дѣлали мнѣ намеки. Разумѣется, я ни въ чемъ не призналась имъ, потому что въ этомъ положеніи дѣлъ я не могу ни въ чемъ признаваться. Получайте скорѣе хорошее, выгодное мѣсто, и я отомщу тогда за всѣ шутки и насмѣшки, которыми меня изъ-за васъ осыпаютъ. Я вамъ всего не говорю, но бываютъ минуты, когда мнѣ очень грустно и тяжело, повѣрьте. Иные утверждаютъ, что вы никогда не сдѣлаете карьеры, никогда не выйдете въ люди, слышите, Вильямъ? Что вы изъ тѣхъ апатическихъ и мечтательныхъ характеровъ, которымъ ничто не удается, потому что они не хотятъ ни въ чемъ принудить себя, не берутъ на себя никогда ни малѣйшаго труда серьезно приняться за дѣло. Я хочу убѣдить себя, что они ошибаются, и что мой Вильямъ — ну! слово написано, и папа не увидитъ его! что мой Вильямъ любитъ меня, и что эта любовь даетъ ему силы побѣдить препятствія, которыя насъ разлучаютъ.

Вамъ надо возвратиться сюда, милостивый государь. Чувствуется потребность васъ видѣть. Конечно, если васъ задержать что-нибудь по дѣлу о мѣстѣ, такъ останьтесь въ Парижѣ. Я вамъ напишу, когда надо будетъ выѣхать; я теперь еще сама не знаю, когда именно. А! у насъ есть секретъ, но я вамъ его пока не открою. Я вамъ скажу только вотъ что: если герцоги никуда не годятся, я придумала другое средство устроить наши дѣла. Когда прїѣдете, то узнаете тогда о чемъ рѣчь. Если васъ хлопоты о мѣстѣ не задержать и если вы не боитесь соскучиться, то выѣжайте немедленно, впрочемъ, не прежде, чѣмъ купите мнѣ голубое шелковое платье, полосками или клѣтками. Чтобы матерія не была дороже шестидесяти франковъ; и я то насилу убѣдила папѣ, что дешевле невозможно купить ничего сколько-нибудь порядочнаго. Выбирайте легкую матерію. Я полагаюсь на вашъ вкусъ — я знаю, что онъ у васъ хорошій — и уже напередъ радуюсь на свое хорошенькое платьице. Еслибы нельзя было купить дешевле семидесяти или восьмидесяти франковъ, мы выдержимъ вспышку отцовскаго гнѣва, и я все беру на себя. Папа, знаете, все плачется, что обстоятельства его плохи, и, кажется, нынѣшній годъ, въ самомъ дѣлѣ, очень дурень. Только и слышишь о нуждахъ бѣдняковъ, и говорятъ даже, что есть люди, которые умираютъ отъ голоду; это ужасно. Мы только и видимъ, что нищихъ; ихъ приходитъ по двадцати въ день, и имъ принуждены часто отказывать.

Я слышу ружейный выстрѣлъ: это папѣ застрѣлили курицу; я думаю, что по его милости скоро ни одной не останется въ Фужере. Пока онъ поглощенъ этимъ великимъ подвигомъ, я запечатаю это письмо и никто не увидитъ, какъ я его отдамъ почтальону. Поэтому, мой Вилльямъ, я осмѣливаюсь васъ обнять очень крѣпко и нѣжно. Да, я васъ очень люблю. Ваша маленькая Бланшъ любить васъ немножко, много, страстно. Возвращайтесь скорѣе. О, какъ я буду счастлива васъ видѣть! Когда прїѣдете, дайте знать въ Фужере; за вами пришлютъ лошадей. Подъѣзжая къ дому, вы выйдете изъ экипажа и пойдете по тропинкѣ; я буду васъ ждать у большаго пруда, подъ плакучей ивой, но... но вы общаете мнѣ не цаловать меня черезчуръ крѣпко... До скорого свиданія, мой Вилльямъ. Я тебя люблю.

Эдитъ Вилльяму.

14-го ноября.

Милый братъ, не присылайте мнѣ больше книгъ; мнѣ теперь на долго станетъ романа Эленшлегера, который я начну переводить.

Надо бы по настоящему прочитать нѣсколько его произведеній, чтобы лучше схватить главныя черты писателя, но нынѣшній годъ такое бѣдствіе кругомъ, что прежде всего надо чѣмъ можешь помогать бѣднымъ людямъ. У меня почти вышли всѣ мои карманныя деньги, а зима долга. Думали вы когда-нибудь, Вильямъ, какъ это странно, что голодные работники являются просить себѣ хлѣба отъ избытка праздныхъ людей. Я по привычкѣ долго смотрѣла на это равнодушно, но съ тѣхъ поръ, какъ я начала глубже вдумываться, это обстоятельство не даетъ мнѣ покою и я вижу въ немъ явленіе самое необъяснимое съ точки зрѣнія справедливости и разумности.

Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ вы спрашиваете меня о моемъ образѣ жизни и о моемъ характерѣ. Я уважаю васъ такъ, какъ никогда никого не уважала изъ знакомыхъ мнѣ людей, но время откровенности еще не наступило и его не надо торопить. Если вы женитесь на Бланшъ, и если наши отношенія будутъ продолжаться, я думаю, что мы еще больше и серьезнѣе сблизимся. Что бы ни случилось, я уже никогда не буду смотрѣть на васъ, какъ на чужаго мнѣ человѣка.

Я не охотно вмѣшиваюсь въ нѣкоторыя дѣла, и однако я все-таки скажу вамъ, что вы хорошо сдѣлаете, если поскорѣе сюда прійдете. Г. Форждъ вредитъ вамъ здѣсь. Зачѣмъ онъ такъ долго остается въ Фужере? Я не знаю ровно ничего. Онъ ѣздилъ въ Парижъ, потомъ возвратился и по прежнему поселился у насъ.

Жму вамъ руку.

Эдитъ.

Вильямъ Жильверу.

20-го ноября.

Я нашелъ въ Фужере много переменъ. Г-жа Плишонъ одна не измѣнилась въ отношеніи ко мнѣ; я приобрѣлъ довѣріе Эдитъ, но Клотильда очень ко мнѣ охладѣла, а г. Плишонъ рѣшительно сдѣлался непріятель. Препней уступчивости и снисходительности не осталось слѣда; ихъ замѣнило что-то похожее на злобу, которую онъ не въ силахъ скрыть и которая обнаруживается въ тонѣ его голоса, въ его манерѣ, а иногда въ пошлыхъ придиркахъ и плоскихъ шуточкахъ. Онъ точно сердится на меня за то, что принялъ меня въ зятя. Еслибы дѣло касалось только г. Плисона, я бы давно возвратилъ ему его согласіе, но по моему тутъ дѣло касается только меня и Бланшъ.

Бланшъ все то же дитя; нѣжное, кроткое, наивное даже въ своихъ хитростяхъ, но страстнаго поклоненія любимому существу

въ ней уже нѣтъ, какъ, правду говоря, нѣтъ давно и во мнѣ. Она знаетъ теперь мои недостатки, и по своему права; но къ несчастію, эти недостатки составляютъ самыя существенныя черты моего характера и я не могу тутъ ничего сдѣлать. Она ставитъ мнѣ въ вину безпечность, несоблюденіе установившихся общественныхъ законовъ, излишнюю смѣлость и искренность, и даже мои мечты и стремленія. Теперь она читаетъ мнѣ наставленія, вмѣсто того чтобы меня обожать, и этотъ видъ превосходства, этотъ тонъ мудрой совѣтницы, которые къ ней чрезвычайно идутъ, не могутъ все-таки ни на волосъ измѣнить меня.

Въ мое отсутствіе она ни разу не дотронулась до книги. Наша естественная исторія такъ бы и осталась раскрыта на той же страницѣ, еслибы не взяла ее Эдитъ.

Я привезъ изъ Парижа три книги: Маленькую Фадеттъ, Пиччиолу и Прогрессъ человѣческаго ума Кондорсе. Романы были прочтены, но Кондорсе еще не былъ ни разу открытъ и, быть можетъ, никогда открытъ не будетъ.

Какъ уродуетъ нашихъ дѣвушекъ теперешне воспитаніе! Вездѣ принято считать молодую дѣвушку за что-то безгрѣшное, непорочное, занимающее то мѣсто между людьми, которое лилія занимаетъ между цвѣтами. Молодая дѣвушка! о! это произносится съ восторженнымъ видомъ; дѣлаютъ ротъ сердечкомъ и поднимаютъ глаза къ небу. Въ особенности виверы очень падки на божественность. Имъ непремѣнно нужна святость въ ихъ дочеряхъ и женахъ,—ничѣмъ другимъ они не могутъ удовлетвориться. Я только послѣ этого не постигаю, каковымъ образомъ эти ангелы могутъ жить въ такой постоянной заботѣ о томъ, что должно и что не должно, и какъ могутъ у нихъ рождаться безпрестанно такія подозрѣнія, которыя оскорбляютъ честнаго, порядочнаго человѣка? Никакого довѣрія, никакого увлеченія, ничего возвышающаго въ чувствѣ.

По моему, въ истинной невинности прежде всего есть благородная довѣрчивость. Она можетъ знать, что зло существуетъ, но безпрестанно объ этомъ забываетъ. Умъ тогда не пресмыкается въ грязи... О, мой идеалъ!..

21-го ноября.

Г. Форжбъ вкрадчивъ, любезенъ, льстивъ, онъ видимо старается меня задобрить и поддѣржнть. Безъ сомнѣнія, онъ боится, что я стану въ свою очередь вредить ему во мнѣніи Клотильды, и я охотно бы это сдѣлалъ, еслибы могъ. Но они оба стоняются отъ меня и срываются.

Г. Форжé признался наконецъ, что онъ разорвалъ всѣ сношенія съ извѣстнымъ спекуляторомъ Гарганомъ; онъ не могъ иначе объяснить свое долгое пребываніе въ Фужере, и кромѣ того онъ вѣроятно боялся, что это узнаютъ черезъ меня; но онъ благоразумно умолчалъ о безчестной спекуляціи, по поводу которой они разорились; онъ приписалъ причину ссоры своему утонченному чувству чести, которое не позволило ему колебаться между совѣстью и денежными выгодами. Клотильда смотритъ на него, какъ на жертву долга. Его выдумкамъ придаетъ нѣкоторое вѣроятіе то обстоятельство, что онъ всегда прикидывался демократомъ. Онъ напечаталъ нѣсколько брошюркъ, въ которыхъ курить фіміамъ поочередно народу, алтарю и трону, и съ великимъ трескомъ и шумомъ морочить публику проектами невозможныхъ реформъ.

Вся личность этого человѣка внушаетъ мнѣ самое глубочайшее отвращеніе: пронирливый и гибкій умъ, отсутствіе всякой совѣсти, мертвое сердце, если только оно когда-нибудь было живымъ. Всѣ способности его ума обращены на служеніе матеріальнымъ благамъ, и онъ не понимаетъ даже, что въ жизни можно имѣть иную цѣль. Онъ желаетъ свободы, но смотря на свободу, какъ и на все остальное, съ индивидуальной точки зрѣнія, онъ изъ нея дѣлаетъ эгоистическое, противообщественное, наглое своеволіе. Честь, любовь къ родинѣ, въ ихъ высокомъ и справедливомъ смыслѣ, онъ считаетъ за ребячество; онъ осуждаетъ и порицаетъ народъ, требующій свободы, если господство, подъ которое этотъ народъ подпалъ, кротко и милостиво; онъ находитъ, что участь раба, когда съ нимъ хорошо обращаются и когда его хорошо кормятъ, очень завидна. Особенно сильно въ немъ развита терпимость. Причина этого очень проста: ничѣмъ онъ не брезгаетъ.

Эти стремленія какъ нельзя лучше согласуются съ его страстью къ парадоксамъ; онъ старается казаться человѣкомъ снисходительнымъ и врагомъ предрасудковъ, и любя удивлять васъ своими фокусами, онъ пытается устроить, и дѣйствительно устроивается, всевозможные компромиссы, выставляя на видъ обратную сторону каждаго дѣла. Отрицаю то, чему я поклоняюсь, и что я чту, онъ раздражаетъ меня и заставляетъ страдать. Никогда я не чувствовалъ въ такой степени разницы между однимъ и другимъ человѣкомъ, какъ теперь, когда вижу около себя подобнаго близняго.

Но я долженъ согласиться, что судьба къ нему несправедлива, какъ онъ увѣряетъ, и что онъ по настоящему, долженъ бы занимать самое высокое мѣсто, и быть однимъ изъ корифеевъ

теперешней системы. На мѣстѣ правительства, я бы изъ него сдѣлалъ себѣ публициста; онъ удивительно выполнялъ бы свою роль, потому что его изворотливость и красноречіе неистощимы, и у него изумительный талантъ извлекать выгоды изъ чужихъ пороковъ и погрѣшностей; ему не трудно сбить съ толку людей и помудрѣе наивнаго семейства Плипоновыхъ. Это вполне обозначенный характеръ настоящей эпохи.

Печальная эпоха! Гнусные характеры! И вотъ наступаетъ народный голодъ вслѣдствіе ихъ барышничества и грабительства. Надо видѣть этотъ голодъ здѣсь, въ деревнѣ; тутъ онъ не прачется. Бѣдняку нечего дѣлать дома, гдѣ не осталось ни зерна хлѣба; голодъ гонитъ его къ дверямъ богатыхъ владѣльцевъ, гдѣ хранятся кучи хлѣба въ ожиданіи еще большей дороговизны, дороговизны, которая послужитъ ему, бѣдняку, почти смертнымъ приговоромъ. Въ деревнѣ уже не работаютъ, потому что самая безустанная работа не можетъ дать насущнаго хлѣба, да нельзя и работать съ пустымъ желудкомъ. Встрѣчаешь только голодныхъ, которые въ одиночку, или небольшими отрядами, идутъ по дорогѣ. Всѣ они очень печальны, скромны, чисто одѣты и ведутъ себя просто и съ достоинствомъ. Женщины на ходу прядутъ; дѣти не играютъ и не смѣются; очень молчаливы. Я замѣтилъ, что встрѣчая васъ на дорогѣ, они не просятъ милостыни; они идутъ прямо къ чьему-нибудь дому; имъ надобно только кусокъ хлѣба, а не деньги. Многія лица очень блѣдны, особенно лица матерей, а зима только что начинается. Я даю по пяти су каждому, кого встрѣчаю, это только полфунта хлѣба, но они изумлены подобной щедростью.

Вада такое огромное число нуждающихся, богатые сокращаютъ свои подаванія. Правда, всякій нищій, пришедшій въ Фужере, получалъ около фунта хлѣба, теперь даютъ только су, что составляетъ всего десятую долю фунта по теперешней цѣнѣ, и все-таки на милостыню выходитъ теперь несравненно больше. Клотильда тоже даетъ по су. Прими въ соображеніе, что на разстояніи цѣлаго лѣа нѣтъ другаго помѣщичьяго дома, кромѣ Фужере, что мужики самые богатые ничего не подаютъ, и вообрази себѣ положеніе этихъ несчастныхъ!

Недавно я встрѣтилъ женщину, которая несла на рукахъ своихъ дѣтей, одного лѣтъ четырехъ, другаго лѣтъ шести. Она возвращалась, исколесивши нѣсколько лѣа за подаваніемъ, была очень изнурена и очень блѣдна, и на каждомъ шагу клонилась подъ своею ношею. Я отдалъ ей все, что у меня было, и помогъ ей нести дѣтей.

Когда кругомъ видишь такую нищету, то невольно выходишь

изъ себя, услыхавъ разсказъ о биржѣ и равныхъ безчестныхъ спекуляціяхъ, и я бѣгу изъ дому, не желая попусту болтать о томъ, чего они не хотятъ понимать. Можно ли повѣрить, что вси всеобщемъ народномъ бѣдствіи есть люди, спокойно разсчитывающіе каждую копейку, и постоянно заботящіеся только о томъ, какъ бы сохранить въ цѣлости капиталъ. Но въ этомъ религія мѣщанства, а всякая религія требуетъ жертвъ.

Они не хотятъ ничего видѣть. Они систематически отвертываются отъ всякихъ статистическихъ свѣдѣній, отъ всякаго разсчета и соображенія, которое ясно показываетъ, что рядомъ съ ихъ благопріобрѣтеніями; умираютъ съ голоду женщины, мужчины и дѣти. Они возлагаютъ какія-то надежды на провидѣніе; которому предоставляютъ заботиться о бѣднякахъ. Сколько разъ мнѣ случалось слышать: «конечно, намъ непонятно, какъ можно жить въ такой бѣдности, но эти люди совѣтъ не то, что мы, и очень хорошо обходятся безъ того, что для насъ рѣшительно необходимо».

Однако, какъ ни велика сила привычки, предрассудковъ, одлѣпленія, безпокойный, неотвязный, роковой вопросъ часто представляется среди нашихъ разговоровъ и придаетъ имъ печальный отбѣнокъ. Господинъ Форжѣ, не давая никому ни копейки, произноситъ сантаментальныя фразы и излагаетъ свою теорію уничтоженія народной нищеты. Клотильдѣ это служить несомнѣннымъ доказательствомъ, что господа Форжѣ необходимы для блага народа. Эта достойная тѣтушка съ своей стороны слышитъ наичувствительнѣйшими восклицаніями, но маленькая копейка, которую она подаетъ, удовлетворяетъ ее вполне, и она думаетъ, что дѣлаетъ все, что можетъ; и работы ихъ въ гостиной такъ же спокойно продолжаются, и такъ же свободно продолжается ихъ болтовня, и такъ же свѣжи и красивы ихъ туалеты. Надо признаться въ это святилище, чтобы понять, на какомъ огромномъ разстояніи отъ общественныхъ бѣдствій и всякихъ серьезныхъ вопросовъ могутъ перенести модный журналъ или гинюровое вышиванье. Видя, что Бланшъ по обмѣновенію спокойна и улыбается, я часто готовъ упрекать ее за эту безпечность; но когда я подумаю о всѣхъ влияніяхъ, которыя будутъ тянуть ее умъ въ противоположную сторону, я нѣмѣю: я не сомѣливаюсь сдѣлать эту попытку, слишкомъ рѣшительную, быть можетъ... для меня.

Видльямъ Жильверу.

22-го ноября.

Я имѣлъ длинный разговоръ съ Бланшъ. Господи! къ чему мы пришли! Генеръ я знаю, зачѣмъ меня вызвали изъ Парижа.

Съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь, я слышу очень часто о предстоящемъ освященіи капеллы въ Санксене, гдѣ хранятся очень драгоцѣнныя мощи. Самъ епископъ почтитъ своимъ присутствіемъ священную церемонію, и такъ-какъ монастырь очень бѣденъ, и нѣтъ по близости ни одного мѣщанскаго дома, равнаго по удобству дому Плишоновъ, то имъ выпала честь принимать его высокопреподобіе у себя. Высокопреподобіе прибудетъ только черезъ недѣлю, но приготовленія къ приему уже начались; только этимъ и заняты, только объ этомъ и толкуютъ. За завтракомъ я шутя сказалъ господину Плишону о его теперешней уступчивости первви; онъ отвѣчалъ мнѣ недовольнымъ тономъ, что надо брать вещи, какъ онѣ есть; что духовенство установленная власть; что его вліяніе и значеніе, если они держались въ благоразумныхъ границахъ, почтенны и необходимы, потому что народъ не можетъ существовать безъ религіи; что, наконецъ, всю жизнь только и дѣлать, что критиковать существующіе порядки, ни къ чему не ведетъ.

— Епископъ, сказалъ онъ: — человекъ очень вліятельный — всѣ они люди вліятельные — и кромѣ того, его братъ въ числѣ нашихъ депутатовъ и отлично принятъ при дворѣ.

День былъ солнечный и теплый; послѣ завтрака я предложилъ пойти въ садъ, и подалъ руку Бланшъ. Къ моему великому удивленію, за нами никто не отправился слѣдомъ и насъ не удерживали; мы пошли въ садъ вдвоемъ.

— Я надѣюсь, сударь, сказала мнѣ Бланшъ: — что вы не станете вольнодумствовать при монсеньорѣ епископѣ?

— Развѣ и далъ поводъ заподозрить меня въ незнаніи приличій? отвѣтилъ я.

— О, нѣтъ! но вы такой невѣрующій! Это очень дурно.

— Нельзя сказать, чтобы я былъ невѣрующій, Бланшъ.

— Да, да!..

— Вы настоящій ребенокъ! Вы вѣдь очень хорошо знаете, что я вѣрю въ любовь, сказалъ я, цѣлуя ее; мы тогда вошли въ рощу и повернули въ боковую аллею.

Она покраснѣла, побранила меня, но ни на мануту не упустила изъ виду главнаго предмета разговора.

— Не въ томъ дѣло, сударь; я говорю о вашихъ мысляхъ на счетъ религіи, и вы напрасно...

Я уже упрекалъ тебя въ томъ, что увлекся поцалуями, и упускаю случай поговорить съ нею серьезно. Я остановился и сказалъ:

— Бланшъ, намъ необходимо серьезно поговорить.

Я старался какъ можно проще и яснѣе показать ей, какъ

образомъ католицизмъ, гдѣ только могъ, вредилъ развитію чело-
вѣчества, порождая повсемѣстно бѣдность, заботость и тупо-
уміе, но ей такъ непривычна малѣйшая умственная работа, что
мысли ея тотчасъ спутались и разбѣжались, какъ только она
стала вслушиваться въ мои слова. Все, что я говорилъ, только
привело ее въ замѣшательство; она сказала, что люди неспра-
ведливы къ священникамъ, что она знала очень добрыхъ и хо-
рошихъ, что эти добрые не должны отвѣчать за дурные по-
ступки другихъ, злыхъ, и что господинъ Катайонъ въ особен-
ности...

— Э! какое дѣло до отдѣльныхъ личностей! вскрикнулъ я съ
досадою.

— Конечно, дѣло касается личностей; и ваша личность тутъ
заинтересована больше, чѣмъ вы воображаете. Надо непременно,
я непременно хочу, чтобы вы были любезны, очень любезны на
этомъ обѣдѣ.

— Я могу на немъ не присутствовать.

— Не присутствовать, Вилльямъ! вскрикнула она, устремляя
на меня свои прелестные глаза, расширившіеся отъ изумленія.—
Еслибы вы это сдѣлали... я бы перестала вѣрить, что вы меня
любите.

— Какъ! наша любовь въ связи съ обѣдомъ епископу? А!..
шутите!

— Мы хотимъ доставить вамъ протекцію епископа, милости-
вый государь, для того, чтобы вы могли получить мѣсто!

Я въ свою очередь широко раскрылъ глаза.

— А! вскричалъ я послѣ первой минуты глубокаго удивленія:—
въ Фужере составляются такіе разговоры?

— Ну чтожъ? что тутъ дурнаго?

— Дурнаго только то, мое милое дитя, что вы совершенно
меня не понимаете! Это тяжело, очень тяжело!

Говоря это, я выпустилъ ее руку, и прислонился къ дереву.

Бланшъ немного обезпокоилась, и подошла ко мнѣ.

— Что съ вами, Вилльямъ? О! вы странный человѣкъ! Ни-
когда нельзя угадать, что вамъ понравится, и что васъ огор-
чить. Вѣдь это доказательство расположенія, если мы заботим-
ся о вашихъ дѣлахъ... о томъ, чтобы устроить нашу свадьбу...

— Я вамъ очень обязанъ, отвѣчалъ я съ горечью.

— Послушайте, Вилльямъ, сказала она съ вкрадчивою нѣж-
ностью, сжимая мои руки:—будьте же милѣ! Вы ничего не хо-
тите сдѣлать для меня?

— Дитя мое, отвѣтилъ я:—мое милое дитя, вы сами не пони-
маете, что вы дѣлаете. Вы хотите опозлить человѣка, котораго

вы любите, моя бѣдная Бланшъ! Но еслибы я былъ способенъ, въ угоду вамъ, сдѣлать низость, я скоро потерялъ бы способность васъ любить. Подумайте объ этомъ.

— Я васъ совсѣмъ не понимаю, сказала она.

— Э! я вижу это очень хорошо, и это именно меня приводить въ отчаяніе. Въ умственномъ отношеніи мы другъ другу чужіе, и, быть можетъ, никогда не сблизимся.

Эти слова ее укололи.

— Я знаю, отвѣтила она:—я не такая ученая, какъ вы, но думаю, что у меня есть кое-какой здравый смыслъ; онъ, къ счастью, предохраняетъ меня отъ странныхъ идей, съ которыми никто не согласенъ, и отъ которыхъ нѣтъ никакого добра.

— Такъ вы совершенно увѣрены, Бланшъ, что вы правы, и что я виноватъ?

— Разумѣется, милостивый государь, отвѣтила она улыбаясь:— Развѣ можетъ быть иначе?

Я взялъ ее за руку, подвелъ ее къ срубленному дереву, лежавшему въ травѣ, посадилъ ее, и самъ сѣлъ около нея.

— Милое дитя, сказалъ я ей, обнимая ее:— я замѣчаю, что мы сдѣлали ошибку; мы полюбили другъ друга, прежде чѣмъ узнали; но у меня много терпѣнія, и я страстно желаю сдѣлать наши отношенія разумнѣе. Вы поможете мнѣ въ этомъ?

Я просилъ ее объ этомъ съ такою страстію, я хватался за эту надежду съ такою силою, что, самъ того не замѣчая, я прижалъ ее къ груди такъ, что она вскрикнула отъ боли. Я бросился къ ея ногамъ, и сталъ просить прощенья. Она была тронута, полна нѣжности, и я подумалъ, что нашелъ ту, которую искалъ и желалъ. Но, когда мы снова возобновили разговоръ, и когда я просилъ ее высказать мнѣ всѣ свои мысли и чувства, она отвѣчала пустыми отговорками. Она не видѣла необходимости, чтобы у насъ были одинаковыя убѣжденія и вѣрованія.

«Можно безъ этого любить другъ друга, потому что такъ заведено на свѣтѣ, что мужчина и женщина разныя думаютъ и чувствуютъ. Однако, теперь есть много мужчинъ, которые почитаютъ за честь быть религіозными, и она была бы въ восхищеніи, еслибы я поступилъ по ихъ примѣру, потому что это было бы для меня лучше во всѣхъ отношеніяхъ».

Наконецъ она принялась снова просить меня быть любезнымъ съ его высокопреподобіемъ на обѣдѣ.

Я опять пытался ей растолковать, что если я не буду лукавить и хитрить, то никогда не понравлюсь такому человѣку, и что я не могу, не унижаясь, принять его покровительство.

Видя, что я непоколебимъ, она такъ вскричала, какъ я никогда не ожидалъ; слезы брызнули изъ ея глазъ, и она оттолкнула меня, съ восклицаніемъ, что я ее не люблю.

— Я васъ люблю, сказала я: — и очень страдаю, видя ваши слезы.

— Если вы меня любите, то докажите мнѣ это, сказала она, цалуя меня.—Сдѣлайте что нибудь для того, чтобы я скорѣе была вашею. Иначе я буду думать, что мой Вилльямъ не дорожитъ мною. Вы уже не хотите, милостивый государь, быть моимъ мужемъ?

Она старалась раздражить мою страсть обольстительными позами и движеніями, вкрадчивыми, милыми ласками; въ первый разъ она обняла меня, осыпала меня поцалуями съ такою смѣлостью, или съ такою невинностью, которыя мнѣ одинаково трудно было бы себѣ объяснить. У меня закружилась голова, и благоразуміе чуть-чуть не оставило меня, и однако никогда я не чувствовалъ живѣе, какъ необходима душевная близость для полнаго наслажденія. Я вдругъ сдѣлался холоденъ, какъ камень, всталъ и сказалъ ей:

— Бланшъ, вернемтесь домой.

Я не знаю, какой у меня былъ видъ, когда я ей это говорилъ, но она обнаружила сильное изумленіе и негодованіе, и отказалась идти. Я ее оставилъ въ саду, и ушелъ.

23-го ноября.

Клотильда уладила нашу первую ссору. Бланшъ была вся въ слезахъ. Бѣдное дитя! Я тоже не удовлетворяю ея желаніямъ. Она хотѣла быть графиней, а я равнодушенъ къ графской коронѣ; она хочетъ блистать въ большомъ свѣтѣ, а я его ненавижу; ей нужна роскошь, а у меня нѣтъ состоянія, и я даже не хочу прилагать никакихъ стараній для того, чтобы разбогатѣть.

Она не подходитъ къ моему идеалу женщины, но она добра, и видя ее въ слезахъ, огорченную и кроткую, я почувствовалъ, что взаимныя клятвы и поцалуи, священныя воспоминанія любви, хотя бы и неосмысленной, сами по себѣ составляютъ достаточно вѣрныя узлы.

И потомъ, кто же счастливъ? И какой же бракъ можно въ самомъ дѣлѣ назвать союзомъ? Со всякою другою изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ для насъ воспитываютъ, я испыталъ бы тѣ же разочарованія. Надо однако жениться, или отречься отъ

жизни. Какъ мнѣ жить одному? Все-таки лучше быть бойцемъ, чѣмъ зрителемъ.

— А мечты мои... мечты больше не существуютъ.

Вилльямъ Жильберу.

25-го ноября.

«Мой милый, когда мы будемъ перами Франціи, у насъ будутъ аллен уснаны пескомъ и грязь выведется совсѣмъ въ Фужерел!»

— Такъ отвѣчалъ г. Плишонъ, возвращаясь съ экспедиціи противъ куръ, Марку Форждъ, который началъ подтрунивать надъ плачевнымъ состояніемъ его костюма.

Затѣмъ г. Плишонъ подошелъ къ зеркалу, потянулъ воротничекъ рубашки, принялъ величественный видъ, и гордо откинулъ назадъ голову.

— Ге? Ничего! Не дурно?

— Чтò все это значить? спросилъ я.—Давно эту шутку повторяютъ всѣ на разные лады, а я не понимаю ея значенія.

— Когда у меня будетъ голубая коляска... сказала Вланшъ, смѣясь.

— А у меня ложа въ оперѣ, прибавила г-жа Плишонъ.

— А у меня только нѣкоторое улучшеніе въ туалетѣ. Вы плохо обо мнѣ позаботились, кузенъ Маркъ! сказала Клотильда!

— Вы знаете, что это меня самого приводитъ въ отчаяніе, но это не моя вина.

— Безъ сомнѣнія. Какъ досадно, что намъ не удалось прибрѣсти побольше этихъ акцій! Вилльямъ могъ бы тогда выстроить отель въ Парижѣ...

— А! сказалъ я:— васъ обогащаютъ кои г. Форждъ?

— Я полагаю, что обогащаютъ, мой милый! Акціи все поднимаются и поднимутся еще на 50 процентовъ. Кто знаетъ, можетъ быть, еще выше!

— Первый дивидендъ скоро будетъ раздаваться... сказалъ г. Форждъ.

— Посмотримъ! посмотримъ! перебилъ г. Плишонъ, потирая руки.

Потомъ онъ потрепалъ по плечу Форждъ, приговаривая:

— А! вотъ, чтò значить имѣть лобкаго и знающаго родственника!

— Ахъ! проговорила г-жа Плишонъ:—Богъ вѣсть еще чтò будетъ. На этомъ раззорилось много людей.

— Оставь меня въ покоѣ! вскричалъ г. Плишонъ съ нетер-

пвнїемъ.—Еслибы я тебя слушалъ, такъ мы весь вѣкъ остались бы ни съ чѣмъ, а теперь я увѣренъ, что удвою свой капиталъ!

— Помѣстите все состояніе въ одно предпрїятіе мнѣ кажется неосторожно...

— Смѣлость для успѣха необходима, сударыня, сказалъ Форждъ.— Акціи постоянно возвышаются. Признаюсь вамъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ г. Плишону:—если такъ еще будетъ длиться, то я думаю не лучше ли перепродать эти акціи?

— Это зачѣмъ?

— Чистыя деньгі вѣрнѣе.

Г-жа Плишонъ, оставшись со мной наединѣ, призналась, что она очень неспокойна: г. Плишонъ все свое состояніе перевелъ на акціи этихъ копей. И она имѣетъ основаніе бояться, по моему разъ какъ Форждъ замѣшался въ это дѣло.

Вилльямъ Жильверу.

26-го ноября.

Нѣсколько часовъ тому назадъ, не найдя Бланшъ въ гостиной, я спросилъ, гдѣ она.

— Она, кажется, въ библіотекѣ, сказала мнѣ г-жа Плишонъ. Съ полчаса тому назадъ я видѣла, какъ она туда шла съ вашимъ философомъ въ рукахъ; все это она дѣлаетъ изъ любви къ вамъ, Вилльямъ!

Я пошелъ въ библіотеку; я хотѣлъ ее благодарить, спросить у ней, чтѣ ее заняло, чтѣ поразило въ этой книгѣ, говорить съ ней; сердце у меня билось отъ радости и признательности.

Дверь была отворена; я тихопко вхожу, хочу подрастѣться и прижаться губами къ наклоненной головкѣ дорогой чтницы... она лежала въ креслѣ, въ самой прелестной позѣ; голова ея была откинута на спинку, глаза сомкнуты; выскользнувшая изъ руки книга лежала на полу. Я наклоняюсь надъ нею: сомнѣнія нѣтъ, она спитъ; дыханье ея правильно, сонъ глубокъ.

И вотъ все дѣйствіе, которое произвелъ на нее мой бѣдный философъ!

Я поднялъ книгу и, какъ ни была очаровательна Бланшъ въ своемъ снѣ, я вышелъ не бросивши на нее взгляда.

Вилльямъ Жильверу.

29-го ноября.

Когда сердце усиленно бьется, когда умъ колеблется, малѣйшая случайность производитъ рѣшительное вліаніе. Я совер-

шенно счастливъ. Сегодня по утру Жанъ опаздываетъ къ завтраку и является потомъ до крайности взволнованный. Онъ поднялъ старую Шолеттъ, которая упала съ дерева, стараясь сорвать яблоко, оставшееся послѣ сбора. Бѣдная женщина была безъ чувствъ, ее положили въ постель, но она не приходила въ себя, и только нервическія движенія показывали въ ней признаки жизни. Всѣ начали соболѣзновать объ этомъ печальномъ событіи, и я видѣлъ, что Бланшъ разсказъ Жана поразилъ до глубины души; она оттолкнула отъ себя тарелку, и не хотѣла больше ѣсть. Тѣтенка Клотильда по той же причинѣ отказалась отъ крылышка куропатки. Я взглянулъ на Эдитъ: глаза ея были опущены, лицо безстрастно, какъ всегда, и она продолжала завтракать съ нѣкоторою поспѣшностью.

— Какого чорта она полѣзла на яблонь? вскрикнулъ г. Плишонъ.

— Она была голодна, сударь, отвѣчалъ Жанъ неровнымъ голосомъ.

Никто изъ насъ не промолвилъ слова въ отвѣтъ. Г-жа Плишонъ приказала Жану отнести Шолеттъ хлѣбъ въ два фунта и остатки курицы, недоѣденной за завтракомъ.

Г. Форждъ, упростивъ Бланшъ и Клотильду покушать молочной яичницы, свазалъ чувствительную рѣчь. (Надо замѣтить, что бѣда Шолетты ни мало не испортила ему аппетита).

— О! женщина съ сердцемъ! Чтò можетъ быть плѣнительнѣе этого существа, чувствительнаго, сострадательнаго къ бѣдствиямъ ближняго, преданнаго чувству долга, покорнаго, любящаго! существа, которое чуждо тщеславія и не старается соперничать съ мужчинами въ умственномъ отношеніи, боясь потерять въ этой борьбѣ свои лучшія качества, грацію и нѣжность! О! сердце! сердце! чтò можетъ съ нимъ сравняться!

Сердце, женщина съ сердцемъ—это любимый конекъ г. Форждъ, и я часто втихомолку смѣюсь, когда замѣчаю, какой голубинный видъ принимаетъ на себя Клотильда, желая заслужить титулъ женщины съ сердцемъ. Послѣднія слова г. Форждъ, очевидно, были направлены противъ Эдитъ; меня возмущало безстрастіе, вызванное ею при разсказѣ о Шолеттъ, и выходка Форждъ меня не разсердила.

Послѣ завтрака, я поѣхалъ въ Вивонпъ за покупками для г-жи Плишонъ, и возвратился только вечеромъ. Не доѣзжая польдѣ до Фужере, я встрѣтилъ арендатора г. Плишона, отдалъ ему лошадей и пошелъ пѣшкомъ.

Я видѣлъ яркій свѣтъ, блиставшій въ окнахъ гостиной въ Фужере; недалеко въ сторонѣ мелькалъ другой огонекъ, слабый

и дрожащій, обозначая у опушки лѣса мѣсто убогой избушки; я вспомнилъ бѣдную Шолеттъ. Мнѣ захотѣлось ее провѣдать, и я отправился къ ней по ближайшей дорогѣ черезъ лѣсъ.

Идя по лѣсу, я вдругъ услышалъ шаги. Я прислушался: точно кто-то шелъ рядомъ со мною, но я не могъ видѣть этого человѣка, потому что онъ держался за деревьями. Я вынулъ длинный ножъ, который обыкновенно ношу съ собою, тихонько открылъ его, и продолжалъ путь, ожидая что будетъ.

Когда я входилъ въ чашу, на меня вдругъ кинулся человѣкъ и закричалъ глухимъ голосомъ: «кошелекъ или жизнь, сударь!» но онъ дрожалъ, какъ виноватый, и мнѣ небольшого труда стоило схватить и повалить его. У него было ружье, но онъ и не подумалъ употребить его въ дѣло.

— Вы въ первый разъ вышли на разбой, сказалъ я ему: — вѣрно голодъ васъ выгналъ. Зачѣмъ вы напали на меня, а не попросили просто милостыни?

— Мнѣ надобно не два су, проворчалъ онъ глухимъ голосомъ.—Что мнѣ два су?

— У меня есть десять франковъ къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ я ему.

Я выпустилъ его изъ рукъ, и вынулъ изъ кармана десять франковъ. Онъ медленно приподнялся и сталъ на ноги; по его голосу слышно было, что онъ въ страшномъ волненіи.

— А! милостивый государь! сказалъ онъ.—Вы настоящій человѣкъ, и мнѣ очень жаль, что я такъ напалъ на васъ. Я не разбойникъ, вы хорошо это угадали, но бѣдность доводитъ до скверныхъ вещей. Вотъ уже четыре дня, какъ мы съ дочерью голодаемъ, а идти придверничать и просить подаянія... это... это намъ невозможно!

Я отдалъ ему десять франковъ, и сказалъ, чтобы, въ случаѣ крайности, онъ пришелъ въ хоромы, и спросилъ тамъ г. де-Монсальвана.

— А! такъ вы не г. Форжб?

— Нѣтъ; а вы хотѣли напасть на г. Форжб?

— Да, сударь, на него. Я слышалъ отъ дочери—она иногда ходитъ въ хоромы на поденную работу,—что у этого господина какія-то бумаги, какія-то сокровища, что онъ можетъ обогатить г. Плишона и всякаго, кого захочетъ, и это, видите, закружило мнѣ голову, и я хотѣлъ попытаться, не добуду ли я акцію какуя-нибудь для дочери, потому что въ бѣдности, какъ ни будь хорошъ и честенъ, ни къ чему это не служить...

Я серьезно ему совѣтовалъ сохранить для дочери честное имя, и потомъ простился съ нимъ и отправился къ Шолеттъ.

Ей было лучше; докторъ отвѣчалъ за ея жизнь. Мужъ поилъ ее бульономъ, который прислала г-жа Плингонъ. Онъ раскисался въ благодарностяхъ, особенно за то, что барышня приходила сама, и дала имъ денегъ, и велѣла послать за докторомъ.

Сердце мое радостно забилося, при вѣсти, что она приходила; мнѣ хотѣлось прижать къ груди и осыпать поцалуами добрую, милую дѣвушку. Ну, да! она не будетъ читать, если ей это скучно, но она будетъ любить меня, и она будетъ любить бѣдныхъ и несчастныхъ, не умѣя такъ хорошо говорить о нихъ, какъ Эдитъ, но умѣя лучше ея доставить имъ утѣшеніе и облегчить ихъ участь. А я смѣлъ ихъ сравнивать, втайнѣ мучась тѣмъ, что Бланшъ далеко до старшей сестры.

А! если полное пониманіе другъ друга невозможно, я тоже предпочитаю доброе сердце умной головѣ, и люблю теперь свою Бланшъ больше, чѣмъ когда-либо любилъ ее.

30-го ноября.

Я совершенно ошеломленъ неожиданнымъ ударомъ. Мы разговаривали съ Бланшъ въ столовой; рѣчь у насъ шла о религіи. Теперь, какъ только представляется случай поговорить съ ней серьезно, я его не упускаю. Я вижу очень хорошо, что это ее сердитъ, ей бы вѣчно голубиное воркованье, да поцалуи.

Она, наконецъ, сказала съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ:

— Положимъ даже, вы меня убѣдите, что слѣдуетъ отречься отъ католицизма,—что-жъ изъ этого? Никогда я все-таки этого не сдѣлаю, потому что въ женщинѣ это считается непопозвольтельнымъ, и я вовсе не желаю обратить на себя общее вниманіе такимъ...

— Мнѣ кажется, сказала я нѣсколько сухо:—что въ серьезныхъ вещахъ...

— Я не знаю, зачѣмъ вы меня мучите, прервала она съ досадою:—по настоящему, я бы должна была сердиться на васъ за это непонятное упрямство касательно его высокопреподобія. Кажется, вы меня больше не любите; я вамъ уже перестала нравиться; я тоже, Вильямъ, считала васъ добрѣе и лучше!

Она съ раздраженіемъ принялась мять бумажныя розы, которыя приготовляла на украшеніе церковныхъ подсвѣчниковъ въ день великой церемоніи.

Я не отвѣчалъ, и молча думалъ, какъ горько это неизмѣримое нравственное разъединеніе между нами; вдругъ мнѣ вспомнился ея приходъ въ Шолеттѣ; я почувствовалъ, что сердце мое начинаетъ таять, что я все прощаю и на все еще надѣюсь. Я взялъ ее за руку и сказалъ:

— Бланшъ, ходили вы сегодня къ Шолеттѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала она съ изумленіемъ.— О, мы будемъ имѣть о ней извѣстія отъ Жана.

— Вы были вчера очень добры къ ней!

— Ахъ, я не могу слышать, когда рассказываютъ объ ушибахъ, о ранахъ... меня это терзаетъ!

— Но вамъ это не мѣшаетъ посѣщать больныхъ?

Она снова устремила на меня съ изумленіемъ свои прелестные глаза.

— Чтò вы хотите сказать?

— Вы не хотите признаться, что вы вчера ходили къ этой бѣдной женщинѣ и дали ей денегъ, чтобы послать за докторомъ?

— Я, Вильямъ? Нѣтъ, увѣряю васъ. Я вчера не выходила цѣлый день изъ дому; я была очень занята; у меня, сударь, ужасно еще много дѣла! Впервыхъ, эти цвѣты надо кончить, а потомъ надо позаботиться о туалетѣ: у меня еще ничего не готово. Знаете ли, какъ это несносно, когда нѣтъ горничной? Въ городѣ, я думаю, невозможно безъ горничной обойтись.

Я прошелся раза два-три по комнатѣ и вышелъ. Не она была у Шолетты, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Не могу тебѣ выразить, какъ мнѣ это было больно.

30-го ноября, вечеръ.

Я стороною распросилъ и узналъ, что Клотильда тоже не ходила къ Шолеттѣ. Значить, ходила Эдить.

Сегодня ввечеру отправились ловить раковъ. Бланшъ была очень весела. Приѣмъ его высокопреподобія, торжественный обѣдъ, все это ее восхищаетъ.

Я счелъ нужнымъ сказать г. Форждъ, что наканунѣ на меня напали въ лѣсу, принявъ меня за него. Я не ожидалъ, что произведу на любезнаго кузена такое сильное впечатлѣніе этимъ извѣстіемъ: онъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ.

Г. Плишонъ боится ревматизма, и потому, какъ только ночь наступила, онъ уѣхалъ съ дамами домой, а мы еще остались съ г. Форждъ ловить раковъ по порученію хозяйки. Онъ оглядывался во всѣ стороны, за каждымъ кустомъ видѣлъ разбойника и не рѣшался сдѣлать шагу; я одинъ вытягивалъ сѣть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было потемнѣе. Онъ, наконецъ, счелъ за лучшее признаться, что труситъ и старался оправдать это чувство разными доводами.

Мы возвращались домой по дорогѣ, густо обсаженной кустарникомъ; онъ жался ко мнѣ, самъ подшучивая надъ своимъ страхомъ и этимъ подшучиваньемъ какъ бы стараась побѣдить то

отвращеніе, которое, какъ онъ чувствовалъ, мнѣ внушаетъ. Вдругъ мы услыхали, что кто-то за нами бѣжитъ. Онъ весь задрожалъ и зашатался.

— Г. де-Монсальванъ, умоляю васъ, защитите меня!

— Чего жъ вы не хотите сами защищаться?

— Я на васъ, больше надѣюсь, чѣмъ на себя, отвѣчалъ онъ, прячась за меня.

Въ ту минуту, какъ я его сухо просилъ выпустить меня, опасность явилась передъ нами въ видѣ высокой, стройной женщины въ темномъ платьѣ; это была Эдитъ. Она немножко запыкалась и взяла меня подъ руку.

— Откуда вы? спросилъ я.

— Изъ Малиньона; я часто гуляю по вечерамъ; я люблю это. Я знала, что вы побѣжали ловить раковъ, и пошла туда, думая васъ встрѣтить, но уже не застала васъ, и побѣжала догонять.

— Вы не боитесь ходить одна?

— Мадемуазель Эдитъ поступаетъ очень неблагоразумно, вскрикнулъ г. Форжô.—Осторожность...

Я предоставилъ ему разсуждать сколько угодно; я чувствовалъ усиленное бѣненіе сердца Эдитъ, я слышалъ ея ускоренное дыханіе. Мнѣ одно за другимъ вспоминались доказательства ея ума, справедливости, доброты, и я не могу тебѣ передать страннаго и глубокаго впечатлѣнія, которое производило на меня открытіе, что она, мраморная, холодная Эдитъ, живетъ живою жизнью.

Она тоже не возражала на разсужденія г. Форжô, и мы начали говорить о звѣздахъ. Я показалъ ей нѣсколько созвѣздіей, и съ этого у насъ перешла рѣчь на исторію. Эдитъ широкимъ взглядомъ смотритъ на вещи, и предположенія, которыя она дѣлаетъ, иногда правдоподобны и блистательны, какъ научныя системы. Какое невыразимое наслажденіе обмѣниваться мыслями съ такимъ умнымъ существомъ! думалъ я, и когда она мнѣ сказала: «какъ вы счастливы, что знаете астрономію!» я поспѣшилъ предложить ей брать уроки астрономіи. Она согласилась, всякій вечеръ мы будемъ учиться подъ открытымъ звѣзднымъ небомъ.

— Какі съ васъ недовольно еще греческаго и латинскаго языковъ? вскричалъ Форжô:—вамъ еще нужна астрономія?

— Вы знаете эти языки? спросилъ я.

— Да; я училась, чему могла, отвѣтила она просто.

На порогѣ дома, Форжô ободрился, и отвелъ меня въ сторону, сказалъ торжественнымъ тономъ:

— Г. Вилльямъ, поклонитесь, что вы не подшутили надо мною!

— Я не зналъ, что вы трусъ, отвѣтилъ я ему: — и къ тому же я вовсе не охотникъ местифировать.

— Въ такомъ случаѣ я думаю, что бесполезно объ этомъ разсказывать, не правда ли? Это можетъ напугать дамъ.

— Дамы очень храбры, отвѣтилъ я, входя въ домъ.—Поглядите на мадемуазель Эдитъ.

Вообразивъ, что я намѣренъ все разсказать и представить его въ карикатурномъ видѣ, онъ посиѣшилъ забѣжать впередъ и самъ разсказалъ о своемъ испугѣ очень остроумно и весело. Этимъ онъ принудилъ меня разсказывать о томъ, что случилось со мною; чтобы отвратить всякое подозрѣнiе, я сказалъ, что напавшій на меня человекъ, судя по одеждѣ, былъ нездѣшнiй. Дамы разразились восклицанiями и мнѣ запрещено было выходить изъ дому. Эдитъ бросила на меня безповойнный взглядъ.

— Теперь времена тяжелыя, очень тяжелыя, сказалъ озабоченный Плишонъ.

И онъ сталъ говорить, какія вездѣ волненiя по поводу дороговизны хлѣба. Странно, что г. Плишонъ и г. Форжѣ приписываютъ эти волненiя не ужасной нищетѣ народа, а какимъ-то злоумышленнымъ агитаторамъ, какимъ-то фантастическимъ существамъ, которыя, любя безпорядокъ, какъ сатана любить зло, возбуждаютъ и разжигаютъ въ народѣ дурныя страсти. Или голодъ дурная страсть? Я полагаю, г. Форжѣ долженъ бы его причислить, даже прежде трусости, къ числу нашихъ инстинктовъ самыхъ законныхъ и самыхъ необходимыхъ!

Но они сами не твердо вѣрятъ въ то, что они говорятъ. Они смутно чувствуютъ, что они тутъ отвѣтственныя лица, и что нареду невѣжественному и бѣдному некуда обратиться, кромѣ ихъ, хранителей богатства и образованiя. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что этотъ голодъ могъ быть предупрежденъ, или по крайней мѣрѣ облегченъ, но мѣщане думали только о томъ, какъ бы обогатиться насчетъ бѣдныхъ работниковъ, и статистика могла бы въ въ нынѣшнемъ году расчесть, по скольку убiйствъ приходится среднимъ числомъ на каждого спекулятора!

Г. Плишонъ нѣсколько мѣсяцовъ тому назадъ взялъ зерновой хлѣбъ въ уплату долга, и до сихъ поръ еще не продалъ его. Жена настоятельно совѣтуетъ ему продать этотъ хлѣбъ, или еще лучше, раздать его въ долгъ тѣмъ, кто нуждается; но онъ вскрикиваетъ, что онъ не сумасшедшiй, что онъ не можетъ кормить свое семейство и кормить цѣлый край, что никогда ему не возвратятъ долга и т. п. Какого дьявола отъ него требуютъ? Онъ бился какъ рыба объ ледъ для того, чтобы упатерять свои доходы, и вдругъ презрѣнные негоди ломятся къ нему въ двери, подъ

тѣмъ предлогомъ, что имъ тоже надо жить! Очень жаль, но онъ тутъ ни въ чемъ не можетъ помочь!

Я никогда не буду любить этого человѣка. Я его, однако, извиняю, на сколько могу. Всѣ мѣщане таковы; они чтутъ капиталы, какъ евреи кивотъ завѣта; въ этой вѣрѣ они родились, въ ней и умрутъ. А я-то самъ жертвую по пяти су? Пришли мнѣ тысячу франковъ. Господи! какъ бы я хотѣлъ что-нибудь сдѣлать, что-нибудь полезное, прочное! Но что? Я смотрю изъ окна на эту пустошь, въ ней тысячу невоздѣланныхъ гектаровъ, а народъ умираетъ съ голоду! Но отъ меня требуютъ не полезности, а доходовъ, и Бланшъ не хочетъ жить въ деревнѣ. Я вижу, для меня все кончено; жизнь моя никогда не будетъ серьезною, и вся пройдетъ только въ сожалѣніяхъ да въ пустакахъ.

Вилльямъ Жильберу.

1-ю декабря.

Великій день наступилъ. Солнце только что всходитъ, а я уже слышу громовый голосъ г. Плисона, отдающаго внизу разные приказанія. Его высокопреподобіе уже наполняетъ собою этотъ домъ: онъ занимаетъ мысли всѣхъ, онъ руководитъ дѣйствіями всѣхъ, и глубоко взволнованные голоса каждую минуту его называютъ, или лучше сказать напоминаютъ его великое значеніе. Только Эдитъ и я остаемся спокойными въ общемъ смятеніи.

2-ю декабря.

И вчерашній день прошелъ, какъ проходитъ всякое земное упоеніе, и уже сегодня утромъ, послѣ довольно холоднаго разговора за прощальнымъ завтракомъ, епископъ уѣхалъ. Какъ бы то ни было, это посѣщеніе Плисонамъ будетъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и памятныхъ въ объѣздахъ его высокопреподобія. Вотъ въ чемъ дѣло: вчера позавтракали на скорую руку и раньше обыкновеннаго. Епископа ждали къ десяти часамъ въ монастырь, гдѣ для него былъ устроенъ завтракъ; церемонія освященія начиналась затѣмъ ровно въ двѣнадцать, а въ третьемъ часу ожидали прибытія его высокопреподобія въ Фужере, и въ пять назначенъ былъ знаменитый обѣдъ, приготовлявшійся цѣлую недѣлю. Г. Плисонъ, съ часами въ рукахъ, не давалъ покою женѣ, и мучилъ весь домъ; его тревога, томленіе и беспокойство были такъ велики, что онъ уже не старался ихъ и скрывать. Особенно его терзала и волновала рыба, выпищенная изъ Ла-Рошели, за которою Жанъ поѣхалъ на почтѣ у

и не возвращался. Онъ ежеминутно подбѣгалъ къ окну, потомъ отходилъ прочь, пожимая плечами и повторяя :

— Безъ рыбы обѣдъ невозможенъ! Безъ рыбы обѣдъ невозможенъ! Все пропало! все пропало!... Если эти негодяи забыли... я писалъ, однако, что тутъ дѣло не шуточное! Пфа! очень нужно этимъ плутамъ!... А! разбойники проклятые! низкіе мошенники!

Онъ встрѣтилъ мой взглядъ, и нѣсколько пришелъ въ себя.

— Чортъ возьми! этотъ епископъ таки-испортитъ мнѣ крови, Вилльямъ, и я очень охотно послалъ бы ее ко всѣмъ чертамъ! Конечно, я не для него собственно поднимаю всю эту сцену, а для общества...

Эдитъ пришла къ завтраку въ своей ежедневной одеждѣ, и г. Плишонъ сталъ бранить ее за то, что она опоздала къ завтраку.

— Еще нѣтъ одиннадцати часовъ, сказала она, глядя на свои часы. — Сегодня раньше подали завтракъ.

— Очень хорошо! Но сегодня надо вамъ выдти изъ вашей апати, и одѣться прилично!

— Я думаю, я всегда одѣваюсь прилично, а наряжаться я не буду, потому что не выйду къ обѣду.

— А я вамъ приказываю выдти къ обѣду! закричалъ г. Плишонъ; глаза его засверкали гнѣвомъ. — Что вы, непременно хотите, чтобы на вашъ счетъ распространялись самыя оскорбительныя слухи?

— Вы знаете, какъ я глубоко презираю мнѣніе людей, отвѣтила Эдитъ.

Г-жа Плишонъ съ живостью обратилась къ Эдитъ, прося ее уйдти — ея добрые глаза еще выразительнѣе словъ просили — не противорѣчать отцу и выдти къ обѣду. Я тоже попросилъ ее объ этомъ. Эдитъ согласилась. Г. Плишонъ успокоился, но бѣднѣйка не знала, какую бѣду онъ самъ себѣ устроилъ!

Наконецъ, они уѣхали на освященіе, и возвратились въ четыре часа вмѣстѣ съ епископомъ. Все окрестное мѣщанство собралось въ Фужере, и меня всѣмъ представляли, напирая на мое графское достоинство.

Мы смѣялись съ Эдитъ надъ замѣшательствомъ бѣднаго Жана, который не могъ затвердить названія винъ, и не умѣлъ справляться съ бѣлыми перчатками, когда, сопровождаемый всѣмъ обществомъ, вошелъ епископъ. Его глаза устремились на насъ.

— Это моя старшая дочь, ваше высокопреподобіе, сказала г-жа Плишонъ.

Эдитъ слегка поклонилась.

— Вамъ грозитъ разлука, сказалъ онъ ей, показывая на меня глазами.

За столомъ Эдитъ сѣдѣла напротивъ епископа, и его глаза часто обращались на это блѣдное лицо, такъ рѣзко отличавшееся отъ всѣхъ другихъ лицъ выраженіемъ чистоты и строгости. Всѣ занялись устрицами, и наступило почти всеобщее молчаніе, когда епископъ вдругъ обратился къ Эдитъ:

— Вы не были на освѣщеніи, мадемуазель; мнѣ сказали, что вы не совсѣмъ здоровы?

— Я не была на освѣщеніи, милостивый государь, это правда, но я совершенно здорова, отвѣчала Эдитъ.

«Милостивый государь» вмѣсто «ваше высокопреподобіе», поразилъ его, и заставилъ покраснѣть. Всѣ присутствующіе, наостравшіе уши при каждомъ словѣ его «высокопреподобіа», переглянулись съ ужасомъ и негодованіемъ. Г-жа Плишонъ поблѣдѣла, и дрожащимъ голосомъ поспѣшила предложить его «высокопреподобію» какое-то блюдо; г. Плишонъ побагровѣлъ отъ гнѣва, обратилъ на Эдитъ свергающіе глаза, и готовъ былъ сдѣлать какой-нибудь глупый скандалъ; я искалъ, какъ и чѣмъ отвлечь общее вниманіе въ другую сторону; я подложилъ ножъ подъ стоявшую около меня бутылку вина, и уронилъ ее на стаканъ г. Камайона; стаканъ разбился въ дребезги, вино полилось въ тарелку, а съ тарелки на колѣни достойнаго прелата. Я вскрикнулъ, я вскочилъ съ мѣста, г. Камайонъ отпрыгнулъ на десять шаговъ отъ стола. Со всѣхъ сторонъ послышались восклицанія и соболѣзнованія; прибѣжала прислуга, г-жа Плишонъ приказала подостлать салфетку подъ приборъ г. Камайона, а я его оглушалъ своими извиненіями и сѣтованіями на свою неловкость.

Все это взяло не мало времени, и когда порядокъ былъ снова восстановленъ, то уже поздно было дѣлать замѣчаніе Эдитъ.

Разговоръ принялъ другое направленіе. Г. Форждъ искусною рукою провелъ границы между свѣтскою и духовною властями, между церковью и государствомъ, воскуривая первой облака хвалебнаго фиміама. Г. Форждъ умѣетъ быть трогательнымъ; онъ не забылъ при этомъ случаѣ указать на высокохристіанскую покорность, которую религія внушаетъ несчастнымъ страдальцамъ при бѣдствіяхъ теперешняго кризиса. Онъ даже увлекся до такой степени любовью къ фразѣ и къ поражающимъ эффектамъ, что призналъ нѣкоторымъ образомъ всю глубину существующаго зла, рисуя картину голодныхъ людей, умирающихъ безропотно съ глазами, устремленными къ небу.

Этимъ послѣднимъ фактомъ г. Форждъ, кажется, нѣсколько

оскорбилъ чувствительность его высокопреподобія; онъ сказалъ сдержаннымъ и сухимъ тономъ:

— Да, Господь посылаетъ намъ жестокое испытаніе. Да будетъ благословенно имя его!

— Еще нѣсколько трюфелей, ваше высокопреподобіе, умоляю васъ! сказалъ г. Плишонъ.

Минута показалась мнѣ благопріятною, и, обращаясь къ г. Камайону, котораго я осыпалъ до сихъ поръ любезностями (за исключеніемъ пролитаго на него вина), я сказалъ:

— Г. Форжбъ совершенно правъ; никогда польза католицизма не была такъ осязательно доказана, и я теперь только понимаю всю глубину этого изрѣченія Христа: царство мое не отъ міра сего. Въ самомъ дѣлѣ, бѣдные люди были бы очень безумны и очень неблагодарны, еслибы вздумали жаловаться на преходящія мученія голода, когда имъ сулятъ вѣчное райское блаженство; можно пародировать извѣстныя слова Вольтера: еслибы рай уже не былъ устроенъ, то его необходимо было бы выдумать.

Г. Камайонъ съ живостью обернулся ко мнѣ и бросилъ на меня инвивизиторскій взглядъ. Вѣроятно, мое лицо пояснило ему достаточно, что я за птица, потому что онъ счелъ всякія дальнѣйшіе вопросы излишними, и въ отвѣтъ на мои слова, съ любезнымъ видомъ предложилъ мнѣ оливки. Затѣмъ, мы до конца обѣда говорили о Гомерѣ и о Платонѣ. Покровительство его высокопреподобія мнѣ больше не угрожаетъ.

Я нѣсколько разъ старался поймать взглядъ Бланшъ, но она отвертывалась, смотрѣла въ противоположную сторону, и казалась очень разлуженною. Я видѣлъ, что она долго не проститъ мнѣ моей неволности, обнаруженной въ глазахъ такого избраннаго общества.

Послѣ обѣда я подошелъ къ ней, чтобы объясниться, но она обошла со мной съ такою сухостью, почти съ презрѣніемъ, что я оставилъ ее и пошелъ искать Эдитъ.

Эдитъ была уже въ своей комнатѣ. Я послалъ Жана сказать ей, что я ее ожидаю на урокъ.

Она скоро пришла.

— Такъ вы хотите дать мнѣ урокъ сегодня? спросила она съ ласковымъ и смѣющимся видомъ.

— Что жъ можетъ этому помѣшать, милая сестра?

— Я очень рада, отвѣтила она, взявъ меня подъ руку. — Ахъ, Вильямъ! мы съ вами настоящіе отщепенцы!

Мы, смѣясь какъ школьники, отправились на лугъ. Я не умѣю тебѣ передать того впечатлѣнія, которое производитъ на меня веселость Эдитъ; эта веселость такая рѣдкая, такая заду-

шевная, тагъ исключительно принадлежитъ тому, кому она пред- назначена, что я не могу ее видѣть безъ глубокой благодарно- сти и особаго сладкаго, сердечнаго замиранья.

Уже совсѣмъ стемнѣло, но небо было усѣяно звѣздами.

— Милая сестра, сказалъ я ей: — дѣйствительность темна, какъ эта уснувшая земля, а мечты и стремленія лучезарны, какъ это звѣздное небо!

Говоря такимъ образомъ, я обнялъ ее одною рукою, и мы глядѣли на небо, прислонившись другъ къ другу. Мнѣ это при- ходитъ теперь на память, но тогда я не замѣтилъ этого, и Эдитъ, я увѣренъ, тоже не обратила вниманія. Въ ней столько серьезнаго и возвышеннаго, что въ ея присутствіи не приходятъ тѣ мысли, которыя возбуждаются другими женщинами. Въ Эдитѣ вы чувствуете прежде всего существо искреннее и разумное; при- ближаясь къ ней, вы вступаете въ новый высшій міръ, въ кото- ромъ нѣтъ мѣста унижительнымъ и опошляющимъ мелочамъ; съ нею думается тагъ же свободно, какъ съ самимъ собою, но только прелести тутъ несравненно больше. Она стала со мной ласкова, но все еще у нея остается немного дикости, и она ничего не говорить мнѣ о самой себѣ. Впрочемъ, она сказала мнѣ по поводу пролитаго за обѣдомъ вина:

— Такъ вы неловки, Вилльямъ?

— Увы! неловокъ! отвѣтилъ я, улыбаясь.

Ея большіе глаза обратились на меня ласково, и она сказала мою ругу.

Вилльямъ Жильверу.

4-го декабря.

Фульзиссія копи выпустили въ свѣтъ великолѣпную программу, которая обѣщаетъ всякому акціонеру триста процентовъ. Все семейство Плишоновъ въ упоеніи.

Бланшъ совершенно перемѣнилась. Она, какъ отецъ, кажется, сердится на меня, зачѣмъ я не богатъ; она сдѣлалась очень ка- призна и почти надменна. Она не простила мнѣ разлитаго вина за званымъ обѣдомъ, и когда я ей сказалъ, что этимъ я хотѣлъ избавить ея сестру отъ неприятной и тяжелой сцены, ея голубые глаза, обыкновенно такіе кроткіе, заблестѣли гнѣвомъ и злостью.

— А! это вы сдѣлали для Эдитъ! вскрикнула она. — Я васъ за это благодарить не стану! Вы черезчуръ добры къ ней и черезчуръ жестоки ко мнѣ! Я не знала, что вы тагъ преданы моей сестрѣ!

— Я очень уважаю Эдитъ за то, что въ ней нѣтъ тщеславія,

Бланшъ. Я теперь ясно вижу, что тщеславіе почти всегда неразлучно съ сухимъ сердцемъ.

Съ этими словами я ее оставилъ.

Вилльямъ Жильверу.

5-го декабря.

Вотъ уже нѣсколько дней меня неотступно преслѣдуетъ одна мысль...

Я не могу безъ волненія видѣть Бланшъ; я не могу безъ волненія дотронуться до ея руки, не могу равнодушно слышать ея голоса; ея глаза, ея волосы, все ея существо мнѣ дорого и близко. Все это такъ, но когда всѣ эти волненія крови успокоятся, что послѣ?

Что послѣ?

Этотъ вопросъ неотступно меня преслѣдуетъ.

Что послѣ? Послѣ—ничего! Ничего, кромѣ непрестанной борьбы между двумя, другъ другу враждебными натурами!

Она ничего этого не понимаетъ, и хочетъ непременно, чтобы мы наслаждались любовью, какъ это подобаетъ молодому человеку и молодой дѣвушкѣ, влюбленнымъ другъ въ друга. Медовый мѣсяцъ имѣетъ всегда свою прелесть, но что послѣ будетъ? Что послѣ останется?

7-го декабря.

Всѣ ужасно жалѣютъ, что у меня нѣтъ акцій Фульзвскихъ копей. Что до меня касается, то я этому очень радъ уже потому, что избавленъ отъ сношеній съ г. Форжд.

Бланшъ замѣчаетъ мою холодность, и попеременно то кокетничаетъ со мною, то на меня дуется. Нѣсколько часовъ тому назадъ, она подошла ко мнѣ, когда я читалъ въ гостиной,—мы были одни — и положила руку мнѣ на плечо. Оглянувшись, я почти коснулся моимъ лицомъ ея свѣжаго, розоваго личика; она глядѣла на меня съ такимъ ласкающимъ и лукавымъ выраженіемъ, что въ прежнее время я бы осмалъ ее поцалуями. Теперь, въ настоящее время, я остался совершенно спокоенъ, и когда мы пошли гулять, несмотря на всѣ ея заигрыванья, я былъ только вѣжливъ съ нею и братски ласкалъ.

Вчера получено отъ Мартеновъ извѣщеніе о предложенномъ бракѣ ихъ второй дочери съ су-префектомъ округа. Эта новость возбудила живѣйшее волненіе. Су-префектъ, свадебная корзина, открытый домъ, первенство въ городѣ, все это кружить голову Бланшъ. Мы были въ гостиной, она, г-жа Плишонъ, Клотильда

и я. То и дѣло повторяемая фраза «она выходитъ за су-префекта» прожужжала мнѣ наконецъ уши.

— Почему вы прямо не говорите, что она выходитъ за су-префекство? сказалъ я. — Это было бы гораздо точнѣе, и выражало бы гораздо лучше ту мысль, что для женщинъ замужество—только средство хорошо пристроиться.

Г-жа Плишонъ и Клотильда начали смѣяться. Бланшъ надулась.

— А мы должны тоже объявить имъ, что Бланшъ невѣста, сказала Клотильда. — Они давно догадались, въ чемъ дѣло, и наше молчаніе можетъ ихъ оскорбить.

— Пожалуй, скажемъ имъ, отвѣтила г-жа Плишонъ.

Но лицо Бланшъ выразило сильную досаду, переходящую въ испугъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! сказала она. — Я не хочу! Еще рано объ этомъ рассказывать!

— Да вѣдь они уже знаютъ!

— Все равно, говорить не надо. О, не надо! Они сейчасъ пристанутъ съ разсиросами...

— Такъ что жъ такое? Мы имъ отвѣтимъ! весело возразила Клотильда.

— Папѣ не хочется объявлять.

— О! сказала Клотильда, несколько этимъ не смущаясь: — мы имъ довѣримъ это по секрету.

— Да, сказала г-жа Плишонъ: — надо будетъ имъ это сказать. Имъ пріятно будетъ наше довѣріе. Г-жа Мартенъ повѣряетъ намъ свои домашнія дѣла, и въ правѣ отъ насъ ожидать того же.

Бланшъ не отвѣтила ни слова, но она сидѣла вся красная, усердно вышивала и едва себя сдерживала. Черезъ минуту Клотильда вышла изъ гостиной и она тотчасъ же отправилась за нею.

Дневникъ Вилльяма.

Я не знаю, что со мною дѣлается. Или въ жизни есть волненія, которыхъ я не зналъ? Или есть такія радости, съ которыми не могутъ сравняться даже радости любви?

Мы сѣли за столъ, какъ вдругъ входитъ г-жа Плишонъ, очень взволнованная. Она приближается ко мнѣ и целуетъ меня.

— У васъ великодушное сердце, Вилльямъ, мой милый сынъ! говорить она мнѣ.

Бѣдная женщина, которой я разъ помогъ донести дѣтей до дому, приходила узнавать обо мнѣ, и подробно разсказала г-жѣ Плишонъ нашу встрѣчу.

Всѣ принялись восхищаться моимъ великодушіемъ и удивляться, что я взялъ на руки этихъ бѣдныхъ грязныхъ ребятшекъ, и несъ ихъ по такимъ ужаснымъ дорогамъ; г. Форждъ съ Клотильдой наговорили столько фразъ по этому поводу, что вывели меня наконецъ изъ терпѣнія.

— Вамъ особенно кажется великодушнымъ, что я откинулъ на это время свое графское достоинство, и обошелся съ бѣдными по братски; будь на мѣстѣ бѣдной женщины богатая, вы нашли бы тутъ только самую простую и обыкновенную учтивость. Но къ счастью, мы все больше и больше удаляемся отъ того времени, когда милосердіе богатыхъ къ бѣднымъ славилось какъ великій подвигъ челоувѣколюбія и давало сюжеты для трогательныхъ картинъ, на которыхъ король или вельможа, устроивъ ротъ сердечкомъ, прониннутый чувствомъ своего собственного превосходства и величія, снисходительно и благодушно глядѣлъ на простолюдина, стоявшаго передъ нимъ на кодѣняхъ. Теперь мы должны знать, что дѣлая какое-нибудь одолженіе этому простолюдину, мы только исполняемъ самый простой, самый положительный, самый полезный для насъ самихъ долгъ.

Я встрѣтилъ взглядъ Эдитъ; она опустила глаза. Она была блѣдна, безстрастна какъ всегда, и однако я видѣлъ, что она взволнована. Послѣ завтрака, я пошелъ за нею слѣдомъ; я до сихъ поръ не знаю, какъ это сдѣлалось; я не сказалъ себѣ, что пойду за нею, а между тѣмъ всходилъ по лѣстницѣ, и скоро догналъ ее. Она услышала мои шаги и обернулась... О! никогда я не видалъ такого сіяющаго, счастливаго лица! Она сошла нѣсколько ступенекъ внизъ, обвила руками мою шею, крѣпко прижала мою голову къ своей груди, хотѣла говорить, но зарыдала, и я почувствовалъ что ея слезы льются на мое лицо.

Я не могу выразить, до чего это потрясло меня. Какъ будто новый міръ открылся передо мною. Съ тѣхъ поръ я хожу въ какомъ-то опьяненіи; голова у меня кружится, руки и ноги отяжелѣли, а мечты заносятся такъ высоко, что я даже не вижу, куда онѣ летятъ. Я чувствую безпредѣльное счастье, самъ не знаю почему. О, Боже мой! Неужели же дружба сильнѣе любви?

9-го декабря.

Вчера мы гуляли съ Эдитъ, и она рассказала мнѣ свою жизнь. Да, это было вчера. Съ тѣхъ поръ, какъ она отдала мнѣ свою дружбу и довѣріе, дни такъ полны, что одинъ заключаетъ въ себѣ много прежнихъ пустыхъ дней.

Едва мы прошли нѣсколько шаговъ вмѣстѣ, она подала мнѣ руку на прощанье.

— Но вѣдь вы не домой идете? спросилъ я.

— Нѣтъ, не домой, отвѣтила она, и было-пошла, но тотчасъ же вернулась ко мнѣ и сказала: если вы хотите, Вилльямъ, то пойдемте вмѣстѣ; только это немножко далеко.

— Куда вы идете?

— Провѣдать обѣдную Миньону. Вы знаете, у нея большое горе; она любитъ Жюстена, а его отецъ слышать не хочетъ о ихъ свадьбѣ.

— А! милая Эдитъ, вы, стало-быть, умѣете сочувствовать и любовнымъ огорченіямъ?

— Какъ же не умѣть!

— Да вы... я, по крайней-мѣрѣ, думаю, что вы ихъ не понимаете.

Она улыбнулась.

— Я имѣю о нихъ нѣкоторое понятіе, Вилльямъ. Я хотѣла любить и не могла. Съ этой минуты я увидала глубокій разладъ между моими мыслями, потребностями и желаніями и тѣмъ, что обыкновенно даютъ намъ люди. И съ этой минуты я сдѣлалась молчалива и холодна на видъ; я въ сущности не холодна, Вилльямъ.

— Я знаю! Я знаю! отвѣтилъ я, сжимая ея руку.

Я страстно желалъ узнать все, и хотя я не смѣлъ просить объ этомъ, она могла видѣть мое желаніе.

— Я никогда никому не рассказывала этого, сказала она: — и я такъ привыкла скрывать всѣ свои чувства, что теперь, высказывая ихъ, я чувствую нѣкоторую боль. Не оскорбляйтесь этимъ, Вилльямъ; потребность открыть вамъ всю душу у меня сильнѣе этого нежеланія говорить. Я не могу вамъ выразить, какъ я счастлива нашею близостью и дружбою.

— А меня, Эдитъ, вскричалъ я: — меня вы заставили жить новою жизнью! Милая, любимая сестра, я много мечталъ, много желалъ, и все-таки никогда не могъ себѣ представить такого счастья!

Она посмотрѣла на меня съ нѣжностью и съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Мнѣ было девятнадцать лѣтъ, сказала она: — когда отецъ представилъ мнѣ молодаго человѣка, за котораго онъ желалъ отдать меня замужъ. Его звали Альфредъ Рошѣиль; онъ былъ богатъ, онъ хорошо учился и занимался въ банкирской конторѣ своего отца, жившаго въ Пуатье. Лицо у него было умное и доброе; онъ былъ человѣкъ смысленный и держалъ себя съ тактомъ. Это была, какъ у насъ говорятъ, великолѣпная партія, и мой отецъ гордился будущимъ зятемъ. Г. Альфредъ влюбился

въ меня на одномъ вечерѣ, гдѣ мы встрѣтились. Я была тогда очень наивна и иногда очень весела. Я говорила все, что мнѣ приходило въ голову, и доверчиво смотрѣла на будущее.

Когда я узнала, что меня хотятъ выдать замужъ, я очень удивилась, и какъ будто испугалась; я сказала это отцу, и просила его погодить съ свадьбою. Онъ надѣялся, что г. Альфредъ меня самъ убѣдитъ, что откладывать не надо; и сначала привлекаемость г. Альфреда и его любовь въ самомъ дѣлѣ меня тронули. Передо мной открылся новый міръ, у меня родились новыя чувства; я думала, что люблю г. Рошѣйля. Однако, я боялась еще дать ему слово, я хотѣла знать...

Эдитъ остановилась въ смущеніи; лицо ея покраснѣло румянцемъ; а у меня сердце было сжато, какъ въ тискахъ.

— Это трудно выразить, продолжала она. — Я любила быть съ нимъ, слушать его, но когда онъ просилъ меня о поцалуй или положительномъ обѣщаніи, я инстинктивно отшатывалась отъ него, и чѣмъ настойчивѣе и требовательнѣе онъ становился, тѣмъ сильнѣе дѣлалось это инстинктивное отвращеніе. Я не разсуждала о томъ, что дѣлала его предметомъ изученія, что ничего съ своей стороны ему не давала и употребляла во зло его чувство ко мнѣ. Я уже послѣ это поняла. Мало-по-малу, разговаривая съ г. Альфредомъ, я узнала, какъ онъ смотритъ на любовь, на бракъ и на значеніе женщины. Несмотря на всю его учтивость и любовь ко мнѣ, я видѣла, что онъ раздѣляетъ убѣжденіе моего отца, котораго въ этомъ отношеніи я считала исключеніемъ. Я ясно видѣла, что г. Альфредъ цѣнитъ во мнѣ только красоту, что до всего остальнаго ему дѣла нѣтъ, кромѣ духа кротости и покорности, которыхъ у меня не было. Я видѣла, какъ онъ глупо самонадѣянъ, легкомысленъ и непослѣдователенъ во всѣхъ серьезныхъ вещахъ, сколько у него ложной гордости и возмутательнаго эгоизма. Его притязанія сдѣлались для меня невыносимы, и я старалась только о томъ, чтобы отдалить его отъ себя. По поводу *правъ и обязанностей* между нами, происходили очень живыя ссоры. Онъ надо мною смѣялся, я отвѣчала ему презрительными сарказмами. Мы уже были въ полномъ разладѣ, когда разъ, въ минуту досады, онъ сказалъ мнѣ, что женщинѣ слѣдуетъ только шить, да рожать дѣтей; я сейчасъ же объявила ему рѣшительный и безвозвратный разрывъ.

Къ сожалѣнію, мой отецъ уже успѣлъ провозгласить публично о нашей свадьбѣ. Когда г. Рошѣйль пришелъ къ нему съ объясненіемъ, когда я сказала, что ни за что на свѣтѣ не пойду замужъ, его ярости не было границъ; его подозрѣнія тоже разыгрались.

Онъ обошелся очень дурно съ г. Рошйяль. Мнѣ онъ дѣлалъ ужасныя сцены... Вильямъ, я вамъ все скажу. Съ тѣхъ поръ я не уважаю отца, и не люблю его.

Я теперь видѣлъ, чего стоило Эдитъ рассказать мнѣ это; она сдѣлалась чрезвычайно блѣдна, и ее охватила нервная дрожь. Я посадилъ ее на пригорокъ у дороги. Когда дрожь прошла, она нѣсколько разъ глубоко вздохнула и слеза скатилась у ней по щекѣ. Потомъ она встала, взяла меня подъ руку и сдѣлала мнѣ знакъ не говорить.

Я всю ночь промучился. Я строилъ безумные планы, предавался невозможнымъ мечтамъ. Я всталъ съ твердымъ намѣреніемъ бѣжать изъ Фужере; я ее увидѣлъ; она мнѣ улыбнулась, и пожатіе ея руки, ея ласковый взглядъ, успокоили меня. Теперь мнѣ кажется, что я былъ въ горячечномъ бреде, и что я навсегда выздоровѣлъ отъ него. Какое странное положеніе! Или это сердечная пустота меня такъ волнуетъ? Или у меня, какъ у человѣка, умирающаго съ голоду, галлюцинація? Однако, чѣмъ дальше, тѣмъ я сильнѣе чувствую, что надо уѣхать отсюда. Но какъ разорвать съ Бланшъ? Какъ уладить это дѣло честно и не оскорбительно для нея?

15-го декабря.

Эдитъ стала совсѣмъ другая. Она ни въ чемъ не измѣнила своихъ привычекъ и по прежнему остается у себя въ комнатѣ; но когда ей случается быть между нами, она не избѣгаетъ разговора; прежній гордый взглядъ смягчился; въ ея голосѣ появились ноты, отъ которыхъ дрожить и замираетъ у меня сердце. Все семейство удивлено этою переменною и ищетъ причину. Я одинъ ее знаю: она стала такою потому, что она меня любитъ! Можно съума сойдти отъ блаженства и гордости!

Только съ Форжѳ она осталась такъ же холодна, какъ и была. Онъ осмѣлился говорить ей любезные комплименты и получилъ въ отвѣтъ одно презрѣніе.

Она побѣдила враждебное чувство къ отцу. Сегодня по утру онъ былъ нездоровъ и не завтракалъ. Ему принесли декоктъ и поставили его на каминѣ, около котораго мы всѣ сидѣли; декоктъ простывалъ, но никто объ этомъ не думалъ; Эдитъ взяла чашку и подала ее отцу. Онъ былъ очень тронутъ ея вниманіемъ. Бланшъ, которой принадлежитъ право маленькихъ ухаживаній и льстивыхъ ласокъ, бросилась и хотѣла взять чашку изъ рукъ сестры, но г. Плишонъ остановилъ свою любимицу нѣсколько сурово.

— Не безпокойся; вѣдь ты сама объ этомъ не вспомнила!

Т. CLXXIX. — Отд. I.

17

Г-жа Плишонъ смотритъ на Эдитъ съ радостью, и по какому-то инстинкту обращаетъ глаза на меня. Но что больше всего меня трогаетъ, это вниманіе Эдиты къ сестрѣ. Сегодня она совѣтовала ей пойти погулять.

— Увѣрю тебя, говорила она:— что ты будешь чувствовать себя очень хорошо послѣ прогулки.

— Да я и такъ не больна, отвѣчала Бланшъ сухимъ тономъ.

— Ты за зиму поблѣднѣла немного.

— О! я вовсе не желаю быть краснощекую, какъ мужичка!

— Тебѣ нечего этого бояться. Ты сбѣлаешься только свѣжѣе и сильнѣе.

— Женщины не нуждаются въ силѣ, отвѣтила Бланшъ, разваливаясь въ креслѣ.

— Женщины очень нуждаются въ ней, сказала Эдитъ:—если не для себя, то для своихъ дѣтей.

— О! моя милая! воскликнула Бланшъ.

И стыдливо закрыла лицо руками.

Я смотрѣлъ на нихъ обѣихъ. Эдитъ поймала мой взглядъ и покраснѣла; она завернулась крѣпче въ шаль, и сказала, уходя:

— Это ваша вина, Вильямъ; вы такъ любите природу и чистый воздухъ, а ее не умѣете заставить полюбить ихъ.

Я не смѣлъ идти за нею; я чувствовалъ, что она этого не желаетъ.

Вильямъ Жильевру.

26-го декабря.

Какъ только получишь это письмо, возьми у Делиа пять тысячъ франковъ, и вышли ихъ мнѣ немедленно.

Здѣсь случилось очень печальное происшествіе. У г. Плишона хранилось очень много зерноваго хлѣба на чердакѣ дома; онъ не хотѣлъ этимъ хлѣбомъ спекулировать, онъ получалъ этотъ хлѣбъ въ уплату долга, но по гнусному ли расчету, или по безпечности, или вѣрнѣе всего по глупому упрямству, онъ, несмотря на всѣ просьбы жены, не хотѣлъ его продавать. Его стали считать барышникомъ и въ народѣ накопилось противъ него глукое раздраженіе. Съ другой стороны распространился слухъ о томъ богатствѣ, на которое онъ рассчитываетъ, и голодные бѣдняки съ негодованіемъ стали принимать ту ничтожную милостыню, которая подается у дверей его дома. Его враги своими клеветами поддерживали общественное неудовольствіе.

Въ воскресенье вечеромъ въ Фужере прибѣжала голодная толпа; въ ней было десятка два мужчинъ, да дюжина женщинъ и нѣсколько дѣтей, обезумѣвшихъ отъ страданія.

Я возвращался съ прогулки въ ту минуту, когда растерявшіеся слуги стали загороживать садовую дверь. Въ это же время во всемъ домѣ затворяли ставни, всюду воцарялась темнота и я съ трудомъ могъ распознавать всѣ эти блѣдныя лица, искаженныя страхомъ. Эдиты не было въ комнатѣ. Г-жа Плишонъ схватила меня за руки:

— Вильямъ, мы погибли! Я знаю мужа! Постарайтесь уговорить его... постарайтесь, чтобы онъ уступилъ этотъ хлѣбъ...

— Вильямъ! закричала Вланшъ, бросаясь ко мнѣ на шею:— а съума схожу отъ страху!

— Теперь не время съума сходить, милое дитя мое, сказалъ я, усаживая ее въ кресло.— Намъ всѣмъ необходимо мужество и хладнокровіе.

Клотильда ныла на весь домъ; кузень Маркъ сдѣлался совсѣмъ маленькимъ и притихъ такъ, что его почти не было слышно; онъ помогалъ г-жѣ Плишонъ загороживать дверь со двора, въ которую продолжали ломиться.

Г. Плишонъ въ кухнѣ старался ободрить слугъ энергическими разсужденіями о томъ, что собственность краеугольный камень всего міроваго порядка.

— Вильямъ, сказалъ онъ мнѣ:— вы возьмите ружье Антенора. Ахъ, кабы Антеноръ-то былъ здѣсь!

Я отвелъ г. Плишона въ сторону и сталъ ему доказывать, что, несмотря на его оружіе и мужество, исходъ борьбы очень сомнителенъ, если принять во вниманіе число нападающихъ. Двери могли наконецъ уступить ихъ напору. Раздраженные сопротивленіемъ, бѣдняки могли дойти до послѣднихъ крайностей. Ярость этихъ людей была возбуждена голодомъ; выдача хлѣба могла ихъ удовлетворить, и этимъ ничтожнымъ пожертвованіемъ можно было предотвратить самыя ужасныя несчастія.

Я никогда не забуду того взгляда, который онъ на меня бросилъ. Было очевидно, что любовь къ собственности можетъ породить такія же немощства, какія порождалъ въ былое время религіозный фанатизмъ.

— Я до послѣдней капли крови буду защищать свое имущество и свое семейство! отвѣтилъ онъ, наввно ставя на первое мѣсто то, что занимало его всего сильнѣе.— Я никогда не унижусь до уступокъ этимъ разбойникамъ! Коли вы боитесь, я самъ возьму оба ружья!

Я спокойно пожалъ плечами и взялъ ружье Антенора.

— Я буду защищать ваше семейство, сказалъ я ему:— а стрѣлять въ людей, которые просятъ хлѣба, я не буду.

Я оставилъ его и пошелъ посмотрѣть, гдѣ Эдиты. Я издали

услыхалъ ея голосъ; она говорила съ народомъ. Я побѣждаю къ ней; она стояла на лѣстницѣ втораго этажа у окна, выходящаго во дворъ. Ея слушали и перестали ломиться въ двери. На всѣхъ этихъ лицахъ выражалось больше гора, чѣмъ свирѣпости; у иныхъ былъ совсѣмъ потерянный видъ; иные стояли съ поникшею головой; двое или трое кричали и махали руками.

— Пожалуйста уходите! говорила Эдитъ.—Подумайте, какую вы себѣ бѣду навличите! Я знаю отца: онъ не уступитъ, если ему станете грозить... Уходите! Если вы не уйдете, то будетъ большое несчастье. Подумайте, что завтра же жандармы васъ арестуютъ и вы попадете въ тюрьму... Уходите пожалуйста!

Многіе переглянулись и я слышалъ, какъ они говорили:

— Мадемуазель справедливо разсуждаетъ.

Но одинъ человѣкъ, съ ввалившимися щеками, съ изсохшимъ тѣломъ, завричалъ:

— Такъ что жъ такое? Семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ! Кому перерѣжутъ горло, тотъ терпѣть не будетъ; кто попадетъ въ тюрьму, того навормятъ!

— Да, да! завричали всѣ въ одинъ голосъ.—Умирать такъ умирать!

И со всѣхъ сторонъ раздались вопли и жалобы. Одна женщина, обнаживъ свою грудь, показала, что кожа прилипла у нея къ костямъ; другая кричала:

— Столько у нихъ хлѣба лежитъ, а за воротами люди дохнутъ, какъ собаки! Эіе варвары! Эіе кровоіицы!

Раздались снова крики и проклятія, и противъ отца Эдиты слышались самыя ужасныя угрозы.

Эдитъ побѣжала къ отцу, взяла его за руки и стала умолять его, чтобы онъ успокоилъ этихъ людей, отстававшихъ болѣе великое и болѣе священное право, чѣмъ право обладать нѣсколькими мѣшками хлѣба или нѣсколькими монетами.

Г. Плишонъ оттолкнулъ ее, называя ее безумною.

— Папа, сказала Эдитъ: — дайте мнѣ за годъ впередъ мои карманныя деньги и продайте имъ этотъ хлѣбъ по базарной цѣнѣ.

— Ты хочешь, чтобы я тебѣ голову разможилъ! завричалъ онъ съ пѣною у рта: — берегись, у меня ружье заряжено!

На него нашель припадокъ сѣшенства, такъ что я спросилъ у г-жи Плишонъ, не лучше ли его обезоружить.

— Нѣтъ, сказала она, содрогаясь отъ ужаса:—подождемъ! Я еще попробую, не удастся ли мнѣ его уговорить.

Дверь уже шаталась подъ ударами. Эдитъ ушла, объявивъ отцу, что она бросится на дуло его ружья, если онъ будетъ стрѣлять въ голодныхъ людей. Въ отвѣтъ на эту угрозу г.

Плещонъ кинулся въ верхній этажъ; жена его побѣжала за нимъ.

Я не зналъ, куда дѣвалась Эдитъ. Я подошелъ къ окну, отворилъ ставню, увидѣлъ ее на дворѣ, распахнулъ окно и спрыгнулъ во дворъ.

Эдитъ раздавала толпѣ свои деньги, около сотни франковъ, и умоляла ихъ разойтись. Мнѣ пришла въ голову счастливая мысль.

— Слушайте, сказалъ я: — тамъ на верху лежитъ не больше пятисотъ мѣръ пшеницы; я вамъ общаю, что черезъ недѣлю я вамъ доставлю пятисотъ пятьдесятъ мѣръ, и вы сами ихъ раздѣлите, какъ сами знаете. Согласны?

Большая часть толпы закричала: да! да!

— Это тотъ господинъ, что по пяти су даетъ! говорили въ поглогося.

— Ну, такъ ступайте жъ вы поскорѣе по домамъ и сидите смирно; вы ужъ и безъ того такъ шумѣли, что чего добраго, въ Вивоннѣ слышно было.

— Жандармы! загудѣла толпа, понявъ мой намекъ.

И бѣольшая часть голевъ наввно поворотилась по направленію къ городу, до котораго было по меньшей мѣрѣ три лѣ.

Черезъ пять минутъ на дворѣ никого уже не осталось. Клотильда отворила намъ окно въ нижнемъ этажѣ, и я осмѣлился поднять на рукахъ мою дорогую Эдитъ, дрожавшую отъ радости. Мнѣ она ничего не сказала, но обращаясь къ Бланшъ она проговорила:

— Обними его, это онъ насъ выручилъ!

Бланшъ отвѣтила такимъ тономъ, что только уваженіе къ самому себѣ подавило во мнѣ желаніе дать ей пощечину.

— Да, отвѣтила она: — онъ болѣе дипломатъ, чѣмъ воинъ.

— Моя милая, сказалъ я ей: — если вы любите бретеровъ, такъ я вамъ не гожусь, и если надо стоять на трупахъ, чтобы казаться вамъ героемъ, я согласенъ навлечь на себя ваше презрѣніе.

Повернувшись въ другую сторону, я замѣтилъ возлѣ нея Проспера Кулинд. Услышавъ тревогу, воспламененный опасностями, которымъ подвергалась его красавица, несчастный обожатель прибѣжалъ къ ней на помощь и вошелъ въ домъ въ то самое время, когда Эдитъ выходила изъ дому во дворъ къ народу. Пылкія рѣчи молодаго человѣка, поставленнаго рядомъ съ моимъ «дипломатическимъ» поведеніемъ, должны были значительно повредить мнѣ во мнѣніи Бланшъ. Я бы очень былъ этому радъ.

Пусть Просперъ Кулиндъ присоединитъ мирти любви къ военнымъ лаврамъ!

Г. Плишонъ, повидному, также очень раздраженъ моимъ поведеніемъ. Кровь ударила ему въ голову и онъ слегъ въ постель. Онъ упрекаетъ меня въ томъ, что я унизилъ его честь, вступивъ въ переговоры съ лицами негодами; ему также очень досадно, что я безразсудно растрачиваю остатки моего имуществва. Дѣло легко можетъ дойти у насъ до разрыва.

Вильямъ Жильверу.

29-го декабря.

Нѣтъ, счастье мнѣ не суждено. Участь моя должна свершиться.

Третьяго дня г-жа Плишонъ вошла въ столовую такая грустная, такая убитая, что я тотчасъ подошелъ къ ней и спросилъ, не случилось ли какого нибудь несчастія.

Она дрожащею рукою подала мнѣ письмо.

Изъ этого письма я узналъ, что все дѣло фульзскихъ копей пошло прахомъ.

— Мы раззорились, дѣти мои, сказала бѣдная г-жа Плишонъ, складывая руки съ покорнымъ отчаяніемъ.—Вашъ отецъ положилъ всѣ свои деньги на эти несчастныя акціи. Ихъ такъ расхваливали, прибавила она, обращаясь къ Форжб.—Вы, стало быть, не знали, милостивый государь, что эти люди мошенники?

Форжб, блѣдный какъ полотно, точно убитый громомъ, неподвижно сидѣлъ въ креслѣ.

— Я собирался устроить перепродажу акцій, пробормоталъ онъ.—Такъ скоро! Чтб за негодай этотъ Робларъ!

Слова *такъ скоро* показывали ясно, что Форжбъ зналъ преступный характеръ этого торговаго предпріятія. Конечно, онъ хотѣлъ посовѣтовать г. Плишону развязаться съ акціями, и еслибы онъ успѣлъ сдѣлать это во время, г. Плишонъ обогатился бы въ этой безчестной игрѣ. Но носа нашла на камень. Робларъ опередилъ своего товарища и въ результатѣ для семейства Плишоновъ получилось раззореніе.

— Приходится поставить новый скандалъ на счетъ той постыдной системы, которая господствуетъ въ настоящее время, сказалъ я, пристально глядя на Форжб.—У кого совѣсть не чиста, тому не дурно бы отправиться за границу вслѣдъ за Робларомъ.

Онъ посмотрѣлъ на меня испуганнымъ взглядомъ, какъ будто умоляя меня о помощи и не замѣчая моего презрѣнія.

Эдитъ подошла къ матери и обняла ее.

— Милая мамъ, сказала она: — мы будемъ работать.

— Да, ты не станешь унывать, сказала г-жа Плишонъ, прижимая ее къ груди. — Теперь тебѣ узнають цѣну.

Бланшъ упала въ обморокъ и мы стали ее оттирать.

30-го декабря.

Г. Плишонъ еще ничего не знаетъ. Жена его мужественно переноситъ свое несчастіе. Имъ остается еще помѣстье Фужере и домъ въ Пуатье. Клотильда въ отчаяніи; Форжбъ уѣхалъ вчера, а сегодня два жандарма явились къ намъ съ приказаніемъ арестовать его.

Эдитъ почти весела. Мы съ нею и съ ея матерью дружелюбно разговариваемъ; Клотильда въ это время вздыхаетъ, а Бланшъ безпрестанно плачетъ и ничего не можетъ ѣсть. Этотъ бѣдный ребѣнокъ не понимаетъ жизни безъ богатства; она неспособна работать. Она раздражается и рыдаетъ, когда мать говорить ей:

— Ты бы, Бланшъ, приучалась сама убирать свою комнату. Теперь вѣдь у насъ одна кухарка останется.

Она мнѣ жалка, и въ самомъ дѣлѣ нужно чувствовать къ ней состраданіе, чтобы сколько нибудь относиться къ ней снисходительно; она сердится на меня, вида что я хочу сдержать свое слово и раздать голодающимъ тотъ хлѣбъ, который я имъ обѣщала. Ей хотѣлось бы, чтобы этотъ хлѣбъ пошелъ на украшеніе ея свадебной корзинки.

При измѣнившихся обстоятельствахъ г. Плишонъ не могъ требовать, чтобы наша свадьба состоялась немедленно; поэтому я хотѣла уѣхать; я втайнѣ надѣялся на благотѣльные послѣдствія нашей разлуки; я надѣялся, что Просперъ, при содѣйствіи своихъ 150,000 франковъ, заслужитъ милостивое расположеніе чувствительной Бланшъ; но сама судьба противъ меня, и мнѣ остается только покоряться ея рѣшеніямъ. Сегодня я получилъ отъ секретаря герцога извѣщеніе, что меня опредѣлили въ министерство народнаго просвѣщенія съ жалованьемъ въ три тысячи франковъ.

Г-жа Плишонъ спросила у меня, какія вѣсти принесъ мнѣ этотъ пакетъ; я подаль ей письмо.

Она вскрикнула отъ радости.

Бланшъ тоже пришла въ восторгъ.

Всѣ принялись меня поздравлять; я постарался улыбнуться и чуть не упалъ въ обморокъ.

Вилльямъ Жильверу.

3-ю января 1847 г.

Другъ мой, я теперь счастливъ. Расскажу тебѣ все по порядку. Ты не знаешь, въ какомъ я былъ ужасномъ положеніи; я не могъ признаться тебѣ, на какую крайнюю мѣру я хотѣлъ рѣшиться. Жизнь становилась для меня невозможною. Бланшъ была мнѣ невыносима. Любя Эдитъ, я не могъ сдѣлаться мужемъ другой женщины. Я рѣшился въ день свадьбы пустить себѣ пулю въ лобъ. Бланшъ я оставлялъ графскій титулъ, и она скоро бы утѣшилась.

Но вышло иначе. Бланшъ сама почувствовала, сама выразила, что между нами нѣтъ никакой сѣрьезной связи, и была причиною нашего разрыва.

День свадьбы былъ уже назначенъ; заготовлялись приглашительные билеты. Бланшъ была очень оживлена тою мыслию, что она поѣдетъ въ Парижъ, будетъ распоряжаться домою, ѣздить по магазинамъ и особенно выѣзжать въ свѣтъ; отъ этой надежды она нисколько не отказывалась. Ея визитъ къ герцогу д'Евлерену больше всего кружилъ ей голову; герцогиня, конечно, пригласить ее на свои вечера, а свадебная корзинка дастъ ей возможность появляться на этихъ вечерахъ въ блистательномъ видѣ.

Я не старался разрушать эти воздушные замки; мнѣ до нихъ не было никакого дѣла. Но съ Бланшъ ни о чемъ другомъ не возможно было говорить.

Дошло дѣло до цифръ. Призвали на совѣтъ г-жу Плишонъ и Клотильду; я также долженъ былъ представить свѣдѣнія о парижскихъ цѣнахъ. Я не могъ сказать имъ ничего путнаго, но черезъ Мартеновъ имъ были извѣстны многія подробности, и въ результатѣ самыхъ умѣренныхъ вычисленій получалось все-таки больше четырехъ тысячъ франковъ годоваго расхода, а доходу надъ предстояло имѣть именно только четыре тысячи франковъ. Спрашивалось теперь, какимъ же образомъ меблировать квартиру?

На покупку мебели Клотильда подарила своей племянницѣ три тысячи франковъ. По смѣтѣ почти вся эта сумма ушла на бѣлье и на серебро. Онѣ, конечно, вляли того и другаго черезчуръ много, но я имъ не мѣшалъ. На мебель не оставалось почти ничего. Бланшъ волновалась, унывала, носила по всѣмъ комнатамъ свою записную книжку и карандашъ, и все ничего не могла придумать.

Всѣ эти грѣшныя соображенія надоѣли мнѣ до смерти, и я съ досады сталъ еще увеличивать замѣшательство Бланшъ. Многя подробности парижской роскоши были ей неизвѣстны; я ее просвѣтлялъ на этотъ счетъ; цифра итога выросла отчаяннымъ образомъ; а между тѣмъ все, что она записывала въ книжку, оказывалось необходимымъ. Мы дошли до шести тысячъ франковъ.

Тогда я предложилъ ей начать сначала, и завести все въ мѣнѣ широкаго размѣра. На бѣлье, на постели, на серебро пошло, при самой умеренной оцѣнкѣ, 1,800 франковъ. За тѣмъ мы переоблечивали заново болѣе скромнымъ образомъ спальню, столовую и кухню. На салонъ осталось 500 франковъ.

Туда требовались, однако, диванъ, кресла, стулья, все обитое бархатомъ. На другую мебель герцогиня и не садеть. Двойныя занавѣски, гипюровыя и шелковыя, зеркала, вазы, столъ и коверъ, каминный приборъ необходимо нужны.

Результаты получались ужасныя.

За невыносимую скуку этихъ вычисленій, я мстилъ ей то увеличивая затрудненія, то предлагая радикальныя мѣры, приводившія ее въ отчаяніе. Она бросила на меня убійственный взглядъ, когда я предложилъ ей замѣнить шелковыя занавѣски простыми ситцевыми, а бархатную обивку шерстяною.

— Милое дитя мое, сказала я ей тогда:— всего плачевнѣе выставлять на показъ такую роскошь, которую невозможно поддерживать. Въ Парижѣ малый чиновникъ долженъ жить въ четвертомъ этажѣ, въ глухой улицѣ и безъ салона.

Она просто разозлилась и даже крикнула на меня:

— Какой вы послѣ этого графъ! У васъ всѣ мужицкіе вкусы!

— Извините, возразилъ я:— смѣшныя претензіи всего болѣе свойственны именно выскочкамъ. Васъ, пожалуй, пустятъ изъ милости въ блестящіе салоны; но вы знайте заранѣе, что небогатая женщина, желающая блистать въ свѣтѣ, навлекаетъ на себя всевозможныя оскорбленія, и я вмѣняю себѣ въ обязанность предохранить васъ отъ подобнаго риску.

Она ничего не отвѣтила, но карандашъ задрожалъ у нея въ рукѣ.

— На чемъ же вы остановились? спросила г-жа Плишонъ, замѣчая приближеніе бури.

Мы стали продолжать. Поставивъ на каминъ двѣ мизерныя вазы, мы принялись за столовыя часы. Чтобы часы вышли сколько-нибудь презентабельны, надо было ассигновать на нихъ, по крайней-мѣрѣ, 150 франковъ; мы поставили эту цифру, и такъ-

какъ сивсокъ закончился часами, мы подвели итогъ. Вышло 3,900 франковъ!!! Бланшъ швырнула записную книжку на другой конецъ комнаты.

— Мы все поставили по самой дешевой цѣнѣ, сказала она.— Теперь я отказываюсь!

И она заплакала.

— Отбросимъ часы, сказалъ я тогда.

— Часы отбросить! вскрикнула она, поднимая голову и глядя на меня съ такимъ изумленіемъ, какъ будто я ей сказалъ: завтра конецъ свѣта.—Отбросить часы! повторила она, еще глубже пропавшая ужасомъ.—Вы, кажется, съ ума сходите!

— Я напротивъ того думаю, что подаю вамъ очень разумный совѣтъ, сказалъ я улыбаясь, но настойчиво.

— Ну! закричала она:—такъ я отъ всего отказываюсь! Я не хочу больше ничѣмъ заниматься! Я не хочу выходить замужъ! Вы меня погубите, вы меня уморите!

При этихъ словахъ я чуть не задохнулся отъ радости, но призвавъ на помощь все мое хладнокровіе, я поспѣшно заявилъ, что принимаю это рѣшеніе къ свѣдѣнію.

— Я давно замѣтилъ, сказалъ я громко и отчетливо:—что мы не годимся другъ для друга. Мнѣ пріятно видѣть, Бланшъ, что вы сами тоже въ этомъ убѣдились.

— Вильямъ! вскрикнула г-жа Пляшонъ. — Вѣдь въ этомъ нѣтъ ничего серьезнаго!

— Милая маменька, отвѣтилъ я:—я всегда буду вашимъ сыномъ и хочу имъ быть; повторяю вамъ, Бланшъ и я не созданы другъ для друга; наши характеры и вкусы слишкомъ рѣзко расходятся. Ей нуженъ богатый свѣтскій человѣкъ; при своей красотѣ и привлекательности, она, конечно, найдетъ себѣ такого мужа.

— Вы меня никогда не любили! вскрикнула Бланшъ, заливаясь слезами.

— Я васъ любилъ, отвѣтилъ я:—когда не зналъ васъ. Теперь я васъ знаю... вы мнѣ еще дороги, но не такъ, какъ прежде. Впрочемъ, если вы еще желаете нашего брака...

— Никогда! закричала она. — Никогда! я буду слишкомъ несчастлива! Я васъ тоже теперь знаю! При вашей наружной кротости, вы самый упрямый изъ людей! Вы меня не любите, а я васъ ненавижу!

Съ этими словами она выбѣжала изъ комнаты, и г-жа Пляшонъ быстро вышла за нею.

— Бѣдный Вильямъ! стонала Клотильда.

Я былъ наконецъ свободенъ! Теперь какъ бы ни сердился гос-

поцѣвъ Плишонъ, послѣ словъ Бланшъ ничто не могло заставить меня жениться на ней. Я пошелъ вверхъ по лестницѣ. Я далъ волю своему чувству и упоеніе счастья было мнѣ въ голову. Я постучался въ дверь къ Эдитъ; она открыла и, увидѣвъ меня, ведрогнула.

— Чтò случилось, Вильямъ?

Я едва видѣлъ еѣ; какое-то облако застилало мнѣ глаза. Едва она успѣла затворить дверь, я ей сказалъ:

— Ваша сестра объявила мнѣ разрывъ.

Эдитъ тотчасъ поняла; не отвѣчая мнѣ, она опустилась на стулъ.

— Бланшъ сама разорвала? спросила она немѣвнымъ голосомъ.

— Сама! сама! Я свободенъ, Эдитъ!

Я сталъ передъ нею на колѣни, цаловалъ ея платье, плакалъ и кричалъ отъ радости. Я зналъ, что она меня любитъ. Она протанула мнѣ свои дрожавшія руки и прислонилась головою къ моей головѣ.

Эдитъ позвали къ обѣду. Мы сошли внизъ. Бланшъ не показывалась. Господинъ Плишонъ еще ничего не зналъ. Обѣдъ прошелъ въ молчаніи. Но для насъ съ нею все было освѣщено лучами нашего счастья. Порою на меня находило какое-то безуміе и я не могъ себѣ представить, что она будетъ моею...

Послѣ обѣда я сдѣлалъ знакъ г-жѣ Плишонъ, увелъ ее въ бібліотеку и тамъ все ей рассказалъ.

Она бросилась ко мнѣ на шею съ радостнымъ восклицаніемъ:

— Ахъ, милый вы мой сынъ! я ужъ объ этомъ думала! но я считала это невозможнымъ... Въ самомъ дѣлѣ, моя Эдитъ должна быть вашею женою. А Бланшъ, я надѣюсь, найдетъ себѣ другаго мужа ближе къ ней по характеру.

— Мужъ для Бланшъ, сказалъ я:—у васъ подъ руками. Богать и страстно влюбленъ.

— Просперъ? спросила она.—Да, конечно. Но... мельница...

Я пошутилъ надъ ея предрассудками и далъ ей почувствовать, что необходимо сдѣлать кое-какія пожертвованія, чтобы добыть для бѣдной дѣвушки богатаго мужа.

Наконецъ г-жа Плишонъ обязалась все устроить и переговорить съ мужемъ. Скандалъ разрыва, всего больше занимавшій г. Плишона, былъ теперь устраненъ тѣмъ, что Эдитъ становилась на мѣсто сестры, и легко можно было убѣдить всѣхъ, что тутъ никогда о Бланшъ не было и рѣчи.

Старанія г-жи Плишонъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ; господинъ Плишонъ очень радъ, что Эдитъ выходитъ замужъ; его

только до некоторой степени беззаботъ мысль о томъ, что могутъ надѣлать вмѣстѣ двѣ такіа шальные головы.

У сестеръ было объясненіе, и Бланшъ завѣрила Эдитъ, что она нисколько обо мнѣ не жадѣтъ. Теперь она старается обращаться со мною, какъ съ братомъ, и хочетъ дать почувствовать, что она одна желала разрыва. Мы ей въ этомъ предоставляемъ полную свободу.

Я бросаю бюрократію. Я поселился въ деревнѣ. Постараюсь обработать ту пустошь, на которую я такъ долго смотрѣлъ въ Фужере изъ оконъ моей комнаты. Мы вмѣстѣ съ Эдитъ будемъ трудиться для самихъ себя, для нашихъ дѣтей и для того народа, который голодаетъ по милости безпечности и корыстолюбія здѣшнихъ землевладѣльцевъ.

Мы сейчасъ идемъ гулять вмѣстѣ съ Эдитъ. Настоящее хорошо, будущее еще лучше.

СЪВЕРЕО-АМЕРИКАНСКОЕ СЕКТАТОРСТВО.

Статья третья.

Мнѣнія о мормонахъ. Джозефъ Смитъ. Бригамъ Юнгъ. Путь въ обѣтованную землю. Измѣчивость догматовъ; и значеніе пророка. Привлеченіе низшаго класса и миссіонеры. Освященіе труда. Процвѣтаніе мормоновъ. Освященіе веселья. Театръ. Вооруженныя силы. Многоженство. Положеніе женщинъ. Расколь. Современная догматика мормоновъ. Ихъ распространеніе. Спиритисты. Дэвисъ. Эпидемическое развитіе спиритизма. Эджондсъ. Курьезы спиритизма въ Европѣ. Оппозиціонный характеръ спиритизма. Митингъ спиритистовъ. Распространеніе спиритистовъ. Значеніе спиритизма.

Вѣрдъ, котораго намъ приходилось не разъ цитировать, сдѣлавъ очеркъ разнымъ сентамъ Америки, говорить: «Есть въ Соединенныхъ Штатахъ еще одна вѣтвь заблужденія или скорѣе дерзкаго зла, о которой мы должны сказать два слова, не имѣя, впрочемъ, намѣренія унижить этимъ сопоставленіемъ религіозныя общины, о которыхъ мы говорили, это—*мормонизмъ*. По-видимому, Богъ потому лишь допустилъ это грубое и громадное проявленіе лжи въ ученіи и порчи въ нравахъ въ Соединенныхъ-Штатахъ, и даже въ XIX вѣтѣ, чтобы выказать врожденную и страшную испорченность человѣческаго сердца, которая всегда и всюду нуждалась лишь въ удобныхъ обстоятельствахъ для своего развитія, и выказывала тогда, чѣмъ она можетъ быть». И Шаффъ, тоже цитированный нами, говорить о мормонизмѣ, какъ о «ненормальномъ явленіи», какъ о «демоническомъ обманѣ», какъ о «самомъ колоссальномъ плутовствѣ (humbug), произведенномъ Америкою», какъ о предметѣ, въ которомъ видать «ядовитое растеніе». Филадельфійская газета «Phil. evening Bulletin» въ 1855 говорила: «Учрежденіе мормоновъ въ Утохѣ, есть постоянный памятникъ униженія для Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки — стыдъ для страны... Еслибы мы были безбожною расою, неимѣющею ни церкви, ни библіи, все-таки мормонизмъ по своему социальному характеру былъ бы жгучимъ стыдомъ для насъ; теперь онъ чудовищень».

Диксонъ говоритъ: «Ничего не можетъ быть легче, какъ смѣяться надъ этими свѣтими. Они состоятъ изъ людей самаго низкаго класса, это подонки большихъ городовъ, это грязь большихъ дорогъ, это иль рѣчной, это пѣна морская. Ихъ пророкъ былъ Джо Смитъ, а его сказки о золотныхъ скрижаляхъ, объ Уримѣ и Туминѣ, объ египетской мумиѣ, о Сполдингскомъ рукописномъ романѣ, о мечѣ Лавана, объ ангельскихъ видѣнiяхъ, о мормонской книгѣ, о бумажныхъ деньгахъ, о духовной жемѣ, эти сказки могутъ быть такъ рассказаны человѣкомъ юмористическимъ, что цѣлое общество язычниковъ будетъ помирать со смѣху (122—123)... Менѣе чѣмъ въ тридцать лѣтъ они образовали цѣлый народъ, исторгнутый изъ лона христіанской церкви; они заняли территорiю, ббольшую пространствомъ, чѣмъ Испанiя; они выстроили столицу въ пустынѣ, уже теперь болѣе многолюдную, чѣмъ Вальядолидъ; они вооружили и обучили армию болѣе чѣмъ въ двадцать тысячъ человѣкъ; они образовали священство, считающее въ своихъ рядахъ сотни дѣйствующихъ пророковъ, епископовъ, президентовъ, совѣтниковъ и старѣйшинъ; они создали свой собственный законъ, свое богословіе, свою собственную социальную науку, исполнѣ враждебные всѣмъ установленнымъ религіямъ и обычаямъ» (119).

Конечно, явленіе, имѣющее такіе размѣры, должно обратить на себя вниманіе мыслителя, если даже признать его съ Бейрдомъ и Шаффомъ явленіемъ патологическимъ. Интересно прослѣдить связь мормоновъ съ прошедшимъ и ихъ корни въ настоящемъ.

Въ концѣ втораго десятилѣтія нашего вѣка, въ одномъ изъ ревивалей, заразившихъ населеніе штата Нью-Йорка, подвергся между прочимъ зараженію четырнадцатилѣтній мальчикъ Джо (Джозефъ) Смитъ, принадлежавшій къ семьѣ небогатыхъ людей, пробивавшихся разными средствами со всею изворотливостью истинныхъ янки. «Этотъ необразованный мальчикъ началъ дѣйствовать на окружавшихъ его, восторженно возбужденныхъ людей; онъ сталъ утверждать, какъ и многіе другіе, но съ гораздо болѣею энергіей, что во время физическихъ изступленій ему явились ангелы, что онъ говорилъ съ Богомъ лицомъ въ лицу, что онъ избранъ насадить на землѣ церкви, церкви Америки, этого новаго Ханаана, предназначеннаго съ самаго начала міра быть колыбелью новой вѣры, новой повсемѣстной державы» (138). Затѣмъ въ 1825 году мы находимъ его въ Пенсильваніи, какъ вѣчто въ родѣ ясновидящаго, отыскивающаго золотныя россыпи. Около этого же времени онъ женился, а въ 1830. году появился въ печати сборникъ, носящій названіе «Книга Мормо-

на», положившій начало сектѣ. Онъ заключалъ древнюю исторію американскихъ расъ, восходя къ столпотворенію вавилонскому. Первые поселенцы Америки, по словамъ этой книги, были потомки Яреда, истребленные Богомъ за ихъ нечестіе; затѣмъ при царѣ іудейскомъ Седекіи, часть евреевъ изъ племени Манассіи и Ефраима пошли тѣмъ же путемъ подъ предводительствомъ Нефи и раздѣлились на враждующихъ нефитовъ и ламамитовъ, изъ которыхъ первые поселились въ Сѣверной Америкѣ, вторые — въ Южной. Первою книгою Нефи и начинается упомянутый мормонскій сборникъ. Предполагаемый прародитель американцевъ говоритъ о себѣ: «Я Нефи, происходящій изъ хорошей семьи, и довольно знающій въ наукѣ отца моего, я имѣлъ въ своей жизни много горя». Затѣмъ слѣдуетъ писанный библейскимъ слогомъ рядъ книгъ потомства Нефи, и сборникъ кончается книгою Морони, сына Мормона, послѣдняго нефита, отнесеннаго къ V вѣку послѣ нашей эры. Морони говоритъ: «Я, Морони, кончаю лѣтопись моего отца Мормона. Пишу я немного, именно то, что повелѣлъ мнѣ написать отецъ. Послѣ великой битвы при Куморахъ, нефиты, скрывшіеся на югъ, были преслѣдуемы ламамитами до ихъ полного истребленія, и мой отецъ былъ тоже убитъ. Я остаюсь одинъ, чтобы писать печальныйъ разсказъ уничтоженія его народа».

Этотъ священный сборникъ, по словамъ Смита, былъ найденъ имъ по высшему откровенію, начертанный на золотыхъ доскахъ особенными знаками, именно измѣненнымъ іероглифическимъ письмомъ. По божественному дару пророчества, ему ниспосланному, онъ, Смитъ, прочелъ это писаніе и сообщаетъ его міру. Искренность автора была засвидѣтельствована одиннадцатью лицами. Впослѣдствіи Смита обвинили въ присвоеніи того, что ему не принадлежало, именно въ томъ, что «Книга Мормона» есть сочиненіе въ родѣ историческаго романа, писанное докторомъ Споульдингомъ въ началѣ нашего вѣка и копія съ котораго была снята Ригдономъ, временно товарищемъ, а потомъ противникомъ Смита. Самъ Смитъ вообще былъ на столько недостойнъ довѣрія и на столько необразованъ, что его нельзя было заподозрить даже въ сочиненіи подобной книги.

Какъ бы то ни было, нашлись вѣрующіе. Церковь мормоновъ или «святыхъ послѣдняго времени», была организована 1-го іюня 1830 года изъ тридцати человѣкъ. Въ 1831 году Смитъ перевелъ ее въ Картлендъ въ штатѣ Огіо и получилъ даръ пророчества, который потомъ перешелъ и на Ригдона. Ригдонъ сталъ издавать первыя догматическія откровенія въ своихъ «Doctrines and Covenants». Отъ всякаго вступающаго требовали вѣры въ

божественный даръ пророчества Смита и вступающихъ крестилъ. Общество распространилось и въ немъ, какъ у ирвингянъ, возникли званія: пророковъ, апостоловъ, патриарховъ, евангелистовъ, епископовъ, старшинъ, дьяконовъ, проповѣдниковъ и учителей. Въ нѣсколько мѣсяцевъ мормонская община достигла до 1,200 человекъ и стала стремиться къ колонизаціи. Но ея теократическая организація, ея претензіи на владѣніе всею землею въ будущемъ, вызвали немедленно неудовольствія и возмущенія. Мормоны основались сначала около мѣстности нынѣшняго Индепенденса въ Миссури, потомъ должны были перейти на другую сторону рѣки, гдѣ основали два города. Черезъ четыре года имъ пришлось и здѣсь защищаться отъ нападенія окружающаго населенія, послѣ нѣсколькихъ битвъ уступить силѣ и перейти въ штатъ Иллинойсъ. Здѣсь они основали городъ Науво, гдѣ начали возводить и новый храмъ (1845). Несмотря на возобновлявшіеся расколы, секта быстро распространялась и считала уже своихъ приверженцевъ десятками тысячъ. Благодеяніе мормоновъ возбудило зависть. Начало распространяться въ ихъ средѣ, хотя тайно, ученіе о многоженствѣ. Въ Иллинойсѣ противъ нихъ образовалась сильная партія. Противъ Смита начали тридцать-девятый процессъ за разореніе типографіи, гдѣ издавалась враждебная ему газета. Временно его съ братомъ заключили въ тюрьму въ Кароагенѣ. Здѣсь 27-го іюня 1844 г. толпа ворвалась въ тюрьму и оба брата были застрѣлены, какъ собаки.

Ничего не могло быть выгоднѣе для мормоновъ. Они теряли человекъ, который былъ патномъ для ихъ секты, и приобрѣтали въ немъ святаго мученика. Диксонъ говоритъ (123): «Быть можетъ, самая слабая сторона новой церкви — это жизнь ея пророка, а самая сильная — его смерть. Еслибъ Смитъ прожилъ довольно долго, для того, чтобы исторія его жизни сдѣлалась всеобщимъ извѣстною, то по всей вѣроятности въ народѣ столь насмѣшливомъ, какъ американскій, нашлись бы немногіе, которые сохранили бы въ него вѣру». Убіеніе Смита было тѣмъ благопріятнѣе для мормоновъ, что во главѣ секты сталъ теперь весьма умный и энергическій человекъ, Бригамъ Юнгъ. Черезъ шесть недѣль по смерти Смита онъ былъ избранъ пророкомъ и президентомъ мормоновъ. Ригдонъ былъ отлученъ отъ церкви, и Юнгъ почувствовалъ необходимость вывести свой народъ въ мѣстность, гдѣ отдаленіе отъ жилищъ язычниковъ (какъ мормоны называютъ прочія секты) позволило бы придать обществу болѣе своеобразную организацію, а трудности похода позволили бы очистить секту отъ той примѣси чуждыхъ и непо-

горныхъ элементовъ, которые притекли въ нее въ предшествующіе годы. Въ то время, какъ въ Науво достраивали храмъ новой религіи, піонеры, посланные Юнгомъ, уже отыскивали мѣстность, которую онъ, какъ пророкъ, избралъ своему народу. Въ началѣ 1846 г. отрядъ изъ 1,500 человѣкъ перешелъ черезъ Миссисипи и Миссури, пролагая путь въ обѣтованную землю, обрабатывая и засѣвая поля, чтобъ народъ, при послѣдующемъ движеніи, нашелъ себѣ пропитаніе. Но въ маѣ храмъ былъ устроенъ и празднества его освѣщенія возбудили въ Иллинойсѣ мысль, что мормоны не думаютъ оставлять Науво. Противники ихъ вооружились, и въ сентябрѣ, въ началѣ зимы, населеніе, предводимое своимъ пророкомъ, уступило силѣ враговъ, двинулось въ обѣтованную землю. Не можемъ не привести нѣсколько отрывковъ изъ Диксона, сюда относящихся, тѣмъ болѣе, что они заимствованы частью изъ разсказа очевидцевъ и участниковъ похода.

«Юнгъ объявилъ походъ на западъ; въ каждомъ семействѣ въ Науво стали приготовляться къ странствованію; этимъ приготовленіямъ нѣтъ ничего равнаго въ исторіи съ того дня, когда Моисей вывелъ народъ изъ Египта. Святые покинули цѣлкомъ свои веселые дома... Они запрягли своихъ муловъ въ простые сельскіе фургоны; тѣ же, которые были слишкомъ бѣдны, чтобъ купить фургоны и воловъ, устроили себѣ телѣжки и тачки. Преслѣдуемые своими врагами, святые вышли изъ Науво, пока еще свирѣпствовала зима, перешли Миссисипи по льду и начали свое странствованіе по странѣ, въ которой на протяженіи тысячи пятисотъ миль не было ни дорогъ, ни мостовъ, ни селеній, ни гостинницъ, ни колодезевъ, ни полей, ни пастбищъ... Путь, по которому предстояло идти эмигрантамъ, былъ равенъ разстоянію отъ Лондона до Лемберга, и въ шесть разъ дальше чѣмъ изъ Каира въ Іерусалимъ. Путь этотъ лежалъ черезъ луговую степь, населенную только понями, шононами, волками и медвѣдами; его перерѣзывали быстрые потоки и длинныя гряды горныхъ кряжей; а конечная цѣль, въ которой они стремились, спасательная гавань, которую они могли достигъ послѣ столькихъ трудовъ и опасностей—были пустынные берега Мертваго моря, бесплодной долины, орошаемой соленой влагой, пастбище, покрытое соленою корою (127)...

«Когда мормоны были насильно изгнаны изъ-подъ крова, ими самими выстроеннаго, съ поля, ими самими обработаннаго, дни были коротки и снѣгъ лежалъ на землѣ. Они должны были оставить своимъ вооруженнымъ грознымъ врагамъ все, что у нихъ было: свои дома, храмъ только что отстроенный, могилы своихъ

мильхъ; они взяли съ собою только немного пищи, немного сѣмянъ и картофеля для будущаго посѣва. Дѣти ихъ отмороживали себѣ ноги и руки; старые и молодые страдали отъ голода и жажды. Громадныя равнины песку, въ который до ступицы погружались колеса фургоновъ, отдѣляли одинъ скудный ручей отъ другаго. Посреди этой пустыни не было ни одного колотца. Часто миражи издѣвались надъ несчастными, подавая имъ ложную надежду; и даже когда они останавливались у ручьевъ и потоковъ, вода часто была горька на вкусъ и вредна для здоровья. Дни были коротки, погода была холодная, и отсутствіе всякаго убѣжища отъ мороза, кромѣ парусинной крышки фургоновъ, причиняло въ долгія зимнія ночи невообразимыя страданія. Лошади надали отъ изнеможенія и болѣзней. Между коровами и овцами также открылись недуги, такъ что молоко стало рѣдко, а баранину жарили со страхомъ, боясь, что это послѣдняя. Много старыхъ, бѣдныхъ и больныхъ людей приходилось оставлять позади подъ прикрытіемъ сильныхъ молодецвъ, въ помощи которыхъ такъ нуждался караванъ.

«Эта потеря молодыхъ могучихъ силъ не составляла еще всѣхъ несчастій, обрушившихся на эмигрантовъ въ началѣ ихъ похода. Въ ту самую минуту, когда каждая рука была для нихъ дорога, вспыхнула мексиканская война, и правительство, которое никогда не было достаточно сильно, чтобы защитить мормоновъ отъ оскорбленій и обидъ, теперь обратилось къ нимъ же съ просьбою о помощи людьми и оружіемъ. Юнгъ отвѣчалъ на призывъ своей родины какъ истинный патріотъ: пятьсотъ юношей, цѣлтъ отряда эмигрантовъ, получивъ благословеніе своего предводителя, вступили въ ряды американской арміи. Ослабленные удаленіемъ этой живой силы, мормоны переправились чрезъ Миссури на плотахъ собственнаго издѣлія и вступили въ великую пустыню, карту которой они заранѣе набросали, по дошедшимъ до нихъ свѣдѣніямъ. Теперь началась самая трудная часть ихъ странствованія: они шли впередъ, сами пролагая себѣ дорогу, строя легкіе мосты, собирая траву и растенія для собственной пищи, сѣя рожь для тѣхъ, которые должны были пройти позже по этой дорогѣ; строя временные навѣсы для ночлега своимъ дѣтямъ; вырывая въ землѣ ямы, чтобы укрыться отъ зимнихъ снѣговъ. Пища у нихъ была скудная, вода дурная, а мясо лоса, антилопы или буйвола, единственное мясо, которое они могли найти въ пустынѣ, отравляло ихъ кровь. Почти всѣ боченки съ водкой, которые они взяли изъ Науво для исправленія дурной воды, были захвачены на дорогѣ правительственными агентами подъ предлогомъ, что ихъ везли къ краснокожимъ, тогда какъ

запрещено было продавать имъ горячительные напитки. Четыре только боченка были спасены, и то самимъ Бригамомъ Юнгомъ. Одинъ изъ старѣйшинъ, который видѣлъ это происшествіе своими глазами и потомъ рассказывалъ мнѣ, говорилъ, что это единственный разъ, когда онъ видѣлъ пророка въ гнѣвѣ. Четыре послѣдніе боченка перевозились на плоту, когда одинъ изъ правительственныхъ чиновниковъ схватилъ молотокъ, чтобы выбить дно и разлить такимъ образомъ драгоценную жидкость, необходимую для спасенія жизни столькихъ людей. Увидѣвъ это, Бригамъ выхватилъ пистолетъ, прицѣлился прямо въ лицо чиновнику и воскликнулъ: «стой! если ты только прикоснешься къ боченкамъ, ты мертвый, клянусь Богомъ!» Чиновникъ поспѣшно соскочилъ съ плота на берегъ и болѣе не беспокоилъ эмигрантовъ (128—129).

«Смертность была страшная», говорилъ мнѣ Бригамъ Юнгъ, рассказывая горькую повѣсть своего странствованія. Однако, при всемъ этомъ храбрый, стойкій отрядъ святыхъ мужчинъ и женщинъ шелъ впередъ, не смотря ни на что. Когда имъ становилось очень грустно на сердцѣ, оркестръ музыки начиналъ играть какую-нибудь пѣсню; всѣ подтягивали ее и забывали свое горе. Днемъ они пѣли гимны, ночью плясали вокругъ сторожевыхъ огней. Уныніе, мрачныя мысли, аскетизмъ были строго изгнаны изъ ихъ лагеря, изъ ихъ головы. Между немногими собровищами, увеселенными ими изъ Науво, былъ печатный станокъ, и газета, печатавшаяся такимъ образомъ на дорогѣ, распространяла добрые совѣты и увѣщанія по всѣмъ закоулкамъ лагеря.

«Пройдя песчанна равнина, извѣстныя впоследствии образованному міру подъ названіемъ Небраски и Дакоты, они достигли подошвы первой гряды тѣхъ высокихъ, разбросанныхъ на громадномъ пространствѣ горъ, которыя обыкновенно группируются подъ однимъ названіемъ Скалистыхъ; чрезъ эти высокія стѣны не было еще въ то время ни одной тропинки и горныя проходы были занесены снѣгами. Безъ слезъ старики не могутъ рассказывать теперь, какъ они взбирались по этимъ горамъ, таща за собою фургоны, отыскивая себѣ пищу, безъ всякой помощи, безъ проводниковъ. Сильные и молодые шли впередъ, пробивая тропинку для стариковъ и женщинъ, отгоняя медвѣдей и волковъ, убивая змѣй и охотясь за лосемъ и дикимъ оленемъ. Наконецъ, когда они достигли вершины горнаго прохода, ихъ глазамъ представились безконечныя, бесплодныя, каменистыя равнины, съ пересохшими ложбинами потоковъ, съ обнаженными холмами, съ узкими оврагами, крутыми пропастями и ручьями

горькой воды. День за днемъ, недѣля за недѣлей шли они по этимъ холоднымъ сіеррамъ, по этимъ угрюмымъ долинамъ. Пища оскудѣвала, дикія животныя встрѣчались рѣже. Утахи и сенеки выказывали вражду, и въ концѣ ихъ путешествія, если они когда-нибудь достигнуть этого конца, ожидала ихъ такая же обнаженная, соленая пустыня!

И все же они не отчаявались отъ враждебнаго вида этой страны. Они не ожидали цвѣтущаго рая; рѣшившись поселиться въ этой новой странѣ, они знали, что въ ней никто не жилъ, потому, что ее считали вполне негодной; они ожидали найти тутъ только миръ и свободу, найти мѣсто, въ которомъ они могли попытаться счастье съ глазу на глазъ съ природой и куда они потомъ могли созывать всѣхъ своихъ братій святыхъ, какъ въ ихъ общее отечество. Наконецъ, спустившись съ вершинъ, съ тревожно бьющимся сердцемъ и трубнымъ звукомъ они вступили въ свою пустынную, но обѣтованную землю; они остановились на этой площадкѣ надъ Иорданомъ, близъ коническаго утеса, на которомъ Бригамъ видѣлъ ангела во снѣ; тутъ они составили планъ новаго города, изслѣдовали всѣ овраги и ручьи до ихъ начала въ горахъ, и черезъ нѣсколько дней отыскали, къ своему удивленію и радости, не только источники свѣжей воды, но и тѣнистыя рощи и зеленые луга. Ни минуты не было потеряно. Каждый тотчасъ взялся за свое дѣло подъ влияніемъ практической мудрой теоріи, проповѣдываемой Юнгомъ о святости труда. Дезереть, Страна Пчелы, была объявлена обѣтованной землей и будущимъ отечествомъ святыхъ» (130—132).

Для оцѣнки ученія мормоновъ слѣдуетъ отдѣлить основныя, такъ сказать постоянныя ихъ положенія, отъ временныхъ. Вдѣлая часть догматовъ, и между ними тѣ, которые всего болѣе поражаютъ своею странностью, вовсе не имѣютъ того характера неизмѣнности, который составляетъ особенность религиозныхъ догматовъ другихъ сектъ. Если Бригамъ Юнгъ поставилъ многоженство въ число существенныхъ вѣрованій, а Протъ внесъ его даже въ свою еогонію, то крайне сомнительно, чтобы Смитъ былъ практически полигамистомъ; нельзя даже сказать, каковы были его вѣрованія на этотъ счетъ въ послѣднее время; сначала же онъ былъ противникомъ этого ученія. Ничто не мѣшаетъ какому-либо новому мормонскому пророку послѣ Юнга, объявить ученіе о многоженствѣ отмѣненнымъ. Точно также, если Юнгъ, защитникъ рабства негровъ, исключаетъ ихъ однихъ изъ своей церкви, то въ прежнее время статьи Фельта противъ рабства возбуждали волненіе рабовладѣльцевъ, и въ будущемъ весьма возможно на этотъ счетъ новое откровеніе. Еще болѣе это при-

лагается къ метафизическимъ догматамъ. Въ «Книгѣ Мормона» встрѣчаемъ выраженія, въ которыхъ видна вѣра въ Троицу. У Ригдона отвергается битіе Духа Святаго какъ особой личности. Феррисъ выражался такъ, какъ бы Духъ Святой пребывалъ въ Джо Смитъ. Пратъ печатаетъ о многихъ богахъ, какъ имѣющихъ отдѣльную сферу дѣятельности, но также о *вѣчномъ Сынѣ*, о божественномъ существѣ, предшествовавшемъ Отцу и Сыну, и о вѣчной связи Бога съ веществомъ. Но Юнгъ говорилъ Диксону, что ученіе Прата не признается безусловно каноническимъ и что Прату угрожало даже изгнаніе изъ церкви мормоновъ. Точно также тѣ догматы, которые приводитъ Диксонъ (ми о нихъ скажемъ ниже), какъ входящія *теперь* въ школьное ученіе мормоновъ, могутъ быть видоизмѣнены, отмѣнены и дополнены новыми пророками и потому не могутъ считаться окончательно характеризующими ученіе мормоновъ.

Самый важный, основной и, строго говоря, теоретическій догматъ мормонизма есть непрерывное откровеніе и общеніе съ Богомъ, существующее для вѣрующихъ при посредствѣ пророковъ, хранящихъ наслѣдіе древнихъ пророковъ и апостоловъ. «Новая церковь проповѣдуетъ, что Богъ находится въ личномъ общеніи со святыми, руководителя ими теперь, какъ въ прежнія времена и въ будущія, откровеніемъ его святой воли чрезъ избраннаго имъ пророка, руководителя ими нѣтолько въ великихъ дѣлахъ, въ битвахъ, странствованіяхъ и голодѣ, но и во всѣхъ ихъ сельскихъ и домашнихъ заботахъ, въ посѣвѣ, въ постройкахъ, въ наложеніи печати на жену (156—167). Отсюда крѣпкая организація, проникающая до самыхъ мельчайшихъ подробностей жизни мормоновъ. «Такъ-какъ религія—ихъ жизнь, то каждое ихъ дѣйствіе, каждый поступокъ, общественный или коммерческій, разсматривается ими въ отношеніи того, что они называютъ волею Бога» (156)... Отсюда безусловная власть пророка надъ вѣрующими: «Ни одинъ рабъ на Востокѣ не повинуется такъ слѣпо своему господину, какъ святой — Юнгу, который повелѣваетъ ему идти на проповѣдь страны... Когда Юнгъ съ особенной торжественностью скажетъ: «Я это знаю», то его послѣдователи принимаютъ его голосъ за голосъ Бога. Отъ его словъ ихъ глаза блестятъ, ихъ лица сіяютъ; новая надежда, новое мужество вселяются въ ихъ сердца. Принимая его совѣтъ, его поощреніе за божественныя, они начинаютъ жизнь какъ бы за ново» (156). Первая и послѣдняя вещь, требуемая отъ мормона, есть *вера*, то-есть безусловная преданность дѣлу церкви, отсутствіе всякаго сомнѣнія въ ея божественномъ учрежденіи и въ ея божественной истинѣ, а потому и рѣшимость дѣйствовать всячески на

пользу ея. Въ этой вѣрѣ видать морmony возможность совершенія чудесъ, въ вѣрѣ въ самого себя лежитъ, по ихъ мнѣнiю, и творческая сила Бога. Въ основномъ же догматѣ непрерывнаго дара пророчества заключается возможность самаго непослѣдовательнаго измѣненiя въ догматахъ, въ правилахъ жизни; возможность внесенiя въ религiю всѣхъ прогрессивныхъ началъ, если во главѣ секты стоитъ человѣкъ съ живымъ пониманiемъ современности; возможность самыхъ отвратительныхъ явленiй, полнѣйшее униженiе человѣческаго достоинства, если званiе пророка попало на недостойную личность. Морmony представляютъ могущественную и хорошо организованную армию, которая повинуется безусловно силѣ и волѣ *одного* человѣка и пойдетъ туда, куда онъ ее поведетъ. Пророкъ морmony можетъ въ несравненно значительнѣйшей степени влiять на вѣрующихъ и чрезъ нихъ на человѣчество, чѣмъ римскiе папы въ среднiе вѣка, потому что ихъ все-таки связывала буква писанiя и преданiя отцовъ церкви и, при всей своей непогрѣшимости, они никогда не присвоивали себѣ дара непосредственнаго откровенiя догматовъ и вмѣшательства въ частную жизнь во имя общенiя съ божествомъ. Понятно, что это еоократическое устройство, столь несогласное съ демократическимъ строемъ сѣверо-американской республики, одинъ изъ пунктовъ, наиболѣе антипатичныхъ для гражданъ республики. Рядомъ съ самымъ неограниченнымъ проявленiемъ самодержавiя личности въ республикѣ, рядомъ съ требованiемъ отъ личности полнѣйшей самостоятельности подѣ опасенiемъ гибели, морmonyзмъ представляетъ такое отрѣшенiе отъ собственной мысли, отъ собственной воли, такое подчиненiе человѣка человѣку, которому примѣры встрѣчаемъ лишь въ монастырскихъ общинахъ.

Можетъ, конечно, показаться страннымъ, что именно въ средѣ сѣверо-американской республики проявилась подобная еоократiя, которая какъ бы противорѣчитъ всему выработанному въ республикѣ образу мыслей; но, въ сущности, подобный строй имѣетъ свои законныя начала въ самыхъ основахъ новаго общества.

Люди всегда желали наслаждаться, но для большинства невозможность наслаждаться казалась столь ясной или возможностью столь ограниченной, что самая попытка добыть себѣ болѣе прочное наслажденiе почти всегда устранялась, какъ фантастическая и учителями большинства и его членами. Въ послѣднiе вѣка, съ нѣкоторымъ увеличенiемъ удобствъ жизни, съ ближайшимъ знакомствомъ однихъ классовъ общества съ другими, въ особенности же вслѣдствiе общественныхъ переворотовъ, смѣ-

шавшихъ сословія болѣе чѣмъ когда либо, возможность расширенія наслажденія стала казаться значительнѣе массѣ, а потому въ ней и жажда наслажденій возросла. Либеральныя учрежденія открывали въ разныхъ государствахъ для личности все болѣе путей добиться благополучія, но нигдѣ это не было сдѣлано такъ широко, какъ въ Америкѣ. Тамъ можно было сказать, что всякій, одаренный физической и умственною энергіею, могъ ее приложить разнообразнѣйшимъ и наимыгоднѣйшимъ для себя образомъ. Всякій, имѣющій какой либо нравственный или матеріальный капиталъ, могъ получить на него громадныя проценты, лишь бы сознавалъ значеніе этого капитала и успѣлъ его употребить. Конечно, чѣмъ шире подобная свобода, тѣмъ огромнѣе и конкуренція. При этомъ быстро возвышается всякій, имѣющій преимущество ума, пріобрѣтеннаго капитала, физической ловкости, нравственной изворотливости; но столь же неизбѣжно затирается и гибнетъ тотъ, кто отстаетъ, кто не догадывается въ-время, кто неловче, слабѣе, кто менѣе изворотливъ. А чѣмъ болѣе число достигаетъ цѣли, тѣмъ въ остальныхъ жажда ее достигнуть растетъ, потому что возможность кажется больше, цѣль доступнѣе. Какъ ни широкъ либерализмъ учреждений, все-таки въ конкуренціи, при значительной потерѣ силъ на борьбу, пробивается до нѣсколько обезпеченнаго положенія меньшинство; большинство же остается на пути, жаждущее и недовольное. По самому свойству борьбы отстаютъ наименѣ развитыя личности, сдѣловательно и наименѣ способныя оцѣнить достоинство свободы, дающей возможность пробиться способнѣйшимъ. Эти остальные, при своей возрастающей жаднѣ наслажденій, готовы не цѣнить ни во что ту свободу, которая для нихъ есть лишь свобода быть задавленными во всеобщей борьбѣ, то развитіе, которое доставляетъ другимъ болѣшія удобства перегнуть и задавить ихъ. Какъ сдѣлать этой массѣ отсталыхъ, слабыхъ, неумѣлыхъ, недоразвитыхъ, чтобы добиться того, чего каждый изъ ея членовъ не въ состояніи добиться своими силами? Ей надо сплотиться и дѣйствовать общими силами, но у нея нѣтъ на столько энергіи и пониманія, чтобы самой найти себѣ организацію и способъ общаго дѣйствія. Она ждетъ, чтобы ей *предложили* организацію, въ которую бы она повѣрила, въ которой бы могла надѣяться найти достиженіе своихъ цѣлей. И вотъ на это ея желаніе рассчитываютъ честолюбцы, готовые сдѣлать бѣдниковъ орудіемъ своихъ личныхъ цѣлей. Политическіе агитаторы призываютъ массу къ политическимъ революціямъ. Исторія человѣчества привела неизбѣжно къ подобному положенію дѣлъ. Мы не беремъ на себя обязанности разобрать,

могло ли оно быть иначе, но если бы и могло, все равно, оно иначе *не было*, слѣдовательно въ настоящую минуту едва-ли кого можно обвинить, что положеніе дѣлъ таково, каково оно есть. Оно только можетъ объяснить то обстоятельство, что именно рядомъ съ самой либеральной организаціей общества въ пользу способнѣйшихъ личностей, проявилась деспотическая организація съ новымъ догматомъ, весьма несовершеннымъ, съ новымъ общественнымъ строемъ, требующимъ полнаго подчиненія личностей одному человѣку, и что эта организація нашла многочисленныхъ вѣрующихъ, разрослась до сотенъ тысячъ людей и сдѣлалась силою. Въ замѣнъ старыхъ вѣрованій, въ замѣнъ личной свободы и критики мысли она предлагала бѣдникамъ матеріальное обезпеченіе, *дѣйствительно* вознагражденный трудъ. Мормонскій миссіонеръ говорилъ во Франціи Эрдану *: «Мы вступили въ періодъ, когда общество не будетъ болѣе дозволить сектаторамъ играть его земною жизнію. Оно теперь получило самообладаніе. Ему нужно счастья: оно пойдетъ лишь за тѣми, кто ему дастъ счастье». Это еще не вполне справедливо, потому что фантастическія надежды не потеряли силы надъ человѣчествомъ, и мормонизмъ, наравнѣ съ другими сектами, представляетъ тому разительныя доказательства; но тѣмъ не менѣе справедливо, что люди всегда пойдутъ за сектаторами, которые обѣщаютъ имъ земное блаженство, какою бы цѣною ни приходилось покупать его. Въ особенности же это справедливо для массъ, а на нихъ-то и дѣйствуетъ мормонизмъ съ помощью своихъ покорныхъ, самоотверженныхъ и повсюду распространенныхъ миссіонеровъ. Приводимъ слова Диксона:

«Способъ, которымъ какойнибудь старшина призывается на миссіонерскій трудъ, имѣетъ въ себѣ что-то первобытное, романтичное въ нашъ грошевый вѣкъ. Говорятъ, что Юнгъ, идя по главной улицѣ, вдругъ увидитъ какогонибудь юнаго молодца, гонимаго стадо, ѣдущаго верхомъ или въ телегѣ, и какая-то пророческая мысль блеснетъ въ его умѣ; онъ подзоветъ къ себѣ молодаго старѣйшину и говоритъ ему, что Господь избралъ его для проповѣди. При этомъ онъ иногда назначаетъ время и мѣсто для этой проповѣди; время бываетъ годъ, три, десять; мѣсто—Ливерпуль, Дамаскъ, Дели, Пекинъ. Исирисивъ нѣсколько часовъ на приготовленія, новый проповѣдникъ приводитъ успѣшно въ порядокъ свои дѣла, прощается съ друзьями, целуетъ своихъ женъ и дѣтей и отправляется въ путь на святое дѣло. «Я говорилъ по крайней-мѣрѣ съ дюжиной такихъ миссіоне-

* *Al. Erdan*: «La France mystique» (1858) I, 290.

розъ, молодыхъ людей, призванныхъ для проповѣди изъ уединенныхъ ранчъ, съ пильныхъ мельницъ, изъ фруктовыхъ садовъ, призванныхъ неожиданно и отправившихся одиоко и безо всего въ самыя отдаленныя части свѣта. Старѣйшина Стенгаузъ былъ посланъ проповѣдывать во Францію и въ Швейцарію, старѣйшина Риттеръ въ Австрію, старѣйшина Назбитъ въ Англію, старѣйшина Дьюи въ Индію и на Цейлонъ. Способъ ихъ дѣйствія былъ вездѣ одинъ и тотъ же.

«Безъ денегъ, безъ пищи отправляется миссіонеръ въ путь. Онъ нанимается возницею, сторожемъ или плотникомъ въ какой-нибудь торговый обозъ, идущій къ Миссури или въ морю, какъ случится. Если ему предназначено идти въ Европу, то юный старѣйшина прокладываетъ себѣ дорогу работая какъ умѣетъ до Нью-Йорка, гдѣ онъ нанимается или въ писцы, или въ механики, до тѣхъ поръ, пока накопитъ достаточно денегъ для перѣзда въ Европу; если этотъ способъ неудобенъ для него или для его миссіонерскихъ цѣлей, то онъ нанимается на корабль матросомъ и во время долгаго морскаго пути пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы проповѣдывать своимъ скромнымъ товарищамъ матросамъ о мирномъ убѣжищѣ мормоновъ въ горной долинѣ (142—143)... Прибывъ въ Европу безъ гроша, безъ крова, миссіонеръ, если только это возможно, поселяется въ домъ одного изъ мѣстныхъ святыхъ. Если онъ не можетъ найти такого помѣщенія, то онъ спитъ на улицѣ, на свамѣ, на ступеняхъ лѣстницы, подъ деревомъ. «Выйдя на берегъ въ Соут-Гамптонъ, — говорилъ мнѣ старѣйшина Стенгаузъ, рассказывая о своихъ духовныхъ побѣдахъ, — у меня не было ни гроша въ кошелекѣ, я продалъ даже свои сапоги, чтобы купить досокъ для устройства каедръ, съ которой я могъ бы проповѣдывать». Старѣйшина Дьюи, по его собственнымъ словамъ, путешествовалъ съ Солѣнаго Озера до Сан-Франциско, изъ Сан-Франциско на Цейлонъ, изъ Цейлона въ Пуну, и во все время этихъ длинныхъ путешествій работалъ, просилъ милостыню, проповѣдывалъ и никогда не унывалъ, никогда не боялся за свою плоть, но всегда и вездѣ надѣялся на покровительство Божіе; онъ работалъ въ средѣ калифорнскихъ рудокоповъ, китайскихъ матросовъ, цингалезскихъ фермеровъ, бомбейскихъ погонщиковъ муловъ, и никогда не нуждался ни въ пищѣ, ни въ кровѣ» (143). Далѣе Диксонъ говоритъ о миссіонерахъ: «Въ самыхъ же несчастныхъ обстоятельствахъ они всегда могутъ получить работу, какъ портные, плотники или рабочіе въ докахъ. Питаясь коркою хлѣба, проводя ночи въ сараяхъ, они работаютъ и проповѣдуютъ, переходя изъ города въ городъ, ревностно исполняя

свое призваніе; терпѣливые, умѣренные, никому неизвѣстные, не заискивая ни передъ кѣмъ, не возбуждая никакихъ преній, они живутъ жизнью бѣднаго человѣка, истинными друзьями котораго они вѣчно себя заявляютъ. Исполнивъ свой долгъ, миссіонеръ отправляется въ обратный путь, все же проповѣдуя по всей дорогѣ; онъ возвращается со сцены своихъ трудовъ на веселую родину, къ своей цвѣтущей фермѣ, къ дѣятельной мельницѣ, въ счастливую долину Солѣнаго Озера (144)...

«Радостная вѣсть, которую люди, подобные Дьюи и Стенгаузу, распространяютъ между матросами, рабочими въ докахъ, простыми земледѣльцами, уличными носильщиками и имъ подобными людьми, дѣйствительно такого рода вѣсть, какую несчастные и недовольные жаждутъ услышать. Они проповѣдуютъ противъ міра и обычаевъ мірскихъ. Они говорятъ, что необходима великая переменна, они общаются бѣднымъ болѣе счастливое время и болѣе свѣтлое жилище. Они предлагаютъ голоднымъ кусокъ хлѣба, бездомнымъ свитальцамъ — кровъ, обнаженнымъ — одежду, мастеровымъ они общаются фабрики, крестьянамъ фермы. Рай, о которомъ они благоговѣствуютъ, не находится всецѣло за гробомъ; самая земля, по ихъ мнѣнію, составляетъ часть неба, и такъ-какъ земля и все, что на ней, принадлежитъ Богу, то они объявляютъ, что всѣ ея сокровища составляютъ истинное наслѣдіе его святыхъ (144)... До людей, которые богато одѣваются, живутъ въ большихъ домахъ и ѣдятъ на себѣ, миссіонеру нѣтъ никакого дѣла; его область — отдаленные закоулки города, а не большія блестящія улицы. Богатые, ученые, высокообразованные имѣютъ свои религіи, свои обряды, которые онъ не можетъ ни измѣнить, ни уничтожить. Они не нуждаются въ немъ, и онъ, въ своей гордости, никогда не заискиваетъ передъ ними (145)... Проходя мимо этихъ любимцевъ міра, какъ людей, къ которымъ онъ не посланъ, святой вращается гораздо въ низшихъ слояхъ общества, отыскивая жертвъ сего міра, о которыхъ кромѣ его никто, по видимому, не заботится. Въ нуждахъ и стремленіяхъ бѣдныхъ онъ находитъ готовое поле для своей проповѣди. Но онъ не хвалитъ нищихъ за то, что они бѣдны, онъ не учитъ, что нищета есть состояніе благодати; напротивъ — онъ проповѣдуетъ, что богатство добро, и общается, подтверждая свои слова тысячами примѣровъ, что святые разбогатѣютъ трудомъ своихъ рукъ и благословіемъ Бога» (145)...

И тѣ, которые приходятъ въ новый Іерусалимъ, въ городъ чеды, Дезеретъ, встрѣчаютъ дѣйствительно то, что имъ нужно:

въ первую же минуту заботливость, матеріальную и нравственную поддержку.

«Особыхъ священнослужителей, получающихъ жалованье, нѣтъ въ новой церкви. Каждый святой — священникъ, и потому ни одному человѣку въ церкви не дозволяется взять ни гроша за служеніе Богу, хотя бы все его время, всѣ его способности, вся его жизнь были поглощены этимъ служеніемъ. Обязанности къ церкви занимаютъ первое мѣсто, потомъ уже идутъ обязанности къ семейству и къ самому себѣ (140)... Вообще, богаты ли они или бѣдны, мормонскіе старѣйшины живутъ тѣмъ, что они работаютъ своими руками, и ничего не берутъ за свое высшее служеніе церкви.

«Ничѣмъ неоплачиваемая служба епископа чрезвычайно разнообразна, ибо мормонскій священникъ не только долженъ заботиться о духовномъ благосостояніи своей паствы, но и объ ея свѣтскихъ интересахъ; онъ долженъ смотрѣть, чтобъ ихъ поля были хорошо обработаны, чтобъ ихъ дома были опрятны, дѣти обучены, скотъ хорошо содержался. Въ прошедшее воскресенье, послѣ службы въ скинии, Бригамъ Юнгъ послалъ за нами, приглашая взойти на возвышенную платформу, гдѣ онъ сидѣлъ съ епископами и присутствовалъ при частномъ совѣщаніи distinguished отцовъ церкви. Трудно сказать, что подумали бы англійскіе епископы, видя такую сцену. Всѣ старики собрались въ кружокъ, и Эдвардъ Гунтеръ, предсѣдательствующій епископъ, спрашивалъ поочередно каждаго о работахъ, производившихся въ его приходѣ, о постройкѣ домовъ, объ осушеніи земли, о разведеніи садовъ; также и о нуждахъ того или другаго изъ прихожанъ. Только что прибылъ большой караванъ эмигрантовъ, и епископамъ надо было доставить шестистамъ новобранцевъ средства выстроить себѣ дома и посадить гряды капусты. Одинъ епископъ объявилъ, что онъ можетъ взять къ себѣ пятерыхъ наменщиковъ, другой — двухъ плотниковъ, третій — одного жестянника, четвертый — семь или восемь батраковъ, и такъ далѣе. Въ нѣсколько минутъ на моихъ глазахъ двѣсти человѣкъ изъ этихъ бѣдныхъ эмигрантовъ получили вѣрный кусокъ хлѣба. «Вотъ одно изъ занятій нашихъ епископовъ», сказалъ мнѣ Юнгъ, съ нѣсколько колкой улыбкой (141)...

«Я отправился съ епископомъ Гунтеромъ, столь же замѣчательнымъ своимъ остроуміемъ, какъ и добрыми дѣлами, посѣтить только что прибывшихъ англійскихъ эмигрантовъ. Ихъ шестьсотъ человѣкъ, родомъ изъ валлійскихъ горъ, изъ среднихъ англійскихъ графствъ; всѣ мужчины, женщины и дѣти чрезвычайно бѣдны, некрасивы, грязны, утомлены, покрыты

силью отъ скорбута и знойныхъ лучей солнца; поэтому я былъ неволью пораженъ отеческими попеченіями епископа, который необыкновенно нѣжно разговаривалъ съ ними и давалъ имъ мудрые совѣты. Нѣкоторые изъ женщинъ были больны и капризны; онѣ требовали масла, чая и другихъ вещей, которыхъ нельзя было найти за городомъ, гдѣ онѣ помѣщались. Гунтеръ тотчасъ послалъ въ городъ за докторомъ и приказалъ привезти чай и масла изъ общественныхъ кладовыхъ. Никогда я не забуду того благодарнаго выраженія, которымъ блеснули глаза нѣкоторыхъ страдальцевъ, чувствовавшихъ, что въ этомъ престарѣломъ епископѣ они нашли мудраго и заботливаго друга (146—147)...

«Заботы о бѣдныхъ составляютъ одну изъ святыхъ обязанностей человѣка, по ученію мормоновъ. Первый долгъ епископа— строго наблюдать, чтобы ни одинъ человѣкъ въ его приходѣ, въ его округѣ не нуждался въ пищѣ и въ одеждѣ; когда онъ видитъ, что какое нибудь семейство нуждается, онъ прямо идетъ въ болѣе богатому сосѣду и именемъ Господа спрашиваетъ мѣшокъ муки, голову сахару, ящикъ чаю, бѣлье, кровать; спрашиваетъ смѣло, очень хорошо зная, что его требованіе будетъ немедленно исполнено. Вся земля—Божія и должна быть отдана ему. Старѣйшина Дженингсъ, богатѣйшій купецъ въ городѣ Солёнаго Озера, рассказывалъ мнѣ, что онъ часто подвергается подобнымъ контрибуціямъ, въ дурныя времена года, раза два или три въ день. Въ случаѣ надобности епископъ идетъ къ сборщикамъ десятины и получаетъ тамъ помощь, въ которой нуждаются его прихожане, ибо нужды бѣдныхъ стоятъ выше нуждъ церкви; однако, очень рѣдко приходится, не довольствуясь частной благотворительностью, обращаться къ общественной казнѣ, ибо если у святаго есть что нибудь въ домѣ, то онъ долженъ раздѣлить это съ ближнимъ: если у него есть хлѣбъ — онъ долженъ накормить голоднаго; если у него есть одежда—онъ долженъ прикрыть обнаженнаго. Нивакое извиненіе не принимается, если онъ не исполняетъ этой великой обязанности» (145—146).

И слова, которыми встрѣчаетъ пророкъ эмигрантовъ, большею частію, какъ разъ въ уровень съ ихъ пониманіемъ. Диксонъ приводитъ слѣдующую рѣчь Бригама Юнга (117):

«Братья и сестры въ Господѣ и Иисусѣ Христѣ—сказалъ онъ— вы избраны Богомъ изъ міра и приведены его милосердіемъ въ эту горную долину для вспомошествованія намъ при созданіи его царства. Вы утомились и извезли отъ долгаго странствованія; отдохните же день или два, потомъ встаньте, оглянитесь

и рѣшите, какъ вы будете жить. Не терзайте себя относительно вашихъ религіозныхъ обязанностей; вы избраны для этого дѣла, и Богъ будетъ печься о васъ. Ободритесь и не унывайте. Посмотрите на эту долину, въ которую вы призваны изъ міра. Ваша первая обязанность научиться садить капусту, лукъ, томаты и сладкій картофель; потомъ научиться, какъ кормить свиней, строить домъ, разводить садъ, ходить за скотомъ, печь хлѣбъ, однимъ словомъ, ваша первая обязанность — жить. Вторая обязанность научить англійскому языку тѣхъ датчанъ, французовъ и швейцарцевъ, которые его не знаютъ, ибо сей языкъ — языкъ Божій, языкъ книги мормоновъ, языкъ послѣднихъ дней. Вотъ чему вы обязаны научиться прежде всего, остальное же придастся вамъ въ должное время. Да благословитъ васъ Богъ и да будетъ миръ Господа нашего Иисуса Христа со всѣми вами.

Замѣтимъ, что «новая церковь не только принимаетъ въ свое лоно всѣхъ приходящихъ къ ней, но терпитъ всѣхъ иновѣрцевъ, не спрашивая ничего, не подвергая никакимъ испытаніямъ, не требуя никакихъ жертвъ (152)... Обращенный въ мормонство принимаетъ новую истину и присовокупляетъ ее къ тѣмъ истинамъ, которыя онъ исповѣдовалъ прежде» (152).

Люди, вѣчно трудившіеся и съ отвращеніемъ смотрѣвшіе на на свой трудъ, вовсе не ищутъ наслажденія въ безусловной лѣни, такъ-какъ бессознательно для нихъ противный имъ трудъ вошелъ имъ въ привычку и другаго рода занятія имъ недоступны. Ихъ наслажденіе — видѣть осязательно плоды своихъ трудовъ; видѣть, что наравнѣ съ ними, такъ же, какъ они, трудятся и высшіе ихъ авторитеты, тѣ, которые занимаютъ вліятельнѣйшія положенія въ обществѣ; видѣть, что ихъ трудъ, бывшій непродводительнымъ и презрѣннымъ, сталъ почтеннымъ и производительнымъ въ новомъ общественномъ строѣ. Но именно это встрѣчаетъ въ Утахѣ бѣднякъ, умѣющій заняться и занимающійся только физическимъ трудомъ. Трудъ, въ особенности же физическій, трудъ для мормона — святня, религіозная обязанность, и это второй основной догматъ ихъ вѣрованія, на которомъ опирается все ихъ могущество: «Лѣнливый, недѣятельный человекъ — писалъ одинъ изъ апостоловъ мормонизма * — не можетъ быть христіаниномъ и участвовать во спасеніи».

«Десятина со всего дохода, часто гораздо больше дается охотно всѣми въ пользу церкви, но первая мысль новобранца, первый совѣтъ старшины, всегда одни и тѣ же, что святой долженъ

* *Orson Hyde*: «Frontier guardian».

смотрѣть на трудъ, трудъ физическій и умственный, но преимущественно физическій, какъ на предназначенную жертву, которую, по Божьему изволенію, человѣкъ очиститъ себя отъ грѣха и достигнетъ вѣчнаго покоя. Всю энергію, которую другія секты влагаютъ въ религіозную полемику, мормоны обращаютъ на трудъ. Они не избѣгаютъ словесныхъ разсужденій, они даже очень мѣткі на словахъ и быстро приводятъ надлежащіе тексты, но они предпочитаютъ вести главную свою полемику съ міромъ посредствомъ заступа (118)... Въ новой церкви всякій трудъ считается благороднымъ: воздѣлываніе неплодной земли, производство хлѣба и масла, фруктовъ и цвѣтовъ, клея и пряностей, деревъ и травъ, — считается дѣломъ спасительнымъ для души, ибо святые смотрятъ на землю, какъ на пустошь, которую слѣдуетъ трудомъ искупить и соединить съ будущимъ небомъ (157)... Пророки, президенты, епископы, старѣйшины всѣ имѣютъ свои занятія въ городѣ и за городомъ: продаютъ ленты, выводятъ персвки, строятъ мельницы, рубятъ дрова, содержатъ ранчи, пасутъ скотъ, водятъ обозы черезъ степь (140)... Въ городѣ, въ которомъ трудъ считается святымъ, самые важные сановники выигрываютъ въ общественномъ мнѣніи, занимаясь какимъ нибудь особымъ ремесломъ или торговлей. Такъ, не одинъ апостоль панетъ землю и не одинъ патріархъ правитъ волами въ фургонѣ. Вообще въ церкви этихъ святыхъ нѣтъ ни одного лѣниваго, ничего не дѣлающаго человѣка (140)... Пчела избрана святыми, какъ эмблема Дезерета, хотя природа почти лишила эту страну такого полезнаго насѣкомаго. Домъ Юнга называется пчелинымъ ульемъ; въ немъ нѣтъ мѣста трутнямъ, ибо всѣ жены пророка обязаны поддерживать себя шитьемъ, обученіемъ грамоты, тваньемъ, окраской пряжи или сухой фруктовъ. Каждая женщина на Солёномъ Озерѣ имѣетъ свою опредѣленную работу, по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, и каждая убѣждена, что трудъ дѣло благородное и святое, жертва достойная человѣка, приносящаго ее, и Бога, принимающаго ее (139)... На долю мужчинъ выпадаетъ болѣе тяжелая работа на поляхъ, въ городахъ и въ оврагахъ, гдѣ они роютъ землю, строятъ плотину на рѣкѣ, рубятъ дубъ и вленъ, пасутъ скотъ и ловятъ дивихъ лошадей. Но оба пола также исполняютъ нѣкоторыя работы и вмѣстѣ, т.-е. каждый по мѣрѣ своихъ силъ. Эта обоюдная работа состоитъ въ постройкѣ домовъ, въ разведеніи садовъ, въ устройствѣ лавокъ и магазиновъ, въ разработкѣ копей; и каждая работа производится съ такой энергіей, съ такимъ страстнымъ увлеченіемъ, какихъ вы никогда не встрѣтите на западныхъ склонахъ Вазатскаго кряжа» (140).

При этомъ религіозномъ значеніи труда и при могущественной организаціи общества становятся понятны чудеса, достигнутыя мормонами. Диксонъ сообщаетъ слѣдующія слова Юнга (133):

«Посмотрите вокругъ себя, если вы желаете знать, что мы за народъ. Девятнадцать лѣтъ тому назадъ, эта долина была пустыней, покрытой только тамъ и сямъ дикимъ шалфеемъ и подсолнечниками; мы, явившись сюда издалека, не принесли съ собою ничего, кромѣ мѣшка съ сѣменами и кореньями, ничего не привели, кромѣ нѣсколькихъ воловъ и фургоновъ; точно также и народъ, пришедшій сюда послѣ насъ, болѣею частью ткачи и простые работники, не принесли съ собой ничего, ни одного гроша, ни даже умѣнья обращаться съ землей. Посмотрите теперь вокругъ себя съ этого балкона, и вы увидите, что мы сдѣлали».

Вотъ первое впечатлѣніе путешественника при въѣздѣ въ страну, населенную мормонами:

«Мы вспоминаемъ о пустынныхъ равнинахъ, по которымъ мы только-что проѣхали, о нашемъ шестидневномъ путешествіи по горамъ и оврагамъ, и смотримъ съ удовольствіемъ на трудолюбіе, энергію и фанатизмъ людей, которыхъ какія бы то ни было ученія или обѣщанія могли побудить поселиться въ этой уединенной долині, съ цѣлью сдѣлать ее достойнымъ жилищемъ человѣка. Вотъ Кольвилъ, городъ въ горахъ, по крайней-мѣрѣ, начатокъ города; онъ стоитъ въ горномъ проходѣ, гдѣ всѣ инженеры объявили, что невозможно жить ни человѣку, ни животному. Небольшія поля ржи идутъ по берегамъ ручья, а на скатахъ горъ пасутся воли. Собаки сторожатъ фермы. Свиньи роются въ землѣ; цыплята бѣгаютъ по травѣ; лошади видѣются во дворахъ. Краснощекіе ребятишки, съ голубыми глазами и съ свѣтлыми кудрями, ясно говорящими объ ихъ чисто-англійской крови, играютъ передъ воротами, валяясь на соломѣ. Дѣвочки, девяти и десятилѣтнія, доятъ коровъ; мальчишки, тѣхъ же лѣтъ, выгоняютъ скотъ на пастбище; женщины моютъ бѣлье и стряпаютъ кушанье; мужчины копаютъ картофель, собираютъ плоды, рубятъ дрова и пилятъ доски. Каждый человѣкъ дѣятельно занятъ, каждое мѣстечко даетъ доходъ, хотя этотъ оврагъ вчера еще былъ пустыннымъ, каменистымъ угломъ (100)... Тѣ инженеры, которые донесли американскому правительству, что сотни поселенцевъ не найдутъ себѣ пищи въ этихъ долинахъ, не такъ ошибались, какъ полагаютъ теперь люди, видящіе на дѣлѣ успѣхъ Юнга. Даже Бриджеръ, старый вазатскій охотникъ, предлагая тысячу долларовъ за каждое зерно ржи, полученное съ этой земли, не былъ такъ глупъ, какъ оно можетъ казаться

теперь. Всѣ эти критики говорили только о томъ, что можно было ожидать отъ обыкновенныхъ людей, движимыхъ обыкновенными побужденіями, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что обыкновенные люди погибли бы. Почва до того здѣсь суха, до того бесплодна, что, со всей страстью къ труду, мормонъ можетъ воздѣлать только четыре акра земли, тогда какъ яичникъ на рѣкахъ Миссури и Канзасѣ легко воздѣлываетъ сорокъ акровъ. Удалите страстную силу, движущую мормонами, и чрезъ два года городъ Солёнаго Озера станетъ, такъ же какъ Денверъ, зависѣть отъ Индіаны и Огіо, станетъ точно такъ же нуждаться въ чужомъ кускѣ хлѣба (118)...

«Вскорѣ пустынная долина начала измѣнять свой видъ подъ ихъ искусными руками; горные ручьи отведены по новому направленію; поля обработаны и засѣяны; дома стали вырастать изъ земли; стада овецъ и коровъ паслись на горныхъ скатахъ; соленныя копи и пыльныя мельницы были устроены и пущены въ ходъ; фруктовыя деревья насажены и огороды разведены (132)... Прешель годъ, и мормоны не погибли въ своей пустынѣ. Напротивъ, они начали распространяться, благоденствовать и даже наживать деньги. Съ каждымъ годомъ они продолжали все болѣе и болѣе умножаться и богатѣть, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, ихъ вкупцѣ стали извѣстны въ Лондонѣ и Нью-Йоркѣ, а ихъ городъ сдѣлался однимъ изъ чудесъ свѣта» (133). Чтатели могутъ обратиться къ книгѣ Диксона для описанія этого города; оно сдѣлано весьма ловко, хотя далеко неполно. «Юнгъ уже составилъ планъ провести каналъ изъ озера Утахи въ городъ, чрезъ нижніе отроги вазачскаго вряжа; это предпріятіе будетъ стоить много денегъ, но за то превратитъ въ плодородныя поля огромныя, пустынные, обнаженныя пространства. Если городу Солёнаго Озера дозволить мирно процвѣтать и распространяться, то каналъ этотъ будетъ скоро прорытъ, и окружающая страна, покрытая теперь камнями, пескомъ и дикимъ шалфеемъ, превратится въ сады и виноградники» (104)...

Приведемъ, для заключенія, слова, которыя Диксонъ, по собственному свидѣтельству, сказалъ въ отвѣтъ на сознаніе одного изъ противниковъ мормоновъ, что они «хорошіе фермеры» (199—200):

«Хорошіе — сличномъ слабый эпитетъ для выраженія тѣхъ чудесъ, которыя они произвели. Въ Иллиноисѣ они превратили болото въ роскошный садъ. Въ Утахѣ они усѣяли пустыню зелеными лугами и богатыми полями маиса и ржи. Чѣмъ гордится всего болѣе Бригамъ Юнгъ? Своимъ гаремомъ, храмомъ, театромъ, своимъ званіемъ и богатствомъ? Онъ, можетъ быть,

гордится всѣмъ этимъ, но на что онъ болѣе всего наираетъ— это на тотъ фактъ, что онъ собралъ девяносто-три съ половиной бушелей пшеницы съ одного акра земли. Святые разбогатѣли съ быстротой, которая даже въ Америкѣ кажется магической. Начавъ жизнь въ самомъ бѣдственномъ положеніи, набранные изъ самыхъ бѣдныхъ классовъ, лишенные всего своего имущества и изгнанные изъ своихъ фермъ, принужденные употребить мильонъ долларовъ на опасный переходъ по пустынѣ, и наконецъ, поселившіеся на землѣ, съ которой почти бѣжали краснокожіе и бизоны за недостаткомъ пропитанія, они сумѣли прожить, распространить свои владѣнія и увеличить свои богатства. Всѣ горы и долины, окружающія Солѣное Озеро, покрыты веселыми полями пшеницы и ржи. Тутъ выстроены городъ, проведены дороги, возведены мельницы, прорыты каналы, срублены лѣса. Посреди обнаженныхъ пустынь устроено громадное депо продовольствія, которое можетъ питать всѣхъ рудокоповъ Монтаны и Невады. Открыта линія сообщенія между Сень-Луи и Санъ-Франциско».

Но энергія труда, какъ мы уже говорили выше, должна неизбѣжно поддерживаться веселымъ настроеніемъ духа, и мормонскіе пророки это поняли. «Новая церковь исповѣдуетъ, что истинное поклоненіе Богу есть пользованіе всѣми истинными удовольствіями жизни, которыя Небо доставляетъ человѣку столь же щедро, какъ отецъ дѣтямъ; это истинное поклоненіе не есть дань, собираемая государами земли, не есть жертва, требуемая священниками, но легкая, невинная забава, радость духа и плоти, сознаніе, что долгъ исполненъ и жизнь подерѣплена, освѣжена» (157)... Общественную сторону мормонской церкви можно назвать веселою, ея обряды праздничными. Мрачность, страхъ, отчаяніе, аскетизмъ, взлелѣанные старыми религіями, совершенно изгнаны изъ Новаго Іерусалима. Никто не боится быть пролетаріемъ, никто не терзаетъ своей души относительно судьбы, свободной воли, избранія духовенства и преемственной благодати. Мормонъ живетъ въ атмосферѣ твердаго упованія и довѣрія, ибо въ его глазахъ небо окружаетъ его со всѣхъ сторонъ, — онъ видитъ его и въ блестящемъ солнцѣ, и въ улыбающихся поляхъ, и въ снѣжныхъ вершинахъ горъ. Для него появленіе на землѣ святыхъ было вторымъ пришествіемъ, а основаніе ихъ церкви — началомъ Царства Бога на землѣ. Онъ не ощущаетъ никакой боязни, онъ не заботится о будущемъ. Чтѣ есть, то и будетъ, завтра — какъ сегодня, будущій годъ — какъ прошедшій; небо есть только продолженіе земли, и тамъ будетъ данъ каждому человѣку удѣлъ славы и могущества, со-

раздѣрно его повиновенію закону Бога въ настоящей жизни. Земля — говоритъ онъ — рай, созданный для удовольствія (159)... Юнга же можно назвать первосвященникомъ веселья; онъ выстроилъ большой театръ, въ которомъ его дочери играютъ комедіи и дивертисементы, выстроилъ общественную залу въ ратушѣ, въ которой молодѣжь, обоюго пола танцуетъ и поетъ; и самъ даетъ примѣръ частнымъ баламъ и вечерамъ, какъ въ домахъ, такъ и на чистомъ воздухѣ. Концерты и оперы даются постоянно въ городѣ Солёнаго Озера. Онъ отъ всей души поощряетъ пивники, однимъ словомъ, всё невинныя удовольствія. Воздѣлываніе винограда, уходъ за персиками, приготовленіе кушаній составляютъ важную заботу для святыхъ, такъ что эцикурецъ въ Новомъ Іерусалимѣ можетъ найти такія рѣдкости, о которыхъ онъ тщетно вздыхалъ бы въ Вашингтонѣ и Нью-Йоркѣ. Обѣдая у апостоловъ, мы всегда удивлялись громадному количеству сластей и фруктовъ, великолѣпному ихъ достоинству и вкусному приготовленію» (160). Въ связи съ этимъ, находимъ значеніе, приданное театру, какъ примѣрному элементу общественнаго развитія. «Театръ имѣетъ въ городѣ мормоновъ цѣль и значеніе гораздо высша, чѣмъ допустили бы это церкви въ Лондонѣ, Парижѣ или Нью-Йоркѣ. Бригамъ Юнгъ — оригиналъ во многихъ отношеніяхъ; онъ первосвященникъ того, что они выдаютъ за новый заветъ, за новое откровеніе; и однако, онъ устроилъ въ своемъ городѣ театръ, прежде, чѣмъ вывелъ надъ землею фундаментъ храма (110—111)... Бригамъ Юнгъ, можетъ быть, правъ или неправъ въ своихъ понятіяхъ о пользѣ, которую можетъ принести театръ въ городѣ, гдѣ нѣтъ еще высшихъ учебныхъ заведеній и университетовъ, но онъ рѣшился сдѣлать серьезную попытку; съ этою цѣлью онъ выстроилъ образцовый театръ, и теперь всѣми силами старается воспитать образцовую труппу (111)... Все на сценѣ строго-соотвѣтственно между собою; миръ и порядокъ царствуютъ посреди шутокъ и смѣха. Ни внутри театра, ни вокругъ его, вы не увидите тѣхъ разгульныхъ сценъ, которыя мы привыкли встрѣчать въ лондонскихъ театрахъ; вы не увидите ни развратныхъ женщинъ, ни мелкихъ ворюшекъ, ни пьяныхъ, ни нищихъ оборванныхъ дѣтей (112)... Я довольно хорошо знакомъ съ фойе и всѣмъ закулиснымъ міромъ европейскихъ театровъ; но я нигдѣ не видѣлъ, ни въ Италіи, ни въ Австріи такихъ изящныхъ приспособленій для удобства мужчинъ и женщинъ, принадлежащихъ къ труппѣ, какъ въ театрѣ Солёнаго Сзера. Фойе тутъ просто роскошная гостиная; декораторы имѣютъ отдѣльныя студіи, парикмахеры и костюмеры цѣлыя магазины; каждой актрисѣ, ка-

кую бы она маленькую роль ни исполняла, отведена особенная уборная.

«Юнгъ хорошо понимаетъ, что главная реформа театра должна начаться за сценой, что вы должны возвысить актера, прежде чѣмъ очистить сцену. Съ этой цѣлью онъ не только устроилъ уборныя и отдѣльную ложу для актрисъ, но отдалъ на театръ своихъ собственныхъ дочерей, для примѣра и поощренія всѣмъ другимъ (113)... Въ Нью-Йоркѣ, въ Санъ-Луи, въ Чикаго, никто не призналъ бы, что театръ — школа добродѣтели, и никакой здравомыслящій трезвый человѣкъ не выбралъ бы для своихъ дочерей ремесла актрисы. Юнгъ ясно понимаетъ, что признавая театръ за школу нравственности, ему предстоитъ бороться съ общественнымъ мнѣніемъ. Развратъ, словно какое-то ядовитое испареніе, носится въ атмосферѣ всякаго театра, хотя, конечно, менѣе всего въ американскихъ городахъ. Для устранения этого зла, происходящаго большею частью отъ дурныхъ преданій, Бригамъ Юнгъ приноситъ въ жертву какъ-бы часть себя — своихъ дѣтей. Дѣйствительно, это единственныя особы во всемъ городѣ Солѣнаго Озера, которыя могли совершить это дѣло очищенія современнаго театра. Такимъ образомъ, Алису и Зину можно считать священными дѣвами, вступившими на театральные подмостки для очищенія ихъ своимъ присутствіемъ отъ пятна древнаго, но не присущаго самой природѣ этого учрежденія» (114).

Но мормоны очень хорошо сознаютъ, что они окружены опасностями, что язычники ихъ ненавидятъ; прошлая исторія лежитъ тяжелымъ воспоминаніемъ между ними и ихъ сосѣдями. Поэтому, давно уже мормоны перестали быть мирными проповѣдниками. Ихъ крѣпкая организація дѣлала ихъ весьма удобнымъ войскомъ, и они незамедлили ею воспользоваться въ этомъ отношеніи. «Каждый святой, въ одно и то же время, и священникъ и солдатъ; каждаго обучаютъ, какъ духовной, такъ и физической борьбѣ. Каждый человѣкъ, достигшій возможности, имѣетъ мысль въ головѣ, револьверъ за кушакомъ и ружье въ рукахъ. Въ каждомъ домѣ мы находимъ оружіе: въ комнатѣ пророка, въ газетной конторѣ, въ домѣ эмигрантовъ, въ банѣ, въ общей столовой, въ обыкновенныхъ спальняхъ (120)... Маршировку можно теперь назвать частью ихъ религіозныхъ обрядовъ, ибо святой такъ же обязанъ участвовать въ парадѣ, какъ и присутствовать въ скинии. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что каждый взрослый мужчина въ Дезеретѣ, какъ мормоны называютъ Утаху, одинаково готовъ во всякую минуту отправиться миссіонеромъ для проповѣди или солдатомъ на поле битвы. Они хвалятся, и я полагаю, не попусту, что въ пятнад-

цать минутъ они могутъ собрать вокругъ городской ратуши три тысячи ружей, и такое же число револьверовъ. Однажды, вслѣдствіе ложной тревоги, такое громадное количество людей, дѣйствительно, собралось подъ знаменами» (121).

Многоженство, введенное Бригамоу Юнгомъ, можетъ быть рассмотрѣно также какъ одно изъ средствъ значительно усилить секту въ возможно-скорѣйшее время. Какъ миссіонеры вербуютъ новыхъ «святыхъ послѣдняго времени», такъ большое число женъ позволить мормонамъ въ весьма скоромъ времени, въ случаѣ борьбы, противопоставить своимъ противникамъ молодое поколѣніе, выращенное въ идеяхъ мормонизма и гораздо болѣе многочисленное, чѣмъ это могло бы быть внѣ условій многоженства. Мормонамъ *теперь* всего нужнѣе имѣть, какъ можно скорѣе, какъ можно болѣе солдатъ и работниковъ, слѣдовательно — быстро размножаться. Всѣ свидѣтельства сходятся въ томъ, что, дѣйствительно, они размножаются весьма быстро. Диксонъ пишетъ: «Юнгъ говорилъ намъ, что у него теперь въ живыхъ сорокъ-восемь дѣтей. У Кимбала, быть можетъ, столько же. Вообще, каждый домъ кипитъ дѣтьми; гдѣ вы ни увидите женщину, она всегда кормитъ ребѣнка, и куда вы ни войдете, вамъ всегда покажутъ нѣсколько дѣтей на рукахъ. Эта долина, по истинѣ — земля дѣтей. Имѣть въ домѣ двадцать мальчиковъ и дѣвочекъ — самое обыкновенное дѣло. Одинъ купецъ, у котораго мы вчера обѣдали, не могъ намъ сразу сказать, сколько у него дѣтей; для этого онъ долженъ былъ справиться въ книжкѣ, лежащей у него на конторѣ; одна изъ его женъ, красивая англичанка, съ вѣчнымъ ребѣнкомъ на рукахъ, съ улыбкой упрека смотрѣла на него, и должна была помочь ему въ счетѣ его многочисленнаго потомства. Надо замѣтить, что этому патриарху тридцать-три года (170—171)... Джоржъ А. Смитъ, двоюродный братъ Джозефа и историкъ мормонской церкви, говоритъ, что на основаніи документовъ, находящихся у него, пятьсотъ епископовъ и старѣйшинъ живутъ въ многоженствѣ въ долинахъ Солёнаго Озера; эти пятьсотъ старѣйшинъ имѣютъ, какъ онъ полагаетъ, среднимъ числомъ по три жены каждый, и по пятнадцати дѣтей, такъ что въ четырнадцать лѣтъ вліяніе этого особаго учрежденія распространилось на десять тысячъ человѣкъ (178)... Эта громадная плодовитость можетъ поддерживаться впродолженіе ста лѣтъ; конечно, современемъ, она сама собою должна ослабнуть отъ недостатка матеріаловъ; но въ настоящую минуту, фактъ этой плодовитости существуетъ, и онъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія государственныхъ людей Новой Америки (171)... «Вы здѣсь найдете полигамистовъ въ

третьемъ поколѣніи — говорилъ мнѣ старѣйшина Стенгаузъ — когда эти мальчики подростутъ и переженятся, тогда вы увидите въ нашей долинѣ настоящую патриархальную жизнь. Въ насъ все еще говорить древній міръ, и мы всегда думаемъ о томъ, что скажутъ о насъ въ шотландскихъ горахъ или средне-англійскихъ графствахъ» (175).

Дѣйствительно, можетъ быть, ни одинъ догматъ не возмущаетъ такъ «язычниковъ» вообще, какъ многоженство, между тѣмъ, теорія его проведена мормонами довольно послѣдовательно и связана систематически со всею ихъ метафизикою. «По ихъ словамъ, Авраамъ представляетъ образецъ идеальнаго человѣка, покينувшаго свой домъ, свой родъ, свою страну изъ любви къ Богу. Сара — образецъ женщины, ибо она называла своего мужа господиномъ, и дала ему въ жены свою служанку Агарь. Все, что дѣлалъ Авраамъ, и они могутъ, и должны дѣлать» (136)... Новая американская церковь ставитъ бракъ на первое мѣсто между обязанностями человѣка на землѣ. «Ни мужчины, ни женщины — говоритъ Юнгъ — не могутъ исполнять волю Бога одни»; то-есть, всѣ люди имѣютъ особую обязанность на землѣ, обязанность доставлять плотскую скинью для бессмертныхъ духовъ, ожидающихъ воплощенія; а это воплощеніе не можетъ быть произведено иначе, какъ соединеніемъ обоихъ половъ бракомъ. Не исполнить этой обязанности, по словамъ Юнга, значитъ не исполнить самаго священнаго долга человѣка; значитъ, сотворить грѣхъ. Неженатый человѣкъ, по убѣжденію мормоновъ, существо несовершенное, — это птица безъ крыльевъ, тѣло безъ души; природа двойственна: чтобы дополнить и усовершенствовать свою организацію, человѣкъ долженъ жениться. «Любовь — говоритъ Юнгъ — есть стремленіе къ высшей степени существованія; и страсти, понятія какъ слѣдуетъ, даютъ пищу нашей духовной жизни» (162)... Старѣйшинамъ, считающимся образцами для народа во всевозможномъ добрѣ, предписывается непременно жениться. Священникъ и старѣйшина долженъ быть мужемъ; даже въ рядахъ смиреннаго стада молодому человѣку не быть женатымъ считается безчестіемъ и признакомъ, что душа его не совершенно спасена.

«Святые, однако, пошли еще на шагъ далѣе въ этой теоріи, и вмѣсто того, чтобы отказывать своимъ священникамъ въ утѣшеніи женской любви, они поощряютъ ихъ на многоженство; между высшимъ духовенствомъ, пророкомъ, его апостолами и епископами, это многоженство не имѣетъ границъ. Не быть женатымъ на нѣсколькихъ женахъ, значитъ не быть хорошимъ мормономъ (163)... Одинъ энергичный, быстро идущій въ гору ста-

рѣшениа, сказалъ мнѣ вчера: «Я скоро опять женюсь, хочу возвыситься въ церкви; а вы видите, что никакой человѣкъ не можетъ отличиться въ нашемъ обществѣ, если онъ не имѣетъ громаднаго семейства. Чтобы имѣть здѣсь какую нибудь силу, надо быть мужемъ по крайней мѣрѣ трехъ женъ» (166). Но «на Солёномъ Озерѣ считается безчестнымъ, если человѣкъ беретъ новую жену, не имѣя достаточнаго состоянія содержать хорошо свое семейство, то-есть одѣввать его и кормить» (166).

«Новый догматъ, полученный отъ неба, былъ, однако, объявленъ Юнгомъ личной и исключительною собственностью святыхъ, а не всеобщимъ достоинствомъ. Святой могъ имѣть много женъ не по праву, а по благодати, какъ милость. Многоженство было дозволено немногимъ, а не приказано всѣмъ. Въ глазахъ Юнга это не была привилегія земли, но даръ неба, которымъ Богъ благословлялъ въ некоторыя изъ его любимыхъ сыновъ.

Пророкъ повидимому съ самаго начала понялъ, что въ общинѣ, полной юной жизни, юныхъ идей и страстей, его власть назначать число женъ старѣйшинамъ и апостоламъ, будетъ для него гораздо важнѣе, чѣмъ даже его власть благословлять землю и отворять врата неба. Подобная сила сдѣлала его господиномъ каждаго дома въ Утахѣ. Никакой папа, никакой калифъ, никакой госейнъ, никогда не имѣли власти удовлетворить сердце, жаждущее врасоты и страсти; и когда эта власть перешла въ руки Юнга вслѣдствіе благопріятныхъ для него идей и событий, онъ вѣжливо ухватился за нее и придалъ ей характеръ способности, лично принадлежащей ему и его званію. Святой можетъ жениться на одной женщинѣ, не спрашивая позволенія пророка. Эта привилегія составляетъ одно изъ его правъ, какъ человѣка, но далѣе этого предѣла онъ не можетъ идти иначе, какъ по особому дозволенію своего духовнаго главы. Для того, чтобы жениться на второй женѣ, необходимо особенное соизволеніе неба, которое испросить можетъ одинъ только Юнгъ. Если Юнгъ скажетъ да, то бракъ можетъ совершиться; если онъ скажетъ нѣтъ, то никакая апелляція на его рѣшеніе немнимо. Въ церкви мормоновъ подвигами не право человѣка, но даръ и милость Бога (177)... Если пророкъ скажетъ старѣйшинѣ: «возьми ее», женщина будетъ взята волей или неволей» (184).

Само собой разумѣется, что этотъ догматъ, имѣющій только временный смыслъ, какъ оружіе обороны противу язычниковъ и накопленія въ скорѣйшее время большаго числа воиновъ за вѣру, долженъ былъ имѣть и имѣетъ самыя гибельныя слѣдствія

для самаго общества мормоновъ. Прежде всего онъ обращаетъ половину личностей въ орудія непрерывнаго порожденія дѣтей, слѣдовательно отнимаетъ у женщинъ всякую общественную дѣятельность, унижаетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ и глазахъ мужчинъ на ступень прораба для физиологическаго процесса, и въ то самое время, когда весь мыслящій миръ занятъ трудностями рациональнаго рѣшенія женскаго вопроса, отодвигаетъ это рѣшеніе на нѣсколько вѣновъ назадъ. Весьма легко повѣрить словамъ Диксона, въ которыхъ онъ высказываетъ свои личные наблюденія о мормонской общественности и о мормонскихъ женщинахъ:

«Мужчины рѣдко видаютъ другъ друга дома, еще рѣже въ обществѣ женъ. Замкнутость дѣлается закономъ вездѣ, гдѣ царствуетъ полигамія, а этотъ обычай удаляетъ женщинъ отъ всякаго общества, взятый самъ по себѣ, помимо всѣхъ вопросовъ догматическихъ и нравственныхъ, затмѣваетъ ихъ зрѣніе и заглушаетъ ихъ слухъ. Если разговоръ развиваетъ мужчину, то онъ еще болѣе развиваетъ женщину, и мы можемъ сказать, основательно изучивъ много семействъ на Солёномъ Озерѣ, что мормонскія дамы потеряли всякую привычку принимать участіе даже въ такомъ легкомъ разговорѣ, какъ обыкновенный разговоръ въ гостинной или столовой (189)... Дамы вообще одѣваются очень просто, чтобы не сказать бѣдно; вы никогда не увидите на нихъ яркихъ цвѣтовъ или какихъ нибудь блестящихъ украшеній. Онѣ очень тихи и смиренны въ обращеніи, даже неестественно тихи (189)... Онѣ рѣдко улыбаются, и то какъ-то вяло, безжизненно, и хотя онѣ всѣ англійской крови, но мы никогда не слышали, чтобы онѣ смѣялись громкимъ, серебристымъ хохотомъ нашихъ англійскихъ дѣвушекъ.

«Онѣ знаютъ очень мало и интересуются очень немногимъ. Я полагаю, что всѣ онѣ отлично ходятъ за дѣтьми, и на опытѣ знаю, что многія изъ нихъ великолѣпно сушатъ и солятъ фрукты. Но онѣ обыкновенно чрезвычайно застѣнчивы и молчаливы, словно боятся, что ихъ мнѣніе о солнечномъ закатѣ, горномъ видѣ или другихъ подобныхъ предметахъ покажется ихъ мужьямъ и господамъ опаснымъ съ ихъ стороны вторженіемъ въ неприступную для нихъ область. Пока вы находитесь въ домѣ, женщинъ выводитъ въ гостинную, словно дѣтей у насъ; онѣ входятъ въ комнату на минуту, присѣдаютъ и пожимаютъ руки гостямъ; потомъ быстро исчезаютъ, словно считая себя лишними въ обществѣ. Я никогда не видывалъ подобной застѣнчивости между взрослыми женщинами, кромѣ какъ въ сирійской палаткѣ. Вы не найдете на Солёномъ Озерѣ, даже въ самыхъ бога-

тѣхъ семьяхъ ничего, что бы напоминало свободное и полное достоинства обращеніе англійской леди. Здѣсь ни одна женщина не царить; ни одна женщина своимъ обращеніемъ не доказываетъ, что она госпожа въ своемъ домѣ. Она не всегда сидитъ за столомъ, и когда раздѣляетъ трапезу съ своимъ повелителемъ, то она не помѣщается въ главѣ стола на главномъ мѣстѣ, но на одномъ изъ низшихъ. Вообще ея жизнь не проходитъ въ гостиной и столовой, а посвящена большею частью дѣтской, кухнѣ и кладовой (189—190)... Святые увѣряютъ, что у нихъ женщины стали гораздо больше женами, матерями и хозяйками, чѣмъ у язычниковъ, и что потерявъ нѣсколько во внѣшности и блескѣ, онѣ приобрѣли много въ добродѣтели и приносимой ими пользѣ. Мнѣ же кажется, что самая лучшая женщина значить въ ихъ домахъ немного больше самаго послѣдняго слуги, и никогда не возвышается до степени истиннаго друга и помощника своего мужа» (195).

Не мудрено также, что мужчины смотрятъ на женщинъ презрительно: «Женщины легче спасутся, чѣмъ мужчины — говорилъ Юнгъ — онѣ не довольно умны, чтобы много грѣшить. Мужчины имѣютъ больше знанія и силъ, потому они могутъ скорее и вѣрнѣе попасть въ адъ» (195).

Догматъ многоженства проповѣдывалъ и внутренній расколъ въ сектѣ. Ричдонъ проповѣдывалъ, что женщины могутъ раздѣлять престолъ святыхъ на небѣ, становясь ихъ духовными женами независимо отъ плотскаго союза, но мало-по-малу по самому своему свойству эта мистическая теорія обратилась въ плотскую полигамію. Бригамъ Юнгъ наконецъ рѣшился придать этой теоріи форму открытаго догмата. Онъ «представилъ бумагу, которая, по его словамъ, была вѣрная копія съ откровенія, полученнаго отъ Бога Джозефомъ въ Науво; въ этомъ откровеніи ему повелѣвалось, по примѣру Авраама, Іакова и Давида, принять въ свое лоно столько жонъ, сколько Богу угодно будетъ даровать ему. Эта бумага не написана почеркомъ Джозефа или Еммы, его жены; Юнгъ объявилъ, что она была написана со словъ пророка, однимъ изъ его учениковъ, прибавляя тотъ любопытный фактъ, что, когда Емма узнала впервые содержаніе этого документа, она схватила его и бросила въ огонь (175)... Никакое ясное доказательство не было еще до сихъ поръ представлено, что Джозефъ дѣйствительно жилъ въ многоженствѣ или диктовалъ бумагу, выдаваемую за откровеніе, полученное имъ отъ Бога. Что онъ не жилъ открыто болѣе, чѣмъ съ одной женщиной, признается всѣми или почти всѣми; на сколько же можно заключить изъ его раннихъ и вполне достоверныхъ

сочиненій, онъ былъ явнымъ противникомъ той теоріи, которая послѣ его смерти сдѣлалась основнымъ догматомъ его церкви» (179). Но пропаганда новаго догмата имѣла успѣхъ. «Двѣ тысячи старѣйшинъ собралось тогда въ Новомъ Іерусалимѣ, и послѣ проповѣди Орсона Прата и рѣчи Бригама Юнга, они признали и обнародовали это, такъ-называемое, откровеніе Бога. Это происходило 29-го августа 1852 года» (176)...

Емма, жена Джозефа и его секретарь, раздѣлявшая всѣ его труды и его славу, твердо и хладнокровно отрицаетъ, чтобы ея мужъ имѣлъ какую-нибудь другую жену, кромѣ нея. Она объявляетъ, что вся эта исторія—ложь, и откровеніе — обманъ. Она обличаетъ полигамію, какъ выдумку Юнга и Прата, какъ дѣло дьявола, грозящее уничтожить новую церковь Бога. Вслѣдствіе введенія этой теоріи, она удалась изъ среды святыхъ Утахы и поселилась между немногими отверженцами мормонской церкви, которыхъ она называетъ остаткомъ истинной церкви, въ Науво.

«Четыре сына Джозефа, — Джозефъ, Вильямъ, Александръ и Давидъ, всѣ обличаютъ ученіе о многоженствѣ, какъ выдумку Юнга (180)... Большое число святыхъ оставило церковь вслѣдствіе введенія догмата полигаміи: въ одной Калифорніи, говорить, отпало отъ церкви двадцать тысячъ человѣкъ. Многіе изъ этихъ святыхъ — непалигамистовъ живутъ въ Миссури и Иллинойсѣ. Даже между тѣми, которые пламенно придерживаются своей церкви въ городѣ Солёнаго Озера, повидимому, изъ двадцати человѣкъ девятнадцать не питаютъ никакого сочувствія и вѣры въ полигамію. Убѣжденіе, что основатель церкви Джозефъ никогда не жилъ въ многоженствѣ, чрезвычайно распространено повсюду» (178—179).

Какимъ образомъ можно себѣ объяснить появленіе столь унижительною для женщинъ теоріи въ то самое время, когда вопросы о равноправности женщинъ и мужчинъ волнуютъ умы и въ той самой странѣ, гдѣ мормонизмъ проявляется съ наибольшею силою? Какимъ образомъ женщины, и всѣ агитаціи женскихъ союзовъ, весьма вліятельныя въ Америкѣ, могли, и могутъ идти толпами въ Утаху, гдѣ онѣ становятся такъ низко? Едва-ли это можно объяснить себѣ иначе, какъ тѣмъ патологическимъ стремленіемъ въ фантастическому, небывалому, которое такъ давно господствуетъ въ человѣчествѣ и вызываетъ въ немъ самыя странныя явленія. Если женщины оставляли и оставляютъ семьи, чтобы идти въ монастыри, почему имъ не стремиться быть одною изъ семи женъ мормонскаго апостола, когда онѣ могутъ надѣяться раздѣлить этимъ путемъ вѣчный престолъ будущаго бога и царить надъ мірами? Тамъ, гдѣ періодически повторяются

религіозныя епідеміи ревнвалей, не особенно странно видѣть женщинъ, стремящихся въ гаремы мормоновъ. Оно, конечно, нерационально, но въ ряду сектъ, которыя составляютъ предметъ этихъ статей, читатель и не долженъ ожидать примѣровъ разсудительности, а скорѣе разнообразныя проявленія извращенія мысли.

На сколько фантастическій элементъ силенъ у мормонскихъ женщинъ, видно изъ теоріи брака на будущую жизнь и брака съ мертвецами, составляющаго довольно интересное, хотя не имѣющее особаго значенія, явленіе въ ученіи мормоновъ. Диксонъ говоритъ: «Наложеніе печати, связывающее мужчину и женщину, можетъ быть совершенно на время и на всю вѣчность, т.-е. мужчина можетъ взять въ жены женщину только на эту жизнь, какъ мы всѣ дѣлаемъ въ христіанской церкви, или вмѣстѣ и на эту жизнь и на будущую (183)... Мормонскій старѣйшина проповѣдуетъ, что женщина, которая была закрѣплена печатью одному мужу на время, можетъ быть закрѣплена другому на вѣчность. Это закрѣпленіе жены печатью на будущую жизнь должно быть сдѣлано на землѣ, и можетъ быть сдѣлано при жизни ея земнаго мужа; это даетъ женщинѣ въ нѣкоторомъ отношеніи право на выборъ втораго мужа, ибо между святыми женщина пользуется такимъ же правомъ избирать себѣ небеснаго жениха, какъ мужчина — земную невѣсту (183 — 184)... Бракъ временный — дѣло земное и долженъ быть заключенъ между живыми мужчиной и живой женщиной, но бракъ вѣчный, будучи дѣломъ небеснымъ, можетъ быть заключенъ, говорятъ эти святые, между живыми и мертвыми, только подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ этотъ союзъ былъ дѣйствительнымъ союзомъ, освященнымъ пророкомъ и совершеннымъ по установленному обряду. Во всякомъ случаѣ, этотъ союзъ долженъ быть настоящимъ бракомъ въ каноническомъ смыслѣ и въ смыслѣ положительнаго закона, а не платоническій обрядъ, мистическое сродство душъ. Но тутъ является затрудненіе. Какъ можетъ быть женщина соединена плотски съ человѣкомъ, лежащимъ во гробѣ! Посредствомъ замѣщенія, отвѣтитъ вамъ святые (185)... Женщина можетъ избирать себѣ жениха для будущей жизни на небѣ, но подобно мужчинѣ, желающему взять вторую жену, она не можетъ выйти замужъ за мертваго человѣка безъ согласія и посредничества Юнга. Положимъ, что какая-нибудь восторженная дѣвушка вздумала бы сдѣлаться одной изъ небесныхъ царицъ умершаго святаго; ей очень легко удовлетворить прихоть своего воображенія, если только эта прихоть будетъ согласоваться съ плотскою прихотью пророка. Юнгъ ея единственный судья, его «да» или «нѣтъ» слу-

жать иѣриломъ ея понятій о добрѣ и злѣ. Посредствомъ религіознаго обряда, онъ можетъ закрѣпить ее печатью умершему человѣку, котораго она избрала въ свои повелители и цари на небѣ; тѣмъ же самымъ обрядомъ, онъ можетъ назначить одного изъ своихъ старѣйшинъ и апостоловъ исполнять на землѣ должность этого небеснаго супруга; если же ея красота соблазнитъ его, то онъ можетъ самъ принять на себя исполненіе супружескихъ обязанностей отошедшаго въ вѣчность супруга (185—186)... Съ другой стороны мормоны увѣряютъ, что они имѣютъ такую власть надъ духами, что въ состояніи закрѣпить печатью мертвыхъ живымъ. Старѣйшина Стенгаузъ разсказывалъ мнѣ, что у него есть одна умершая жена, которая была закрѣплена ему печатью послѣ ея смерти (187)... Онъ считаетъ погибшую красавицу одной изъ своихъ дѣйствительныхъ женъ и твердо вѣритъ, что она будетъ царить съ нимъ въ небесахъ» (187).

Замѣтимъ здѣсь, что крещеніе, которое мормоны повторяютъ часто для отпущенія грѣховъ, можетъ также быть совершено въ формѣ замѣщенія мертвыхъ живыми, такъ что мертвому отпускаются грѣхи въ лицѣ живаго, принимающаго за него крещеніе.

Мы считаемъ, что догматы многоженства, «духовныхъ женъ, замѣтительныхъ браковъ и крещеній вовсе не составляютъ существеннаго элемента въ религіи мормоновъ, и весьма возможно, что если эта секта просуществуетъ долѣе, новые пророки, по прекращеніи опасности борьбы, устранятъ догматъ многоженства, какъ скорѣе вредный, чѣмъ полезный, и отодвинутъ на второй планъ мистическія загробныя сношенія, которыя не могутъ рано или поздно не вызвать крайняго скептицизма. Точно также вводимъ лишь, какъ временный кодексъ, тѣ странныя метафизическіе догматы, которые указываетъ Диксонъ какъ предметъ вѣроученія въ высшихъ мормонскихъ школахъ:

«1) Богъ — существо въ образѣ и плоти человѣка.

2) Человѣкъ есть часть существа Бога и самъ сдѣлается нѣкогда богомъ.

3) Человѣкъ не созданъ Богомъ, но существовалъ въ вѣчности и будетъ существовать въ вѣчность.

4) Человѣкъ не рожденъ во грѣхъ и не отвѣчаетъ за грѣхи другихъ людей, а только за свои.

5) Земля есть поселеніе воплощенныхъ духовъ, одно изъ многихъ поселеній въ пространствѣ.

6) Богъ — президентъ бессмертныхъ, господствуетъ надъ четырьмя родами существъ; эти роды суть: 1) боги, т.-е. бессмертныя существа, имѣющія совершеннѣйшую организацію души и тѣла и представляющія конечное измѣненіе человѣка,

проведшаго жизнь, строго исполняя всѣ божественные законы; 2) ангелы — бессмертныя существа, которыя жили на землѣ, не выполнѣ исполняя божественные законы; 3) люди — бессмертныя созданія, въ которыхъ живая душа соединена съ тѣломъ; 4) духи — бессмертныя существа, ожидающія еще воплощенія.

7) Человѣкъ, будучи одной расы съ богами, дѣлается достойнымъ небеснаго престола посредствомъ брака, ибо его жены и дѣти составляютъ его царство не только на землѣ, но и на небесахъ.

8) Царство Бога снова создано на землѣ; настало время святымъ овладѣть тѣмъ, что имъ пранадлежитъ, но овладѣть добродѣтельно, а не насиліемъ, трудомъ, а не оружіемъ» (148).

Исключеніе негровъ изъ мормонизма, потому что негры, какъ говоритъ Диксонъ (151), считаются потомками Каина, или потому, что въ нихъ воплощаются души, послѣдовавшія за Люциферомъ при его возмущеніи *, мы считаемъ тоже временнымъ.

Какъ бы то ни было, мормоны теперь составляютъ значительную силу. Диксонъ очерчиваетъ слѣдующими словами ихъ распространеніе (118 — 119): «Тридцать-шесть лѣтъ тому назадъ, въ Америкѣ было шесть мормоновъ, въ Англіи и остальной Европѣ ни одного, а сегодня (1866) двадцать тысячъ святыхъ живутъ въ городѣ Солёнаго озера, четыре тысячи въ Оаденѣ, по стольку же въ Прово и Логанѣ; всего во всѣхъ поселеніяхъ, разбросанныхъ въ этихъ долинахъ (этихъ поселеній, организованныхъ и управляемыхъ епископами и старѣйшинами, сто шесть), полтараста тысячъ душъ; въ остальныхъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ около восьми или десяти тысячъ; въ Англіи и ея колоніяхъ около пятнадцати тысячъ, въ остальной Европѣ десять тысячъ, въ Азійи и на островахъ Южнаго океана около двадцати тысячъ, и того всѣхъ послѣдователей евангелія Іосифа Смита не менѣе двухсотъ тысячъ человѣкъ. Все это громадное количество людей обращено въ новую вѣру, собрано вокругъ этого храма въ продолженіе тридцати лѣтъ (118—119).

Секта, къ которой мы теперь переходимъ, имѣетъ совсѣмъ иной религіозный и социальный характеръ. Какъ мормоны преимущественно дѣйствуютъ въ низшемъ классѣ общества и набираютъ изъ него своихъ послѣдователей, такъ сиври-

* «Times and Seasons» 616 и слѣд.

тисты * распространяются почти исключительно въ достаточныхъ и, такъ-называемыхъ, образованныхъ слояхъ общества. У мормоновъ существуетъ крѣпкая организація и, съ помощью ея, они создали почти самостоятельное государство, обработали значительный кусокъ земли, и могутъ представить своимъ врагамъ определенное дѣло, ими совершенное, хотя въ самыхъ преувеличенныхъ расчетахъ, они полагаютъ свое число не превосходящимъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ. Спиритисты считаются миллионами въ одной Америкѣ, а число ихъ въ старомъ свѣтѣ определить невозможно, но они не образовали никакой организаціи, едва дошли до нѣсколько значительнаго митинга въ двадцать лѣтъ своего существованія, не дали другаго видимаго результата кромѣ весьма обширной литературы, неизмѣющей впрочемъ никакого значенія ни для науки, ни для искусства, ни для государственнаго строя, и результатъ ихъ существованія для Америки, какъ и для человѣчества, пока равенъ нулю. Мормоны составляютъ уже теперь политическую силу, о которой приходится говорить въ конгрессѣ, съ которой приходится вести переговоры и чуть-чуть не формальную войну. Спиритисты еще не оказали вліянія ни на одну отрасль администраціи или законодательства штатовъ; это вліяніе еще не проявилось даже на выборахъ; ни одинъ политическій журналъ, ни одна политическая партія не нуждалась въ ихъ содѣйствіи или не опасалась ихъ противодѣйствія. У мормоновъ, подъ слоемъ странныхъ теоретическихкихъ и практическихкихъ догматовъ, можно уже теперь указать практическія живыя начала, составляющія силу секты и служащія определенной цѣли для ея стремленій. У спиритистовъ трудно идти далѣе догадки о направленіи, которое примутъ всѣ многочисленные галлюцинаціи, и о значеніи ихъ въ исторіи практическаго развитія человѣчества.

Первымъ спиритистомъ Америки считается Эндрю Джексонъ Дэвисъ, родившійся въ 1826 г. въ Блумингъ-гровъ въ штатѣ Нью-Йоркъ. Онъ на столько былъ лишенъ способностей, что не сдѣлалъ ровно никакихъ успѣховъ въ деревенской школѣ и былъ годенъ лишь въ пастухи. Уже здѣсь ему были обычны галлюцинаціи

---

* Собственно въ Америкѣ и въ большей части Европы приверженцы этого ученія называютъ себя *спиритуалистами*. Лишь тотъ отдѣлъ ихъ, который группируется во Франціи около Алана Кардека, принялъ названіе *спиритистовъ* въ отличіе отъ другой парижской группы, нѣсколько разнающейся въ ученіи, и удержавшей названіе *спиритуалистовъ*. Но мы удержимъ названіе спиритистовъ для всѣхъ отраслей секты, такъ-какъ слово *спиритуализмъ* есть уже установившійся терминъ въ философіи для школъ, допускающихъ дуализмъ тѣла и духа и бевсмертіе послѣдняго.

слуха и зрѣнія *. Подъ вліяніемъ ихъ онъ перешелъ и въ Покипси, гдѣ сдѣлался бродячимъ башмачникомъ. Здѣсь видѣнія и голоса, имъ слышанные, усилились. Можетъ быть, подъ вліяніемъ преданія о тюремной прѣговѣдѣ Анны Ли, Дэвисъ здѣсь получалъ первыя откровенія о сообщенияхъ міра мертвенныхъ съ живыми; наконецъ, портной-магнитизеръ Ливингстонъ открылъ въ Дэвисѣ даръ ясновидѣнія и сталъ его эксплуатировать въ разныхъ мѣстностяхъ, въ особенности въ Нью-Йоркѣ. Здѣсь девятнадцатилѣтній юноша попалъ въ руки еще болѣе ловкихъ личностей Лайона (Lyon) и Фишбо (Fischbough), и въ 1847 г. появилось первое его сочиненіе: «Начала природы» (The Principles of Nature: her Divine Revelation and a Voice to mankind), положившее начало ученію спиритистовъ и обнимающее на 782 убогихъ страницахъ въ 8° обзоръ всѣхъ нравственныхъ и физическихъ наукъ: космологію, астрономію, геологію, этнологію, археологію, мѣологію, теологію, психологію, исторію, метафизику и т. д.». Кромѣ «возвышенныхъ полетовъ мысли въ области, до сихъ поръ не изслѣдованныхъ ни однимъ земнымъ существомъ». Здѣсь уже проявилась особенность спиритизма, которая связываетъ его съ современнымъ направленіемъ умовъ, въ отличіе отъ многочисленныхъ сектъ прошлаго времени, имѣвшихъ столь же разнообразныя видѣнія и говорившихъ съ такою же увѣренностью о своихъ откровеніяхъ свыше. Особенность, о которой мы говоримъ, есть оппозиціонное отношеніе къ существующимъ религіямъ и соединеніе матеріалистическихъ началъ современнаго естествознанія съ вѣрованіемъ, коренившимся въ чистомъ дуализмѣ тѣла и духа, унаслѣдованномъ отъ весьма старыхъ воззрѣній. Наша сфера признается Дэвисомъ находящеюся въ испорченномъ состояніи, но прогрессивно развивающеюся, при чемъ прогрессъ составляетъ «вѣчный законъ вещества, ему присущій». «Все представляетъ результатъ прогрессивнаго развитія», начиная съ «самой инертной частицы вещества» до «человѣческаго духа». Въ началѣ безформенное вещество представляло океанъ жидкаго огня, заключавшій въ себѣ возможность будущаго міра. «Въ силу своихъ собственныхъ законовъ» это первобытное вещество развило свѣтъ, теплоту и наконецъ образовало міры, по системѣ туманностей. Слѣдующіе отрывки могутъ дать нѣкоторое понятіе о точкѣ зрѣнія книги, которая, впрочемъ, составленная людьми, очевидно неимѣвшими никакого философскаго образованія, заключаетъ въ себѣ са-

* Первый случай онъ возводитъ къ эпохѣ, когда ему было 3 года и нѣсколько недѣль.

мнѣ дивія непослѣдовательности, а иногда фразы, лишенныя всякаго смысла*.

«Вещество составляетъ сущность всего въ мирѣ (227). По собственному закону вещество даетъ свой окончательный результатъ, духъ (50). Всѣ оковнательно получаемые результаты суть вещество (47). Первоначальная сила движенія заключала въ себѣ существованіе всѣхъ извѣстныхъ силъ. Точно также вещество включаетъ въ себѣ всѣ специфическія сущности (essences) и свойства для произведенія человѣка (69). Человѣкъ есть высшая и совершеннѣйшая комбинація организованнаго вещества (597). Человѣкъ, духовно, есть совершенство движенія (604). Вселенная проникнута живымъ духомъ (living spirit) для составленія одного цѣлаго—одного огромнаго человѣка (*здесь ясно наслѣдство Сведенборга*). Поэтому существуютъ лишь два принципа: одинъ—тѣло, другой—душа; одинъ божественный положительный духъ (mind), другой—вселенная (universealium). Человѣкъ есть часть этого великаго тѣла божественнаго духа. Онъ — желѣза или мелкій органъ» (463).

Авторъ принимаетъ теорію развитія высшихъ животныхъ изъ низшихъ и развитіе высшихъ расъ человѣка изъ низшихъ. Но и человѣкъ находится лишь на половинѣ своего развитія. Ему остается перейти чрезъ 6 степеней развитія, пока онъ сдѣлается на седьмой «совершеннѣйшимъ смертнымъ». Смерть есть не разрушеніе, но духовное рожденіе, «пробужденіе изъ глубокаго сна». Помощью новаго откровенія авторъ, отвергая всѣ предшествующія ученія, далъ свое богословіе, по его словамъ, «писанное на обширномъ свиткѣ небесъ, гдѣ каждая звѣзда—слово, и каждое созвѣздіе—изрѣченіе».

Впрочемъ, во всѣхъ отношеніяхъ, откровенія, сообщенныя Дэвису, не заключали ничего особеннаго. Не было тамъ ни одной идеи, которую бы нельзя было прослѣдить довольно далеко въ преданія о сообщеніяхъ съ мертвецами или въ современныя обиходныя воззрѣнія естествоиспытателей. Впослѣдствіи, онъ развилъ съ большею полнотою всѣ свои откровенія въ пяти томахъ сочиненія «Великая гармонія», гдѣ находимъ и его путешествія на различныя планеты и разныя частности о мирѣ загробномъ. Но это уже было въ связи съ техническимъ спиритизмомъ, развившимся годъ спустя послѣ изданія книги Дэвиса.

Въ мартѣ 1848 г. двѣицы Фоксъ вошли въ сношенія съ духами мертвыхъ въ мѣстечкѣ Акадія, въ штатѣ Нью-Йоркѣ, поселившись въ домѣ, изъ котораго преждему хозяину Уивману (Weckman)

* Цитаты по 4-му Нью-Йорскому изданію.

пришлось удалиться вслѣдствіе таинственнаго стука въ стѣнахъ. Мать этихъ дѣвицъ, мистриссъ Фоксъ, приступила немедленно къ разспрашиванію духовъ, считая число ударовъ. Стучащій духъ сообщилъ свою исторію. Сосѣди набѣжали въ таинственный домъ, разговаривать съ духомъ. Фоксы переѣхали въ Рочестеръ; духъ послѣдовалъ за ними, призвавъ съ собою еще и другихъ духовъ. Затѣмъ духи хлынули потокомъ въ дома городовъ нью-йоркскаго штата; спиритистическія явленія разлились по сѣвернымъ штатамъ, по Канадѣ, перенеслись въ Европу и распространились по всему образованному міру. Изъ вѣрующихъ мірянъ выдвинулось новое духовенство *медіумовъ*, которое одно могло сообщаться съ міромъ духовъ. Старинныя продѣлки сибирскихъ шамановъ и говорящіе столы индіанскихъ вигвамовъ перешли въ гостинныя цивилизованныхъ народовъ. Химизъ докторъ Гэръ (Hage), профессоръ въ пенсильванскомъ университетѣ, придумалъ приборъ для сообщенія съ духами, спиритоскопъ. Потомъ придумавъ извѣстный всѣмъ психографъ. Потомъ медіумы стали просто писать карандашомъ и перомъ, говорить отъ имени духовъ. Рисунки, портреты, фотографіи мертвыхъ стали дѣломъ совершенно обыкновеннымъ. Наконецъ духи стали сами писать и рисовать на бѣлой бумагѣ. При этомъ не замедлили проявиться и всѣ тѣ факты, которые такъ обычны въ легендарныхъ житіяхъ средневѣковыхъ мистиковъ: люди летали по воздуху; дѣйствіе тяжести уничтожалось въ предметахъ; разные предметы повиновались слову и мысли; люди говорили на неизвѣстныхъ имъ языкахъ, совершали всякія чудеса и т. д.

Все это очень старая исторія, и мы на ней не станемъ останавливаться долго, такъ-какъ это не что-либо чуждое нашему обществу, свойственное лишь Америкѣ. Если спиритисты получили начало въ сѣверныхъ штатахъ, то они весьма быстро распространились и въ старомъ свѣтѣ. Любопытные легко могутъ ознакомиться съ этими видѣніями, сообщеніями, откровеніями во всѣхъ нѣсколько значительныхъ городахъ Европы и въ нашемъ отечествѣ. Цѣль этой статьи не можетъ быть полемика противу спиритизма, такъ-какъ тогда, съ равнымъ правомъ, читатель могъ бы искать здѣсь и полемику противу ирвингянцевъ, сведенборгянцевъ, шэверовъ, мормоновъ. Мы не споримъ, а указываемъ фактъ. Предохранить отъ спиритизма можетъ не полемика противъ него, а предварительное развитіе мысли, о чемъ скажемъ ниже. Poleмика же противъ зараженныхъ этою эпидемією совершенно бесплодна, потому что никогда ни одинъ вѣрующій не былъ и не будетъ доступенъ аргументамъ науки. Точки исхода ученаго и вѣрующаго діаметрально противополож-

ны. Какъ только спиритисты или кто другой *повторилъ*, что фактъ, въ немъ или передъ нимъ совершающійся, есть фактъ объективный, несогласный съ законами естествознанія, то онъ уже говоритъ на языкѣ, отличномъ отъ языка естествоиспытателей, который исходитъ изъ положенія: что не согласно съ законами естествознанія, то есть фактъ субъективный. Для вѣрующаго спиритиста, наука, со своими требованиями, не существуетъ. Убѣждать его нечего въ недостаткѣ критическихъ основаній его откровенія. Но желательно, чтобы современные спиритисты поняли слѣдующее: они стоятъ внѣ всякаго общенія съ человѣческой наукою, внѣ всякаго общенія со всѣми главными актами христіанства.

Изъ начала этой статьи читатель могъ видѣть, что сообщенія съ мертвыми и гаданіе помощью различныхъ движущихся предметовъ, составляютъ весьма старинный прецедентъ спиритизма. Сведенборгіане и шекеры дали спиритизму весь матеріалъ его сообщенія съ міромъ мертвецовъ. Описанія духовнаго міра, какъ мы его встрѣчаемъ у многочисленныхъ медіумовъ, такъ же отражаютъ земныя картины на загробное существованіе, какъ всѣ прошедшія и будущія картины загробнаго міра. Когда красокъ и матеріалу взять неоткуда болѣе, оно иначе и не можетъ быть. Духи занимаютъ науками, танцуютъ, поютъ, играютъ въ вистъ и прыгаютъ. Остановимся на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ фактахъ, которыхъ можно набрать милліоны изъ обширной спиритической литературы, но которые довольно однообразны.

Одинъ изъ самыхъ наивныхъ и замѣчательныхъ проповѣдниковъ спиритизма въ Америкѣ — Эдмондсъ, судья въ высшемъ судѣ Нью-Йорка, человѣкъ, пользующійся большимъ уваженіемъ въ обществѣ. Въ своемъ сочиненіи: «Спиритуализмъ», *десятое* изданіе котораго вышло въ 1854—55 годахъ, онъ очень откровенно сообщаетъ какъ исторію своего обращенія въ спиритизмъ, такъ и свои многочисленныя откровенія.

«Въ январѣ 1851 г. — говорить онъ — въ первый разъ мое вниманіе обратилось на духовныя сообщенія (spiritual intercourse). Въ это время я удалялся отъ общества и находился въ сильномъ угнетеніи духа. Свободное время я употреблялъ на чтеніе, относящееся къ смерти и къ существованію человѣка послѣ нея. Впродолженіе всей жизни я читалъ и слышалъ такъ много противорѣчивыхъ ученій на этотъ счетъ, что мало зналъ, чему вѣрить. Еслибы и хотѣлъ, то я не могъ бы вѣрить тому, чего не понимаю, и жадно желалъ знать, встрѣтимся ли мы послѣ смерти съ тѣми, которыхъ мы любили, и при какихъ обстоятельствахъ»*.

* «Spiritualism». I, 71.
Т. CLXXIX. — Отд. I.

Конечно, это было самое удобное настроеніе духа, чтобы *воспріять* ученіе о новыхъ магическихъ сообщеніяхъ съ высшимъ міромъ. Тѣмъ не менѣе, онъ отнесся къ этимъ явленіямъ сначала скептически, но скоро перешелъ къ полному вѣрованію и сдѣлался обычнымъ собесѣдникомъ лорда Бэкона, Сведенборга, Генри Клэя и Фенимора Купера. Генри Клэй говорилъ ему: «Братецъ Эдмондсъ, ты больше добра сдѣлаешь со своимъ спиритуализмомъ, чѣмъ я когда-либо сдѣлалъ въ политикѣ. Продолжай!» Эдмондса не смущали факты, которые онъ самъ признаетъ самыми возмутительными для спокойнаго и рациональнаго ума; ни то, что безтѣлесный духъ Бэкона обитаетъ одновременно въ двухъ сферахъ, и въ своей рѣчи употребляетъ американизмы, ни то, что духи пишутъ поеврейски слѣва направо. Онъ совершенно наивно и самоувѣренно рассказываетъ слѣдующія вещи о житьѣ-бытьѣ своей жены на томъ свѣтѣ.

Она помѣщалась на берегу прекраснаго озера, гдѣ постоянно свуютъ большіе и малые пароходы. «Повидимому, она сильно постаралась собрать многія сцены изъ земной обстановки, находящейся въ связи со мною и съ приятными воспоминаніями; даже ея старое качающееся кресло, въ которомъ она выкормила всѣхъ нашихъ дѣтей и скрипку котораго они такъ хорошо помнятъ; и ея рабочей столъ, одинъ изъ первыхъ моихъ подарковъ... Она обратила мое вниманіе на мой военный шарфъ, на мои перчатки и шпоры, висѣвшія въ изголовьи ея постели... Пока я разсматривалъ всѣ эти вещи, экипажъ четверкой подѣхалъ къ дверямъ. Это была прекрасная колясочка, сдѣланная легко и со вкусомъ, съ высокими возлами и съ мѣстами позади для двухъ особъ. Она была окрашена желтою краскою и дверцы были украшены моимъ вензелемъ. Упряжь была легка и лошади были превосходныя животныя, чисто-арабской породы, съ длинными стройными туловищемъ, тонкими членами и быстрыми движеніями при каждомъ шагѣ. Хорошо выѣзженныя, бодрыя и хорошо содержанныя, онѣ были разнаго цвѣта, выбранныя болѣе по качеству, чѣмъ для красоты. Президировавшій духъ и моя жена сѣли въ коляску, а я влѣзъ на козлы и взялъ возжи отъ кучера. Мы понеслись... При быстрой ѣздѣ, я отъ времени до времени оборачивался къ моимъ товарищамъ, чтобы поговорить о красотахъ, меня окружавшихъ, и сидѣвшій съ моею женою, казалось, безпокоился, какъ-бы полагая, что я не достаточно обращаю вниманіе на лошадей. Моя жена успокоила его, и сказала, что она къ этому привыкла, и что онъ можетъ быть увѣренъ: я у себя дома, и знаю, что дѣлаю» *.

* «Spiritualism». II, 134.

Пусть читатель не улыбается дивой фантазіи американца, потому что въ Европѣ онъ найдетъ многочисленныя примѣры подобныя фантазіи. Чтобы не указывать на многотомную, и какъ уже сказано, весьма однообразную литературу спиритизма, ссылаемся на сочиненіе бернскаго профессора, доктора философіи и медицины, Максимилиана Перти: «Мистическія явленія человѣческой природы» и прибавленіе къ этому сочиненію*. Замѣтимъ, что почтенный профессоръ относится скептически и къ теоріи сообщенія съ мертвецами и къ теоріи демоническаго дѣйствія въ спиритизмѣ (поддержанной ортодоксальными писателями католическими и протестантскими), но допускаетъ въ человѣкѣ особенныя магическія силы, которыя позволяютъ автору принять за истинныя и объяснить всѣ безобразнѣйшіе анекдоты о привидѣніяхъ, стукахъ, движеніи предметовъ, полетѣ людей по воздуху, и вообще о всемъ томъ, что всегда входило въ литературу чудснаго. Относительно явленій, о которыхъ теперь идетъ рѣчь, точка зрѣнія Перти нѣсколько похожа на точку зрѣнія рационалистовъ XVIII-го вѣка, допускавшихъ историческую истину разныхъ несообразныхъ разсказовъ, но устранявшихъ изъ нихъ все сверхъестественное. И тутъ допускаются лишь естественныя силы, но такія, которыхъ естествознание не можетъ изслѣдовать.

Перти посвящаетъ 35 страницъ своего главнаго сочиненія и 39 страницъ прибавленія къ нему «новѣйшимъ формамъ колдовства», и Европа даетъ ему въ этомъ отношеніи гораздо болѣе матеріала, чѣмъ Америка. То мы слышимъ о духѣ, перемѣщенномъ въ лѣвую сторону луны (149); то о пароходѣ на Женевскомъ озерѣ, построенномъ по наставленію самаго Христа медиуму Брѣ (Bret) (406); то о двухъ мюнхенскихъ медиумахъ, Кресцентіи Вольфъ и Маріи Кольгаммеръ, изъ которыхъ первая говоритъ отъ имени архангела Гавріила, вторая же пишетъ отъ имени Сократа, но ошибается относительно эпохи, когда Сократъ жилъ (409). Нѣкто Клингуландъ подымается со стуломъ на воздухъ. Духъ, по желанію присутствующихъ, барабанитъ на окнѣ маршъ фузилеровъ, шумитъ въ печкѣ (413). Духъ Вашингтона ставитъ на столъ скелетъ. Жобаръ хочетъ жениться на томъ свѣтѣ, сожалья, что здѣсь остался холостымъ («Die Real.» 41). Лютеръ не умѣетъ говорить на новомъ нѣмецкомъ языкѣ, а Конрадъ, писатель XII-го вѣка, говоритъ совершенно правильно («Die Real.» 42). Этотъ же Конрадъ сообщаетъ свои

---

* *Max. Perty: «Die mystischen Erscheinungen der menschlichen Natur» (1261). «Die Realität magischer Kräfte and Wirkungen des Menschen; gegen die Widersacher vertheidigt» (1863).*

преступленія, которыя исторически оказываются необычными, и наивно сообщаетъ на вопросъ о сохранившихся отрывкахъ его произведеній, что они напечатаны въ хрестоматіяхъ (422). Духъ г-жи Гюэ поетъ въ столѣ желаемую арію, подражаетъ звуку пилы, пара и т. д., переворачиваетъ столъ, заставляетъ его плясать, обнимать двумя ножками того или другаго изъ присутствующихъ (414). Духъ Гейне сообщаетъ, что тамъ, гдѣ онъ находится, адски воняетъ (420). Сообщимъ, наконецъ, опыты барона Гюльденстуббѣ изъ Лифляндіи, который, кажется, первый заставилъ духовъ самихъ писать. Онъ съ дѣтства развился на сочиненіяхъ Юнга Штиллинга, друга его матери, изучалъ въ Германіи философію, въ Парижѣ сблизился съ ясновидящими и въ Германіи съ Кернеромъ. Сестра его съ дѣтства видѣла и рисовала духовъ. Конечно, она сдѣлалась особенно сильнымъ медиумомъ. Духи объявили, что въ церкви Свѣт-Дени произойдетъ особенная манифестація. Баронъ Гюльденстуббѣ, его сестра, баронъ Розенбергъ, графъ Д'Уршъ, баронесса Пальгѣ (Pailhés), князь Шаховской явились въ церковь и положили бумажки у нѣкоторыхъ гробницъ. Сначала опытъ не удался, потомъ на бумажкѣ князя Шаховскаго оказалось слово *святой*, написанное карандашомъ, на бумажкѣ барона Розенберга неясное изображеніе, на бумажкѣ баронессы Пальгѣ подпись дорогой ей особы. Первый разъ духи сами писали для Гюльденстуббѣ 17-го августа 1816 г. Съ тѣхъ поръ по 1860 г. произведено было 500 опытовъ, причѣмъ Рашель написала на бумажкѣ свою фамилію, Мольеръ — стихи:

Vous ne voulez plus de Molière
Qui est toujours dans la volière.

Лаблашъ явился лично въ видѣ тѣни къ барону въ Théâtre Italien (413; «Die Real.» 47). Но мы полагаемъ довольно и предыдущаго, чтобы оцѣнить достоинство всѣхъ этихъ откровеній, волнующихъ миллионы.

Всего важнѣе отрицательное отношеніе спиритизма къ христіанскимъ сектамъ съ самаго начала его появленія. Это направленіе встрѣчаемъ уже въ первомъ сочиненіи Дэвиса, и оно продолжалось въ Америкѣ, какъ оппозиція религіознымъ ревиваламъ, съ которыми представляетъ какъ бы періодическое колебаніе. «Если дѣла идутъ хорошо — пишетъ Перти (391) — то спиритуализмъ расширяется; если наступаетъ кризисъ, то дѣловой міръ обращается къ благочестію, наступаетъ ожидаемый достопочтенными періодъ ревивалей и церкви наполняются. Существуетъ смѣна въ преобладаніи спиритуалистическихъ и ревивалистиче-

свихъ стремленій, но преобладаніе оказывается все болѣе на сторонѣ спиритуалистовъ, которыхъ, при всемъ встрѣчающемся между ними плутовствѣ, не малой мечтательности и не маломъ безуміи, нельзя по крайней-мѣрѣ обвинять въ нетерпимости и исключительности. Бѣлые галстуки и синіе чулки съ ихъ реви-валами теряютъ почву. Въ прессѣ они ведутъ съ спиритуалистами борьбу съ безграничною злобою».

Въ Европѣ спиритисты не имѣютъ однороднаго направленія въ этомъ отношеніи. Въ кружкахъ вѣрующихъ католиковъ духи говорятъ съ точки зрѣнія католицизма; въ кружкахъ протестантскихъ съ точки зрѣнія той секты, которой принадлежитъ медиумъ. Но большинство, именно самыя вліятельныя партіи, отклоняются болѣе или менѣе отъ христіанскаго богословія. Это, конечно, не смущаетъ вѣрующихъ, такъ-какъ у нихъ всегда есть лазейка: живые духи, нарочно говоряшіе вздоръ. Когда же вѣрующіе не находили отвѣта на возраженія скептиковъ? Изъ англійскихъ спиритическихъ журналовъ одинъ «Spiritual magazine» придерживается библии. Точно также женеваскій «Journal de l'ame».

Во Франціи спиритисты школы Аллана Кардека, наиболѣе, вѣжета, знакомые у насъ въ Россіи, расколота съ спиритистами школы Пьерара, редактора «Revue Spiritualiste». Алланъ Кардекъ и его приверженцы считаютъ для себя возможнымъ соглашеніе съ католицизмомъ (по крайней-мѣрѣ считали въ 1863 г.), хотя въ сущности проповѣдуютъ совершеніую ересь: они не признаютъ ни первороднаго грѣха, ни искупленія, ни единосупія Христа съ Богомъ, ни воскресенія плоти при послѣднемъ судѣ (какъ и сведенборгіанцы), ни вѣчности мукъ ада; они проповѣдуютъ послѣдовательныя воплощенія духовъ для совершенствованія и блаженства. Такъ-какъ они едва-ли не единственные изъ всѣхъ спиритовъ догматизировали свое ученіе, то конечно, на нихъ-то именно, несмотря на всѣ ихъ старанія, нападаютъ ортодоксальные проповѣдники въ своихъ сочиненіяхъ и въ проповѣдяхъ (между прочимъ знаменитый патеръ Феликсъ). Ортодоксальные писатели совершенно послѣдовательно видятъ въ явленіяхъ спиритизма дѣйствіе чертей, въ медиумахъ сообщниковъ ада, и причисляютъ спиритизмъ къ черной магіи. Приверженцы Пьерара справедливо возражаютъ ученикамъ Кардека, что быть ортодоксальными въ половину нельзя: надо стать или на точку зрѣнія отца Феликса, или на точку зрѣнія Патриса Ларрока.

Журналъ Пьерара открыто объявляетъ себя въ оппозиціи противу церкви, хотя признаетъ молитву къ божеству какъ магическое дѣйствіе, привлекающее добрыхъ духовъ. Пьераръ въ рѣчи, сказанной на банкетѣ 17-го іюня 1862 г., привелъ, въ примѣ-

ненія къ спиритизму, слова Ламеннэ: «Рано или поздно выйдетъ изъ хаоса великая религія, которая будетъ лишь фазисомъ вѣчно-единой религіи, столь же древней, какъ человѣчество, столь же неизмѣнной въ своихъ существенныхъ основахъ, какъ самъ Богъ, и она осуществитъ въ человѣчествѣ болѣе обширное объединеніе, чѣмъ то, которое когда либо было извѣстно въ прошедшемъ. Эта религія удовлетворитъ неопредѣленные желанія и предчувствія, движущія и побуждающія человѣчество».

Въ Америкѣ съ самаго начала въ сочиненіяхъ Дэваса уже проявилось это представленіе спиритистовъ, выдающихъ въ своемъ ученіи не особую религію, отрицающую всѣ прочія, но завершеніе всѣхъ предыдущихъ, какъ бы служившихъ подготовленіемъ спиритизму. Поэтому въ 5-мъ томѣ своей «Великой Гармоніи» Дэвисъ описалъ спиритистическій пантеонъ, гдѣ встрѣчаемъ рядомъ Брома, Сонхвоіатона, Моисея, Эпикура, Іисуса Христа, апостола Павла, Лютера, Сведенборга, Анну Ли, Джона Мэррая (основателя универсализма), Дженъ Соускотъ и Теодора Пэркера.

Но оппозиціонный характеръ американскаго спиритизма въ отношеніи всѣхъ христіанскихъ исповѣданій всего лучше высказывается въ митингѣ спиритистовъ, собиравшемся въ 1866 г. и разсказъ о которомъ передаетъ Даксонъ (286 и слѣд.).

«Въ прошедшемъ августѣ мѣсяцѣ, толпа спиритистовъ держала митингъ въ хорошенькомъ городѣ Провиденсѣ въ Родъ-Айландскомъ штатѣ.

«Сторонники спиритизма стекались сюда со всѣхъ сторонъ, съ востока и съ запада; нѣкоторые изъ нихъ были депутаты отъ различныхъ обществъ и городовъ, слѣдовательно депутаты отъ тысячъ спиритистовъ, оставшихся дома; но болѣею частью это были люди, которые съ презрѣніемъ отвергали всякія правила и самую мысль, что они могли выражать чья-нибудь идеи, кромѣ своихъ собственныхъ. Восемнадцать штатовъ и территорій имѣли своихъ уполномоченныхъ представителей, болѣе половины которыхъ были лэди. Первое собраніе спиритистовъ, достаточно многочисленное, чтобы носить названіе національнаго конвента, происходило два года тому назадъ въ Чикаго; второе годъ тому назадъ въ Филадельфіи; но на эти два собранія, которые вѣрнѣе считали только пробными, депутаты сошлись скорѣе случайно, чѣмъ по выбору. Удобство для членовъ собранія, а не нравственное значеніе, руководило мѣстомъ сѣзда; но когда въ Чикаго была вотирована программа спиритистовъ, а въ Филадельфіи издано было торжественное воззваніе къ народу — заговорили и нравственные собранія. Третій національ-

ный конвентъ спиритистовъ былъ назначенъ въ Провиденсѣ на томъ основаніи, что этотъ городъ колызается исключительной славой лагеря еретиковъ и реформаторовъ — убѣжище Рожера Вилльямса, пріютъ религіозной терпимости.

«Спокойные наблюдатели со стороны были особенно поражены дикимъ и сосредоточеннымъ выраженіемъ лицъ этой толпы восторженныхъ энтузіастовъ. Ихъ глаза, говорятъ, какъ-то неестественно блестяли, ихъ лица были какъ-то неестественно блѣдны. Многіе изъ нихъ накладывали другъ на друга руки. Почти всѣ мужчины имѣли длинные волосы, почти всѣ женщины были коротко обстрижены.

Зала Пратта, въ Широкой улицѣ, была нанята конвентомъ; эта зала очень большая, хотя не слишкомъ велика для той толпы смертныхъ и ангеловъ, которые тѣснились въ ней (286—287)... Въ залѣ Пратта ангелы стояли на порогѣ, духи витали по комнатамъ. Всѣ признавали ихъ присутствіе, всѣ увѣрены были въ ихъ сочувствіи, всѣ искали ихъ совѣта. Десятки разъ ораторы обращались не только къ представителямъ во плоти, но и къ небеснымъ посланцамъ, явившимся въ духѣ (287)... Нѣкоторые изъ депутатовъ выразили притязаніе на то, что они могли творить чудеса; одни были одарены даромъ языковъ, другіе пророческимъ предвидѣніемъ, третьи даромъ леченія болѣзней. Почти всѣ адепты признаютъ за собою власть излечивать болѣзни наложеніемъ рукъ» (297).

Спиритисты «громко объявляютъ свое убѣжденіе, что старая религія истощилась, что церкви, основанныя на древнихъ завѣтахъ, умерли, что люди нуждаются въ новыхъ откровеніяхъ. Они объявляютъ, что странныя явленія, происходящія нынѣ въ сотнѣ американскихъ городовъ, таинственныя знаки, невидимый стукъ, писаніе невѣдомыми руками, вообще всѣ чудеса, обыкновенно совершаемыя въ темныхъ комнатахъ и подъ дамскими столиками, представляютъ хорошій матеріалъ для новой истинной и окончательной вѣры въ невидимый міръ (290)... Л.-К. Джосленъ, одинъ изъ начальниковъ мѣстныхъ спиритическихъ кружковъ, привѣтствовалъ прибытіе гостей въ городъ всеобщаго убѣжища, напирая особенно на то, что всѣ они считались міромъ еретиками и язычниками. «Сегодня—сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ смертнымъ слушателямъ — спиритисты Соединенныхъ Штатовъ, великіе еретики и въ качествѣ такихъ еретиковъ, привѣтствуютъ васъ, спиритисты Провиденса, зная, что вы лишь невѣрные въ отношеніи тѣхъ старыхъ ересей, которыя были скорѣе провлатіемъ, чѣмъ благословеніемъ для всего человѣчества». Эти слова, повидимому, были официальные, точно также,

какъ и послѣдующія, относившіяся къ небесной части слушателей. «Но не на васъ однихъ—сказалъ онъ торжественно—не на васъ однихъ надѣмся мы въ отношеніи совѣта, вдохновенія и небесной гармоніи. Наша конгрегація превосходитъ число видимыхъ ея членовъ. Другіе, кромѣ насъ, стоятъ въ этихъ дверяхъ—тѣ, которые были въ давніе вѣка свѣточами человѣчества, тѣ, которые безстрашно приняли мученически вѣнецъ въ своей земной жизни за преданность истинѣ». Эти достолюбезные люди мудрости и добра прошлыхъ вѣковъ и недавняго времени выкажутъ свое сочувствіе, осчастливятъ своимъ присутствіемъ многочислѣннѣйшее на этомъ континентѣ собраніе людей, которые познаютъ ихъ дѣйствительное присутствіе и силу. Мы привѣтствуемъ этихъ небесныхъ представителей точно также какъ васъ». Не безмолвное, почтительное сочувствіе встрѣтило эти слова, но громкія рукоплесканія.

«Джонъ Пирпонтъ изъ Вашингтона, старшій проповѣдникъ (нѣкогда ученикъ эльсвой коллегіи, колыбели американскихъ пророковъ), передавая свое пресѣдательское мѣсто, которое онъ занималъ въ Филадельфій, также распространялся о названіи «невѣрный» которымъ клеймили его и его братій по духу. «Я, дѣйствительно невѣрный — воскликнулъ отъ—невѣрный относительно многихъ формъ общепринятой религіи; я невѣрный потому, что не вѣрю во многіе изъ догматовъ, исповѣдуемыхъ большинствомъ христіанъ, даже протестантской церкви». Далѣе онъ прибавилъ, что вмѣсто вѣры въ установленные догматы и преданія онъ вѣрилъ въ прогрессъ, въ свободу и въ духовъ».

«Спустя десять дней послѣ произнесенія этой рѣчи, старикъ Пирпонтъ умеръ (287—288).

«Миссъ Сузи Джонсонъ объявила, что она «не стала бы болѣе строить церквей, ибо онѣ уже достаточно угнетали и держали во мракѣ человѣчество».

«Мистеръ Андрю Фоссъ «благодарилъ Бога, что нынѣшній вѣкъ не вѣкъ молитвы, а изслѣдованій».

«Докторъ Г. Чайльдъ сказалъ, что «спиритизмъ перебросилъ мостъ черезъ бездну, отдѣлявшую лоно Авраама отъ ада богача. Вознесемъ хвалу за каждый ударъ, нанесенный человѣческому закону—закону, который рукою человѣка наказываетъ людей за творимое ими зло».

«Мистеръ Перри сказалъ: «какъ спиритистъ, я отвергаю, чтобы мы признавали что-либо за святое, и протестую противъ всякой резолюціи, въ которой будетъ стоять слово святой».

«Мистеръ Финни замѣтилъ: «старая вѣра умерла. Мы здѣсь представляемъ новую вѣру, плодъ союза всѣхъ типовъ человѣч-

ческой расы, соединенных по волѣ Провидѣнія въ космополитической географіи» (294—295).

Но въ практической странѣ, подобной сѣвернымъ штатамъ, странно читать, что этотъ митингъ принялъ окончательно весьма скромныя резолюціи. Онѣ, конечно, показываютъ, что важность вопроса о трудѣ и женскаго вопроса * чувствуется и спиритистами, но все-таки, онѣ довольно ничтожны для громаднхъ силъ, которыми, по ихъ собственнымъ словамъ, располагаютъ спиритисты.

«При этомъ—говоритъ Диксонъ (295)—были приняты три резолюціи, которыя спиритисты считаютъ чрезвычайно важными. Первая предписывала сопротивляться ученію воскресныхъ школъ и замѣнять ихъ своими собственными, прогрессивными лицеями; вторая относилась до изданія цѣлаго ряда книгъ о спиритизмѣ;

* О значеніи женскаго вопроса въ спиритизмѣ мы скажемъ подъ конецъ статьи; фактическія свѣдѣнія въ этомъ случаѣ нѣсколько противорѣчивы. По словамъ Перти («Die Real.» 29), въ нѣкоторыхъ кружкахъ американскихъ спиритистовъ распространилось ученіе о «духовномъ средствѣ» и о «свободной любви», но въ очень немногихъ. Въ послѣднемъ сочиненіи Диксона: «Spiritual wites» (1868), II, сказано, напротивъ, что это ученіе имѣетъ въ средѣ спиритистовъ самое обширное распространеніе. Въ приведенномъ Диксономъ свидѣтельствѣ Кэрпентера сказано, что «9/10 медіумовъ, мнѣ (Кэрпентеру) извѣстныхъ, были... или въ разводѣ или жили съ кѣмъ-либо по выборному средству, или искали такого человѣка» (II, 256). Другой свидѣтель, Таулеръ, говоритъ даже: «Хотя нельзя сказать по правдѣ, что всѣ спиритуалисты — приверженцы свободной любви, но можно сказать, что всѣ приверженцы свободной любви, за немногими исключеніями, спиритуалисты» (II, 257). Хотя безспорно Диксонъ могъ имѣть лучшія свѣдѣнія по этому предмету, чѣмъ Перти, но самое преувеличеніе подобныхъ свидѣтельствъ, при чемъ послѣднее противорѣчатъ предшествующія главы въ книгѣ самаго Диксона, заставляютъ отнестись къ выводамъ Диксона нѣсколько скептически, тѣмъ болѣе, что онъ какъ будто и не подвергаетъ эти свидѣтельства критикѣ. Можно согласиться съ Таулеромъ (II, 257), что «ученіе спиритуалистовъ объ индивидуальномъ самодержавіи» имѣетъ нѣкоторую логическую связь съ теоріею свободной любви, но здѣсь спорѣ мы встрѣчаемъ два теченія, совершенно одно отъ другаго независимыя, и оба коренящіяся въ сознаніи личности, что лишь чисто субъективное отношеніе рационально для нея, какъ въ области вѣрованій, такъ и въ области личныя привязанностей. По сильному развитію втораго вопроса въ Америкѣ, онъ могъ тамъ обусловить въ извѣстной степени и первый, но малая связь между ними видна изъ трехъ обстоятельствъ: изъ того, что во всѣхъ европейскихъ спиритистическихъ кружкахъ незамѣтно обширнаго вліанія ученія о свободной любви; изъ того, что, по свидѣтельству того же Таулера (II, 257), и американскіе «спиритуалисты старались въ послѣдніе годы снять со своей системы пятно ученія о свободной любви»; наконецъ, что на спиритистскомъ митингѣ, о которомъ сказано въ текстѣ, это ученіе вовсе не является какъ одинъ изъ основныхъ практическихъ догматовъ секты.

третья совѣтовала отказаться избраннымъ отъ табу и горячительныхъ напитковъ. Предложеніе основать національную спиритическую коллегію было отложено для обсуждения на будущій годъ. Одна изъ прочихъ резолюцій, не имѣвшихъ немедленнаго практическаго примѣненія, показываетъ, какая широкая дѣятельность ожидаетъ спиритистовъ на политической почвѣ, если они достигнутъ громадной численности и единства. Эта резолюція относилась къ вопросамъ о трудѣ и заключалась въ слѣдующемъ:

«Рѣшено, что лишь въ рукахъ честнаго труда находится державный скиптръ цивилизаціи, что его права соразмѣряются съ его характеромъ и важностью, и поэтому честный трудъ долженъ быть такъ всецѣло и совершенно вознагражденъ, чтобы доставить работающимъ мильонамъ средства, время и случай для воспитанія, образованія и удовольствія; чтобы равный трудъ, совершаемый мужчиной и женщиной, получалъ бы равное вознагражденіе».

Очевидно, спиритисты гораздо болѣе забавляются толками объ оппозиціи духовенству и разговорами съ духами, чѣмъ практическою стороною жизни, и понятны горячія требованія нѣкоторыхъ молодыхъ спиритистокъ перейти отъ слова къ дѣлу. «Миссъ Сузи Джонсонъ говорила, напримѣръ, что она устала толковать и хотѣла работать. Я готова,—воскликнула юная реформаторша,—я готова работать, со всякимъ мужчиной, женщиной или общиной, которые сдѣлаютъ первый практической шагъ къ работѣ основъ высшей нравственности, строжайшей честности, лучшаго управленія и вообще высшаго существованія для всего человѣческаго рода. Я хочу работать, хочу видѣть другихъ готовыми на работу. Я знаю, гораздо легче молиться за спасеніе человѣчества, чѣмъ работать для достиженія лучшей судьбы, и часто вы заслуживаете гораздо болѣе славы молитвой, чѣмъ дѣломъ; но я не къ этому стремлюсь. Я искренно предана молодому поволѣнію» (292—293). «Мистриссъ Сузи Гэтчинсонъ «прямо объявила, что она трудилась въ пользу дѣла спиритизма въ продолженіе восьми лѣтъ, но всегда должна была краснѣть за своихъ товарищей.—Я никогда еще не встрѣчала дѣльнаго, благороднаго спиритиста—говорила она, по словамъ официального отчета,—но я надѣюсь, что здѣсь передо мною есть люди, которые достойны называться мужчинами или женщинами. Я надѣюсь, что вы примете рѣшенія, которыя будутъ дѣйствительно полезны, а не мертвой буквой, переносающей насъ къ мертвому прошедшему; я надѣюсь, что здѣсь будетъ найдено достаточно мужскихъ и женскихъ силъ, способныхъ работать на человѣче-

ство. Если есть одна душа во всемъ мірѣ, которую конвентъ не допустить въ свое лоно, то я желаю быть также изгнанной изъ этого конвента. Если есть одинъ человѣкъ на свѣтѣ, который долженъ идти въ адъ, то я желаю идти съ нимъ; если есть дѣло въ этой подземной странѣ, то я готова идти туда и помочь Творцу въ его дѣлѣ» (293).

Едва-ли рѣшенія, принятія митингомъ, показались ей достаточными, особенно когда подумаемъ о численности спиритистовъ.

Въ 1850 г., по словамъ Перти (390 и слѣд.), было въ союзѣ 30,000 медиумовъ, и въ одной Филадельфій считалось до 300 «магнетическихъ кружковъ». Эдмондъ говоритъ уже въ своемъ «Спиритуализмѣ»: «вѣрующіе въ духовныя сообщенія считаются уже на землѣ мильонами... и предъ глазами міра уже очевиденъ фактъ распространенія новой вѣры, быстрота успѣховъ которой не имѣетъ себѣ равной въ лѣтописяхъ человѣчества». Въ 1856 г. спиритистовъ въ Америкѣ считалось 2¹/₂ мильиона, въ 1860 г. болѣе 4 мильионовъ. Ту же цифру даетъ Перти и въ прибавленіи 1863 г. (28), но Диксонъ нѣсколько уменьшаетъ, по словамъ одного изъ участниковъ въ митингѣ 1866 г. «Ворренъ Чэсъ, изъ Иллинойса, одинъ изъ мужскихъ вице-президентовъ, объявилъ въ своей рѣчи, что болѣе трехъ мильионовъ американцевъ, мужчинъ и женщинъ, уже приняли участіе въ спиритическомъ движеніи (289)... У нихъ уже существуютъ свои прогрессивные лица, свои катехизисы, свои газеты, свои пророки и пророчицы, свои празднества, свои пивники, свои митинги, однимъ словомъ они отличаются организаціей нашихъ самыхъ дѣятельныхъ обществъ. Ихъ численная сила, быть можетъ, слишкомъ преувеличена Ворреномъ Чэсомъ; посторонніе наблюдатели не могутъ сосчитать ихъ, ибо въ переписи спиритисты не поименованы, какъ особая секта; но численность ихъ лицеевъ, частое повтореніе пивниковъ и распространеніе ихъ журналовъ,—факты, которые ясно говорятъ о ихъ громадномъ количествѣ. Мы врядъ-ли ошибемся, если скажемъ, что десятая часть народонаселенія ново-англійскихъ штатовъ и пятнадцатая часть жителей Нью-Йорка, Огіо и Пенсильваніи подвержены вліянію того, что спиритисты называютъ духовнымъ міромъ» (290 — 291). По словамъ Edinburg-Review 1865 г., половина членовъ конгресса и законодательныхъ собраній штатовъ, половина ученыхъ и литераторовъ Америки — спиритисты. Число спиритическихъ газетъ въ штатахъ доходило въ 1860 до 10, изъ которыхъ бостонская «Banner of light» имѣла 30,000 подписчиковъ. Въ Англій въ томъ же году спиритизмъ имѣлъ три журнала, изъ которыхъ Spiritual Magazine продавался въ числѣ

15,000 экземпляровъ. Кромѣ того журналъ Токера (тогда еще живаго) и Star стояли на сторонѣ спиритистовъ. Изъ всѣхъ европейскихъ спиритистовъ дѣйствуетъ всего сильнѣе Алланъ Кардекъ, и спиритисты его ученія весьма распространены во Франціи и въ другихъ странахъ. Перти (390) упоминаетъ о спиритистахъ въ южной Америкѣ и на Антильскихъ островахъ. Литература, сюда относящаяся, такъ огромна на трехъ главныхъ языкахъ Европы, что тщательное ея изученіе требовало бы весьма немалого труда.

При этихъ громадныхъ силахъ, спиритизмъ имѣетъ въ себѣ начало, отнимающее у него значеніе. Такъ-какъ каждый медиумъ выдаетъ за откровеніе собственныя галлюцинаціи или собственныя выдумки, то, конечно, однообразіе въ ученіи весьма затруднительно, и одному Кардеку во Франціи, привыкшей въ послѣднее время къ дисциплинированію мысли, удалось подчинить своимъ догматамъ значительное число медиумовъ и спиритическихъ кружковъ.

Впрочемъ, стоитъ явиться въ Америкѣ въ средѣ спиритистовъ дѣйствительно умному и энергическому человѣку, который своимъ личнымъ вліяніемъ увлекъ бы за собою большинство медиумовъ къ данному практическому вопросу, и спиритизмъ можетъ получить разомъ политическое или социальное значеніе, котораго онъ пока не имѣетъ. Диксонъ говоритъ (290): «Общество въ три милліона мужчинъ и женщинъ было бы могущественно въ каждой странѣ; въ республикѣ же, управляемой народнымъ голосомъ, оно должно имѣть громадную власть; поэтому неудивительно, что главы этого движенія хвалятся своей силой, тѣмъ, что они не только могутъ руководить общественнымъ мнѣніемъ Америки относительно вопросовъ мира и войны, догматовъ и практики, но даже относительно болѣе утонченныхъ вопросовъ общественной и нравственной жизни. Нельзя отказать въ открытомъ боѣ такимъ могущественнымъ врагамъ, которые бросаютъ перчатку въ защиту того, что они считаютъ истиной; какъ бы странна ни была ихъ вѣра».

Пока, спиритизмъ является сильнымъ оппозиционнымъ элементомъ для существующихъ церквей Америки. Недостатокъ высшего умственнаго образованія въ этой странѣ не позволяетъ этой оппозиціи проявиться въ европейской формѣ рационалистической научной критики. Да эта форма и въ Европѣ доступна еще только меньшинству. Спиритизмъ соединяетъ въ себѣ всѣ оппозиціонныя умы, недостаточно развитыя для научной критики, противопоставляетъ историческому законченному откровенію — непрерывное откровеніе, историческимъ пророчествамъ и чудесамъ—

непрерывный даръ пророчества и чудесъ, освященному духовенству—избранное высшими силами духовенство медиумовъ. Онъ соотвѣтствуетъ тому недовольству противу господствующихъ церковныхъ учреждений, которое давно уже существуетъ въ Европѣ и въ Америкѣ. Онъ соотвѣтствуетъ требованію слитія религіозной и обыденной жизни, противу раздвоенія которыхъ давно возстаютъ, и которые пытаются слить шекеры, мормоны и спиритисты, подчиняя обыденную жизнь религіознымъ требованіямъ. При этомъ шекеры разъ навсегда установили законъ для управленія жизни, какъ неизмѣнное начало; мормоны концентрировали его въ живой личности пророка; спиритисты создали себѣ сами міръ религіозныхъ руководителей, которые постоянно говорятъ имъ именно тѣ религіозныя теоретическія и практическія положенія, которыя считаетъ истинами тотъ или другой кружокъ.

Другая слабая сторона спиритистовъ заключается въ общественномъ словѣ, изъ котораго они вербуются. Это не трудовой классъ работниковъ-бѣдняковъ, которые, за обезпеченіе отъ постоянной нужды, готовы отдать свободу мысли. Это болѣе или менѣе образованный классъ, болѣе или менѣе обезпеченный. Но образованіе уже на столько воспользовалось результатами науки, что отъ нея отречься совсѣмъ не можетъ, слѣдовательно спиритизмъ подвергается постоянной опасности отъ научной критики. Люди болѣе или менѣе обезпеченные имѣютъ каждый свое дѣло и склонны къ индивидуализму. Они могутъ составлять временные союзы для общей цѣли изъ личностей, заинтересованныхъ въ этой цѣли, но однородное вѣрованіе само по себѣ есть соединительное начало лишь въ гонимомъ исповѣданіи; да еще въ формѣ организованной іерархической церкви, какъ въ католицизмѣ, у мормоновъ и т. п. Спиритистовъ не преслѣдуютъ (кромѣ, какъ слышно, въ Бельгіи); по самому равноправію медиумовъ ихъ церковь чужда іерархической организаціи; что же можетъ соединить ихъ? Какое можетъ быть общее дѣло у спиритистовъ вообще, такое дѣло, какъ требуютъ его женскіе ораторы на митингѣ 1866 г.? Вопросъ объ организаціи труда, женскій вопросъ могутъ интересовать однихъ какъ совершенно имъ близкіе, но для другихъ спиритистовъ это вопросы второстепенные, чуждые; ихъ трудъ обезпеченъ, или онъ имъ и нуженъ; женскій вопросъ для мужчинъ — вопросъ теоретическій, а вѣроятно и многія спиритистки любятъ, какъ упомянутые люди, «чтобы о нихъ пелись». Весьма возможно, что къ этимъ вопросамъ, точно также какъ къ другимъ вопросамъ социальнымъ, экономическимъ, педагогическимъ, политическимъ, націо-

нальнымъ, различныя медиумы отвесутся различно, такъ-какъ ихъ интересы не сходны. Слѣдовательно единства въ дѣйствіи ожидать трудно и общаго дѣла долго не предвидится для спиритистовъ. Госпожамъ Сузи Джонсонъ и Сузи Гэтчинсонъ придется исбать *дѣла* въ другихъ, чисто-практическихъ союзахъ, въѣ религіознаго единенія, а спиритисты огранчатся словоизверженіемъ, печатаніемъ своихъ откровеній, ни для кого не нужныхъ, и отрицательнымъ значеніемъ оппозиціи противу господствующихъ церквей. Надо замѣтить, что и эта оппозиція совершенно несущественная для спиритизма, а есть лишь знаменіе времени. Ничто не мѣшаетъ медиумамъ издавать совершенно ортодоксальныя пророчества, какъ и дѣлаютъ весьма многіе въ Европѣ. Конечно, возможно, какъ было упомянуто выше, и внезапное соединеніе спиритистовъ въ виду какой нибудь цѣли; оно не предвидится еще, и по самому строю спиритизма, можетъ быть лишь временнымъ; но если оно временно произойдетъ, то дѣйствіе его можетъ быть весьма значительно.

П Ъ С Н Я

ПОРТУГАЛЬСКАГО ПЕРЕСЕЛЕНЦА.

(Изъ Ленау).

Прости, родимый край! Въ послѣдній разъ поклонъ
Тебѣ я шлю. — Глупецъ лишь малодушно
Цалуетъ деспота пяту — и только онъ
Его велѣнiямъ внимать готовъ послушно!

Ребенкомъ сладко я въ твоихъ объятiяхъ спалъ —
Ты далъ мнѣ все, что тѣшить въ дѣтства годы,
Потомъ ты юношѣ возлюбленную далъ
И только мужу дать не могъ свободы...

Въ горахъ, слыша стадо дикое, стрѣлокъ
Ложится быстро на землю, выжидая
Попа стремительно, какъ бѣшеный потокъ,
Опасная промчится мимо стая: —

Такъ падаешь ты ницъ, о родина моя,
При шумномъ твоего владыки приближенъи,
И смирно ждешь, дыханье робко притая,
Попа шаги его замоленуть въ отдаленъи...

Лети жъ, корабль, какъ туча по лазури дня,
Въ тѣ страны, гдѣ огонь божественный пылаеть,

О море, море! смой ту пропась, что меня
Доселѣ отъ свободы отдѣляетъ!

Ты новый свѣтъ, свободный свѣтъ, объ чей
Цвѣтушій берегъ, брызгами сверкая,
Волна тиранніи бьетъ въ немощи своей —
Мое отечество — привѣтствую тебя я!

Ив. Г. М.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОЧЕРКИ ШВЕЙЦАРСКОЙ ЖИЗНИ И ПРАВОВЪ.

II *.

ВЪ ГОРАХЪ.

Съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ, горы становятся рѣшительно подавляющимъ элементомъ швейцарской жизни. Куда бы вы ни обратили теперь свои взгляды, на всемъ протяженіи отъ Шафгаузена и до Тичино, или — въ другомъ направленіи — отъ Нефшателя до Форарльберга, — всюду вы замѣчаете дѣятельное переселеніе народовъ, совершающееся, такъ сказать, въ обратномъ историческомъ порядкѣ, т.-е. не съ горъ въ долины, — какъ это сповонѣваю водится въ исторіи человѣчества, — а съ долинъ въ горы, на болѣе или менѣе значительную высоту, отъ двухъ съ половиною и до четырнадцати тысячъ футовъ включительно, смотря по характеру, побужденіямъ и денежнымъ средствамъ переселяющихся.

До начала осени это великое переселеніе удерживаетъ международный характеръ; съ точки зрѣнія самихъ швейцарцевъ, горы теперь то и начинаютъ становиться поприщемъ весьма усиленной экономической дѣятельности. Личная инициатива оказывается несостоятельною, чтобы стричь и доить это многочисленное международное стадо, съ путеводителями Бедекера и Конта, съ длинными альпійскими палками, съ жаждою живописныхъ мѣстностей и благорастворенія воздуховъ... Отдельные союзы возобновляются съ новою силою, или даже создаются вновь, бюргерами нѣмецкихъ кантоновъ, которыхъ сама природа нарочито устроила для успѣшнѣйшаго прокормленія и обирания международныхъ туристовъ въ горахъ Швейцаріи въ жаркую лѣтнюю пору.

Мѣстомъ отдохновенія для швейцарской буржуазіи горы эти станутъ не раньше конца августа, или начала сентября. До тѣхъ поръ, какъ бы ни свирѣпѣла 30-ти градусная жара, — страдная пора швейцарца удержится во всей силѣ. Республканскіе бюр-

---

* См. «Отеч. Зап.» 1868, № 5.
Т. CLXXIX. — Отд. II.

геры, члены отельныхъ союзовъ, усленно и въ потѣ лица будутъ пожинать англійскіе фунты стерлинговъ и вошедшіе въ международную силу наполеондоры съ иноплеменныхъ пришельцевъ. Съ нихъ же, по крохамъ и по крупинцамъ, собереть хлѣбъ свой насущный отупѣлый отъ тяжкаго бремени жизни и туристскихъ сундуковъ и чемодановъ, возносимыхъ имъ на 6000' вышины горы Вилата или Ряги, — бѣдный горный туземецъ, составляющій несомнѣнно особую разновидность человѣческаго рода, нѣчто въ родѣ «въючнаго человѣка».

Эти многолюдные и многоязычные караваны тощихъ и длинноногихъ англичанъ (между которыми окажется, можетъ быть, одинъ сэръ Тиндалъ, собирающійся вновь провисѣть часа три гдѣ-нибудь надъ пропастью на собственныхъ своихъ пальцахъ и съ учено-спеціальною цѣлью), — восторженныхъ нѣмцевъ обоого пола, — дородно красивыхъ бельгійцевъ, — французовъ, теряющихъ парижскаго вида и парижмакерскаго мировоззрѣнія даже на высотѣ 14,000 футовъ надъ уровнемъ моря, — нашихъ соотечественниковъ (между которыми не окажется, вѣроятно, ни одного Тиндала), и пр. Вся эта разноплеменная вереница, — говорю я, — несущая съ собою червонцы и хлѣбъ насущный союзнымъ бургерамъ, подвержена, какъ и всякій урожай, тысячѣ разнородныхъ случайностей, и политическаго, и климатическаго свойства. А потому немудрено, что альпійскіе жители, — старъ и малъ, — часто съ сердечнымъ замираніемъ слѣдятъ за пароходами и паровозами, подвозащими имъ грузы живаго товара; слѣдятъ за погодою и за политическими событіями, подъ подавляющимъ вліяніемъ одной преобладающей мысли, одного тяжкаго сомнѣнія: «а какъ-то уродитъ намъ Господь это лѣто англичанъ?» — Въ этомъ влючъ къ разгадкѣ политическихъ убѣжденій швейцарцевъ; и не только горныхъ альпійскихъ, на плечахъ которыхъ лежитъ непосредственно тяжелое дѣло стрижки и доенія разноплеменнаго стада, — а также швейцарцевъ юрскихъ и жоратскихъ (*Жоратъ* — называется цѣпь холмовъ, связующая Юру съ Альпами), — швейцарцевъ низменныхъ мѣстностей и городскихъ; ибо *каждый за всѣхъ и всѣ за одного* (въ переводѣ на языкъ нѣмцевъ, французскій и итальянскій) составляетъ собою девизъ цѣлой федерации и cadaго отдѣльнаго члена; и въ дѣлѣ эксплуатаціи иностранцевъ, девизъ этотъ не остается пустою фразою: на этотъ счетъ самая полная солидарность существуетъ между кореннымъ горцемъ, и городскимъ буржуа, — купцемъ или промышленникомъ, повидимому, неимѣющимъ никакой живой связи съ тою совокупностью сторонъ швейцарскаго народнаго хозяйства и быта, которую здѣсь называютъ общимъ именемъ «Alpensvesen». Во избѣжаніе иностранныхъ терминовъ, я бы очень охотно перевелъ это «Alpensvesen» словами «горное хозяйство»; но бѣда въ томъ, что у насъ привыкли съ горнымъ хозяйствомъ связывать мысль объ экстрактивной промышленности; а она-то всего менѣе играетъ роль въ швейцарскомъ «Alpensvesen».

Горы и города Швейцаріи тѣсно солидарны между собою въ томъ отношеніи, что экономическая жизнь и тѣхъ и другихъ поддерживается исключительно иностранцами. Въ маленькихъ, непромышленныхъ городахъ, исключительно существующихъ, какъ необходимое подспорье для горъ,—продающихъ по дорогой цѣнѣ «прощальный стаканъ вина» феніонебельнымъ смѣльчакамъ, отправляющимся взбираться на когда-то недосыгаемыя вершины,—въ такихъ городахъ, говорю я, въ родѣ, напримѣръ, Люцерна, торгующихъ исключительно всякою дрянью, покупаемою иностранцами «на память», условія эксплуатаціи тѣ же, что и въ горахъ. Здѣсь зимою читаютъ «Mathieu de la Drome» въ нѣмецкомъ переводѣ, и вообще вѣрятъ во всякія предвѣщанія жаркаго и сухаго лѣта, чтобы заранѣе хоть нѣсколько успокоить себя насчетъ будущаго хорошаго урожая иностранцевъ.

Но не менѣе ихъ зависать отъ подобнаго урожая жители промышленныхъ и рабочихъ центровъ; точно такими же побужденіями руководятся въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ собственно городскіе швейцарцы, все равно, засѣдаютъ ли они въ законодательныхъ и административныхъ совѣтахъ, или же болѣе безобидно даютъ исходъ накипѣвшему опасенію и негодованію, нарождающимся надеждамъ, за бутылкою нива въ кафе или brasserie. Понять политическія убѣжденія швейцарца, его симпатіи въ ту или другую сторону, очень трудно, пока стремишься видѣть въ немъ суроваго хранителя республиканскихъ принциповъ съ какими бы то ни было оттѣнками. Освобожденіе крестьянъ въ Россіи, повидимому, должно бы возбуждать къ себѣ живѣйшее сочувствіе этихъ свободолюбцевъ съ разрѣшенія Вѣнскаго Конгресса; но это наше освобожденіе вѣхало очень существенно въ карманъ женеvскимъ часовщикамъ и ювелирамъ: они, какъ извѣстно, занимаютъ выдѣлкою дорогихъ экземпляровъ своего искусства, представляя дешевое производство своимъ соперникамъ въ юрскихъ горахъ Нефшательскаго кантона; такимъ образомъ женеvскія произведенія давно уже не рассчитывали на сбытъ въ Западной Европѣ, а шли въ Россію и Америку — страны, гдѣ, какъ извѣстно, утонченный вкусъ и любовь къ изящному имѣли себѣ весьма существенную подкладку въ рабовладѣльчествѣ... Такимъ образомъ указъ 19-го февраля 1861 г. вызываетъ кризисъ въ женеvскомъ часовомъ производствѣ; американская война разоряетъ Женеву болѣе, чѣмъ рабовладѣльческіе штаты... А согласитесь: нужно далеко простирать филантропическій пылъ, чтобы прощать себѣ, судьбѣ и человечеству потерю нѣсколькихъ десятковъ тысячъ франковъ годоваго дохода за освобожденіе нѣсколькихъ милліоновъ черныхъ или бѣлыхъ невольниковъ. Своя рубашка къ тѣлу (да и къ сердцу) ближе, чѣмъ чужіе люди, да еще, можетъ быть, и не имѣющіе своей рубашки.

Добавляя къ соображеніямъ, подобнымъ этому, страхъ нѣкоторыхъ кантоновъ передъ грозящею имъ возможностью очутиться

въ одно прекрасное утро вѣрнопопданними французскаго или будущаго нѣмецкаго императора, вы будете имѣть весьма надежный ключъ къ уясненію себѣ политическихъ воззрѣній каждаго толковаго швейцарца. Само собою разумѣется, что воззрѣнія эти должны быть крайне разнообразны, такъ какъ разнообразно обуславливающее ихъ экономическое положеніе кантоновъ.

Общее всѣмъ кантонамъ швейцарское миролюбіе въ дѣлѣ внѣшней политики объясняется тѣмъ же самымъ побужденіемъ: изъ-за чего бы ни возникали войны на нашемъ политическомъ горизонтѣ, каковъ бы ни былъ исходъ этихъ войнъ, обязательно-нейтральная Швейцарія непременно будетъ отъ нихъ въ убыткѣ, потому что она лишается ими сбыточнаго мѣста для своихъ товаровъ и произведеній...

Впрочемъ, не затѣмъ же завелъ я васъ въ Альпійскія горы, чтобы говорить о политическихъ мѣнѣяхъ швейцарцевъ. Дѣло въ томъ, что попавшій въ швейцарскія горы иностранный туристъ неминуемо подвергнется нещадной эксплуатаціи со стороны бюргеровъ отельнаго союза. Въ порывѣ справедливаго негодованія, онъ легко упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что необходимость избирать поприщемъ своей промышленной дѣятельности иностранцевъ наложена на Швейцарію самою ихъ природою, весьма скудно надѣлившею эту страну всякими естественными благами, но за то весьма щедро надѣлившею ея бюргеровъ спекулятивною способностью и предприимчивостью именно въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ эти качества оказываются необходимыми, чтобы получать отъ 150 до 200 процентовъ въ годъ на капиталецъ въ двѣ или три тысячи франковъ. Безъ придачи такого капитала швейцарецъ ничего не въ состояніи придумать для себя, кромѣ лакейской должности гдѣ-нибудь за границею, которая, рано или поздно, приведетъ-таки его въ обладанію желаннымъ капиталцемъ; и тогда новый *Hôtel et Pension Belle-Vue* возникнетъ неминуемо на какой-нибудь, до-селѣ голой и необитаемой, альпійской скалѣ...

Справедливо негодующій туристъ легко можетъ не замѣтить и того, что мѣстные жители, безъ прибавки необходимаго капитала въ 2 или 3,000 франковъ, подвергаются отъ своихъ же соотечественниковъ съ этою существенною прибавкою эксплуатаціи, несравненно худшей, нежели какой бы то ни было пришелецъ иностранецъ. Въ горахъ и эта, такъ сказать отечественная, эксплуатація проявляется съ непосредственностью и первобытною, свойственными горной природѣ вообще. Носящихъ, втаскивающихъ на собственныхъ своихъ плечахъ вашъ багажъ на крутыя и часто крайне высокія горы, вовсе не получить за свой тяжелый трудъ назначаемую по тарифу плату. Хорошо, если онъ получитъ одну пятую ея часть; но едва-ли не чаще случаи, когда онъ вовсе никакой ея части не получитъ, ибо онъ есть собственность отельнаго бюргера, счастливаго об-

ладателя капитала въ 2 или 3,000 фр., можетъ быть уже успѣваема, съ помощію ассоціацій или личною своею инициативою (если капиталецъ былъ нѣсколько больше) довести его до цифры весьма уважительныхъ размѣровъ.

Если изъ всей массы горнаго швейцарскаго народонаселенія исключить нѣсколько патентованныхъ проводниковъ по горамъ и ледникамъ, составляющихъ собою родъ туземной аристократіи, то участь носильщиковъ, составляющихъ собственность хозяевъ отелей, является намъ общимъ удѣломъ альпійскихъ жителей. Тяжелая доля эта кладетъ свою неизгладимую печать на самую наружность этихъ несчастныхъ: правда, кретинизмъ съ зобомъ составляетъ характеристическую особенность жителей одной только Ронской долины; кретинизмъ безъ зоба, неофициально признанный, можно считать поголовнымъ въ средѣ горныхъ альпійцевъ. Причина столь печальнаго явленія ясна сама собою: стоитъ только вспомнить, что почти треть (т.-е. именно 31 процентъ) всей швейцарской территоріи рѣшительно неудобна къ воздѣлыванію, и что этотъ важный недостатокъ не выкупается здѣсь никакими другими естественными источниками обогащенія. Такимъ образомъ, производительность страны необходимо должна имѣть характеръ чисто спекулятивный. И дѣйствительно, громъ непосредственной эксплуатаціи въ горахъ посредствомъ держателей отелей и пансіоновъ, швейцарская промышленность поддерживается главнымъ образомъ такими производствами, которыхъ матеріалъ привозится издалека (какъ напримѣръ хлопчатая бумага, отчасти ленъ и шелкъ), и воздѣлывается въ Швейцаріи только потому, что трудъ, при здѣшнемъ безземеліи, обходится антрепренеру дешевле, нежели во Франціи, или въ Англіи. Только благодаря этому послѣднему обстоятельству, швейцарскіе продукты (вообще очень низкаго достоинства) и могутъ еще находить себѣ сбытъ на рынкахъ стараго и новаго свѣта. Стало быть, эксплуатація неумущаго имущимъ является здѣсь, на первый взглядъ, необходимымъ условіемъ экономическаго существованія страны. Отнимите у швейцарскаго фабриканта дешевыя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чуть что не даровныя, рабочія руки, и онъ будетъ поставленъ въ необходимость совершенно отказаться отъ производства, потому что, и при настоящихъ условіяхъ, ему нужны громадныя усилія ума, воли и бережливости, чтобы выдерживать конкуренцію Англіи и Германіи и кое-какъ сводить концы съ концами, прокармливая очень умѣренно себя и свое семейство.

Скудость природныхъ источниковъ къ обогащенію и непропорціональность ихъ съ фатально возрастающими цифрами народонаселенія, томительно сознается здѣсь всѣми. Швейцарія есть самая мальтузіанская страна въ свѣтѣ. Община и государство, филантропы и сами бюргеры, направляютъ всѣ свои усилія на то, чтобы остановить возрастаніе народонаселенія. Центральная власть нѣсколько разъ даже бывала вынуждена

сдерживать излишній мальтузианскій пылъ нѣкоторыхъ общинъ; вообще она, какъ менѣе заинтересованная въ дѣлѣ, позволитъ себѣ иногда щегольнуть либеральными принципами, къ великому неудовольствію нѣкоторыхъ общинъ: такъ напримѣръ, федеральное правительство запретило союзнымъ гражданамъ служить наемниками въ иностранныхъ войскахъ. Впрочемъ, подобныя мѣры рѣдки; вообще же эмиграціи всякаго рода поощряются всѣми предержажими властями, какъ федеральными, такъ и кантональными и общинными. Точныхъ статистическихъ данныхъ на счетъ эмиграціи швейцарцевъ собрать невозможно; судя по цифрамъ, которыя даютъ Леруа и Фостъ въ послѣднемъ изданіи своей статистики Швейцаріи («La Suisse, 1867»), нѣкоторые нѣмецкіе кантоны теряютъ черезъ эмиграцію половину ежегодной прибыли ихъ народонаселенія. Показаніе это скорѣе уменьшено, чѣмъ преувеличено. Безъинтересенъ можетъ быть для читателя слѣдующій расчетъ, хотя онъ и относится къ 1850—59 годамъ: 4,437 эмигрантовъ, выбывшихъ въ это время, вывели съ собою деньгами и имуществомъ 3,127,570 франковъ; слѣдовательно по 705 фр. на человѣка. Изъ нихъ вернулось обратно на родину только 549, и они привели съ собою 2,686,988 франковъ, т.-е. около 4,900 фр. на человѣка. Цифры, которыя даетъ Бромюэль въ своей «History of immigration to the United States», не имѣютъ теперь никакого значенія, во первыхъ, потому что устарѣли; во вторыхъ потому, что и первоначальная ихъ точность весьма сомнительна. Французскіе кантоны Швейцаріи, поставляющіе на старыи и новыи свѣтъ нянекъ и гувернантокъ въ очень значительномъ количествѣ, даютъ однако же наименьшій процентъ эмиграціи. Всего болѣе выпадаетъ на долю Шафгаузена, Берна, Солотура и Арговіи. Эмиграція оказываетъ Швейцаріи двоякую услугу: во первыхъ, онѣ уносятъ за-границу извѣстный избытокъ ея народонаселенія; во вторыхъ, черезъ посредство эмигрантовъ и многочисленныхъ своихъ коми-воажеровъ, швейцарскіе фабричныя получаютъ возможность узнавать основательнѣе вкусы и потребности жителей различныхъ странъ; а послѣднее для нихъ очень важно, потому что, только благодаря своей привороженности къ мѣстнымъ вкусамъ и потребностямъ, швейцарскіе продукты на многихъ рынкахъ могутъ устоять противъ англійской конкуренціи.

Швейцарскій мальтузианизмъ не удовлетворяется однако же эмиграціями. Здѣшнія общины, на которыя федеральнымъ правительствомъ возложена обязанность содержанія неимущихъ своихъ членовъ, стремятся рядомъ болѣе или менѣе стѣснительныхъ постановленій, остановить возрастаніе своего народонаселенія *in ipsa fonte*, помѣшать своему человечеству размножаться, или по крайней мѣрѣ, сдѣлать изъ брака привилегію людей достаточныхъ. Во первыхъ, всѣ вступающіе въ бракъ, безъ различія имущества и состоянія, въ значительномъ большинствѣ швейцарскихъ кантоновъ, должны вносить извѣстную сумму въ

общинную кассу, что скорѣе имѣетъ видъ штрафа, нежели страхования, такъ-какъ соразмѣрять внесенную плату съ вѣроятностью обѣдненія, представляемою брачущимися, нѣтъ никакой возможности. Кромѣ того, во всѣхъ почти нѣмецкихъ кантонахъ запрещается вступать въ бракъ не только тѣмъ, кто когда-либо получалъ пособие отъ общины, но даже ихъ дѣтямъ, если они не получили откуда-либо наслѣдства, или другимъ путемъ не приобрѣли имущества, которое бы обезпечивало ихъ существованіе. Многія общины поступаютъ еще радикальнѣе, т.-е. онѣ просто отказываютъ въ разрѣшеніи на бракъ кому вздумаютъ, подъ весьма властичнымъ предлогомъ *возможности* обѣдненія или недостаточно нравственнаго образа жизни. Кантонъ Анненцель (собственно Аусерроденсия его общины) не дозволяетъ вступать въ бракъ лицамъ, состоящимъ въ кантскомъ или духовномъ родствѣ между собою; при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ маленькой общинѣ трудно найти двухъ человекъ, которыхъ, при нѣкоторомъ желаніи, нельзя бы было породнить между собою; а между тѣмъ, бракъ съ лицами другой общины обставленъ новыми трудностями.

Этими и тому подобными мѣрами, напримѣръ, Люцернскій кантонъ достигъ того, что въ немъ на 1,000 человекъ совершается ежегодно всего 4 брака. Правда, наибольшій процентъ незаконнорожденныхъ выпадаетъ тоже на этотъ кантонъ; но въ общемъ слѣдуетъ замѣтить, что число рожденій отъ брака въ Швейцаріи весьма незначительно, сравнительно съ другими странами Европы, а именно всего $5\frac{1}{2}$ процентовъ, тогда какъ во Франціи $7\frac{1}{2}$, въ Бельгіи и Пруссіи $7\frac{1}{2}$, въ Англіи $6\frac{1}{2}$, въ Швеціи 9, въ Германіи 12 (Вюртембергъ), 18 (Баденъ) и даже 20 (Брауншвейгъ) и $21\frac{1}{2}$ (Баварія).

Едва-ли можно приписать сравнительно ничтожный процентъ незаконныхъ рожденій въ Швейцаріи драконовскимъ постановленіямъ, существующимъ на этотъ счетъ въ большинствѣ швейцарскихъ общинъ. Почти всюду виновные наказываются денежными пенями, а въ случаѣ бѣдности, заключеніемъ въ рабочемъ домѣ, болѣе или менѣе продолжительнымъ. Тяжесть карательныхъ мѣръ всегда болѣе обрушивается на женщину, нежели на ея любовника. Такъ напримѣръ, въ Бернскомъ кантонѣ незаконно родившую привязываютъ къ позорному столбу; въ нѣкоторыхъ кантонахъ еще недавно тѣлесныя наказанія были дѣломъ обыкновеннымъ въ подобныхъ случаяхъ.

Такъ или иначе, максимумъ швейцарскихъ браковъ, падающій на долю кантона Гларусъ, не превышаетъ 11-ти на 1,000 человекъ. Среднимъ же числомъ въ Швейцаріи производится 1 бракъ на 147 человекъ. Во Франціи, которая не блистаетъ своими матримоніальными склонностями, 1 на 134, такъ что Швейцарія отстала даже и отъ Франціи. Нечего и говорить, что Германія со своимъ классическимъ пристрастіемъ къ «gemüthliches Familien-Leben»; стоитъ значительно выше Швейцаріи

(1 на 123 на югѣ, а на сѣверѣ даже 1 брагъ на 118 челоѵ.). Въ дѣлѣ незаконныхъ рожденій умѣреннѣе Швейцаріа оказыѵается только чопорно-правственнаа Голландія, и то всего на полть-процента. Всѣхъ нравственнѣе въ Европѣ оказыѵается въ этомъ отношеніи Ломбардіа (3 процента).

Какими мѣрами Швейцарія дошла до такого уважительнаго обузданія въ этомъ отношеніи своего народонаселенія — рѣшать съ точностью я не берусь; но замѣчу, что мальтузіанскіе принципы съ давнихъ поръ стали здѣсь основой буржуазной нравственности; общественное мнѣніе нещадно караетъ ихъ непризнаніе, и живущійся безъ обезпеченныхъ средствъ къ существованію не найдетъ снисхожденія ни въ комъ. Буржуазія (и особливо женевская) съ рѣдкимъ смиреніемъ и съ явнымъ ущербомъ для здоровья будущихъ поколѣній, несетъ крестъ, возложенный на нее судностью почвенныхъ и климатическихъ условій ея родины. Пролетаріамъ, вообще гораздо легкомысленнѣе относящимся къ вопросамъ будущаго, основы мальтузіанской нравственности предписываются насильно общественнымъ мнѣніемъ и общиннымъ законодательствомъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь вскользь о мѣрахъ, посредствомъ которыхъ швейцарская буржуазія нѣсколько облегчаетъ себѣ тяжелое бремя воздержанности и мальтузіанскаго благонравія. Мѣры эти должны бы быть довольно разнообразны, но говорить о нихъ гораздо удобнѣе въ спеціальныхъ трактатахъ общественно-гигіеническаго свойства, нежели въ журнальной статьѣ. Скажу вскользь объ одной изъ нихъ, которая особенно правилась въ Женевѣ, и которая броситъ нѣкоторый свѣтъ на вышеприведенныя статистическія цифры...

Не знаю, замѣтилъ ли читатель, что процентъ незаконныхъ рожденій оказыѵается сравнительно весьма значительнымъ въ сосѣднихъ съ Швейцаріею германскихъ странахъ, какъ-то: въ Баваріи (21 $\frac{1}{6}$), въ Вюртембергѣ (12 $\frac{1}{2}$), въ Баденѣ (18). Должно замѣтить, что эти страны, вмѣстѣ съ Савойею, поставляютъ прислугу женскаго пола на всѣ буржуазныя и аристократическія семьи Швейцаріа, и что въ контрактахъ, заключаемыхъ съ служанками, предусмотрительные женевцы помѣщаютъ кляузу «*complaisance*» по отношенію къ самому ли хозяину, или же къ взрослому его сыновьямъ. Недавній случай въ Женевѣ, дошедшій до гласности, показаль, что, хотя законъ и не преслѣдуетъ за неисполненіе этой кляузы, то, не крайней-мѣрѣ, онъ не считааетъ настаиваніе на ея исполненіи со стороны хозяина достаточнымъ поводомъ для уничтоженія контракта. Дѣло состояло въ томъ, что какая-то наивная баварка, по плохому знанію французскаго языка и женевскихъ обычаевъ, приняла слово «*complaisance*» за «услужливость» въ общемъ смыслѣ. Когда она отказалась отъ исполненія всѣхъ требуемыхъ отъ нея услугъ, то хозяинъ, калвинистскій Pastorъ, благодушно отпустилъ ее съ условною фразою въ аттестатѣ: «*pour renseignements s'adresser à moi*» («за

справками обращаться ко мнѣ»). Попробовала-было нѣмка пописать себѣ другаго мѣста и, проученная (но дурно) первымъ опытомъ, обращалась преимущественно въ почтенные семейные дома. Однаже, съ пасторскимъ аттестатомъ нигдѣ не принимаясь, тогда она пошла къ прежнему своему хозяину требовать перемѣны выданнаго ей свидѣтельства. При отказѣ съ его стороны, она наговорила ему вещей уже вовсе некомплементарныхъ; вслѣдствіе чего и была потребована пасторомъ къ мировому судѣ, который осудилъ ее за незаконный разрывъ заключеннаго съ пасторомъ условія.

Тутъ же кстати рассказать о довольно оригинальномъ швейцарскомъ обычаѣ, свидѣтельствующемъ о томъ, какъ иногда новѣйшая мальтузіанская нравственность сходится съ нравственностью древне-бургундскою.

Обычай этотъ, называемый «z'Liecht goh» въ альпійскихъ нѣмецкихъ кантонахъ, — «alberdzi» въ кантонѣ Во, служитъ для сельскихъ жителей Швейцаріи замѣною кляузы — «complaisance» жевевскихъ контрактовъ со служанками. Обычай этотъ сохранился еще здѣсь со временъ бургундскихъ. Какъ только швейцарскій юноша достигъ возмужалости, онъ получаетъ право войти въ ассоціацію парней своей коммунъ, извѣстную подъ именемъ «Nachtbuben». Право это продается ему однакоже за небольшую денежную плату, или же за попойку, устроенную на его счетъ въ пользу будущихъ его сотоварищей. Дѣло «Nachtbuben» заключается въ томъ, чтобы охранять по ночамъ дѣвушекъ своей деревни отъ покушеній юношей изъ другихъ общинъ. Если такой иногородный ловеласъ попадется въ руки «нахтбубовъ», то долженъ выдержать съ ними кулачный бой, который очень часто кончается смертью пришельца, или весьма солиднымъ увѣчьемъ. Сами же нахтбубы пробараются ночью въ комнаты къ любой изъ дѣвушекъ своей деревни, и такимъ образомъ, заводятъ съ ними связь, продолжающуюся съ вѣдома родителей и всего околада, безъ малѣйшихъ препятствій до тѣхъ поръ, пока дѣвушка не станетъ беременна. Въ случаѣ бесплодности, подобная связь можетъ продолжаться цѣлые годы; дѣвушка можетъ мѣнять своихъ нахтбубеновъ, и обратно; ни община, ни общественное мнѣніе, не находятъ въ этомъ ничего предосудительнаго. Но, въ случаѣ беременности, швейцарская нравственность обязываетъ дѣвушку выйти замужъ за своего соблазнителя. И горе ей, если его нѣтъ на лицо, или же, если онъ откажется отъ вступленія съ нею въ бракъ. Въ послѣднемъ случаѣ, правда, и мужчина несетъ отвѣтственность передъ закономъ; но для него все дѣло ограничивается денежною пѣнейю не свыше 20 франковъ, а въ нѣкоторыхъ кантонахъ еще и запрещеніемъ на нѣкоторое время посѣщать общественныя сборища и гулянья. Для дѣвушки, дѣло обыкновенно кончается позоромъ на всю жизнь, а мѣстами, позорнымъ столбомъ, или даже публичнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ.

Очень жаль, что швейцарскія статистики скромно умалчиваютъ о цифрахъ дѣтубійства; хотя, конечно, подобныя цифры относятся только къ открытымъ случаямъ преступленія, а проникнутыя мальтузіанскими идеями швейцарскіе прокуроры едва ли стануть рьяными ихъ преслѣдователями; однако же, сопоставленіе цифръ дѣтубійства съ остальными, отчасти уже привта денными здѣсь мною, было бы необходимо для пополненія картины.

Достигаетъ ли Швейцарія вышеописанными мѣрами желанной цѣли? Если рѣчь идетъ только объ обузданіи возрастанія народонаселенія, то оно достигается несомнѣнно. По офіціальнымъ статистическимъ даннымъ, швейцарское народонаселеніе возрастаетъ ежегодно на 0,61 процента; слѣдовательно, быстрѣе, чѣмъ народонаселеніе многихъ другихъ странъ Европы, какъ-то Португаліи, Италіи, Ганновера, Бельгіи, Испаніи, Баваріи, Франціи и Австріи. Такимъ образомъ, Швейцарія оставляетъ за собою почти исключительно однѣ только католическія страны съ ихъ монашествомъ обонхъ половъ, и безбрачіемъ духовенства. Кромѣ того, каждая изъ помянутыхъ странъ (особливо же Франція и Австрія, имѣющія самый ничтожный процентъ возрастанія народонаселенія) обладаютъ болѣе или менѣе многочисленными войсками, что не можетъ не оказывать очень сильнаго, сдерживающаго вліянія на возрастаніе народонаселенія. Но и вообще эти статистическія данныя на счетъ возрастанія швейцарскаго народонаселенія не рисуютъ дѣла въ настоящемъ его свѣтѣ; потому что здѣсь, особливо за послѣдніе годы, весьма сильнѣе нацльвъ иностранцевъ. Еще болѣе можно замѣтить, что всѣ данныя, мало-мальски касающіяся нравственной статистики Швейцаріи, заслуживаютъ довѣрія только въ весьма слабой степени, ибо они подвергаются, до своего опубликованія, довольно тщательной и сознательной передѣлкѣ. Собираются же они въ большинствѣ случаевъ крайне безпорядочно.

Какъ непомѣченный статистикою результатъ мальтузіанской нравственности, слѣдуетъ помянуть здѣсь физиологическое вырожденіе швейцарской расы, калѣчество, рахитизмъ и кретинизмъ, встрѣчаемые здѣсь въ ужасающихъ размѣрахъ.

Однако же швейцарцы добиваются уменьшенія своего народонаселенія не какъ цѣли, а только какъ средства, чтобы избѣгнуть нищенства, пролетаріата. На сколько помогаетъ имъ ихъ мальтузіанство въ достиженіи этой главнѣйшей цѣли — это иной вопросъ.

Конечно, сравнительно съ другими странами западной и средней Европы, Швейцарія не можетъ быть названа страной пролетаріата. Въ большинствѣ кантоновъ (во всѣхъ безъ исключенія альпійскихъ и частью въ юрскихъ) сохранилось до сихъ поръ общинное владѣніе нѣкоторыми угодьями, преимущественно лѣсами, дугами и пастбищами. Въ Бернскомъ кантонѣ есть общины, въ которыхъ право гражданства равняется синекурѣ

съ получениемъ нѣсколькихъ тысячъ франковъ годового дохода. Въ Юрской части кантона Во гражданниъ самой бѣдной коммуны почти обезпеченъ въ своихъ первѣйшихъ потребностяхъ доходами съ общинныхъ имуществъ. Такое довольство встрѣчается вообще въ лѣсныхъ кантонахъ, такъ-какъ большинство швейцарскихъ лѣсовъ еще не перешло въ личное владѣнiе, хотя объ этомъ усиленно хлопочутъ политико-экономисты федеральнаго совѣта. Въ этомъ же кантонѣ Во, и въ сосѣднихъ съ нимъ мѣстахъ Фрибургскаго кантона, нѣкоторыя общины владѣютъ горными пастбищами; нѣкоторыя приносятъ имъ порядочные доходы. Вообще, въ этомъ отношенiи Юра оказывается гораздо благосклоннѣе къ своимъ жителямъ, нежели суровые Альпы.

Однако, въ большинствѣ случаевъ, въ общинномъ владѣнiи состоятъ здѣсь только объѣды личной собственности, не приносящiе никому никакого дохода, а всего менѣе тѣмъ изъ своихъ общинныхъ владѣльцевъ, которые всего болѣе въ немъ нуждаются. Таковы альпийскiя общественныя пастбища, хотя виновата въ этомъ вовсе не суровая альпийская ихъ природа. Въ пользованiи ими большинство швейцарскихъ общинъ держится слѣдующаго широкаго принципа: *«кто сколько можетъ прокормить скота зимою на свой собственный счетъ, столько же можетъ снять его лѣтомъ на общинныя пастбища»*. Такимъ образомъ, борачъ, содержащiй цѣлое стадо, бесплатно прокармлиываетъ его цѣлое лѣто на общественный счетъ; а между тѣмъ, бѣдякъ, имѣющiй всего одну корову, считается наравнѣ съ нимъ владѣтелемъ этого уголья. Въ другихъ случаяхъ, общинное пастбище дѣлится на участки, называемые «Kuhrechtъ», потому что участокъ равняется такому количеству, которое необходимо для прокормленiя одной коровы. Право пользованiя однимъ или нѣсколькими такими участками, то-есть, точнѣе говоря, право поселятъ на пастбище одну или нѣсколько коровъ, продается членами общины нѣогда и совершенно постороннимъ лицамъ. Кто приобрѣлъ одно «Kuhrechtъ», тотъ можетъ, вмѣсто коровы, поселятъ на пастбище двѣ, три или даже четыре штуки мелкаго рогатаго скота. Прокормленiе двухгодовалой лошади равняется двумъ «Kuhrechtъ»; свыше этого возраста лошадь уже считается за три коровы. Такой видъ общиннаго пользованiя альпийскими пастбищами нѣсколько рациональнѣе предыдущаго. Правда, и при немъ богачъ пасетъ цѣлое стадо на общественномъ «альпѣ» (это мѣстное названiе вообще для горныхъ пастбищъ), тогда какъ бѣдякъ, имѣющiй стада, или имѣющiй возможность приобрести себѣ «Kuhrechte», вовсе не пользуется этимъ угольемъ; но за то, по крайней-мѣрѣ, выручаемiя съ продажи «Kuhrechte» деньги идутъ въ общественную казну.

Болѣе рациональный видъ общиннаго альпийскаго хозяйства, состоящiй въ томъ, чтобы сама община содержала стада и зимою и лѣтомъ на общiй счетъ, чтобы также на общинномъ основанiи производилась выдѣлка и продажа масла и сыру—съ

каждымъ годомъ встрѣчается все рѣже и рѣже. Правда, и теперь вы еще часто встрѣтите (особливо на юрскихъ пастбищахъ) такъ-называемыя общинныя стада; но стада эти состоятъ изъ скота, принадлежащаго частнымъ владѣльцамъ; и только на дѣтнее время онѣ сообща пасутся на общественныхъ пастбищахъ (въ размѣрѣ принадлежащихъ ихъ владѣльцамъ «Kuhrechte») и подъ надзоромъ одного пастуха, нанятаго сообща владѣльцами, или же назначеннаго отъ общины.

Общественная выдѣлка сыра признана во всѣхъ отношеніяхъ болѣе выгодною; а потому владѣльцы стада поручаютъ это дѣло одному какому-либо общиннику, за известную задѣльную плату (впрочемъ рѣдко), или же за известную долю продукта. Въ теченіе дѣта владѣльцы стада нѣсколько разъ являются на пастбища присутствовать при доеніи своихъ коровъ. Послѣ нѣсколькихъ такихъ посѣщеній составляется росписаніе млекообильности каждой коровы; и за тѣмъ осенью добытый продуктъ, или вырученныя изъ его продажи деньги, дѣлятся между владѣльцами стада, не только пропорціонально числу коровъ, принадлежащихъ каждому, но пропорціонально также млекообильности этихъ коровъ. Очевидно, что выгодно для общины только такое хозяйство, при которомъ она владѣетъ своими собственными стадами; но это встрѣчается очень рѣдко, и едва-ли не исключительно въ Pays d'en Haut, т.-е. въ горной части богатаго кантона Во. Въ альпійскихъ кантонахъ общинное владѣніе служить только подспорьемъ владѣнію личному, и тѣмъ сильнѣйшимъ подспорьемъ, чѣмъ крупнѣе собственникъ,—чѣмъ, слѣдовательно онъ менѣе нуждается въ немъ.

Слѣдуетъ сознаться, что швейцарскія общины не мастера въ дѣлѣ хозяйства. Онѣ получаютъ порядочные доходы тамъ, гдѣ имъ предоставляется только трудъ собирать ихъ, т.-е. гдѣ, на примѣръ, пастбища могутъ быть отдаваемы въ наемъ за хорошую цѣну, или гдѣ много общественнаго лѣсу; да и тотъ онѣ только продаютъ на срубку. Такимъ образомъ общины, прежде щедро надѣленныя природою, теперь обѣднѣли. Альпійскія общины, имѣющія иногда достаточный матеріалъ, чтобы съ прибылью вести свое собственное хозяйство, однакоже не ведутъ его, а отдаютъ инициативу въ частныя руки, съ очевиднымъ ущербомъ для себя.

Само собою разумѣется, что въ странѣ мальтузіанской и буржуазной, какова Швейцарія, общинное владѣніе имѣетъ много противниковъ, и въ ихъ числѣ много вліятельныхъ лицъ. Главный аргументъ этихъ противниковъ составляетъ плохое лѣсное хозяйство Швейцаріи, въ силу котораго,—говорятъ,—странѣ грозитъ опасность остаться вовсе безъ лѣсу, если владѣніе имъ не будетъ отнято у общины и передано въ частныя руки. На сколько справедливы подобныя сѣтованія и опасенія—судить не берусь. Замѣчу только, что отнять у швейцарскихъ общинъ лѣса дѣло нелегкое; а для скупики ихъ въ частное владѣніе по-

требовались бы слишкомъ значительные капиталы. Самый лучший исходъ этого дѣла, — какъ для общинъ, такъ и для цѣлой Швейцарии, — будетъ если сами общины возьмутся за умъ.

Кромѣ лѣсовъ, въ общинномъ пользованіи здѣсь остаются только луга и пастбища, лежащія на значительныхъ высотахъ и совершенно неподдающіяся межеванію. Обладаніе лѣсами составляетъ природную привилегію очень немногихъ кантоновъ; что же касается общинныхъ луговъ и пастбищъ, то роль ихъ въ общей экономіи Швейцарии уже указана. Такимъ образомъ положительныхъ мѣръ къ избѣжанію пролетаріата и нищенства въ Швейцарии принято гораздо менѣе, нежели мѣръ отрицательныхъ, т.-е. направленныхъ къ тому, чтобы уменьшить народоуденіе новыхъ безземельныхъ бобылей.

Должно сознаться, что во всемъ этомъ дѣлѣ примѣшивается здѣсь препорядочная доля лицемерія и ханжества.

При этомъ я вспоминаю объ одномъ благотворительномъ обществѣ, которое прошлою зимою въ Женевѣ объявило всемъ нуждающимся и немущимъ швейцарцамъ, находящимся въ Женевѣ, чтобы они являлись въ комитетъ этого общества, который «заботится о ихъ участи». Комитетъ просто передавалъ ихъ полиціи для препровожденія ихъ на мѣсто жительства, гдѣ собственныя ихъ общины должны по закону кормить ихъ и содержать. Общины, ассигнуя очень ничтожныя суммы на содержаніе своихъ бѣдныхъ, обыкновенно пускаютъ ихъ по подряду, т.-е. отдаютъ на пансіонъ тому изъ бюргеровъ, который согласится держать ихъ за болѣе дешевую цѣну. Содержаніе это таково, что бѣдняки бѣгутъ подалѣе отъ своихъ общинъ, въ чужіе кантоны, гдѣ никто не обязанъ печься о ихъ пропитаніи. А между тѣмъ швейцарецъ не подастъ гроша нищему, на томъ основаніи, что — какъ членъ общины — онъ уже платитъ извѣстную сумму на содержаніе своихъ бѣдныхъ.

Точно также лицемерны и нецѣлесообразны и всѣ en grand отношенія Швейцаріи къ немущимъ своимъ гражданамъ. Можетъ быть, либеральный федеральный совѣтъ (послѣ переворота сороковыхъ годовъ) имѣлъ въ виду искренно уничтоженіе пролетаріата, когда онъ предписалъ, чтобы «гейматлозы», т.-е. люди, не имѣвшіе здѣсь ни кола, ни двора и ведшіе кочевую жизнь, приписывались непременно къ общинамъ и вступали во всѣ права и прерогативы швейцарскихъ гражданъ. Но только мѣра эта желаннаго дѣйствія не имѣла: общины, дѣйствительно обладающія какимъ-либо имуществомъ, тотчасъ же ввели у себя различіе между «Genossbürgerschaft», т.-е. гражданствомъ, связаннымъ съ обладаніемъ общинныхъ угодій, и просто политическимъ гражданствомъ. Различіе это не существуетъ только въ такихъ кантонахъ, гдѣ общины не пользуются никакими доходами; хотя въ принципѣ и удерживается еще, что всѣ швейцарскіе граждане, за исключеніемъ весьма немногихъ, вновь приписанныхъ, пользуются хоть какимъ-нибудь имуществомъ. Луч-

нимъ опроверженіемъ этого предположенія служить уже то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантонахъ (напр. въ Женевскомъ, Солотурнскомъ) общины принимаютъ новыхъ гражданъ полюбовно; со взносомъ какихъ-нибудь 50-ти франковъ. Очевидно, что доля общинныхъ доходовъ, которою будетъ пользоваться новый бюргеръ, отнюдь не можетъ превышать 5 процентовъ въ годъ съ этой умѣренной суммы. Впрочемъ, на сколько мнѣ извѣстно, доля эта положительно равняется нулю, и выплачиваемая за право гражданства сумма есть небольшая какъ *taxe d'admission*, плата за патентъ и за издержки легализаціи.

Ошибочно было бы думать, что иныишній швейцарскій пролетаріатъ образовался изъ бывшихъ гейматлозовъ. Раздробленіе поземельной собственности здѣсь очень велико. Изъ всѣхъ кантоновъ только два (Женева и Вò) имѣютъ кадастръ; однако Франсини, авторъ «*Matériaux statistiques de la Suisse*», приводитъ подробныя цифры касательно швейцарскаго землевладѣнія. Цифры эти относятся къ пятидесятымъ годамъ, или даже къ сороковымъ; но позднѣйшія статистики заимствуютъ ихъ у Франсини, за исключеніемъ Адольфа Франца («*Handbuch der Statistik*» 1863), который приводитъ ихъ въ исправленномъ видѣ. По этимъ послѣднимъ показаніямъ явствуетъ, что поземельныхъ собственниковъ въ Швейцаріи числится (круглымъ числомъ) 465,500; это даетъ довольно утѣшительный результатъ 1 собственника на 5½ человекъ. Средняя величина поземельной собственности считается отъ 14 до 6-ти гектаровъ. Большое скопленіе поземельной собственности встрѣчается рѣдко, и швейцарцы гордятся демократичностью своихъ экономическихъ отношеній. Впрочемъ, все это ровно ничего не доказываетъ: въ Швейцаріи трудно опредѣлить стоимость поземельнаго участка его протяженіемъ. По берегу Женевского озера, въ кантонѣ Вò, въ мѣстностяхъ Clos du Rocher и Иворнъ, производящихъ лучшія швейцарскія вина, цѣна одной десятины доходитъ до баснословной цифры 100,000 фр., и притомъ все же доходъ съ такой десятины долженъ быть разсчитанъ, по крайней-мѣрѣ, на 5 процентовъ. Счастливый обладатель двухъ-трехъ такихъ десятинъ, при общемъ раздробленіи собственности въ Швейцаріи, по праву долженъ считаться олигархомъ.

Что же касается демократическаго довольства, которымъ гордится Швейцарія, называющая себя страной *счастливаго средняго урожая*, — то оно встрѣчается въ кантонѣ Вò, благодаря богатству тамошнихъ общинъ. Въ Бернскомъ кантонѣ оно болѣе основано на личномъ землевладѣніи. Бернскіе достаточные крестьяне — собственники составляютъ чрезвычайно замкнутый кругъ, свою особую деревенскую аристократію, гордую и чопорную не хуже всякой другой. Браки въ этой средѣ, по свидѣтельству Бертиша (*Shweizerkunde*) и бернскаго романиста, Иереміи Готхельфа, почитаемаго за большаго знатока своей народ-

ности, совершаются подъ вліяніемъ такихъ же дипломатическихъ побужденій, какъ браки коронованныхъ особъ, потому что бернскіе достаточные крестьяне весьма строго соблюдаютъ чистоту и богатство рода. Изъ этихъ же побужденій, они обыкновенно не дробятъ свой собственности между наслѣдниками, а вручаютъ ее одному любимому сыну или родственнику, который черезъ то становится главою семьи и обязуется содержать ея другихъ ненадѣленныхъ членовъ.

Кромѣ двухъ названныхъ кантоновъ, достаточные крестьяне-собственники встрѣчаются только какъ исключеніе; да и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ источникомъ ихъ достаточности служитъ не собственно земледѣліе, а какая либо побочная отрасль хозяйства, винодѣліе, шелководство (въ Люцернѣ или Цюрихѣ), скотоводство и пр., ведущіяся на спекулятивномъ основаніи. Во всѣхъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ кантонахъ, крестьяне-собственники такъ мало обеспечены своимъ поземельнымъ надѣломъ, что всѣ они должны искать себѣ занятій на фабрикахъ. Впрочемъ, такъ-какъ преобладающій видъ мануфактурной промышленности составляетъ здѣсь хлопчато-бумажное производство, то большинство крестьянъ-фабричныхъ работаютъ у себя на дому, имѣя свои станки, или же получая ихъ отъ антрепренера. Это имѣетъ свои громадныя преимущества, которыя легко оцѣнить каждый, мало-мальски знакомый съ фабричнымъ дѣломъ и видѣвшій хотя однажды его пагубное вліяніе на рабочій людъ. Однакоже, швейцарскіе фабриканты не прочь бы замѣнить этихъ поселенцевъ-работниковъ людьми вовсе безземельными и бездомными, которые несравненно болѣе чувствуютъ свою зависимость отъ доброй воли хозяина. Тѣмъ не менѣе описанный порядокъ производствъ удержится по всей вѣроятности еще долго, такъ-какъ вмѣстѣ съ прочими своими удобствами онъ представляетъ также и возможность дешевой задѣльной платы, потому что жизнь въ деревняхъ обходится дешевле, чѣмъ въ городахъ; а дешевая задѣльная плата есть условіе *sine qua* поп швейцарскаго производства. За совершенствомъ продукта они не гонятся, понимая очень хорошо, что имъ не перещеголять Францію въ дѣлѣ вкуса, Англію въ дѣлѣ оконченности и тщательности выдѣлки. Вотъ что говорить объ этомъ одинъ изъ богатѣйшихъ фабрикантовъ Гларисскаго кантона:

«Что касается машинъ, то въ нихъ съ каждымъ годомъ совершаются улучшенія несомнѣнной важности; но мы ими пользоваться не можемъ, потому что мы не имѣемъ средства мѣнять и передѣлывать наши станки и машины. Теацкій или бумагопрядильный станокъ обходится англійскому фабриканту въ 400 или 500 франковъ; мы же должны платить за него отъ 900 до 1,200 франковъ. Гдѣ англійскому фабриканту достаточно четыре или пять человекъ, тамъ мы должны употребить отъ девяти до 10-ти работниковъ. Доставка сырья на фабрику обходится намъ отъ шести до-10 процентовъ; въ Англіи она обходится втрое

дешевле... Единственное наше преимущество противъ Англiи заключается въ томъ, что нашъ работникъ работаетъ большее число часовъ въ день и получаетъ за это меньшую плату; а также мы съ большимъ тактомъ ведемъ свои торговые обороты». (*Reports of Her Majesty's secretaries of Embasys 1864* в.).

Это мнѣніе человѣка компетентнаго кажется мнѣ интереснымъ не потому только, что оно вполне справедливо, включая даже и похвалу, съ которою гларисскій фабрикантъ отзывается о своемъ сословіи. Оно очень краснорѣчиво рисуетъ положеніе швейцарскаго рабочаго: положеніе это оказывается хуже, даже чѣмъ въ Англiи; а это говорить само за себя. Ясно также, что швейцарскіе фабриканты не могутъ искренно желать улучшенія этого положенія. Они хлопчуть о мѣрахъ въ пресѣченію народненія новыхъ пролетаріевъ только потому, что твердо увѣрены въ томъ, что и при стѣснительныхъ мѣрахъ всякаго рода, пролетаріатъ не уничтожится въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ онъ имъ нуженъ. Избытокъ же его, и съ ихъ точки зрѣнія, не можетъ быть желательнымъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что мнѣніе, высказанное на этотъ счетъ гларисскимъ фабрикантомъ (господиномъ Уенни), есть вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣніе громаднаго большинства его собратіи; а слѣдовательно въ Швейцарiи оно дѣлаетъ законъ, потому что швейцарское законодательство есть апофеозъ буржуазнаго самоуправленія. Кто хочетъ изучать западно-европейское мѣщанство во всемъ блескѣ его величія, во всей полнотѣ его проявленія, для того Швейцарiя есть истый кладъ. Прибавьте къ тому же, что проявленія эти здѣсь при всей своей полнотѣ отличаются первобытною, свойственною вообще міру горъ, простотою и многогосложностью, естественно вытекающею изъ раздробленности здѣшней территорiи, изъ немногочисленности здѣшнихъ интеллигентовъ.

Толковать о швейцарскомъ государственномъ и кантональномъ устройствѣ, здѣсь едва-ли было бы умѣстно. Официальною своею стороною оно извѣстно болѣе или менѣе всѣмъ и каждому. Но знакомство болѣе интимное съ общественнымъ строемъ этой страны, должно бы быть весьма назидательно. Эти микроскопическія горныя республики, каковы болѣею частью швейцарскіе кантоны, республики Сан-Марино въ Италiи, или пиренейская Андорра, поражающія насъ на первый взглядъ чисто внѣшнею, нѣсколько балетною своею оригинальностью, для изслѣдователя явленій общественности должны бы представлять такой же интересъ, какой въ глазахъ натуралиста имѣютъ микроскопическія организмы, въ которыхъ многосложные жизненные акты совершаются съ простотою и незапутанностью, весьма удобною для наблюденій. Къ сожалѣнію, такое интимное знакомство съ внутреннимъ строемъ швейцарской общественной жизни почти недоступно для иностранцевъ. Въ ревнивомъ своемъ

патріотизмъ и цѣльн общины и частные люди туго держатся мудраго правила: «сору изъ избы не выносить».

Швейцарія есть страна по преимуществу общиннаго самоуправления; это ни для кого не ново. Но проявляется это общинное самоуправленіе здѣсь съ разнообразіемъ, почти неудовимымъ до того, что часто двѣ сосѣднія деревни не представляютъ и тѣни сходства между собою, именно въ наиболѣ существенныхъ чертахъ своего общиннаго строя. Отъ французски централизаціонныхъ стремленій женеvскихъ радикаловъ и до необузданной патріархальности граубюнденскихъ и нѣкоторыхъ валлійскихъ общинъ, вы здѣсь найдете всевозможные оттѣнки, ступени и переходы. Въ то время какъ въ Бернѣ представительство (разумѣется *de facto*, а не *de jure*) сосредоточивается въ рукахъ кровной и денежной аристократіи (объ онѣ здѣсь обыкновенно совпадаютъ), на берегахъ Фарвальдштетскаго озера, въ Оберъ и Унтервальденѣ, въ Швицѣ и въ Ури, собирается еще первобытная «Landsgemeinde», т.-е. поголовное народное собраніе, съ простотою и патріархальностью парламентскихъ формъ, достойною временъ бургуидцевъ и алеманновъ. Тутъ, казалось бы, и радоваться демократическому либерализму; а выходитъ наоборотъ: женеvскій диктаторъ порою проводитъ мѣру, несомнѣнно клонящуюся въ улучшенію быта рабочихъ классовъ; бернскій патрицій иногда ратуетъ за справедливую раскладку общинныхъ повинностей; а демократическая «Landsgemeinde» предписываетъ отколотать палками типографшица, повиннаго въ напечатаніи памфлета какого-нибудь, или высѣчь публично розгами соблазненную «нахтбубами» дѣвушку. Вообще, политическія понятія и *pia desideria*, сложившіяся въ странахъ, гдѣ свобода политическихъ формъ имѣетъ въ свою пользу всю прелесть запретнаго плода, оказываются въ Швейцаріи на каждомъ шагѣ несостоятельными. Слова либерализмъ и консерватизмъ, въ общеевропейскомъ ихъ значеніи, не имѣютъ смысла въ примѣненіи своемъ къ Швейцаріи. Слишкомъ часто либерализмъ отождествляется здѣсь съ католическимъ клерикализмомъ, и почти постоянно онъ враждебенъ общинному самоуправленію.

Швейцарцы очень любятъ говорить и писать о своей родинѣ, такъ что въ книгахъ, имѣющихъ цѣлью ознакомить читающую публику съ дѣлами федераціи, недостатка нѣтъ. Къ сожалѣнію, книги эти ограничиваются болѣе или менѣе официальной статистикою края, услужливо предупреждая своихъ читателей, что всѣ ихъ статистическія данныя не заслуживаютъ никакого довѣрія, по указаннымъ уже выше причинамъ. Нѣкоторые авторы (напримѣръ Берлепшъ въ своемъ весьма уважительномъ сборникѣ «Schweizerkunde») пускаются и на общія характеристики страны и народа, гласящія, что «*der Schweize ist vorzichtig mehr als grossmüthig*» (швейцарецъ болѣе предусмотрителенъ, чѣмъ великодушень); и это совершенная истина; но тѣмъ дѣло и кончается. Лучшія изъ подобныхъ произведеній безспорно могутъ служить

иностранцу въ качествѣ путешевителя; но дать ему то интимное и основательное знаомство со швейцарскимъ общественнымъ бытомъ, которое одно только и представляетъ существенный интересъ, они не могутъ. Писанные законы и конституціи, въ странѣ, гдѣ обычай неписанный въ сущности все же оказывается полновластнымъ деспотомъ, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было остаются мертвою буквою. При здѣшней раздробленности, общественное мнѣніе весьма мало нуждается въ официальныхъ органахъ и проявленіяхъ, для того, чтобы придавать своимъ приговорамъ неотразимую исполнительную силу. Въ общихъ чертахъ нетрудно установить однако же слѣдующія основныя положенія: общинное устройство Швейцаріи есть продуктъ существенныхъ бытовыхъ условій страны; въ нихъ проявляется, со всею своею безцеремонною шероховатостью, трудная жизнь человѣка среди неблагоприятныхъ естественныхъ условій, мало стѣсняемая какими бы то ни было принципами и высшими соображеніями. Нелегкая задача сглаживанія нѣкоторыхъ изъ этихъ шероховатостей, сочетанія ихъ съ требованіями политической благонамѣренности и официального либерализма, возлагается почти исключительно на общее союзное управленіе. Кантонъ является въ этомъ смыслѣ посредникомъ между союзомъ и общиною, раздѣляя весьма естественно стремленія общинъ къ безцеремонному пользованію рѣшительно всѣми ресурсами; и съ другой стороны, стремленія федеральнаго правительства не ударить лицомъ въ грязь передъ иностранными державами и народами, — не уронить своей репутаціи свободолюбія и гуманности. Выражаясь языкомъ покойной трансцендентальной философіи, можно сказать, что общинное устройство приноравливается къ стремленію «быть»; тогда какъ федеральному правленію предоставлено удовлетвореніе стремленій «казаться». — Оцѣнку интенсивности обоихъ этихъ стремленій мы находимъ въ общемъ швейцарскомъ бюджетѣ: союзному управленію предоставлены исключительно только доходы съ почты, телеграфовъ, таможенъ, съ продажи пороху, табуку, соли и пистоновъ. Такимъ образомъ швейцарцы, очевидно, не раздѣляютъ пагубнаго воззрѣнія философовъ-субъективистовъ о тождественности понятій «быть» и «казаться»; ибо на первое они удѣляютъ значительно большую часть своихъ общественныхъ сборовъ. По практическому мировоззрѣнію здѣшнихъ бюргеровъ, «быть» значитъ «имѣть», а не «казаться»:

Gaudeant bene nanti.

Э. Д.

21 (9) іюня 1868 г.

КРИТИКА.

ПРОТИВОПОЛОЖНАЯ КРАЙНОСТЬ.

(Сочиненія Марко-Вовчека. Томъ I, Разсказы изъ украинскаго быта. Изданіе И. Папина. Спб. 1867 г.)

I.

Въ статьѣ «Живая струя», если читатель припомнитъ (См. «Отеч. Зап.» № 4-й), я представилъ краткія характеристики нѣсколькихъ нашихъ народныхъ писателей (гг. Успенскаго, А. Слѣпцова, Рѣшетникова, Левитова, Якушкина и Островскаго). Я старался обратить вниманіе читателей на то, что всѣ эти писатели въ своихъ произведеніяхъ держатся индуктивнаго метода: они ограничиваются созерцаемъ конкретныхъ фактовъ жизни; если дѣлаютъ какія-нибудь обобщенія, то единственно на основаніи наблюдаемыхъ фактовъ, и метода своего держатся съ такою непоколебимою строгостью, что готовы бывають скорѣе составить самое невѣрное и одностороннее понятіе о народѣ, лишь бы оно опиралось на факты, чѣмъ а priori допустить существованіе въ жизни народа такихъ элементовъ, каковыхъ имъ не удалось подмѣтить въ дѣйствительности. Теперь намъ приходится имѣть дѣло съ писателемъ совершенно противоположнаго свойства. Г-жа Марко-Вовчекъ не имѣетъ ничего общаго со всѣми вышеприведенными писателями; между ними и ей лежатъ пропасть, и не явилось еще до сихъ поръ такого таланта, который перебросилъ бы черезъ эту пропасть мостъ. Существенный характеръ произведеній г-жи Марко-Вовчекъ составляетъ крайняя дедукція. Въ то время, какъ большинство нашихъ народныхъ писателей страдаетъ конкретностью фактовъ, дагеротипностью, отсутствіемъ обобщеній, г-жа Марко-Вовчекъ, напротивъ того, начинаетъ съ самыхъ широкихъ обобщеній: въ основаніи каждой повѣсти своей она ставитъ непременно какой-нибудь крупный вопросъ, или нашей общественной жизни, или же общечеловѣческаго значенія. Въ каждой повѣсти она старается выставить передъ нами общіе типы и изобразить не двѣ, три сценки изъ жизни своихъ героевъ, а представить всю судьбу ихъ, и въ ихъ судьбѣ напомнить намъ о такой же долѣ многихъ подобныхъ имъ личностей. Но фактовъ живыхъ, осязательныхъ, которыми писательница могла бы съ несомнѣнною ясностію и полнотою подтвердить свои дедукціи, у г-жи Марко-Вовчекъ запасъ небогатый и, какъ мы увиди чл ниже, крайне односторонній; этимъ объясняются

всѣ недостатки произведеній Марко-Вовчка. Вслѣдствіе этого происходитъ, что писательница, избирая какой-нибудь широкій сюжетъ, способный послужить для большаго романа или пяти-актной драмы, ограничивается небольшимъ очеркомъ, сжатою передачею этого сюжета, представляя такимъ образомъ вмѣсто дѣльныхъ произведеній краткія программы ихъ. Характеры дѣйствующихъ лицъ очерчиваются общими, отвлеченными чертами. Вѣдность фактовъ необходимо влечетъ за собою съ одной стороны недостатокъ пластичности, подробностей, съ другой— частую повторяемость однѣхъ и тѣхъ же красокъ, чѣмъ въ особенности страдаютъ въ произведеніяхъ г-жи Марко-Вовчка молодые казаки и казачки съ ихъ любовными похождениями. Но что всего важнѣе, писательница, за неимѣніемъ подъ руками живыхъ фактовъ, принуждена бываетъ иногда придумывать собственные, или вносить въ жизнь народа такіе элементы, которые присущи совершенно иной жизни и въ народной средѣ немислимы. Все это мы увидимъ наглядно изъ анализа самыхъ видныхъ и лучшихъ произведеній, изъ числа составляющихъ первый томъ новаго изданія сочиненій Марко-Вовчка. Я постараюсь обратить вниманіе читателей на тѣ произведенія, въ которыхъ рѣзче всего выставляются существенныя свойства таланта Марко-Вовчка, а затѣмъ читатель самъ уже можетъ приимѣнить мой анализъ ко всѣмъ прочимъ произведеніямъ, если конечно онъ найдетъ этотъ анализъ справедливымъ и основательнымъ.

II.

Прежде всего я займусь анализомъ той категоріи произведеній г-жи Марко-Вовчка, которыя не идутъ далѣе буколическихъ сценъ любви и дружбы прелестныхъ казаковъ и прелестнѣйшихъ казачекъ. Произведенія эти самыя слабыя и по своему содержанию, и по своему исполненію; я ставлю ихъ впередъ, чтобы пройти скорѣй это бесплодное поле и отдохнуть съ читателемъ на тѣхъ произведеніяхъ талантливой писательницы, которыя собственно и составляютъ главное значеніе ея въ нашей литературѣ.

Прототипомъ этихъ рассказовъ мы можемъ считать «Три доли», болѣе развитый во всѣхъ своихъ частностяхъ, и болѣе крупный, чѣмъ всѣ другіе въ этомъ родѣ. Рассказъ этотъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ по величинѣ, занимаетъ 100 страницъ въ книгѣ, и на этихъ 100 страницахъ рассказывается, какъ три прекрасныя дѣвушки полюбили одного негоднаго парня— ну, и конечно, всѣ трое были очень несчастны въ своей любви. Такимъ образомъ вамъ представляется 100 страницъ любовнаго нитья, изъ котораго въ конецъ-концовъ вы выносите одно заключеніе, что мало ли какихъ дуръ не бываетъ на свѣтѣ. Еще можно было бы кое-какъ помириться со всѣмъ этимъ, еслибы любовь, составляющая исключительное содержаніе всего рассказа, была представлена вѣрно и съ ея психологическими законамъ

и съ условиями быта, въ средѣ котораго она проявляется въ разсказѣ. Но въ томъ-то и дѣло, что весь разсказъ построенъ на ложныхъ основаніяхъ: писательница внесла въ жизнь, представляемую ею, столько элементовъ совершенно иного быта, что разсказъ вышелъ вопіющею клеветою и на любовь, и на людей, представленныхъ въ разсказѣ. Героиня разсказа является казака Чайченко; это дряблѣй и безхарактерный человѣкъ, котораго ничего не стоитъ водить за носъ хитрой и бойкой сельской красавицѣ, кокеткѣ Терничихѣ. Увлечши Чайченко, Терничиха выходитъ замужъ за другаго, который побогаче.

«Тогда мой Яковъ весь умъ потерялъ—разсказываетъ мать его—хворалъ, исхудалъ, едва живъ, а она тѣпшится. Всѣ люди стали на него головами качать... Я накумалась, все продала, да оттуда въ Любчики и перебралась отъ нея. И Богъ мнѣ помогъ... Яковъ поправился, какъ будто сталъ понемногу забывать ее, на вечерницы сталъ ходить. — Когда-то онъ былъ у меня первый между паробками, такъ и сила. Тутъ ему ваша дочка по нраву пришлась»... Это была Катря, дочка казака Павла Булаха. Въ то же время въ Якова влюбилась еще двѣ дѣвушки изъ того же села, сосѣдка Катри Маруса и родственница ее Хима, устами которой писательница передаетъ разсказъ свой. Сначала все идетъ ничего,—Катря и Яковъ любятъ, Маруса ностъ и влечетъ, а Хима проглатываетъ свою любовь и разсѣвается отъ нея. Какъ вдругъ мужъ Терничихи умираетъ; оставшись вдовою, она снова увлекаетъ въ свои сѣти Якова, и снова выходитъ замужъ не за него, а за богатаго шинкаря. Катря, узнавши о измѣнѣ милаго, въ отчаяніи идетъ въ монастырь, а Маруса выходитъ за Якова замужъ, несмотря на то, что тотъ ее не любитъ. Личность Маруси представлена довольно вѣрно. Дѣйствительно, много можно найти такихъ женщинъ у насъ тихихъ, нѣжныхъ, которыя, разъ предавшись любимому человѣку, готовы прощать ему все и любить его, хотя бы милліи толкали ихъ отъ себя и всячески наругался падъ ними. Что же касается Катри, героини разсказа, на которой сосредоточивается главный интересъ его, то эта личность развита крайне невѣрно, съ начала до конца. Въ лицѣ Катри представлена дѣвушка сильная, независимая, гордая. Такія личности вырабатываются или отрицательнымъ путемъ, то-есть годами тяжелой борьбы съ окружающими ихъ людьми, или же положительнымъ, то-есть трудовою энергіею.—Въ средѣ свободнаго труда такія личности попадаютъ на каждомъ шагу, и весь міръ будетъ наполненъ ими, когда люди всѣ будутъ существовать трудами рукъ своихъ. Главный элементъ въ характерѣ этихъ людей—сознаніе своего собственного достоинства, не доходящее до тщеславія и не падающее до самоуниженія. Это сознаніе есть или торжество побѣды послѣ дѣльныхъ годовъ борьбы, или гордость труженика, смотрящаго на себя, какъ на полезнаго члена общества или семьи. Такіе люди умѣютъ любить сильно и постоянно, но они не въ состо-

ни выносить пассивно несчастную или безответную любовь. Отъ вѣшнихъ препятствій любовь ихъ разгорается еще сильнѣе, и можетъ дойти до неистовства. Внутреннія же причины, каковы, напримѣръ, безответность въ любви, разочарованіе, измѣна, дѣйствуютъ на ихъ любовь совершенно парализующимъ образомъ. Правда, случается часто, что первый порывъ разочарованія въ этихъ людяхъ бываетъ столь силенъ, что доводятъ ихъ или до убійства, или до самоубійства; они могутъ броситься въ воду, утопиться, но разъ они пережили опасный кризисъ,—выздоровленіе ихъ идетъ быстро и вѣрно. Въ этомъ отношеніи любовь для нихъ то же, что тифъ.—Говорятъ, что сильные люди съ большимъ трудомъ переносятъ первый періодъ этой болѣзни, чѣмъ слабые, но прошелъ благополучно кризисъ—и тогда болѣе надежды на выздоровленіе человѣка, имѣющаго много органическихъ силъ, чѣмъ человѣка слабосильнаго. То же можно сказать и о любви: человѣкъ, разслабленный праздною жизнію, съ воображеніемъ, наэкзальтированнымъ болѣзненной мечтательностью, человѣкъ, который по цѣлымъ днямъ можетъ сидѣть, сложа ручки, у окошечка и все думать, да думать, да развивать въ головѣ одинъ предметъ, человѣкъ, наконецъ, у котораго въ жизни нѣтъ ни борьбы, ни труда и у котораго въ счастливой любви сосредоточивается все чувство его достоинства—такой человѣкъ очевидно долженъ быть окончательно подавленъ несчастною любовью. Онъ не повѣсится, не утопится, для этого надо имѣть много душевныхъ силъ, да и это очень накладно, но впасть въ мистицизмъ и пойти въ монастырь—это очень естественный исходъ для такого человѣка: это эффектно и жалостно, тутъ и порисоваться можно своими несчастьями, и другихъ заставить ахать и соболѣзновать о себѣ. Такова ли была Катря? У нея слишкомъ много крови въ жилахъ, чтобы предаваться какой-либо мечтательности, созерцательности, мистицизму. Катря была красавица. Она любила наряжаться: «выйдетъ, бывало, гдѣ гостей полна хата—всѣ умоляютъ, на нее заглядятся; и она словно маковъ цвѣтъ! Она и улыбнется всѣмъ, и застыдится... А кабая веселая, живая была! Родни у насъ довольно: тотъ женится, та замужъ идетъ,—межь своими не навеселишься. Одѣвается она, бывало, на свадьбу, или на вечерницы—такъ все въ рукахъ ея и кипитъ,—въ мигъ готова. Перетянется поясомъ—тоненькая, тоненькая! И куда-бъ она ни пошла, никто ее не перепляшетъ, никто не перешоетъ ее соловьиного голоса. А весной? Настанетъ весенняя пора,—съ кровель закапааетъ вода, побѣгутъ ручейки съ горъ, стаетъ снѣгъ въ садикахъ, вломаетъ ледъ на рѣкѣ, солнышко грѣетъ изъ-за темныхъ тучекъ, вѣтерокъ теплый да какой-то дремливый пахнетъ,—дышешь, не надышешься; Катря первая зайдѣла весна-ву, идетъ по селу, поетъ и выдвигаетъ подругъ на улицу; *и ея слушаются; да кто бы и не послушался Катри? всякій готовъ ея волю исполнить. Богъ въсть, есть что-то такое въ этихъ*

плынуть, отнесись модякъ. Съ подругами она, бывало, сколько разъ на донь и раскохочется и разсердится на нихъ, и снова обвиняется».

Вы видите, какова была Катря, видите, сколько въ ней задатковъ было для чувства собственнаго достоинства: богатство молодякъ силъ, красота, всеобщая любовь къ ней, и родныхъ, и друзей, и всего села; наконецъ она была и труженица, дѣло не валилось изъ рукъ ея, а кипѣло; она была полезнымъ членомъ своей среды, и если она не вполне ясно это сознавала, то не могла не чувствовать. Независимость ея была такъ сильна, что ей ничего не стоило бороться съ деспотизмомъ отца; она вышла бы замужъ наперекоръ ему и ей ничего не стоило уломать его. Но вдругъ она узнала, что Чайченко ее не любитъ, а предпочитаетъ ей другую женщину, которая ей въ подметки не годится. Что могла сдѣлать такая натура, какъ Катря—она могла въ экстазѣ оскорбленной любви надѣлать какихъ нибудь глупостей, но разъ она перенесла этотъ кризисъ, въ ней необходимо должна была произойти реакція. Чувство собственнаго достоинства было въ ней развито слишкомъ сильно, а молодая любовь къ жизни, со всѣхъ сторонъ улыбавшейся ей, была слишкомъ обаятельна, чтобы такая ничтожность, какъ Чайченко, могла долго занимать Катрю. По естественной реакціи, любовь должна была обратиться въ ненависть, въ презрѣніе; Катря устыдилась бы своей любви, чувство собственнаго достоинства должно было бы показать ей всю унижительность такой страсти, и послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ борьбы — жизнь Катри расплѣла бы еще пышнѣе и роскошнѣе. Взгляните вокругъ себя безпристрастными глазами, вы увидите, что въ жизни на каждомъ шагу происходятъ такія благодѣтельныя реакціи, и только наши писатели этого не видятъ; вѣрные романтическимъ традиціямъ, они привыкли изъ любви дѣлать какія-то невозможно-гигантскія страсти и невѣроятныя страданія. Заставивши Катрю пассивно жить и стоять, по крайней-мѣрѣ, на 50 страницахъ и потомъ идти вдругъ ни съ того, ни съ сего, въ монастырь, писательница вмѣсто живой, гордой красавицы-казачки, представила какую-то плаксивую, экзальтированную, нервную барышню, одну изъ тѣхъ, которыя любятъ обыкновенно какого нибудь негодяя и воображаютъ, что онѣ дѣло сдѣлали, исполнили все свое назначеніе въ жизни, словно родились во второй разъ, что имъ теперь только и остается, что любить неизмѣнно по гробъ или идти въ монастырь. Уже одно то, что родные Катри, видя ея несчастіе, сокрушались объ этомъ не менѣе ея, было достаточно, чтобы Катря улыбнулась среди слезъ. Заставивши вмѣстѣ съ Катрєю стонать и охать всѣхъ окружающихъ ее людей, писательница придала всему разсказу плаксивый, кислый, сентиментальный колоритъ; вы видите здѣсь скорѣе какихъ-то нѣжныхъ буколическихъ пастушковыхъ, чѣмъ дѣйствительно простыхъ труженниковъ, которые обыкновенно не только что свои любовныя страданія сопро-

воздають разными ироническими шуточками, но идут на мучение и на смерть съ прибаутками. Къ числу такихъ же пастушескихъ, кислосладкихъ идиллій можно отнести «Сонъ», «Чары», «Пройди-Свѣтъ». Всѣ эти очерки представляютъ одну внѣшнюю художественность, всѣ они совершенно безсодержательны или, правильнѣе сказать, все содержаніе ихъ заключается въ сентиментальныхъ, любовныхъ охахъ, да вздохахъ.

V.

Совершенно въ иномъ родѣ представляется рассказы: «Павло Чернокрыль» и «Не подь пару». Содержаніе этихъ рассказовъ тоже исключительно посвящено любви, но здѣсь вы видите уже не рядъ безсодержательныхъ любовныхъ сценочъ, написанныхъ въ духѣ чистаго искусства для искусства; здѣсь проведенъ одинъ изъ самыхъ важныхъ и роковыхъ вопросовъ нашей жизни. Мы займемся анализомъ болѣе полнаго разработаннаго рассказа «Павло Чернокрыль, и то, что мы скажемъ о немъ, будетъ вполне примѣнительно и ко второму рассказу того же содержанія.

Павло Чернокрыль былъ человекъ степенный, и ходилъ все будто угрюмый, а сердцемъ былъ пылокъ несказанно. Немного-рѣчивый, а ужъ если когда разговорится, то каждое слово шлетъ огнемъ и пламенемъ. Изъ себя былъ смуглый и очень хорошъ. А она (жена его Гали), молоденькая, пригожа и мила, съ ясными глазами, съ веселымъ сердцемъ, около него такъ и вьется ручною пташкою. И такая живая, неутомимая. До свѣта, до восхода солнца, она уже проснулась, уже за дѣломъ, работаетъ и поетъ, бывало и сосѣдей поразбудить своимъ голоскомъ. Слышши, бывало, на рассвѣтѣ:

Я встану раненько,
Умоюсь бѣленько.

Слушаешь, а тутъ и солнышко всходитъ. Случалось, что Павло мраченъ сидитъ; случалось, что и словомъ горькимъ ее задѣнетъ, а она все терпѣлива, все ясна и весела; онъ въ чемъ нибудь ошибется, онъ неправъ — она себя обвинитъ; онъ ее обидитъ, онъ оскорбитъ — она у него прощенья проситъ.

— Ты у меня не жена, бывало говоритъ ей Павло: — ты у меня доброе дитя. Ты этого горя, ты этой бѣдѣ людской не знаешь, не разбираешь...

— А тебѣ тяжело очень? спроситъ она, да близенько сидеть около него, глядитъ въ глаза ему ужъ такъ-то любо, льнетъ ужъ такъ-то ласково!

— Мнѣ тяжело! Доля лхая, люди недобрне, убожество горь-вое... Мнѣ тяжело!

— А еслибн я съ тобою вмѣстѣ сокрушалась?

— Нѣтъ, моя ясочка, живи себѣ веселою. Я какъ гляжу на тебя, то и самъ веселѣе стану. Тебѣ, видишь, все смѣхн, да

утѣхи на свѣтѣ, оно и лучше. А еслибы еще и ты затосковала, бѣдная тогда голова моя! Тяжко одному тужить, да горевать, а еще тяжелее будетъ, когда и ты затужишь, а мнѣ не подъ силу тебя развеселить, не въ могути тебя успокоить... Пусть Богъ сохранить! живи, моя ясочка, веселю!

— Ну, хорошо! отвѣчаетъ она, усмѣхалась.

И жили они такъ уже три года послѣ свадьбы... Уже съ первой страницы вы видите, какой необъятный разладъ существуетъ въ этомъ семействѣ среди всѣхъ нѣжныхъ объятий и поцалуевъ. Слабая, нѣжная, безотвѣтная Галя, веселенькая, ласковая, вѣчно смѣющаяся, легко мирящаяся съ жизнью возлѣ этого мрачнаго, желчнаго, ожесточеннаго холерика, представляется вамъ какимъ-то маленькимъ котеночкомъ, вздумавшимъ подружиться со львомъ и ужитья въ одной съ нимъ клеткѣ. Какъ могъ произойти такой неровный бракъ? По всей вѣроятности такъ же, какъ и всегда они происходятъ: сошлись люди, потому что понравились карія очи, сошлись потому еще, что ему нужна была работница, а ей мужественная опора въ беззащитномъ сиротствѣ; наконецъ, оба они видѣли другъ въ другѣ хорошихъ людей. Сошлись они, и не подозревая, какая пропасть лежитъ между ними, но жизнь не замедлила открыть передъ ними эту пропасть невѣдомо отъ нихъ и безъ всякаго съ ихъ стороны желанія. Р. ботая на панскомъ дворѣ, Павло встрѣтился съ господскою дѣвушкою Варварою. Она была завезена господами издалека и горько сокрушалась по своей родинѣ. Наслушавшись ея слезъ и жалобъ, Павло, вернувшись домой, увидѣлъ веселое, смѣющееся личико Галя, и легкій смѣхъ жены, легкомысленное отношеніе ея къ жизни должны были показаться ему вдвое пошлѣе и мельче...

Павло сѣлъ около стола и склонилъ голову на руки.

— Вотъ и ужинъ нашъ, промолвила Галя, садясь рядомъ съ нимъ.

— Занятою? сказалъ Павло, отрѣзывая ломоть.

— Отдадимъ, мое сердце, отдадимъ новиною. Нинѣшній годъ урожайный будетъ. Погляди-ка на всходы въ полѣ: ржи такіа, что ужъ не пролѣзеть—густыя-прегустыя!

— Ты у меня и прошлаго года пророчила такъ точно счастливые урожан. Ты куда ни глянешь, все у тебя верба золотая растетъ!

— Люди надѣются...

— О, надежды людскія! У кого это ты хлѣба заняла?

— У Никиты, у Румая.

— Долго должно быть ломался, не давалъ?

— О, гдѣ тамъ! Ни крошки не ломался! Сейчасъ, сейчасъ-таки, какъ сказала, далъ съ охотою отъ души. Это добрый человекъ, Румай.

— Охъ, добрые люди! добрые люди! промолвилъ Павло.

Галя тихонько его обняла и тихонько къ нему прильнула. За-

вела она рѣчь — не отвѣчаетъ, усмѣхнулась — не глядитъ, прильнула — не обняла.

— Скажи мнѣ словечко, мое сердце, просить его.

— У меня нѣтъ веселыхъ словъ, нѣтъ сладкихъ словъ, не взыщи, а тебѣ горькихъ не надо, не годятся!

Когда потому на другой день Павло снова встрѣтился съ Варварою и услышалъ ея слезы и жалобы:

«Сердце повернулось у Павло — повернулось сердце, но будто не отъ сожалѣнія, а будто съ радости. Какъ-то сладко, отраднo ему было видѣть эти слезы, не думалъ онъ ихъ останавливать, не хотѣлъ промолвить слова. Стоялъ, глядѣлъ, вотъ точно онъ нашелъ то, чего искалъ, чего ему надо было, нашелъ, да и остановился; и любитъся, и радуется — нашелъ! чувствуетъ всѣмъ существомъ своимъ: нашелъ!»

При такихъ условіяхъ, весьма естественно, между Павло и Варварою образовалась связь, основанная единственно на томъ, что оба они грустили одною грустью и понимали другъ друга въ этой грусти. Связь эта разрослась вскорѣ во всеувлекающую страсть. А Галя жила припѣваючи, ласкалась попрежнему къ мужу и не подозрѣвала, какую помѣхою стала она для двухъ любящихся людей. Какъ вдругъ ей случилось захворать чѣмъ-то въ родѣ тифа. Для Павло и Варвары настала пора золотыхъ надеждъ; Галя совсѣмъ была при вончинѣ, и они мечтали уже, что скоро ничто не помѣшаетъ имъ соединиться навѣки. Но какъ нарочно на зло, Галя вдругъ выздоровѣла. Тогда въ сердцѣ Павло загорѣлась такая лютаа, неизмѣримая ненависть къ своей женѣ, что онъ рѣшился на убійство, чтобы отдѣлаться отъ Гали. Уже прежде бродила у него эта мысль; когда Галя была больна, онъ говорилъ Варварѣ:

— Варка! какъ само все устроивается... Я думалъ... Я замыслилъ... Я думалъ, на все пойду! а вотъ мнѣ теперь вольный путь, незаказанная дорога!

Когда эта незаказанная дорога снова закрылась, мысль о убійствѣ Гали снова всплыла наверхъ, а Варвара подстрекнула еще Павло: «Вотъ я теперь около тебя, милый, ненаглядный; я около тебя, а мнѣ кажется, что я около своего лютаго врага... Я когданибудь возненавижу тебя... Смерти буду тебѣ желать... Да убей ты ее, пускай умираетъ! Я за что погибаю? вѣдь это хуже смерти? Я счастлива буду съ тобою, убей ее!»

Сказать такія слова Павлу — значило бросить искру въ порохъ. Затѣмъ послѣдовала такая сцена:

Поздно вечеромъ вернулся Павло домой. Галя его ждала, сидѣла, шила.

— Какъ ты поздно пришелъ! промолвила она.—Я уже думала, думала ожидаючи.

Все тотъ же ласковый голосокъ и все тѣ же любящія тихіе глаза! Сердце у него какъ-то мстительно встрепенулось, какъ при видѣ самаго перваго, самаго лютаго врага.

— Зачѣмъ было ожидать меня? проговорилъ онъ съ гнѣвомъ.—
Отчего не спала?

— Мнѣ и не дремалось! вотъ сидѣла, шила. Да какъ же мнѣ
было не дожидать тебя, милый?

Спросила: заходилъ ли куда нибудь — не сказалъ; предложила
ужинать — не захотѣлъ.

Ходилъ по хатѣ, словно чего искалъ. Потомъ сѣлъ къ столу.
Бѣлый сидѣлъ, какъ мертвецъ, а глаза горѣли. Пристально гля-
дѣлъ на Галю.

— Что ты такъ въ меня всматриваешься? спросила она робко и
ласково.

Онъ всталъ, точно испугался, чтобы она не подошла къ нему
близко.

— Что ты шьешь? спросилъ.

— А это тебѣ рубашка.

— Хорошо. Шей ее скорѣе.

— О, я поспѣшу! Я примусь! отвѣтила, улыбаясь.

Онъ опять сталъ по хатѣ ходить. Все ходитъ, ходитъ, ходитъ.

— А что это ты все ходишь?

— Болитъ у меня голова!

— Охъ бѣда какая! Не подать ли тебѣ холодной воды?

— На что! Само пройдетъ! Переболитъ да и конецъ! Вѣдь
ты же говорила, что всякое лихо, всякое зло перейдетъ, минется —
говорила ты или нѣтъ?

— Какъ же не говорила, — говорила.

— И все еще ты на добро уповаешь? Все ты еще добра
ждишь на бѣломъ свѣтѣ?

— Дожидаю, милый.

— А какъ еще погорче станетъ! Пстой! Пстой.... Я не
хочу про твои упованья, да надежды, да ожиданья слушать!
А ты вотъ мнѣ отвѣчай, я тебя спрашиваю: что какъ все, чѣмъ
дальше, хуже, да хуже, горче да горче?

— Что съ тобою, милый? Зачѣмъ ты такъ меня спрашиваешь?

— Ты мнѣ отвѣчай! Что какъ хуже, горче будетъ?

— Буду терпѣть, говорить она, глядя ему въ поблѣднѣвшее,
омраченное лицо съ тревогою и съ любовью.

— Будешь терпѣть? вымолвилъ съ горечью. Ты скажи, тебѣ
можетъ кажется, что сладко терпѣть, а? легко? На голову хорошо
дѣйствуетъ? Или что такое? что?

— Тяжело терпѣть, да я съ тобою забываю, что оно тяжело.
И не чую той тяготы, ей богу, не чую!

— Спасибо! воскреснуть, спасибо!

— Что съ тобой, Павло? спросила она, и въ голосъ ее зазвучало,
какъ она желала бы приласкаться къ нему, какъ желала бы
успокоить его.

— Ничего! шей, шей знай! А тебѣ никогда не желалось луч-
шей доли? Никогда не хотѣлось жить повеселѣе? А? Гага?

— Я, другъ мой милый, никогда не думала, не гадала о томъ.

Какое мнѣ житье, какая доля иная, если не съ тобою, не при тебѣ? Мое житье стало быть лучшее, моя доля самая желанная.

— Такъ ты и не желаешь ничего на свѣтѣ? Вдоволь всякаго добра у тебя имѣется? До сына? Ничего не хочешь, ничего не желаешь?

— Еслибъ ты поспокойнѣй, повеселѣй стала.... Я этого ждала бы, милнй мой.

— Ты лучше пожелай мнѣ смерти! лучше мнѣ смерть возвѣсти, сердобольная ты моя подруга!

— Сохрани боже! Сохрани боже! вскринула она въ тревогѣ и печали. — Что это ты такое сказала? Какъ можно!

— А развѣ умирать не хорошо! Тебѣ должно быть не хочется умирать?

— Я не хочу умирать! промолвила она.

— Отчего не хочешь?

— Какъ ты чудно спрашиваешь, Павло! Тебя повинуть! И свѣтъ божій хорошъ, и я молода еще. Да какъ тебя покинуть? Когда я лежала больная да объ этомъ подумала — Господи милостивнй! Какъ жалко стало! Я не хочу тебя видать! я не хочу умирать!

— А если умрешь!

— Я уже здорова теперь.... я молода... я буду молить Бога, чтобы мнѣ жить на бѣломъ свѣтѣ съ тобою!

— Спасибо! Спасибо! глухо проговорилъ онъ въ отвѣтъ. Самъ все по хатѣ ходить, все что-то ищеть, заглядываетъ по всѣмъ угламъ.

— Чего ты ищешь? спрашиваетъ Галя.

— Ничего! Шей мою рубашку — шей ее поскорѣе.

— Да я шью, шью.... Зачѣмъ тебѣ такъ понадобилась эта рубашка?

— Обновн захотѣлось.

Она оглянулась на него съ улыбкою, да какъ глянула, выпустила шитье изъ рукъ: такой онъ сталъ у нея за плечами! Точно съ того свѣта выходець.

Она вскочила, вскринула:

— Что съ тобою?

— Что со мною? Ничего! отвѣтилъ, придерживавши ее сильною рукою на мѣстѣ. — Шей!

— Ужь вѣрно поздно теперь очень....

— Нѣтъ, еще не поздно.

А самъ глядитъ ей въ лицо, въ глаза.... Какіе тихіе, любящіе ея глаза.

Галя начала опять шить.

Изъ-подъ лавки поблескивалъ топоръ. Павло взялъ его на ходу. Опять онъ остановился передъ Галею, опять на нее пристально смотреть. Она подняла отъ шитья голову, взглянула на него съ тою же ласковостью, усмѣхнулась тою же нѣжною улыбкою.

Онъ весь задрожалъ. Сталъ опять ходить, не выпуская изъ рукъ топора, пряча его отъ нея.

— Шей! шей! говоритъ Галѣ.

— Я шью, милый!

Зашелъ онъ сзади, да изъ за плечей какъ ударилъ ее по головѣ топоричемъ, только блеснуло желѣзо; а она и не вскрикнула, вздохнула только и скатилась съ лавки, какъ сидѣла, съ своимъ шитьемъ въ поблѣднѣвшихъ рукахъ.

Павло ее поднялъ и положилъ на лавкѣ и самъ сѣлъ около.

Удачно скрывши убійство, Павло женился на Варварѣ, но они не могли уже найти счастья въ жизни, переступивши къ нему черезъ трупъ невинной женщины. Варвара, подстрекнувшая Павла къ убійству, первая упала духомъ и совсѣмъ растерялась, какъ только услышала отъ Павла о его поступкѣ. Вся жизнь ея обратилась въ одинъ непрерывный ужасъ: она боялась людей, боялась одиночества; каждый шорохъ приводилъ ее въ смятеніе. Хозяйство вели они спустя рукава:

«И на диво было всякому, кто ни смотрѣлъ, какъ во всей усадьбѣ ихъ, на всемъ хозяйствѣ ихъ, легло запустѣнье: и на этой новой хатѣ, давно небѣленной, неприбранной, на этотъ огородъ не засѣянный, не вскопанный; на тотъ садикъ запущенный — на все! Всего бы тутъ было въ волю для тихаго, любаго жителя, а человекъ самъ пренебрегъ, самъ отъ всего отвернулся.... Приперты ворота, да и стоятъ такъ цѣлый день припертыя; разъ отворятся — будутъ стоять настѣжъ и день и ночь. Около гумна разсыпано жито, овесъ; разбросано нѣсколько сноповъ не то смолоченныхъ, не то забыто, брошено... Если что и дѣлается, то видно, что дѣлается все не для своего удовольствія, не заботливо, не для себя, а такъ, по привычкѣ — лишь бы заняться привычнымъ дѣломъ».

Варвара начала ходить часто на господскій дворъ, стараясь тамъ въ буйномъ весельѣ и пьянствѣ размыкать тревогу. Павло весь ушелъ въ себя и жилъ со своими мрачными думами. Онъ посѣдѣлъ и опустился. «Страшное житье началось для Варви: некуда пойти разогнать тоску, нечѣмъ утупить этого жгучаго недуга. А онъ, на котораго она надѣялась, на котораго полагалась, онъ сталъ тихій, смиренный, плохой такой, какъ безпомощный, сиротливый ребенокъ. Напрасно она его упрекала, напрасно надѣвалась надъ нимъ, ссорилась съ нимъ, напрасно: онъ слушалъ и отвѣчалъ, точно эта рѣчь шла не о немъ, а о комъ-то невзвѣстномъ, незнакомомъ, что все равно ему такъ ли, иначе ли судить, такъ ли, иначе ли на дѣлѣ оно есть

— Зачѣмъ же ты убивалъ ее, если ты такъ пропадаешь? Если ты такъ убиваешься по ней! крикнула Варва.

Онъ весь задрожалъ и залился слезами. Плакалъ очень, плакалъ, какъ молодая дѣвочка. Варва испугалась этихъ слезъ больше всего на свѣтѣ — сердце у нея упало, гнѣвъ весь исчезъ, ужасъ ее охватилъ. Не понимая хорошенько, что дѣлаетъ, винулась она къ дверямъ, затворила двери; бросилась ему слезы отирать, уговариваетъ, умоляетъ не плакать.

Онъ все плакалъ, долго не могъ перестать, до утомленія.

Съ тѣхъ поръ Варва ходила, какъ человѣкъ, что всѣ дороги и пути потерялъ, что уже некуда идти да и самъ не ищетъ — полно».

Накопецъ, такая жизнь сдѣлалась невыносимою долге. Павло рѣшился открыться міру въ своемъ преступленіи. Тогда Варвару перевезли въ другое дальнее село, а Павла рѣшились объявить сумасшедшимъ во избѣжаніе всякихъ сношеній съ прежними судами. Павло недолго пожилъ; его загрызла тоска, а Варвара «забыла лихо, забыла всѣ страхи и тревоги, красуется на вечерникахъ, собирается за мужъ»....

Таково содержаніе повѣсти въ ея существенныхъ чертахъ. Повѣсть эта самымъ осязательнымъ образомъ обнаруживаетъ индуктивность творчества писательницы и въ то же время бѣдность индуктивнаго знанія народной жизни. Писательница положила въ основаніе повѣсти такое общечеловѣческое явленіе, какое можно встрѣтить на каждомъ шагѣ во всѣхъ слояхъ общества, но въ то же время у нея не хватило красокъ и матеріаловъ, чтобы придать этому явленію такую внѣшнюю форму, въ которой является оно обыкновенно въ быту простаго народа. Отрѣшившись отъ того дикаго предрасудка, что будто простой и неразвитой человѣкъ не можетъ имѣть тѣхъ тонкихъ и деликатныхъ чувствъ, какія имѣетъ образованный, писательница впала въ другую крайность: она заставила простыхъ и неразвитыхъ людей такъ тонко анализировать свои чувства и страданія и такъ ясно формулировать ихъ, какъ не всегда удается и образованнымъ людямъ. Правда, основанія разныхъ психическихъ явленій общи, какъ въ средѣ образованныхъ людей, такъ и въ средѣ самыхъ необразованныхъ; если холерикъ сойдется съ сангвиничкой, то между ними можетъ быть такой же разладъ, будутъ ли они ходить въ шелкахъ да бархатахъ или сердца ихъ будутъ биться подъ простыми сермягами; въ обоихъ случаяхъ могутъ развиваться тѣ же самыя страсти, тѣ же самыя страданія, но иначе будутъ они сознаваться и формулироваться въ одномъ случаѣ, иначе въ другомъ. Если это не такъ, то тогда какое же значеніе имѣетъ развитіе, или тогда слѣдуетъ согласиться съ славянофилами, что народъ если не развитѣ насъ, то и не уступитъ намъ въ глубокомъ пониманіи своихъ чувствъ и страданій. Мы, вслѣдствіе нашего развитія, конечно, припишемъ нашъ семейный разладъ или несходству темпераментовъ, или разницѣ въ убѣжденіяхъ; въ простомъ быту не существуетъ понятія ни о темпераментахъ, ни объ убѣжденіяхъ; люди страдаютъ вслѣдствіе несходства въ темпераментахъ также, какъ и мы, но и сами не могутъ отдать себѣ отчета, что за причина ихъ страданій. Казалось бы, на примѣръ, отчего не жить согласно мужу и женѣ: и онъ хорошій человѣкъ, и она женщина добрая; а между тѣмъ вдругъ ни съ того ни съ сего они дѣлаются противны другъ для друга... Подумайте, какое глубокое знаніе психологіи нужно, чтобы объяснить себѣ такое

загадочное явление... Какъ же объясняетъ его обыкновенно народъ? А такъ, какъ объясняетъ онъ себѣ всѣ явленія, причины которыхъ онъ не понимаетъ: не видя естественной причины, онъ взваливаетъ вину на какую нибудь сверхъестественную, и оттуда возникаютъ повѣрія о такъ-называемыхъ испорченныхъ сватьбахъ, лихихъ привораживаніяхъ, чарахъ и т. п. Вслѣдствіе подобныхъ объясненій страданія людей дѣлаются еще тяжеле, невыносимѣе, безвыходнѣе, трагедія дѣлается еще трагичнѣе: очевидно, что приписывать свои страданія естественнымъ причинамъ, съ которыми можно такъ или иначе справиться и отстранить ихъ, гораздо утѣшительнѣе, чѣмъ объяснять ихъ неумолимымъ фатумомъ какого-нибудь дьявольскаго навожденія. Къ страданіямъ, и безъ того иногда тяжелымъ, присоединяется здѣсь суевѣрный ужасъ и грызущее отчаяніе человѣка, считающаго себя неисправимо испорченнымъ злыми чарами. Въ этомъ отношеніи въ разсказѣ «Три доли» писательница болѣе вѣрно и живо представила намъ міросозерцаніе народа, заставивши не только окружающихъ Якова людей, но и самаго Якова вѣрять, что его околдовала Терничиха. Дѣйствительно, явленіе чарующей силы кокетства принадлежитъ къ числу такихъ загадочныхъ фактовъ жизни, для объясненія которыхъ необходимо глубокое знаніе психологіи, и нѣтъ ничего мудренаго, что неразвитой человѣкъ въ кокетѣ видитъ чарующую вѣдму, привораживающую колдунью. Все это совершенно примѣнительно и къ разбираемой нами повѣсти. Въ основаніе ея положено психологическое явленіе, вѣрное до своихъ послѣднихъ частностей; но въ то же время это такое загадочное явленіе для простаго человѣка, что врядъ ли обошлось бы тутъ дѣло безъ чертей. Писательница же вмѣсто того, чтобы изобразить въ нѣсколькихъ живыхъ сценахъ семейный разладъ между Павломъ и Галею подъ условіемъ того міросозерцанія, которое свойственно народной средѣ, представила намъ людей, которые анализируютъ свои чувства и отношенія другъ къ другу не хуже образованныхъ людей, вступаютъ между собой въ отвлеченныя пренія о томъ, слѣдуетъ ли мириться съ жизнью или не слѣдуетъ; этого мало: дѣло доходить до такихъ тонкостей, что Варвара спрашиваетъ вдругъ Павла:

— И скоро ты за нее посватался?

— Черезъ полгода.

— *Было время на обсужденіе, было время на размышленіе! Помода знаи другъ друга!* Видите, до чего тутъ доходитъ дѣло: до предварительнаго изученія характера невесты, прежде, чѣмъ женишься на ней. Такая идея и въ средѣ образованныхъ людей рѣдко кому приходитъ въ голову по той причинѣ, что для образованія этой идеи нужно, чтобы въ головѣ возникла предварительная идея о томъ, какое вліяніе можетъ имѣть на семейную жизнь сходство или несходство характеровъ, а для образованія этой предварительной идеи, нуженъ рядъ другихъ идей, которыя ведутъ къ ней, однимъ словомъ необходимо цѣлое образованіе,

безъ котораго человѣку и въ голову не придетъ, что такое значить характеръ, изученіе характера, наблюденіе разныхъ психическихъ оттѣнковъ, которые могутъ повести за собою счастье или несчастье семейной жизни. Неразвитой человѣкъ въ выборѣ жены руководствуется болѣе простыми и общими требованіями, чѣмъ мы. Насъ можетъ, напримѣръ, заставить задуматься такой фактъ, если наша невѣста съ остервененіемъ накинется на свою собачонку и начнетъ немилосердно истязать ее. Мы сейчасъ же подумаемъ, что, вѣроятно, въ этой женщинѣ развита жестокость, что она и съ дѣтьми нашими, пожалуй, будетъ обращаться такъ же. Простой человѣкъ не обратитъ, конечно, и вниманія на такой фактъ: онъ все-таки женится на подобной женщинѣ, если будетъ видѣть въ ней молодую, красивую дѣвушку, которая ему нравится, въ тому же усердную работницу. И даже потомъ, если жена, сама по себѣ хорошая, можетъ быть, женщина, сдѣлается вдругъ ни съ того, ни съ сего противна мужу, ему и въ голову не придетъ пѣнать на себя, зачѣмъ онъ заранѣе, когда она была еще невѣстою, не подиѣтилъ въ ней какихъ-либо тонкихъ психическихъ чертъ, несимпатичныхъ ему; и другому никому не придетъ въ голову пѣнать на него за это; а вина вся обрушится на какого-нибудь лихаго человѣка, который переѣхалъ сватьбу, или на разлучницу, отворожившую мужа отъ жены.

Но, несмотря на всѣ эти недостатки, повѣсть все-таки производитъ сильное впечатлѣніе, потому что въ основаніе ея положенъ мотивъ, представляющій довольно широкое обобщеніе; въ дѣйствительности на каждомъ шагу вы можете встрѣтить неравные браки въ томъ отношеніи, что натура сильная, глубокая соединяется случайно съ натурою слабою и мелкою; несчастія, происходящаго отъ подобныхъ браковъ, неисчислимы и угловныя преступленія въ родѣ убійства Павломъ жены своей Гали—случай, весьма перѣдкіе въ жизни. Главное же достоинство повѣсти заключается въ томъ, что трагическое событіе, изображенное въ ней, является передъ нами въ тѣхъ его сокровенныхъ пружинахъ, которыя совершенно соотвѣтствуютъ глубинѣ современнаго анализа жизни. До сихъ поръ въ исторіи трагедій ставили обыкновенно одну противъ другой двѣ фазы развитія ея, соотвѣтствующія двумъ фазамъ развитія человѣчества. Противъ древней трагедіи ставили трагедію новую, представителемъ которой считается Шекспиръ. Дѣйствительно, древняя трагедія представляется во многомъ діаметрально-противоположною шекспировской. Древняя трагедія страданія и гибель людей, среди ихъ постоянного стремленія къ счастью — объясняла причинами, лежащими внѣ человѣческой природы: человѣкъ самъ по себѣ былъ бы счастливъ и не было бы въ его жизни бѣдствій, говорила древняя трагедія, еслибы боги, располагающіе по своей прихоти судьбою людей, не насылали на нихъ разныхъ несчастій и страданій часто изъ простой зависти къ ихъ счастью. Шекспировская трагедія, на-

противъ того, причины счастья или несчастія видѣла въ самой человѣческой природѣ: человекъ самъ себѣ врагъ, говорила она; онъ самъ своею злою волею наводитъ разныя бѣдствія и страданія и на себя и на другихъ. Такимъ образомъ древняя трагедія была трагедія судьбы; шекспировская драма, возникшая на почвѣ дуализма, есть трагедія свободной воли человека. Но и эта шекспировская трагедія не можетъ уже назваться вполне новою; она тоже начинаетъ отживать свой вѣкъ, подобно древней трагедіи. Современный анализъ жизни начинаетъ искать причины человѣческихъ бѣдствій уже не внутри человѣческой природы, а подобно древнимъ, внѣ ея. Хотя этотъ новый анализъ жизни и не успѣлъ еще создать такихъ великихъ произведеній, каковы были греческія трагедіи или шекспировскія, но тѣмъ не менѣе въ воздухѣ начинаютъ носиться совершенно инныя требованія отъ трагедіи, и еслибы теперь явился трагическій писатель, онъ не могъ бы строить своихъ трагедій ни на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ строилъ ихъ Шекспиръ, ни на основаніяхъ греческой трагедіи. Подобно древнимъ, мы ищемъ причины нашихъ страданій и бѣдствій внѣ человѣческой природы; только у насъ этими причинами являются уже не завистливыя боги и не злая судьба — мойра, а тѣ обстоятельства, которыя гнетутъ человека, искажаютъ его человѣческую природу и отравляютъ жизнь его, подвергая его нерѣдко преждевременной гибели. Возьмите вы анализъ всѣхъ современныхъ поэтическихъ произведеній, и вездѣ вы увидите эту идею, составляющую сущность современнаго намъ развитія. То же самое мы видимъ и въ разбираемой нами повѣсти. Основаніемъ повѣсти служить такое общечеловѣческое явленіе, которое во все времена могло послужить богатымъ сюжетомъ трагедіи. Этимъ предметомъ могли равно заинтересоваться и Софокль и Шекспиръ и современный намъ поэтъ, но каждый по своему объяснилъ бы его. Человекъ сильный, здоровый, чувствующій глубокую потребность любви и способный любить постоянно и горячо, женится на дѣвушкѣ вроткой, нѣжной, любящей; казалось, тутъ собраны все элементы для семейнаго счастья... Что могло бы помѣшать взаимному наслажденію этихъ людей другъ другомъ и жизни?... И вдругъ, что же: безъ всякой, повидимому, причины эти люди начинаютъ быть холодны другъ къ другу, семейный рай ихъ обращается въ адъ, они не могутъ смотрѣть другъ на друга безъ отвращенія, не знаютъ, какъ избавиться другъ отъ друга, но выхода нѣтъ изъ этого ада, и вотъ пламенный любовникъ обращается въ беспощаднаго убійцу, рѣшающаго поднять руку на женщину невинную и совершенно беззащитную... Что за причина такого страннаго загадочнаго явленія?... Неужели такова судьба человека — вѣчно искать счастья и въ этомъ счастьи открывать неожиданную, страшную гибель для себя? «Это злая мойра подшучиваетъ такъ надъ людьми», сказалъ бы намъ Софокль. «Нѣтъ, возразилъ бы Шекспиръ, тутъ не мойра; вся бѣда здѣсь въ злой волѣ человека, въ

Т. СЛХХІХ. — Отд. II. 3

той ненасытности желаній, при которой человѣку мало дѣлага міра; горе тому несчастному, который не сумѣетъ въ время обуздать своихъ ненасытныхъ желаній и дастъ имъ полную свободу...» Совершенно не такъ смотритъ на это явленіе современный намъ поэтъ: въ лицѣ Павла онъ видитъ человѣка, подавленнаго дѣлми рядомъ такихъ обстоятельствъ, которыя прямо и неуклонно ведутъ его къ страшному преступленію. Развѣ этотъ самый Павло потребовалъ бы отъ Гали, чтобы она такъ же мрачно смотрѣла на жизнь, какъ онъ, еслибы у него не было основанія смотрѣть на жизнь мрачно, еслибы онъ не былъ озлобленъ и ожесточенъ? съ другой стороны, развѣ Павло женился бы на Галѣ, еслибы онъ былъ развитъ на столько, что могъ бы заранѣе тонкимъ анализомъ психическихъ качествъ Гали предусмотрѣть, что съ этой женщиною онъ не уживется? а съ третьей стороны, развѣ этотъ Павло рѣшился бы занести руку на Галю, еслибы жизнь наша успѣла уже выработать какой-нибудь законный и справедливый выходъ изъ положенія Павла? Сколько напрасныхъ, никому ненужныхъ страданій выносить люди изъ-за равныхъ несовершенствъ ихъ быта, и сколько трагедій предупреждается каждымъ ничтожнымъ усовершенствованіемъ жизни?

IV.

Въ народѣ ходитъ много разказовъ объ удалыхъ молодцахъ-разбойникахъ, о Ермакѣ Тимоѣевичѣ, Степкѣ Разинѣ, Кузмѣ Рощинѣ, Тришкѣ Сибирякѣ и проч. Народъ смотритъ на эти личности, какъ на лихихъ удалцовъ, богатырей, которымъ покорялись не только земныя, но и сверхъестественныя силы, которые были грозны и непошадны для однихъ, и въ то же время милостивы и великодушны для другихъ. Этой сторонѣ жизни народа писательница посвятила два разказа: «Иванъ Кармелюкъ» и «Сказку о девяти братьяхъ разбойникахъ и десятой сестрицѣ Галѣ».

О первомъ разказѣ я скажу только нѣсколько словъ, потому что, несмотря на нѣкоторыя хорошія частности, въ дѣломъ онъ не удался писательницѣ; со вторымъ я подробнѣе познакомлю читателей, потому что этотъ разказъ можно назвать однимъ изъ лучшихъ произведеній г-жи Марко-Вовчка.†

Разказъ «Иванъ Кармелюкъ» мы можемъ раздѣлить на двѣ рѣзкія половины: Иванъ Кармелюкъ дома, и Иванъ Кармелюкъ на разбоѣ. Въ первой половинѣ разказа писательница изобразила передъ нами такого человѣка, изъ котораго никомъ образомъ не могъ выйти «Иванъ Кармелюкъ» второй части, то-есть удалой разбойникъ. Случилось это, по всей вѣроятности, вотъ какимъ образомъ. Писательница слышала множество разказовъ о подвигахъ удалыхъ разбойниковъ; разказы эти произвели на нее свое впечатлѣніе, и она задалась мыслию, откуда берутся, и какъ создаются подобныя личности? И вотъ она начала

дедутивнымъ путемъ придумывать картинку дѣтства и юности Ивана Кармелюга. Удамой разбойнивь, конечно, должна бытъ личность необыкновенная, исключительная, титаническая. Какъ же она должна проявлять себя въ дѣтствѣ? О, для этого у насъ готовы уже рутинные приемы въ литературѣ: гениальная личность должна, конечно, не походить на всѣхъ окружающихъ людей, въ дѣтствѣ она должна чуждаться игръ и товарищей, потомъ начать задумываться надъ такими предметами, о которыхъ другіе не задумываются — вотъ и готова гениальная личность; затѣмъ что хотите изъ нея дѣлайте — хотите тяпъ-ляпъ — вотъ вамъ гениальный поэтъ, тяпъ-ляпъ — вотъ вамъ разбойникъ.

А между тѣмъ, вѣдь существуютъ же причины, по которымъ одна необыкновенная личность, выходящая изъ народа, дѣлается поэтомъ, другая основателемъ какой-нибудь секты или новаго ученія, третья — разбойникомъ. Вслѣдствіе какихъ данныхъ Ломоносовъ не пошелъ по дорогѣ Пугачева, а Пугачевъ не пошелъ по дорогѣ Ломоносова? А вѣдь оба они равно вышли изъ народа и были личностями необыкновенными. Причины, которыя наталкиваютъ человѣка на тотъ или другой путь, конечно, разнообразны, но не до такой степени, чтобы изъ цѣлой массы фактовъ нельзя было извлечь такихъ общихъ чертъ, по которымъ мы могли бы съ приблизительною точностью судить, по какой дорогѣ скорѣе всего пойдетъ тотъ или другой человѣкъ. Такъ, напримѣръ, мы видимъ, что пзъ народа во всѣ времена, во всѣхъ странахъ постоянно выходили два опредѣленные типа необыкновенныхъ людей, и между этими двумя типами мы видимъ рѣзкую разницу: съ одной стороны передъ нами встаетъ типъ грознаго, мрачнаго мстителя, незнающаго пошады, исполненнаго непримиримую ненавистью и ни о чемъ болѣе не думающаго, какъ объ уничтоженіи того, что онъ ненавидитъ. Съ другой стороны намъ представляется тихій, вротвій мыслитель, исполненный мира и любви ко всѣмъ людямъ безъ исключенія и который предлагаетъ людямъ какое-нибудь новое ученіе, увѣряя, что если люди примутъ это ученіе, то у нихъ разомъ превратится всякая вражда между собою, всѣ они будутъ счастливы и добры. Иногда оба эти типа соединяются въ одной личности: реформаторъ является террористомъ или наоборотъ, но это случается рѣдко. Возьмите вы біографіи большинства основателей сектъ, и вы увидите, что всѣ они во многомъ похожи другъ на друга: почти всѣ они родятся обыкновенно въ семействѣ небогатомъ, но нуждающемся; дѣтство проводятъ спокойно; ничто не ожесточаетъ ихъ; напротивъ того, все возбуждаетъ въ нихъ наблюдательность и у нихъ много свободнаго времени спокойно обдумывать предметы, представляющіеся ихъ пблюденіямъ. Такіе люди дѣйствительно въ дѣтствѣ являются часто задумчивыми мечтателями, удаляющимися отъ дѣтскихъ игръ и шалостей. Если такіе люди видятъ вокругъ себя много всякаго рода людскихъ страданій, у нихъ являются необходимые вопросы, почему жизнь устроена

такъ, что люди страдаютъ, неужели нельзя ее иначе устроить, чтобы всѣ были счастливы. Плодомъ подобныхъ размышленій является какая-нибудь секта или новое ученіе, и случается, что это новое ученіе создается человѣкомъ уже подъ старость, послѣ размышленій цѣлой жизни. Въ созданіи такого ученія играетъ большую роль чувство состраданія къ несчастіямъ ближнихъ; но какъ бы ни раздували моралисты наши это чувство, оно всегда будетъ рѣзко отличаться отъ чувства личнаго страданія. Изъ человѣка, который самъ нисколько не страдаетъ, а только мучается страданіями другихъ, непремѣнно долженъ развиться иной человѣкъ, чѣмъ изъ человѣка, который самъ страдаетъ. Очень можетъ быть, что первый будетъ нравственно выше послѣдняго, потому что страданія личныя неминуемо дѣйствуютъ на человѣка разлагающимъ образомъ; очень можетъ быть, что и въ умственномъ отношеніи страдающій человѣкъ уступитъ страдающему: страданія, устремляя умъ человѣка на одинъ предметъ, мѣшаютъ ширинѣ и многосторонности умственного кругозора. Но для насъ здѣсь важно не то, которые люди лучше, которые хуже, а важно коренное различіе между тѣми и другими людьми, вслѣдствіе различія обстоятельствъ ихъ жизни. И вотъ вамъ происхожденіе другаго типа людей, выходящихъ изъ народа: въ дѣтствѣ эти люди бываютъ отчаянные шалуны, головорѣзы, отличные товарищи, впереди во всѣхъ играхъ и шалостяхъ, въ то же время они никакъ не могутъ ужиться со старшими: изъ училищъ ихъ выгоняютъ, изъ родительскаго дома они и сами иногда бѣгутъ. Вслѣдствіе этого съ самаго дѣтства они до нѣкоторой степени ожесточаются; дальнѣйшая жизнь, полная обыкновенно самыхъ разнообразныхъ тревоженій и скитаній, еще больше ожесточаетъ ихъ и можетъ, конечно, образовать изъ нихъ такія личности, каковы были Разинъ или Пугачевъ. Посмотрите, въ какихъ мрачныхъ чертахъ рисуется передъ нами личность Разина въ исторической монографіи г. Н. Костомарова:

«Это былъ человѣкъ чрезвычайно крѣпкаго сложенія, предприимчивой природы, гигантской воли, порывчатой дѣятельности. Своенравный, столько же непостоянный въ своихъ движеніяхъ, сколько упорный въ предпріятіяхъ развѣреній, то мрачный и суровый, то разгульный до бѣшенства, то преданный пьянству и кутежу, то готовый съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ переносить всякія лишения; нѣкогда ходившій на богомолье въ отдаленный Соловецкій монастырь, впоследствии непочитавшій имени Христа и святыхъ его. Въ его рѣчахъ было что-то обаятельное; дикое мужество отражалось въ грубыхъ чертахъ лица его, правильнаго и слегка рабобатаго; въ его взглядѣ было что-то повелительное; толпа чувствовала въ немъ присутствіе какой-то сверхъестественной силы, противъ которой невозможно было устоять, и называла его колдуномъ. Въ его душѣ дѣйствительно была какая-то страшная, мистическая тьма. Жестокій и кровожадный, онъ, вазалось, не имѣлъ сердца ни для другихъ, ни даже для самого

себя; чужія страданія забавляли его, свои собственные онъ презиралъ. Онъ былъ ненавистникъ всего, что стояло выше его. Законъ, общество, церковь — все, что связываетъ личныя побужденія человѣка, все попирала его неустрашимая воля. Для него не существовало состраданія. Честь и великодушіе были ему незнакомы. Таковъ былъ этотъ борець вольницы, въ полной мѣрѣ извергъ рода человѣческаго, вызывающаго подобныя личности неудачнымъ складомъ своего общества.

Всѣ наши удалцы-разбойники болѣе или менѣе подходятъ къ этому типу. Посмотрите теперь, каковъ былъ Кармелюкъ. Онъ былъ красавчикъ и маменькинъ сыночекъ: мать никогда не могла взглянуть на него безъ улыбки и безъ поцалуя. У него было всего въ волю: и хата теплая, и мать старушка добрая, и жена красавица. Истинную правду говорили про него добрые люди, что «совершенно онъ счастливый человѣкъ, чего бы еще надобно ему? Всѣмъ его Богъ надѣлилъ и утѣшилъ — совсѣмъ счастливый! Избалованъ отъ своего счастья и вотъ дурить, себя томить, да людей удивляетъ». Одного только не понимали добрые люди, что надѣленный всѣмъ, этотъ человѣкъ былъ надѣленъ, между прочимъ, сильнымъ умомъ, способнымъ къ глубокому анализу, и сострадательнымъ сердцемъ къ несчастнымъ ближнимъ. При такихъ качествахъ онъ могъ сдѣлаться основателемъ новой раскольничьей секты, а при большемъ развитіи, пожалуй, создалъ бы какую-нибудь политико-экономическую теорію. Но въ немъ вы не видите никакихъ такихъ элементовъ, изъ которыхъ могъ бы сложиться удадой разбойникъ. Правда, онъ могъ бы попасть въ разбойничью шайку, уже сформировавшуюся, но не ему принадлежить инициатива такого явленія.

Вотъ этимъ и отличается сказка о «деяти братьяхъ», что въ ней то же самое явленіе жизни, такъ неудачно развитое въ разсказѣ Иванъ Кармелюкъ, посажено на свою истинную почву; писательница не опустила въ цѣломъ рядѣ сценъ, въ самыхъ тонкихъ подробностяхъ обрисовать такую жизнь, которая прямо и неуклонно должна была повести братьевъ прямо въ темный лѣсъ и пещеры дѣпровскія. Близъ Кіева на Подолѣ, жила вдова съ десятью дѣтьми, и жила она въ самой ужасной нищетѣ, прокармливая кое-какъ семейство свое поденной работой. Вотъ какъ проводили дѣтство свое эти дѣти: «И вѣрно всякій, кто мимо ѣхалъ и видѣлъ хатку, думалъ: что за маленькая хатка стоитъ, какъ она въ землю вошла и покривилась, какъ овошечко покосилось и какъ крыша убралась въ зеленый и сѣрый мохъ! И не огорожена хатка, и безъ сѣней, и безъ коморы, и ни садика, ни огородчика около, только старая, тихая груша съ сломанною вершиною. И сколько дѣтей вокругъ! А если бы кто свернулъ съ дороги и вошелъ въ хатку, такъ увидалъ бы, что какъ ни мала хатка и сколько въ ней ни живетъ душъ, совсѣмъ она пустая. Ничего тамъ не было, вромѣ лавки, да узкой полочки, гдѣ стояла миска съ ложками. Печь растрескалась и осѣла; на

запечѣть опрокинутый горшокъ, два колочка въ стѣнѣ, на которыхъ ничего не висѣло, столъ съ щелью во всю длину посерединѣ, на которомъ ничего не стояло; въ углу образъ съ стершимся ликомъ, обвитый сухими и свѣжими цвѣтами — вотъ и все. А еслибы кто спросилъ дѣтей: гдѣ же ваши рубашонки? гдѣ ваша одежда? Дѣти бы показали тому, что рубашки сушатся на берегу, а другой одежды нѣтъ у нихъ никакой. А зимой? а въ холодъ, въ морозы? Зима, холодъ, морозы? О, это не коршее время! Только оно начинаетъ подходить, мать пуще плачетъ и все повторяетъ: какъ-то мы перебудемъ, какъ-то мы перебудемъ! И скучно всегда перебивать: холодно, надо сидѣть на печи, поджавши ноги, а если выбѣжишь на лугъ и потанцуешь по снѣгу, такъ скоро, какъ обожженный, бросаешься въ хату, на печь, опять сидѣть поджавши ноги. Игра въ докучную надоѣдаетъ, и только еще одну Галя немножко смѣшигъ, а всѣхъ сердить; знакомая сказка объ Ивасѣ никого не трогаетъ; только Галя немножко. День такой коротенькій, быстро вечеръ наступаетъ и въ хаткѣ дѣлается темно. И сидятъ они въ темнотѣ на печи, ждуть мать съ поденщины и молчатъ; только Галя иногда оробѣетъ и шопотомъ спрашиваетъ: «что если волкъ придетъ?» «Не придетъ», отвѣчаютъ ей всѣ. «А что если бука придетъ?» шепчетъ опять Галя. Всѣ ближе другъ къ другу придвигаются и говорятъ Галѣ: «О трусика!» а меньшей братъ ее за руки. «А какъ придетъ волкъ?» опять-таки пристааетъ Галя, и всѣ ею недовольны кромѣ меньшаго—меньшой ее потихоньку успокоиваетъ. И Галя успокоивается и иногда пѣсенку запоетъ про журавля, что «длинноногий журавль на мельницу ѣздилъ и диковинку видѣлъ», и меньшей братъ чувствуетъ, какъ длинноногий журавль ѣздитъ и диковинку видѣлъ, потому что Галя подъ пѣнье треплетъ брата обѣими рученками по лицу. Пѣсенка какъ-то незамѣтно обрывается; длинноногий журавль остается на дорогѣ и Галя засыпаетъ у меньшаго брата на рукахъ. Скучно-скучно! холодно-холодно! темно-темно! въ покосившееся окошечко виднѣтъ лугъ подъ бѣлымъ снѣгомъ. Бѣлый снѣгъ то заблеститъ, то потераетъ блескъ—это значить мѣсяцъ ныряетъ въ облакахъ. Что-то дальше будетъ: заблеститъ ли бѣлый снѣгъ еще ярче при мѣсяцѣ и звѣздахъ или повалитъ снѣгъ свѣжій, мятель разиграется, забьетъ покосившееся окошечко, занесетъ дорожку, задержать мать дольше? А что мать принесетъ имъ?

Отдала мать старшаго сына въ наймиты къ портному. Но служба и ученіе сына имѣли вотъ какой результатъ: зима шла къ концу, но холода еще стояли сильнѣе и братья съ Галей сидѣли на печи, поджавши ноги. Дѣло было къ вечеру. Вдругъ шага, и мимо окошечка мелькнуло что-то.

«— Мама! вскрикнула Галя.

«— Нѣтъ, это не мама, отвѣчали братья.

«— О! прошептала Галя, глазки у ней вдвое увеличились, а брови вдвое выше поднялись.

« — Не бойся, Галя, проговорилъ меньшей, и всѣ выглядывали съ печи, вытянувши шею. Дверь отворилась и вошелъ старшій братъ.

Госноди! какой крикъ раздался при его видѣ! Какъ къ нему бросились! Какъ за него ухватились! Какъ не знали, что сказать и о чемъ спрашивать! Быстрая, неожиданная радость такъ захватила ихъ, что въ головѣ кружилось, въ глазахъ прыгало все кругомъ, всѣ обступили, всѣ схватили старшаго брата и больше чувствовали, что онъ тутъ съ ними, чѣмъ видѣли его; ихъ не поразило вдругъ, что старшій братъ смертно блѣденъ, что волосы у него спутаны и всклокочены, что воротъ рубахи разорванъ, словно кто-нибудь силой схватилъ и разорвалъ, что лицо старшаго брата какъ-то искажено, и что онъ не промолвилъ ни слова обнимаючись съ ними, только тяжело дышалъ. И Галя первая вскрикнула:

« — О, какой ты сталъ бѣлый! О, какой ты сталъ наймитъ! Такой точно, какъ я видѣла, по дорогѣ хозяйскихъ воловъ гналъ, такой точно! такой самый!

И Галя живыми глазками всѣхъ спрашивала, правда ли ея?

Правда-правда. Сдѣлался старшій братъ бѣлый, какъ снѣгъ и истый наймитъ... Но отчего воротъ рубахи разорванъ, отчего волосы всклокочены, отчего лицо такъ искажилось, отчего едва дышать онъ трудно и тяжело? Быстрая радость быстро куда-то дѣлась, всѣ глаза устремились на старшаго брата и смотрѣли пристально и безпокойно, и видѣли его ясно.

« — Сядь, сядь, братиѣ милшій. Ты уморился, милшій! лепетала Галя, дергая тихонько старшаго брата за руку, а нѣжные глаза съ тревогой спрашивали, что такое неладно, и что дѣлать?

Старшій братъ сѣлъ на лавкѣ, а всѣ другіе рядомъ. Галя стала около него и, глядя на всѣхъ, въ тревогѣ забыла, какъ босымъ ножкамъ холодно стоять. Старшій братъ все молчалъ и глядѣлъ въ землю. Средній братъ его спросилъ:

« — Какъ это ты пришелъ къ намъ?

« — Хозяинъ меня прогналъ, отвѣтилъ старшій братъ.

Долго никто ничего не говорилъ.

Галя спрятала личико къ старшему брату въ колѣни.

« — Онъ тебя билъ? спросилъ опять средній братъ.

« — Онъ меня давно билъ, съ перваго дня, отвѣчалъ старшій братъ.

« — Отчего-жъ ты не ушелъ давно отъ него? живо и пылко промолвилъ меньшей братъ.

« — Ты бы ушелъ, чуть слышно лепетала Галя, не поднимаячи головки съ братниныхъ колѣнъ: — тебѣ бы надо было къ намъ скорѣй прибѣгать. Любый, любый, любый братиѣ!

« — Я хотѣлъ еще перетерпѣть, хотѣлъ еще служить, отвѣтилъ старшій братъ...»

Однажды лѣтомъ, желая потѣшить своихъ дѣтей, повела ихъ мать на ярмарку.

«Наконецъ они добрались до самой площади на другомъ концѣ города, гдѣ стояла ярмарка. Тутъ-то Галя ужъ просто зашмурилась на время; да и братья не знали куда скорѣй глядѣть, и даже старшій сразу былъ пораженъ. Тутъ ворохи сладкихъ медовыхъ пряниковъ, груды орѣховъ, сушеныхъ грибовъ, бубликовъ связки, кучи сладенъ... Вотъ-вотъ чоботы съ красною оторочкою, такіе самыя, какъ надо! Вотъ глиняная свистулька, которой давно-давно хотѣлось! Вотъ смушевая шапка, лучше этой и искать нечего! Вотъ сивая шапка еще лучше черной.

«— Мама, мама! лепетала Галя: — купи мнѣ, охъ купи поскорѣй вотъ этого большой праникъ! Охъ, я хочу этого праника! Охъ, мама, купи мнѣ вотъ эту восничку, охъ вотъ эту, эту пестренку, славную! Или вотъ эту красненькую, охъ красненькую! Вотъ то наместо мнѣ, охъ наместо мнѣ!

И маленькій Галинъ пальчикъ показывалъ туда и сюда, куда восхищенные глазки только обращались, и все больше Галя охала и громче просила, и не слыхала, какъ мать тихонько ей «не на что, Галя, не на что купить, дитя мое милое!»

Меньшой сынъ тоже сталъ просить: — мама, купи мнѣ шапку! и старшіе сыновья тоже просить: — мама, чоботы купи! Мама, свитку купи! кто краснаго пояса просить, кто пояса пестраго хочетъ; одинъ показываетъ на сласти, другой таветь туда, гдѣ дѣлая кучка дѣтей обступила продавщицу дудокъ, гдѣ сама продавщица, важная женщина, въ зеленомъ шитомъ очигѣ, играетъ съ важностью на дудкѣ, а ужъ мальчики всѣ такъ надули щеки, какъ пузыри, и откуда слышенъ свистъ на всѣ разные тоны и голоса.

«— Не могу! не могу! не могу! прошептала вдова каждому сыну потихоньку. — Не на что, дѣти! Нѣту...

Сыновья смолкли и вдругъ остановились и поглядѣли на мать и на старшаго брата потомъ. У матери лицо подергивалось и дрожавшія уста все шептали имъ: «Не могу, дѣточки! Не на что!» Старшій братъ стоялъ и глядѣлъ въ землю по своей привычкѣ, точно какъ тогда, когда прогнанный воротился отъ хозяина: такъ же лицо побѣлѣло, такъ точно губы сжались.

Сыновья больше ни о чемъ не просили и какъ стали, такъ и стояли, глядя молча по сторонамъ...

Всѣ они долго стояли между движущеюся толпою, шумящею и пестрою, стояли и смотрѣли. Смотрѣли братья пристально, и словно впервой видѣли людскіе наряды и довольства, и словно впервой почували на себѣ худыя рубашонки; словно впервой видѣли они людскую бойкость, безпечность и веселье, и словно впервой распознавали свою заботу и убожество. А мать глядѣла на нихъ. Она съ ними то заговаривала, то безъ словъ глядела по головѣ рукой, то посылала ближе подойти полюбоваться, то показывала одно, то другое.

«— Мама! сказалъ старшій сынъ: — пойдемъ домой. И всѣ стали

просить ее: — мама, пойдемъ домой. Галя только крѣпче, да крѣпче прикусывала свои пальчики.

«— Домой? домой? повторила вдова: — уже домой хотите? Не погулять ли вамъ еще по ярмаркѣ, мой голубчикъ? Чего же такъ рано домой, мой коханнень? Вы еще всей ярмарки не видали...

«— Мы домой хотимъ, мама! сказали въ одинъ голосъ сыновья.

«— Домой? Ну, пойдемте домой, мои птички! вымолвила вдова и едва вымолвила: — ну, домой пойдемте, мои дѣточки! Галичка, дай ручку. Можешь, понести тебя, моя дочка? Галя протянула ручки, и когда была на рукахъ у матери, такъ обхватила ее за шею крѣпко и спрятала личико у нея на плечѣ. И всѣ они пошли домой.

Послѣ дѣлаго ряда подобныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ дѣтства, немудрено, что когда сдѣлались взрослые, братья стали безновыми и недовольны. Мать убивалася, ихъ приголубивая, да жалѣя; Галя падала (?), развлекала ихъ, да лаская, а нужда, да убожество придавливали все тяжелѣй, да тѣснѣй, да вруче. Ходили всѣ братья, искали себѣ работы и за малую плату. И ворочались они домой изъ этихъ поисковъ, все печальнѣй, да мрачнѣй.

Какъ вдругъ и счастье посѣтило: нашлась служба вдругъ двумъ братьямъ, старшему и среднему. Оба они пошли въ наймиты. Старшій братъ пошелъ служить къ молодому, зажиточному хозяину-огороднику, а средній братъ служить пошелъ у вдовца, у стараго хлѣбопашца: оба брата недалеко запропастились: тутъ же-таки подъ городомъ нанимались они.

Но опять-таки недолго послужили они. Средній братъ вздумалъ влюбиться въ дочь хозяина.

Перемучившись дни, не поспавши ночи, одинъ разъ наймитъ дождался встрѣчи съ своей госпожею любимую и признался, связалъ ей всю истинную правду. Какъ же она удивилась, какъ она свое личико хорошенькое отвернула! Какъ услыхала его слова неласково, какъ обидно отвѣтила. «Не затрогивай меня никогда больше, наймитъ, промолвила.—Развѣ я тебѣ ровня? Если хочешь у насъ служить, такъ веди себя, какъ добрый слуга. Не говори, не заговаривай со мною». А онъ-таки затронулъ, а онъ-таки заговорилъ, да и долженъ былъ навѣки проститься; потерялъ мѣсто свое и воротился домой къ матери, въ хатку на дугу. Такой онъ воротился, словно въ цвѣту прибитый.

Со старшимъ братомъ произошла исторія болѣе обыкновенная и прозаическая:

«Одинъ разъ наймитъ или хорошо не счелъ, когда бралъ, или дорогой какъ потерялъ, только хозяинъ не досчитался своего счету и поднялъ бурю; назвалъ и воромъ, и пройди-свѣтомъ, и голышемъ; а хозяйка себѣ подсказываетъ, да подеркиваетъ, да пищитъ, да верещитъ.

«— Я больше у васъ выслужилъ: — возьмите изъ моихъ заработанныхъ, да и не бранитесь больше, говоритъ наймитъ.

«— Иди вонъ и не показывайся никогда, гонить его хозяинъ.

«— Чтобы и духу мы твоего не слышали! кричить хозяйка.

«— Заплатите мнѣ, говорить наймитъ.

«— Заплатить? Да я тебѣ, вору, щербатой копѣйки не дамъ! Иди вонъ! прочь! пихаетъ хозяинъ.

«— Я на васъ суда буду исвать! промолвилъ наймитъ.

«— Суда на меня! Ты? вскрикнулъ хозяинъ и захохоталъ отъ великой потѣхи.

«— Смотри! воскликнула хозяйка, и хозяйкини хохотъ распался мелкимъ и веселымъ звукомъ.

Наймитъ пошелъ отъ нихъ, да и самъ засмѣялся, надѣваясь надъ самимъ собою, что собрался было хозяинъ засудить.

Всѣ эти обстоятельства, сложившіяся вмѣстѣ, должны были привести раньше или позже къ своему исходу, наконецъ и привели:

«Опять всѣ вмѣстѣ собрались ждать терпя, да надѣяться не имѣя. Неспойны, мрачны ходили братья всѣ; всѣхъ мрачнѣй старшій былъ, всѣхъ грустнѣе средній. Мать ихъ развлекать не бралася, Галя ужъ ихъ не трогала, а у меньшаго брата такъ сердце жалостью просто исходило.

Разъ вечеромъ старшій братъ говоритъ всѣмъ братьямъ:

«— Житье наше горькое и убогое; что вы думаете дѣлать? Я присягаю дремучему лѣсу. Будете ли вы, братья, товарищами?

И всѣ братья согласились и сказали: — хорошо!

«— А мать? А Галя? спохватилася меньшей.

«— Да развѣ мы много помогаемъ имъ? сказалъ старшій.

Братья-товарищи не отступайте!

Всѣ отвѣтили: — не отступимъ!

Вошли они въ хатку. Мать и Галя ужъ спали.

Мать сейчасъ проснулася, услышала и промолвила: — гдѣ вы, дѣточки, замѣшались?

И Галя проснулася, почувши, что ее крѣпко обняли: то меньшей братъ ее обнялъ: «Что?» спросила Галя. Сердце забилося у нея, почувало, что-то есть. Но меньшей братъ ничего не отвѣтилъ и отошелъ.

Старшій братъ сказалъ тогда: — мама, идемъ мы счастья исвать; будь здорова, да насъ не поджидай! Прощай, сестра!

Съ этимъ словомъ пошелъ онъ, а за нимъ всѣ братья вслѣдъ.

Вдова только всплеснула руками и упала въ горѣ и въ ужасѣ. Галя вскочила, догнала, уцѣпилася было за меньшаго брата, не пускала и рыдала, но и любимый братъ вырвался отъ нея и убѣжалъ за другими, и только издали она еще услышала его голосъ: «Прощай, Галя, прощай!»

Всѣ ушли. Ушли и не возвращаются.

Затѣмъ слѣдуютъ сцены ожиданія матери своихъ дѣтей и наконецъ смерти ея; эти сцены полны высокаго, потрясающаго трагизма. Страшное впечатлѣніе производятъ эта убогая старушка, которая дни, мѣсяцы, годы, все прислушивается къ каждому шороху, ожидая, что воротатся ея милые.

«— Галя! говорила опять вдова:—слышишь, шумить?

«— Это Днѣпръ шумить.

«— Нѣтъ, нѣтъ, Галя: слушай!

«— Деревья шелестятъ, мама!

«— Все Днѣпръ шумить! все деревья шелестятъ! промолвить вдова и вздохнетъ и прошепчетъ:—Боже мой! И немного погоды, вдова опять начинаетъ: — Галя! Галичка! выйди, погляди, послушай!

И Галя выходитъ, глядитъ и слушаетъ. Не слышно ничего, не видно ничего — только Днѣпръ шумить, да деревья шелестятъ».

Наконецъ старушка слегла.

«Больная лежала тихо, безмолвно, все почти съ закрытыми глазами и было похоже, будто она отдыхала отъ тяжелой-тяжкой-тяжкой усталости и работы.

Разъ она спросила:—Галя! что это, Днѣпръ шумить?

«— Нѣтъ, мама, Днѣпръ не шумить: зима, и онъ подо-льдомъ.

«— Галя, деревья шелестятъ?

«— Нѣтъ, мама, зима, деревья въ инеѣ.

Тогда зима была бѣлая, лютая, вѣрнкая зима.

Долго лежала больная, не открывая глазъ и не молвя слова.

И все блѣднѣла, и все слабѣла. И чуть слышно опять спросила:

«— Галя, Днѣпръ вѣдь не шумить? Я не слышу... Шумить или нѣтъ?

«— Нѣтъ, мама.

«— Такъ деревья шелестятъ?

«— Нѣтъ, мама.

Вдова поднялась, словно исполнилась силъ:

«— Галя, я слышу, я слышу! Отвори двери скорѣй! Встрѣчай скорѣй!—И потерявши вдругъ всѣ послѣднія силы, вдова упала и закрыла глаза. Галя припала къ ней и звала ее; но она не откликнулась и глаза ея на вѣкъ закрылись. Добрые люди кое-какъ помогли Галѣ похоронить мать, и стала жить Галя одна-одинешенька въ своей хаткѣ».

Еслибы писательница повончила этимъ свой рассказъ или придумала для него другой, болѣе естественный конецъ, тогда это было бы одно изъ лучшихъ произведеній нашей литературы.—Но все дѣло испорчено тѣмъ, что писательница прашала на живую нитку къ этому глубоко обдуманному и прочувствованному рассказу самый нелѣпый и мелодраматическій конецъ. Далѣе идетъ цѣлый рядъ случайностей, ни на чемъ не основанныхъ: пушно же было, чтобы къ окошку Гали подошелъ незнакомый казакъ, влюбился въ нее, женился на ней, повезъ ее на родину, заблудился дорогою, попалъ *нечаянно* къ днѣпровскимъ пещерамъ, гдѣ срывались братья, они напали на молодыхъ, казакъ убили и узвали въ женѣ его сестру свою Галю, которая въ отчаяніи сошла съ ума и утопилась въ Днѣпрѣ... Тутъ все случайно, натапуто, эффектно и мелодраматично. Глубокій ана-

лизъ, положенный въ основаніе разсказа, сводится, помимо воли писательницы, на самую узенькую и пошленькую мораль въ родѣ того, что если ты Петиньяа шалить вздумаешь, то можешь пальчикъ обрѣзать своей сестрицѣ Аннушкѣ. Читатель поставленъ въ рѣшительное недоумѣніе и у него невольно поднимаются въ головѣ вопросы въ родѣ слѣдующихъ: ну, а что было бы, еслибы прохожій казагъ не остановился бы у окошечка Гяли? что было бы, еслибы молодые не заблудились, а спокойно проѣхали, куда имъ было нужно? Нѣтъ, обходиться съ произведеніями подобнаго рода, какъ сказка о «деяти братьяхъ», такъ небрежно—непозволительно и тѣмъ болѣе непозволительно, что такихъ произведеній немного въ нашей литературѣ.

V.

Въ то время, какъ разсказы Марко-Вовчка изъ народнаго быта обнаруживаютъ отсутствіе всесторонняго и точнаго знанія жизни народа и вслѣдствіе этого невыдержанность, бѣдность пластичности и подробностей, совершенно въ иномъ видѣ представляются картины и очерки той жизни, которая естественно болѣе знакома писательницѣ, т.-е. жизни помѣщиковъ и горожанъ. Прочтите «Институтку», «Глухой городокъ», «Тюлевую бабу», вы увидите, какою пластичностью отличаются въ этихъ разсказахъ образы и типы, которые рисуетъ передъ вами писательница во всей ихъ глубинѣ и вѣрности жизни. Васъ поразитъ въ то же время мѣткій юморъ, направленный на такія стороны жизни, которыя достойны всеобщаго осмѣянія.

Мы займемся разборъ разсказа «Тюлевая баба», какъ лучшаго въ этомъ родѣ какъ по своему юмору, какъ и вообще по выдержанности и богатству содержанія. Въ разсказѣ этомъ изображена жизнь малороссійскаго захолустья во всей ея мелочности и отсутствіи всякихъ интересовъ, превышающихъ интересъ до приторности жрпнаго и до объяденія сытнаго объда. Героинею разсказа является Анна Ѳедоровна Журбовская, все содержаніе, вся цѣль жизни которой состояли въ томъ, чтобы удивлять людей своими объдами.

«Анна Ѳедоровна Журбовская была отличная хозяйка. Просто, она чудеса показывала. Напримѣръ, она дѣлала одинъ кремъ полосатій, разноцвѣтный, всѣмъ на зависть и на удивленье. Какъ ужъ ни хотѣли прочія хозяйки дойти до этого крема — никто не дошелъ. Вѣрьте, не вѣрьте, а одна барыня (и богатая барыня) хотѣла сына женить на дочери Анны Ѳедоровны, чтобъ только вывѣдать тайну. Да Анна Ѳедоровна всегда съ этими вещами на сторожѣ, а барыня была нетерпѣлива, поспѣшила, проговорила. Анна Ѳедоровна дочери не отдала и секрета не открыла. Ни у кого такихъ не бывало объдовъ, ни у кого такихъ имениннихъ пироговъ, какъ у Анны Ѳедоровны. Кто не помнитъ, когда у дочери исполнилось 18 лѣтъ, праздновали рожденіе и испекли

пирогъ.... Какъ подали этотъ пирогъ, такъ нѣкоторые даже испугались. Одинъ гость (любитель, знатокъ) всталъ и сказалъ, сложивши на груди руки; «что же это вы такое съ нами дѣдаете, Анна Ѳедоровна? Глажу, несуть на блюдѣ..... я думалъ, это генеральскаго сына несуть».

Но самое-то главное дѣло рукъ Анны Ѳедоровны — это были бабы.... Еслибы кто зналъ, какія это были бабы!

Читатель можетъ подумать, что приписывая Аннѣ Ѳедоровнѣ единственную цѣль жизни въ печеніи пироговъ и бабъ, писательница хочетъ этимъ показать только, что это была апатичная женщина, которая не имѣла никакого живаго интереса. Нѣтъ, это была женщина живая, страстная, энергическая, и тѣмъ ужаснѣе открывающаяся передъ нами пошлостью, что для этой женщины печеніе хорошихъ бабъ дѣйствительно было важнымъ дѣломъ жизни, въ которое она владывала всю свою горячую энергію. Племянникъ ея женился на сосѣдней помѣщицѣ, Глафирѣ Ивановнѣ Турченковой. Анна Ѳедоровна услышала, что эта барыня умѣетъ печь бабы гораздо лучше ея и что въ особенности она славится тюлевою бабою, которую можно назвать восьмымъ чудомъ свѣта, потому что никто не можетъ съ нею сравниться въ печеніи подобной бабы.

Когда Анна Ѳедоровна услышала это, она сдѣлалась сама не своя въ задумчивости и тревогѣ.

«Въ этотъ день она ошибалась ключами, ни слова не вымолвила объ Алексѣѣ Петровичѣ, ни о его невѣстѣ, ни о сватбѣ и внучку свою приласкала какъ-то разсѣянно.

«Когда молодые пріѣхали къ ней съ визитомъ, Анна Ѳедоровна окончательно растерялась: Гдѣ ея всегдашняя обходительность? Гдѣ ея участливость? Хотя она говорила молодой ласковыя слова, но во взглядѣ у нея была только тревога, въ лицѣ печаль, голосъ не ровный».

Когда наступилъ великій постъ, пришла пора печь бабы (въ святой недѣлѣ), и вступать въ состязаніе съ Глафирою Ивановною, Анна Ѳедоровна пустилась на всѣ хитрости, чтобы одолѣть соперницу: она заранѣе скупила въ городѣ всю хорошую муку и потомъ распродала ее всѣмъ желающимъ кромѣ своей племянницы. Но Глафира Ивановна перехитрила ее; она выписала муку изъ деревни своей матери и ея бабы удались, несмотря на всѣ ухищренія Анны Ѳедоровны.

Описаніе приготовленія хозяйками бабъ—это эпопея своего рода. Читая эту эпопею, вы приходите постоянно въ недоумѣніе; вы видите, что весь городъ пришелъ въ волненіе, и вамъ кажется, что люди рѣшаютъ какой-то важный общественный вопросъ или по крайней мѣрѣ готовятся къ рыцарскому турниру.

«Хорошія хозяйки еще на масляницѣ покупаютъ муку и сушатъ—надо, чтобы мука была суха и легка. Съ одною этою мукою сколько заботъ и безпокойствъ; а въ этотъ годъ было просто несчастіе: два главные вупца въ городѣ, евреи, закрыли.

лавки: одинъ погорѣлъ, а у другаго дѣдъ умеръ; а по ихъ закону, если кто въ домѣ умретъ, такъ торговать нельзя прежде положеннаго срока послѣ смерти. У другихъ евреевъ мука была не хороша; всѣ ждали, пока откроетъ лавку Мошка.

Какое волненье было! Какое нетерпѣнье! По разнымъ дорогамъ ѣхали въ городъ разныя коляски, брички, нетычанки, пролетки; у всѣхъ хозяевъ лошади были измучены, сами хозяйки исхудали.

«Анна Ѳедоровна поселилась въ городѣ. Она туда переѣхала еще на масляницѣ, наняла себѣ домикъ недалеко отъ базара; ходила въ церкви, молилась Богу, въ гостяхъ не бывала, а только часто видалась съ своимъ кумомъ. Кумъ ея былъ городничимъ въ городѣ».

Наконецъ, наступила роковая минута состязанія... Весь городъ принялъ участіе въ немъ. Вотъ пріѣхала Анна Ѳедоровна къ Глафирѣ Ивановнѣ — и произошла сцена по истинѣ трагическая.

«Анна Ѳедоровна вошла и сѣла. Глаза ея обратились тотчасъ же на столъ, она увидѣла *тюлевую бабу*.... Глафира Ивановна начала весело говорить о праздниѣ. Какой хорошій праздниѣ въ этомъ году, какъ тепло и сухо; Анна Ѳедоровна ни слова ей не отвѣчала и глядѣла на бабу. Глафира Ивановна стала подчивать; она поднесла Аннѣ Ѳедоровнѣ ломтикъ тюлевой бабы. Анна Ѳедоровна дрожащей рукою взяла тарелку и долго передъ собой держала, пока попробовала ломтикъ. Потомъ она перемѣнилась въ лицѣ. Глафира Ивановна взяла у нея изъ рукъ пустую тарелку и спросила: «какъ вамъ нравится, тетенька?» Но Анна Ѳедоровна не отвѣтила и сидѣла, какъ деревянная, уставивъ глаза въ землю. Жалко было видѣть ее. У Глафиры Ивановны сердце было отходчивое; къ тому же она свое доказала, она побѣдила; ей стало жалко Анну Ѳедоровну; она взглянула на мужа, — у мужа были слезы на глазахъ и онъ глядѣлъ на нее точно упрасиваль.....

Глафира Ивановна подошла къ Аннѣ Ѳедоровнѣ поближе и сказала ей ласково: «тетенька, успокойтесь!»

За женою бросился къ тѣткѣ Алексѣй Петровичъ, схватилъ ее за руку:

«— Тетенька, намъ самимъ жалко...

«— Нечего жалѣть! вдругъ проговорила Анна Ѳедоровна. Я ни о чемъ не жалѣю!

«Она вырвала свою руку у Алексѣя Петровича, встала и быстро вышла на крыльцо, съ крыльца крикнула своему кучеру подавать коляску и приказала ѣхать въ городъ».

Послѣ того Анна Ѳедоровна и Глафира Ивановна сдѣлались на вѣчно заклятыми врагами. Но писательница не ограничивается тѣмъ, что наводитъ на читателя тяжелую, мучительную грусть этою трагич-комическою сценою. Она хочетъ до конца исчерпать всю бездну пошлости, рѣшается приподнять завѣсу ея и показать за нею явленія, поистинѣ трагическія, являющіяся прямымъ слѣдствіемъ этой пошлости. Потерпѣвши поражение, Анна Ѳедоровна

поѣхала прямо въ городъ къ городничему, куму своему, жаловаться на мучнаго торговца, еврея Мошву, предполагая, что этотъ Мошка навѣрное утаилъ часть хорошей муки отъ нея и продалъ; ее Глафирѣ Ивановнѣ. Городничій почелъ излишнимъ слушать объясненіе Анны Федоровны.

«— Да не надо и рассказывать, прервалъ онъ, я и такъ знаю, что всѣ они негодаи.

Мошка былъ немедленно взятъ въ полицію.

«Мошку повели. Мошка хотѣлъ что-то говорить, городничій велѣлъ десятскимъ закрыть ему ротъ...

«Только вывели Мошку на крыльцо, къ нему бросилась молодая, больная на видъ, женщина, жена его. Десятскіе ее отстранили и повели Мошку дальше; она, пошатываясь, но быстро, пошла за ними слѣдомъ; слезы у нея лились въ три ручья, она стонала и ломала руки.

«Городничій крикнулъ изъ окна Михайлѣ, чтобы ее прогнать. Михайло ее прогналъ».

Затѣмъ случилось слѣдующее:

«На другой день послѣ того, какъ посадили Мошку въ полицію, слегла его жена (она была всегда хворая и больная). Черезъ два дня у нея родился преждевременно ребѣнокъ, а еще черезъ четыре дня и ребѣнка и мать схоронили. Мошкинъ домъ опустѣлъ, окна заколотили досками, на двери наложили печати.

Съ тѣхъ поръ, какъ взяли Мошку, евреи стали ходить толпою. Правда, это была робкая толпа: завидя десятскаго, разбѣгалась, но черезъ мигу собиралась опять; потомъ толпа перестала пугаться десятскаго, а потомъ пришла утромъ на площадь и стала передъ окнами городническаго дома. На каждомъ лицѣ было томленіе и страхъ; казалось, каждый готовъ убѣжать, а не бѣжалъ никто. Жалко было ихъ трусости, и можно было подивиться ихъ твердости. Городничій отворилъ окно, и закричалъ изъ окна: «какъ они смѣли придти, и зачѣмъ?» Голоса изъ толпы спросили: «за что Мошка сидитъ въ полиціи?» Другіе голоса стали рассказывать исторію о мужѣ, и спрашивали: «гдѣ тутъ Мошкина вина?» Нѣкоторые голоса сказали, что Богъ видитъ неправду, и за неправду наказываетъ...

Городничій вышелъ изъ себя, разбилъ стекла въ оконной рамѣ, и приказалъ разогнать евреевъ. Евреевъ гнали, но евреи жалобно кричали и не шли. Одинъ молодой еврей выбѣжалъ изъ толпы къ самому окну и, обливаясь слезами, закричалъ, что всѣ они пойдутъ просить защиты къ самому губернатору. Къ вечеру, однако, толпу разогнали. Но городничій простить этого не могъ. Гласно Мошку обвинить было не за что: городничій принялся за розыски, отыскалъ какую-то контрабанду, захватилъ австрійскіе чай; тутъ попался и Мошка, и много другихъ евреевъ. Дѣло потянулось, и долго тянулось. Черезъ годъ только выпустили виноватыхъ. Кому было на что завести торговлю, тѣ при-

жились опять за нее, а кому не на что было—тѣ жили на свѣтѣ, какъ Богъ велѣлъ, и своей оборотливостію помогала.
 • Мошва ушелъ изъ города, и съ тѣхъ поръ о немъ не было никакихъ вѣстей».

VI.

Я полагаю, что разобранныхъ мною рассказовъ совершенно достаточно, чтобы судить по нимъ о характерѣ произведеній писательницы. Во всѣхъ этихъ рассказахъ, кромѣ послѣдняго, читатель видитъ одно: писательница постоянно задается весьма широкимъ и драматическимъ сюжетомъ: то она предпринимаетъ изобразить передъ нами судьбу трехъ русскихъ женщинъ, то подымаетъ вопросъ о неровныхъ бракахъ, то, наконецъ, берется за такіе колоссальные типы, какъ Иванъ Кармелюкъ. Въ рассказахъ изъ вѣрнопетнаго быта сюжеты тоже по большей части широкіе и драматическіе. Но знанія народной жизни у писательницы мало для того, чтобы облечь свои сюжеты въ живые, осязательные и вѣрные дѣйствительности образы; отсюда и происходятъ, какъ мы видѣли, такіе промахи, что писательница посылаетъ вдругъ ни съ того, ни съ сего въ монастырь героиню, которая по своему типу скорѣй всего могла бы, ужъ если погибать, то совершенно инымъ, противоположнымъ путемъ; то вдругъ герои начнутъ вести самыя отвлеченныя разговоры о томъ, слѣдуетъ ли имъ мириться съ жизнію и пр. Бѣдность матеріаловъ особенно ясно обнаруживается, когда вы начнете сличать и сравнивать между собою различныя повѣсти; вы увидите тогда, что писательница употребляетъ однѣ и тѣ же краски для самыхъ противоположныхъ образовъ. Прочтите подъ рядъ «Три доли» и «Ивана Кармелюка», — вы увидите, что для характеристики дряблага казака Чайченко и грознаго Ивана Кармелюка — употреблены однѣ и тѣ же черты: какъ тутъ, такъ и тамъ рисуется передъ вами одинъ и тотъ же молодой, статный, красивый съ нѣжною душею казакъ, на котораго красныя дѣвицы не посмотрятъ и матушка не налюбуется. А съ другой стороны, чѣмъ существенно отличается жена Чернокрыла отъ жены Кармелюка? Развѣ тѣмъ только, что жена Кармелюка плакала, когда была наймишкою и умѣла разжалобить нѣжное сердце удалаго разбойника. Но та же наймишка сейчасъ же утерла глаза и перестала плакать, какъ только сдѣлалась женою Кармелюка, и что же въ ней послѣ того было такого особеннаго, вслѣдствіе чего Кармелюкъ могъ удовлетвориться своею женою въ то время, какъ Чернокрылъ не могъ? Писательницѣ удалось подмѣтить нѣсколько свѣтлыхъ, радужныхъ, мягкихъ красокъ народной жизни въ богатомъ краѣ, гдѣ легко было этимъ краскамъ развиваться, и народъ представляется въ произведеніяхъ г. Марко-Вовчекъ исключительно въ этихъ радужныхъ краскахъ: это какал-то толпа страждущихъ, непорочныхъ ангеловъ, причемъ писательница совершенно опускаетъ изъ виду, что если жизнь, вполне обезпе-

ченна отъ всякаго труда, праздна и пустая, растлѣваетъ природу человѣка, то не менѣе того растлѣваетъ ее и жизнь, полная каторжнаго труда, лишеній и униженій всякаго рода. Потому тамъ, гдѣ писательница изображаетъ совершенно правильную, нормальную жизнь казаковъ, жизнь свободнаго труда, тамъ она стоитъ на твердой почвѣ; но когда она начинаетъ описывать жизнь, полную лишеній и всякаго рода униженій, напримѣръ, крѣпостныхъ дворовыхъ, тамъ вы начинаете недоумѣвать: какъ люди эти могли нравственно не испортиться и сохраниться при такихъ обстоятельствахъ. Недостаткомъ этимъ страдаетъ въ особенности большая часть рассказовъ изъ крѣпостнаго быта. Его можно замѣтить даже въ лучшемъ произведеніи г. Марга-Вовчка: «Сказкѣ о девяти братьяхъ». Какъ ни ужасна жизнь, изображенная въ ней, въ дѣйствительности, она навѣрное при такихъ обстоятельствахъ еще ужаснѣе; писательница передала въ этомъ разсказѣ много живыхъ чертъ, но опустила одну важную: люди, живущіе въ страшной нищетѣ, въ тѣсномъ помѣщеніи холодной избушки, въ числѣ 11 человѣкъ, — какъ бы они ни любили другъ друга, навѣрное можно сказать, будутъ постоянно грызться между собою и отравлять и безъ того несносную жизнь; это естественный, необходимый, физиологическій фактъ, безъ котораго такая жизнь не можетъ обойтись: въ этому приводитъ съ одной стороны нервное раздраженіе, возбуждаемое холодомъ и голодомъ, а съ другой — необходимость дѣлить малое между многими. Подобные факты въ жизни народа остались незамѣченными писательницею.

Но выставляя на видъ всѣ эти недостатки писательницы, я вовсе не желаю этимъ показать, чтобъ она не имѣла значенія въ литературѣ нашей. Недостатки писательницы зависятъ не отъ свойства ея таланта—это недостатки вѣка нашего: она наслѣдовала ихъ отъ своихъ отцевъ и дѣдовъ, которые обладали ими еще въ большей степени, чѣмъ она. Чтѣ-жь дѣлать, если мы до сихъ поръ жили замкнутою, исключительною жизнію, если насъ въ нашемъ дѣтствѣ старались всачески замуравливать въ этой жизни, строго на строго запрещаая намъ вступать въ разговоры съ такъ называемымъ подлымъ народомъ и гоняя насъ изъ кухни, если мы тайкомъ туда забирались. Нѣтъ ничего удивительнаго, что жизнь, въ средѣ которой мы постоянно толчемся, гораздо глубже нами усвоена, чѣмъ жизнь, чуждая намъ, о которой мы знаемъ только по наслышкѣ. Это видно особенно ясно на такихъ произведеніяхъ, какъ «Глухой городокъ», «Институтка», «Тюлева баба»—въ этихъ произведеніяхъ вы увидите гораздо болѣе подробностей, истинны, глубины, чѣмъ во всѣхъ прочихъ разсказахъ: они рисуютъ жизнь, въ средѣ которой живетъ сама писательница и которая потому болѣе извѣстна ей. Но не будемъ взыаливать на одну писательницу всю вину вѣка ея. Не будемъ взыскательны въ томъ, чего недостаетъ писательницѣ, а будемъ пользоваться тѣмъ, чтѣ она

намъ даетъ. Истинное достоинство и значеніе ея въ литературѣ нашей, отличающее ее отъ многихъ другихъ нашихъ писателей народнаго быта, заключается въ томъ, что она останавливается не на какихъ нибудь начтожныхъ, повседневныхъ, комическихъ сценкахъ, а на сюжетахъ, достойныхъ вниманія художника по серьезному драматизму и общенародному значенію ихъ. — Путемъ чистой дедукціи она начертила передъ нами рядъ широкихъ плановъ, показавши, какія явленія въ жизни народа должны быть избираемы предметами художественнаго воспроизведенія. — Эти планы могутъ служить прекраснымъ урокомъ для тѣхъ изъ нашихъ писателей, которые въ народномъ бытѣ не могутъ постичь ничего далѣе пьяной сценки возлѣ кабака. Каждый здравомыслящій человекъ пойметъ, какіе сюжеты могутъ болѣе заинтересовать и заставить призадуматься читателя: вѣчно ли изображеніе становаго, душащаго по цѣпамъ тупоумнаго мужика, кланяющагося ему за это въ ноги, или выставленіе личностей въ родѣ Кармелюка и Чернокрыла съ ихъ безлюдными отраданіями и безъисходною трагическою борьбою. — Конечно, одною дедукцію съ такими сюжетами справиться невозможно: для исполненія ихъ необходимо тщательное индуктивное изученіе быта народа во всѣхъ его многообразныхъ проявленіяхъ. Вотъ потому и сказалъ я въ началѣ статьи, что не явилось еще писателя, который перебросилъ бы мостъ черезъ пропасть, отдѣляющую произведенія г. Марка-Вовчка отъ произведеній прочихъ нашихъ писателей народнаго быта.

А. Скавичевскій.

НОВЫЯ КНИГИ.

Исторія цивилизаціи Германіи. I. Шерра. *Переводъ съ третьяго изданія* А. Цевѣдомскаго и Д. Писарева. *Первая половина.* Изд. Ковалевскаго. 1868 г.

Личность I. Шерра, какъ ученаго и писателя, принадлежитъ въ разрядъ трудолюбивыхъ пчелъ науки, усердно собирающихъ знанія въ продолженіе всей своей жизни, но не обладающихъ творческими силами на столько, чтобы извлечь изъ этихъ знаній какіе-либо оригинальные выводы, которые пролили бы новый свѣтъ на ихъ науку. За недостаткомъ творческой способности обобщенія, труженники подобнаго рода останавливаются съ особенною любовью на созерцаніи и разработкѣ конкретныхъ фактовъ. Къ величайшему сожалѣнію, очень часто они дѣлаются ненавистными тормазами всякаго движенія мысли: иногда это происходитъ вслѣдствіе узкаго, близорукаго свѣтлцизма, съ которыми они глядятъ на каждый смѣлый шагъ въ ихъ наукѣ, перенося свое личное безсиліе на всѣхъ другъ хъ дѣятелей мысли; иногда съ тупоумнымъ упорствомъ они защищаютъ какою-ни-

будь старую, зашлепывающую теорию, подкрѣпляя ее цѣлою массою всевозможныхъ фактовъ, которыми набита ихъ ученаго голова. Но случаются и между ними люди честные и добросовѣстные, которымъ посредственность нисколько не мѣшаетъ сочувствовать всему живому и свѣтлому. Созерцая свои фактики, люди эти нисколько не мѣшаютъ великимъ творческимъ умамъ производить свои открытія и сами они готовы преклониться передъ этими открытіями и пользоваться ими по мѣрѣ силъ своихъ. Правда, случается порою, что гениальная мысль какого-нибудь глубокаго мыслителя получаетъ очень узенькій и пошленькій смыслъ въ узкой головѣ ученаго крота, но когда кроты не пускаются ни въ какія высшія разсужденія, а довольствуются скромною разработкою мелкихъ фактовъ науки, они являются далеко небезполезными труженниками. Въ каждой наукѣ есть много черной работы, требующей не мало силъ: прежде чѣмъ фактъ можетъ быть подведенъ подъ какой-нибудь выводъ, онъ долженъ быть раскопанъ, очищенъ, разработанъ и представленъ творческому уму въ его чистомъ, несомнѣнномъ видѣ. Вотъ для такой-то работы ученые кроты необходимы: они приготавливаютъ для творческихъ умовъ тотъ положительный матеріалъ, безъ котораго послѣдніе вѣчно парали бы подъ облаками, отыскивая путемъ отвлеченнаго мышленія сущности сущностей. Въ средѣ трудолюбивыхъ пчелъ науки личность Шерра можно причислить къ послѣдней категоріи пчелъ добродушно-либеральныхъ. Когда почтенный германскій ученый пускается въ разныя глубокомысленныя разсужденія, вы ясно видите, что онъ совершенно не на своемъ, что называется, полѣ и поэтому выдѣлываетъ удивительные умственные зигзаги. Такъ, на примѣръ, на первыхъ же страницахъ вы находите, что почтенный германскій ученый желаетъ вооружиться современною идеею о вліяніи природы на цивилизацію:

«Та мысль, — говоритъ онъ, — что природа страны обнаруживаетъ сильное вліяніе на бытъ, характеръ и нравы людей, составляетъ общепризнанную истину. Устройство земной поверхности является одною изъ самыхъ значительныхъ и неизмѣнныхъ причинъ историческаго развитія націи; одинъ геологъ имѣлъ полное право сказать, что множество корней человѣческой и государственной жизни спускается глубоко въ нѣдра земли».

Но читая далѣе, вы видите, какое неизмѣримое различіе въ пониманіи этой идеи у I. Шерра, или у такого мыслителя, какъ Бовль. Бовль, говоря о вліяніи природы на цивилизацію того или другаго народа, съ мудростію чисто реальнаго положительнаго ученаго, не дерзаетъ идти далѣе непосредственнаго слѣдствія давней причины. Онъ говоритъ, что такое-то свойство природы, на такомъ-то основаніи способствовало развитію цивилизаціи, а такое-то препятствовало. но нигдѣ вы не увидите, чтобы Бовль исключительно на основаніи характера поверхности страны, судилъ объ общихъ психическихъ чертахъ какой-либо

современной намъ народности. Онъ очень хорошо понималъ, что вліяніе природы страны не обуславливаетъ вполнѣ характера народности; послѣдній складается изъ суммы самыхъ разнообразныхъ и сложныхъ причинъ: сюда входятъ и характеръ страны и вліяніе сосѣдей на народъ, и его племенное происхождение и многіе другіе факторы, которыхъ не перечислишь. Почтенный же германскій ученый принялъ идею вліянія природы въ самомъ узкомъ и исключительномъ видѣ: онъ сдѣлалъ отчаянный прыжокъ отъ природы Германіи прямо къ современному характеру нѣмецкой народности и вмѣсто основательныхъ ученыхъ выводовъ, по необходимости представилъ рядъ метафорическихкихъ натяжекъ, прибравъ курьёзные сравненія германскихъ ландшафтовъ съ разными психическими чертами нѣмцевъ.

«Природу Германіи,—говоритъ Шерръ,—относительно устройства поверхности, характера ландшафтовъ и атмосферическихкихъ условій назвали не безъ основанія *шероховатую*. Въ наружности нѣмецкаго народа есть *также что-то шероховатое, уловатое*».

Предоставляемъ читателямъ самимъ судить о научномъ достоинствѣ такихъ чисто художественныхъ аналогій, тѣмъ болѣе, что подобныя сравненія не совсѣмъ чужды читателямъ, встрѣчавшимъ неоднократно и въ нашей литературѣ подобныя же заключенія о характерѣ русской народности. Кому только неанакоромо пресловутое сравненіе широты русской природы съ широтою степей Россіи! Задавшись цѣлю опредѣлить на нѣсколькихъ страничкахъ психическія черты характера такой сложной собирательной единицы, какъ нѣмецкая народность, Шерръ по необходимости долженъ былъ впасть въ общія мѣста, приписывая нѣмецкому народу такія свойства, которыя общи всѣмъ людямъ, живущимъ на землѣ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что Шерръ подмѣтилъ это свойство и у нѣмцевъ. «Какъ трогательна нѣмецкая преданность, но за то, какъ легко она превращается въ подобострастіе! восклицаетъ добродушно наивный ученый: добродѣтель свободного самоопредѣленія (?) имѣетъ также свою обратную сторону — упорное зачерствленіе головы и сердца и ту «политику единицы», которая изъ собственнаго я дѣлаетъ центръ вселенной, и сводится, наконецъ, къ самому низкому своекорыстію. Нѣмецкая семейственность, какъ она достойна похвалы въ своей чистотѣ и искренности. Какъ она любезна даже тогда, когда за предѣлами собственнаго дома, въ трактирѣ, старается удовлетворить потребности въ семейной жизни добродушнымъ бражничаньемъ!»

— Читатель, развѣ тебѣ незнакомы подобныя мотивы опредѣленія каковой угодно народности. Развѣ передъ тобой не восклицали точно также относительно російской семейственности: русская семейственность, какъ она достойна похвалы въ своей чистотѣ и искренности!... Какъ она любезна! и т. д. А развѣ тебѣ не говорили относительно русскаго человѣка буквально того же, что

Шерръ говоритъ о нѣмцахъ: «большую часть нѣмецъ (или все равно русскій) серьёзенъ, часто скрытенъ, нѣрѣдко расположенъ къ тоскѣ и угрюмости. И въ то же время, какъ онъ можетъ быть откровененъ; общителенъ, смѣлъ, веселъ, радостенъ. Свою способность разумно наслаждаться природою, нѣмецъ (русскій) дѣлитъ со всѣми отпрысками германской (славянской) семьи народовъ, но только онъ одинъ знаетъ вполне, что значить наслаждаться «женщиной, виномъ и пѣснью».

Послѣднее опредѣленіе относительно умѣнья нѣмцевъ наслаждаться женщинами, виномъ и пѣснью можно было бы назвать верхомъ провинцальности германскаго ученаго, умѣвшаго подмѣтить въ нѣмецкомъ народѣ такія особенности, которыхъ, конечно, нигдѣ болѣе не найти на земномъ шарѣ, какъ только у нѣмцевъ, но верхомъ совершенства слѣдуетъ считать другое опредѣленіе, и мы рекомендуемъ его нашимъ опредѣлителямъ русской народности, которые не додумались еще до такихъ хитростей: «въ нѣмецкомъ народѣ,—говоритъ Шерръ,—поражаетъ недостатокъ одного преимущества, которымъ обладаютъ французы и еще болѣе итальянцы,—недостатокъ истиннаго красоты и художческаго чутья формы. Этотъ недостатокъ, мѣшающій живому дѣйствию поэтическихъ и художественныхъ произведеній на массы, обнаружилъ свое вредное вліяніе даже въ области нѣмецкой политики. *Только народъ, лишенный чутья формы, могъ и можетъ переносить отератительно уродливыя политическія комбинаціи, подобныя священной римской имперіи нѣмецкой націи и Германскаго союза.*

Это представляетъ верхъ чисто-германскаго глубокомыслія. Это крайняя точка, до которой могъ только додуматься Шерръ. Вліяніе художественнаго чутья формы народа на его политическій бытъ,—здѣсь вы найдете цѣлую бездну философіи. Однако же не Вогъ-вѣсть какъ помогло въ политическомъ отношеніи французамъ или итальянцамъ ихъ художественное чутіе, въ которомъ эти народности, по мнѣнію Шерра, превосходятъ нѣмцевъ.

Таковъ Шерръ вездѣ, гдѣ только онъ пускается въ какіе-либо оригинальные выводы. Къ счастью, онъ рѣдко позволяетъ себѣ это; въ большинствѣ случаевъ онъ ограничивается установленными уже научными взглядами и это во многихъ случаяхъ выручаетъ его отъ какихъ либо опрометчивыхъ и недѣльныхъ заключеній, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ охватываетъ своего рода либеральнымъ цвѣтомъ. Такъ онъ, каждый разъ, когда замѣтитъ какое-нибудь черное пятно на средневѣковыхъ нравахъ, не преминетъ съ укоромъ покачать головою на романтиковъ, которыхъ средневѣковая жизнь представлялась исключительно въ свѣтлыхъ краскахъ; сѣтуетъ онъ и на Гогенштауфеновъ за то, что они вмѣсто того, чтобы дѣлаться нѣмецкими самодержцами, гнали за призракомъ римско-императорской мировой монархіи, и на кулачное право, подорвавшее окончательно единство германской націи, и на Лютера, за то, что онъ, придерживаясь

мертвой буквы, всталъ противъ крестьянъ и остановилъ общественное движеніе народа. Во всемъ этомъ вы видите справедливое благомысліе свобододолюбиваго ученаго, но вы и тѣни во всемъ этомъ не найдете чего-либо новаго, что принадлежало бы Шерру, что остановило бы ваше вниманіе и разъяснило бы вамъ заутаннныя вопросы о странномъ политическомъ устройствѣ страны и вообще о всемъ ходѣ нѣмецкой цивилизаціи.

Но вы погодите дѣлать какіе-либо рѣшительныя приговоры о книгѣ на томъ только основаніи, что въ ней вы найдете нѣсколько выше указанныхъ нами негѣностей, и не встрѣтите въ то же время никакихъ положительныхъ и ясныхъ отвѣтовъ на тѣ вопросы, съ которыми вы, можетъ быть, приступите къ чтенію книги. Правда, вы имѣете основаніе приступить къ чтенію книги съ такими вопросами, руководствуясь громкимъ заглавіемъ книги: «Исторія цивилизаціи Германіи». Конечно, отъ какой-же книги ожидать разъясненія разныхъ вопросовъ о германской народности, какъ не отъ «исторіи ея цивилизаціи». Но если вы не найдете отвѣтовъ на ваши вопросы въ книгѣ, то виновата въ этомъ не книга собственно, а заглавіе ея, которое введеть васъ въ заблужденіе, и въ этомъ отношеніи виновата не авторъ книги. Авторъ книги и не думалъ писать исторію цивилизаціи Германіи; онъ скромно озаглавилъ свою книгу «Исторія литературы, культуры и нравовъ Германіи», а переводчики перевели: исторія цивилизаціи. Между словами *культура* и *цивилизация* небольшое повидимому различіе; мы часто въ разговорномъ языкѣ смѣшиваемъ эти два слова; а между тѣмъ, различіе существуетъ и отъ прибавленія къ этимъ словамъ слова «исторія» оно возрастаетъ въ значительной степени.—Подъ словомъ «культура» подразумѣвается совокупность всѣхъ сторонъ быта народа: его религіи языка, литературы, нравовъ, обычаевъ, занятій, жилищъ до мельчайшихъ подробностей; цивилизація же есть состояніе его умственного и общественного развитія. — Вашъ образъ жизни, ваши привычки, ваше общественное положеніе, связи, квартира, платье, книги—все это будетъ составлять вашу культуру; а въ вашемъ умственномъ развитіи, въ вашемъ нравственномъ характерѣ, въ вашихъ стремленіяхъ будетъ заключаться ваша цивилизація. Конечно, заключеніе о цивилизаціи народа есть выводъ, который мы дѣлаемъ на основаніи культуры его; но тѣмъ не менѣе есть существенное различіе между фактами и выводомъ изъ нихъ.—Такимъ образомъ, между исторіею культуры и цивилизаціи такое же существенное различіе, какъ между описательными естественными науками (ботаникою, зоологіею, минералогіею) и умозрительными (физиологіею, химіею, биологіею). — Отъ историка цивилизаціи мы вправѣ требовать, чтобы онъ разработалъ намъ ходъ умственного и общественного развитія народа, чтобъ онъ раскрылъ намъ причины, способствовавшія или служившія препятствіемъ для этого развитія; между тѣмъ, какъ историкъ культуры можетъ довольствоваться описаніемъ частно-

стей, нравовъ и быта страны. Цѣль его—разработка фактовъ народнаго быта въ ту или другую эпоху, и для насъ совершенно достаточно, если историкъ культуры воскреситъ передъ нами эпоху во всей полнотѣ жизни ея, нисколько не забываясь объяснить намъ, изъ какихъ причинъ возникли тѣ или другія явленія этой жизни. Такая разработка фактовъ на первый взглядъ можетъ показаться служеніемъ наукъ ради науки, но между тѣмъ, она во всѣхъ отрасляхъ знанія представляетъ необходимый и единственно прочный фундаментъ, на которомъ строятся всѣ великія идеи и полезныя открытія.—Какъ безъ знанія описательныхъ естественныхъ наукъ невозможно изученіе биологій, такъ безъ изученія культуры невозможно основательное изученіе цивилизаціи народа.

Если мы начнемъ разсматривать книгу Шерра, какъ исторію германской культуры, въ такомъ случаѣ взглядъ нашъ на эту книгу долженъ совершенно измѣниться. Мы должны будемъ перестать требовать отъ книги разрѣшенія такихъ вопросовъ, на которыя Шерръ имѣлъ полное право не давать намъ никакихъ отвѣтовъ, составляя исторію германской культуры. Въ такомъ случаѣ разные общіе взгляды и очерки политическаго развитія страны являются ни чѣмъ инымъ, какъ аксессуарами, необходимыми для связи и осмысленія картинъ культуры той или другой эпохи. Съ этой точки зрѣнія книга Шерра заслуживаетъ большаго уваженія и читатель можетъ прочесть ее не безъ интереса и не безъ пользы для обогащенія своихъ знаній. Въ области исторіи культуры Шерръ, какъ созерцатель и разработчикъ конкретныхъ фактовъ, находится въ своей сферѣ: онъ обладаетъ большими свѣдѣніями по исторіи литературы, архитектуры, права, археологій, нумизматики и прочимъ наукамъ, входящимъ въ составъ исторіи культуры страны. Имѣя цѣлью популярное, общедоступное изложеніе фактовъ науки, Шерръ представляетъ мѣстами довольно живыя характеристики, тамъ, гдѣ только онъ не вдается въ сухой перечень фактовъ, какъ это онъ дѣлаетъ, напримѣръ, съ германской мѣологіей. Особеннаго вниманія заслуживаетъ въ книгѣ характеристика эпохи рыцарства. Рыцарство представляется вамъ здѣсь далеко не въ томъ идеальномъ свѣтѣ, въ какомъ вы привыкли видѣть его въ произведеніяхъ романтической школы: вы видите, какаѧ необузданная распушенность нравовъ, варварское самодурство, чопорная галантерейность, искусственность и аффектація, доведенныя до абсурда, срывались подъ маскою разныхъ идеальныхъ рыцарскихъ чувствъ и стремленій. Очерки рыцарскихъ нравовъ проливаютъ вамъ новый свѣтъ на романъ Сервантеса: вы видите, что Сервантесъ не выдумалъ своего Донъ-Кихота и дурчества послѣднaго не есть только карикатура ради осмѣянія падающаго рыцарства. Въ дѣйствительности рыцари продѣлывали и не такія еще нелѣпости, и подвиги Донъ-Кихота являются передъ вами

блѣдною тѣнью сравнительно съ дѣйствительными подвѣтами Ульриха фонъ-Лихтенштейна (см. стр. 119).

Рядомъ съ очерками рыцарскихъ нравовъ, мы можемъ поставить характеристику средневѣковыхъ предрасудковъ и тѣкъ кривотѣхъ неистовствъ, которыя вель за собою религіозный фанатизмъ, въ особенности обрушившійся на несчастныхъ евреевъ (см. 7, стр. 162). Затѣмъ самыми полными по богатству фактовъ характеристиками представляются очерки германской литературы, а самыми бѣдными — очерки торговли и промышленности, на что Шерръ, конечно, обратилъ бы главное вниманіе, если бы онъ писалъ исторію германской цивилизаціи. Въ заключеніе намъ представляется вопросъ, полезенъ ли переводъ такой книги, какъ Исторія культуры Шерра, и на основаніи всего вышесказаннаго мы можемъ отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно: не только полезенъ, но и необходимъ. Тѣ нецѣпости, о которыхъ мы распространились въ началѣ рецензіи, нисколько не мѣшаютъ быть книгѣ очень полезною въ своемъ родѣ: нецѣпости эти проскальзываютъ незамѣтно, когда вы читаете богатныя фактами характеристики Шерра; къ тому же онѣ слишкомъ наивны и смѣшны, чтобы быть вредными. Если книга Шерра и не дастъ вамъ такихъ богатыхъ и плодотворныхъ выводовъ, какъ сочиненія Бокля или Милля, за то она обогатитъ васъ свѣдѣніями, необходимыми для каждаго образованнаго человека, — и здѣсь кстати мы скажемъ нѣсколько словъ о необходимости перевода такихъ книгъ, которыя представляютъ богатый запасъ знаній всякаго рода. Къ величайшему сожалѣнію, при всемъ богатствѣ нашей переводной литературы, создавшейся въ послѣдніе 10 лѣтъ, мы имѣемъ мало такихъ книгъ, которыя, неограничиваясь взглядами и послѣдними выводами наукъ, представляли бы въ то же время и тѣ матеріалы, на основаніи которыхъ сложились эти взгляды. Не надо забывать того, что взгляды Бокля, Милля, Льюиса, Дрепера и пр. сложились на основаніи огромнаго запаса свѣдѣній, которыя собрали въ свою жизнь эти люди. Для того, чтобы взгляды эти прочно укоренились въ нашей головѣ, необходимо, чтобы мы обладали хотя 10-ю долею этихъ свѣдѣній. Намъ же приходится переходить къ чтенію великихъ мыслителей прямо послѣ тощихъ и жалкихъ учебниковъ, изъ которыхъ мы почерпаемъ всѣ наши знанія на скамьяхъ разныхъ училищъ. Вслѣдствіе крайняго недостатка фактическихъ свѣдѣній, намъ приходится принимать взгляды великихъ мыслителей большей частью на вѣру, за неимѣніемъ силъ укоренить эти взгляды въ своей головѣ на какихъ-либо прочныхъ основаніяхъ. Вслѣдствіе такого принятія всевозможныхъ взглядовъ на вѣру и происходитъ та шаткость мнѣній и убѣжденій, которая составляетъ застарѣлую болѣзнь нашего общества. Если вы убѣждены, что земля обращается вокругъ солнца, то очевидно, такое убѣжденіе коренится въ васъ не на томъ только основаніи, что великій Коперникъ такъ думалъ, а на томъ, что въ вашей головѣ

существуетъ нѣсколько фактовъ, подтверждающихъ это убѣжденіе; а еслибы этихъ фактовъ вы не знали, то ничего не стоило бы завтра же переубѣдить васъ и увѣрить, что земля стоитъ, а солнце движется. Такимъ же точно образомъ нѣтъ ничего легче какъ увѣрить васъ, что природа не имѣетъ никакого вліянія на дивинацію, что роды и виды всегда существовали въ томъ же неизмѣнномъ порядкѣ, въ какомъ мы видимъ ихъ теперь, что человекъ въ дикомъ состояніи былъ гораздо и счастливѣе, и совершеннѣе, чѣмъ въ цивилизованномъ; какую угодно теорію можно дѣлкомъ вложить въ вашу голову, и вы будете носиться съ нею пока кто-нибудь другой не вложитъ вамъ теоріи совершенно противоположной, и какое право будете вы имѣть принимать одну теорію и отвергать другую, если въ головѣ вашей не имѣется никакихъ фактовъ, на основаніи которыхъ вы могли бы провѣрить обѣ теоріи? Вотъ въ этомъ-то отношеніи, рядомъ съ сочиненіями, знакомящими нашу публику съ послѣдними выводами науки и цивилизаціи Запада, необходимъ переводъ и такихъ книгъ, которыя заключали бы въ себѣ элементарныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знаній, и въ этомъ отношеніи книга Шерра заслуживаетъ полнаго вниманія со стороны нашей публики.

Нравственная философія Ральфа Уальда Эмерсона въ 2-хъ частяхъ. Переводъ съ англійскаго Елизаветы Ладьяженской. Спб. 1868 г.

Америка представляетъ во многомъ радикальную противоположность Европы, и въ особенности эта противоположность проявляется въ томъ отношеніи умственного прогресса къ гражданскому, какое мы замѣчаемъ въ обѣихъ странахъ свѣта. Въ Европѣ умственный прогрессъ далеко опередилъ прогрессъ жизни, и на каждомъ шагу мы видимъ, что люди рѣшительно не знаютъ, что имъ дѣлать со своими свѣтлыми и новыми убѣжденіями, потому что дѣйствительность и практика жизни идутъ совершенно въ разладъ съ этими убѣжденіями и прогрессисты принуждены бывать на каждомъ шагу дѣлать уступки и идти по старымъ и рутиннымъ дорожкамъ или совсѣмъ отказываться отъ жизни. Въ Америкѣ же мы видимъ рядъ явленій совершенно противоположныхъ: гражданскій прогрессъ на каждомъ шагу опережаетъ тамъ умственный, и тѣ же самые свободные граждане новаго свѣта, дѣятельные, смѣлые, предприимчивые, отважно бросающіеся въ всякое нововведеніе, въ то же самое время самымъ жалкимъ образомъ путаются въ разныхъ теологическихъ умствованіяхъ, до сихъ поръ еще преклоняются передъ такими мыслителями Европы, которые давно уже въ послѣдней почіютъ въ пыли библіотекъ, и очень часто исповѣдуютъ такіа ученія, которыя радикально противорѣчатъ всей ихъ прогрессивной жизни. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ Ральфъ Уальдъ Эмерсонъ, который пользуется почетною извѣстностью въ Америкѣ и какъ гражданинъ, и какъ сектаторъ (онъ принадлежитъ къ

сектъ рационалистическихъ унитаріевъ), и какъ педагогъ (его знаменитое сочиненіе *The School and the Scholmaster*). Но вотъ является онъ передъ нами, какъ философъ и вы видите передъ собою, въ какое противорѣчіе ставовится Эмерсонъ какъ гражданинъ новаго свѣта и практической мыслитель, и тотъ же Эмерсонъ, какъ философъ и сектантъ.

Возросшая на теологической почвѣ американскаго сектаторства, крайняго идеализма, ударившагося въ неоплатонизмъ съ его вѣрою въ экстазъ, какъ источникъ непосредственнаго знанія, и опирающаяся на филистерскій принципъ безграничнаго развитія индивидуализма, философія Эмерсона представляетъ крайнюю точку того бесплоднаго резонерства, къ которому только и можетъ привести подобная система міросозерцанія.

Читая книгу, вы очень часто натываетесь въ ней на такія мысли, желанія и сѣтованія автора, которымъ вы не можете не сочувствовать, которыя составляютъ предметъ завѣтныхъ стремленій для каждаго мыслящаго человѣка. Въ одномъ мѣстѣ, напримѣръ, Эмерсонъ, выставляя примодушіе, откровенность, смѣлость въ приговорахъ и сужденіяхъ дѣтей, сѣтуетъ, что взрослые люди, напротивъ того, постоянно — на сторожѣ, затаиваются, подлаживаются, лгутъ и обезличиваются, часто единственно изъ малодушной трусости. Въ другомъ мѣстѣ, исчисляя разныя свойства героизма, онъ поставляетъ на первый планъ, что герой идетъ своею дорогою, презирая мелкіе расчеты ложнаго благоразумія, и не унываетъ, если станеть въ разладъ со всѣмъ человѣчествомъ; въ третьемъ мѣстѣ онъ сѣтуетъ, что очень часто молодые герои дѣлаются очень пошленькими людьми, едва только получаютъ тепленькое мѣстечко: «мы сами вѣдали, — говоритъ онъ, — необыкновенно даровитыхъ молодыхъ людей, или мы слышали о нихъ, и что же? они никогда не достигали зрѣлости, и роль ихъ, при внѣшнемъ складѣ общества, отнюдь не была необыкновенна. Бывало, лишь только они заговорятъ о книгахъ, о жизни, о религіи, — ихъ видъ, ихъ осанка, ихъ рѣчи заставляли насъ дивиться ихъ превосходству, такъ справедливо базалось ихъ отвращеніе къ порядку вещей, всемірно существующему, и такъ походилъ ихъ голосъ на голосъ юнаго гиганта, имѣщаго власть и посольство все измѣнить на лучшее. Но съ полученіемъ должности, съ началомъ карьеры, гиганты понижаются до уровня обыкновенныхъ людей. Бывало, имъ служило, ихъ окружало чарами стремленіе къ тому идеалу, въ сравненіи съ которымъ *дѣйствительность* кажется такою пошлюю. Но закосявѣвшій свѣтъ оплачиваетъ за это; онъ кладеть свое клеймо на ихъ грудь, лишь только они спустятъ ноги съ своего огненнаго рысака. Не нашли они притомъ ни образцовъ, ни сотоварищей и пали духомъ!» Все это справедливо и, конечно, такъ долженъ размышлять гражданинъ новаго свѣта, но одной этой справедливости мало. Истинный нравственный философъ, выставая свои требованія, долженъ показать тотъ путь, какимъ

человѣчество можетъ удовлетворить имъ. Люди лгутъ, заглаживаются, обезличиваются, ложное благородствіе и трусость передъ міѣніемъ свѣта омѣщаютъ имъ быть истинными героями, молодые люди опешаюцца, едва сдѣлають карьеру, — но какъ же достигнуть, чтобы этого не было, чтобы всѣ люди сдѣлались истинными героями, смѣлыми, неуклонными и прямодушными, какъ дѣти? Вотъ въ этомъ-то и заключается вся несостоятельность философіи Эмерсона, что указывая на раны, она съ высокоуміемъ смотритъ на такія средства, которыя одни только могутъ уврачевать эти раны, и предлагаетъ свои собственные совѣты больному въ родѣ того, что если ты хромаешь, то перестань хромать и иди прямо, и ты не будешь хромать. Казалось, въ чемъ же должно было бы исцѣлять врачевства отъ разныхъ нравственныхъ болѣзней общества, какъ не въ томъ прогрессивномъ процессѣ, который, раздѣляя людей на разныя враждебныя партіи, въ концѣ-концовъ все-таки представляется единственнымъ пока путемъ ко всеобщему миру, благосостоянію и совершенству, — какимъ способомъ могутъ быть выработаны изъ людей герои и счастливицы, какъ не путемъ мелочной повидимому борьбы изъ-за насущнаго хлѣба и даже изъ-за такихъ микроскопическихъ житейскихъ дрягъ, какъ, напримеръ, вопросы о томъ, имѣеть ли право кто нибудь распластать мою фізіономію и требовать, чтобы я брилъ бороду или носилъ ее, имѣю ли я право сидѣть, когда возлѣ меня сидитъ другой человѣкъ и пр. Эмерсонъ же смотритъ на всѣ эти вопросы жизни, отъ разрѣшенія которыхъ зависитъ истинное счастье и нравственность людей, какъ на мелочную суету. Правда, какъ гражданинъ новаго свѣта, онъ признаетъ ихъ необходимыми принадлежностями жизни, отъ которыхъ не спрячешься, но во всякомъ случаѣ не въ нихъ видитъ онъ спасеніе, а въ самоуглубленіи человѣка внутрь себя, въ личномъ самовоспитаніи, а главнымъ образомъ въ томъ свободномъ вдохновеніи, наитіи, экстазѣ, которые онъ считаетъ истинными источниками непосредственнаго знанія, блаженства и всевозможныхъ добродѣтелей. При такой точкѣ зрѣнія, единственными рычагами для пріобрѣтенія всѣхъ совершенствъ Эмерсонъ считаетъ волю и вдохновеніе, при условіи которыхъ человѣку стоитъ захотѣть и вдохновиться и онъ сдѣлается тотчасъ же героемъ, какъ бы онъ ни былъ пороченъ и низокъ; ему стоитъ только углубиться въ себя, и въ своей душѣ онъ найдетъ неизсякаемое блаженство, хотя бы онъ былъ покрытъ рубищами и язвами, найдетъ неограниченную свободу, хотя бы онъ былъ самый угнетенный рабъ. Вотъ вся незамысловатая сущность этой философіи, которая логически ведетъ къ отчужденію отъ всѣхъ живыхъ вопросовъ жизни, къ умственному и нравственному застою и черствому равнодушію къ всѣмъ страданіямъ человѣчества, на томъ основаніи, что люди сами глухи, страдая изъ-за какихъ нибудь мелочей, что стоитъ имъ только углубиться въ себя, и они будутъ

наслаждаться своими душевными сокровищами и будутъ счастливы. Эмерсонъ самъ наивно признается, что онъ скучаетъ и смотритъ на часы, когда сидитъ на совѣщаніи филантроповъ, и забываетъ въ восторгѣ о часахъ, какъ только встрѣтится съ доброю душою, «мало смыслящую въ партіяхъ и въ лицахъ, и что такое Куба, что въ Каролинѣ» и какъ только добрая душа начнетъ убѣждать философа, что онъ свободенъ не только отъ условій мѣста и времени, но и отъ самаго тѣла. Въ другомъ мѣстѣ Эмерсонъ говоритъ, что «вліяніе характера на собственную судьбу человѣка сохраняетъ всю свою силу, сохраняетъ ее непремѣнно, подъ какимъ бы то ни было правленіемъ, начиная отъ Турціи до Новой Англіи, и исторія честно исповѣдуется, что подъ былыми деспотами Египта, индивидуумъ пользовался всею свободою, доступною его тогдашней образованности».

Считая самоуглубленіе и экстазъ истинными источниками непосредственнаго знанія, Эмерсонъ пренебрегаетъ повидимому приобрѣтеніемъ обыкновенныхъ знаній, составляющихъ необходимую основу всякаго мышленія, мало-мальски трезваго. Это видно по крайней-мѣрѣ изъ его свѣдѣній въ химіи, въ которыхъ онъ недалеко ушелъ отъ іонійскихъ философовъ древности. Такъ, напримѣръ, на 167 стр. первой части онъ говоритъ: «по изслѣдованіямъ химіи всякое вещество низшаго разряда относится въ высшему отрицательно; всякое же вещество высшаго разряда своимъ электричествомъ производитъ положительное дѣйствіе на разряды веществъ низшихъ. *Вода разлагаетъ дерево, соль, камень; воздухъ растворяетъ воду; электрическій огонь проникаетъ воздухъ;* но разумъ въ своемъ неугасимомъ горнѣ разлагаетъ и огонь, и тяготѣніе, и законы, и системы, и самыя неувольнимыя и неизвѣданныя отношенія во всемъ мірозданіи».

Нѣтъ ничего мудренаго, что при такомъ отсутствіи элементарныхъ свѣдѣній, опираясь на одно вдохновеніе напѣтя, Эмерсонъ въ своемъ экстазѣ провѣщаетъ иногда такіе глаголы:

«Любовь — огонь вѣчный. Сперва, случайная искра вспыхнувъ въ одномъ сердцѣ, заронится въ другое и истлѣветъ потихоньку въ его уютномъ уголкѣ; потомъ этотъ огонь разгорается, онъ блеститъ, онъ сіяетъ на безчисленное множество мужчинъ и женщинъ, отогрѣваетъ ихъ душу и весь свѣтъ, всю природу озаряетъ своимъ великодушнымъ пламенемъ».

Или: «Другъ? это не такой-то человѣкъ, сухой, чинный; это поэзія, только что излившаяся изъ лона божества, поэзія свѣжая, какъ ея источникъ, вольная, какъ сама муза; это гимнъ, ода, эпопея». А еще лучше: «будемъ вѣрить въ Бога, а не въ имена, мѣста и лица. Будемъ свѣтомѣрами, этимъ раздражительнымъ золотымъ листкомъ, чующимъ измѣненія и скопленіе тончайшаго электрическаго тока. Тогда и мы различимъ, во сколько и гдѣ проявляется истинный огонь, несмотря на тысячеобразныя различія ризъ, въ которыя онъ облачается».

Встрѣчая на каждой страницѣ въ книгѣ подобныя галлюцинаціи или замѣчанія въ родѣ того, что героизмъ есть добрая осанка души, а аристократъ есть демократъ сильнѣй, ушедшій въ сѣмя, вы начинаете чувствовать, читая книгу, что у васъ трещить голова и вы ждете каждую минуту, что почтенный философъ разразится неожиданнымъ извѣстіемъ, что «у алжирскаго дѣя вскочила на носу шиша.»

Но верхъ прелести представляетъ переводчица Эмерсона, г-жа Ладженская, которая упрасиваетъ насъ въ своемъ предисловіи, чтобы мы не считали свободнаго отъ условій времени, мѣста и своего тѣла философа ни мистикомъ, ни проповѣдникомъ, ни философомъ, а видѣли въ немъ *человѣка во всей смѣлости слова, человѣка самаго натуральнаго*. Увлеченіе переводчицы Эмерсономъ доходитъ до того, что она чуть не молится на своего философа. «Понять ихъ (то-есть истины Эмерсона) — говоритъ она — признаюсь, мнѣ стоило много труда и времени. Истины Эмерсона до того истинны, что поминутно пристыжая нашу недогадливость и несмысліе, онѣ потрясаютъ насъ, будто учащенными электрическими ударами. Г-жѣ Ладженской мало было перевести Эмерсона; боясь, чтобы читатели какъ-нибудь не пропустили лучшихъ мѣстъ книги, она наполнила извлеченіями изъ нея 80 страницъ предисловія, въ которомъ она приводитъ самыя, что ни на есть темнѣйшія и мистическія выдержки изъ текста, желая, вѣроятно, чтобы читатели были сугубо потрясены электрическими ударами, которыми потрясается переводчица. Но и этого еще недостаточно для г-жи Ладженской: желая всячески задобрить читателей въ пользу Эмерсона, она особенно ставитъ на видъ, что чуть не вся Америка поклоняется этому свѣтилу, и что Америка обязана ему большимъ улучшеніемъ образа мыслей и нравовъ. «При появленіи его опытовъ—говоритъ она—приверженцы провозгласили его *пророкомъ времени лучшихъ* и сожалѣли, что его вліяніе не распространилось мгновенно. Онъ слишкомъ выше своихъ согражданъ, своего времени и не можетъ быть понятъ тотчасъ и вполне: однако, мысли его прорѣзываютъ глубокій слѣдъ, и кругъ его почитателей расширяется съ каждымъ годомъ. Вліяніе его въ будущемъ несомнѣнно. Съ тѣхъ поръ, какъ это было провознесено, вы найдете творенія американскаго мудреца въ рукахъ людей всѣхъ возрастовъ и половъ, почти въ каждомъ домѣ Бостона, Нью-Йорка, Филадельфіи и, кромѣ городовъ, даже въ отдаленныхъ полудикихъ хижинахъ поселенцевъ Новаго Свѣта».

Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что унитаріане, распространенные по разнымъ штатамъ, чтятъ одного изъ лучшихъ представителей своей секты; ничего нѣтъ удивительнаго, что и въ Европѣ Эмерсонъ пользуется долею извѣстности, какъ философъ, во всякомъ случаѣ оригинальный, представившій послѣднее крайнее развитіе теоріи индивидуализма, составляющей главную основу сѣверо-американской жизни. Но какое же значеніе можетъ

имѣть эта философія у насъ? Г-жа Ладженская надѣется, что она не даромъ приняла подобострастную роль *приоратницы* (по ея фигуральному выраженію) и *отворила дверь на нашу робиню високому посетителю* и что *высокій посетитель проникнетъ во мноія мѣста, во мноія убѣжденія, во мноія сердца*. Чьи же это будутъ сердца? Развѣ какихъ-нибудь заплесневѣлыхъ старичковъ и старушекъ, для которыхъ, какъ для мистическаго станціоннаго зрителя въ романѣ Гирса, прошли годы и настали времена. Если г-жа Ладженская имѣла въ виду подобнаго рода читателей, для которыхъ книга тѣмъ темнѣе, тѣмъ поучительнѣе, въ такомъ случаѣ, чтобы ужь ей взять, да хватить 50-й томъ сочиненій Сведенборга, о которомъ Эмерссонъ говоритъ, что это какой-то метозавръ и мастодонтъ науки, котораго не измѣрять цѣлыми коллегіями обыкновенныхъ ученыхъ, отъ исполнскаго появленія котораго взвоятся всѣ мантии университетовъ и 50 томовъ котораго могутъ составить цѣлую бібліотеку для твердо-мыслящаго и уединеннаго ученаго. Въ самомъ дѣлѣ, если взять въ расчетъ, что книги читаются не съ особенною быстротою людьми, для которыхъ прошли годы и настали времена, то можно положительно сказать, что 50 томовъ метозавра и мастодонта науки не только хватило бы на всю жизнь станціонному зрителю, но навѣрное онъ и половины бы не прочиталъ, оставивши своимъ дѣтямъ и внукамъ дочитывать остальное. Какую неисчерпаемую сокровищницу мудрости могла бы доставить г. Ладженская своимъ единомышленникамъ! Не шута мы бы совѣтовали ей немедленно же принять на себя снова скромную должность «*привратницы для метозавра и мастодонта*».

Утро. Литературный и политическій сборникъ, издаваемый М. Погодинымъ. Москва. 1868.

Старѣйшій изъ московскихъ мыслителей, величаемый чуть ли не всю Россію по имени и изотчеству — маститый Михаилъ Петровичъ Погодинъ издаеть уже не первый сборникъ, подъ приведеннымъ нами заглавіемъ. Первая книжка «Утра» появилась еще въ 1859 году, и представляла собою безпрятзательное собраніе статей (плохихъ) въ стихахъ и прозѣ. *Черезъ семь лѣтъ* послѣ этого (въ 1866 году) появилось второе «Утро», въ которомъ Михаилъ Петровичъ съ извѣстнымъ всему міру своимъ законизмомъ заявлялъ, что свой сборникъ онъ хочетъ превратить въ журналъ, но заявлялъ не какъ окончательное рѣшеніе, а только въ видѣ предположенія: «*можетъ быть, образуется журналъ, буду ли издавать его самъ или передамъ кому другому*». Для этого онъ счелъ нужнымъ написать даже программу предполагаемаго журнала, въ которой объяснялъ свой образъ мыслей и направленіе въ политическомъ, гражданскомъ и религіозномъ отношеніи. Программу эту Михаилъ Петровичъ помѣстилъ со свойственною ему оригинальностью не въ началѣ книги, а записавъ ее въ середину сборника между статьями... Журналъ

однако не состоялся, потому ли что осуществленію его помѣшали усиленные труды и занятія Михаила Петровича по редакціи его увеселительной газетки «Русскій», потому ли что въ своей программѣ онъ промахнулся на славянскомъ вопросѣ — не знаемъ, но только въ новомъ выпускѣ «Утра» нѣтъ и помину объ обѣщаніи издателя, и на обложкѣ въ типографіи даже забыли выставить цифру 3 (такая забывчивость — обыкновенная принадлежность всѣхъ изданій М. П. Погодина), чтобы публика видѣла, что настоящее «Утро» не новый сборникъ, а только новый выпускъ изданія, начавшаго свое существованіе уже девять лѣтъ тому назадъ. Можетъ быть, впрочемъ, это пронаведено и съ умысломъ Михаиломъ Петровичемъ, такъ-какъ онъ вѣроятно желалъ бы забыть тѣ строки, въ которыхъ онъ во второмъ выпускѣ своего сборника, чуть не наганунѣ приѣзда нашихъ славянскихъ братьевъ, отрывался и отчуровывался отъ всякаго съ ними общенія, и огуломъ обвинялъ ихъ въ отсутствіи всякаго сочувствія, или, какъ онъ выражался, приверженности къ Россіи. Мы думаемъ, что въ настоящую минуту, послѣ всего происшедшаго у насъ за послѣднее время по части общенія съ славянами, припомнить эти слова Погодина будетъ дѣломъ не лишнимъ. Вотъ что онъ тогда говорилъ: «въ молодые и средніе годы свои я мечталъ и твердилъ много о славянахъ — и сочувствовалъ мнѣ многіе передовые люди, корифеи въ племенахъ славянскихъ и, казалось намъ, много могло быть дѣлавано Россіей *во время оно* на пользу всѣхъ славянскихъ племенъ; но *время оно давно прошло, потому ли посему ли* ничего не было дѣлавано, или было дѣлавано мало и то по большей части частными людьми. Новыя поколѣнія въ славянскихъ племенахъ думаютъ, по крайней-мѣрѣ въ настоящую минуту (а минута-то эта была только за годъ до московской этнографической выставки) не такъ, какъ думали старіеи, почти всѣ сошедшіе съ поприща; приверженность къ Россіи, какая-нибудь, остается *только* въ массахъ (какъ хорошо это *только!*). Поэтому, *отлазная съ сторону всякія мечтанія*, я думаю, что связь съ славянами намъ должно ограничивать пока доставленіемъ русскихъ книгъ въ славянскія библіотеки и пособій извѣстнымъ ученымъ для изданія *какихъ-либо вѣстныхъ для славянства трудовъ историческихъ и филологическихъ*».

Впрочемъ, выписанный нами промахъ Михаила Петровича былъ во второмъ «Утрѣ» не единственныиъ. Тамъ же были помѣщены и другія статьи, отъ солидарности съ которыми въ настоящую минуту Михаилъ Петровичъ, по нашему мнѣнію, былъ бы, вѣроятно, не прочь отказаться. Такъ; между прочимъ, въ статьѣ покойнаго Михаила Дмитріева «О народности и національности въ искусствѣ» К. С. Аксаковъ обвинялся въ *отсутствіи живаго чувства національности*. стремленіе къ народности признавалось стремленіемъ *одностороннимъ*, проповѣдывалась мысль, что литература *не для народа* и т. д.

Но, при всѣхъ таковыхъ промахахъ, второе «Утро», если только помнить это еще читатели, представляло весьма интересное явленіе, если не по достоинству и серьезности своихъ статей, то по крайней своей своеобразности. Тамъ было помѣщено начало поэмы гр. Соллогуба «Нигилистъ», названной самимъ авторомъ «старческой работою»; тамъ было знаменитое заявленіе самаго Михаила Петровича о томъ, что онъ «потыкался на мысли о построеніи желѣзныхъ дорогъ государственнымъ кредитомъ», въ доказательство чего онъ приводилъ свои безалаберныя письма къ какому-то NN, котораго онъ величалъ В. В. Т., къ Прудону, къ Кобдену, къ «высокому гранду изъ нашихъ соотечественниковъ» и т. д. Тамъ между большими статьями находились различныя историческіе документы, разные невозможныя стихи (въ родѣ мальчиба въ лаптяхъ и нагольномъ тулупѣ, которымъ оказывался то Ломоносовъ, то вся Россія), переводы ломбардскихъ хроникъ, письма изъ-за границы, отрывки изъ частной переписки, некрологи, библиографическіе листки, проповѣдь къ молодымъ людямъ, окончившимъ корпусное ученіе, уже упомянутая нами переписка М. П. съ разными лицами, и наконецъ, мнѣнія и замѣчанія г. Погодина, когда онъ былъ гласнымъ въ московской думѣ, съ замѣчаніями на эти мнѣнія другаго лица и вторичнымъ отвѣтомъ г. Погодина на эти замѣчанія. Все это въ сборникѣ было свалено въ кучу, безъ всякой системы, напечатано на сѣрой и разнокалиберной бумагѣ, различными истертymi шрифтами (печатались сборникъ въ пяти типографіяхъ), съ безчисленными опечатками и перепутанной нумераціей страницъ. Мало того, одна и та же статья («о дѣтствѣ Карамзина») напечатана была въ двухъ мѣстахъ книги: самая статья въ началѣ ея, а примѣчанія къ ней ни къ селу, ни къ городу въ серединѣ, между другими статьями; программа журнала, какъ мы уже сказали, тоже въ серединѣ книги, и тамъ же, между статьями, находились объявленія и библиографическія извѣстія... Однимъ словомъ, второе «Утро» представляло собою такое увеселительное олицетвореніе «сапоговъ въ смятку», что невольно приводило читателя въ самое добродушно-веселое настроеніе духа. Негодовать на возможность появленія въ русской печати такихъ сборниковъ, или лучше сказать сбродниковъ, въ которыхъ, не говоря уже о внутреннемъ содержаніи, Михаилъ Петровичъ какъ бы глумился надъ самыми основными условіями типографскаго и издательскаго дѣла — не могло придти на мысль самому жолчпому читателю. Такъ все это было дѣтски-смѣшно, наивно — нелѣпно, московски — простодушно, безалаберно — безцеремонно...

Новое или третье «Утро» несравненно безцвѣтнѣе. Хотя образъ «сапоговъ въ смятку» и въ немъ такъ сказать не утраченъ, хотя въ типографскомъ смыслѣ и этотъ выпускъ не блистаетъ особою отчетливостью, и шрифты довольно подержаны и разнокалиберны, а нумерація страницъ (въ «Запискахъ Штелина»)

тоже перепутана, хотя бумага, сѣрая вообще, также представляетъ различные оттѣнки, хотя внутреннее содержаніе тоже довольно хаотично, но по сравненію со вторымъ выпускомъ «Утра» въ нѣмѣ вышедшемъ чего-то не достаетъ. Мы долго недоумѣвали, чего бы это именно не доставало, и при томъ такого существеннаго, каковое могло бы развеселить духъ, ибо, скрывать не станемъ, третій выпускъ веселаго настроенія духа не производятъ, а нагоняетъ расположеніе томное, такое именно, какое можетъ произвести созерцаніе дурно поднимающагося хлѣба въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нашего отечества, послѣ неурожайнаго года. Оказалось, по долгомъ размышленіи, что въ настоящемъ сборникѣ не достаетъ статей самаго Михаила Петровича. Ихъ въ этомъ выпускѣ всего на все — двѣ: III, IV и V дѣйствія изъ трагедіи «Петръ Великій», первое и второе дѣйствія которой напечатаны всего только девять лѣтъ назадъ (именно въ 1-мъ выпускѣ «Утра») и замѣтка «Объ открытіи записокъ Штелина», которая напечатана въ этомъ же выпускѣ, хотя, какъ всѣмъ извѣстно, уже были недавно напечатаны въ «Чтеніяхъ Историческаго Общества». Почему г. Погодинъ почелъ необходимымъ, черезъ самый краткій промежутокъ времени, перепечатать ихъ вторично въ своемъ сборникѣ, составляетъ табу, разрѣшеніе которой заключается въ своеобразныхъ особенностяхъ логики этого мыслителя, и которую слѣдовательно мы ни повять, ни объяснить не беремъ. Кромѣ этого, г. Погодинъ помѣстилъ въ настоящемъ выпускѣ своего сборника только: «Одиннадцать записокъ Пушкина къ М. П. Погодину. 1830 г.», найденныя послѣднимъ, по его выраженію, «въ портфель своей корреспонденціи», но всѣ эти одиннадцать записокъ ровно ничего не прибавляютъ къ характеристикѣ покойнаго поэта, и весьма удобно могли бы не быть напечатанными, оставаться «въ портфель своей корреспонденціи» Михаила Петровича. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ въ 1830 году нуждался въ деньгахъ, а М. П. обѣщался ему таковыя занять, но какъ видно, затянулъ дѣло въ долгой ящикъ, и Пушкинъ коротенькими записками справлялся, скоро ли онъ получитъ обѣщанное? Какъ человекъ общежительный, чуть не въ каждой запискѣ, Пушкинъ изъ обыкновенной вѣжливости, спрашивалъ г. Погодина объ его трагедіи, которую послѣдній въ то время писалъ. «Я писалъ тогда трагедію «Петръ I», говоритъ М. П., не объясняя однако же, не та же ли это самая трагедія «Петръ Великій», которой первыя два дѣйствія украшали девять лѣтъ тому назадъ первый выпускъ «Утра», а три послѣднихъ появились только въ настоящую минуту на свѣтъ.

Хотя вся вѣроятность на сторонѣ того, что это и есть та самая трагедія, ибо въ концѣ ея выставленъ 1831 годъ, но при неистощимой производительности М. П. (онъ самъ, какъ извѣстно, заявлялъ не давно, что онъ написалъ вдвое возмъ литературныхъ

пронаведеній) и особенностяхъ его логики, онъ могъ одновременно писать и двѣ трагедіи на одинъ сюжетъ.

«Остроуміе Пушкина, замѣчаетъ Михаилъ Петровичъ, замѣтно и въ этихъ легучихъ дослуткахъ», но мы, признаемся, не видимъ въ нихъ ровно никакого остроумія, и даже просто не понимаемъ, что находить г. Погодинъ остроумнаго, напримѣръ, въ слѣдующихъ изъ напечатанныхъ имъ записокъ.

«Пушкинъ приходилъ поздравить васъ съ новосельемъ» (записка пятая).

Или:

«Чувствую, что я вамъ надоѣдаю, да дѣлать нечего. Скажите, сдѣлайте одолженіе, когда именно могу надѣяться получить остальную сумму. А. П.» (десятая).

Или въ запискѣ седьмой, написанной очевидно въ отвѣтъ на отказъ г. Погодина дѣстать заразъ всю сумму: «если ужъ часть, то большую ради Бога. А. П.»

Чтобы печатать и обнародовать *такіе документы*, нужно быть М. П. Погодинимъ, который относительно выбора статей остался вѣрнымъ себѣ и въ настоящемъ вынукѣ «Утра». Такъ, въ числѣ статей, не принадлежащихъ его собственному перу, мы встрѣчаемъ переводъ политической брошюры одного русскаго графа, о ближайшихъ судьбахъ Германіи, написанную ея авторомъ въ 1859 году по-французски. Въ брошюрѣ этой находятся предсказанія о ходѣ вопроса германскаго объединенія, которое, по мнѣнію ея автора, должно было совершиться съ помощью одного нравственнаго вліянія Пруссіи на сосѣднія государства, путемъ единства стремленій, которыя рано или поздно должны были родиться во всѣхъ небольшихъ германскихъ государствахъ. Въ настоящую минуту, послѣ событій, происходившихъ въ Германіи, читать эти неисполнившіяся предсказанія нѣсколько забавно, но М. П. и тутъ нашелся. Въ подстрочномъ примѣчаніи къ мѣсту статьи, о которомъ мы говоримъ, онъ выражается такъ: «Авторъ предполагалъ путь естественный, національный и постепенный. Графъ Бисмаркъ сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ, и подъ Садовою разсѣкъ гордіевы узлы, развязывать которыхъ было столь затруднительно». Но хотя эти гордіевы узлы уже развязаны, М. П. не счелъ несвоевременнымъ поднести ихъ снова публикѣ на размышленіе, да еще переведенные на такой языкъ, въ которомъ, напримѣръ, французскаго императора называютъ *Лудовикомъ-Наполеономъ*. Такъ, между другими статьями сборника мы встрѣчаемся со словомъ Василія Дроздова (впослѣдствіи митрополита Филарета), сказаннымъ въ Троицкой Лаврѣ въ день торжества освобожденія этой лавры отъ нашествія враговъ 12-го января 1806 года. Едва-ли такой статьѣ мѣсто въ литературномъ и политическомъ сборникѣ. Мысли, высказанныя въ то время почтеннымъ авторомъ (напримѣръ, что есть мужество безъ вѣры?—слѣпое нествество, кипащее фараоновымъ жаромъ и его угашающее въ пучинѣ отчаянія), конечно весьма

жало утратили въ наши дни въ смыслѣ духовно-витійственномъ, но вѣдь свѣтскій сборникъ не монастырскій амвонъ, и лица, которыя захотѣли бы изучать духовно-литературную дѣятельность покойнаго Филарета, разумеется, не стануть для этого обращаться къ «Утру» г. Погодина. Еще болѣе странно встрѣтиться въ современномъ литературномъ сборникѣ съ «взглядомъ на мірозданіе,» двумя думами пресловутаго Магницкаго, изъ которыхъ первая была уже напечатана въ «Москвитинѣ» въ 1843 году. Вторая была доставлена г. Погодину, вмѣстѣ съ первой, но Михаилъ Петровичъ почему-то держалъ ее подъ спудомъ 25 лѣтъ, а теперь, ради ея, не затруднился перепечатать и первую. Въ думахъ этихъ, написанныхъ напыщеннымъ языкомъ, писатель встрѣтится и съ «пламенными строками тверди небесной» и съ «овтиліонами миль кубическихъ», составляющихъ «обширность» сферы, въ которой вращаются всѣ планеты нашей системы, и съ «звѣздною бездонностью» и со всѣмъ существующимъ во вселенной «отъ серафима до инфузоріи», не встрѣтится только ни съ чѣмъ, что могло бы заинтересовать его развитую мысль. Но оказывается, что и въ наши дни существуютъ охотники до превыспреннаго мистическаго витійства, ибо въ этомъ же сборникѣ помѣщена аллегорическая статья «Позднѣйшіе годы», подписанная 1859 годомъ, въ которой неизвѣстный авторъ, скрывшій свое имя подъ буквою Л., какъ по характеру своего витійства, такъ по «бездонности» своей мысли, является какимъ-то новымъ Магницкимъ, щеголяющимъ особенно необычайно образными опредѣленіями. Моря г-нъ Л. называетъ «бесплатными божьими путями», гласность—Гуттенбергомъ 2-мъ и т. д., и т. д.

Впрочемъ, не однѣ только перечисленныя нами статьи «Сборника» замѣчательны своею странностью. Всѣхъ статей въ немъ 18, и развѣ только однѣ записки Штелина, еслибы онѣ не были уже напечатаны прежде, могли бы представить серьезный интересъ для читателя. Въ числѣ этихъ статей, чуть не половина въ одну или двѣ странички (по болѣе части историческіе документы, не представляющіе никакого научнаго интереса) и между ними особенно характерна «Замѣтка о селѣ Знаменскомъ», знаменитаго нашего бібліографа М. Н. Лонгинова. Дѣло въ томъ, что въ этомъ селѣ, Карамзинъ часто бывалъ у своихъ друзей Плещеевыхъ. На основаніи этого, М. Н. Лонгиновъ докладываетъ всей русской читающей публикѣ, что село это находится Орловской губерніи, Болховскаго уѣзда, 1-го мирового участка, Злашской волости, на рѣкѣ Кутымѣ, впадающей въ рѣку Нугрь, втекающую въ Оку близъ границы Болховскаго и Бѣлевскаго уѣзда. Кромѣ того, онъ объясняетъ, что въ селѣ этомъ 155 душъ крестьянъ, временно-обязанныхъ Розѣ Ринальдиновнѣ Плещеевой (родомъ полькѣ), второй женѣ арзамасца Александра Алексѣевича Плещеева, котораго два внука отъ перваго брака (съ графиней Чернышевой), Александръ и Григорій Петровичи,

живутъ и нынѣ въ Болховскомъ уѣздѣ, въ наслѣдственномъ имѣніи «Чернь», что старій домъ сгорѣлъ, а Роза Ривальдиновна живетъ въ другомъ, новомъ, выстроенномъ уже позднѣе. Не правда ли, какъ все это интересно, важно для изученія исторіи русской литературы и поучительно? О, еслибы русская литература обогатилась когда-нибудь подобными описаніями всѣхъ селъ, деревень, мѣстечекъ, которыя посѣщали во время своей жизни когда-нибудь Державинъ, Карамзинъ, Пушкинъ и т. под., какъ хорошо изучили бы мы на пользу нашего развитія, на какіе участки раздѣлены наши уѣзды, и гдѣ живутъ на Руси — различныя Розы Ривальдиновны, Евстигней Евстигненчи, Перепетуя Петровны или Марѣя Егоровны. Жаль только, что въ этой замѣткѣ, почтенный Михаилъ Николаевичъ забылъ упомянуть, для библиографической полноты, жепаты ли Александръ и Григорій Петровичи Плещевы, и въ которыхъ годахъ сгорѣлъ старій домъ Розы Ривальдиновны и построенъ новый...

Все, о чемъ мы уже упомянули, какъ видите читатель, весьма интересно и замѣчательно; но какъ мы уже замѣтили, главнѣйшій интересъ «Сборника» сосредоточивается на статьяхъ Михаила Петровича, почему мы и считаемъ необходимымъ, для того, чтобы читатель имѣлъ о третьемъ «Утрѣ» полное понятіе, на нихъ нѣсколько приостановиться.

Записки Штелина, какъ мы уже сказали, снабжены примѣчаніями г. Погодина (Объ открытіи Записокъ Штелина — изъ моихъ записокъ). Въ этихъ замѣчаніяхъ, Михаилъ Петровичъ посвящаетъ публику въ тайну своихъ историческихъ открытій, но... особенностью отношеній Михаила Петровича къ старымъ рукописямъ и историческимъ документамъ до того замѣчательна, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести объ этомъ собственныя его слова:

«Драгоцѣнныя Записки Штелина, которыя читатели прочли выше, принадлежали къ моему древнехранилищу. Предложу здѣсь отрывокъ изъ своихъ записокъ, къ нимъ относящійся.

«Въ тридцатыхъ годахъ, Федоръ Ивановичъ Отгъ, первый директоръ ремесленнаго московскаго училища, потомокъ Штелина по женской линіи, познакомясь со мной чрезъ моего брата, служившаго подъ его начальствомъ, сказалъ мнѣ однажды въ разговорѣ, что у него есть два сундука бумага, оставшихся послѣ Штелина. «Примѣчательнаго въ нихъ ничего нѣтъ, и не можетъ быть, потому что Штелинъ, какъ извѣстно по преданію въ его родѣ, всѣ важныя свои бумаги сжегъ по кончинѣ своего воспитанника, императора Петра III, и при вступленіи на престолъ императрицы Екатерины; но тамъ есть много любочныхъ картинъ его времени и первыхъ оттисковъ портретовъ, гравированныхъ въ академіи художествъ, находившейся подъ его начальствомъ. Хотите взять себѣ этотъ *хламъ*? А вы мнѣ дайте за него собраніе новыхъ русскихъ книгъ, которыя я назначу.»

«Очень радъ, отвѣчалъ я ему. Сундуки были ко мнѣ присланы; книги, по назначенію, были доставлены къ г. Отту.

«Я, по словамъ его (то-есть повѣривъ домашнему предаію, которое могло быть и невѣрнымъ, нашъ знаменитый историкъ, не потрудился посвятить даже какаго-нибудь получаса на разборъ бумагъ), отобралъ изъ сундуковъ, вмѣстѣ съ Д. А. Ровинскимъ, любочныя картины и портреты (?), украсилъ ими свои собранія, и велѣлъ поставить сундуки подъ лѣстницу.

«Простояли они тамъ спокойно (!) лѣтъ десять или больше. Академія, услышавъ отъ г. Кувина, что у меня находятся бумаги штелиновскія, отнеслася ко мнѣ съ просьбою, справиться, вѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь относящагося до ея исторіи, такъ-какъ Штелинь состоялъ ея членомъ.

«Я попросилъ тогда Д. А. Ровинскаго поискать между бумагами, ему извѣстными, академическихъ документовъ, что тотъ и исполнилъ; отобранные имъ документы я тотчасъ (вѣроятно, даже не прочитавъ) отправилъ въ академію. Вмѣстѣ съ ними Д. А. принесъ мнѣ нѣсколько найденныхъ тамъ автографовъ императора Петра III. Одинъ изъ нихъ былъ великой важности. Я рѣшился представить его государю императору (Николаю Павловичу)» и т. д.

Несмотря даже на такое открытіе, М. П. даже и тогда не рѣшился еще просмотрѣть бумаги, «лежавшія у него лѣтъ 15-тъ въ своихъ гробахъ подъ лѣстницею», и только «въ 1853 году, Д. А. Ровинскій, у котораго оставались сундуки (послѣ извѣстной продажи древнехранилища г. Погодина въ казну), занявши въ нихъ почему-то опять, сдѣлалъ еще открытіе — нашелъ тетради записокъ Штелина о Петрѣ III и нѣкоторые другіе документы». «Я обрадовался—говоритъ г. Погодинъ—этому, въ полномъ смыслѣ, историческому открытію, которое доставляетъ драгоцѣнныя для исторіи несчастнаго принца дашныя»,—п радость его становится весьма понятною, послѣ всѣхъ успѣевъ, какія употреблялъ онъ для такого открытія. «Читатели видятъ, что я не сижу безъ дѣла», говоритъ г. Погодинъ въ этихъ же запискахъ, и мы не можемъ не прибавить отъ себя, что читатели увидали даже и то, какъ г. Погодинъ дѣлаетъ свое дѣло.

Что касается до трагедіи г. Погодина «Петръ-Великій», начало которой напечатано было имъ девять лѣтъ тому назадъ, а конецъ является въ печати только теперь, то по всей вѣроятности, рукопись ея, въ то время, когда М. Петр. отбиралъ изъ штелинскихъ сундуковъ, «вмѣстѣ съ Д. А. Ровинскимъ, любочныя картины», попала случайно въ эти сундуки, и тоже лѣтъ пятнадцать пролежала гдѣ-нибудь подъ лѣстницею, такъ-какъ М. П., несмотря на все множество своихъ дѣлъ, вѣроятно, съ 1831 года, могъ бы удосужиться и напечатать ее. Тридцать лѣтъ—довольно значительный промежутокъ времени, даже и по отношенію къ литературному долгоденствію самого Михаила Петровича. Но, оказывается, что со времени ея написанія, Михаилу Петро-

вичу нѣкогда было ее даже и просмотрѣть, такъ-какъ иначе онъ, вѣроятно, выправилъ бы въ ней хоть неправильности въ стихосложеніи. А неправильности эти таковы, что буквально, на каждыя десять строкъ попадется такой стихъ, въ которомъ нѣтъ ровно никакого разиѣра, или даже такой, что на тощакъ, пожалуй, и не выговоришь. Вотъ нѣсколько примѣровъ на удачу:

Да жалуетса. А, что князь Александръ?
 Эхма! о чемъ толкуете вы, господа!
 Теперь и онъ у васъ въ рукахъ. Какъ же!
 Хотѣлъ моей онъ смерти. Нѣтъ! прежде
 И подвиги пошли бы ною ноги,
 Засѣлно, — не первой, не второй я бился!
 Брѣ! земли, братъ, подъ ногами задрожала и т. д.

Представьте притомъ, что подобныя строки, соединены, напри-
 мѣръ, хотя такъ

Не сердисъ
 Петръ Алексѣевичъ. Вашу братю меньше бъ
 Конечно, можетъ быть, бранили, еслибъ
 Побольше знали васъ.

А такимъ языкомъ написана вся погодинская трагедія. Петръ-
 Великій въ ней выражается, напримѣръ, такъ:

Вотъ дьяволъ навязался мнѣ на шею!
 Онъ слова одного мнѣ не умѣетъ
 Сказать порядочно. Все оборветъ.
 Ну, еслибъ я такой же... былъ бы чорту
 Баранъ. Характерецъ!...

Или:

Мнѣ надо было взять, во чтобъ не стало
 Хотъ уюлъ бы на берегу Балтійскомъ,
 Чтобъ положить здѣсь камень просвѣщеня
Красуольный камень русскаго участя
 Въ дѣлахъ всѣхъ политическихъ Европы.
 Я десять лѣтъ боролся съ братомъ Карломъ
 Въ Лифляндіи, Саксоніи и Польшѣ,
 Эстляндіи, Архангельскѣ, Украинѣ.
Тутъ ни до матери, ни до отца,
И ни до сына было, — я лишь шуналъ
 Къ ночи, взорпѣный, голова цѣла ли.
 Чуть проматнулъ бы, такъ прощай и войско,
 И царство, и Россія, да и всѣ вы.
 Ты, напримѣръ, разинулъ ротъ подъ Нарвой,
 И не умѣлъ сберечь одной своей
 Лишь умной головы и т. д.

Такъ написана вся трагедія, содержаніе которой составляетъ
 судъ надъ царевичемъ Алексѣемъ и заговоръ Кикина. До какой
 степени высоко-художественности она доходить, какъ смѣлы и

оригинальны творческіе приемы Михаила Петровича, читатели могут видѣть хотя по слѣдующему отрывку (конецъ четвертаго дѣйствія), составляющему самое патетическое мѣсто въ трагедіи. Петръ является въ большой, темный подвалъ дома Кикина, *передняя часть котораго освѣщена ночниками, а уголь заваленъ штофами и бутылками*, въ то самое время, когда заговорщики рѣшаютъ его убить, Эварлаковъ принимаетъ благословенный на это ножъ, *макаетъ имъ въ неистовствѣ* и произнося:

Такъ что жъ, пора?

Вѣжить къ двери, всѣ за нимъ. Петръ, видѣ себя отъ гнѣва, *стремительно къ нему на встрѣчу, срываятъ ножъ и толкаетъ его въ грудь*, говоря:

Пора, да не тебѣ,
А мнѣ, разбойникъ! Вотъ я васъ. Что вы
Затѣяли?

Кикинъ топаетъ ногой и произноситъ:

Тѣфу, чортъ возьми!
Пропало все.

Заговорщики теряются, просятъ прошенія и, вѣроятно, ободренные тѣмъ, что Петръ случайно произноситъ стихъ, въ которомъ, несмотря на всю его неуклюжесть, соблюденъ, по крайней мѣрѣ, размѣръ:

Нѣтъ, нѣтъ. Я долго ужъ терпѣлъ. Довольно.

начинаютъ на него *напирать*, но... пусть говорить самъ Михаилъ Петровичъ:

ПЕТРЪ (*замыкаетъ изъ ободреніе, отступаетъ тихо, безпрестанно поглядывая на дверь*).

Я рассмотрю, кто больше виноватъ
Это меньше.

Долухинъ (*почти напирая*).
Нѣтъ, прости теперь, дай слово!

ПЕТРЪ (*приближаясь болѣе и болѣе къ двери*).

Я не могу теперь, не знаю братцы...

Эварлаковъ.
Такъ вотъ узнай.

(Бросается изъ заднихъ рядовъ (?) на Петра, который приблизился почти къ двери, но въ эту минуту она отворяется и гвардейскій капитанъ ведетъ (вводитъ?) за собою роту преображенскихъ солдатъ. Петръ увидѣвъ его, бѣжитъ по щель (кого?)

Проклятый опоздалъ
Они било меня совсѣмъ убили!

(Все это происходит въ одно мгновеніе. Заговорщики, увидѣвъ солдатъ, отступаютъ съ знаками величайшаго отчаянія. А Петръ идетъ впередъ).

Петръ.

Ага разбойники! Вотъ я прошу васъ.

Вотъ дамъ честное слово. Ну, взгляте ихъ: (не выдержавъ
таки раздѣра!)

(Солдаты влзуютъ имъ руки назадъ. Плачъ и вопль).

(Входитъ к. Меньшиковъ съ двумя офицерами).

К. Меньшиковъ.

Пожаръ у Троицы потужъ, а этотъ.

Такъ разгорѣлся, что помочь нельзя ужъ.

Петръ (указывая на заговорщиковъ).

Ну такъ и быть. За то вотъ здѣсь погасло.

(Указывая на Алексѣя, лежащаго съ обморокомъ).

Возьми его... и содержи покрѣпче.

(Командуетъ такъ, чтобъ солдаты окружили заговорщиковъ).

Маршъ — въ крѣпость!

(Взводъ отправляется).

(Петръ съ удивленнымъ Меньшиковымъ идетъ назадъ, потирая себѣ зобъ).

Слава Богу! отдохнуздъ я!

Совершенно такія же слова приходится произнести и читателю, когда ему удастся одолѣть таковую трагедію до конца. Вѣроятно, и самъ Михаилъ Петровичъ сознавалъ, что произведеніе его не дешево будетъ доставаться читателямъ. Этимъ объясняется, почему онъ, напечатавъ первый и второй акты въ 1859 году, только теперь помѣстилъ въ «Утрѣ» окончаніе своего произведенія. Очевидно, для читателей, по прочтеніи первыхъ двухъ дѣйствій, необходимо было девятилѣтній отдыхъ!

Неотъемлемое право женщинъ. Взглядъ на современныи бытъ женщинъ. Сочиненіе Луизы Отто. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Петербургъ. 1868 года.

Авторъ этой брошюры—извѣстная Лунза-Отто Петерсъ, сдѣлавшая въ Германіи весьма многое для облегченія участи женщинъ въ экономическомъ отношеніи. Практическая ея дѣятельность по женскому вопросу заслуживаетъ всякаго уваженія. Вопросъ этотъ, замершій въ Германіи со времени реакціи, послѣдовавшей за 1848 годомъ, когда въ Гамбургѣ была закрыта даже не задолго до того основанная высшая школа для женщинъ, а оставались терпимыми однѣ только женскія учительскія семинаріи, когда самыя дѣтскія сады нѣсколько разъ были закрываемы правительствомъ и испытывали всевозможныя преслѣдованія со стороны елериваловъ, до шестидесятихъ годовъ почти ни одна практическая попытка по женскому вопросу не удавалась. Только

съ этого времени женскій вопросъ, правда, въ измѣненномъ и сѣуженномъ видѣ, началъ снова пробиваться въ печати, благодаря энергической дѣятельности извѣснаго его сторонника, А. Корна, редактора лейпцигской «Всеобщей женской Газеты». Возбужденная этими статьями Луиза-Отто Петерсъ, когда въ Дрезденѣ во время министерства Оберлендера составлялась коммиссія для изслѣдованія новѣйшихъ основаній для раціональной организаціи труда, подала въ эту коммиссію «адресъ дѣвушки», въ которомъ, въ вапыщенныхъ, правда, выраженіяхъ, наомнила коммиссіи, что ей слѣдуетъ обратить при этомъ вниманіе и на тѣ печальныя условія, въ какихъ по отношенію къ труду находятся женщины. Рѣшившись энергически непремѣнно достигнуть на практикѣ хотя какихъ набудь результатовъ, она вошла въ сношеніе съ рабочими, хотя и тутъ въ весьма фразистомъ къ нимъ обращеніи не обошлась безъ напыщенности выраженій. «Если всѣ забудутъ бѣдныхъ рабочихъ — говорила она имъ — то я ихъ не забуду». Между тѣмъ, вмѣсто ожидавшаго ею противодѣйствія, она повсюду встрѣтила сочувствіе и поддержку для осуществленія своихъ плановъ. Мысль о необходимости переворота въ экономическомъ положеніи женщины носилась въ воздухѣ, и благодаря этому, Луизѣ-Отто удалось, при содѣйствіи двѣацы Августы Шмидтъ, одной изъ лейпцигскихъ учительницъ, и нѣсколькихъ другихъ дамъ, основать въ Лейпцигѣ въ 1865 году первое въ Германіи «женское образовательное собраніе», въ которомъ каждыя двѣ недѣли происходили вечернія бесѣды, посвященныя образованію бѣдныхъ работницъ и помогавшія болѣе тѣснымъ сношеніямъ нуждающихся въ работѣ между собою. На этихъ вечерахъ женщины читали лекціи по самымъ разнообразнымъ отраслямъ науки, происходили литературныя чтенія, преподавалась музыка и пѣніе. При этомъ же собраніи въ скоромъ времени была открыта и женская воскресная школа, въ которой преподавались элементарныя науки, французскій языкъ и сверхъ того посѣтительницъ обучали разнымъ рукодѣльямъ, по болѣе части бесплатно. Первый усѣхъ ободрилъ учредительницъ, и такъ-какъ въ уставѣ «Образовательнаго собранія» находился параграфъ, которымъ учредительницы предоставляли себѣ право открыть въ случаѣ надобности общую конференцію женщинъ-пѣмокъ изъ различныхъ германскихъ государствъ, то въ половинѣ октября того же 1865 года собраніе приступило къ созванію такой конференціи. Участники на эту конференцію съѣхалось множество со всѣхъ концовъ Германіи; явилось и нѣсколько мужчинъ, спеціалистовъ по женскому вопросу, какъ наримѣръ, профессоръ Эггартъ, Гейрихъ и т. д. Въ этомъ собраніи было между прочимъ объявлено по предложенію Эггарта, что съ этихъ поръ женщина должна смотрѣть на работу, которая есть главное основаніе новаго общества, не только какъ на прямую свою обязанность, но и какъ на почесть, почему собраніе, признавъ за женщинами право на трудъ, счи-

тасть необходимымъ удалить всё, могущія встрѣтиться для до-
стиженія этой цѣли препятствія». Время произнесения этихъ
словъ должно считаться для Германіи эпохой въ исторіи жен-
скаго вопроса. Съ него начинается его твердое вступленіе на
практическую и экономическую почву. Конференція, о которой
мы говорили, основала между прочимъ свой литературный ор-
ганъ, газету «Новые Пути», издательницей которой стала Луиза-
Отто вмѣстѣ съ Августой Шмидтъ, а редакторомъ нѣкто Мюль-
фельдтъ.

Луиза-Отто писала по женскому вопросу много и прежде осно-
ванія «Новыхъ Путей», но, какъ писательница, она далеко не
такъ замѣчательна, какъ по своей практической дѣятельности.
Взгляды ея на женскій вопросъ отличаются узкостью, глубина
воззрѣній на этотъ вопросъ послѣдователей Лассала (напримѣръ
о томъ, что раздѣленіе труда на мужской и женскій — неправиль-
но, и поднятіе послѣдняго въ ущербъ первому до общей пра-
вильной организаціи труда вообще, едва-ли приведетъ къ чему
либо существенному) ей недоступна, знанія ея въ политическіяхъ
и социальныхъ наукахъ весьма бѣдны (въ настоящемъ ея сочи-
неніи, напримѣръ, направленномъ противъ сторонниковъ Лас-
сала, попадаются между прочимъ такіе взгляды: «каждый муж-
чина можетъ *всегда и вездѣ* найти себѣ работу, *лишь бы только*
захотѣлъ, только лѣнныя, легкомысленныя, высокоумныя и по-
рочныя остаются безъ работы, но *за то* ихъ участь постыдна и
жалка). Самое изложеніе ея смутно, туманно и фразисто, аргу-
ментация мало доказательна и насквозь пропитана сентиментализ-
момъ и риторичностью. Поэтому произведенія ея для того, чтобы
они могли быть полезными для русскихъ читательницъ и вообще
для женскаго вопроса въ Россіи, слѣдуетъ не переводить, а пе-
редѣлывать, выкидывать все неведущее къ дѣлу, всё неудач-
ныя риторическія украшенія, все цвѣтисто-сентиментальное пу-
стословіе и дополнять всё ея ложныя мнѣнія объясненіями и при-
мѣчаніями.

Русская переводчица разбираемой нами книги, скрывшая изъ
скромности свое имя, ничего этого не сдѣлала. Переводъ ея —
образецъ идеальной безграмотности. Приведемъ для доказатель-
ства первыя страницы брошюры, прочитавъ которыя самый снисхо-
дительный читатель едва-ли рѣшится не бросить книгу и про-
честъ ее до конца.

«Призваніе женщины! сколько прекрасныхъ картинъ рисуется
нашему воображенію при звукѣ этихъ словъ!

Передъ вами тотчасъ же является невѣста въ *блестящемъ*
платѣ, съ зеленымъ вѣнкомъ изъ миртъ (1), съ развивающимся
вуалемъ на изящно причесанныхъ волосахъ, подъ руку съ же-
нихомъ, обвуженная подругами, благословляемая *двойною парею*
родителей, она идетъ свадебнаго торжества. Все вниманіе обра-
щено только на нее, всё спѣшаютъ заявить ей свои поздравленія

она царица праздника, эти цвѣты, гирлянды, пѣсни, все это относится *только къ ней*. Женихъ, какъ водится, одѣтъ въ черное, въ *непоэтический цвѣтъ*, дѣлается незамѣтнымъ и занимаетъ второстепенное мѣсто, все же вниманіе, всё доказательство привязанности и *удивленій* (1), обращаемыхъ на невѣсту, не говорятъ ли жениху, какое *сокровище* приобрѣтается имъ.

Ничѣмъ не уступаетъ первой картинѣ слѣдующая: когда жена въ простомъ, но изящномъ нарядѣ хлопочетъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ. Все (1) что только окружаетъ ее, все ново и *послѣдней* моды, только что вышло изъ фабрикъ или рукъ ремесленниковъ. И не только комнаты убраны *искусною рукою любви*, но даже кухня не уступаетъ (чему?) своею *миловидностью* и опрятности. На простой деревянной посудѣ еще нельзя замѣтить даже и пятнушка, жестяная даже блеститъ, плита и самоваръ такъ чисты, какъ будто сажа и дымъ къ нимъ не прикасались. Какъ бываетъ приятно хозяйкѣ, когда *послѣ постоянно перехода отъ одной вещи къ другой*, она знаетъ, что когда все будетъ готово къ обѣду, многолюбимый ею мужъ при(и)детъ и найдетъ его такимъ, какого онъ не ѣдалъ ни въ одной изъ лучшихъ гостинницъ. Вотъ мужъ возвратился домой отъ своихъ занятій, сидя вмѣстѣ съ ней за столомъ, который она сама накрыла; онъ цалуеъ ей руку, ту, которая за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ обожглась, можетъ быть, по его же милости; ѣсть онъ съ аппетитомъ, все находитъ вкуснымъ. Кончился обѣдъ, и мужъ въ *объятіяхъ* (курсивъ въ подлинникѣ) жены, отдыхаетъ часикъ отъ занятій и неприятностей, не долженствующихъ проникнуть въ этотъ уголокъ любви. Какъ щедро вознаграждена въ это время жена, въ какомъ розовомъ свѣтѣ представляется ей тогда ея положеніе! Что въ сравненіи съ этими упительными минутами, ея бывшія дѣвическія удовольствія и т. д. и т. д.»

Неправда-ли, что вся эта тирада нѣсколько пошла? Пошла она, конечно, и въ оригиналѣ, но всякій догадливый читатель легко смекнетъ, что самый букетъ пошлости принадлежитъ переводу. Читая эти *картины*, такъ и видишь передъ собою всей русской публикѣ извѣстную Олимпиаду Самсоновну изъ «Своихъ людей» Островскаго, мечтающую о кавалерахъ-мужчинахъ, изъ которыхъ нѣкоторые сами не знаютъ какъ блеснуть очаровательнѣе... Обороты фразъ, манера изложенія—все здѣсь ее напоминаетъ до того, что такъ и кажется, что переводчица этой книги и есть сама Олимпиада Самсоновна...

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ОБЪ УБИТОЧНОСТИ ВОЙНЪ.

(LEBOY BRAULIEN, LES GUERRES CONTEMPORAINES, 1868. Revue Nationale, février.)

Статистика военных потерь, за ближайшій къ намъ періодъ времени, далеко еще не вполне разработана. Число убитыхъ, раненныхъ и больныхъ хотя и публикуется, но официальные документы, въ которыхъ содержатся эти цифры, нерѣдко противорѣчатъ другъ другу и страдаютъ крайнею неполнотою. Только крымская война, насколько участвовали въ ней западныя державы, шлезвигская и особенно американская (1862—65) изслѣдованы довольно тщательно. Официальные донесенія о крымской войнѣ, доставленные англійскому парламенту, замѣчательная книга доктора Шеню, различные мемуары, составляющіе описаніе возстанія южныхъ штатовъ (*Medical and surgical history of rebellion*), недавно изданное изслѣдованіе доктора Лѣффлера о шлезвигской кампаніи, представляютъ собою труды, отличающіеся научною строгостію. Къ сожалѣнію, документы относительно другвхъ войнъ не представляютъ ни той глубины, ни той вѣрности. Свѣдѣнія о потеряхъ русскихъ въ крымскую кампанію до сихъ поръ еще не вполне обнародованы.

Что касается до матеріальныхъ, денежныхъ потерь, то и ихъ трудно привести въ совершенную извѣстность. Чтобы узнать, какую массу произведеній народнаго труда поглотила та или другая война, высчитываютъ обыкновенно военный бюджетъ ратующихъ и заинтересованныхъ въ войнѣ государствъ и сравниваютъ его съ бюджетомъ тѣхъ же государствъ въ мирное время, обращаютъ вниманіе на возвышеніе налоговъ, на увеличеніе государственнаго долга, добровольныя и принудительныя пожертвованія частныхъ лицъ, на опустошеніе полей и разореніе селеній, на гибель военныхъ и торговыхъ кораблей. Но многое ускользаетъ отъ статистическаго изслѣдованія: вмѣстѣ съ прямыми, положительными потерями, слѣдовало бы обращать вниманіе на потери косвенныя, заключающіяся въ застоѣ промышленной и торговой дѣятельности воюющихъ и заинтересованныхъ въ войнѣ народовъ, въ утратѣ богатыхъ умственныхъ и нравственныхъ силъ, способныхъ на самую плодотворную дѣятельность.

Деруа Вольѣ въ статьѣ своей «*Les guerres contemporaines*» пытается рѣшить вопросъ: чего стоили цивилизованнѣмъ народамъ стараго и новаго свѣта замѣчательнѣйшія войны, начатыя

и оконченна въ послѣдніе 15-ть лѣтъ (1853—1867). Результаты, въ которыхъ приходитъ этотъ статистикъ, далеко не утѣшительны: оказывается, что войны крымская, итальянская (1859), американская (1862—1865), шлезвигская, германская (1866) и отдаленныя военныя экспедиціи французовъ поглотили сумму капиталовъ въ 48.000,000,000 франковъ и стоили жизни болѣе, чѣмъ 1.700,000 человекъ. И эти громадныя цифры — говорятъ тотъ же авторъ — гораздо ниже дѣйствительности! Трудъ Леруа Болѣе касается лишь нѣкоторыхъ прямыхъ потерь, причиненныхъ войнами; но и тѣ немногія свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ, не лишены интереса. Попробуемъ передать въ краткихъ словахъ содержаніе статьи Болѣе, написанной для французской публики, столь высоко цѣнящей военную славу, по еще не вполне узнавшей, во что она обходится народамъ, написанной и для правительства, которое, по чувству ложнаго стыда или по другой какой-либо причинѣ, такъ склонно скрывать или, по крайней-мѣрѣ, уменьшать жертвы, приносимыя имъ безжалостному Марсу.

Крымская кампанія.

Потери союзниковъ. Французская армія должна была бороться съ тремя врагами: холерой, дингой и непріятельскимъ огнемъ. Въ сентябрѣ 1854 года, еще не видавъ непріятеля, она потеряла уже 8,084 человекъ, большею частію отъ холеры (Шеню, 622). Впродолженіе всей кампаніи, болѣзни похитили у Франціи вчетверо больше солдатъ, чѣмъ огонь русскихъ. Вотъ точныя цифры потерь французской арміи, по доктору Шеню:

	Больные.	Умершіе.
Въ больницы и походные госпитали поступило съ 1-го апрѣля по 20-е сентября.	18,073	8,084
Въ походные госпитали въ Крыму и Турціи, вѣвъ Константинополя, поступило	221,225	29,025
Въ константинопольскіе госпитали поступило	162,029	27,281
Убито непріателемъ или пропало безъ вѣсти		10,240
Умерло вѣвъ госпиталей		4,342
Вступило во флотскіе госпитали	34,817	846
Умерло во Франціи до 31-го декабря 1857, вслѣдствіе ранъ, полученныхъ во время войны		15,025
Прочіе		702
	<hr/>	
	436,144	95,615

И такъ изъ 309,268 человекъ, отправленныхъ на Востокъ, погибло 95,615; число же случаевъ заболѣванія почги въ пол-

тора раза превышает число солдатъ. Только 25,000 умерло отъ ранъ или погубло на полѣ сраженія; конечно, это счастливыя, въ сравненіи съ семьюдесятью тысячами жертвъ холеры, тифа, гнилаго больничнаго воздуха, погибшихъ большею частію не выдавъ поля сраженія, угасшихъ томительною смертію, не утѣшая себя даже воспоминаніями о какихъ-либо собственныхъ славныхъ подвигахъ. Нельзя думать также, что 214,000 солдатъ, оставшіеся въ живыхъ и возвратившіеся на родину, возвратились такими же здоровыми, какими оставили ее. Нельзя думать, чтобы эти 30,000 еще не умершихъ отъ ранъ, эти 10,000 больныхъ холерою, вышедшіе изъ турецкихъ госпиталей, всѣ эти больные, истощенные скорбутомъ, диссентеріей и множествомъ другихъ болѣзней, принесли странѣ своей тѣ силы, которыя разъ навсегда были ими утрачены. Изъ 214,000 человекъ, проведенныхъ столько времени въ госпиталяхъ и потомъ воротившихся во Францію, по крайней-мѣрѣ, четверть, а можетъ быть и цѣлая половина навсегда остались съ слабымъ и ненадежнымъ здоровьемемъ.

Потери англійской арміи менѣе значительны. Изъ 97,864 человекъ, отправленныхъ въ Крымъ, погубло у англичанъ всего 22,182 человекъ; причиной тому было улучшение во вторую половину кампаніи санитарной части и войсковой администраціи. Но болѣзни сильно свирѣпствовали и въ англійской арміи:

Больныхъ горячкою, лихорадкой и другими болѣзнями было	144,410	
Умерло въ госпиталяхъ		16,298
Убито на полѣ сраженія		2,756
Ранено	18,283	
Умерло на морѣ		1,282
Всего	162,693	22,182

Изъ 12,000 войска, отправленнаго въ Крымъ сардинскимъ королемъ Викторомъ-Эммануиломъ:

убито непріателемъ	12
умерло отъ ранъ	16
умерло отъ различныхъ болѣзней въ Крымъ	1,720
умерло въ босфорскихъ госпиталяхъ	446
Всего	2,144

Это составляетъ 10⁰/₀, несмотря на то, что сардинцы не принимали дѣятельнаго участія въ осадѣ.

Потери турокъ могутъ быть опредѣлены лишь приблизительно. Докторъ Шеню полагаетъ, что число турокъ, убитыхъ подъ Севастополемъ, на Дунаѣ и въ Валахіи, простирается до 10,000, число же погибшихъ отъ болѣзней до 25,000.

Потери русскихъ не приведены еще въ совершенную извѣст-

ность. Докторъ Шеню, и за нимъ Леруа Больё, полагаютъ, что въ Крыму и на Дунаѣ убито русскихъ 30,000, отъ болѣзней же и равъ умерло не менѣе шестисотъ тысячъ. Первая цифра, безспорно, больше дѣйствительной, вторая, вѣроятно, меньше ея.

Въ защиту этой громадной цифры смертности отъ болѣзней, Леруа Больё говоритъ слѣдующее: «Число это, на первый разъ, кажется преувеличеннымъ, но по нѣкоторомъ размысленіи, мы найдемъ, что оно опирается на весьма законныхъ наведеніяхъ. Прежде всего слѣдуетъ взять въ расчетъ значительные рекрутскіе наборы, сдѣланные во время войны: въ теченіе двухъ лѣтъ набрано было въ рекруты пять процентовъ всего податнаго мужскаго населенія, что должно составить громадную цифру, болѣе милліона. Слѣдуетъ припомнить, что болѣе большая часть этихъ рекрутовъ, чтобы достигнуть Севастополя, должны были пройти по тысячѣ, даже по двѣ тысячи и болѣе верстъ по мѣстностямъ, въ которыхъ дороги рѣдки и населеніе бѣдно. Слѣдуетъ, наконецъ, припомнить громадныя потери русскихъ въ пренія войны. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ офицеровъ генеральнаго штаба, баронъ Мольтке, въ своей монографіи о войнѣ Россіи съ Турціей въ 1828—29 говоритъ:—Въ десять мѣсяцевъ, съ мая 1828 года по февраль 1829, русская армія, состоявшая изъ 100,000 человѣкъ, насчитывала въ госпиталяхъ и походныхъ лазаретахъ 210,108 случаевъ заболѣванія, то-есть по два случая на человѣка, между тѣмъ, какъ французская армія въ Крыму въ теченіе двухъ лѣтъ насчитывала только 150 случаевъ заболѣванія на 100 человѣкъ. Мольтке прибавляетъ, что во время одной лишь кампаніи 1828 года, русскіе потеряли половину всей своей дѣйствующей арміи. Въ маѣ 1829 года каждую недѣлю въ госпитали вступало по 1,000 человѣкъ; въ іюлѣ въ госпиталяхъ помѣщалось уже сорокъ тысячъ человѣкъ, то-есть почти половина всей арміи; въ пять мѣсяцевъ, съ марта по іюль 1829, умерло отъ болѣзней 28,746; въ слѣдующіе мѣсяцы смертность усилилась, и Мольтке опредѣляетъ потерю русскихъ въ продолженіе этой короткой кампаніи въ 60,000, между тѣмъ, какъ вся отправленная на Дунай армія не превышала 100,000. Только 15,000 человѣкъ могли перейти обратно Прутъ. За неизмѣнимъ точныхъ свѣдѣній о потеряхъ русскихъ въ крымскую кампанію, мы считали своею обязанностію привести эти цифры, заимствованныя изъ весьма ученаго и замѣчательнаго труда: цифры эти послужатъ намъ для сравненія и оправдаютъ выводъ, сдѣланный докторомъ Шеню. Подобныя громадныя потери весьма обыкновенны для русскихъ войскъ: въ польскую кампанію 1831 года, въ венгерскую войну 1848 года онѣ были, сравнительно, не меньше. Кавказская армія, говорятъ, теряетъ (теряла?) по 20,000 человѣкъ въ годъ, и полагаютъ, что съ того времени, какъ началась борьба русскихъ съ кавказскими горцами, Россія потеряла около 500,000 человѣкъ (Quarterly Review, March 1854). Если вѣрить барону Гакстаузену, восторженному поклоннику

Россіи, то въ прежнія времена половина рекрутъ умирала отъ утомленія, болѣзней и тоски, а теперь отъ этихъ же причинъ умираетъ третья часть ихъ. Всѣ эти данныя достаточны для того, чтобы оправдать выводъ доктора Шеню, полагающаго, что крымская война унесла 650,000 русскихъ».

Дѣйствительно, услія Россіи были громадны: въ теченіе двухъ только лѣтъ (1854—1855) объявлено было четыре рекрутскихъ набора; въ 1854 году сначала взято было по 9 человѣкъ съ тысячи душъ, потомъ по десяти, въ 1855 году объявленъ былъ общій рекрутскій наборъ во всей Россіи, по 10 человѣкъ съ тысячи, и въ томъ же году собрано было ополченіе, для котораго взято по 23 человѣка съ тысячи. Хотя первые два набора были частные, все же каждый изъ нихъ далъ не менѣе 100,000 человѣкъ; общій же наборъ далъ не менѣе 200,000, ополченіе еще болѣе этой цифры. Многие изъ новобранцевъ возвратились на родину, неизвѣстно, по вѣрно то, что тифъ свирѣпствовалъ, какъ въ южной, такъ и въ западной арміи необыкновенно сильно.

Вотъ что говорить, на основаніи официальныхъ данныхъ, о потеряхъ Россіи въ крымскую кампанію г. Обручевъ въ прекрасной статьѣ своей «Иванъа крымской войны».

Имѣя въ виду, что климатъ древней Дакии (Молдавіи и Валахій) вредно дѣйствуетъ на войска, въ ней расположенныя, русское правительство, чтобы не повторилась исторія 1828—29 годовъ, приняло важныя мѣры предосторожности: улучшило содержаніе солдатъ, запасло для нихъ лекарствъ, увеличило штатъ лекарей. Цѣль была отчасти достигнута, ибо смертность въ дѣйствующей арміи въ 1853 году оказалась менѣе значительною, чѣмъ въ 1828—29. Къ 1-му ноября 1853 года въ двухсоттысячной арміи, находившейся подъ начальствомъ князя Горчакова, больныхъ и раненныхъ:

Въ госпиталѣхъ и лазаретахъ при войскахъ состояло	7,778
Съ 1 ноября 1853 по 1 ноября 1854 года	
вновь прибыло	262,378
выздоровѣло	159,324
передано въ другіе госпитали	79,711
умерло	15,706
состоить	15,415

Цифра больныхъ относительно двухсоттысячной арміи вышла довольно значительная; но это, во первыхъ, потому, что лихорадки поражали часто однихъ и тѣхъ же людей нѣсколько разъ, во вторыхъ потому, что одни и тѣ же больные, переходя изъ одной линіи госпиталей въ другую, вслѣдъ были отмѣчаемы, какъ вновь прибывшіе, и увеличивали собою общій итогъ поступившихъ по всѣмъ госпиталѣмъ. За то смертность по справедливости можно считать умеренною. Она была бы еще менѣе значительною, еслибы больныхъ можно было удерживать до выздоровленія въ

тѣхъ госпиталяхъ, куда они первоначально прибыли. Но внезапное отступление русской арміи изъ Дунайскихъ Княжествъ заставило вывести бѣольшую часть госпиталей изъ прежнихъ районовъ, больныхъ пришлось перевозить на весьма большія пространства, иногда за 600 верстъ: вотъ причина, почему, несмотря на то, что съ отступленіемъ за Дунай число заболѣвшихъ уменьшилось, смертность увеличилась. Изъ наличнаго числа людей заболѣвало:

въ іюлѣ	1 изъ 11,	въ августѣ	1 изъ 12
въ сентябрѣ	1 » 21,	въ октябрѣ	1 » 34

Изъ наличнаго числа больныхъ умирало:

въ іюлѣ	1 изъ 26 ⁴ / ₅ ,	въ августѣ	1 изъ 20 ² / ₅
въ сентябрѣ	1 » 12 ¹ / ₄ ,	въ октябрѣ	1 » 9 ⁶ / ₇

Только съ прибытіемъ госпиталей на мѣсто, смертность начала уменьшаться.

Край, гдѣ все было устроено для борьбы съ неблагопріятнымъ вліяніемъ, русскія войска должны были оставить, чтобы вступить въ страну, лишенную необходимыхъ пособій для призрѣнія больныхъ, гдѣ все нужно было создавать заново. Губерніи Херсонская, Таврическая и Екатеринославская заселены очень рѣдко. Здѣсь на 3,700 квадратныхъ миляхъ живетъ всего два съ половиною милліона народа, слѣдовательно, на квадратную милю приходится среднимъ числомъ не болѣе 650 человекъ; война же съ четырьмя державами заставила Россію содержать въ этомъ краю войско въ 250,000 человекъ и до 50,000 больныхъ. Ни помѣщеніе, ни продовольствіе и снаряженіе арміи не могли быть удовлетворены мѣстными средствами: необходимы были подвозы продовольствія изъ далевихъ мѣстъ, но подвозы эти затруднялись дурными въ высшей степени дорогами.

Кромѣ этихъ двухъ причинъ, т.-е. недостатка собственныхъ средствъ страны и затруднительности доставки въ нее жизненныхъ припасовъ, были еще многія другія причины значительной смертности въ войскахъ. Самый ходъ войны, сопровождавшійся быстрымъ приливомъ въ госпитали раненныхъ, требовавшихъ особаго ухода, долженъ былъ затруднять положеніе арміи, особенно когда число раненныхъ возрасло до двухъ тысячъ человекъ въ сутки. Трудно было въ подобную печальную пору создать разомъ необходимое для раненныхъ и больныхъ число хирурговъ, врачей, аптекарей, фельдшеровъ, служителей, найти имъ помѣщеніе, одежду, кровати, матрасы, посуду, организовать все это хозяйство и учредить правильный надзоръ за нимъ. Быстрый приливъ раненныхъ долженъ былъ содѣйствовать увеличенію потерь.

Много повредила также русской арміи недобросовѣстность многихъ служебныхъ лицъ, находившихся въ ближайшемъ соприкосновеніи съ ранеными. Если бы все, что отпускало арміи государство и жертвовало щедрою рукою народъ, доходило по назначенію, то навѣрное тысячи людей были бы сбережены отече-

ству. Къ сомалѣнію, при быстротѣ, съ какою должны были формироваться госпитали и этапные пункты, невозможно было подвергать ихъ ежеминутному строгому контролю: и вотъ нашлись люди, которые въ минуту общественныхъ бѣдствій думали больше о собственныхъ интересахъ, чѣмъ о страданіяхъ больныхъ солдатъ и объ интересахъ отечества. Послѣ всего сказаннаго неудивительны слѣдующія цифры: до 1-го ноября 1854 года состояло во всѣхъ крымскихъ госпиталяхъ 10,860 челов., въ томъ числѣ раненныхъ и контуженныхъ было 4,856: вновь прибыло 500,564, въ томъ числѣ раненныхъ и контуженныхъ 191,772.

въ томъ числѣ раненныхъ
и контуженныхъ:

Передано въ другіе госпитали	273,791	135,485
отчислено въ южн. армію	3,749	979
умерло	48,268	14,671
состоятъ	29,594	8,671

Несмотря на громадность общей цифры 500,000 больныхъ, она нисколько не поражаетъ насъ: напротивъ, если отнять отъ нея всѣхъ раненныхъ, то остатокъ въ 300,000 человекъ можно считать весьма умѣреннымъ, особенно принявъ въ соображеніе, что войска, прибывшія въ Крымъ, были изнурены продолжительными переходами, и должны были нести въ Севастополѣ тяжелыя работы; наконецъ самый вліятель полуострова не лишенъ своихъ особенныхъ лихорадокъ. По отзыву французскаго доктора Водена, капуста и свѣжая говядина предохраняли, сколько могли, русскую армію отъ скорбута. Но многіе жизненные припасы не поступали по назначенію: тысячи пудовъ сухарей гнили при перевозкѣ отъ одного магазина къ другому, въ ожиданіи, чтобы ихъ хоть гдѣ-нибудь приняли. Провіантское вѣдомство, неизвѣстно почему, добровольнымъ приношеніямъ народа предпочитало запасы, заготовленные сполна на счетъ казны.

По вышеприведенной таблицѣ, число раненныхъ въ Крыму простиралось до 200,000, число умершихъ до 63,000. Но эти цифры менѣе дѣйствительныхъ. Число больныхъ и раненныхъ, не лечившихся въ крымскихъ госпиталяхъ, а вывезенныхъ изъ Крыма, составляетъ, какъ видно изъ таблицы, болѣе половины всего числа поступившихъ въ госпитали, а именно 273,791 изъ 500,564. Судьба этихъ вывезенныхъ не приведена въ извѣстность: среди громадной перевозки трудно было соблюсти правильную отчетность. Повозки, переполненные ранеными и больными, двигались иногда сотни верстъ, прежде чѣмъ находили въ какомъ-нибудь госпиталѣ свободное мѣсто для ихъ принятія. Зачастую въ голой степи непогода заставляла эти караваны несчастныхъ; лошади и воли, измученные дурной дорогой, останавливались какъ вкопанные, а вблизи ни жилья, гдѣ бы можно было укрыть больныхъ, ни дровъ, чтобы ихъ обогрѣть, ни пищи, чтобы подкрѣпить ихъ силы. До

этапа далеко; лекарю же съ нѣсколькими стеклянными микстуры и хирургическимъ ножемъ спасать больныхъ было невозможно. Больные должны были, такимъ образомъ, часто пропадать безъ вѣсти, не попадая ни въ одинъ изъ госпитальныхъ отчетовъ: въ одномъ госпиталѣ они были исключены выбывшими, въ другомъ— не были приняты прибывшими, и цифра ихъ исчезала изъ медицинской статистики.

Въ южной арміи, за отбытіемъ части ея въ Крымъ, оставалось 100,000 человекъ. Изъ нихъ къ 1 ноября 1854 г. состояло 3,303, въ госпиталяхъ 13,856, всего 17,159 человекъ. Съ 1-го ноября 1854 г. по 1-е ноября 1855 года

вновь прибыло	211,411
выздоровѣло	154,216
умерло	42,410
переведено въ другіе госпитали	17,899
состоить	14,045

Всего значительнѣе смертность отъ болѣзней была въ арміи, расположенной въ Литвѣ, Польшѣ и Волынской губ. и состоявшей изъ 130—150,000 человекъ. Къ 1 ноября 1854 г. больныхъ холерою, тифомъ, лихорадкой и другими болѣзнями было 22,144. Съ 1-го ноября 1854 по 1 ноября 1855 г.

вновь прибыло	265,853
выздоровѣло	227,651
выведено	5,290
умерло	40,725
состоить	14,331

Если изъ общаго числа больныхъ исключить всѣхъ захворавшихъ перемежающеюся лихорадкой и небывавшихъ въ госпиталѣ нѣсколько разъ, то все же больныхъ окажется 200,000, другими словами: вся армія переохворала*. Если же изъ общей цифры умершихъ исключимъ 8,300, значащихся въ отчетѣ не принадлежащими къ арміи, то за тѣмъ сдѣлаемъ прибавку въ 4,000 на убыль изъ оставшихся еще больными, на выписавшихся изъ госпиталей чахоточныхъ, отправленныхъ на родину, то итогъ

* Замѣчательно распредѣленіе больныхъ. Съ 1 ноября 1854 по 1 ноября 1855 года въ арміи, расположенной въ Литвѣ, Польшѣ и въ Волынской губерніи, захворало:

Перемежающеюся лихорадкой	59,406	умерло изъ нихъ	186
Тифозною горячкою	87,462	» » »	7,681
Холерой	28,474	» » »	12,766
Водячкою	12,888	» » »	4,114
Поносомъ	16,221	» » »	4,800
Изнурительною лихорадкой	4,120	» » »	8,200
Чахоткой	6,451	» » »	4,489
	<hr/>		<hr/>
	159,957		36,986

смертности представится намъ въ видѣ огромной цифры 36,400 человѣкъ.

И такъ русская армія въ крымскую кампанію потеряла убитыми и умершими отъ ранъ и болѣзней, около 143,000 человѣкъ, а именно:

дѣйствующая армія подъ командою кн. Горчакова	15,706
крымская армія	48,268
южная	42,410
западная	36,400

Всего 142,784

Случаевъ же заболѣванія въ ней было болѣе милліона двусотъ тысячъ. Если къ рѣшенію вопроса о числѣ жертвъ войны приложить методъ доктора Шеню, который, не довольствуясь вычисленіемъ умершихъ во время кампаніи, слѣдитъ за больными и ранеными нѣсколько времени послѣ нея, и вычисляетъ умершихъ отъ ранъ и болѣзней по возвращеніи на родину, то, конечно, получится цифра умершихъ русскихъ гораздо бѣльшая, чѣмъ приведенная нами выше (142,784); но для такого изслѣдованія еще нѣтъ достаточнаго количества официальныхъ данныхъ. Статистика русскихъ военныхъ потерь въ крымскую кампанію—еще въ будущемъ.

И такъ всѣ потери людьми, по имѣющимся до сихъ поръ свѣдѣніямъ, простираются до слѣдующихъ цифръ:

	УБИТО:	УМЕРЛО ОТЪ РАНЪ И ВО- ЛѢЗНЪ:	ВСЕГО ПО- ГИБЛО:
французская армія (1854—56)	10,240	85,375	95,615
англійская » (1854—56)	2,755	19,427	22,182
пьемонтская » (1855—56)	12	2,182	2,194
турецкая » (1853—56)	10,000	25,000	35,000
русская » по д-ру Шеню и Л.			
Большѣ (1853—56).	80,000	600,000 (?)	680,000
	<u>53,000</u>	<u>731,934</u>	<u>784,991</u>

Перейдемъ теперь къ матеріальнымъ денежнымъ потерямъ союзниковъ и русскихъ.

Англія старалась покрыть военныя издержки возвышеніемъ налоговъ, не прибѣгая къ займамъ; но не успѣла въ этомъ, и должна была занять не менѣе 41 мил. фунтовъ стерлинговъ. Государственные же расходы Англіи за все время крымской войны увеличились въ слѣдующей прогрессіи:

	гражданское управ- леніе:	военное управ- леніе:	морское управленіе:
1853	7.044,322	9.685,079	6.640,596
1854	7.638,650	12.397,273	12.182,769
1855	8.435,832	29.377,349	19.014,708
1856	8.392,622	25.049,825	16.013,995
1857	9.839,325	15.107,249	10.390,000

Если принять бюджетъ 1853 года за нормальный (а онъ даже выше прежнихъ бюджетовъ), то окажется, что англійское правительство, благодаря войнѣ, издержало лишнихъ 74.230,468 фунт. стерлинг. или 1.855.761,700 фр. *.

Военный бюджетъ Франціи на 1854 г. рассчитанъ былъ въ 308.886,046 фр., морской—въ 116.476,001 фр.—цифры, которыя можно считать нормальными. На самомъ же дѣлѣ истрачено въ 1854 году на войско 567.245,687 фр., на флотъ—175.088,126 фр., кромѣ того чрезвычайныхъ расходовъ было въ этомъ году 2.797,301 фр.

	на войско:	на флотъ:	чрезвычайные расходы:
1855 издержано	865.607,477	212.677,474	68.821,804
1856 »	693.153,176	220.163,567	5.555,146
1857 »	410.919,408	138.962,467	4.862,431

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что восточная война обошлась Франціи деньгами болѣе чѣмъ, въ 1,660 мил. франк. **. Всѣ эти издержки не могли быть покрыты займами; правительство должно было прибѣгнуть къ увеличенію налоговъ на спиртные напитки, на пассажирскія мѣста и перевозку тяжестей по желѣзнымъ дорогамъ, на землю (вторая военная десятина, une seconde décime de guerre), налоговъ, которые долго и послѣ войны тяготѣли, а отчасти и теперь тяготѣютъ надъ народомъ. Самое великое зло, причиняемое войнами, то, что онѣ надолго разстроиваютъ хозяйство народовъ и государствъ.

Лучшимъ доказательствомъ этой истины можетъ служить, между прочимъ, Пьемонтъ. Въ окончательномъ отчетѣ за финансовый 1856 г. значатся слѣдующіе расходы на восточную войну:

по военному министерству	44.948,524
» морскому »	7.959,062
Всего	52.907,568 фр.

И такъ, это небольшое государство, кромѣ своихъ обыкновенныхъ издержекъ на войско, употребило на военные надобности около 53.000,000, и должно было сдѣлать два займа: одинъ въ 2 мил. фунт. стерл., другой въ 30 мил. фр.

Издержки Турціи не приведены въ извѣстность. Впрочемъ, Пужадъ полагаетъ, что это государство истратило не менѣе 400 мил. фр. (по Кольбу, 740 мил. фр.).

Объ издержкахъ Россіи въ крымскую кампанію можно судить по слѣдующимъ даннымъ. Отверженный долгъ Россіи въ началѣ

* На военное вѣдомство издержано было въ 4 года (1854—57) 81.931,696 фунт. ст., на морское — 64.241,462, всего 146.173,158 ф. ст. Еслибы не было войны, то на армію издержано было бы 38.740,316 ф. ст. на флотъ около 26.000,000 фунтовъ.

** По Кольбу, 1,722 мил.

1853 года простирался до 336.219,412 руб. сереб.; въ 1857 г. онъ достигъ уже 522 мил. руб. сер. Кромѣ того, кредитныхъ билетовъ до 1853 г. было въ обращеніи около 300 мил. р. с.; въ 1856 году ихъ было уже на 689 мил. руб. сер., въ 1857 г. болѣе 735 мил. р. И такъ, благодаря войнѣ, количество бумажныхъ денегъ увеличилось на 435 мил.; весь же процентный и безпроцентный долгъ на 620 слишкомъ мил. руб.

Кромѣ того, во время войны извлечена была часть металлическаго фонда, предназначеннаго на обезпеченіе кредитныхъ билетовъ (всего извлечено 46½ мил. руб. сер.), и реализирована ссуда, выданная Россіей въ 1847 г. французскому правительству, всего 50 мил. фр. Далѣе: правительство нашлось вынужденнымъ употребить на военныя издержки множество вкладовъ, вѣреныхъ различнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, какъ, на примѣръ, Воспитательному Дому. Необходимымъ также оказалось увеличить налоги, на примѣръ, на соль, табакъ и многіе другіе предметы, увеличить и натуральныя повинности. Кромѣ всего этого слѣдуетъ взять въ расчетъ пожертвованія духовенства (святѣйшій синодъ пожертвовалъ, по словамъ Леруа Больё, въ началѣ 1854 г. около 80 мил. фр. или 20 мил. руб. сер.), дворянства и другихъ сословій. Всѣ эти добровольныя приношенія отдѣльных лицъ и сословій оцѣнываются въ 360 мил. фр.

Принявъ въ расчетъ все вышесказанное, можно смѣло положить, что матеріальныя потери русскихъ въ крымскую войну простирались до 4.000.000,000 франк. или до миллиарда рублей серебромъ.

Не только ратовавшія, но и нейтральныя державы должны были увеличить свои бюджеты. Нейтральная Австрія на приготовленія къ войнѣ истратила въ 3 года не менѣе 137.129,000 флориновъ или 343 мил. фр. Пруссія съ тою же цѣлью сдѣлала заемъ въ 30 мил. талеровъ или 112½ мил. франк. (правда, не всѣ эти деньги истрачены были ею на военныя приготовленія). Издержки всѣхъ нейтральныхъ государствъ можно опредѣлить въ 500 мил. франковъ.

Но все сказанное еще не даетъ полнаго и вѣрнаго понятія о дѣйствительныхъ потеряхъ, причиненныхъ крымскою войною. Необходимо обратить вниманіе на застои промышленности и торговли, на безпорядокъ, внесенный войною во всѣ экономическія отношенія народовъ, на пониженіе задѣльной платы, вслѣдствіе прекращенія многихъ работъ. Всѣ эти печальныя явленія, все это уменьшеніе благосостоянія народовъ составляетъ жертву, можетъ быть, несравненно болѣе значительную, чѣмъ прямыя расходы государствъ на содержаніе войска въ военное время.

Во время крымской кампаніи всего болѣе пострадали экономическіе интересы Россіи. Никогда, со времени «континентальной системы», русская торговля и промышленность не испытывали на себѣ до такой степени весь вредъ, причиняемый войною. Блокада всѣхъ приморскихъ портовъ не позволяла ни привозить въ

Россію, ни вывозить изъ нея товары моремъ; русскіе торговые корабли не могли удалиться отъ защищавшихъ ихъ крѣпостей и гнили стоя на якорѣ. Съ марта 1854 года, ни разу русскій торговый флотъ не показывался ни въ британскихъ, ни во французскихъ портахъ; тѣ же корабли, которые должны были зазимовать на чужбицѣ, были проданы, чтобы непріятель не захватилъ ихъ на возвратномъ пути (Blackwood Magazin 1 avril 1854). Торговые корабли, схваченные союзниками въ Балтійскомъ и Черномъ, даже въ Азовскомъ морѣ, гдѣ суда эти считали себя защищенными флотомъ, были разрушены. Трудно опредѣлить цѣнность этихъ судовъ и ихъ грузовъ; трудно опредѣлить также, на сколько уменьшилась цѣнность тѣхъ кораблей, которые во все время войны оставались въ бездѣйствіи и гнили въ гаваняхъ, не давая никакой прибыли съ затраченнаго на нихъ капитала. Даже нейтральныя торговыя суда не имѣли, во время войны, права входить въ русскіе порты, ни выходить изъ нихъ, если были нагружены русскими товарами. Въ Ригѣ, въ Одессѣ совершенно прекратилась обширная торговля льномъ, пенькой, маслянистыми сѣменами и хлѣбомъ. Правда, многіе изъ этихъ товаровъ могли идти за границу другимъ путемъ; но совершить длинное сухопутное странствіе изъ Одессы въ Марсель или изъ Риги въ Лондонъ не всѣ товары были въ состояніи, особенно же такіе громоздкіе, какъ хлѣбъ, ленъ, пенька. Во всякомъ случаѣ дороговизна провоза дожилась тяжелымъ бременемъ на русской промышленности. Вывозъ изъ Россіи въ Англію, ежегодно составлявшій цѣнность въ 90 мил. руб. сер., совершенно прекратился, и вся виѣшняя торговля была парализирована. Доказательствомъ могутъ служить слѣдующія цифры, взятія изъ Статистическаго Временника Россійской имперіи 1866 года:

	ОТПУЩЕНО ТОВА- РОВЪ:	ПРИВЕЗЕНО ТО- ВАРОВЪ:	СОБРАНО ТАМОЖЕН- НЫХЪ ПОШЛИНЪ:
въ 1847 . . .	136.997,591	74.016,101	30.651,337
» 1852 . . .	100.050,760	83.118,372	31.102,789
» 1853 . . .	137.406,637	89.231,205	26.951,560
» 1854 . . .	53.521,635	54.425,194	19.539,288
» 1855 . . .	27.524,534	56.173,434	16.672,765
» 1856 . . .	146.771,894	104.995,425	27.419,989

Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что 1853 и 1854 были урожайные годы, между тѣмъ, какъ Европа чувствовала въ это время недостатокъ въ хлѣбѣ; слѣдовательно, въ 1854 и 1855 годахъ можно было ждать отпуска весьма значительнаго и товаровъ могло бы быть продано на 270 мил. руб. вмѣсто 80 мил. Не говоримъ уже о 30 мил. таможенныхъ пошлинъ, которые не были собраны въ 1853—56 годахъ.

Но всего этого мало; благодаря частымъ наборамъ и сбору ополченія, у всѣхъ отраслей народнаго труда (особенно же у земледѣлія) отнято было гораздо болѣе полумилліона сильныхъ

рабочихъ рукъ. Полагая, что каждый работникъ своимъ трудомъ можетъ создать цѣнность въ 150 руб. сер. въ годъ, получимъ 75 мил. руб. сер., отнятыхъ у народнаго богатства.

Кто можетъ, наконецъ, вычислить ту потерю, на денежномъ и вексельномъ курсѣ, которую начала испытывать Россія уже въ 1853 году, тотчасъ по объявленіи войны? При одномъ извѣстїи объ объявленіи войны между западными державами и Россіей, курсъ на Парижъ упалъ въ Петербургѣ съ 4 фр. на 3 фр. 08 сантим., а впоследствии падалъ и ниже. Кто можетъ вычислить потери Россіи отъ разстройства всей экономической дѣятельности народа, отъ частныхъ банкротствъ, представляющихъ собою неизбежное слѣдствіе войны?

Конечно, и западныя державы дорого заплатились за свое желаніе повредить Россіи и унизить ее. Торговля и промышленность во всей Европѣ замедлилась; курсъ упалъ; производительность Франціи и особенно Англіи уменьшилась, вслѣдствіе уменьшенія вывоза изъ Россіи многихъ сырыхъ продуктовъ: шерсти, льна, пеньки, желѣза. Столь выгодный для Англіи молдо-валахскій рынокъ былъ надолго закрытъ для нея; торговля съ Турціею уменьшилась. Кромѣ того, при скудномъ урожаѣ, Англія и Франція нуждались въ хлѣбѣ, котораго Россія въ два года легко могла бы вывезти въ эти страны до двадцати милліоновъ четвертей. Но весь почти русскій хлѣбъ, предназначенный къ вывозу, былъ запертъ въ Одессѣ: союзныя войска, чтобы вредить русскимъ, заставляли голодать своихъ собственныхъ соотечественниковъ. Правда, торійскіе журналы заявляли, что заплативъ нѣсколькими шиллингами за гектолитръ дороже, можно закупить много хлѣба въ Америкѣ; но нѣсколькихъ шиллинговъ надбавки на гектолитръ пшеницы достаточно, чтобы заставить голодать многія сотни тысячъ работниковъ и многія тысячи ихъ оставить совершенно безъ работы. Мы не имѣемъ подъ руками данныхъ объ увеличеніи цѣны хлѣба въ Англіи въ 1855 г., но въ 1854 году кварталъ пшеницы стоилъ семьдесятъ два съ половиною шиллинга, между тѣмъ какъ въ 1853 г. — только 53 шил., въ 1852—40 шил. Не ясно ли, что, желая вредить Россіи, союзники вредили и себѣ?

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что восточная или крымская война 1853—56 г. стоила участвовавшимъ въ ней государствамъ гораздо болѣе 8.000.000.000 франковъ, не считая косвенныхъ потерь. Косвенныя же потери опредѣлить трудно, хотя было бы до нѣкоторой степени возможно при лучшемъ состояніи статистики.

Итальянская война (1859 года.)

Относительно итальянской кампаніи нѣтъ такихъ прекрасныхъ статистическихъ трудовъ, какими обладаетъ литература крымской войны. Въ ожиданіи выхода въ свѣтъ новой книги доктора Шеню,

нужно довольствоваться лишь официальными отчетами, составленными на скорую руку и часто противорѣчащими другъ другу*.

По официальнымъ даннымъ, на полѣ сраженія пало французъ, австрійцевъ и сардинцевъ 8,084 человекъ; ранено же, умерло отъ болѣзней и пропало безъ вѣсти около 55,000 человекъ.

Какъ и во время крымской кампаніи, въ 1859 году гораздо больше солдатъ погибло отъ болѣзней, чѣмъ отъ непріятельскаго огня. «На всемъ пути нашемъ—говоритъ одинъ французскій докторъ—мы съѣмъ людей по госпиталямъ»**. Число французовъ, умершихъ на полѣ битвы и въ походныхъ лазаретахъ, генеральное статистическое бюро опредѣляетъ въ 5,782; число же умершихъ въ госпиталяхъ Италіи въ 4,360, число самоубійць—въ 31, итого 10,173 чел. Если къ этой цифрѣ французовъ, погибшихъ въ Италіи, присоединимъ тѣхъ, кои умерли скоро по окончаніи кампаніи во французскихъ госпиталяхъ отъ ранъ и болѣзней, схваченныхъ во время экспедиціи, и тѣхъ, кои умерли отъ сихъ же причинъ внѣ госпиталей, то цифра прямыхъ потерь французской арміи окажется не менѣе 15,000.

Объ австрійской и итальянской арміяхъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній; но, судя по тому, что австрійцы были хуже вооружены, что побѣда была не на ихъ сторонѣ, что болѣзни въ австрійскомъ войскѣ свирѣпствовали сильнѣе, недостатковъ въ гигиеническихъ удобствахъ и стѣстныхъ припасахъ былъ ощутительнѣе, чѣмъ во французскомъ, что послѣ сольферинской битвы веронскіе госпитали были переполнены тифозными и другими болыными, что въ итальянской арміи, по наблюденію доктора Казаласа (Cazalas), смертность была значительнѣе, чѣмъ во французской: судя по всему этому, можно положить, что потеря австрійцевъ и итальянцевъ простиралась, по крайней мѣрѣ, до 35,000. И такъ въ итальянскую кампанію безвозвратно погибло около 50,000 человекъ.

Перейдемъ къ денежнымъ потерямъ. Франція издержала на военное и морское вѣдомство въ 1859 году 867 мил. франковъ, что составитъ разницу въ сравненіи съ издержками ея на тѣ же вѣдомства въ мирное время въ 375¹/₂ мил. франковъ.

Отъ Австріи война потребовала еще болѣе значительныхъ жертвъ. Въ самый день перехода чрезъ Тичино, вѣнская газета объявила австрійскимъ народамъ, что вѣнскій банкъ уже не обязывается обмѣнивать свои билеты на звонкую монету и что би-

* До какой степени противорѣчатъ иногда другъ другу официальныя цифры, можно судить по слѣдующему примѣру: при Маджентѣ число убитыхъ и раненыхъ нѣкоторыми официальными документами опредѣлялось въ 8,228 челов.; впоследствии же оказалось ихъ 4,585; убитыхъ и раненыхъ при Сольферано французовъ показано было 8,580, по позднѣйшимъ же документамъ оказалось, что убито и ранено 11,870 солдатъ и 720 офицеровъ.

** Болѣзни свирѣпствовали въ войскѣ не столько во время самыхъ военныхъ дѣйствій, сколько во время занятія Ломбардіи и обратнаго похода.

леть эти имѣють курсъ принудительный. Въ благодарность за такую снисходительность правительства, банкъ далъ ему взайми 134 мил. флориновъ (номинально 200 мил.).

Невозможность прибѣгнуть къ новымъ займамъ побудила правительство возвысить налоги. Венгрія, до 1859 г. освобожденная отъ налога на вино и мясо, должна съ 1859 года платить и этотъ налогъ. Во всей Австрійской имперіи, вино, говядина, пиво, словомъ всѣ предметы, служащіе для пропитанія, обложены новыми пошлинами, такъ что эти необходимые предметы стали уплачивать правительству до 20 процентовъ съ своей цѣнности. Но слѣдуетъ еще замѣтить, что въ странахъ небогатыхъ, гдѣ большая часть народнаго дохода тратится на пропитаніе, такіе налоги несравненно обременительнѣе, чѣмъ въ странахъ, пользующихся высокимъ благосостояніемъ, гдѣ у каждаго отдѣльнаго лица остается много средствъ для удовлетворенія потребностей духовныхъ. Всего тягостнѣе для народовъ Австріи былъ налогъ на соль, падающій, какъ извѣстно, главнымъ образомъ на бѣднѣйшіе классы народонаселенія. Налогъ на соль, значительно увеличенный въ 1850 году, былъ возвышенъ еще декретомъ 7-го мая 1859 г.; съ этого времени бѣднѣйшіе жители Австріи принуждены были уплачивать за потребленіе соли уже не 33, а 85 мил. флориновъ.

Декретомъ 7-го мая увеличены были въ общей сложности на 40 процентовъ пошлины съ купли и продажи, съ отдачи въ наемъ, полученія наслѣдствъ и проч. И все это въ моментъ, когда и безъ того всякія гражданскія и экономическія дѣлки были затруднены, благодаря застою торговли, благодаря колебанію и пониженію курса денежныхъ знаковъ.

Декретомъ 13-го мая возвышены были пряме налоги «на все время чрезвычайныхъ обстоятельствъ, вызванныхъ войною». Поzemельный налогъ, который отнималъ уже отъ 12 до 16 процентовъ средняго поземельнаго дохода, былъ увеличенъ на одну шестую. То же самое произошло съ налогомъ на наймы (Zinssteuer). Налогъ на дома въ селеніяхъ (такъ-называемый Clausensteuer) былъ увеличенъ на половину; промышленный налогъ, тяготящій надъ фабрикантами, ремесленниками, торговцами, артистами, и подать съ дохода были увеличены на одну пятую. Такиа-то матеріальныя лишенія должно было вынести населеніе Австріи для поддержанія чести Габсбурговъ.

Но всего этого мало. Гораздо болѣе чѣмъ отъ увеличения налоговъ, Австрія пострадала отъ пониженія цѣнности бумажныхъ денегъ. Паденіе цѣнности бумажекъ подчиняется закону, напоминающему законъ паденія тѣлъ по наклонной плоскости. Бумажныя деньги въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ долго держались во время междоусобной войны на 80 — 75⁰/₁₀₀; гораздо скорѣе курсъ ихъ понизился до 50⁰/₁₀₀; наконецъ еще скорѣе онъ упалъ съ 50 до 33 на 100. Еслибы южныя штаты Сѣверной Америки могли хоть одинъ годъ продолжать войну, то зеленыя

бумажки навѣрное скоро упали бы до 16 процентовъ, т.-е. отдавались бы за одну шестую часть своей номинальной цѣнности.

Австрія въ 1859 году была не въ лучшемъ положеніи. Ей нужна была звонкая монета, и вотъ изобрѣтается рядъ хитрыхъ мѣръ для того, чтобы сосредоточить въ рукахъ правительства все золото и серебро, вращавшееся въ имперіи. Правительство, производившее свои уплаты внутри страны бумажными деньгами, потребовало, указомъ 29-го апрѣля, чтобы таможенные пошлины уплачиваемы были звонкою монетою. Торговецъ, который терялъ на курсѣ, при покупкѣ товара за границей отъ 30 до 50 процентовъ, долженъ былъ еще съ великимъ трудомъ и убытками добывать звонкую монету на уплату таможенныхъ пошлинъ. Подобныя финансовыя мѣры должны были довести государство до банкротства. Поневолѣ нужно было спѣшить заключеніемъ мира.

Даже по заключеніи виллафранкскаго мира, банкъ не имѣлъ возможности произвести всѣ нужныя уплаты звонкою монетою. Обладая фондомъ всего въ 79 милліоновъ, онъ выпустилъ уже билетовъ на 453 мил. флориновъ. Прибавки къ налогамъ (какъ мы видѣли, весьма обременительныя) были удержаны и на 1860 годъ. Военный бюджетъ, возвысившійся въ годъ войны до 292 мил. флориновъ (480 м. фр.), въ 1860 году простирался еще до 174 м. флор., и только въ 1861 г. приблизился къ своей нормальной цифрѣ.

Если за нормальную цифру военнаго бюджета въ мирное время принять 106 мил. флориновъ, то окажется, что Австрія издержала въ 1859 и 1860 годахъ собственно на итальянскую кампанію 254 мил. флор. = 650 мил. франк. Кромѣ того она на долго разстроила свои финансы, что доказывается постоянными дефицитами, гораздо болѣе значительными послѣ 1859—60 г., чѣмъ до этихъ лѣтъ.

Италія потеряла отъ войны также не мало. Бюджетъ Сардиніи на 1859 годъ, рассчитанный на мирное время, представляетъ уже дефицитъ въ 12 мил. франк., война увеличила этотъ дефицитъ. Еще прежде начатія военныхъ дѣйствій, правительство заключило заемъ въ 50 мил. лиръ. Въ тотъ самый день, когда вѣнская газета заявила о принудительномъ курсѣ бумажныхъ денегъ (29-го апр. 1859 г.), туринское правительство освободило національный банкъ отъ обязанности производить уплаты по билетамъ этого банка, и такимъ образомъ дало этимъ послѣднимъ принудительный курсъ. За это банкъ далъ правительству займа 30 мил. лиръ по 2 процента. Позднѣе та же привилегія дана была генуэзскому банку за 5 мил. Но въ Пьемонтѣ, какъ и въ Австріи, эта финансовая мѣра была лишь началомъ бѣды: необходимо было увеличить налоги, и они увеличены были королевскимъ декретомъ на 10 процентовъ. Несмотря на все это, въ бюджетѣ 1859 г. обнаружился дефицитъ въ 104.399,956 франк. Всѣ же издержки на войну, не считая обыкновенныхъ расходовъ военнаго вѣдомства, простираются до 255 мил. франковъ.

Много издержали на приготовления къ войнѣ нейтральныя державы. Пруссія уполномочила министра финансовъ поднять на 25 проц. подоходную подать, налогъ на пополье, на рубку деревьевъ и классную подать. Закономъ 21-го мая правительство уполномочено было дѣлать всѣ чрезвычайныя расходы, какіе потребуются вслѣдствіе ожиданія войны. На основаніи этого закона, правительство и заключило заемъ въ 112½ мил. франк., которые впрочемъ не всѣ истрачены были на приготовления къ войнѣ.

Въ Баденскомъ великомъ герцогствѣ военный бюджетъ увеличился противъ обыкновеннаго на	9.109,980 франк.
» Гессенъ-Дармштадтѣ	8.560,000 »
» Курфюршество Гессенѣ	6.900,000 »
» Вюртембергѣ	14.980,000 »
» Ганноверѣ	11.500,000 »
» Саксоніи	21.137,718 »
» Баваріи	80.000,000 »
<hr/>	
Всего	152.000,000 франк.

Если къ этой послѣдней цифрѣ присоединить расходы Пруссіи и тѣхъ германскихъ государствъ, о которыхъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній, то получимъ не менѣе 220 мил. франковъ. И такъ:

Франція издержала	375½ мил. франк.
Пьемонтъ	255 » »
Австрія	650 » »
Мелкія германскія государства и Пруссія	220 » »

Всего . 1,500 мил. франк.

Американская междоусобная война (1862—65 г.).

Ни въ одну изъ войнъ новѣйшаго времени не погибло столько народа, какъ въ американскую. Въ четыре года Сѣверъ призвалъ къ оружію 2.656,000 человекъ. Эта масса людей встрѣтила энергичное сопротивленіе въ миллионѣ южанъ. Чтобы побѣдить южанъ, войско Сѣверныхъ Штатовъ должно было стереть съ лица земли большую часть этого миллиона людей.

Въ первый годъ войны, судя по донесеніямъ, доставлявшимся болѣе чѣмъ отъ половины полковъ, число раненыхъ огнестрѣльнымъ оружіемъ простиралось до 17,496; во второй годъ войны (до 30-го іюня 1863 г.), судя по ежемѣсячнымъ отчетамъ, случаевъ полученія ранъ было 55,974; въ третій и четвертый годы, списки раненыхъ, составленные на самомъ мѣстѣ битвъ, заключаютъ въ себѣ 114,000 именъ. Но всѣ эти отчеты и списки далеко неполны, и необходимо принять, что число раненыхъ сѣверянъ превосходитъ 221,000, не считая 95,000 убитыхъ.

Для сравненія ужасовъ американской войны съ крымскою приведемъ слѣдующія цифры особенно важныхъ членоврежденій.

	Случаевъ разлома бедренной кости.	Случаевъ разсѣч- енія плечевой кости.
Во французской арміи (1854—5) . . .	459	42
Въ английской » (1854—5) . . .	194	16
» сѣверо-американской арміи (1862—5)	5,000	575

Но за то отъ болѣзней, благодаря заботливости американцевъ о своихъ защитникахъ, погибло гораздо менѣе, чѣмъ у западныхъ союзниковъ въ крымскую кампанію: въ первый годъ войны изъ 290,936 человекъ погибло отъ болѣзней всего 14,183, во второй — изъ 644,508 всего 42,010; въ продолженіе всей войны умерло отъ болѣзней 184,000. Присоединивъ къ этому числу 97,000 убитыхъ, получимъ 281,000 смертныхъ случаевъ.

Потери Южныхъ Штатовъ несравненно значительнѣе. Къ сожалѣнію, о нихъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Извѣстно лишь, что изъ 1.074.000 ополченія южанъ убито и изувѣчено 630,000, или 60 процен. Если сравнить эту цифру съ населеніемъ южныхъ штатовъ, то она составитъ 10 проц. всѣхъ жителей и 20 проц. всего мужскаго населенія. Такъ-какъ ббльшую часть ($\frac{4}{5}$) изувѣченныхъ можно считать совершенно погибшими для производительнаго труда, то всю потерю южныхъ штатовъ людьми можно опредѣлять въ 520,000.

Финансовая потеря американцевъ весьма значительна. Руссильонъ утверждаетъ, что Сѣверъ изстратилъ на войну 14.000.000.000 франк., но эта цифра меньше дѣйствительной, ибо онъ взялъ въ расчетъ не всю ту сумму, на которую увеличился военный и морской бюджетъ Штатовъ въ 1862—5 годахъ. До 1860 г. ежегодныя издержки на эти два вѣдомства не превышали 25 мил. долларовъ, въ 1860 — 61 финансовомъ году онѣ достигли 35 миліоновъ.

Въ 1861—62	437
» 1862—63	662
» 1863—64	776
» 1864—65	1,153
» 1865—66	327

Если предположить, что нормальный расходъ на военное и морское вѣдомства составляетъ 35 мил. долларовъ, то окажется, что правительство передержало въ пять лѣтъ 3.180.000.000 дол., или 17.000.000.000 франковъ. Но къ этой суммѣ слѣдуетъ присоединить добровольныя пожертвованія, которыя къ марту 1864 года составляли уже 1.144.000.000 франк., и жертвы санитарнаго общества — 120.000.000, то получимъ 18.264.000.000.

Изъ этой суммы нечего вычитать; напротивъ, къ ней слѣдуетъ еще прибавить издержки отдѣльныхъ штатовъ, графствъ и дистриктовъ на уплату премій волонтерамъ и на вооруженіе ихъ. Премій были очень значительны и достигали 2,000 дол. (10,700 франк.); половина же ихъ была уплачена не центральнымъ управленіемъ, а штатами, графствами и дистриктами.

Руссильонъ утверждаетъ, что правительство издержало на содержание арміи до 1-го іюля 1865 года 5.145.000,195 франк., по 1,938 на каждаго волонтера. Съ большою достовѣрностію можно предположить, что отдѣльные штаты выдали имъ такую же сумму. Присоединивъ эти 5,145 мил. къ выше найденнымъ 18,264, получимъ 23,409 мил. франк.

Въ Южныхъ Штатахъ истреблены во время войны почти все оборотные и постоянные капиталы; много капиталовъ, затраченныхъ на промышленность, погибло и въ Сѣверныхъ Штатахъ.

Не говоря о разореніи прекраснѣйшихъ странъ, бывшихъ главнымъ театромъ войны — Виргиніи, Тенесси, Миссури, не говоря о 3.000,000 рабочихъ, отнятыхъ у земледѣлія, промышленности и другихъ отраслей народнаго труда, не говоря объ опустошенныхъ нивахъ, объ оставленныхъ, за недостаткомъ рукъ, плантаціяхъ и о погнутыхъ, за недостаткомъ безопасности, фабрикахъ, не говоря о соженіи громаднѣйшихъ запасовъ хлопка, которыхъ тщетно ждала Европа, не говоря обо всемъ этомъ: во что оцѣнить гибель богатѣйшаго торговаго флота Сѣверо-Американскихъ Штатовъ? Прекрасны суда съ своимъ богатѣйшимъ грузомъ сдѣлались добычею корсаровъ Юга, которые, не допуская эти суда къ роднымъ портамъ, сожигали ихъ въ открытомъ морѣ. Сѣверные штаты должны были продавать за дешевую цѣну корабли свои англичанамъ, и такимъ образомъ денационализировать свой флотъ. Прежде они продавали Англіи судовъ по сорока въ годъ, въ 1862 году продали 135, въ 1863 г.—338; о 1864—65 г. нѣтъ свѣдѣній, но извѣстно, что эти годы были самые разорительные для торговли союва. Въ 1860 г. двѣ трети транспорта перевозилось въ Америку и изъ Америки на собственныхъ корабляхъ Штатовъ; въ 1863 году—только одна треть (*Revue des deux Mondes*, 1864, 1 juillet). Но это было еще начало бѣдствій.

Отъ междоусобной американской войны пострадала и Европа: хлопчатобумажная промышленность Англіи и другихъ государствъ подверглась кризису, о силѣ котораго можно судить по тому, что около милліона рабочихъ въ Европѣ занято этою отраслью труда. Благодаря смутамъ въ Америкѣ, уже въ августѣ 1861 года, число часовъ работы на ланкаширскихъ фабрикахъ было уменьшено, плата понизилась, и множество народа осталось безъ работы. Чтобы судить о количествѣ работниковъ, поневолѣ оставившихъ фабрики, достаточно привести слѣдующія цифры: до 1860 года, Европа потребляла до 100,000 тюновъ хлопка въ недѣлю; во время же кризиса только 7,000 тюновъ въ недѣлю. Въ 1863 году, ввозъ хлопка въ Англію по цѣнности (3 милліона фунт. стерл.) превзошелъ ввозъ его въ 1861 г.; но по количеству былъ вдвое его меньше. Необходимо было выискивать дорогій хлопокъ изъ Индіи и Египта, и приплачивать за него много звонкой монеты. Вслѣдствіе этого, учетный процентъ англійскаго банка поднялся съ 3-хъ (въ началѣ 1863 г.) до 8%

(въ концѣ того же года). 1863-й годъ былъ особенно тяжелъ для рабочихъ, занятыхъ, обыкновенно, на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ. По меньшей мѣрѣ, 100,000 человекъ остались совершенно безъ работы; число же тѣхъ, плата которымъ уменьшилась, благодаря кризису, навѣрное втрое, даже вчетверо больше. Ясно, что и смертность въ этой массѣ народа должна была увеличиться и число проступковъ. Таковы бѣдствія, причиняемыя войной за 8,000 верстъ отъ театра военныхъ дѣйствій.

Можно было бы привести еще рядъ цифръ, и все еще не исчерпать золь, причиненныхъ междоусобною войною: а между тѣмъ, на выкупъ всѣхъ невольниковъ въ Южныхъ Штатахъ, по тысячѣ франковъ за душу, считая женъ и дѣтей, потребовалось бы всего 4.000.000,000 франковъ.

Шлезвигская война (1864 г.).

1-го февраля 1864 г., союзная армія перешла Эйдеръ въ числѣ 60,000 человекъ; одну треть ея составляли австрійцы, а двѣ трети — пруссаки. Австрійскій корпусъ не былъ увеличиваемъ во все время кампаніи, прусскій же увеличенъ до 63,000. Потери пруссаковъ были слѣдующія:

убитые въ сраженіяхъ и умершіе отъ ранъ	738 человекъ
умершіе отъ болѣзней и разныхъ случайностей	310 »
В с е г о	1,048 »

Итакъ, въ прусской арміи смертность составляла 1,6% всей дѣйствующей арміи. Число убитыхъ и раненныхъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	ранено	убито
при Миссунде	206	59
» Дюшпелѣ	1,780	550
» Альзенѣ	354	104

Благодаря филантропической дѣятельности «общества вспомошествованія больнымъ и раненымъ», смертность отъ болѣзней была незначительна: заболѣло въ арміи 26,717, умерло только 310 человекъ.

У датчанъ, отъ огнестрѣльнаго оружія, погибло 1,500 ч., заболѣло 31,575, умерло отъ болѣзней 756.

Денежныя потери труднѣе вычислить, ибо европейскія правительства не привыкли къ такой строгой и гласной отчетности, какъ правительство Сѣверо-американскихъ Штатовъ. Извѣстно, что Австрія и Пруссія вознаградили себя, конечно, не вполне, контрибуціею; долгъ же Давіи, простирившійся передъ войною до 100.217.573 риксдалеровъ, къ 31-го марта возросъ до 132.110,802 риксд. Если присоединить къ этому еще военную контрибуцію и долгъ отнятыхъ у Давіи герцогствъ, принятый этимъ государствомъ на себя, то получимъ не менѣе 180.000,000 франковъ.

ГЕРМАНСКАЯ ВОЙНА (1866 г.).

Въ прусской арміи ранено 16,177 ч., убито 4,450, умерло отъ тифа и другихъ болѣзней 6,427 чел., всего погибло 10,877. Но эти цифры еще неполны.

Австрійская армія состояла изъ 646,636 человекъ, изъ которыхъ 407,223 были на театрѣ войны. По официальнымъ даннымъ, потери австрійцевъ въ августѣ 1866 г. были слѣдующія: убито 10,994 ч., ранено 29,304 ч., всего вышло изъ строя 43,743 человекъ. Но цифры эти далеки отъ дѣйствительныхъ: число убитыхъ навѣрное слѣдуетъ увеличить вдвое; изъ 29,304 раненыхъ, которые оставались еще въ живыхъ въ августѣ 1866 г., по крайней-мѣрѣ, тысячъ пять умерли отъ ранъ вскорѣ по окончаніи войны: мы видѣли, что докторъ Шеню насчиталъ 15,000 французовъ, умершихъ отъ ранъ по возвращеніи изъ Крима на родину.

О числѣ больныхъ и умершихъ отъ болѣзней, нѣтъ точныхъ свѣдѣній. Если пруссаковъ погибло отъ болѣзней не менѣе 6,000 чел., то австрійцы навѣрное потеряли гораздо болѣе: войско австрійское было такъ же утомлено; порядка же въ немъ было меньше, чѣмъ у пруссаковъ. Притомъ же, глубокая деморализація австрійской арміи способствовала развитію въ ней эпидемій. Въ ожиданіи болѣе полныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній, можно положить потерю австрійцевъ въ 20—25,000 ч.

О числѣ убитыхъ и раненыхъ саксонцевъ, баварцевъ и ганноверцевъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній; но можно положить, что всѣ второстепенныя германскія государства потеряли во время кампаніи 1866 года 3,000 человекъ.

Итальянцевъ, при Кустоцѣ, убито 951 чел., ранено 2,909 ч., взято въ плѣнъ 4,252 чел.; при Лиссъ убито 743 чел., ранено 155 человекъ. Но въ этотъ расчетъ не вошли потери волонтеровъ, навѣрное довольно значительныя. Если присоединить ихъ, то окажется, что отъ непріятельскаго огня погибло итальянцевъ не менѣе 3,000 человекъ. Отъ болѣзней, несмотря на непродолжительность кампаніи, столько же.

И такъ: пруссаковъ погибло	11,000
австрійцевъ »	20—25,000
нѣмцевъ мелкихъ нѣмецк. государствъ	3— 4,000
итальянцевъ	6,000

В с е г о . . . . . 40—50,000

Финансовыя потери. Уже въ первыхъ числахъ мая 1866 г., австрійское правительство стало выпускать на военныя надобности билеты въ 1—5 флоринновъ, и выпустило ихъ на сумму въ 150.000,000 флор. Закономъ 7-го іюля, министерство уполномочено было открыть заемъ въ 200.000,000 флор. Можетъ быть,

не вся эта занятая сумма истрачена была непосредственно на войну; но все же, кампанія 1866 г. поглотила не менѣе 600.000.000 франковъ, не считая контрибуціи въ пользу Пруссіи.

Пруссія истратила на войну 400.000.000 франковъ, изъ которыхъ половина возвращена ей въ видѣ контрибуціи. Для покрытия военныхъ издержекъ, Пруссія должна была ввести обременительный налогъ на движимыя имущества и заключить два обременительные займа: одинъ въ 250, другой, принудительный, въ 350 мил. франковъ.

Второстепенныя германскія государства: Ганноверъ, Гессенъ, Вюртембергъ и Саксонія издержали не менѣе 250 мил.

Итакъ, сумма всѣхъ прямыхъ денежныхъ потерь простирается до 1,650 мил. франк. Но какъ въ прежнія войны, такъ и въ эту, непосредственныя денежныя потери незначительны въ сравненіи съ лишеніями, которымъ подвергаются воюющіе народы отъ чрезмѣрнаго накопленія бумажныхъ денегъ, отъ принудительныхъ займовъ и несправедливыхъ налоговъ. Австрія, только что оправившаяся отъ денежнаго кризиса, только что отмѣнившая въ 1858 году принудительный курсъ, снова возвратилась къ нему въ 1859 г. Въ 1866 г. она уплатила значительную часть своихъ обязательствъ банку и готова уже вновь отмѣнить принудительный курсъ, какъ снова обременяется бумажными деньгами, увеличиваетъ налоги и усиливаетъ свое экономическое разстройство.

Пруссія, столь цвѣтущая и сильная, обдѣлена въ теченіе шести недѣль. Съ самаго начала мая 20,000 работниковъ въ Берлинѣ оставалось безъ работы; по объявленіи же войны, ремесленники, профессора, банкиры, земледѣльцы, торговцы были отвлечены отъ своихъ занятій. Объявивъ войну, правительство установило всеобщій прогулъ, длившійся два мѣсяца. Множество мастерскихъ и школъ было закрыто; множество торговцевъ и промышленниковъ обанкротилось. Число банкротствъ въ Берлинѣ доходило до 25 въ день; прежде столько бывало въ недѣлю.

Небольшія германскія государства Германіи пострадали также не мало. Всѣ работы, предпринятія для общественной пользы, превратились или замедлились. Заемъ, только что заключенный Баденомъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, употребленъ на военныя издержки (такъ же, какъ въ 1859 г.). Всѣ мелкія государства, дѣлавшія прежде долги съ производительною цѣлю, стали заключать теперь займы для непроизводительнаго употребленія—на войну.

И ко всему этому развореніе селеній, произвольныя контрибуціи, содержаніе чуждыхъ войскъ; ко всему этому развореніе Богеміи, въ которой столько времени стояло и сражалось до 600,000 солдатъ!

Ударъ, нанесенный Германіи войною 1866 года, отдался во всей Европѣ. Военная горячка заразила Европу: всюду заговорили о новыхъ ружьяхъ, о чудовищныхъ орудіяхъ, о пушкахъ-великанахъ, о пушкахъ-барливахъ, объ увеличеніи армій; всюду

набираются вновь рекруты, заключаются новые займы, вводятся новые налоги. Государства, помышлявшія прежде объ уменьшеніи своихъ армій, хлопочуть уже объ увеличеніи ихъ. Военный бюджетъ европейскихъ государствъ увеличивается.

Итакъ, увеличеніе бюджета воевавшихъ государствъ на 1,650 миллионъ франковъ; 45,000 убитыхъ; раззореніе Австріи и Италіи — вотъ чего стоила германская война 1866 года.

Даже и послѣ войны промышленность и торговля, даже нейтральныхъ государствъ, долго чувствовали и чувствуютъ на себѣ ея вліяніе: капиталы прачутся въ банкъ, вмѣсто того, чтобы оплодотворять производство: это потому, что даже удаляясь, война оставляетъ свой призракъ, который долго еще пугаетъ народы и заставляетъ ихъ опасаться новыхъ бѣдъ.

Далекія экспедиціи французовъ.

О смертности въ европейскихъ войскахъ во время витайской, кохинхинской и санъ-домингской экспедицій французовъ нѣтъ свѣдѣній. Но мы можемъ составить хотя приблизительное понятіе объ этой смертности, если примемъ въ расчетъ, что 1) европейцы въ этихъ экспедиціяхъ подвергаются дѣйствию весьма вреднаго для нихъ климата и часто подвергаются желтой лихорадкѣ, тифу, болотной лихорадкѣ; 2) что они должны вести борьбу съ партизанскими отрядами туземцевъ и дѣлать постоянныя форсированныя марши; 3) что сопротивленіе, оказанное европейцамъ въ Кохинхинѣ и особенно въ Мехикѣ, было весьма упорно, и что наконецъ 4) европейцы въ этихъ далекихъ экспедиціяхъ чувствовали всегда недостатокъ въ средствахъ для доставленія себѣ нужныхъ жизненныхъ припасовъ и особенно гигиеническихъ удобствъ.

Что касается до денежныхъ потерь, то о нихъ мы можемъ составить себѣ болѣе точное представленіе.

Мексиканская и кохинхинская экспедиціи, по официальнымъ свѣдѣніямъ, стоили 301 мил. франк., но Беррье утверждаетъ, что одна мексиканская экспедиція обошлась въ 600 миллионъ.

Китайская, кохинхинская и ливанская войны обошлись Франціи по крайней мѣрѣ въ 300 мил.; всѣ же отдаленныя экспедиціи стоили одной Франціи не менѣе миллиарда.

Итакъ войны, начатыя и оконченныя въ послѣдніе 15 лѣтъ, стоили слѣдующихъ жертвъ: а) людьми:

Крымская война.	784,991	человѣкъ.
Итальянская.	45,000	»
Шлезвигская	3,500	»
Германская, 1866	45,000	»
Американская	800,000	»
Отдаленныя экспедиціи французовъ	65,000	»
Всего	1.742,592	человѣка.

б) деньгами:

Крымская кампанія	8.500,000,000	франковъ.
Американская	35.000,000,000	»
Итальянская	1.500,000,000	»
Шлезвигская	180,000,000	»
Германская, 1866	1.650,000,000	»
Далекия экспед. Француз.	1.000,000,000	»

Всего, около . 47.830,000,000 франковъ.

Но въ этотъ разсчетъ не вошли потери испанцевъ въ ихъ далекихъ экспедиціяхъ, потери южно-американскихъ республикъ въ ихъ кровопролитныхъ войнахъ между собою, потери Мексики въ борьбѣ съ французами, потери русскихъ и поляковъ во время усмиренія послѣдняго польскаго возстанія, утраты русскихъ и кавказскихъ горцевъ въ послѣднее время борьбы на Кавказѣ, и наконецъ жертвы русскихъ для завоеваній съ Средней Азій. Но и приведенныя здѣсь цифры поразительны. Какую массу добра можно было бы совершить трудомъ этихъ сотенъ тысячъ людей, при содѣйствіи громаднаго капитала въ 48 миллиардовъ, представляющаго собою стоимость столькихъ миллионовъ дней труда. Какое было бы великое благо для человѣчества, еслибы люди, вмѣсто того, чтобы вести междуусобныя войны (а рѣшительно всякая война есть—если только ничто человѣческое не чуждо человѣку—междуусобная), соединились для единственно полезной войны противъ бѣдности и невѣжества.

В. Покровский.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Нѣчто о радикализмѣ. — Дѣтнія извѣстія о голодѣ. — Приходъ и расходъ. — Отвѣтъ санктпетербургскаго оберъ-полиціймейстера на запросы о возрастающей дороговизнѣ. — Г-жа Вельшева, г. Рени и отецъ Кириллъ. — Архангельскія колыбельни и мѣстный публицистъ. — Отечественная заботливость и частная предприимчивость. — Мнѣнія и соображенія владимірскаго епархіальнаго начальства о пользѣ централизаціи. — Выборъ благоточнаго.

Въ каждомъ устроенномъ и даже неустроенномъ обществѣ во всякое время существуетъ нѣсколько разныхъ, такъ-называемыхъ, нравственныхъ, социальныхъ, политическихъ и другихъ ученій, или доктринъ. Всѣ эти ученія имѣютъ своихъ послѣдователей и всѣ, какъ извѣстно, стремятся къ одной общей цѣли — ко благу человѣчества; только средства, предлагаемыя каждымъ, бывають различны и даже иногда враждебны другъ другу. По различію этихъ средствъ различаются и самыя ученія. Притомъ всегда выходитъ такъ, что одно какое-нибудь ученіе, въ извѣстное время, считается господствующимъ и всѣми мѣрами поощряется и распространяется, другое — если не поощряется, то и не преслѣдуется, и третье, наконецъ, всячески преслѣдуется и искореняется. Каждая изъ этихъ трехъ категорій отличается своими

характеристическими свойствами. Такъ, напримѣръ, отличительная особенность нѣкоторыхъ ученій состоитъ въ томъ, что они рано или поздно вытѣсняють всѣ прочія и обвиненно кончаютъ тѣмъ, что изъ гонимыхъ превращаются въ господствующія. Процессъ созрѣванія идей и вытѣсненіе однихъ ученій другими есть фактъ, неизмѣнно повторяющійся въ исторіи и поражающій своимъ непреклоннымъ однообразіемъ.

Время, переживаемое нами въ настоящую минуту, составляетъ одинъ изъ эпизодовъ этой вѣковѣчной борьбы. Въ настоящую минуту, повидимому, наступаетъ именно то время, когда господствующій строй понятій уже начинаетъ мало-по-малу сдаваться и уступаетъ мѣсто другому, еще слабому, еще мало распространенному, но уже успѣвшему завоевать себѣ право существованія и имѣющему передъ собою будущность. Отличительный признакъ этого новаго направленія состоитъ въ томъ, что оно ужъ слишкомъ дальновидно и въ то же время беспощадно-последовательно. Въ этихъ двухъ свойствахъ лежитъ залогъ неоспоримаго торжества его въ дальномъ будущемъ, въ нихъ его сила и громадное преимущество передъ прочими; эти же свойства служатъ постояннымъ источникомъ всевозможныхъ неприяностей, которымъ подвѣргаются его послѣдователи. Въ заголовкѣ новаго ученія стоятъ, между прочимъ, такого рода тезисы: «Прежде всего не обманывайте самихъ себя. Счастье само собою не приходитъ: нужно его создать. Оно должно состоять въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми, а этому надо учиться. Зло необходимо уничтожать въ корнѣ. Когда отыскана ближайшая, частная причина зла, слѣдуетъ искать причину этой причины и т. д. до тѣхъ поръ, пока не отыщется отдаленная общая и, слѣдовательно, главная причина». Эти положенія ни для кого никогда не составляли секрета и, повидимому, даже не должны были бы встрѣтить возраженій, но, къ удивленію, вышло совсѣмъ напротивъ. Это, впрочемъ, объясняется очень просто. Людямъ вообще не нравятся разсужденія, имѣющія свойство безпрестанно тревожить мысль и колебать увѣренность ихъ въ томъ, что все дѣлается какъ слѣдуетъ и притомъ само собою, и притомъ именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ нужно, то-есть что все идетъ къ лучшему. Этого *лучшаго* всѣ до единого ждуть и желаютъ; но никто не хочетъ подумать о томъ, что для наилучшихъ цѣлей требуются и наилучшія средства. Напротивъ, большинство убѣждено, что наилучшія цѣли достигаются наилучшими средствами. Какъ ни нелѣпо кажется такое убѣжденіе, тѣмъ не менѣе оно существуетъ и даже очень распространено въ нашемъ обществѣ. Логика жизни на всякомъ шагѣ, самымъ нагляднымъ образомъ смѣется и ругается надъ нимъ, но большинство этого не видитъ, не замѣчаетъ, не хочетъ замѣчать. Не хочетъ замѣчать, во-первыхъ, потому, что это неприятно, а вовторыхъ, потому, что всякое положеніе, всякое дѣло, всякій фактъ, самую жизнь, наконецъ, можно натягивать, нати-

гивать, можно очень долго натягивать. А время идетъ между тѣмъ, все идетъ. Известно, что человѣка, занятаго натягиваніемъ, ничѣмъ нельзя такъ обидѣть, какъ сказать ему, что онъ натягиваетъ; а господа пропагандисты всѣхъ новыхъ ученій обыкновенно съ этого начинали, мало того, они ставили себѣ въ священнѣйшую обязанность, какъ можно чаще напоминать своимъ согражданамъ о томъ, что это занятіе вредно и что неизбежнымъ слѣдствіемъ всякаго неумѣреннаго натягиванія рано или поздно бываетъ разрывъ. «Сколько ни натягивайте — говорили они — сколько ни громоздите заблужденій одно на другое, все-таки рано или поздно должно же прійти такое время, когда всѣ ваши натяжки перелопачутся, заблужденія обнаружатся и по этому случаю произойдетъ великій скандалъ...»

Понятно, что люди, посвятившіе себя подобнымъ напоминаніямъ, не должны были разчитывать на распростертія объятія. Да они и не разчитывали: они знали всегда, что большинство убѣждается только собственнымъ опытомъ и чувствуетъ непреодолимое отвращеніе ко всякому правильно построенному силлогизму. Они это знали. Кромѣ того, они знали еще, что всему бываетъ конецъ. А большинство этого не знало, оно было увѣрено, что конца не будетъ никогда. И вдругъ пришелъ конецъ!...

Страшное народное бѣдствіе, такъ неожиданно для большинства постигшее наше отечество, является самымъ убѣдительнымъ, самымъ неострашимымъ аргументомъ противъ теоріи натяжекъ.

Еще въ концѣ прошлаго года, когда газеты такъ усердно взывали о помощи и со всѣхъ сторонъ щедро сыпались мѣдные гроши въ пользу голодающихъ, еще въ то время самые благо-разумные люди недоувѣрчиво смотрѣли на эти приношенія и говорили, что изъ этого ничего не выйдетъ. Оно такъ и вышло: теперь только оказалось, что добровольныхъ приношеній не хватило не только на обсѣменение полей, но даже на прокормленіе народа.

Изъ сѣверныхъ и остзейскихъ губерній постоянно получаютъ жалобы на то, что хлѣба нѣтъ, что ѣдятъ мякину, мохъ, древесную кору, пухнуть и умираютъ отъ голоднаго тифа; во многихъ, даже и въ южныхъ губерніяхъ озими посохли, травы погорѣли, яровые не всходили, потому что сѣмена были дрянныя, лежалыя, или слишкомъ поздно посѣяны. Кромѣ того, стали обнаруживаться разныя злоупотребленія: оказывается, напримѣръ, что сѣмена, назначенныя къ отсылкѣ въ сѣверныя губерніи *еще съ января*, лежали въ Москвѣ *до июля* на дождѣ и сгнили въ ожиданіи отправки.

Разсужденія и споры о томъ, какъ слѣдуетъ выдавать пособія—заимообразно, или безвозмездно, на долгіе, или на короткіе сроки—не привели рѣшительно ни къ чему, и такъ и остались одними разсужденіями. Мѣры, принятыя земствомъ, для продовольствія голодающихъ и обсѣмененія ихъ полей—большую частію при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительными нуж-

дами народа, совершенно измѣнили свой характеръ: оказалось, что съ голодными никакнхъ сдѣлокъ и условій заключать невозможно, или лучше сказать, голодные идутъ на всевозможныя сдѣлки и соглашаются на какія угодно условія. Занеобразно, или безвозмездно, на долгій, или на короткій срокъ — имъ рѣшительно все-равно, дали бы только хлѣба. Продажа по пониженнымъ цѣнамъ вовсе не состоялась и наконецъ, просто, превратилась въ раздачу милостыни, потому что «голодь въ вѣкоторыхъ мѣстностяхъ достигаетъ такихъ размѣровъ, что хлѣбъ и по самой дешевой цѣнѣ не находитъ покупателей: у истощеннаго народа нѣтъ ни силъ для работы, нѣтъ имущества для продажи, чтобы на вырученныя деньги купить хлѣба для умирающей семьи. Въ Новгородской губерніи, напримѣръ, «бывали случаи, что во время продажи хлѣба, заготовленнаго земскими управами, крестьяне привозили на себѣ въ дровняхъ дѣтей въ городъ и грозили бросить ихъ въ прорубь, если не получатъ безденежно хлѣба, потому что у нихъ лошади и скотъ проданы были на прокормленіе, а отойти отъ семьи на заработокъ и бросить ее на голодную смерть не было никакой возможности». Къ прежнимъ обдѣствіямъ голода съ наступленіемъ лѣта присоединились новыя: голодный тифъ, падежъ скота, пожары и печальный рядъ разочарованій, относительно будущаго урожая. Надежда на посѣянный хлѣбъ съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ, остается одна *самая послѣдняя* надежда, соломенка, за которую еще можно хватиться, надежда на собственныя силы, на заработки. Но каковы эти заработки, можно судить по слѣдующему письму изъ Бѣлозерскаго уѣзда.

«Виды на урожай хотя съ весны и были здѣсь хорошіе, но теперешняя засуха можетъ перевернуть все дѣло. Яровныя озими идутъ очень худо, и если не будетъ дождей, дѣло будетъ худое—будетъ опять сильная нужда.

«О размѣрѣ ея, въ настоящее время, въ сѣверной полосѣ Россіи можно судить по тому, что въ Бѣлозерскѣ на путинныя заработки собираются цѣлыя толпы народа; а вѣдь эта работа, своего рода, почти каторга. Путинныя тянутъ лямкой суда отъ Бѣлозерска до Вытегры. Разстояніе здѣсь около 170 верстъ; но идутъ его, по случаю сквернаго устройства шлюзовъ, не менѣе 14 дней, а въ караванѣ не менѣе 25 дней. Путинный, прежде чѣмъ найдетъ работу, долженъ прожить въ Бѣлозерскѣ отъ 5 до 7 дней, плата по 16 к. въ сутки за содержаніе, итого отъ 80 к. до 1 р., а за тѣмъ онъ радится за 2 р. на всю путину; вычти пройденныя 80 к., да на обратную дорогу 50 в., выходитъ, что путинный за тяжелую работу на протяженіи 170 верстъ получаетъ всего 70 к. сер.. т.-е. менѣе $\frac{1}{2}$ коп. за верету, или около 5 коп. въ сутанѣ.

«Въ маѣ мѣсяцѣ черезъ г. Зѣньковъ проходили толпы народа изъ Суражскаго и Мглинскаго уѣздовъ Черниговской губерніи на заработки въ *степь*, по ихъ выраженію, въ Новороссію,

особенно къ Азовскому морю. Продовольствуясь подаваніемъ, они жаловались, что неурожаи гонять ихъ отъ родины, гдѣ малы дѣти *пообсыпались* (т.-е. поумирали), а старыя не выдержали дурнаго хлѣба съ разной соломой, мякиной и древесной корой—и сложили свои кости отъ голода. Про снабженіе же ихъ хлѣбомъ отъ земства говорили, что по волостнымъ правленіямъ завелись такіе порядки, что кто давалъ только взятку писарямъ да старшинамъ, тотъ только и получалъ хлѣбъ въ ссуду, а бѣдный «хоть ложись, да умирай!»

«По случаю этихъ продѣлокъ «завелось, по жалобамъ народа, превеликое дѣло и пошло на судъ до высочихъ судовъ».

Но даже и на эти заработки немногіе имѣли возможность уйти, остальные сидѣли дома и все еще чего-то ждали. Наконецъ поднялись цѣлыя селенія и пошли, самовольно, безъ письменныхъ видовъ, пошли куда-то очерта голову искать хлѣба.

«Съ конца апрѣля по конецъ мая ежедневно тянулись партіи переселенцевъ изъ Полтавской и Черниговской губерній, отъ 50 до 100 человекъ, въ видѣ обозовъ, нагруженныхъ незавиднымъ домашнимъ скарбомъ и дѣтьми, на Кубань, за Кубань и въ Ставропольскую губернію. Замѣтно было, по разсказамъ ихъ, что они шли съ полной вѣрой на лучшую будущность въ новыхъ мѣстахъ, общающихся имъ лучшую или же въ достаточномъ количествѣ—отъ 10 до 15 дес. на ревизскую душу—землю, которая дастъ имъ болѣе хлѣба».

Изъ Архангельской губерніи тоже было-тронулись, но ихъ вернули и водворили на мѣсто жительства.

Такимъ образомъ видно, что бѣдствіе, постигшее Россію, состоитъ главнымъ образомъ не въ томъ, что огромная масса людей голодаетъ, а въ томъ, что этой массѣ *нельзя помочь*; нѣтъ людей, нѣтъ средствъ, нѣтъ возможности привести въ исполненіе эту помощь, хоть бы даже она и была готова. Но она даже и не готова. 1,600,000, собранныя въ полгода, это капля въ морѣ, даже въ сравненіи съ тѣми суммами, которыя раздавало правительство въ прежніе голодные года. Притомъ вопросъ главнымъ образомъ не въ деньгахъ. Какъ деньгамъ не быть! Вопросъ о голодѣ — это вопросъ, колеблющій и вызывающій къ отвѣту всѣ не только экономическія, но и нравственныя стороны народной жизни, а потому относиться къ нему съ легкой филантропической точки зрѣнія, это значить не понимать его громаднаго соціального значенія. Отсюда слѣдуетъ, что до тѣхъ поръ, пока вопросъ о голодѣ не будетъ прямо поставленъ на радикальную почву, до тѣхъ поръ его не только рѣшить, но даже и понять какъ слѣдуетъ невозможно.

Первая слабая попытка правильной постановки этого вопроса была сдѣлана недавно, а именно, въ послѣднемъ засѣданіи С.-Петербургскаго губернскаго земскаго собранія, однимъ изъ уѣздныхъ гласныхъ, г. П. Къ сожалѣнію, эта попытка такъ и осталась попыткой и наш. а поддержку только въ одномъ лицѣ; осталь-

ные же члены собранія, какъ видно, не вдумались въ сказанное и потому отнеслись къ нему холодно. Заявленіе г. П. состояло въ слѣдующемъ:

Напомнивъ о бѣдствіяхъ неурожая, постигнаго Петербургскую губернію, онъ указалъ, что эти бѣдствія должны невыгодно отразиться на платежныя средства населенія. «Я опасаясь, сказалъ онъ, что наши средства окажутся несоразмѣрными съ нашими обязанностями. Поэтому намъ необходимо знать эти средства. На насъ налагаются обязательныя повинности; кромѣ того мы сами предпринимаемъ различные расходы, даемъ жалованье управѣ, но, быть можетъ, платить будетъ не изъ чего. Чтобы знать, чѣмъ мы располагаемъ и соразмѣрять наши расходы со средствами, намъ нужно разрѣшить вопросъ о томъ, могутъ ли источники земскаго налога выносить всѣ лежащія на нихъ сборы. Я предполагаю, что они не могутъ выносить платежей, обусловленныхъ нашими громадными смѣтами, размѣръ которыхъ все увеличивается. Вотъ почему я предложилъ бы собранію поручить губернской управѣ, чтобъ она, по сношенію съ управами уѣздными, представила, на основаніи собранныхъ данныхъ, свои соображенія о томъ, соотвѣтствуютъ ли платежныя средства населенія Петербургской губерніи лежащимъ на немъ расходамъ».

Предложеніе это, однако, не было поддержано собраніемъ. Тѣ изъ гг. гласныхъ, которые ему возражали, видѣли въ немъ желаніе собрать какія-то статистическія свѣдѣнія, для чего, по ихъ мнѣнію, необходимо было бы учредить особую комиссію и израсходовать много денегъ. При этомъ гласные Гдовскаго уѣзда Ш. и О. высказали, что ничто не указываетъ на такое мрачное положеніе дѣлъ, какое представляетъ себѣ П. Баронъ Ф. съ своей стороны замѣтилъ, что въ тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя считаетъ нужнымъ собрать г. П., нѣтъ необходимости, такъ-какъ у земскаго собранія будетъ смѣта, изъ которой оно увидитъ «*приходъ и расходъ*». Когда П. замѣтилъ, что изъ смѣты никакого прихода видѣть нельзя, то баронъ Ф. возразилъ, что, вѣроятно, П. недостаточно знакомъ съ составленіемъ смѣтъ. На это П. разъяснилъ, что въ смѣту вносится только исчисленіе повинностей и ничего болѣе, затѣмъ къ смѣтѣ прилагается раскладка, т.-е. разверстаніе повинностей между плательщиками. Еслибъ, сказалъ онъ барону Ф., въ земскихъ смѣтахъ и раскладахъ расходъ производился по приходу, то съ вашимъ мнѣніемъ можно было бы согласиться, но, къ сожалѣнію, у насъ доходъ назначается по расходу. Поэтому изъ смѣты нельзя заключить ничего; тамъ есть только внесенная повинность, но нѣтъ указанія на то, можетъ ли она быть исполнена.

Такъ-какъ предложеніе П. не было никѣмъ поддержано, то онъ хотѣлъ взять его назадъ, не пуская на баллотировку, но графъ возразилъ на это, что онъ искренно сочувствуетъ этому предложенію. Тѣмъ дѣло и кончилось: предложеніе, не встрѣтивъ сочувствія въ собраніи, было отклонено и вопросъ о собраніи свѣ-

дѣній болѣе не возобновлялся. Но изъ этого еще, однако, не слѣдуетъ заключить, что предложеніе, въ самомъ дѣлѣ, не заслужило ничего лучшаго. Напротивъ, неблагопріятный исходъ этого дѣла былъ, какъ видно, слѣдствіемъ недоразумѣнія, возникшаго въ собраніи, и виною этого былъ предлагавшій вопросъ. Вина его состоитъ въ томъ, что онъ недостаточно развилъ свою мысль и не показалъ собранію, въ чемъ именно состоитъ возможность сдѣланнаго имъ предложенія; а это необходимо было сдѣлать, потому что само собраніе, по непривычѣ ли обобщать вопросы, или вслѣдствіе какой-то щепетильности, отнеслось къ мысли г. П. слишкомъ узко и односторонне; оно не рѣшилось посмотрѣть на дѣло прямо и откровенно, такъ, какъ предлагалъ г. П., и отклонило его предложеніе. Это тѣмъ болѣе странно потому, что въ томъ же засѣданіи, только въ другой, болѣе уклончивой формѣ, шли разсужденія о томъ, какъ слѣдуетъ поступить для того, чтобы помочь бѣдствующему населенію Петербургской губерніи, и все собраніе единогласно пришло къ тому заключенію, что необходимо употребить на засѣвъ полей *всѣ наличныя средства продовольствія* и даже, въ случаѣ недостатка, просить помощи изъ общаго продовольственнаго капитала. Другаго выхода не нашли, да и негдѣ его искать—его нѣтъ. Безвыходность положенія, въ которомъ очутилось петербургское земство, ни для кого не тайна: громадныя недоимки, продажа скота на ихъ пополненіе и прямое слѣдствіе ея—истощеніе почвы и неурожай—все это тянется постоянно и вопросъ вовсе не въ этомъ; вопросъ въ томъ: представляетъ ли этотъ порядокъ явленіе временное и случайное, или корень его лежитъ глубже. Вотъ что слѣдовало рѣшить прежде всего, и предложеніе г. П. было направлено именно къ этой цѣли; но собраніе, какъ видно, не рѣшилось стать на такую щекотливую почву и во время уклонилось.

С.-петербургская городская дума еще раньше и почти по тому же самому поводу поступила гораздо смѣлѣе и рѣшительнѣе. Разбирая вопросъ о вздорожаніи жизненныхъ продуктовъ въ столицѣ, она прямо сослалась на выводы, къ которымъ пришла комиссія, учрежденная съ цѣлью отысканія причинъ настоящаго бѣдствія. Такъ же прямо и откровенно поступилъ петербургскій оберъ-полиціймейстеръ, объявивъ печатно свой взглядъ на этотъ же самый предметъ. Во всѣхъ петербургскихъ газетахъ недавно появилось слѣдующее заявленіе:

«Къ полицейскому начальству поступаютъ заявленія о возрастающей дороговизнѣ на жизненные припасы въ столицѣ; между тѣмъ, причины подобнаго явленія вовсе не зависятъ ни отъ ослабленія полицейскаго надзора за правильными способами торговли и промысла, ни отъ злоупотребленій лицъ или обществъ, производящихъ торговлю и промыслы. Причины настоящей дороговизны настолько многочисленны и сложны, что полиція въ этомъ случаѣ никакого содѣйствія оказать не можетъ. Цѣны на

предметы главнаго потребленія зависятъ отъ экономическихъ условій цѣлой страны, для которой Петербургъ всегда имѣлъ преимущественное значеніе потребителя, но не производителя и, стало быть, всегда находился въ зависимости отъ внутреннихъ рынковъ имперіи. Цѣна на мясо зависитъ отъ рынковъ южныхъ степныхъ губерній; цѣна на хлѣбъ устанавливается на волжскихъ пристаняхъ. Тамъ возрастаніе цѣнъ на хлѣбъ произошло вслѣдствіе уменьшенія количества посѣва и числа запасекъ, и приняло крупныя размѣры въ послѣдніе годы отъ неурожаевъ. Эти неурожаи одновременно имѣли вліяніе, при уменьшеніи хлѣбныхъ запасовъ, на ослабленіе скотоводства, а потому внутри Россіи, въ одно время съ хлѣбомъ, поднялась цѣна и на мясо. Само собою разумѣется, что отъ возвышенія цѣнъ на первые и главныя продукты потребленія послѣдовательно увеличилась дороговизна и прочихъ жизненныхъ припасовъ. Дороговизна же овощей зависѣла отъ плохихъ урожаевъ прошлаго лѣта, въ особенностяхъ на картофель, уродившійся весьма дурнаго качества, и на капусту, почти совсѣмъ сгнившую на корню. Возвышеніе цѣнъ на мясо въ первые теплые дни нынѣшней весны произошло отъ прекращенія подвоза изъ Москвы замороженнаго мяса тамъ битой скотины.

«Вслѣдствіе такихъ и другихъ причинъ, Петербургъ долженъ былъ понести на себѣ ту же тяжесть дороговизны, которую испытываетъ бѣольшая часть Россіи, и почувствовалъ ее въ болшей мѣрѣ, по причинѣ своей удаленности отъ хлѣбородныхъ и степныхъ мѣстностей Россіи. Настоящее время есть именно то, когда всѣ основныя причины возымѣли свои послѣдствія, неблагоприятныя для бѣдныхъ классовъ столичнаго населенія. Устраненія причины дороговизны надо ожидать въ то время, когда экономическія условія цѣлой страны придуть въ болѣе правильное и нормальное положеніе и, разумѣется, прежде всего въ Петербурга и внутри государства».

Отзывъ петербургскаго оберъ-полиціймейстера, отвѣчая на частный вопросъ о дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ, нисколько не уклоняясь отъ прямаго отвѣта, съ первыхъ же словъ отсылаетъ вопрошающихъ къ общимъ причинамъ этого явленія, и этимъ самымъ сразу отвѣчаетъ, не только на заданный вопросъ, но и на всѣ могущія возникнуть на этотъ счетъ вопросы и недоразумѣнія. Кромѣ того, этимъ заявленіемъ очень вѣрно обрисовывается одна любопытная черта нашихъ нравовъ, а именно: привычка обращаться со всякими дразгами къ начальству и исключительно отъ него ожидать разрѣшенія всевозможныхъ вопросовъ.

Впрочемъ, нужно сознаться, что эта привычка имѣетъ тоже свои причины, свой *raison d'être*. Исторія г-жи Вельяшевой какъ нельзя лучше доказываетъ, что можетъ сдѣлать частная предприимчивость въ томъ случаѣ, когда начальство находитъ ее излишнею или несвоевременною. Какъ разъ въ то самое время,

когда въ Петербургѣ пошло дѣло на откровенность, когда здѣсь не стѣсняясь разсуждаютъ о голодѣ и даже занимаются изображеніемъ всѣхъ ужасовъ его самыми яркими красками, въ то же время изъ того самаго мѣста, гдѣ происходятъ эти ужасы, слышатся усиленныя увѣренія въ томъ, что ужасовъ никакихъ нѣтъ, что голодающихъ не находится, и даже самое слово «голодающіе» неупотребительно и вмѣсто него говорятъ: *лица, необезпеченное положеніе которыхъ заслуживаетъ сочувственной поддержки*; туеядцы изъ крестьянскаго сословія, неодобрительное поведение которыхъ не заслуживаетъ похвалы, попадаютъ точно, но голодающихъ нѣтъ. Мало того, даже людямъ, которые гдѣ-то отыскиваютъ голодныхъ и кормятъ ихъ — дѣлаютъ всевозможныя непріятности, такъ-какъ эти люди, прокармливая туеядцевъ, этимъ самымъ бросаютъ невыгодную тѣнь на попечительность начальства, которое, конечно, сѣмъло бы удовлетворить нуждамъ мѣстнаго населенія и безъ посторонней помощи, ежели бы эти нужды дѣйствительно существовали. Но дѣло въ томъ, что онѣ и не существуютъ, нуждъ никакихъ нѣтъ. Все это сплетни и выдумки г-жи Вельяшевой, англійскаго консула Рени и настоятеля Пертоминской обители, о. Кирилла. Это все они сочинили для того, чтобы прославиться своими благодѣяніями и бросить невыгодную тѣнь на начальство...

Исторія была такого рода. Еще въ началѣ весны, когда населеніе Архангельской губерніи уже было доведено голодомъ до послѣдней крайности, а мѣры, принятыя для удовлетворенія голодающихъ, оказались недостаточными, въ г. Пинегѣ жена мирового посредника Вельяшева, при содѣйствіи высочайше учрежденной комисіи, ввѣрившей ея распоряженію 4,000 рублей, устроила два пріюта для безпомощныхъ и кормила голодныхъ даровыми обѣдами; кромѣ того, желающимъ трудиться доставляла работу, покупала имъ матеріалъ, завела больницу съ даровымъ леченіемъ; выдавала крестьянамъ, мѣщанамъ, и даже солдатамъ пособія на пропитаніе безвозвратно; кромѣ того, дѣлала ссуды на обработку полей, на покупку лошадей и т. д.; наконецъ закупила крестьянскія издѣлія, съ цѣлью продать ихъ по болѣе высокой цѣнѣ противъ той, которую они согласились бы взять по нуждѣ. Кромѣ того, на счетъ предпріятія г-жи Вельяшевой въ приходскомъ училищѣ содержалось нѣсколько учениковъ, которые обучались разнымъ ремесламъ.

Такая широкая дѣятельность, и притомъ въ самую критическую минуту, когда она была наиболѣе полезна, должна была бы, по видимому, вызвать сочувствіе и одобреніе; но, сверхъ всякаго ожиданія, вышло наоборотъ: дѣятельность г-жи Вельяшевой встрѣтила самое упорное противодѣйствіе со стороны губернской администраціи; наконецъ, по «распоряженію пинежскаго начальства 26-го апрѣля, по независимымъ обстоятельствамъ, дальнѣйшее доставленіе работъ прекращено и помѣщенія для больныхъ и безпріютныхъ закрыты. Больнымъ было предложено разойтись,

и нѣкоторые изъ нихъ, которые не пожелади идти въ деревню, были отправлены съ десятскими; другимъ же дозволено было остаться въ городѣ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы размѣстились по разнымъ квартирамъ, гдѣ въ настоящее время продолжается пользоваться прежде лечившій ихъ медикъ и гдѣ оказывается имъ поддержка со стороны предпріятія. Но такъ-какъ съ превращеніемъ доставленія работъ и съ закрытіемъ пріютовъ уничтожилась одна изъ существенныхъ частей предпріятія даровыхъ обѣдовъ, при открытіи которыхъ было поставлено цѣлью столько же доставленіе труда, сколько и пищи нуждающимся, то и было сочтено необходимымъ закрыть и самыя обѣды, ограничивъ благотворительную дѣятельность тѣми, менѣе сложными формами, внезапное прекращеніе которыхъ не могло бы повлечь за собой напрасной траты денегъ, имѣющихъ исключительнымъ назначеніемъ лишь вспомошествованіе нуждающимся. Однимъ словомъ, предпріятіе г-жи Вельяшевой уничтожено со всѣми его послѣдствіями; плодотворная мысль, положенная въ основаніе дѣла и обѣщавшая многое въ будущемъ, вырвана съ корнемъ и все дѣло низведено на степень обыкновеннаго безплоднаго подаванія милостыни. Впрочемъ, дѣло этимъ не кончилось. Въ какомъ положеніи оно находится въ настоящую минуту, лучше всего можно судить по письму г-жи Вельяшевой, напечатанному во всѣхъ петербургскихъ газетахъ.

«Пинега, 14-го іюня. Со времени открытія мною въ г. Пинегѣ даровыхъ обѣдовъ для голодающихъ, о которыхъ было достаточно извѣстно изъ печатаемыхъ мною отчетовъ въ столичныхъ вѣдомостяхъ, въ послѣднее время, между прочимъ, упоминалось о противодѣйствіяхъ, которыми встрѣтила ихъ здѣшняя администрація. Съ своей стороны я не считала до сихъ поръ необходимымъ упомянуть объ этомъ послѣднемъ обстоятельстве (хотя оно, къ несчастью, вполне справедливо), ожидая, что немѣющее уважительныхъ причинъ нерасположеніе, какъ уѣздной такъ и губернской администраціи, исчезнетъ само собою, въ виду возрастающаго сочувствія общества къ завѣдуемому мною благотворительному дѣлу, и по мѣрѣ того, какъ сама администрація уяснитъ себѣ необходимость и важность всякой искренно поданной помощи бѣдствующему народу въ настоящемъ тяжеломъ году. Предположенія моя, къ несчастію, не оправдались, и въ настоящее время, несмотря на сочувствіе народа и множество доказательствъ, которыя я имѣю въ рукахъ, но которымъ администрацію дано неблаговидное значеніе,—наконецъ, несмотря на одобреніе, высказанное моею дѣятельности со стороны ея императорскаго величества государыни императрицы, его императорскаго высочества великаго князя Алексія Александровича и высочайше учрежденной комиссіи, ввѣрившей мнѣ въ разное время 4,000 руб., противодѣйствіе это въ настоящее время усиливается болѣе и болѣе (вопреки всякому вѣроятію), услѣвуетъ въ достиженіи своихъ цѣлей и проявляется

такими ясными, осязательными для всѣхъ фактами, что молчать о нихъ я не считаю болѣе возможнымъ, такъ-какъ надѣяться на то, что оно утихнетъ, даже нельзя и, кромѣ того, оно является такъ осязательно, что, по всей вѣроятности, послужитъ предметомъ многихъ частныхъ сообщений. Поэтому, въ интересъ правды и предостереженія другихъ, которые пожелали бы продолжать мое дѣло, я нахожусь вынужденной заявить, что, помимо всѣхъ неприятностей, личныхъ оскорбленій и различныхъ происковъ, которыми стали меня преслѣдовать вскорѣ послѣ открытія даровыхъ обѣдовъ и вслѣдствіе неожиданно проявившагося стремленія отрицать фактъ голоданія и бѣдствій народныхъ отъ неурожая, я въ настоящее время доведена до того, что не могу ручаться за самую продолжительность принятаго мною дѣла. Изъ лицъ, наиболѣе содѣйствовавшихъ мнѣ въ веденіи дѣла, одни высланы изъ Пинеги въ разные уѣзды губерніи, а другіе, въ виду печальныхъ примѣровъ, основательно могутъ опасаться той же участи; даже мужъ мой (мировой посредникъ Пинежскаго уѣзда) переведенъ въ дальнѣйшій корельскій участокъ (бывшаго Кольскаго уѣзда), что равняется удаленію его изъ Архангельской губерніи, такъ-какъ заранѣе было извѣстно, что ѣхать туда онъ не можетъ.

«Наконецъ, всѣ мои дѣйствія по части благотворительнаго дѣла подвергаются перетолкованію и имъ противодѣйствуютъ всевозможными средствами. Выборныя изъ крестьянъ лица, охотно оказывавшія мнѣ свое содѣйствіе въ собраніи необходимыхъ подробныхъ свѣдѣній для болѣе точнаго ознакомленія съ матеріальнымъ положеніемъ крестьянъ и для болѣе справедливаго распредѣленія пособій, въ настоящее время, въ виду воспрещеній и отобраній данныхъ мною программъ, одни вовсе не доставляютъ ихъ, другіе же, собирая секретно, доставляютъ настолько неполными, что я совершенно затруднена въ сознательномъ образѣ дѣйствій. Привожу 2 письма, полученныя мною по этому дѣлу.

1) Милостивая государыня О. А.! Посылая вамъ при семь списки о крестьянахъ N волости, нуждающихся въ продовольствіи, прошу васъ списки никому изъ начальствующихъ не показывать, такъ-какъ я получилъ по этому дѣлу строжайшее воспрещеніе. Старшина NN.

2) Милостивая государыня О. А.! При семь прилагаю списки, о которыхъ просили вы, только съ исключеніемъ нѣкоторыхъ графъ; долгомъ считаю пояснить, что, за отобраніемъ г. исправникомъ письма вашего, я полныхъ свѣдѣній доставить не могу, тѣмъ болѣе, что боюсь, дабы не подвергнуться какому-либо строгому высканію. Старшина NN.

«Все это не можетъ не возбудить опасенія въ лицахъ, которыя хотѣли бы содѣйствовать моимъ трудамъ, такъ что только немногія изъ нихъ, болѣе смѣлыя и болѣе вѣрующія въ торжество праваго дѣла, рѣшились бы на это рискованное содѣйствіе.

Считая себя обязанною оставаться въ Пинегѣ до тѣхъ поръ, пока всѣ ввѣренныя мнѣ жертвователями и комиссіей суммы не будутъ употреблены по назначенію, я, въ виду всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, нахожусь вынужденною публично заявить о томъ, что, несмотря на все мое желаніе, не могу долѣе продолжать дѣло и принимать пожертвованія; почему и прекращаю подписку.

«Хотя сознаніе пользы сдѣланнаго, сочувствіе общества къ моему предпріятію и благодарность тѣхъ, кто ими пользовался, послужить для меня лично утѣшеніемъ, далеко превышающимъ всѣ соединенныя съ ними неприятности и оскорбленія, но не могу не пожелать, чтобы лица, которыя когда-либо будутъ трудиться послѣ меня въ интересахъ того дѣла, были бы счастливѣе меня, что этого требуютъ интересы бѣднаго народа столько же, сколько и интересы общественной самодѣятельности въ пользу послѣдняго.

*Завѣдывающая частнымъ благотворительнымъ предпріятіемъ
въ г. Пинегѣ,
О. Вельяшева.*

Интересно, что въ то же время и по тому же поводу, тамъ же, въ Архангельской же губерніи, одной части съ г-жею Вельяшевою подверглись еще два лица: англійскій консулъ г. Рени и настоятель Пертоминской пустыни, о. Кириллъ, съ тою только разницею, что у нихъ ничего не закрыли. Да оно и странно было бы. У г. Рени, впрочемъ, нечего было закрывать, потому что онъ распорядился очень просто: собралъ 12 тысячъ, и тутъ же роздалъ ихъ кому было нужно; но за это заплатились тѣмъ, что архангельскія губернскія вѣдомости его обругали и ославили на всю Россію; что же касается о. Кирилла, который тоже самовольно кормилъ голодныхъ и имѣлъ неосторожность описывать случаи голодной смерти, то ему досталось побольше, но монастырь все-таки не закрыли. И это еще слава Богу!

Что за странное дѣло однако! Какъ объяснить такое ревностное преслѣдованіе частной предпримчивости со стороны губернской администраціи? Положимъ, что г-жа Вельяшева въ качествѣ женщины и притомъ жены мирового посредника могла еще быть заподозрѣна въ томъ, что у ней дѣло ведется не спроста; что она кормить голодныхъ съ какими-нибудь тайными и злонамѣренными цѣлями; притомъ же и предпріятіе ея *что-то ужъ очень хорошо пошло* и вдругъ пришло ужъ слишкомъ широкіе размѣры. Положимъ такъ. Англійскій консулъ въ свою очередь тоже могъ навлечь неудовольствіе уже потому самому, что онъ англійскій консулъ и кормить русскихъ. Это все понятно; но о. Кириллъ-то чѣмъ же заслужилъ такое гоненіе—это совсѣмъ непонятно. Впрочемъ, за разъясненіемъ этого дѣла лучше всего прежде обратиться къ мѣстнымъ губернскимъ вѣдомостямъ, которыя въ послѣднее время занимались преимущественно разработкою этого вопроса и которыми, въ качествѣ офи-

ціального органа мѣстной администраціи, дѣло это должно быть короче извѣстно.

Изъ заявленій этого почтеннаго органа оказывается, что нѣкоторые злонамѣренные люди (т.-е. г-жа Вельяшева, г. Рени и о. Кирилл) съ непонятною цѣлью еще въ концѣ прошлаго года распустили слухи, что будто хозяйство земледѣльческаго сословія Архангельской губерніи находится не въ удовлетворительномъ положеніи и тѣмъ навлекли на заслуженныя нареканія на отеческую попечительность мѣстой администраціи и поселили въ публикѣ ложное недоувѣріе въ заботливости начальства о нуждахъ вѣреннаго ему края, между тѣмъ какъ неуспынно бдительностію и примѣрнымъ рвеніемъ его сіятельства не только всѣ нужды края удовлетворяются своевременно, но даже, благодаря материнской и нѣжной заботливости ея сіятельства, приняты благодѣтельныя мѣры для устраненія самыхъ причинъ бѣдности. Словомъ сказать, Архангельская губернія находится въ такомъ блестящемъ положеніи, что лучше ничего и желать нельзя.

Затѣмъ почтенный органъ принимается ругать г-на Рени и о. Кирилла, обвиняетъ ихъ въ распусканіи ложныхъ извѣстій о голодѣ, утверждаетъ, что голодъ выдумали они; что же касается закрытія предпріятія г-жи Вельяшевой, то видно, что объ этомъ никогда никакого распоряженія не было. Наконецъ, недавно въ томъ же органѣ было объявлено о необыкновенно важномъ событіи, совершившемся въ городѣ Архангельскѣ, событіи, передъ которымъ блѣднѣютъ всѣ подвиги г-жи Вельяшевой, г. Рени и о. Кирилла, взятыхъ вмѣстѣ. Но такъ-какъ важность событія можетъ значительно пострадать отъ передачи простыми словами, то пусть желающіе прочтуть описаніе его въ подлинникѣ. Вотъ оно:

«Подъ вліяніемъ убѣжденія и чувства теплой заботливости объ интересахъ лицъ, необезпеченное положеніе которыхъ заслуживаетъ сочувственной поддержки,—княгиня Е. В. Гагарина, предсѣдательница общества, нашла полезнымъ, на время навигаціи, когда является множество средствъ къ заработкамъ даже для женскихъ рукъ, устроить двѣ *колыбельни*, то-есть дома, въ которые матери грудныхъ и вообще маленькихъ — до пятилѣтняго возраста — дѣтей, могли бы, на время рабочихъ часовъ, отдавать своихъ малютокъ во избѣжаніе понятнаго стѣсненія, къ какому ведетъ уходъ за ребенкомъ при спѣшномъ и тяжеломъ физическомъ трудѣ, большую частію имѣющемъ мѣсто на берегу рѣки, и вообще на открытомъ воздухѣ. Здоровье дѣтей и возможность матерямъ выработать гораздо болѣе прежняго — вотъ два главные результата, неминуемо вытекающіе изъ осуществленія проекта ея сіятельства. Колыбельни предполагается устроить — одну въ Соломбалѣ, другую въ городѣ, въ мѣстахъ, близкихъ къ центру работъ. Кромѣ того, сочувствуя проекту, попечитель дома бѣдныхъ, А. А. Ивановъ, заявилъ о возмож-

ности принять на содержаніе въ домъ бѣдныхъ еще десять малютокъ.

«Для права отдачи ребенка въ колыбельню признается необходимымъ надлежащее удостовѣреніе въ томъ, что предъявительница принадлежитъ къ городскому сословію здѣшней губерніи, такъ-какъ много женщинъ на лѣто прибываетъ въ Архангельскъ для работъ изъ другихъ мѣстностей, напримѣръ, изъ Устюга; также удостовѣреніе, что она занимается работами, свойственными собственно навигаціонному времени, потому что эти работы препятствуютъ должному, со стороны самихъ матерей, уходу за малолѣтними.

«Гуманное и экономическое значеніе проекта ея сіятельства вѣроятно оцѣнить каждый, кто не настолько эгоистиченъ, чтобы смѣтрѣть равнодушно на поднятіе уровня благосостоянія рабочаго класса и чтобы не питать глубокой признательности къ лицамъ, трудящимся для прекрасной сказанной цѣли».

Такъ вотъ въ чемъ состояло событіе, о которомъ протрубили почтенный органъ архангельской губернской администраціи! «Проектъ ея сіятельства» говоритъ самъ за себя такъ врасно-рѣчиво, что и не требуетъ разбора; да врядъ-ли это и возможно: такіа деликатныя вещицы не выносятъ привосновенія и очень похожи на пирожное, извѣстное подъ названіемъ «испанскіе вѣтры»; притомъ же такого рода «проекты» совсѣмъ не переводимы на обыкновенный языкъ; для того, чтобы писать такъ, какъ пишетъ редакторъ архангельскихъ губернскихъ вѣдомостей, для этого необходимо предварительно перо обмакнуть въ розовое масло, бумагу вымазать медомъ и засыпать фіалками. Но чтобы не мараться, лучше это дѣло оставить совсѣмъ, и разсуждать хоть о частной предпримчивости, напримѣръ, тѣмъ болѣе, что этотъ предметъ гораздо грубѣе и слѣдовательно доступнѣе. Впрочемъ, съ другой стороны, и это тоже предметъ такого рода, который отдѣльно разбирать почти невозможно. Съ понятіемъ о частной предпримчивости всегда бываетъ тѣсно связано другое понятіе, а именно: понятіе объ отеческой заботливости. Эти два предмета до такой степени тѣсно связаны въ нашемъ воображеніи, что разсуждать объ одномъ и не касаться другаго, нѣтъ никакой возможности. И причина этой связи, повидимому, завѣситъ не отъ нашего воображенія, напротивъ, надо полагать, что она есть только слѣдствіе того, что мы выносимъ изъ ежедневныхъ наблюденій. Отечественая заботливость или такъ-называемая регламентация, какъ извѣстно, вещь самая обыкновенная у всѣхъ народовъ, которые, подобно намъ, живутъ и беззаботно процвѣтаютъ въ святомъ невѣдѣніи собственныхъ нуждъ, а всѣ попеченія возлагаютъ на правительство. У такихъ народовъ всякая попытка частныхъ лицъ начать какое-нибудь самостоятельное дѣло обыкновенно если не встрѣчаетъ сопротивленія со стороны властей, то во всякомъ случаѣ возбуждаетъ недовѣріе, значительно затрудняется разнаго рода

формальностями и подчиняется приличному надзору. Конечно, стѣсненіе, которое испытываютъ въ подобныхъ случаяхъ частныя лица, совершенно понятно: но и причина, вызывающая это стѣсненіе, такъ же понятна: общество до сихъ поръ не выказало, или не могло выказать на столько самостоятельности, чтобы внушить къ себѣ должное довѣріе и уваженіе. Изъ этого однако вовсе не слѣдуетъ, что регламентація необходима; нѣтъ, она только неизбежна до тѣхъ поръ, пока общество такъ или иначе не предъявитъ очевидныхъ доказательствъ, что оно дѣйствительно можетъ обходиться безъ посторонней помощи. А такихъ доказательствъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ было представлено не много, да и то дѣло ограничивалось большею частію одинокими попытками, которыя такъ и погибали за недостаткомъ поддержки.

Недавно почти всѣ газеты перепечатавали другъ у друга два довольно курьезные случая, которые выставляются какъ образцы неумѣренной отеческой заботливости и предприимчивости частныхъ лицъ. Первый случай былъ въ Землѣ Войскаго Донскаго и состоитъ въ томъ, что одинъ обыватель *только черезъ десять мѣтъ* получилъ разрѣшеніе открыть школу на собственные средства; второй случай былъ въ Москвѣ. Одна московская обывательница, г-жа М., возмѣла человѣколюбивую мысль устроить тоже на собственные средства и не требуя отъ правительства ни прямаго, ни косвеннаго пособія, лечебницу въ Москвѣ; наконецъ получила разрѣшеніе не только открыть, но даже и закрыть свою лечебницу когда угодно, но при этомъ у нея потребовали удостовѣреніе въ томъ, что она имѣетъ достаточно средствъ на содержаніе своей лечебницы. Г-жа М. дѣйствительно имѣетъ средства, но въ этомъ требованіи видитъ бесполезное и нескромное любопытство и не намѣрена удовлетворять его. Къ этому извѣстію газеты прибавляютъ еще, что будто бы г-жа М. говоритъ: «Надоѣло мнѣ кланяться за право тратить собственные деньги, да еще на пользу человѣчества; а будутъ приставать, брошу все и уѣду въ Швейцарію, гдѣ черезъ три дня по приѣздѣ открою богадѣльню».

Говорить ли дѣйствительно г-жа М. то, что ей приписываютъ газеты, за это, конечно, поручиться трудно, но если говорить, то это напрасно, потому что разсуждаетъ она неосновательно. Вопервыхъ, кланяться за благо человѣчества вовсе не обидно и нисколько не унижительно, а напротивъ того, даже очень похвально, и восторгахъ, кого она хочетъ напугать тѣмъ, что уѣдетъ въ Швейцарію?

За то теперь московскимъ жителямъ представляется прекрасный случай слѣдить за борьбою г-жи М. съ неумѣренной регламентаціею. Кто кого побѣдитъ? Кто уступитъ? Согласится ли наконецъ г-жа М. удовлетворить нескромному любопытству неумѣренной регламентаціи и покажетъ ей свои средства, или останется непреклонною и уѣдетъ въ Швейцарію — вотъ въ чемъ

вопросъ. Впрочемъ, надо надѣяться, что г-жа М. въ Швейцарію не уѣдетъ.

Регламентация сама по себѣ еще вещь довольно сносная, но въ ней есть одно неприятное свойство, а именно то, что она, въ случаѣ надобности и даже иногда безъ всякой надобности, изъ умѣренной необыкновенно легко превращается въ неумѣренную; умѣрять ее тѣми средствами, которыми располагаетъ г-жа М., разумѣется невозможно. Въ этомъ случаѣ простое собраніе и опубликованіе фактовъ, въ которыхъ эта неумѣренность особенно ярко выступаетъ наружу, несравненно лучше и вѣрнѣе достигаетъ цѣли. Сопоставленіе нѣсколькихъ, хотя бы даже и мелкихъ случаевъ гораздо рельефнѣе выставляетъ на видъ тѣ уклоненія, которымъ подвергается власть, переходя изъ рукъ въ руки и, по мѣрѣ надобности, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Регламентация не есть еще самая власть, это только одна изъ формъ приложенія власти; способъ же приложенія ея вполне зависитъ отъ лица, въ рукахъ котораго власть находится въ данномъ случаѣ; а такъ-какъ это лицо можетъ увеличивать или сокращать размѣры своей власти какъ ему угодно, то легко можетъ выйти, что въ одномъ случаѣ будетъ избытокъ власти, а въ другомъ недостатокъ ея, и наконецъ, въ третьемъ случаѣ, власть можетъ быть употреблена на такое дѣло, гдѣ ея вовсе и не требуется. Примѣрами, относящимися къ послѣднему случаю, въ послѣднее время изобилуютъ газеты; нѣкоторыя редакціи даже съ какою-то особенною любовью составляютъ изъ нихъ прелюбопытныя коллекціи. По этой части отличается духовная администрація, переживающая въ настоящую минуту кризисъ и поэтому ежеминутно теряющая равновѣсіе и впадающая въ крайность.

Извѣстно, что по случаю совершающихся всюду реформъ, всѣ болѣе или менѣе вліятельныя лица необыкновенно озабочены составленіемъ различныхъ проектовъ и сочиненіемъ такъ-называемыхъ «мнѣній». Для нѣкоторыхъ, непривыкшихъ къ такому занятію, эти «мнѣнія» сущая ваторга. Многие вѣкъ своей прожили на службѣ и обходились безъ этого, а теперь вдругъ наступило такое время, что какъ хочешь, хоть роди да подавай свое мнѣніе. Вотъ и принялись писать. И вдругъ напала страсть къ писанію. Отъ другихъ этого вовсе никто и не требуетъ, а они все-таки пишутъ и печатаютъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ различныя соображенія и распоряженія по своей части. Къ несчастью, это полезное для службы занятіе многихъ до добра не доводитъ. Нѣкоторые администраторы пишутъ такія соображенія, что лучше бы они ихъ не писали. Такъ, напримѣръ, во владимірскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ обнародовано одно распоряженіе или, вѣрнѣе, сообщеніе, изъ котораго видно, что, по мнѣнію мѣстнаго архіепископа, «обязанность охранять неприкосновенность правъ святой церкви и строгій порядокъ, при совершеніи таинствъ и обрядовъ лежитъ на *уѣздной пом-*

ци (кто бы это могъ подумать!), а также вести общую статистику уѣзда, въ которую входятъ вѣдомости о церквахъ и монастыряхъ, о рождающихся, вступающихъ въ бракъ и умирающихъ; но исполненіе указанныхъ обязанностей и собраніе означенныхъ свѣдѣній, безъ одного посредствующаго съ духовной стороны лица, безъ центральной такъ сказать духовной власти въ уѣздѣ, довольно затруднительно». По прочтеніи этихъ строгъ всякій подумаетъ, что почтенный архіепископъ заботится собственно объ уѣздной полиціи и желаетъ высказать свои соображенія о томъ, какъ облегчить ей затруднительное исполненіе ея обязанностей; но далѣе оказывается, что о полиціи упомянуто только по поводу другихъ соображеній. Далѣе видно, что «въ свою очередь и для внутренняго порядка духовной администраціи, недостатковъ средоточія власти въ уѣздныхъ городахъ не можетъ быть признанъ благотворнымъ; нѣтъ лица, обязаннаго и уполномоченнаго слѣдить за благоповеденіемъ призваннаго въ уѣздный городъ духовенства, которое и въ глазахъ протоіерея ведетъ себя какъ совершенно ему не подчиненное; мѣстные благочинные, вдали отъ епархіальнаго начальства, также остаются безъ ближайшаго надзора за ихъ дѣйствіями и безъ надлежащаго руководства, вслѣдствіе чего не рѣдкость — и доносы на благочинныхъ, особенно могущіе затруднять консисторію и вредить самому духовенству судящемуся».

И затѣмъ слѣдуетъ резолюція: «По всѣмъ симъ практическимъ соображеніямъ весьма полезно, для блага управленія, поставить штатныхъ протоіереевъ градскихъ уѣздныхъ соборовъ начальниками уѣзднаго духовенства, наименовавъ ихъ старшими благочинными». (Влад. Епарх. Вѣд.» № 1. 1868).

Такимъ образомъ видно, что заботы архіепископа о ввѣренной ему епархіи направлены на изысканіе мѣръ, съ помощью которыхъ можно было бы удобнѣе слѣдить за «благоповеденіемъ» священнослужителей, и для этого онъ пока ничего лучше не могъ придумать, какъ назначить надъ обыкновенными благочинными *еще другихъ старшихъ благочинныхъ*. Что жъ, и это хорошо! А если и эта мѣра не поможетъ, тогда надъ этими старшими можно будетъ назначить еще *самыхъ старшихъ* благочинныхъ, а потомъ *старѣйшихъ благочиннѣйшихъ* и т. д.

О томъ, какъ производятся выборы въ простые благочинные, можно судить по слѣдующему описанію саратовскихъ выборовъ.

«Первый выборъ, не очень удачный, былъ подъ предсѣдательствомъ о. духовника въ его приходской церкви. Среди церкви, на столѣ, покрытомъ какой-то тряпкой, рядомъ стояли избирательныя урны, двѣ картонки, въ которыхъ до сихъ поръ сохранялись отъ пыли старыя шляпки дочери духовника. Туда ввали шары, т.-е. греціе орѣхи, которымъ назначено было на сей разъ играть роль избирательныхъ шаровъ. Такъ-какъ это былъ первый опытъ выборовъ, то отъ незнакомства съ дѣломъ у большей части причетниковъ, довольно, впрочемъ, подкутившихъ,

дрожали руки. Они не знали, куда власть шары, и отецъ предсѣдатель нашептывалъ каждому «направо», чтобы выбрать благочиннаго, какого ему хотѣлось. Черезъ нѣсколько времени о. благочинный былъ уволенъ отъ должности по неблагонадежности, о чемъ и напечатано было въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Тотъ же духовникъ, вопреки распоряженію епархіальнаго начальства, предложилъ выбрать опять того самаго благочиннаго, удаленнаго по неблагонадежности. Къ стыду выбравшихъ, пресвященный, разумѣется, не утвердилъ акта, а велѣлъ принять должность благочиннаго старшему кандидату. Служба и этого была непродолжительна. 8-го февраля текущаго года съѣхались выбирать благочиннаго по истеченіи трехлѣтія. При этомъ выборѣ 8-го февраля состоялся неслыханный казусъ, совершенный какимъ-то причетникомъ. На этотъ разъ избирательными урнами были не картонны, а два неуклюжихъ ящика, накрытые избитой парчей. Зато, вмѣсто шаровъ и орѣховъ, орудіемъ избранія служили сырыя картофелины. Ихъ также клали, какъ орѣхи, и точно также о. духовникъ предлагалъ кого нужно выбрать, да совѣтъ его уже не имѣлъ прежняго успѣха. А отъ этого немудрено, что онъ, оскорбленный невниманіемъ духовенства, просмотрѣлъ, какъ одинъ изъ причетниковъ, недовольный вѣроятно избираемымъ, опускаая картофель то въ тотъ ящикъ, то въ другой, чтобы не быть замѣченымъ, забралъ изъ праваго ящика неизвѣстное число чужихъ картофелинъ, и наполнилъ ими ящикъ лѣвый».

- XIII. — **НОВЫЯ КНИГИ.** — Исторія цивилизаціи Германіи. *І. Шерра*. Первая половина. — Нравственная философія. *Рамфа Уальда Эмерсона*, въ 2-хъ частяхъ. — Угро. Литературный и политическій сборникъ, издаваемый *М. Поюдинымъ*. — Неотъемлемое право женщинъ. *Луиза Отто* 50
- XIV. — **ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.** — ОБЪ УБИТОЧНОСТИ ВОЙНЪ. (Leroy Beaulieu, Les guerres contemporaines. 1868, Revue Nationale, février). — Крымская кампанія. — Пгальпская война 1859 года. — Амерпгальпская междоусобная война 1862—65 г. — Германпская война 1866 г. — Далекія экспедиціи французовъ. **В. И. Покровскаго** . 76
- XV. — **СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМЪТКИ.** — Нѣчто о радикализмѣ. — Лѣтнія извѣстія о голодѣ. — Приходъ и расходъ. — Отвѣтъ санктпетербургскаго оберъ-полиціймейстера на запросы о возрастающей дороговизнѣ. — Г-жа Вельяшева, г. Рени и отецъ Кириллъ. — Архангельскія колыбельни и мѣстный публицистъ. — Отечественая заботливость и частная предприимчивость. — Мысли и соображенія владимірскаго епархіального начальства о пользѣ централизаціи. — Выборы благочиннаго 99

Объявленія: отъ музыкальныхъ магазиновъ: М. Бернарда и А. Витнера; отъ книжнаго магазина С. В. Звонарева, и отъ чайнаго магазина П. С. Орлова.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ
1868 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30
печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

въ С.-Петербургѣ безъ доставки: | съ пересылкою или доставкою:
15 руб. серебромъ. | 16 руб. 50 коп. серебромъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Санктпетербургѣ:

Въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Литейной, домъ № 38.

въ отдѣленіи конторы:

На Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Меншикова, при книжномъ магазинѣ С. В. Фюнгера.

Въ Москвѣ:

Въ Конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи, въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. Г. Сокольева (бывшемъ И. В. Базунова).

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ».

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ДРАМАТИЧЕСКИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ

Ш Е К С П И Р А

ВЪ ПЕРЕВОДѢ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.

(съ портретомъ шекспира, гравированнымъ въ гвѣдцѣхъ.)

Издание **Н. А. НЕКРАСОВА** и **Н. В. ГЕРБЕЛИЯ.**

Четыре тома, въ 182 листа (2112 стр.) большого формата, изъ которыхъ каждый равняется 2 $\frac{1}{2}$ листамъ «Отечественныхъ Записокъ».

Содержаніе. Томъ I. «Литература и театр въ Англіи до Шекспира». Статья В. П. Водина. 1) «Коріолянъ» и 2) «Король Лиръ», въ пер. А. В. Дружинина, 3) «Отелло» и 4) «Тимонъ Аѳинскій», въ пер. П. И. Вейнберга, 5) «Сонъ въ Иванову ночь», въ пер. Н. М. Сатина, 6) «Много шума изъ ничего», 7) «Макбетъ» и 8) «Дѣвнадцатая ночь», въ пер. А. И. Кронеберга и 9) «Юлій Цезарь», въ пер. Д. Л. Михаловскаго.

Томъ II. 1) «Гамлетъ», въ пер. А. И. Кронеберга, 2) «Буря», въ пер. Н. М. Сатина, 3) «Троилъ и Крессида», 4) «Ричардъ II», 5 и 6) «Генрихъ IV», части 1-я и 2-я, въ пер. А. Л. Соколовскаго, 7) «Ромео и Джульетта», въ пер. Н. П. Грекова, 8) «Усмиреніе своенравной», въ пер. А. Н. Островскаго и 9) «Король Джонъ», въ пер. А. В. Дружинина.

Томъ III. 1) «Генрихъ V» и 2, 3 и 4) «Генрихъ VI», части 1-я, 2-я и 3-я, въ пер. А. Л. Соколовскаго, 5) «Ричардъ III», въ пер. А. В. Дружинина, 6) «Венеціанскій купецъ», 7) «Генрихъ VIII» и 8) «Какъ вамъ будетъ угодно», въ пер. П. И. Вейнберга и 9) «Антоній и Клеопатра», въ пер. Л. О. Корженевскаго.

Томъ IV. «Виліамъ Шекспиръ», біографія, составленная П. Н. Полевымъ. 1) «Зимняя сказка» и 2) «Периклъ», въ пер. А. Л. Соколовскаго, 3) «Конецъ всему дѣлу вѣнецъ», 4) «Виндзорскія прованцицы», 5) «Комедія Ошибокъ» и 6) «Безплодная усмія любви», въ пер. П. И. Вейнберга, 7) «Цимбелинъ» и 8) «Мѣра за мѣру», въ пер. Ф. В. Миллера, 9) «Титъ Андроникъ», въ пер. А. И. Рыжова и 10) «Два веронда», въ пер. В. Ф. Миллера.

Цѣна за томъ — **8 руб. 50 коп.** Первый томъ отдѣльно не продается.

